

Neber Howard Lane

Лев Николаевич Толстой

**Том 18. Избранные письма
1842-1881**

(Собрание сочинений в двадцати двух томах
#18)

В 18 том включены избранные письма Толстого за 1842-1881 гг. — к родным, друзьям, писателям, общественным деятелям.

<http://rulitera.narod.ru>

Содержание

1842	0021
* 1. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	
.....	0021
1845	0023
2. Т. А. Ергольской <перевод с французского> ..	
0023	
1846	0026
* 3. Н. Н. Толстому <перевод с французского> ..	
0026	
1849	0029
4. С. Н. Толстому ..	0029
* 5. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	
.....	0034
1850	0038
6. Т. А. Ергольской <перевод с французского> ..	
0038	
7. Т. Л. Ергольской <перевод с французского> ..	
0042	
8. Т. А. Ергольской <перевод с французского> ..	
0045	
1851	0049
9. М. Н. Толстой <перевод с французского> ..	
0049	
10. Т. А. Ергольской <перевод с французского> ..	
0050	

11. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0052
12. А. С. Оголину	0056
13. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0060
14. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0062
15. С. Н. Толстому и М. М. Шишкиной	0066
16. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0074
1852	0083
17. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0083
18. С. Н. Толстому	0091
19. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0099
20. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0105
21. С. Н. Толстому	0113
22. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0119
23. Н. А. Некрасову	0124
24. Н. А. Некрасову	0126
25. Н. А. Некрасову <неотправленное>	0127
26. Н. А. Некрасову	0130
27. С. Н. Толстому	0132
28. Н. А. Некрасову	0136
1853	0138

29. А. И. Барятинскому <черновое>	0138
30. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0141
31. Н. А. Некрасову	0144
32. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0145
1854	0149
33. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0149
34. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0157
35. С. Н. Толстому	0160
36. Н. А. Некрасову	0167
1855	0169
37. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0169
38. Н. А. Некрасову	0173
39. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0177
40. Н. А. Некрасову	0180
41. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0182
42. И. И. Панаеву	0185
43. И. И. Панаеву	0187
44. С. Н. Толстому	0189
45. И. И. Панаеву	0193
46. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0195

47. И. И. Панаеву	0196
48. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0197
49. М. Н. Толстой	0199
50. А. А. Краевскому	0201
1856	0202
51. Н. А. Некрасову	0202
52. М. Н. Толстой	0202
53. Д. В. Григоровичу	0205
54. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0206
55. М. Н. Толстой	0207
56. Н. А. Некрасову и И. Ф. Горбунову	0209
57. Н. А. Некрасову	0212
58. А. В. Дружинину	0217
59. Ег. П. Ковалевскому	0220
60. И. И. Панаеву	0225
61. А. В. Дружинину	0227
62. В. В. Арсеньевой	0229
63. В. В. Арсеньевой <неотправленное>	0236
64. В. В. Арсеньевой	0241
65. С. Н. Толстому	0247
66. В. В. Арсеньевой	0248
67. В. В. Арсеньевой	0249
68. В. В. Арсеньевой	0255
69. В. В. Арсеньевой	0267
70. В. В. Арсеньевой	0275
71. М. Н. Каткову <черновое>	0283

72. Т. А. Ергольской	0287
73. С. Н. Толстому	0289
74. В. В. Арсеньевой	0292
75. В. В. Арсеньевой	0297
1857	0301
76. В. В. Арсеньевой	0301
77. С. Н. Толстому	0303
78. А. Н. Островскому	0305
79. Т. А. Ергольской и С. Н. Толстому	0306
80. В. В. Арсеньевой	0308
81. В. П. Боткину	0311
82. В. П. Боткину	0314
83. А. Н. Островскому	0317
84. М. Н. Толстой	0318
85. В. П. Боткину	0320
86. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0322
87. В. В. Арсеньевой	0324
88. П. В. Анненкову	0327
89. Д. Я. Колбасину	0328
90. В. П. Боткину	0330
91. И. С. Тургеневу <неотправленное> *	0334
92. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0337
93. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0340
94. П. В. Анненкову	0344
95. Т. А. Ергольской	0346

96. В. П. Боткину	0349
97. В. П. Боткину	0353
98. А. А. Толстой	0356
99. Н. А. Некрасову	0361
100. А. А. Толстой	0363
101. В. П. Боткину и И. С. Тургеневу	0368
102. Н. А. Некрасову	0374
103. Н. А. Некрасову	0376
1858	0378
104. В. П. Боткину	0378
105. Н. А. Некрасову	0387
106. Н. А. Некрасову	0389
107. А. А. Толстой	0391
108. Б. Н. Чичерину	0394
109. А. А. Толстой	0395
110. А. А. Толстой	0399
111. Е. Ф. Коршу	0404
112. Б. Н. Чичерину	0405
113. А. А. Толстой	0408
1859	0411
114. А. А. Толстой	0411
115. А. А. Толстой	0413
116. А. В. Дружинину	0418
117. А. А. Толстой	0420
118. В. П. Боткину	0426
119. А. А. Толстой	0428
120. А. А. Толстой	0429
121. А. В. Дружинину	0432

122. А. А. Толстой	0434
123. А. А. Фету и И. П. Борисову	0440
124. Б. Н. Чичерину	0443
125. А. В. Дружинину	0446
1860	0449
126. Б. Н. Чичерину	0449
127. И. П. Борисову и А. А. Фету	0452
128. А. А. Фету	0454
129. Ег. П. Ковалевскому	0459
130. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0467
131. С. Н. Толстому	0470
132. А. А. Толстой	0474
133. А. А. Фету	0476
134. А. А. Толстой	0480
1861	0483
135. А. И. Герцену	0483
136. С. Н. Толстому и Т. А. Ергольской	0485
137. А. И. Герцену	0488
138. А. И. Герцену	0491
139. Т. А. Ергольской <перевод с французского>	0493
140. Б. Н. Чичерину <неотправленное>	0495
141. А. А. Фету	0497
142. А. А. Толстой	0499
143. И. С. Тургеневу	0502
144. А. А. Фету	0503
145. М. Н. Каткову	0504

146. А. А. Толстой	0505
147. И. С. Тургеневу	0509
148. Б. Н. Чичерину	0509
149. Б. Н. Чичерину	0512
150. А. А. Фету	0514
1862	0515
151. В. П. Боткину	0515
152. Н. Г. Чернышевскому	0518
153. А. А. Толстой	0519
154. М. Н. Каткову	0519
155. П. А. Плетневу	0521
156. А. А. Толстой	0522
157. С. Н. Толстому	0525
158. С. А. Рачинскому	0528
159. А. А. Толстой	0531
160. Александру II	0540
161. А. А. Толстой	0543
162. А. А. Толстой	0546
163. А. А. Толстой	0547
164. Е. Н. Ахматовой	0548
165. М. П. Погодину	0551
166. А. А. Толстой	0552
167. М. Н. Каткову	0554
168. М. Н. Каткову	0555
1863	0556
169. Т. А. Берс	0556
170. А. А. Фету	0563
171. М. Н. Толстой	0565

172. Е. Н. Ахматовой	0566
173. А. А. Толстой	0567
1864	0571
174. Т. А. Берс	0571
175. С. Н. Толстому	0575
176. М. П. Погодину	0579
177. А. А. Берсу	0580
178. М. Н. Каткову	0581
179. С. А. Толстой	0583
180. П. И. Бартеневу	0587
181. С. А. Толстой	0588
1865	0594
182. М. Н. Каткову	0594
183. А. А. Толстой	0596
184. А. А. Фету	0599
185. Л. И. Волконской	0602
186. А. А. Фету	0604
187. А. А. Толстой	0607
188. П. Д. Боборыкину <неотправленное> *	0611
189. А. Е. Берсу	0614
190. А. А. Толстой	0618
191. А. А. Толстой	0625
192. А. А. Фету	0632
1866	0634
* 193. Н. А. Любимову	0634
194. М. С. Башилову	0635
195. А. А. Фету	0639

196. М. С. Башилову	0644
197. А. А. Фету	0645
197а. С. А. Толстой	0648
198. С. А. Толстой	0652
199. М. С. Башилову	0656
1867	0660
200. Ю. Ф. Самарину <неотправленное> *	0660
201. М. С. Башилову	0665
202. П. И. Бартеневу	0667
203. А. А. Фету	0668
204. П. И. Бартеневу	0671
205. С. А. Толстой	0673
206. П. И. Бартеневу	0675
207. П. И. Бартеневу	0676
208. П. И. Бартеневу	0677
209. П. И. Бартеневу	0678
210. П. И. Бартеневу	0679
1868	0681
211. М. П. Погодину	0681
212. Редактору «Русского инвалида»	0682
213. П. И. Бартеневу	0683
214. М. П. Погодину	0686
1869	0689
215. С. А. Толстой	0689
216. П. И. Бартеневу	0691
217. П. И. Бартеневу	0693
218. А. А. Фету	0694
219. А. А. Фету	0695

220. С. А. Толстой	0697
1870	0700
221. А. А. Фету	0700
222. А. А. Фету	0702
223. Н. Н. Страхову <неотправленное>	0703
224. А. А. Фету	0709
225. А. А. Фету	0711
226. Н. Н. Страхову	0712
227. С. С. Урусову	0714
228. Н. А. Чаеву	0715
1871	0716
229. А. А. Фету	0716
230. В. П. Мещерскому <неотправленное>	0718
231. Н. Н. Страхову	0721
232. Т. А. и А. М. Кузминским	0726
1872	0730
233. А. А. Толстой	0730
234. А. А. Толстой	0732
235. А. Ф. Писемскому	0736
236. Н. Н. Страхову	0737
237. Н. Н. Страхову	0740
238. А. А. Толстой	0744
239. Н. Н. Страхову	0746
240. А. А. Толстой	0748
241. А. А. Толстой	0751
242. А. А. Толстой	0757
243. А. А. Толстой	0760
1873	0767

244. П. Д. Голохвастову	0767
245. В. К. Истомину	0768
246. П. Д. Голохвастову	0770
247. А. А. Фету	0772
248. А. А. Толстой	0775
249. Е. В. Барсову	0777
250. Н. Н. Страхову <неотправленное>	0778
251. П. Д. Голохвастову <неотправленное>	0782
252. П. Д. Голохвастову	0783
253. Н. Н. Страхову	0786
254. А. А. Фету	0789
255. Н. Н. Страхову	0790
256. Издателям «Московских ведомостей»	0793
257. Н. Н. Страхову	0796
258. А. А. Толстой	0798
259. Н. Н. Страхову	0801
260. Н. Н. Страхову	0803
261. Н. Н. Страхову	0805
262. Н. Н. Страхову	0808
1874	0810
263. Н. Н. Страхову	0810
264. Н. Н. Страхову	0812
265. А. А. Толстой	0814
266. Т. А. Кузминской	0819
267. К. С. Веселовскому	0820
268. Н. Н. Страхову	0821
269. А. С. Суворину	0822
270. А. А. Толстой	0825

271. Н. Н. Страхову	0827
272. Н. А. Некрасову	0828
273. Н. А. Некрасову	0830
274. Н. Н. Страхову	0832
275. Н. А. Некрасову	0833
276. Н. А. Некрасову <неотправленное>	0834
277. Н. Н. Страхову	0835
278. А. А. Толстой	0837
1875	0840
279. М. Н. Каткову	0840
280. Н. Н. Страхову	0841
281. Е. И. Менгден	0844
282. А. А. Фету	0847
283. Н. Н. Страхову	0849
284. Архимандриту Леониду (Л. А. Кавелину)	0851
285. Н. А. Некрасову	0853
286. Н. Н. Страхову	0855
287. Н. Н. Страхову	0857
288. А. А. Фету	0860
289. А. А. Фету	0863
1876	0864
290. Е. В. Львову	0864
291. А. А. Толстой	0867
292. П. Д. Голохвастову	0869
293. А. А. Толстой	0872
294. Н. Н. Страхову	0875
* 295. М. Н. Каткову	0877

296. Н. Н. Страхову	0878
297. А. А. Фету	0882
298. Н. Н. Страхову	0885
299. Я. П. Полонскому	0888
300. Н. Н. Страхову	0889
301. А. А. Фету	0891
302. П. И. Чайковскому	0893
1877	0895
303. А. А. Фету	0895
304. Н. Н. Страхову	0897
305. А. А. Толстой	0899
306. А. А. Фету	0901
307. А. А. Фету	0903
308. С. А. Рачинскому	0904
309. Н. Н. Страхову	0906
310. Н. Н. Страхову	0908
311. Н. Н. Страхову	0909
312. В редакцию «Нового времени» <неотправленное>	0912
313. Н. Н. Страхову	0915
314. Н. Н. Страхову	0918
315. А. А. Фету	0920
316. Н. Н. Страхову	0921
317. Н. Н. Страхову	0923
318. Н. Н. Страхову	0924
319. Н. Н. Страхову	0926
320. Н. Н. Страхову	0927
1878	0930

321. П. И. Бартеневу	0930
322. Н. Н. Страхову	0931
323. А. А. Толстой	0934
324. С. А. Рачинскому	0937
325. Н. Н. Страхову	0939
326. А. А. Толстой	0947
327. А. А. Фету	0949
328. С. А. Толстой	0951
329. С. А. Толстой	0952
330. С. А. Толстой	0952
331. Ан. Н. Островскому	0953
332. П. Н. Свистунову	0954
333. А. А. Толстой	0956
334. Н. Н. Страхову	0957
335. А. А. Фету	0958
336. В. В. Стасову	0960
337. Н. Н. Страхову	0962
338. А. А. Толстой	0964
339. И. С. Тургеневу	0968
340. А. А. Фету	0969
341. П. И. Бартеневу	0971
342. П. Н. Свистунову	0971
343. П. Н. Свистунову	0973
344. Б. Н. Чичерину	0974
345. В. В. Стасову	0975
346. А. А. Фету	0977
347. Н. Н. Страхову	0979
348. И. С. Тургеневу	0981

349. Уильяму ролстону <перевод с английского>	0983
350. А. А. Фету	0985
351. П. Н. Свистунову	0986
352. А. А. Фету	0989
1879	0991
353. Н. Н. Страхову	0991
354. А. А. Толстой	0993
355. И. А. Толстому	0995
356. А. А. Фету	0998
357. А. А. Фету	1000
358. Н. Н. Страхову	1001
359. А. А. Толстой	1002
360. С. М. Соловьеву	1005
361. Н. К. Гирсу	1006
362. А. А. Фету	1007
363. А. А. Фету	1008
364. А. А. Фету	1009
365. С. А. Толстой	1011
366. Н. Н. Страхову	1012
367. Н. Н. Страхову <неотправленное>	1013
368. Н. Н. Страхову	1017
369. Н. Н. Страхову	1018
1880	1020
370. А. А. Толстой	1020
371. Н. Н. Страхову	1021
372. В. В. Стасову	1022
373. Н. Н. Страхову	1024

374. А. А. Фету	1025
375. Н. Н. Страхову	1026
376. Н. Н. Страхову	1027
1881	1030
377. Н. Н. Страхову	1030
378. Александру III <черновое> *	1032
379. К. П. Победоносцеву	1049
380. Н. Н. Страхову	1051
381. Н. Н. Страхову	1052
382. Н. Н. Страхову	1053
383. Н. Н. Страхову <неотправленное>	1057
384. С. А. Толстой	1061
385. И. С. Тургеневу	1063
386. В. И. Алексееву	1064
387. Н. Н. Страхову	1068
388. В. К. Истомину	1070

Лев Николаевич Толстой
Собрание сочинений в
двадцати двух томах
Том 18. Избранные письма
1842-1881

1842

*** 1. Т. А. Ергольской**
<перевод с французского>

1842 г. *Марта 2. Казань.*
Дорогая тетенька.

Вот мы и снова в Казани*, которая в весьма жалком виде. Что касается зданий, огнем уничтожено все, что было красивого. Наша улица, которая не из лучших, уцелела;* однако же дом наш был в опасности, так как все вокруг нас стало жертвой огня. В то время мы были в Панове*, откуда был виден ночью огонь, а днем дым.

Сережа и Митенька поступают будущей весной в университет и теперь много работают*. Лихорадка не захотела со мной расстаться окончательно и еще два раза меня посетила. Надеюсь, однако, что теперь она испугается пилюлей и прочих лекарств, которых я наглотался.

Целую ручки тете Лизе*, кланяюсь Пашеньке*, Терезии Антоновне и Петечке*. Прощайте,

дорогая тетенька, прошу вас верить уваже-
нию и любви вашего покорного племянника
Л. Толстого.

1845

2. Т. А. Ергольской

<перевод с французского>

1845 г. Августа 25... 28. Казань.

Хотя и с опозданием, а все-таки я вам пишу; себе в оправдание я мог бы много наврать, но я этого не сделаю, а просто сознаюсь, что я негодяй, не заслуживающий вашей любви. И хотя он сознает это и также всем сердцем вас любит, но у него столько недостатков, притом он такой лентяй, что не умеет доказать вам своей любви. А за нее простите его. Вот уже три дня, что мы в Казани*. Не знаю, одобрите ли вы это, но я переменял факультет и перешел на юридический*. Нахожу, что применение этой науки легче и более подходяще к нашей частной жизни, нежели другие; поэтому я и доволен переменой. Сообщу теперь свои планы и какую я намереваюсь вести жизнь. Выезжать в свет не буду совсем. Буду поровну заниматься музыкой, рисованьем, языками и лекциями в университе-

те. Дай бог, чтобы у меня хватило твердости привести эти намерения в исполнение. У меня к вам просьба, милая моя тетенька, с которой я ни к кому не обратился бы. Но я знаю, как вы добры и снисходительны. Я обещал себе писать вам два раза в неделю; конечно, и вы будете столько же мне писать. Но ежели мне случится не выполнить своего обещания, не наказывайте меня, продолжайте писать, *пожалуйста*. Я рассчитываю, что таким образом у нас будет только две коротенькие беседы в неделю — это не то, что наши продолжительные разговоры в *Ясном*, когда мой камердинер уходил ужинать! А ежели вы будете лишать меня своего письма каждый раз, как я это буду заслуживать... Нет, вы этого не делаете, вы все-таки будете мне писать. Вы видите, что о себе я все вам сообщаю, теперь очередь за вами. Состояние милой *Пашеньки* меня очень интересуется, За горе, вызванное расставанием с вами, я был вознагражден встречей с *Николенькой**. Бедный мальчик, ему плохо в лагере и особенно должно быть тяжело без копейки денег. А товарищи его... Бог мой! что за грубые люди. Как посмотришь на

эту лагерную жизнь, получишь отвращение к военной службе. Ежели вы в Ясном, милая тетенька, соберите, пожалуйста, все старые записки* и пришлите их с лошадьми и обозом. Тысячу раз целую ручки тете Лизе и целую Полину*. Прощайте, *маленькая тетенька.*

Лев Толстой.

1846

* З. Н. Н. Толстому

<перевод с французского>

1846 г. *Июня конец, Ясная Поляна.*
Наконец-то, кажется, мне удалось отделаться от своей привычки бездельничать... Доказательство этого — мое письмо к тебе. Уже около двух недель я в Ясном, конечно, со всеми нашими, однако я только с завтрашнего дня начну вести образ жизни согласный с моими правилами. Ты рассмеешься слову завтра, а я все еще надеюсь... Нужно тебе сказать, что я занимаюсь, и серьезно, хозяйством, потому что, во-первых, это занятие для меня, а во-вторых, это развлечение, так как я придумываю разные машины и усовершенствования. Не знаю, говорил ли я тебе о трех книгах, которые я пишу, одна под заглавием «Разное», другая «Что нужно для блага России» и «Очерк русских нравов» и третья «Примечания насчет, хозяйства»*.

Так вот эти книги уже существуют, и мне

очень хотелось бы, чтобы первые две ты прочел. «Разное» будет содержать поэзию, фило-софию и вообще вещи не особенно красивые, но о которых приятно писать. О второй книге я тебе говорил. Так ежели бы ты захотел, мы могли бы пересылать друг другу сочиненное, которое мы нашли бы достойным почтовой платы — *гривенника*. Ты, вероятно, удивишься тому, что я говорю о стихотворениях. Я попытался в дороге сочинять, и это мне удалось. Путешествие вдохновляет. Знаешь, при каждой встрече с тетей Туанеттой* я нахожу в ней все больше и больше высоких качеств. Единственный недостаток, который можно в ней признать, это чрезмерная романтичность. Происходит это от ее горячего сердца и от ума, которые нужно было бы куда-нибудь на-править, а за неимением этого она всюду отыскивает романтизм.

Твой образ жизни, который ты мне описал, тебе очень подходит, и, вероятно, ты им дово-лен. Ты написал мне два письма*, в которых описываешь подробно, как ты живешь, но ме-ня это не удовлетворяет. Хочу, чтобы ты ска-зал мне, что занимало и теперь занимает

твои мысли. Что же касается меня, скажу, что мне грустно, потому что я все еще недоволен собою. Думаю, что сплин происходит именно от этого душевного состояния. Сережа привел своих лошадей в Тулу, чтобы пустить их на бега. Он все тот же и хочет самого себя уверить, что его лошади лучшие во всем мире. Митенька уехал в Щербачевку обращать малороссов*, Машенька*, по моему наблюдению, стала держаться более непринужденно и любезно и мне даже кажется, слегка увлекается Дьяковым. В твоих двух письмах стало меньше орфографических ошибок. Напиши мне, много ли их у меня.

Тетенька сердится, говорит, что пора идти ужинать и что я ничего не умею делать во время.

Прощай, за этим письмом вскоре последует другое. Пиши мне подлиннее; я уже испытываю удовольствие от чтения писем брата, которого люблю. А ты, кажется, еще нет. Ну, это придет.

Лев Толстой.

1849

4. С. Н. Толстому

1849 г. *Февраля 13. Петербург.* 13-го февраля.

Сережа!

Я пишу тебе это письмо из Петербурга*, где я и намерен остаться навеки. Планы мои и причины этого решения следующие: несколько дней после твоего отъезда* мы отправились тоже в противную сторону — мы, то есть Ферзен, Озеров и я. Приехавши, остановились я и Озеров на углу Малой Морской и Вознесенского проспекта в гостинице «Наполеона» (я пишу это для того, чтобы адрес знал), я на другой день отправился к Лаптевым, к Толстым, к Оболенскому, к Пушкину, Милютина нашел, Иславиных тоже и пр., представили меня многим и мне многих. Одним словом, что как-то сделалось так, что знакомых гораздо больше здесь, чем в Москве, и *достоинством выше.*

Все меня уговаривают остаться и служить,

кроме Ферзена, Львова (Ферзен, в скобках буде сказано, здесь что-то гадок, так себе, тише воды, ниже травы). Львов ничего, тот у великой княгини был на бале и так часто бывает, а все грустит по Маше* и завтра едет опять в Москву.

Я и решился здесь остаться держать экзамен и потом служить*, ежели же не выдержу (все может случиться), то и с 14 класса начну служить, я много знаю чиновников 2-го разряда, которые не хуже и вас перворазрядных служат. Короче тебе скажу, что петербургская [жизнь] на меня имеет большое и доброе влияние, она меня приучает к деятельности и заменяет для меня невольное расписание; как-то нельзя ничего не делать; все заняты, все хлопчут, да и не найдешь человека, с которым бы можно было вести беспутную жизнь — одному нельзя же.

Я знаю, что ты никак не поверишь, чтобы я переменялся, скажешь: «Это уже в 20-й раз, и все пути из тебя нет, самый пустяшной малой»; нет, я теперь совсем иначе переменялся, чем прежде менялся: прежде я скажу себе: «Дай-ка я переменюсь», а теперь я вижу, что я

переменился, и говорю: «Я переменился».

Главное то, что я вполне убежден теперь, что умозрением и философией жить нельзя, а надо жить положительно, то есть быть практическим человеком. Это большой шаг и большая перемена, еще этого со мною ни разу не было. Ежели же кто хочет жить и молод, то в России нет другого места, как Петербург; какое бы направление кто ни имел, всему можно удовлетворить, все можно развить и легко, без всякого труда. Что же касается до средств жизни, то для холостого жизнь здесь вовсе не дорога, все, напротив, дешевле и лучше московского; нипочем квартира. Сейчас приезжал ко мне Оболенский и привозил письмо, только что полученное им от *брата Димитрия. Ужас**. Я посылаю тебе это письмо, сам полюбуйся. Что, ежели бы я с Оболенским не был так же хорош, как с Львовым и этими господами, я бы ускакал из Петербурга. Да он меня выживет отсюда, я только я жду, что он Шереметеву такое же письмо напишет, вот допекает-то. Разрешение обещаются, однако же, на днях выслать*. Теперь пишу тебе о делах. Сделай милость, пошли за Андреем* и

объясни ему, что мне деньги как можно больше нужно, во-первых, чтобы жить здесь, во-вторых, чтобы расплатиться с долгами в Москве. Ежели хлеба недостаточно, чтобы мне в скором времени доставить сверх 250 и 500 р. сер., о которых я уже писал, еще 800 р. сер., так, ради бога, продай Савин лес или, ежели же и этого мало будет, то у Копылова за вычетом процентов вперед еще возьми; при продаже Савина леса первое условие: все деньги вперед. Деньги мне нужны не для житья моего здесь, но для уплаты долгов в Москве и здесь, которых с орловским проклятым долгом* оказалось 1200 р. сер. Надеюсь на тебя, *брат Сергей*, что ты мне все это обделаешь, похлопочешь и разрешение на лес из Опекунского московского совета, да и поглядывай, пожалуйста, изредка на Андрея Ильина и в ясенские счетные и хлебные книги. Всем нашим передай, что я всех *целую* и *клянюсь* и что летом в деревне, может, буду, может, нет; мне хочется летом взять отпуск и поездить по окрестностям Петербурга, в Гельсингфорс и в Ревель тоже хочу съездить; напиши мне, ради бога, хоть раз в жизни; мне

хочется знать, как ты и все наши эту новость примут, проси и их от меня писать; я же писать к ним боюсь, так давно не писал я к ним, что они, верно, сердятся, особенно перед тетенькой Татьяной Александровной мне совестно, попроси у нее от меня прощения. Оболенский тебе кланяется. Можешь себе представить, что Алеша Пушкин здесь *лев*, однако я его еще не видал.

Скажи, пожалуйста, Андрею, чтобы он мне писал; а то уже месяц, как я никаких известий ни от кого не получаю, не говоря уже [о] чувствах любви и т. п., денег-то у меня нет ни гроша.

Я все думаю, как это *брат Дмитрий* такое письмо вздумал написать, и решительно, кроме того, что он был пьян, для его же чести придумать не могу.

* 5. Т. А. Ергольской
<перевод с французского>

1849 г. *Февраля конец. Петербург.*
Простите меня, простите, дорогая тетенька, что я так долго не писал вам. Я не пытаюсь перед вами оправдываться, а *откровенно сознаюсь*, что я негодный, да к тому же я знаю, что вы и не способны на меня сердиться.

Пишу вам из Петербурга, где я нахожусь уже около месяца. Вот как это произошло: приблизительно в конце января двое моих приятелей — Ферзен и Озеров ехали в Петербург. У меня были деньги, и я сел с ними в дилижанс и уехал. Приехав в Петербург, я сделал несколько визитов — *П. В. Толстой, Пушкину, Оболенскому, Лаптеву.*

Я встретился с несколькими друзьями детства — *Иславимыми, Милютиными, графами Пушкиными* — все это вполне порядочные люди, которые убеждают меня здесь остаться. И действительно петербургский образ жизни мне нравится. Здесь у каждого свое дело, каж-

дый работает и занят своими делами, не беспокоясь о других. Хотя подобная жизнь суха и эгоистична, тем не менее она необходима нам, молодым людям, неопытным и не умеющим браться за дело. Жизнь эта приучит меня к порядку и деятельности, двум необходимым качествам, которых мне решительно недостает, словом, к положительной стороне жизни.

Что касается моих планов, вот они: прежде всего хочу выдержать экзамен на кандидата в Петербургском университете; затем поступить на службу здесь или в ином месте, смотря как укажут обстоятельства. Относительно лета, как и вы, строить планов не хочу. Может быть, останусь здесь; быть может, поеду в Ревель, быть может, в Тулу*. Ежели мне удастся все, тогда и решить будет легко.

Не удивляйтесь всему этому, дорогая тенька, во мне большая перемена; я не в том экзальтированном философском настроении, за которое вы меня так часто бранили в Ясном, и более чем когда-либо я сознаю справедливость ваших советов во всех отношениях. Часто я говорю об этом с Костенькой Исла-

виным, который вас обожает.

Умоляю, сообщите о себе и о всех наших, включая и Николеньку, который, наверное, вам пишет. Я так давно потерял вас из виду, что, кажется, скоро забуду, как зовут моих теток, братьев и сестер.

Вот мой адрес: *на углу Вознесенского проспекта и Малой Морской, в гостиницу «Наполеона».*

Что приключилось с Андреем? Недели две тому назад я написал ему важное для меня письмо, а он не изволит ни отвечать мне, ни исполнять моих приказаний, несмотря на то что я велел ему писать мне с каждой почтой*. Вероятно, он очень удивился, что я предлагаю *Гаше* приехать ко мне в Петербург*. Прошу вашего совета на этот счет. Разве я нехорошо придумал выписать *Гашу*, чтобы она вела мое хозяйство? Ежели она согласится, пусть сама и решит, ехать ли мальпостом или на своих.

Пришлите мне, пожалуйста, каталог моей библиотеки и прикажите Андрею послать в Москву за фортепяно и часами и доставить их в *Ясное*.

Целую ваши ручки и прошу ответа.

Гр. Лев Толстой.

1850

Б. Т. А. Ергольской

<перевод с французского>

1850 г. *Декабря 7. Москва*
Четверг, 7 декабря.

Дорогая тетенька.

Приехал я в Москву во вторник, в 5 часов утра, живой, но не здоровый; мой флюс увеличился, я сижу дома и за два дня, что я в Москве, выехал только раз, ездил в часовню Иверской божьей матери, где заказал молебен. Я поручил дела, покуда сам не выезжаю, Петру*, которого застал в большом горе. А может быть, он и прикидывается. Вчера утром он явился в отчаянии с перекошенным лицом, бросился мне в ноги и стал просить прощения, что у него, пьяного, стащили 500 р. сер., которые он должен был внести в банк. Рассказ об этом несчастье из уст такого великого оратора, как вы легко себе представляете, был очень трогателен и очень длинен, поэтому я вас избавлю от него. Он подал заявле-

ние в полицию, в результате 350 р. сер. уже разыскали, остальные же 150 р., вероятно, пропали бесследно. Согласитесь, что беда не велика. В банке он устроил дела не совсем так, как бы этого хотелось, но сносно — срок платежа только отсрочен. Обо всем этом подробно пишу Сереже.

Приехал я прямо к князю Сергею*, чтобы узнать о своих людях, которых я застал еще там. Квартира еще не нанята из-за задержки, происшедшей с посланными мною по почте 25 р. Николеньке. Таким образом, я принужден был остановиться в гостинице, но только на несколько часов, и оттуда я перебрался на свою квартиру; я ею очень доволен, она в доме Лобова *Сивцев Вражек в Старой Конюшенной*, плата 40 р. сер. в месяц с моими дровами, всего обойдется в 50 р.

Из знакомых видал только Исленьева, который продолжает играть, следовательно, и проигрывать; Озерова, очень счастливого, который приезжал ко мне со своей женой, и Дмитрия Колошина, который по-прежнему жалуется на своих родителей.

Так как вы охотница до трагических исто-

рий, расскажу вам ту, которая наделала шуму по всей Москве. Некто Кобылин содержал какую-то г-жу Симон, которой дал в услужение двоих мужчин и одну горничную. Этот Кобылин был раньше в связи с г-жой Нарышкиной, рожденной Кнорринг, женщиной из лучшего московского общества и очень на виду. Кобылин продолжал с ней переписываться, несмотря на свою связь с г-жой Симон. И вот в одно прекрасное утро г-жу Симон находят убитой, и верные улики указывают, что убийцы ее — ее собственные люди. Это бы куда ни шло, но при аресте Кобылина полиция нашла письма Нарышкиной с упреками ему, что он ее бросил и с угрозами по адресу г-жи Симон. Таким образом, и с другими возбуждающими подозрения причинами предполагают, что убийцы были направлены Нарышкиной*.

Я не рассказал вам, какую непростительную штуку проделал со мной Андрей в Туле. Представьте себе, что вместо того, чтобы дать мне подписать, как было условлено, вексель в 250 р., он хотел, чтобы я подписал его, надеясь, что я не прочту бумаги, что со мной часто случается. Какая мерзость! М-ль Вергани про-

сила меня узнать, как послать деньги в Вену. Пусть она пришлет их мне, и я перешлю их безотлагательно; или же, ежели она это предпочитает, она может сама послать их на *Марсейку, в контору Бургарта, в собственный дом*. Сергей Колошин не женат, как были о том слухи, но он остепенился и много работает над переводами романов для журналов и пишет повести, которые печатаются*. Я не читал ничего из написанного им, но говорят, что он очень талантлив, и что его маленькие вещицы очень милы. По крайней мере, он честно зарабатывает свой хлеб и зарабатывает его больше, чем приносят 300 душ крестьян. Целую ваши руки и жду письма со всевозможными подробностями обо всем. *Гаше кланяюсь*, чтобы доставить ей удовольствие.

7. Т. Л. Ергольской
<перевод с французского>

1850 г. Декабря 9. Москва
9 декабря.

Дорогая тетенька!

Флюс у меня проходит, но я еще не выхожу из дому, а рассчитываю это сделать завтра, т. е. в воскресенье.

Поеду к графу Закревскому, к *Крюкову*, к старикам Перфильевым и к обоим князьям Горчаковым, Андрею и Сергею. Словом, завтрашний день я посвящаю визитам деловым и обязательным.

Третьего дня я послал сказать князю Львову, что я приехал и болен; он тотчас навестил меня и хотя он во многом изменился, но дружелюбен остался по-прежнему. Огареву я тоже дал знать, что приехал и желаю его видеть. Он тотчас явился, передал мне с большими извинениями мои два векселя, но денег, которые мне должен, не отдал. Его репутация совсем погублена в Москве. Жена его беременна, и он со дня на день ждет родов.

Рассказать вам больше нечего, сидя дома, не становишься интересным. Зато читаю я много; абонировался у Готье* и уже прочел конец «Виконта де Бражелон»*, прочел еще 4 тома «Людовика XIV и его время» Александра Дюма*, поверхностно, но интересно и его же новый роман — «Тысяча и одно привидение»*, такая масса вздора, что мочи нет. *Нет худа без добра*; говорю это по поводу того, что я отчасти рад, что болезнь меня продержала дома целую неделю; по крайней мере успел устроиться, *оглядеться*, а то могло бы произойти то же, что с Машенькой в Пирогове; я уже писал вам, что моя квартира очень хороша, она состоит из четырех комнат: столовая с маленьким роялем, который я взял напрокат, гостиная с диванами, 6 стульями, столами орехового дерева, накрытыми красным сукном, и тремя зеркалами, кабинет, где мой письменный стол, бюро и диван, постоянно напоминающий мне наши споры по поводу его, и еще комната, которая достаточно велика, чтобы служить и спальней и уборной, да еще маленькая прихожая; обедаю я дома, ем *щи* и *кашу* и вполне доволен; жду только варенье и

наливку, и тогда будет все по моим деревенским привычкам. За 40 р. сер. приобрел сани, *пошевни*, которые здесь в моде, Сережа, наверное, знает какие, и купил всю упряжь, очень нарядную.

Кстати о Сереже, скажите ему, что я еще не был у Крюкова, потому что не был нигде, что проценты в банк внесены, и что все, что он хотел знать относительно дел, разъяснено в прилагаемой бумаге, переданной мне Петром, которого я послал еще раз в банк, чтобы разузнать все повернее.

Еще скажите ему, что письмо это придет десятого, т. е. — в срок, в который он обещал мне уплатить; напомните ему также прислать мне оба аттестата* и ответ князя Аникеева, которому я прошу его сказать, что я недоволен его часами и согласен обменять их обратно. *Копылов* сыграл со мною также плохую шутку; он мне дал записку к своему московскому комиссионеру, который должен был уплатить мне за проданные ему 80 четвертей ржи; денег я до сих пор не получил, что мне чрезвычайно неприятно, так как за уплату вперед я сделал скидку в 50 коп. на четверть.

Прощайте, целую ваши ручки, удивляюсь, что от вас еще нет письма. В прошлый раз совсем забыл *Николая Сергеевича**, но я уверен, что вашей доброй внимательностью вы исправили мою забывчивость, сказав ему, что я ему кланяюсь. Скажите ему, что у меня еще не было времени приложиться к мощам, но исполню это, как только поправлюсь.

В многолюдстве не рассеиваюсь и игрокам не поддаюсь. Николая Сергеевича помню.

Какие известия о братьях и Машеньке?

8. Т. А. Ергольской **<перевод с французского>**

1850 г. Декабря 11. Москва.
11 декабря.

Вчера был у гр. Закревского, у князя Андрея, у которого обедал, у Перфильевых, у графини*, с которой, против всяких ожиданий, мы оказались такими друзьями, что она хочет непременно меня женить. Князь и княгиня до такой степени любезны, что даже страшно.

Вчера был я в двух клубах, в Английском

и в Дворянском, играл в вист и выиграл 10 руб. Думаю, что крупно играть не буду, как намеревался. Все клубы полны проходимцами, которые играют, не имея копейки за душой. Утром пришла посылка из деревни, которая доставила мне письма от вас* и Сережи*. За ваше — благодарю. Ваши советы и теперь, и в будущем мне полезны. Сереже скажите, что все будет исполнено, как он того желает. Очень жаль, что вы не смогли прислать мне *наливку*, постараюсь утешиться ликером. Сейчас отправляюсь еще с визитами к *Крюкову*, к *Канивальским* и *Дьяковым*. Надеюсь продать одну из своих лошадей *Озерову*; ему очень хочется ее купить, и он в настоящее время при деньгах. В клубе я встретил *Канивальского*, который очень звал меня к себе, *Нащокина*, с которым говорили об охоте, и *Жданова*, который умолял меня отдать ему мой долг. Как мне это было неприятно, вы легко себе представляете.

После истории г-жи Симон теперь в Москве много шума с историей Гагарина. Вот в чем дело. Некто кн. Гагарин, прокутивший свое состояние, женится на богатой купчихе,

захватывает все ее приданое и бросает ее на другой же день свадьбы. С огорчения новая княгиня Гагарина заболевает и умирает. Вдовый Гагарин, вновь богатый, приезжает кутить в Москву, ездит по театрам, маскарадам и главным образом по женщинам. На одном из маскарадов он делает известные предложения французской актрисе, на которые получает ответ, что она согласна не иначе как повенчавшись. Князь уверяет, что иного он и не предполагал, и в подтверждение приглашает ее ехать тотчас (в 4 ч. утра) в церковь венчаться. Он предупреждает ее при этом, что обыкновенно церемония происходит с большим торжеством, причем на головы венчающихся надевают венцы, но что этот обычай не имеет никакого отношения к обряду и без него они будут не хуже обвенчаны. Приехав в церковь и выждав окончания утрени, кн. Гагарин просит священника отслужить молебен. После молебна француженка спрашивает, почему им не дали свеч в руки, что она сама видела на свадьбах. Гагарин отвечает, что церемония еще не окончена, нужно подождать, будет и это... и, подойдя к священ-

нику, просит его отслужить *панавиду*. К большому удовлетворению француженки им подали свечи. По окончании церемонии они едут спать, а на следующее утро Гагарин удирает к себе в *Тверь*. Убежденная в своем замужестве француженка едет с жалобой на своего супруга к гр. Закревскому, от которого и узнали эту историю, поэтому и в правдивости ее сомневаться не приходится. Прощайте, целую ваши ручки.

1851

9. М. Н. Толстой

<перевод с французского>

1851 г. Мая 26. Астрахань*.
у Владимира Ивановича* утро было великолепное, и под впечатлением бала и шампанского я очаровательно провел несколько часов. Г-жа Загоскина устраивала каждый день катания в лодке то в Зилантьево, то в Швейцарию и т. д., где я имел часто случай встречать Зинаиду*. Пушникова — классная дама и прехорошенькая. Барышни Чулковы отвратительны и все-таки классные дамы. Я так опьянен Зинаидой, что возымел смелость написать стихи:

Лишь подъехавши к Сызрану,
Я оцупал свою рану, и т. д.*

* Сызран — станция Симбирской губери.

Сейчас пришел Алешка* с чаем и оборвал нить моих мыслей. Прощай, целую тебя сто раз.

Ежели увидите Митеньку, скажите ему, что хорошо бы ему нам написать. Я не буду дожидаться его письма, напишу сам и адресую на вас.

10. Т. А. Ергольской
<перевод с французского>

1851 г. *Мая 27. Астрахань.*
27 мая. 1851.

Дорогая тетенька!

Мы в Астрахани и отправляемся в Кизляр, имея перед собой 400 верст ужаснейшей дороги. В Казани я провел неделю очень приятно, путешествие в Саратов было неприятно; зато до Астрахани мы плыли в маленькой лодке, — это было и поэтично и очаровательно; для меня все было ново — и местность, и самый способ путешествия. Вчера я послал длинное письмо Машеньке*, в котором описываю ей свое пребывание в Казани; не пишу об этом вам, чтобы не повторяться, хотя и уверен, что вы не будете сличать писем. До сих пор я очень доволен своим путешествием, вижу много, что возбуждает мысли, да и самая

перемена места очень приятна. Проездом в Москве я абонировался, поэтому книг у меня много, и читаю я даже в *тарантасе*. Затем, как вы отлично понимаете, общество Николенки весьма способствует моему удовольствию. Не перестаю думать о вас и о всех наших, иногда даже упрекаю себя, что покинул ту жизнь, которая мне была дорога вашей любовью; но я только прервал ее, и тем сильнее будет радость вас снова увидеть и к ней вернуться.

Я написал бы Сереже, ежели бы не торопился, откладывая до того, как устроюсь и буду поспокойнее. Поцелуйте его за меня и скажите ему, что я раскаиваюсь в том охлаждении, которое произошло между нами перед моим отъездом и в котором я упрекаю лишь себя. Прощайте, дорогая тетенька, тысячу раз целую ваши ручки.

11. Т. А. Ергольской <перевод с французского>

1851 г. Июня 22. Старый Юрт*.
Дорогая тетенька!

Я вам долго не писал, но и от вас получил всего несколько слов в письме Валерьяна*. *Позвольте вам за это сделать выговор.*

В конце мая приехал я в Старогладковскую здоров и благополучен, но немножко грустен. Я увидел вблизи образ жизни Николенки и познакомился с офицерами, которые составляют его общество. Этот образ жизни вначале не показался мне привлекательным, так как я ожидал, что край этот красив, а оказалось, что вовсе нет. Так как *станция* расположена в низкой местности, то нет дальних видов, затем квартира плоха, как и все, что составляет удобства в жизни. Офицеры все, как вы можете себе представить, совершенно необразованные, но славные люди и, главное, любящие Николенку. Его начальник, *Алексеев*, маленький человечек, *белокуренский*, рыжеватый, с хохолчиком, с усика-

ми и бакенбардами, говорящий пронзительным голосом, но прекрасный человек, добрый христианин, напоминающий немного *Алекс. Серг. Воейкова*, только он не ханжа. Затем *Бuemский*, молодой офицер — ребенок и добрый малый, напоминающий *Петрушу**. Затем старый капитан *Хилковский*, из уральских казаков, старый солдат, простой, но благородный, храбрый и добрый. Сознаюсь, что вначале многое меня коробило в этом обществе, потом я свыкся с ним, хотя не сошелся ни с одним из этих господ. Я нашел подходящую середину, в которой нет ни гордости, ни фамильярности; впрочем, в этом мне только приходилось следовать примеру *Николеньки*. Едва приехав, *Николенька* получил приказ ехать в *Староюртовское* укрепление для прикрытия больных в *Горячеводском* лагере. Недавно открылись горячие и минеральные источники различных качеств, целебные, говорят, для простудных болезней, для ран и, в особенности, для болезней... Говорят даже, что эти воды лучше *Пятигорских*. *Николенька* уехал через неделю после своего приезда, я поехал вслед за ним, и вот уже почти три

недели, как мы здесь, живем в палатке, но так как погода прекрасная и я понемногу привыкаю к этим условиям — мне хорошо. Здесь чудесные виды, начиная с той местности, где самые источники: огромная гора камней, гроздящихся друг на друга; иные, оторвавшись, составляют как бы гроты, другие висят на большой высоте, пересекаемые потоками горячей воды, которые с шумом срываются в иных местах и застилают, особенно по утрам, верхнюю часть горы белым паром, непрерывно поднимающимся от этой кипящей воды. Вода до такой степени горяча, что яйца свариваются (*вкрутую*) в три минуты. В овраге на главном потоке стоят три мельницы одна над другой. Они строятся здесь совсем особенным образом и очень живописны. Весь день татарки приходят стирать белье выше и ниже мельниц. Нужно вам сказать, что стирают они ногами. Точно копошащийся муравейник. Женщины в большинстве красивы и хорошо сложены. Восточный их наряд прелестен, хотя и беден. Живописные группы женщин и дикая красота местности — поистине очаровательная картина, и я часто часами

любуюсь ею. А сверху горы вид в другом роде и еще прекраснее; боюсь, однако, наскучить вам своими описаниями. Я рад, что я на водах и пользуюсь ими. Беру ванны из железистого источника, и боль в ногах прошла. У меня давно ревматизмы, а после путешествия по воде, вероятно, я еще простудился. Редко я был так здоров, как теперь, и, несмотря на сильную жару, я много двигаюсь. Офицеры здесь в том же роде, как те, о которых я вам говорил; их много. Я знаком со всеми, и наши отношения тоже такие, какие я вам описывал. Скажите Сереже, что я его целую и что то, что я написал вам, ровно то же, что я написал бы и ему, и что я жду от него письма. Он знает, что меня может интересовать, поэтому ему будет нетрудно заполнить письмо. Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки.

12. А. С. Оголину

1851 г. *Июня 22. Старый Юрт.*
22 июня.

Нет, только один Сызран действовал на меня стихотворно*. Сколько ни старался, не мог здесь склеить и двух стихов. Впрочем, и требовать нельзя. Я имею привычку начинать с рифмы к собственному имени. Прошу найти рифму «Старый Юрт», Старогладковка, и т. д. Великолепного описания тоже не ждите; только что послал два: одно в Москву*, другое в Тулу*, повторяться неприятно.

Зачем вам было нарушать мое спокойствие, зачем писали вы мне не про дядюшку*, не про галстук, а про «некоторых»*. А впрочем, нет, ваше письмо и именно то место, где вы мне говорите о некоторых, доставило мне большое удовольствие.

Вы шутите, а я, читая ваше письмо, бледнел и краснел, мне хотелось и смеяться и плакать. Как я ясно представил себе всю милую сторону Казани; хотя маленькая сторона, но очень миленькая. Сидит на жестком стуле Загоскина, подле нее развалившись m-me Мерт-

ваго, приходит в желтых панталонах с седенькой головкой с полусерьезным, с полуулыбающимся лицом Александр Степанович*, кладет шляпу. «Que devient-il ce cher procureur? Il devient mystérieux et sombre comme Neratoff. D'où venez-vous si tard?» И приподымается с жесткого стула, свертывает выкройки: «Варенька*, mettez votre chapeau et allez dire aux m-elles Molostoffs qu'on part*». Приходит, размахивая руками и стуча саблей, добрый немец полицеймейстер*. Он уж, чай, мороженое и апельсины выслал. Мимо окна вот и Тиле прокатил, опираясь на трость и заглядывая в окно с беспокойной улыбкой. Долгушки у подъезда. Как-то разместятся?

Выходит егоза Варенька с коротким носом, но с большими грудьми, говорит: «Maman, aujourd'hui c'est un jour heureux pour moi, j'ai vu deux fois m-me Burest*». Все общество слегка улыбается.

Потом Александр Степанович продолжает свой рассказ о бале, данном Львову. La reine Margot est le tapis de la conversation*. Слегка коснулись тоже Лебедевой, сказав, что она львица, но что у ней груди на спине. И

несмотря на частое повторение, сдержанная улыбка опять заиграет на устах слушателей.

Но вот заколыхалась зеленая шитая *portière*, выходит Молостовщина, дурные, но добрые Депрейс. Плутяки все веселенькие, свеженькие, в кисейных платицах, — так всех бы их и расцеловал.

Александр Степанович приподымается будто за шляпой, подходит к некоторым. Некоторые смотрят на него таким добрым, открытым, умным, ласкательным взглядом, как будто говорят: «Говорите, я вас люблю слушать». Выходят салопы, швейцар, тарантасы Тиле, апельсины. «Садись сюда, Варенька». «Оголин, здесь место есть». Поехали, а я, бедняжка, остался, только смотрю на это веселье. Брр* пропал в Астрахани, я думал — с ним и мое счастье, но ежели вы мне пишете такое милое и длинное письмо и говорите, что помнят обо мне в Казани, я могу еще быть счастливым без брра.

Без шуток, очень, очень вам благодарен за любезное письмо ваше. Напишите еще под веселый час, хотя вы и говорите, что в Казани скучно. Верю и соболезную. Завидуйте теперь

мне; вы имеете полное право; когда же воруются, о, как я буду вам завидовать. Я живу теперь в Чечне около Горячеводского укрепления в лагере, — вчера была тревога и маленькая перестрелка, ждут на днях похода*. Нашел-таки я ощущения. Но поверите ли, какое главное ощущение? Жалею о том, что скоро уехал из Казани; хотя и стараюсь утешать себя мыслью, что и без того бы они уехали, что все приедается и что не надо собой роскошничать.

Грустно. Прощайте, пожалуйста, до нового письма.

Брат вас благодарит и кланяется, ваш двоюродный брат* в Тифлисе. Загоскиной скажите, что... нет, лучше ничего не говорите, а ежели не найдете неприличным, лучше скажите Зинаиде Молостовой, que je me gappelle à son souvenir*.

Вам душевно преданный
граф Лев Толстой.
Адрес мой тот же.

13. Т. А. Ергольской <перевод с французского>

1851 г. Августа 17. Станица Старогладковская.

Дорогая и чудесная тетенька!

Вы мне говорили несколько раз, что вы пишете письма прямо набело; беру с вас пример, но мне это не дается так, как вам, и часто мне приходится, перечтя письмо, его разрывать. Но не из ложного стыда — орфографическая ошибка, клякса, дурной оборот речи меня не смущают; но я не могу добиться того, чтобы управлять своим пером и своими мыслями. Вот только что я разорвал dokonченное к вам письмо, в котором я наговорил то, чего не хотел, а что хотел сказать, того не сказал.

Вы, может быть, припишете это скрытности и упрекнете меня, говоря, что ее не должно быть с теми, кого любишь и о ком знаешь, что любим. Согласен; но согласитесь и вы, что все можно сказать тому, к кому равнодушен, а от дорогого человека многое хочется скрыть.

Дописал эту страницу и должен оговориться. Не примите этого за предисловие (*приготовление к чему-нибудь*) и не пугайтесь. Просто эта мысль пришла мне в голову, и я высказал ее вам. Третьего дня получил ваш ответ на мое первое письмо с Кавказа*. Ответ через два месяца — это ужасно! Особенно когда беспрестанно хочется говорить с вами.

Вы пишете: «Боюсь, чтобы мое письмо не показалось тебе чересчур длинным». Не для фразы я говорю: несмотря на то, что я перечитываю, по крайней мере, до десяти раз каждое ваше письмо, все они мне кажутся такими короткими, что я удивляюсь, как можно писать так мало, имея столько сказать. Вероятно, вы уже получили то письмо, в котором я писал вам о фортепьяно*. Ваши хорошие вести о намерениях Сережи по отношению к *Султанше** мне кажутся сомнительными. Простите меня за это, дорогая тетенька, но в том, что касается нас, я не могу слепо вам верить. Ваша беззаветная любовь к нам часто не дает вам правильно судить о настоящем положении вещей, но мне хотелось бы знать, какой линии держаться с Сережей. Как млад-

ший брат, я должен первый ему написать; так и сделаю и по его ответу разберусь. Две недели тому назад я расстался с Николенькой; он — в лагере при горячих источниках, а я — в его главной квартире. Вернется он в сентябре. Многие мне советуют поступить на службу здесь и в особенности князь Барятинский, которого протекция всемогуща. Как вы по-советуете? Прощайте, целую ваши ручки.

14. Т. А. Ергольской
<перевод с французского>

1851 г. *Ноября 12. Тифлис.*
12 ноября.

Тифлис

Дорогая тетенька!

Через 8 дней будет ровно 4 месяца, что я без вестей о вас; теперь я, по крайней мере, надеюсь, что ваши письма в *Старогладковской* и что не доходили они до меня из-за моего отсутствия. В последнем письме, от 24 октября*, я писал вам, что мы накануне отъезда в Тифлис. Мы действительно уехали 25 и после 7-дневного путешествия, скучнейшего из-

за того, что едва ли не на каждой станции не оказывалось лошадей, и приятнейшего из-за красоты местности, по которой мы проезжали, мы прибыли 1 числа в Тифлис. На другой день я явился к генералу Бримеру и представил ему как полученные из Тулы бумаги, так и собственную свою персону. Несмотря на свою немецкую услужливость и добрые намерения, генерал был принужден отказать мне в моем прошении; представленных бумаг недостаточно из-за отсутствия тех документов, которые в Петербурге*, и я должен их дожидаться. И я решил поэтому ждать их в Тифлисе; но так как срок отпуска Николеньки кончился, то он уехал три дня тому назад. Вы легко поймете, милая тетенька, как эта помеха мне неприятна, и по многим причинам: во 1-х, ежели я не получу этих бумаг через месяц, я откажусь от военной службы, так как я не смогу уже участвовать в зимнем походе, а это было моим единственным желанием, побудившим меня идти на военную службу. Во 2-х, при дороговизне здешней жизни, пребывание мое в городе месяц (а может быть, и дольше) да обратная дорога будут стоить

больших денег — и в 3-х, я так свыкся быть постоянно с Николенькой, что разлука с ним, хотя и на короткий срок, мне тяжела. К стыду своему сознаюсь, что только теперь я научился ценить, уважать и любить своего прекрасного брата так, как он этого заслуживает. И поминутно вспоминаются мне ваши добрые советы, дорогая тетенька. Как часто вы меня останавливали, когда я небрежно отзывался о Николеньке, и как вы были правы; говорю без притворной скромности, что Николенька во всех отношениях лучше нас всех. Совершенно неожиданно я встретил в Тифлисе петербургского знакомого — князя Багратиона, который для меня находка. Он умный и образованный человек. Тифлис — цивилизованный город, подражающий Петербургу, иногда с успехом, общество избранное и большое, есть русский театр и итальянская опера, которыми я пользуюсь, насколько мне позволяют мои скудные средства. Живу я в немецкой колонии — в предместье; оно мне вдвойне приятно тем, что это красивая местность, окруженная садами и виноградниками, и чувствуешь себя скорее в деревне, чем в городе (пого-

да еще прекрасная и теплая, и до сих пор не было ни мороза, ни снега); второе преимущество это то, что я плачу за две довольно чистые комнаты 5 р. сер. в месяц, тогда как в городе подобная квартира стоила бы не менее 40 р. сер. в месяц. Сверх того я имею даром практику в немецком языке. У меня есть книги, занятия и досуг, никто мне не мешает, так что, в общем, я не скучаю. Помните, добрая тетенька, что когда-то вы посоветовали мне писать романы; так вот я послушался вашего совета — мои занятия, о которых я вам говорю, — литературные. Не знаю, появится ли когда на свет то, что я пишу, но меня забавляет эта работа, да к тому же я так давно и упорно ею занят, что бросать не хочу*. Вот вам точный отчет о моих занятиях, что же касается моих дальнейших планов, то ежели я не поступлю на военную службу, я постараюсь устроиться на гражданской, но здесь, а не в России, *чтобы не говорили, что я баклуши бью*. Во всяком случае, я никогда не буду раскаиваться, что приехал на Кавказ, — эта внезапно пришедшая в голову фантазия принесет мне пользу. Прощайте, целую ваши ручки

и жду писем. Адресуйте просто в Грузию, в Тифлис.

15. С. Н. Толстому и М. М. Шишкиной

1851 г. Декабря 23. Тифлис.
23 декабря.

Тифлис.

Милый друг Сережа!

Как жалко, что мы с тобой не переписываемся! Что значит 20 или 30 гривенников в год и несколько часов, посвященных на то, чтобы писать друг другу? А сколько бы было удовольствия. Я в настоящую минуту до такой степени жажду поболтать с тобой про всякую дребедень, что ежели бы конверт стоил не 10 коп., а 30 р., я отдал бы последнее. Я пишу и завидую удовольствию, которое ты получишь, читая мое письмо. На днях давно желанный мною приказ о зачислении меня ферверкером в 4 батарею должен состояться, и я буду иметь удовольствие делать фронт и провожать глазами мимо едущих офицеров и генералов. Даже теперь, когда я прогуливаюсь по улицам в своем шармеровском пальто* и в складной шляпе, [за] которую я заплатил

здесь 10 р., несмотря на всю свою величавость в этой одежде, я так привык к мысли скоро надеть серую шинель, что невольно правая рука хочет схватить за пружины складную шляпу и опустить ее вниз. Да, Маша, теперь, ежели ты проедешь мимо меня на извозчике с Вензелем или Гельке, я вытянусь в струнку около тротуарного столба и буду стоять в таком положении до тех пор, покуда вы с Вензелем скроетесь из моих глаз. Впрочем, ежели мое желание исполнится, то я в день же своего определения уезжаю в Старогладовскую, а оттуда тотчас же в поход, где буду ходить и ездить в тулупе или черкеске и тоже по мере сил моих буду способствовать с помощью пушки к истреблению коварных хищников и непокорных азиатов. — Marie dans sa dernière lettre me parle de toi et de *Masha* (la bohémienne). Elle dit: «Ma tante m'a dit que pendant son séjour à Pirogovo elle n'a pas une seule fois aperçu *la sultane* et que c'est une preuve de la délicatesse de Serge, moi, dit Marie, je ne vois en ceci, qu'une preuve de froideur de la part de Serge et je plains beaucoup la pauvre fille si véritablement elle est délaissée, car je suis

persuadée, que ce n'est pour l'argent qu'elle s'est donnée et qu'elle aime Serge»*.

Каково рассуждает недавно еще косолапая с большими глазами и с английской болезнью маленькая Машенька. Как мило, как умно, и какое чудесное сердце? Я с ней совершенно согласен, и хотя я знаю, что рано или поздно вы должны разойтись и что чем раньше, тем лучше это будет для тебя в некоторых отношениях, но все-таки когда *лопнет* не цепь, а тонкий волосок, который смыкает сердца любовников, между вами, мне будет грустно за бедную *преступницу* Машу. Что ее брюхо?

Маша! Роди, пожалуйста, мальчика и назови его Львом* и меня заочно выбери крестным отцом, хотя я задолжалый и погорелый помещик, но на последние деньги на ризки куплю канаусу и пришлю*. Главное мне этого затем хочется, чтобы, когда я в 1875 году приеду в Москву определять сына и заеду к цыганам вспомнить старину, найти там *дилижера* Льва Львовича (крестника). Сережа, ты видишь по письму моему, что я в Тифлисе, куда приехал еще 9 ноября*, так что немного успел

поохотиться с собаками, которых там купил (в Старогладовске), а присланных собак вовсе не видал. Охота здесь чудо! Чистые поля, болотцы, набитые русаками, и острова не из леса, а из камышу, в которых держатся лисицы. Я всего 9 раз был в поле, от станицы в 10 и 15 верстах и с двумя собаками, из которых одна отличная, а другая дрянь, затравил двух лисиц и русаков с шестьдесят. Как приеду, так попробую травить коз. На охотах с ружьями на кабанов, оленей я присутствовал неоднократно, но ничего сам не убил. Охота эта тоже очень приятна, но, привыкнув охотиться с борзыми, нельзя полюбить эту. Так же как, ежели кто привыкнул курить турецкий табак, нельзя полюбить Жуков, хотя и можно спорить, что этот лучше.

Я знаю твою слабость, ты, верно, пожелаешь знать, кто здесь были и есть мои знакомые, и в каких я с ними отношениях. Должен тебе сказать, что этот пункт несколько меня здесь не занимает, но спешу удовлетворить тебя. В батарее офицеров немного, поэтому я со всеми знаком, но очень поверхностно, хотя и пользуюсь общим расположением, потому

что у нас с Николенькой всегда есть для посетителей водка, вино и закуски; на тех же самых основаниях составилось и поддерживается мое знакомство с другими полковыми офицерами, с которыми я имел случай познакомиться в Старом Юрте (на водах, где я жил лето) и в набеге, в котором я был*. Хотя есть более или менее порядочные люди, но так как я и без офицерских бесед имею всегда более интересные занятия, я остаюсь со всеми в одинаковых отношениях. Подполковник Алексеев, командир батареи, в которую я поступаю, человек очень добрый и тщеславный. Последним его недостатком я, признаюсь, пользовался и пускал ему некоторую пыль в глаза — он мне нужен. Но и это я делал невольно, в чем и раскаиваюсь. С людьми тщеславными сам делаешься тщеславен. Здесь в Тифлисе у меня три человека знакомых. Больше я не приобрел знакомств, во-первых, потому что не желал, а во-вторых, потому что не имел к тому случая — я почти все время был болен и неделю только что выхожу. Первый знакомый мой Багратион петербургский (товарищ Ферзена). Здесь он очень

важный грузинский князь, но хотя и очень добр и часто навещал меня во время моей болезни, я должен отдать ему справедливость, — он, как и все грузины, не отличается дальним умом. Второй князь Барятинский. Я познакомился с ним в набеге, в котором под его командой участвовал и потом провел с ним один день в одном укреплении вместе с Ильей Толстым, которого я здесь встретил. Знакомство это без сомнения не доставляет мне большого развлечения, потому что ты понимаешь, на какой ноге может быть знаком юнкер с генералом. Третий знакомый мой *помощник аптекаря*, разжалованный поляк, презабавное создание. Я уверен, что к. Барятинский никогда не воображал, в каком бы то ни было списке, стоять рядом с помощником аптекаря, но вот же случилось. Николенька здесь на отличной ноге: как начальники, так и офицеры-товарищи все его любят и уважают. Он пользуется сверх того репутацией храброго офицера. Я его люблю больше чем когда-либо и когда с ним, то совершенно счастлив, а без него скучаю. Что Митенька? Я его очень дурно видел во сне 22 декабря. Не

случилось ли с ним чего-нибудь. Надеюсь, что ты мне ответишь и напишешь про него, про себя, про свои отношения с Машей и про разные подобные забавные истории — про Чулковых, офицера, который запрягал кузнецов, Овчинникова, Андрея, кормилицу*, Пятакову и т. п. Да и про Гашу (цыганку)* напиши, передай ей, что я мысленно делаю с ней чукмак семяк и желаю ей много лет здравствовать. По-цыгански я совсем забыл, потому что выучился по-татарски (но лучше, чем я говорил по-цыгански), так что я сначала, говоря по-татарски, дополнял фразы цыганскими словами, а теперь, встретив цыганку здесь, заговорил с ней по-татарски. Одно помню *камама-ту** и говорю его тебе от души. Прощай, больше ничего в голову нейдет. Про Перфильевых и Дьякова, что знаешь, напиши, я им обоим писал, но боюсь, что они по глупости и лени не ответят. Возьми мой экипаж (процентный) и пользуйся им, ежели он тебе годится, и, что хочешь, за него вычти из того, что я тебе должен. Адрес: в *Кизлярский округ, в станицу Старогладовскую, в штаб батарейной № 4 батареи 20 Артиллерийской бригады. На Кавказ.*

Ежели в Туле есть дагерротип, то пожалуйста пришли мне свой портрет. Пожалуйста.

Узнай в депутатском собрании, выслан ли мой Указ об отставке; ежели не выслан, то немедленно это сделать*. *Очень нужно.* Ежели захочешь щегольнуть известиями с Кавказа, то можешь рассказывать, что второе лицо после Шамиля, некто Хаджи-Мурат, на днях передался русскому правительству. Это был первый лихач (джигит) и молодец во всей Чечне, а сделал подлость. Еще можешь с прискорбием рассказывать о том, что на днях убит известный, храбрый и умный генерал Слепцов*. Ежели ты захочешь знать: *больно ли ему было,* то этого не могу сказать.

16. Т. А. Ергольской
<перевод с французского>

1851 г. Декабря 28-1852 г. января 3. Ти-
флис.

28 декабря.

Тифлис.

Дорогая тетенька!

Надо сознаться, что мне не везет во всем, что я предпринимаю. Не то, чтобы *несчастье*; благодаря богу я его еще не испытал, но меня преследует удивительная неудача всюду и всегда. Стоит припомнить разочарования мои в *хозяйстве*, начатые экзамены, которых я не мог закончить, постоянное несчастье в игре и все неудавшиеся планы. Положим, что в большинстве этих неудач я должен винить не одну судьбу, а и себя, но тем не менее существует какой-то бесенок, который непрерывно досаждаёт мне и разрушает все, что я предпринимаю. Вслед за вашим чудесным письмом (на которое я в тот же день ответил)* я получил ожидаемые мною деньги от Андрея. Расплатившись с мелкими долгами,

взяв *подорожную*, четыре дня спустя я был готов к отъезду, но так как в этот день (19 декабря) приходит почта из Кизляра, то я решил лучше подождать письма от Николеньки, которое должно было прийти с этой почтой. И точно, 19-го я получил от него длинное послание*, в котором он пишет, между прочим, что *«с этой же почтой Алексеев (батаре́йный командир) посылает тебе твои бумаги: метрическое свидетельство, свидетельство о происхождении и аттестат»**. Я тотчас же послал на почту, чтобы узнать, прибыли ли бумаги, но ничего не оказалось. В тот же день я пошел узнать в канцелярии генерала Бримера, достаточно ли тех бумаг, о которых мне пишет Николенька; ответили, что без указа об отставке я не смогу быть принятым, но что вероятно он находится при бумагах. Зная беспечность Николеньки в делах, я подумал, что он забыл упомянуть об указе, и решил дожидаться следующей почты, которая должна была прийти через два дня. Тем более, что за это время я выправил все остальные бумаги, выдержал экзамен, получил свидетельство врача, и прочие формальности

были тоже исполнены, таким образом, ежели бы пришли все требуемые бумаги, я мог быть принят в тот же день на службу. Вы можете себе представить, с каким нетерпением я ждал почты. Но хотя мы с *Ванюшкой** измучились, бегая в течение 8 дней ежедневно на почту — прибыли четыре почты, а бумаг, обещанных одновременно с письмом, все нет. Между тем я уехать не мог, не зная, выслан ли *Указ*; в противном случае я надеялся с протекцией *Барятинского* или *Бримера* уладить дело и без этой бумаги, но я не мог обращаться к ним, не зная, послана ли бумага или нет, да и не получив остальных бумаг. Теперь и эта надежда рушится; *Барятинский* уехал, *Бример* заболел и никого не принимает. Денег мне хватало только на отъезд; за 8 дней пришлось тратиться на необходимое, и теперь уехать я не могу до получения денег, которые обещал мне выслать *Николенька*. Вы не можете себе представить, дорогая тетенька, до чего мне это неприятно, тем более, что я решил поступить на военную службу, и ваше письмо поддерживает меня в этом намерении.

Не упоминаю еще о разных мелких неприятностях, случившихся за это время, чтобы письмо не вышло *чересчур мрачным*.

Неделикатно и эгоистично с моей стороны писать вам все это. Поверяя свои маленькие невзгоды человеку, искренно меня любящему, я облегчаю свою печаль, но я не считаюсь с тем, что вас я волную. Простите меня за такой недостаток деликатности и не волнуйтесь очень за меня. Как-нибудь да выберусь. Завтра опять почтовый день, и я решил его ждать. Ежели ничего не получу, попытаюсь раздобыть денег и уехать; ежели не раздобуду, постараюсь терпеливо ждать еще. Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки.

Я здоров, но грустен. Расстался я с Николькой всего два месяца, а мне кажется, что уже два года, так мне хочется его видеть. Письма адресуйте *в Кизляр*.

Сегодня не приняли этого письма — было поздно. Тем лучше; могу вас уведомить, что бумаги прибыли, а главной нет. Уже поздно, и я сегодня никуда не пойду — *утро вечера мудренее*; завтра же сделаю все, что возможно, чтобы меня приняли на службу, и уеду; в

этом же письме сообщу вам о результатах моих хлопот.

Вчера, 29-го, погода была плохая, и я не везде побывал, где хотел. Там, где был, удачи не было. Сегодня получил официальный отказ; я не отчаиваюсь и отправляюсь сейчас к Бримеру, у которого, несмотря на то, что он болен, мне обещан прием.

30. Генерал Бример очень болен и меня не принял. От него, не предвидя конца этому делу и злясь на всех, я отправился к князю Багратиону, которому и изложил свое горе. Так как он хороший человек, он захотел мне помочь и предложил ехать с ним к генералу Вольфу, начальнику главного штаба и поэтому начальнику и Бримера. Последний, когда я передал ему свое дело, тотчас пообещал мне, что все будет улажено через несколько дней. Приходится, стало быть, опять выжидать, но по крайней мере не по-пустому.

31. Утром пошел я в главный штаб. Там мне сказали, что генерал Вольф, вероятно, ошибся, так как это дело его не касается. Вновь я отчаивался и вновь отправился к Вольфу, прося его разъяснить это недоразуме-

ние. Он сказал мне, что он вовсе не ошибся, и чтобы я подавал сейчас же свое прошение. Однако канцелярия была закрыта, и сегодня я это не успел исполнить, завтра, послушаю нового года, присутствия нет, дело вновь висит в воздухе, и успех далеко не обеспечен. Никогда не думал, что у меня хватит терпения перенести все эти неприятности. В продолжение 5 месяцев после всех моих хлопот не только я ничего не достиг, но даже положительного ответа не могу добиться.

Бесенок, которому поручено мне вредить, не перестает издеваться надо мной. *Терпение и время...* вот на что я надеюсь. Лучше мне задержать это письмо до пятницы и сообщить вам что-нибудь вернее насчет моего дела. Завтра новый год, поздравляю вас, но, к сожалению, только письменно, а не на словах, как в прошлом году. Как было хорошо, когда в ночь на новый год и в день рождения Николенки я приехал к вам сюрпризом.

2 января. Еще два дня неизвестности, ожидания и скуки. Ничем не могу заниматься, ни о чем думать, кроме как о своем деле. Денежные мои дела в плохом положении. Будьте

добры сказать Андрею, чтобы он как можно скорее выслал мне 80 р. сер. сюда в Тифлис. Ежели мне удастся выехать без этих денег, то по оставленному на почте адресу мне деньги перешлют. На этот раз он не сможет сказать, что деньги я выписываю неожиданно. Эти 80 р. пусть он мне пришлет, из числа тех 200 р., которые я ему приказывал выслать на имя Николенъки.

3 января. Наконец сегодня получил приказ отправиться к своей батарее, и я больше не коллежский регистратор, а ферверкер 4-го класса*. Вы не поверите, какое это доставляет мне удовольствие. Сколько людей в моем положении сочли бы это большим несчастьем, а для меня это приятнейшая вещь на свете. Мне весело надеть солдатский мундир вовсе не из ребячества, а потому, что я счастлив, что наконец добился того, о чем старался и чего желал давно, что больше ничто меня не задерживает в Тифлисе, где я смертельно скучаю, что я знаю, что и вы будете этим довольны и еще, что я рад не быть больше свободным. Вам покажется странным мое желание небыть свободным. Дело в том, что слишком

давно я всячески свободен, и мне кажется, что излишек свободы — причина большинства моих погрешностей и что она даже зло. *Без чрезмерностей.* Вот принцип, которому я желал бы следовать во всем. Я сказал, что *ничто меня не задерживает в Тифлисе.* Это неправда: задерживает меня невозможность выехать. Я буквально без копейки. Не пугайтесь, я надеюсь раздобыть денег на прожитье и может быть даже на отъезд. Но очень рассчитываю на 80 р., которые должен выслать Андрей. Перечел это письмо и нахожу его глупейшим, но потому, что оно длинное, решаюсь его послать. Какое огромное удовольствие, когда есть кому писать все, что взбредет в голову, без ложного стыда, без задней мысли, как я вам пишу.

Вы так хорошо знаете все мои недостатки, что мне не к чему скрывать их в своем письме, вы так любите меня и так добры, что вы мне их простите. Прощайте, дорогая и добрая тетенька, тысячу раз целую ваши руки, еще раз поздравляю вас с новым годом, желая вам не счастья (слово счастье ничего не значит), а желаю, чтобы наступивший год принес вам

не новые горести, а, напротив, такие утешения, которых вы еще не испытывали. Главное же, чтобы вы были здоровы и чтобы ничто вас не тревожило и не волновало. Бог знает, буду ли я иметь счастье вас видеть в этом году. Мне может помешать служба и *денежные дела*. Это выяснится приблизительно к июлю. Во всяком случае я буду стараться. Вы всегда говорите, *«что не надо загадывать»*, и вы правы. *Зачем загадывать, когда все 20 раз может перемениться и к лучшему и к худшему.*

1852

17. Т. А. Ергольской <перевод с французского>

1852 г. Января 6. Тифлис.
6 января.

Тифлис.

Дорогая тетенька!

Только что получил ваше письмо от 24 ноября* и в ту же минуту отвечаю (по принятой привычке). Недавно я вам писал, что плакал над вашим письмом и приписал эту слабость болезни. Я ошибся: с некоторых пор я плачу над всеми вашими письмами. Я всегда был *Лева-рёва*; раньше я стыдился этой слабости, а теперь, думая о вас и о вашей любви к нам, у меня текут такие сладостные слезы, что я во все их не стыжусь. Сегодняшнее ваше письмо очень грустно и произвело на меня то же действие. Вы всегда подавали мне советы; к несчастью, я не всегда им следовал, но я хотел бы всю жизнь жить по вашим советам; позвольте мне высказать вам впечатление,

которое произвело на меня ваше письмо, и какие оно вызвало во мне мысли. За мою привязанность к вам, вы простите мне излишнюю, может быть, откровенность. Вы говорите, что пришло ваше время отойти к тем, которых вы так горячо любили при их жизни, что вы молитесь богу о конце и что жизнь ваша тяжела и одинока.

Простите меня, дорогая тетенька, но мне думается, что этим вы грешите против бога и обижаете меня и нас всех, любящих вас. Вы молитесь себе смерти, то есть величайшего для меня несчастья (и это не фраза: видит бог, что большего несчастья я себе не представляю, как смерть ваша и Николеньки, тех двух людей, которых я люблю больше самого себя). Ежели бог услышит вашу молитву, что со мной будет? Для чьего удовольствия стараться мне исправиться, иметь хорошие качества, иметь хорошую репутацию среди людей? Когда я строю планы счастливой жизни, мысль о вас, что вы разделите мое счастье, всегда у меня в голове. Хороший мой поступок меня радует потому, что я знаю, что вы были бы мной довольны. Когда я поступаю дурно, я,

главным образом, боюсь вашего огорчения. Ваша любовь для меня все, а вы молитесь богу, чтобы он нас разлучил. Я не умею высказать вам своего чувства к вам, и нет слов его выразить; боюсь, что вы подумаете, что я преувеличиваю, а между тем я сейчас наливаюсь горячими слезами. В силу этой тяжелой разлуки, я узнал, какой вы мне друг и как я вас люблю.

И разве я один к вам так привязан, а вы молитесь богу о смерти. Вы говорите о своем одиночестве; хотя я и в разлуке с вами, но если вы верите моей любви, это могло бы быть утешением в вашей печали; при сознании вашей любви я нигде не мог бы чувствовать себя одиноким. Однако я должен признаться, что в том, что я написал, мной руководит не хорошее чувство, я ревную вас к вашему горю. Сегодня со мной случилось то, что я уверовал бы в бога, ежели бы уже с некоторых пор я не был твердо верующим.

Летом в *Старом Юрте* все офицеры только и делали, что играли, и довольно крупно. Живя в лагере, нельзя не встречаться постоянно, и я часто присутствовал при игре, но

как меня ни уговаривали принять в ней участие, я не поддавался и крепко выдержал целый месяц. Но вот в один прекрасный день я шутя поставил пустяшную ставку и проиграл, еще поставил и опять проиграл; мне не везло, страсть к игре всколыхнулась, и в два дня я спустил все свои деньги и то, что мне дал Николенька (около 250 р. сер.), а сверх того еще 500 р. сер., на которые я дал вексель со сроком уплаты в январе 1852 г.*. Нужно вам сказать, что недалеко от лагеря есть *аул*, где живут *чеченцы*. Один юноша (*чеченец*) *Садо** приезжал в лагерь и играл. Он не умел ни считать, ни записывать, и были мерзавцы-офицеры, которые его надували. Поэтому я никогда не играл против него, отговаривал его играть, говоря, что его надувают, и предложил ему играть за него. Он был мне страшно благодарен за это и подарил мне кошелек. По обычаю этой нации отдаривать, я подарил ему плохонькое ружье, купленное мною за 8 р. Чтобы стать *кунаком*, то есть другом, по обычаю нужно, во-первых, обменяться подарками и затем принять пищу в доме *кунака*. И тогда по древнему обычаю этого народа (который сохраняется только по

традиции), становятся друзьями на живот и на смерть, и о чем бы я ни попросил его — деньги, жену, его оружие, все то, что у него есть самого драгоценного, он должен мне отдать, и, равно, я ни в чем не могу отказать ему. Садо позвал меня к себе и предложил быть кунаком. Я пошел; угостив меня по их обычаю, он предложил мне взять, что мне понравится: оружие, коня, чего бы я ни захотел. Я хотел выбрать что-нибудь менее дорогое и взял уздечку с серебряным набором; но он сказал, что сочтет это за обиду, и принудил меня взять *шашку*, которой цена, по крайней мере, 100 р. сер. Отец его человек зажиточный, но деньги у него закопаны, и он сыну не дает ни копейки. Чтобы раздобыть денег, сын выкрадывает у врага коней или коров и рискует иногда 20 раз своей жизнью, чтобы своровать вещь, не стоящую и 10 р.; делает он это не из корысти, а из удали. Самый ловкий вор пользуется большим почетом и зовется *джигит-молодец*. У Садо то 1000 р. сер., а то ни копейки. После моего посещения я подарил ему Николенькины серебряные часы, и мы сделались закадычными друзьями. Часто он мне

доказывал свою преданность, подвергая себя разным опасностям для меня; у них это считается за ничто — это стало привычкой и удовольствием. Когда я уехал из *Старого Юрта*, а Николенька там остался, Садо приходил к нему каждый день и говорил, что не знает, что делать без меня, и что скучает ужасно. Узнав из моего письма к Николеньке, что моя лошадь заболела и что я прошу подыскать мне другую в *Старом Юрте*, Садо тотчас же явился ко мне и привел своего коня, которого он настоял, чтобы я взял, как я ни отказывался. После моей глупейшей игры в *Старом Юрте* я карт не брал в руки, постоянно отчитывал Садо, который страстный игрок и, не имея понятия об игре, играет удивительно счастливо. Вчера вечером я обдумывал свои денежные дела, свои долги и как мне их уплатить.

Долго раздумывая, я пришел к заключению, что, ежели буду жить расчетливо, я смогу мало-помалу уплатить все долги в течение двух или трех лет; но 500 р., которые я должен был уплатить в этом месяце, приводили меня в совершенное отчаяние. Уплатить я их не

могу, и это меня озабочивало гораздо больше, чем во время оно долг в 4 тысячи Огареву*. Наделать долгов в России, приехать сюда и опять задолжать, меня это приводило в отчаяние. На молитве вечером я горячо молился, чтобы бог помог мне выйти из этого тяжелого положения. Ложась спать, я думал: «Но как же возможно мне помочь? Ничего не может произойти такого, чтобы я смог уплатить долг». Я представлял себе все неприятности по службе, которые мне предстоят в связи с этим; как он подаст ко взысканию, как по начальству от меня будут требовать отзыва, почему я не плачу и т. д. «Помоги мне, господи», — сказал я и заснул.

Сегодня утром я получаю письмо от Николенки* вместе с вашим и другими — он мне пишет: «На днях был у меня Садо, он выиграл у Кноринга твои векселя и привез их мне. Он так был доволен этому выигрышу, так счастлив и так много меня спрашивал: «Как думаешь, брат рад будет, что я это сделал», — что я его очень за это полюбил. Этот человек действительно к тебе привязан».

Разве не изумительно, что на следующий же день мое желание было исполнено, то есть удивительна милость божия к тому, кто ее так мало заслуживает, как я. И как трогательна преданность Садо, не правда ли? Он знает о страсти Сережи к лошадям, и когда я ему обещал взять его с собой, когда поеду в Россию, он сказал, что пусть это стоит ему 100 жизней, но он выкрадет в горах какого ни на есть лучшего коня и приведет моему брату.

Пожалуйста, велите купить в Туле мне *шестьствольный пистолет* и прислать вместе с *коробочкой с музыкой*, ежели не очень дорого, такому подарку он будет очень рад*.

Я все в Тифлисе сижу у моря, жду погоды, то есть денег. Прощайте, дорогая тетенька. Левочка тысячу раз целует ваши ручки.

18. С. Н. Толстому

1852 г. Января 7. Тифлис.
7 января 1852.

Тифлис.

Милый друг Сережа!

По моему письму от 24 декабря ты можешь заключить, как поздно я получил твое письмо от 12 ноября* — я его получил вчера, 6 января. Пожалуйста не засни на лаврах, которыми ты можешь воображать, что увенчался, написав мне письмо в $\frac{3}{4}$ почтового листа, а продолжай мне писать почаще и подлиннее; когда я получаю письмо от кого-нибудь из наших, то я бываю до того рад, что краснею, конфужусь от радости, не знаю, как держать письмо, с которой стороны начинать, и когда прочту, то начинаю смеяться от радости, так же, как Подъемщиков смеялся, когда увидал, как затравили зайца; потом я начинаю ходить взад и вперед по комнате, как Гимбуд, и делать разные дикие жесты и говорить вслух непонятные слова. Ежели в это время мне попадается какой-нибудь человек, я начинаю ему все рассказывать, не заботясь о том, нуж-

но ли ему, и хочет ли он знать об этом; ежели никого нет, je me rabats sur* Ванюшка и тоже ему все рассказываю и спрашиваю, как Владимир Иванович, «а? каково?», и долго не могу успокоиться. Можно бы было сказать, что письмо в $\frac{3}{4}$ листа не коротко, ежели бы было писано по-людски; а то у тебя от буквы до буквы, от слова до слова, от линейки до линейки такие перемычки, что всякое слово как отъемный остров. Насчет лошадей, в том числе и Кривого Усана я предписал Андрею продать и назначить minimum цены, но так как я распорядился этой продажей для уплаты долгов, то ты можешь, заплатив Андрею за него известную цену *звонкой монетой*, взять лошадь. Предлагая тебе экипаж, я желаю только, чтобы он не стоял без всякой пользы, а деньги вычтешь из того, что я тебе должен, и за сколько хочешь.

Как я тебя знаю, когда писал тебе, «что, зная твою слабость, пишу тебе о наших знакомствах» — ты понятно об этом спрашиваешь в своем письме. Об охоте я тоже тебя удовлетворил; дальнейших известий дать не могу, потому что я все еще в Тифлисе сижу и до-

жидаюсь денег. Это одно меня задерживает, потому что наконец я принят на службу. Ты спрашиваешь о том, когда я буду офицером? По правам всех имеющих чин (гражданский) через 6 месяцев я буду иметь удовольствие быть представлену в прапорщики. Зимнюю экспедицию я с проклятыми затруднениями, которые мне здесь делали, прогулял, потому что она уже началась. Может случиться, однако, что и меня пошлют. Еще в июле месяце получил я от Андрея письмо, в котором он пишет мне: «Сергей Николаевич изволили скакать с какими-то князьями», и больше ничего. Долго мы с Николенькой ломали себе голову над этой фразой и наконец решили, что это Андрей загадал нам загадку — теперь ты разгадал ее. Поздравляю тебя с прошедшими и будущими призами, с праздником, с новым годом, с сыном (хотя и [...], но все-таки сын) и с будущей женитьбой. На ком? не на Канивальской ли? Вот какие мысли приходят мне насчет твоей женитьбы. Во-первых, всякая перемена нам мила, и я с большим удовольствием воображаю себе хорошенькую добрую невестку, твои дела в цветущем состоянии,

Пироговский дом, отделанный заново, Никифора в новом фраке с гербовыми пуговицами первого разбора, воображаю себе, как я приезжаю к тебе, как все мне у вас нравится: и невестка, и самовар, и все ваши семейные удовольствия, и воркование, одним словом, я воображаю себе мой проезд к тебе в Страстную пятницу 1851 года, только, новое исправленное издание — на веленовой бумаге — очень приятная картина, теперь другая. Опять я приезжаю — иду с дороги раздеваться в комнату Венеры, какой-то незнакомый человек говорит мне «нельзя, генерал еще почивают» (генерал это твой тесть), иду в другую комнату, там теща. Наконец раздеваюсь, схожу вниз; сидит целая куча родственников — все незнакомые и глупые лица — наших никого нет. Приезжают гости соседи — Тула, Крапивна — Щелин, Чулков, председатель, советники. В доме царствует деревенское — щелино-чулковское великолепие. Начинается разговор о дворянах, выборах — тот подлец, тот мерзавец, тот — черный человек. Одним словом, картина эта представляет мне тебя *отрезанным ломтем* с духом родствен-

ников жениных и в самом разгаре всей губернской жизни — скверная картина. Третья картина. Маша сидит в известном переулке в Туле с М. В., Сережей и всей кликою — голосу и молодости у нее уж нет, но есть сын Николай Сергеич и 3 т. сер. Несмотря на это, она тебя продолжает любить и заливается горькими слезами. 4-я картина. Ты вырвался от жены и прикатил в Тулу в известный переулочек. Ты вспоминаешь старину, щупаешь Машу, а Финашка прискакал верхом на рыженькой и приносит тебе записочку от графини. Она пишет, что больна, и просит тебя скорее вернуться. «Ах какая тоска!» ты говоришь. 5-ая картина. Сергей Николаевич в Москве с молодой хорошенькой графиней живет открыто. За графиней волочатся; они ездят по балам, Сергей Николаевич ревнует и проживает больше своих доходов. Мало ли может быть приятных и неприятных картин, но из тех, которые я себе рисую, мне нравится только 1-ая, остальные все гадки. У меня есть, однако, предчувствие, что к моему приезду (который, впрочем, я не могу определить) ты будешь женат. Я был уверен, что монах* живет в бозе,

а он «un реу»*, я хотел было ему написать серьезно несколько слов, ежели бы знал, где он, но теперь, ежели он пьян, скажи ему, что он презренная тварь; ежели не пьян, что пора ему умирать и подумать об смерти.

Не заботься о том, чтобы я не проигрался, и не бойся этого. Во-первых, я 6 месяцев не играю и играть не намерен, а во-вторых, ежели бы можно было тебе объяснить образ жизни, который я здесь веду, и общий господствующий genre на Кавказе (есть совершенно особенный genre у всех кавказцев, который трудно объяснить), ты бы понял, что я никак не рискую здесь проиграться. Дружба Митеньки с Костенькой* [...] — два известия, которые одинаково для меня неприятны. Костенькина дружба и близкое знакомство с ним может оставить следы не хуже венерической болезни. Митенька, как мне кажется (я его 2 года не видал), выйдя на свет божий, после своей жизни с Любовью Сергеевной, с Полубояриновым, с Лукою* и т. д., должен быть совершенный ребенок. *Наши умишки мягки как воск*, поэтому его всякий может сбить с толку, Костенька же, всю жизнь пресмыкаясь в разных

обществах, посвятил себя и не знает больше удовольствия, как поймать какого-нибудь неопытного провинциала и под предлогом руководить его — сбить его совсем с толку, — он его доконает. Я говорю это по опыту. Несмотря на мое огромное самолюбие, в Петербурге он имел на меня большое влияние и умел испортить мне так эти 8 месяцев, которые я провел там, что у меня нет воспоминаний неприятнее. Он умел меня убедить в том, что Кочубей, Несельроды и все эти господа такие люди, что я должен пасть ниц перед ними, когда увижу, и что я с Костенькой, с Михалковым, еще могу кое-как разговаривать, но что в сравнении с этими тузами я ровно нуль — погибший человек и должен бояться их и скрывать от них свое ничтожество. А впрочем, жалкое создание этот Костенька. Чем он кончит? Мы раз с Николенькой говорили о нем и придумали, что для него ничего не может быть лучше, ежели он чувствует в себе довольно силы, как служить в полку на Кавказе. Можно отвечать, что в 3, 4 года он из солдат будет офицером и сверх того здесь он может иметь chance очень скоро получить ро-

довое дворянство, получив Владимира, и он мог бы обогнать своего брата, бедного Вольдемара* (которого я очень люблю), который трудится из этого бог знает сколько лет. Ежели ты его увидишь, то скажи ему, что мы с Николенькой для него придумали. О себе нечего писать мне, потому что с того дня, как тебе писал, веду жизнь самую спокойную и однообразную. Сначала по целым дням хлопотал о своем зачислении на службу, обегал всех генералов и могу сказать, что поступил геройски — взял с бою свой приказ о зачислении, теперь сижу целый день дома, читаю, пишу и дожидаясь денег. Я совершенно здоров и спокоен, но ужасно хочется поскорее съехаться с Николенькой. Можешь узнать еще многие подробности обо мне из писем к тетеньке Toinette; я много пишу всем, но ей в особенности, потому что ее больше всех люблю, и она чаще всех мне пишет. Она тебе объяснит, почему, когда я вернусь в Россию, тебя ожидает подарок — прекрасной кабардинской лошади от незнакомого тебе человека. О портрете не забудь. Прощай.

19. Т. А. Ергольской
<перевод с французского>

1852 г. Января 12. Моздок.
12 января. Моздок. Станция
на полдороге от Тифлиса.

Дорогая тетенька!

Вот какие мысли пришли мне в голову. Постараюсь их вам передать, потому что я думал о вас. Я нахожу, что во мне произошла большая нравственная перемена; это бывало со мной уже столько раз. Впрочем, думаю, что так бывает и со всеми. Чем дольше живешь, тем больше меняешься. Вы имеете опыт, скажите мне, разве я не прав? Я думаю, что недостатки и качества — основные свойства личности — остаются те же, но взгляды на жизнь и на счастье должны меняться с годами. Год тому назад я находил счастье в удовольствии, в движении; теперь, напротив, я желаю покоя как физического, так и нравственного. И ежели я представляю себе состояние покоя, без скуки, с тихими радостями любви и дружбы — это для меня верх счастья! Впрочем, по-

сле утомления и познаешь прелесть покоя, а радость любви после лишения ее. С некоторых пор я испытал и то и другое и потому так стремлюсь к иному. Между тем нужно еще лишиться себя этого. Надолго ли, бог знает. Не знаю сам, почему, но чувствую, что должен. Религия и жизненный опыт, как бы короток он ни был, внушили мне, что жизнь — испытание. Для меня же она больше испытания, она искупление моих проступков.

Моя мысль, непродуманное мое решение ехать на Кавказ было мне внушено свыше. Мной руководила рука божья — и я горячо благодарю его, — я чувствую, что здесь я стал лучше (этого мало, так я был плох); я твердо уверен, что что бы здесь ни случилось со мной, все мне на благо, потому что на то воля божья. Может быть, это и дерзостная мысль, но таково мое убеждение. И потому я переносу и утомления, и лишения, о которых я упоминал (разумеется, не физические, их и не может быть для 23-х летнего здорового малого), не чувствуя их, переносу как бы с радостью, думая о том счастье, которое меня ожидает. И вот как я его себе представляю. Прой-

дут годы, и вот я уже не молодой, но и не старый в *Ясном* — дела мои в порядке, нет ни волнений, ни неприятностей, вы всё ещё живете в *Ясном*. Вы немного постарели, но все еще свежая и здоровая. Жизнь идет по-прежнему; я занимаюсь по утрам, но почти весь день мы вместе; после обеда, вечером я читаю вслух то, что вам не скучно слушать; потом начинается беседа. Я рассказываю вам о своей жизни на Кавказе, вы — ваши воспоминания о прошлом, о моем отце и матери; вы рассказываете *страшные истории*, которые мы, бывало, слушали с испуганными глазами и разинутыми ртами. Мы вспоминаем о тех, кто нам были дороги и которых уже нет; вы плачете, и я тоже, но мирными слезами. Мы говорим о братьях, которые наезжают к нам, о милой Машеньке*, которая со всеми детьми будет ежегодно гостить по несколько месяцев в любимом ею *Ясном*. Знакомых у нас не будет; никто не будет докучать нам своим приездом и привозить сплетни. Чудесный сон, но я позволю себе мечтать еще о другом. Я женат — моя жена кроткая, добрая, любящая, и она вас любит так же, как и я. Наши дети вас

зовут «бабушкой»; вы живете в большом доме, наверху, в той комнате, где когда-то жила бабушка; все в доме по-прежнему, в том порядке, который был при жизни папа, и мы продолжаем ту же жизнь, только переменив роли: вы берете роль бабушки, но вы еще добрее ее, я — роль папа, но я не надеюсь когда-нибудь ее заслужить; моя жена — мама, наши дети — наши роли: Машенька — в роли обеих тетенок, но не несчастна, как они; даже *Гаша* и та на месте *Прасковьи Исаевны**. Не хватает только той, кто мог бы вас заменить в отношении всей нашей семьи. Не найдется такой прекрасной любящей души. Нет, у вас преемницы не будет. Три новых лица будут являться время от времени на сцену — это братья и, главное, один из них — *Николенька*, который будет часто с нами. Старый холостяк, лысый, в отставке, по-прежнему добрый и благородный.

Я воображаю, как он будет, как в старину, рассказывать детям, своего сочинения сказки. Как дети будут целовать у него сальные руки (но которые стоят того), как он будет с ними играть, как жена моя будет хлопо-

тать, чтобы сделать ему любимое кушанье, как мы с ним будем перебирать общие воспоминания об давно прошедшем времени, как вы будете сидеть на своем обыкновенном месте и с удовольствием слушать нас, как вы нас, старых, будете называть по-прежнему «Левочка, Николенька» и будете бранить меня за то, что я руками ем, а его за то, что у него руки не чисты.

Ежели бы меня сделали русским императором, ежели бы мне предложили Перу, словом, ежели бы явилась волшебница с заколдованной палочкой и спросила меня, чего я желаю, положив руку на сердце, по совести, я сказал бы: только одного, чтобы осуществилась эта моя мечта. Я знаю, вы не любите загадывать, но что ж в этом дурного, и это мне так приятно! Но мне кажется, что я эгоистичен и мало предоставил вам доли в общем счастье. Боюсь, что прошедшие горести, оставившие чувствительные следы в вашем сердце, не дадут насладиться вам этим будущим, которое составило бы мое счастье. Дорогая тенька, скажите, вы были бы счастливы? Все это, может быть, сбудется, а какая чудесная

вещь надежда. Опять я плачу. Почему это я плачу, когда думаю о вас? Это слезы счастья, я счастлив тем, что умею вас любить. И какие бы несчастья меня ни постигли, покуда вы живы, несчастлив беспросветно я не буду. Помните наше прощание у *Иверской*, когда мы уезжали в Казань*. В минуту расставания я вдруг понял, как по вдохновению, что вы для нас значите, и, по-ребячески, слезами и несколькими отрывочными словами, я сумел вам передать то, что я чувствовал. Я любил вас всегда, но то, что я испытал у *Иверской*, и теперешнее мое чувство к вам — гораздо сильнее и более возвышенно, чем то, что было прежде.

Я вам сознаюсь в том, чего мне очень стыдно, что я должен очистить свою совесть перед вами. Случалось раньше, что, читая ваши письма, когда вы говорили о вашей привязанности к нам, мне казалось, что вы преувеличиваете, и только теперь, перечитывая их, я понимаю вас — вашу безграничную любовь и вашу возвышенную душу. Я уверен, что всякий, кроме вас, кто бы ни прочел сегодняшнее мое письмо и предыдущее, упрекнул бы

меня в том же, но от вас этого упрека я не боюсь; вы меня слишком хорошо знаете, знаете, что, может быть, единственное достоинство это то, что я умею сильно чувствовать. Этому свойству я обязан самыми счастливыми минутами своей жизни. Во всяком случае, это последнее письмо, в котором я позволил себе выражать такие экзальтированные чувства, экзальтированные для равнодушных, а вы сумеете их оценить. Прощайте, дорогая тетенька, через несколько дней я думаю увидеть Николеньку, и тогда я вам напишу.

20. Т. А. Ергольской
<перевод с французского>

1852 г. *Мая 30 — июня 3. Пятигорск.*
30 мая. Пятигорск.

Дорогая тетенька!

У меня нет никакой достойной причины, чтобы оправдываться в своем молчании, и я начинаю с того, что просто прошу у вас прощения. Вернувшись из похода*, я провел с Николенькой 2 месяца в *Старогладковской*. Вели мы наш обычный образ жизни: охота, чте-

ние, разговоры, шахматы. За это время я совершил интересную и приятную поездку к Каспийскому морю*. Этими двумя месяцами я был бы вполне доволен, ежели бы не заболел. Впрочем, *нет худа без добра*, и из-за этой болезни я поехал на лето в *Пятигорск*, откуда и пишу вам.

Здесь я уже две недели, веду образ жизни правильный и уединенный, так что я доволен и своим здоровьем, и своим поведением. Встаю в 4 часа и иду пить воды — это длится до 6. Принимаю ванну и возвращаюсь к себе. Читаю или разговариваю во время чая с одним из наших офицеров, который живет рядом и с которым я столуюсь, затем я сажусь писать до двенадцати — часа нашего обеда. *Ванюшка*, которым я очень доволен, кормит нас дешево и довольно сытно. Сплю до четырех часов, играю в шахматы или читаю, иду опять на воды и, вернувшись, ежели погода хорошая, чай велю подать в сад, и там я часами мечтаю об *Ясной*, о чудесном времени, которое я проводил там, и в особенности об одной тетеньке, которую я день ото дня люблю все сильнее. Чем дальше эти воспоминания,

тем дороже они становятся, тем больше я их ценю. Хотя грустно бывает думать о прошедшем счастье и в особенности о том, которым не сумел воспользоваться, но мне приятна эта печаль, и я черпаю в ней сладостные мгновенья.

Вернувшись из Тифлиса, я не изменил своего образа жизни: все так же стараюсь избегать новых знакомств и воздерживаться от всякой интимности с прежними. К этому все привыкли, никто не навязывается, но, наверное, я слышу *чужаком и гордецом*. Но это не из гордости, а произошло это невольно; слишком большая разница в воспитании, чувствах, взглядах моих и тех людей, которых я здесь встречаю, чтобы я испытывал малейшие удовольствия с ними. А Николенька обладает талантом, несмотря на огромную разницу между ним и всеми этими господами, веселиться с ними, и все его любят. Завидую ему, но не способен на это. Правду сказать, в нашем образе жизни мало веселого, но я уже давно не ищу удовольствий, желаю только быть покойным и довольным. С некоторых пор я полюбил исторические книги* (это бы-

вало причиной несогласий между нами, теперь же я совершенно вашего мнения); мои литературные занятия идут понемножку, хотя я еще не думаю что-нибудь печатать. Одну вещь, которую я начал уже давно, я переделывал три раза* и намерен еще раз переделать, чтобы быть ею доволен; пожалуй, это вроде работы Пенелопы, но это меня не удручает, я пишу не из честолюбия, а по вкусу — нахожу удовольствие и пользу в этой работе, потому и работаю.

Хотя, как я уже сказал, я очень далек от того, чтобы веселиться, но я так же далек от скуки, потому что занят, и, кроме того, я вкушаю удовольствие более сладостное, более возвышенное, чем то, которое могло бы мне дать общество, это удовлетворенность, вызванная спокойной совестью, самоуглублением и сознанием, что есть успехи, что во мне пробуждаются добрые и великодушные чувства. Было время, когда я гордился своим умом, своим положением в свете, своей фамилией, но теперь я сознаю и чувствую, ежели во мне и есть что хорошего по милости божьей, то только доброе сердце, чуткое и любящее, ко-

торое богу угодно было дать мне и сохранить до сих пор, и благодаря ему я испытываю тихие радости и, лишенный всяких удовольствий и всякого общества, не только удовлетворен своею жизнью, но временами и прямо счастлив. Скоро исполнится 5 месяцев, как я на службе, через месяц я мог бы быть произведен; но я знаю, что пройдет шесть месяцев, а может быть, и больше, прежде чем я получу чин. Но по совести говорю, что мне это совершенно безразлично; единственное, что меня озабочивает, это необходимость ехать в Петербург, а ехать не на что.

Вспоминаю ваше правило, что не надо загадывать, как-нибудь да сделается.

Прощайте, дорогая тетенька, кончаю письмо, потому что поздно, но так как почта отходит через 2 дня, а дня не проходит, чтобы я не думал о вас, я это письмо продолжу, вероятно. Итак, до свидания. Как поживает тетя Полина? Здорова ли она? По-прежнему ли довольна своею жизнью?

Часто думаю о ней и о странной ее жизни, которая в сущности довольно грустная*, и я расстраиваюсь, что, хотя невольно, прекра-

тил всякое с ней общение, и даю себе слово, что напишу ей; но так трудно начинать или возобновлять прерванную переписку.

3 июня.

Единственная возможность для меня вам писать и не разорвать то, что я написал, — не перечитывать письма. То мне кажется, что письмо мое холодно, то глупо, то экзальтировано — никогда я не бываю доволен, до такой степени я боюсь вас оскорбить чем-нибудь, возбудить ваше подозрение или беспокойство на мой счет и так мне хочется, чтобы мои письма вам были приятны.

Из письма Андрея сейчас узнал, что вас ждут в *Ясном*. Не знаю почему, но ничего не доставляет мне такого удовольствия, как сознание, что вы в *Ясном*; как-то этим вы мне кажетесь ближе, и я иначе вас себе не представляю, как в вашей маленькой комнате во флигеле, на *пироговском диванчике* со сфинксовыми головами, за вашим любимым столиком, рядом с *шифоньеркой*, в которой все есть. Когда у нас нет, чего нам нужно, — мы с *Николенькой* говорим: «*Нет тетенькиной шифоньерки*». Прикажите Андрею показать

вам письмо, в котором я посылаю список французских книг*, которые мне нужны, и пришлите их, пожалуйста.

Будьте добры, скажите ему тоже, чтобы он выслал мне в *Пятигорск на Кабардинской слободке*, 252 № (это мой адрес), — те 100 р., которые я велел ему заготовить. Андреем я очень недоволен и написал Сереже*, прося его взять на себя управление *Ясным*; я просил его ответить мне, согласен ли он серьезно заняться моими делами, что с каждым днем становится все более и более необходимым; судя по письмам и по *ведомостям* Андрея, я ясно вижу, что он только и делает, что пьет и ворует. До сих пор Сережа из лени или по какой другой причине не дает мне положительного ответа. *Побраните его за это, пожалуйста.*

Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки.

Как это вы в вашем последнем письме говорите о вашей благодарности. Право, дорогая тетенька, несмотря на то, что я знаю ваше доброе сердце, в первую минуту я подумал, что вы насмехаетесь надо мной. Ведь не могу же я признать всерьез, что вы, которой мы

всем обязаны, благодарите меня за то, что мне не стоило ни малейшей жертвы. Прощайте и до свидания, дорогая тетенька. Если бог даст сбудутся мои планы, то через несколько месяцев я буду с вами и своею любовью и заботами докажу вам, что я хоть кое-как заслужил все то, что вы для нас делаете. Я так живо вспоминаю о вас, что сейчас перестал писать и стал представлять себе счастливую минуту, когда я вас увижу; вы заплачете от радости, а я буду плакать, как ребенок, целуя ваши руки. Без преувеличения скажу, что ничего в жизни я не ждал с таким нетерпением, с такой надеждой на счастье, как я жду теперь этого счастливого момента. Я собирался адресовать это письмо на имя Сережи, но нечаянно, дав себе волю, выразил вам свои чувства, которые вызовут его насмешки, и мне это будет тяжело, я адресую письма вам, а вы ему передайте только первый лист. Я уверен, что у него такое же чувствительное сердце, как у меня, но ложный стыд не дает ему говорить о своих чувствах, и потому он лишен той духовной радости, которую испытываю я, когда пишу вам и думаю о вас.

Мысль, что чужому человеку может показаться преувеличенным и смешным то, что я вам высказываю, меня не озабочивает ни сколько, а что вы всегда меня поймете, я убежден.

21. С. Н. Толстому

1852 г. *Июня 24. Пятигорск.*
24 июня.

Пятигорск.

Как тебе не совестно, Сережа, не отвечать на письмо, ответ на которое очень интересует меня?* Надеюсь, что теперь ответ этот тобою уже отправлен, поэтому не буду больше говорить о нем. Лошади мои не продаются, несмотря на участие, которое ты в этом принимал — как пишет мне Андрей. Не дорого ли за них ты назначал цену?

Я очень хорошо знаю, что, ежели бы я сам взялся продавать их, то я бы непременно дорожился и так же как Андрей никогда бы не продал их; но так как я лошадей не вижу и не могу увлекаться ими, я вижу только убыток и нахожу, что лучше продать их всех за сто р. ассигнациями, чем держать дальше — даром

кормить, давать им стареться и терять какие бы то ни были проценты на сумму, которую за них можно взять. Сделай же одолжение, продай их за то, что дадут. Деньги с лошадей я назначил для уплаты Беерше и не перемению этого распоряжения.

Нет ли у тебя в Пирогове 1-го тома «Nouvelle Héloïse»? Я смутно помню, что во времена моего жокейского костюма и твоего карповского соперничества с Чулковым* эта книга играла тут какую-то роль. Не забыта ли она в Казачьем? Пожалуйста, наведи справки, у себя поищи хорошенько и, ежели окажется, вышли мне. Что тебе сказать о своем житье? Я писал три письма и в каждом описывал то же самое. Желал бы я тебе описать дух пятигорский, да это так же трудно, как рассказать новому человеку, в чем состоит — Тула, а мы это, к несчастью, отлично понимаем. Пятигорск тоже немножко Тула, но особенного рода — Кавказская. Например, здесь главную роль играют *семейные дома и публичные места*. Общество состоит из *помещиков* (как технически называются все приезжие), которые смотрят на здешнюю цивилизацию презри-

тельно, и господ офицеров, которые смотрят на здешние увеселения как на верх блаженства. Со мною из штаба приехал офицер нашей батареи*. Надо было видеть его восторг и беспокойство, когда мы въезжали в город! Еще прежде он мне много говорил о том, как весело бывает на водах, о том, как под музыку ходят по бульвару и потом, будто все идут в кондитерскую и там знакомятся — даже с семейными домами, театр, собранье, всякий год бывают свадьбы, дуэли... ну одним словом, *чисто парижская жисть*. Как только мы вышли из тарантаса, мой офицер надел голубые панталоны с ужасно натянутыми штрипками, сапоги с огромными шпорами, эполеты, обчистился и пошел под музыку ходить по бульвару, потом в кондитерскую, в театр и в собранье. Но сколько мне известно, вместо ожидаемых знакомств с семейными домами и невесты помещицы с 1000 душами, он в целый месяц познакомился только с тремя оборванными офицерами, которые обыграли его дотла, и с одним семейным домом, но в котором два семейства живут в одной комнате и подают чай вприкуску. Кроме этого офицер этот в

этот месяц издержал рублей 20 на портер и на конфеты и купил себе бронзовое зеркало для *настольного прибора*. Теперь он ходит в старом сертуке без эполет, пьет серную воду изо всех сил, как будто серьезно лечится, и удивляется, что никак не мог познакомиться, несмотря на то, что всякий день ходил по бульвару и в кондитерскую и не жалел денег на театр, извозчиков и перчатки, с *аристократией* (здесь во всякой говенной крепостчонке есть аристократия), а аристократия как назло устраивает кавалькады, пикники, и его никуда не пускают. Почти всех офицеров, которые приезжают сюда, постигает та же участь, и они притворяются, будто только приехали лечиться, хромают с костылями, носят повязки, перевязки, пьянствуют и рассказывают страшные истории про черкесов. Между тем в штабу они опять будут рассказывать, что были знакомы с *семейными домами* и веселились на славу; и всякий курс со всех сторон кучами едут на воды — повеселиться.

Я очень удивился, встретив здесь на днях Еремеева-младшего. Он ужасно болен и женат на Скуратовой. Они здесь *задают тон*, но

несмотря на это я редко вижу с ними: она очень глупа, а он — Еремеев. Притом же у них беспрестанный картеж, а он мне вот где сидит. Время производства моего будет еще очень не скоро; со всеми проволочками, никак не раньше 53-го года.

Ты был в Москве, в Петербурге, пожалуйста, расскажи мне про наших знакомых: Дьяков, Ферзен, Львов, Озеров, Иславицы, Волконские, даже Горчаковы?

Связывают ли тебя теперь какие-нибудь узы с Машей и какие это узы? Митенька прошлого года хотел ехать на лондонскую выставку и уехал в Москву, нынче он писал мне*, что хочет ехать на Кавказ или в Крым, так не уехал ли он в Полтаву?

Прощай, я бы писал больше, но очень устал, а устал оттого, что не спал всю эту ночь. Вчера в первом часу меня разбудил на моем дворе плач, писк, крики и страшный шум. Мой хозяин ехал ночью с ярмарки, с ним повстречался татарин — пьяный и в виде шутки выстрелил в него из пистолета. Его привезли, посадили на землю посередине двора, сбежались бабы, пьяные родственники,

окружили его, и никто не помогал ему. Пуля пробила ему левую грудь и правую руку. Сцена была трогательная и смешная. Посередине двора весь в крови сидит человек, а кругом него столпилась огромная пьяная компания. Один какой-то пьяный офицер рассказывает, как он сам был два раза ранен и какой он молодец, баба орет во все горло, что Шамиль пришел, другая, что она теперь ни за что по воду ночью ходить не будет и т. д. и т. д. Наконец уж я послал за доктором и сам перевязал рану. Тут прибежал мертвецки пьяный фершал, сорвал мою повязку и еще раз разбередил рану, наконец приехал доктор и еще раз перевязал. Раненый — человек лет пятидесяти из хохлов, красавец собой и удивительный молодец. Я никогда не видел, чтобы так терпеливо переносили страдания. Однако, кажется, мы вместе с доктором, который все шутит, уморили его. Я сейчас заходил к нему и никак не мог разуверить его, что он умрет. Он очень плох, харкает кровью, это верный признак смерти, но говорит и только морщится. Я пишу подробно о вещи, до которой тебе нет никакого дела, потому, что сам нахожусь еще

под этим впечатлением. Кроме этого старика в моей квартире лежит Ванюшка — при смерти больной. У него *fièvre lente**.

22. Т. А. Ергольской
<перевод с французского>

1852 г. *Июня 26. Пятигорск.*
26 июня.

Пятигорск.

За что вы обижаете меня, дорогая тетенька? Ваше письмо* вы начинаете со слов, что мне, вероятно, наскучили ваши письма, поэтому так давно я не писал вам. Разве только одна эта причина могла помешать мне писать вам. Ежели вы предполагаете именно эту, значит, вы не доверяете ни одному моему слову из того, что я вам пишу, и вы считаете меня лицемером, выставляющим напоказ те чувства, которых у него нет. Такого недоверия с вашей стороны я не заслужил. Если я не имею возможности письменно разъяснить вам причины своих поступков, как бы сделал на словах, то виноват в этом не я, а наша разлука. И я думаю, милая тетенька, что не пере-

писка облегчает разлуку, а обоюдное доверие; а вы его ко мне не имеете. С тех пор, как мы расстались, я не испытал минуты сомнения в вашей привязанности; дорогая тетенька, вы во мне сомневаетесь, и вы не поверите, как мне это больно. Нет, впрочем, я вздор говорю — разве я имею право вам не доверять? Всею вашей жизнью, полной любви и постоянства, вы доказали свои чувства. А я что сделал для этого? я вас огорчал, я не следовал вашим советам, я не умел ценить вашей любви. Да, конечно, вы имеете право считать меня лицемером и лжецом, но все-таки напрасно вы это делаете.

По долгу чести я никогда не скрывал своего поведения, какое бы оно ни было, перед кем бы то ни было. Плохой поступок скрываешь от равнодушных, но только сознание чего-нибудь отвратительного в себе побуждает утаить его от той, кого любишь. С помощью бога, который видит мое сердце и направляет его, я провел эти 8 месяцев, с поездки моей в Тифлис и до сего дня, безупречно и с большим внутренним удовлетворением, чем в какую бы то ни было эпоху моей жизни. Не из само-

любия я говорю это, а только потому, что ежели мне поверите, вам это будет приятно знать. Дорогая тетенька, вы меня обидели жестоко, подозревая меня в лицемерии. Мне нечего скрывать перед кем бы то ни было, а тем более перед вами.

Попытаюсь разъяснить вам то, что вам непонятно в моем служебном деле, равно и причину, почему я раньше этого не исполнил. *Я писал вам из Тифлиса**, что отставка моя была еще не получена, но что несмотря на это я надел мундир и отправляюсь в батарею. Вот как это устроил генерал Вольф. Он приказал написать бумагу в батарею, в которой было сказано, что гр. Толстой изъявил желание поступить на службу, но так как отставки еще нет, и он не может быть зачислен юнкером, то предписываю вам употребить его на службу с тем, чтобы по получении отставки зачислить его на действительную службу, со старшинством со дня употребления на службу в батарею. С этой бумагой в кармане я уехал в Старогладовскую, я Николеньку не застал, он был в походе. Я надел мундир и поехал следом за ним, т. е. ме-

ня употребили на службу, но я не был еще зачислен. Бумага, которую я ждал, в Тифлис пришла в январе, а в Старогладовской была получена только в марте, т. е. по возвращении нашем из похода.

Я написал вам, что мы вернулись из похода*, чтобы вы не беспокоились о нас, так как из письма к Сереже* вы могли узнать, что я намеревался идти в поход. Упомянул я, что иду волонтером, для того, чтобы вы знали, что ни на производство, ни на знак отличия нельзя надеяться. А не упомянул я об этом в своем предпоследнем письме, чтобы не повторять того, что одинаково неприятно я вам и мне; о преследующих меня неудачах во всем, что я предпринимаю. В походе я имел случай быть два раза представленным к Георгиевскому кресту и не мог его получить из-за задержки на несколько дней все той же проклятой бумаги. Я был представлен 17 февраля (мои именины), но были принуждены отказать за отсутствием этой бумаги. Список представленных к отличию был отправлен 19-го, а 20-го была получена бумага*. Откровенно сознаюсь, что из всех военных отличий этот

крестик мне больше всего хотелось получить, и что эта неудача вызвала во мне сильную досаду. Тем более, что для меня возможность получить этот крест уже прошла. Конечно, я скрыл свою досаду, не только от чужих, но даже от Николенки; по той же причине я и вам об этом не упомянул; но теперь пришлось рассказать, когда вы приняли мою сдержанность за неискренность.

Я писал Валерьяну*, дорогая тетенька, что 12 июля исполнится 6 месяцев моей службы и окончательный срок служения юнкером, но из этого не следует, что в июле я рассчитываю вернуться в Россию. Теперь я знаю, как тянутся эти *переписки*, и не предаюсь пустой надежде. Во всяком случае думаю, что не ранее 53 года я буду иметь счастье поцеловать вас. Сереже я написал два дня тому назад*, но отправляю оба письма зараз. *Ванюшка* поправляется; теперь мой черед — сегодня весь день промучился зубами и лихорадкой. Третьего дня встретил Протасова, и, хотя я мало с ним знаком, я был ему очень рад. Он мне сказал, что *Сухотин* здесь, я его еще не видел, потому что почти не выхожу из дома. *Хотя глу-*

ная, но все живая грамота. Прощайте, целую ваши ручки. Какая жалость, что 1 том «Новой Элоизы» затерян. Пожалуйста, скажите Сереже, чтобы он поискал его у себя и у Чулковых.

23. Н. А. Некрасову

1852 г. Июля 3. Станица Старогладковская.

3-го июля 1852-го года.

Милостивый государь!

Моя просьба будет стоять вам так мало труда, что, я уверен — вы не откажетесь исполнить ее. Просмотрите эту рукопись* и, ежели она не годна к напечатанию, возвратите ее мне. В противном же случае оцените ее, вышлите мне то, что она стоит по вашему мнению, и напечатайте в своем журнале. Я вперед соглашаюсь на все сокращения, которые вы найдете нужным сделать в ней, но желаю, чтобы она была напечатана без прибавлений и перемен.

В сущности, рукопись эта составляет 1-ю часть романа — «Четыре эпохи развития»;* появление в свет следующих частей будет зависеть от успеха первой. Ежели по величине

своей она не может быть напечатана в одном номере, то прошу разделить ее на три части: от начала до главы 17-ой, от главы 17-ой до 26-ой и от 26-ой до конца.

Ежели бы можно было найти хорошего писца там, где я живу, то рукопись была бы переписана лучше, и я бы не боялся за лишнее предубеждение, которое вы теперь непременно получите против нее.

Я убежден, что опытный и добросовестный редактор — в особенности в России — по своему положению постоянного посредника между сочинителями и читателями, всегда может вперед определить успех сочинения и мнения о нем публики. Поэтому я с нетерпением ожидаю вашего приговора*. Он или поощрит меня к продолжению любимых занятий, или заставит сжечь все начатое.

С чувством совершенного уважения, имею честь быть, милостивый государь, ваш покорный слуга *Л. Н.*

Адрес мой: через город Кизляр в станицу Старогладковскую, поручику артиллерии графу Николаю Николаевичу Толстому с переда-

чею Л. Н. Деньги для обратной пересылки — вложены в письмо.

24. Н. А. Некрасову

1852 г. *Сентября 15. Станица Старо-
гладковская.*

Милостивый государь.

Меня очень порадовало доброе мнение, выраженное вами о моем романе;* тем более, что оно было первое, которое я о нем слышал, и что мнение это было именно ваше. Несмотря на это, повторяю просьбу, с которой обращался к вам в первом письме моем: оценить рукопись, выслать мне деньги, которые она стоит по вашему мнению, или прямо сказать мне, что она ничего не стоит.

Принятая мною форма автобиографии и принужденная связь последующих частей с предыдущею так стесняют меня, что я часто чувствую желание бросить их и оставить 1-ую без продолжения*.

Во всяком случае, ежели продолжение будет окончено, и как скоро оно будет окончено, я пришлю его вам. В ожидании вашего ответа с истинным уважением, имею честь

БЫТЬ.

милостивый государь, ваш покорный слуга Л. Н.

Адрес: В г. Кизляр. Графу Николаю Николаевичу Толстому с передачею Л. Н.

15 сентября 1852.

25. Н. А. Некрасову

<неотправленное>

1852 г. *Ноября 18. Станица Старогладковская.* 18 ноября 1852.

Милостивый государь!

С крайним неудовольствием прочел я в IX № «Современника» повесть под заглавием «История моего детства» и узнал в ней роман «Детство», который я послал вам. Первым условием к напечатанию поставлял я, чтобы вы прежде оценили рукопись и выслали мне то, что она стоит по вашему мнению*. Это условие не исполнено. Вторым условием — чтобы ничего не изменять в ней. Это условие исполнено еще менее, вы изменили все, начиная с заглавия. Прочитав с самым грустным чувством эту жалкую изуродованную по-

ведь, я старался открыть причины, побудившие редакцию так безжалостно поступить с ней*. Или редакция положила себе задачей как можно хуже изуродовать этот роман, или бесконтрольно поручила корректуру его совершенно безграмотному сотруднику. Заглавие «Детство» и несколько слов предисловия* объясняли мысль сочинения; заглавие же «История моего детства» противоречит с мыслью сочинения. Кому какое дело до истории моего детства?.. *Портрет моей маменьки* вместо *образка моего ангела* на 1-ой странице такая перемена, которая заставит всякого порядочного читателя бросить книгу, не читая далее. Перечесть всех перемен такого рода нет возможности и надобности; но не говоря о бесчисленных обрезках фраз без малейшего смысла, опечатках, неправильно переставленных знаках препинания, дурной орфографии, неудачных перемен слов *дышать*, вместо *двошать* (о собаках), *в слезах пал на землю*, вместо *повалился* (падает скотина), доказывающих незнание языка, замечу одну непостижимую для меня перемену. Для чего выпущена вся история любви *Натальи Са-*

вишны, история, обрисовывавшая ее, быт старого времени и придававшая возможность и человечность этому лицу. Она даже подавила любовь к официанту Фоке. Вот бессмысленная фраза, заменяющая это место. Слово *délique* в записке Мими переведено *горячность*. Чугунная доска, в которую бьет караульщик, заменена *медной*. Непостижимо! Скажу только, что, читая свое произведение в печати, я испытал то неприятное чувство, которое испытывает отец при виде своего любимого сына, уродливо и неровно обстриженного самоучкой-парикмахером. «Откуда взялись эти плешины, вихры, когда прежде он был хорошенький мальчик». Но мое дитя и было не очень красиво, а его еще окорнали и изуродовали. Я утешаюсь только тем, что имею возможность напечатать с своею фамилией весь роман отдельно и совершенно отказаться от повести «История моего детства», которая по справедливости принадлежит не мне, а неизвестному сотруднику вашей редакции*.

Имею честь быть, милостивый государь,
ваш покорнейший слуга Л. Н.

26. Н. А. Некрасову

1852 г. Ноября 27. Станица Старогладковская.

Милостивый государь!

Очень сожалею, что не могу тотчас исполнить вашего желания, прислав что-нибудь новое для напечатания в вашем журнале; тем более что условия, которые вы мне предлагаете, нахожу для себя слишком выгодными и вполне соглашаюсь на них*.

Хотя у меня кое-что и написано*, я не могу прислать вам теперь ничего: во-первых, потому что некоторый успех моего первого сочинения развил мое авторское самолюбие, и я бы желал, чтобы последующие не были хуже первого, во-вторых, вырезки, сделанные цензурой в «Детстве», заставили меня во избежание подобных переделывать многое снова*. Не упоминая о мелких изменениях, замечу два, которые в особенности неприятно поразили меня. Это выпуск истории любви Натальи Савишны, обрисовывавшей в некоторой степени быт старого времени и ее характер и придававшей человечность ее личности; и

перемена заглавия. Заглавие: «Детство» и несколько слов предисловия объясняли мысль сочинения; заглавие же «История моего детства», напротив, противоречит ей. Кому какое дело до истории *моего* детства? Последнее изменение в особенности неприятно мне, потому что, как я писал вам в первом письме моем, я хотел, чтобы «Детство» было первой частью романа, которого следующие — должны были быть: «Отрочество», «Юность» и «Молодость».

Я буду просить вас, милостивый государь, дать мне обещание, насчет будущего моего писания, ежели вам будет угодно продолжать принимать его в свой журнал, — не изменять в нем ровно ничего. Надеюсь, что вы не откажете мне в этом. Что до меня касается, то повторяю обещание прислать вам первое, что почту достойным напечатания.

Подписываюсь своей фамилией, но прошу, чтобы это было известно одной редакции*.

С совершенным уважением имею честь быть, милостивый государь, ваш покорнейший слуга

г. Л. Н. Толстой.

Р. С. Будьте так добры, пришлите мне экземпляр моей повести, ежели это возможно.

27. С. Н. Толстому

1852 г. Декабря 10. Станица Старогладковская. 10 декабря 1852.

Старогладковская.

Я так хорошо знаю тебя, что, как только послал свою рукопись, сказал Николеньке, что, как только она выйдет в печати, ты непременно напишешь мне на нее свои замечания, и ожидал и получил их с большим нетерпением и удовольствием, чем отзывы журналов*. Ты боишься, чтобы я не возгордился и не проиграл в карты. Видно, что давно уже мы не видались. Мысль о картах, я думаю, с год не приходила мне в голову; что же касается до того, чтобы я не опустился в следующих своих сочинениях, надеюсь, что этого не случится, вот почему: я начал новый, серьезный и полезный, по моим понятиям, роман*, на который намерен употребить много времени и все свои способности. Я принялся за него с таким же чувством, с которым я в детстве принимался рисовать картинку, гово-

ря, что «эту картинку я буду рисовать три месяца». Не знаю, постигнет ли роман участь картинки; но дело в том, что я ничего так не боюсь, как сделаться журнальным писакой, и, несмотря на выгодные предложения редакции, пошлю в «Современник» — и то едва ли — один рассказ, который почти готов и который будет очень плох*. Не беда! Это будет последнее сочинение г-на Л. Н. Ты не поверишь, сколько крови перепортило мне печатание моей повести, — столько в ней выкинуто действительно хороших вещей и глупо переменено цензурой и редакцией. В доказательство этого посылаю тебе письмо, которое я в первую минуту досады написал, но не послал в редакцию*. Мне неприятно думать, что ты можешь приписать мне различные пошлости, вставленные каким-то господином.

На днях я рассчитывал, как скоро я могу быть представлен* и выйти в отставку. С большим счастьем через 1½ года, без всякого счастья — через два, с несчастьем — через 3. Признаюсь — мне очень скучно, даже часто бывает грустно; но что ж делать? зато жизнь эта принесла мне большую пользу. Пускай

мне, после того, как я вырвусь отсюда, придется два-три года прожить на свободе — я сумею прожить их хорошо. Напрасно ты думаешь, что план твой может мне не понравиться*. Я уж тысячу раз, еще в России мечтал о нем и, только боясь твоей положительности, не предлагал его тебе. Одно не нравится мне: это то, что ты не хочешь жить в деревне; я же только о том и мечтаю, как бы опять и навсегда поселиться в деревне и начать тот же самый образ жизни, который я вел в Ясной, приехав из Казани*: то есть другими словами я хочу возвратить времена долгополого сюртука*. Теперь бы я сумел воздержаться от необдуманности, самоуверенности, тщеславия, которые тогда портили все мои добрые предприятия. Ежели бы не эта мечта, которую с божьей помощью надеюсь привести в исполнение, я бы не мог себе представить жизни лучше той, которую ты предлагаешь, хотя вперед знаю, что не всегда буду находиться под влиянием того чувства, которое произвело во мне твое письмо. Но Никольское, Ясное и Пирогово недалеко; и план твой может осуществиться в деревне, и по-моему в

10 раз, чем в каком-нибудь городе, в котором бы мы жили без дел и обязанностей — только так, чтобы жить где-нибудь. *Узы*, которые тяготят тебя, беспокоят и меня*. Зная твой характер, я ничего не могу тебе желать и советовать лучшего, как во что бы то ни стало *поскорее* разорвать их. *Время все идет*. Но только не едь для этого на Кавказ. Не знаю почему, но мне приятнее будет еще дожидаться, чем испортить это удовольствие, свидевшись с тобой на Кавказе. Я связан службою, ты же, приехав сюда, не останешься жить в Старогладковской, где гадко и скучно. Не знаю почему, но мне этого очень не хочется.

Где ты был нынешнею зимою? я ничего не знаю про тебя. Как твои денежные дела? Прощай. Давай, пожалуйста, переписываться поаккуратнее. Ты давно уже обещал прислать мне свой портрет. Я ожидаю его.

28. Н. А. Некрасову

1852 г. Декабря 26. Станица Старогладковская.

26 декабря.

Милостивый государь!

Посылаю небольшой рассказ;* ежели вам будет угодно напечатать его на предложенных мне условиях, то будьте так добры, исполните следующие мои просьбы: не выпускайте, не прибавляйте, а главное, не перемешайте в нем ничего. Ежели бы что-нибудь в нем так не понравилось вам, что вы не решитесь печатать без изменения, то лучше подождать печатать и объясниться.

Ежели, против чаяния, цензура вымарает в этом рассказе слишком много, то, пожалуйста, не печатайте его в изувеченном виде, а возвратите мне*. На последней странице я означил X и * два варианта, которые я сделал в двух местах, за которые я боюсь в этом отношении; просмотрите и вставьте их, ежели найдете это полезным*.

Я полагаю, что примечания, которые я сделал на последнем листе, или по крайней мере

некоторые из них, необходимы для русских читателей*.

Я бы тоже желал, чтобы деления, означенные мною черточкой, так бы и оставались в печати.

Извините, что рукопись уродливо и нечисто написана; и то мне стоило ужасного труда!

В ожидании вашего ответа и мнения о этом рассказе имею честь быть, с совершенным уважением, ваш покорнейший слуга

г. Л. Толстой.

1853

29. А. И. Барятинскому <черновое>

1853 г. Июля 15? Пятигорск.

Может показаться странным и даже дерзким, что я в частном письме обращаюсь прямо к вам, генералу. Но несмотря на то, что в моих глазах, надеюсь тоже и в ваших, — я имею столько же права требовать от вас справедливости, сколько и вы от меня, я имею право, чтобы выслушали меня; — право, основанное не на вашем добром расположении, которым я пользовался когда-то, но правом на том зле, которое, может быть невольно, вы сделали мне.

Чтобы объяснить мои слова, я должен войти в некоторые подробности, которые могут показаться вам лишними и несколько вас не касающимися, но мне кажется, что, ежели вы сделали мне зло, то я имею право сказать вам по крайней мере, в чем оно состоит и как оно велико.

В 1851 году вы советовали мне поступить в военную службу. Без сомнения, человек не может упрекать другого в поданном совете, последовавши которому он не нашел тех выгод, которые представлялись ему. Но вы, как начальник левого фланга, давая мне совет поступить на службу под ваше начальство, я полагаю, обязывались, по крайней мере, в том, чтобы в отношении ко мне была соблюдена справедливость. Я имел ветренность послушаться вашего совета, но с тех пор, как я поступил на службу, доброе расположение переменилось в злое, почему, я совершенно не ведаю... Я поступил 16 месяцев тому назад на праве 6-месячном. Я два года был в походах и оба раза весьма счастливо. 1 год неприятель подбил ядром колесо орудия, которым я командовал, на другой год, наоборот, неприятельское орудие подбито тем взводом, которым я командовал.

Оба раза ближайшие начальники сочли меня достойным наград и представили меня, и оба раза г. Левин ни к чему не представил меня; в первый раз на том основании, что будто бы я еще не был на службе; тогда [как]

я был представляем за 17 и 18 февраля, а я утвержден на службе с 8 февраля, второй раз на том основании, что не могу получить вместе креста и чина, а по его мнению достоин чина, к которому и представлен, и который со всевозможным счастьем могу я получить через 13 месяцев за отличие; т. е., прослужа юнкером 2 с половиной года; тогда как по закону я должен получать его через 6 месяцев*. Все это ничего бы не значило для меня, ежели [бы] я предполагал всю остальную жизнь пробыть в уединении, — или на Кавказе, — мне не нужно бы было объяснять моим родным и знакомым, каким образом, прослужа 2 года на Кавказе, бывая в походах и пользуясь расположением князя Барятинского (потому что, чтобы оправдать свое поступление на службу, я имел ветренность писать об этом своим родным), я мог не получать не только ни одной награды, но даже не быть офицером. Я могу показать несколько писем, в которых родные не верят мне и допрашивают меня, не разжалован ли я в солдаты. Это может казаться смешным в таком положении, как ваше, но поверьте, что я часто провожу тяжелые мину-

ты, думая об этом. Кроме того, дела мои расстроены, присутствие мое необходимо в России, и я не могу получить отставки, так как бумаги мои, бог знает почему, задержаны в и. д.*, и я еще не юнкер, а феерверкер. Вы можете сказать, что это не ваша вина, что зачем же я поступал на службу, можете сказать, что участь многих точно такая же, как и моя, что, должно быть, я сам виноват в этом, можете тоже сказать — вам нет до этого никакого дела.

30. Т. А. Ергольской **<перевод с французского>**

1853 г. Августа вторая половина, Пятигорск*.

Дорогая тетенька!

Со мной довольно часто случается, что по нескольку недель подряд я не получаю писем. Сейчас я в подобном положении; отовсюду я жду писем, которые должны решить мою судьбу, т. е. решить, могу ли я вернуться в Россию или нет, и вы можете судить о моем нетерпении. Но ваше молчание еще более

огорчает меня. Не знаю, почему в нашей переписке, которой я так наслаждался, в последнее время наступил перерыв, она стала не так последовательна. Ежели бы мои письма зависели от моей привязанности к вам, я бы писал гораздо чаще потому, что никогда так сильно не тянуло меня к вам, как теперь, с тех пор, как появилась надежда, что сбудется то, что я так горячо желаю.

Что вам рассказать о моей службе? Не хочется говорить о том, что неприятно. И скучно и длинно описывать все неприятные задержки, скажу вам лишь, что все это мне надоело и хочется как можно скорее бросить службу.

Здоровье мое хорошо, и это меня успокаивает по отношению к Машеньке, болезнь которой не поддается лечению. В прошлом году я болел тем же, и воды меня вполне поправили. И ей они также помогут, надеюсь.

Мои литературные занятия плохо подвигаются или, лучше сказать, не подвигаются вовсе*. Состояние неуверенности, и опасений, и надежды, в котором я нахожусь, нарушают ровность и спокойствие духа, необходимые

для того, чтобы работать с успехом и охотою.

Николенька уезжает, Валерьян и Машенька скоро соберутся за ним, чего желаю; ежели они останутся, стало быть, Машеньке будет хуже. И я останусь в одиночестве, что мне будет особенно чувствительно после двух месяцев жизни в семье. Больше, чем когда-либо буду ждать утешения от ваших чудесных писем, постоянно напоминающих мне о том, какое редкое счастье иметь такого друга, которому я могу поверять и горести и радости.

Целую ваши ручки, дорогая тетенька.

Лев.

31. Н. А. Некрасову

1853 г. *Сентября 17. Пятигорск.*
Милостивый государь Николай
Алексеевич.

Посылаю небольшую статью для напечатания в вашем журнале*, Я дорожу ею более, чем «Детством» и «Набегом», поэтому в третий раз повторяю условие, которое я полагаю для напечатания, — оставление ее в совершенно том виде, в котором она есть. В последнем письме вашем вы обещали мне сообразоваться с моими желаниями в этом отношении*. Ежели бы цензура сделала снова вырезки, то, ради бога, возвратите мне статью или по крайней мере напишите мне прежде печатания. Напечатать эту статью под заглавием, выставленным в начале тетради, или: «Самубийца. Рассказ маркера» будет зависеть совершенно от вашего произвола.

(Н. С.), поставленные над строкой, означают новую строку. В ожидании вашего ответа и суда об посылаемой вещи имею честь быть, с совершенным уважением, ваш покорнейший слуга

граф Л. Толстой.

17 сентября 1853 г. Пятигорск.

32. Т. А. Ергольской

<перевод с французского>

1853 г. *Декабря 27 — 1854 г. Января 1.*
Станица Старогладковская.

27 декабря 1853

Старогладковская

Дорогая тетенька!

С глаз долой, из сердца вон. Ваши письма становятся все короче и реже. Невольно забываешь тех, кого любил, если ничто их не напоминает, связи теряют силу и заменяются равнодушием. К несчастью, я испытал это на себе, три года тому назад я думал, что у меня много друзей, а теперь я чувствую себя одиноким и чужим для всех, кого я люблю. Даже ваша привязанность, в которой я был больше всего уверен, начинает остывать от продолжительной разлуки. Это мне тем более тяжело, что я не смогу лишиться вашей нежности. Чем дольше я вас не вижу и не получаю ваших писем, тем больше я о вас думаю и я чув-

ствую, что мое уважение и любовь к вам никогда не изменятся, не ослабнут.

Я огорчаю вас этим письмом, простите, милая тетенька. Я беспокою вас ради себя, мне так хочется о вас думать, поговорить с вами в минуту уныния и грусти. С некоторого времени я очень грустен и не могу в себе этого преодолеть: без друзей, без занятий, без интереса ко всему, что меня окружает, лучшие годы моей жизни уходят бесплодно, для себя и для других; мое положение, может быть, сносное для иных, становится для меня с моей чувствительностью все более и более тягостным. Дорого я плачу за проступки своей юности...

Пишите мне почаще, дорогая тетенька, ничто меня так не радует, не ободряет, как несколько строчек от вас, доказывающих, что вы не перестаете меня любить, думать обо мне, и ничто так не дорого мне, как ваши советы, внушенные вашей нежной привязанностью ко мне.

Чтобы дольше не омрачать вас своим унынием, я лучше закончу письмо; потому что мне невозможно притворяться веселым и довольным. Постараюсь найти более благопри-

ятное расположение. Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши руки и еще прошу не бросать меня, как последние шесть месяцев, когда я получил от вас только одно коротенькое письмо, — ваши письма мне так нужны.

Ничего не знаю положительного насчет выраженного мною желания перейти в армию, действующую в Турции, равно и о моем производстве за участие в походе прошлой зимой*. Думаю, что ничего из этого не выйдет. Бумаг, которых не оказалось 2 года тому назад, нет и теперь. Похода нынешнею зимой не будет. Отставки и отпуска запрещены до окончания Турецкой войны. Вот и все касательно службы. А занятия мои все в том же положении; т. е. я ровно ничего не делаю. Я в слишком дурном и грустном расположении духа, чтобы смочь работать над чем-нибудь. Распечатал это письмо в первую минуту нового года; не могу начать его лучше, как думая о вас. Пошли вам бог исполнение ваших желаний; я уверен, что среди них вы молитесь и о том, чтобы нам свидеться, и о моем личном счастье.

Прощайте, дорогая тетенька, не могу выра-

ЗИТЬ, КАК Я ВАС ЛЮБЛЮ...

1854

33. Т. А. Ергольской <перевод с французского>

1854 г. Июля 5. Бухарест*.

Дорогая и чудесная тетенька!

Представьте себе, что я только вчера получил ваше и Митенькино письмо от 14-го апреля*, писанное еще из Курска. Отвечать на все получаемые мною письма вошло в мою привычку; но отвечать на ваши — т. е. думать о вас, с вами беседовать, одно из величайших моих удовольствий. Как я уже писал вам, кажется, в своем последнем письме*, я в Бухаресте живу покойно и приятно. Итак, рассказывать я буду о прошедшем — свои воспоминания о Силистрии*. Столько я видел интересного, поэтического и трогательного, что время, проведенное мною там, никогда не изгладится из моей памяти. Лагерь наш был расположен по ту сторону Дуная, т. е. на правом берегу, на возвышенной местности, среди великолепных садов, принадлежащих Мустафа-Па-

ше, губернатору Силистрии. Расстилающаяся перед глазами местность не только великолепна, она представляла для всех нас огромный интерес. Не говоря о Дунае, его островах и берегах, одних занятых нами, других турками, как на ладони видны были город, крепость и малые форты Силистрии. Слышна была пушечная пальба и ружейная, не переставшие ни днем, ни ночью, и в подзорную трубу можно было различить турецких солдат. По правде сказать, странное удовольствие глядеть, как люди друг друга убивают, а между тем и утром и вечером я со своей *повозки* целыми часами смотрел на это. И не я один. Зрелище было поистине замечательное, и, в особенности, ночью. Обыкновенно ночью наши солдаты работали в траншеях, турки нападали, чтобы препятствовать этим работам, и надо было видеть и слышать эту стрельбу! В первую ночь, которую я провел в лагере, этот страшный шум разбудил и напугал меня; думая, что это нападение, я поспешил велеть оседлать свою лошадь; но люди, проведенные уже некоторое время в лагере, сказали мне, что беспокоиться нечего, что и канонада та-

кая, и ружейная стрельба вещь обычная, прозванная в шутку «Аллах». Я лег, но не мог заснуть и стал забавляться тем, что, с часами в руках, считал пушечные выстрелы; насчитал я 100 взрывов в минуту. Вблизи, однако, все это не так страшно, как кажется, ночью в полной темноте точно соревновались между собой, кто больше потратит пороха, и тысячами пушечных выстрелов убито было самое большое человек 30 с той и другой стороны.

Вы мне позволите, милая тетенька, обратиться в этом письме к Николеньке; начав рассказывать о подробностях войны, я хотел бы продолжать обращаться к мужчине, который поймет меня и сможет разъяснить то, что вам покажется неясным. Итак, вот что происходило перед нашими глазами ежедневно, а когда меня посылали с приказами в траншеи, и я принимал в нем участие; но бывали у нас и необычайные зрелища, как например, накануне штурма, когда при одном из неприятельских батальонов взорвали мину в 240 пудов пороха. В этот день, поутру, князь* был в траншеях со всем генеральным штабом (так как генерал, к которому я прико-

мандирован, состоит в генеральном штабе, то и я был там*) и делал окончательные распоряжения для штурма на следующий день; план — было бы слишком длинно его здесь описывать — был так хорошо составлен, и все в нем было предусмотрено, что никто не сомневался в успехе. По поводу этого должен вам сказать, что я становлюсь поклонником князя (впрочем, надо послушать, как говорят о нем офицеры и солдаты, — не только я никогда не слышал о нем плохого слова, но все его обожают). Под огнем я его видел впервые в это утро. Надо видеть эту слегка комичную фигуру — большого роста, с руками за спиной, фуражкой на затылке, в очках и с чем-то от индюка в манере говорить. Видно, что он так погружен в общий ход дела, что ни пули, ни бомбы для него не существуют, он подвергается опасности с такой простотой, точно он ее не сознает, и невольно делается страшнее за него, чем за себя; приказания отдает ясные, точные и при этом всегда приветлив со всеми и с каждым. Это великий человек, т. е. способный и *честный*, как я понимаю это слово — человек, который всю свою жизнь посвятил

службе отечеству и не из честолюбия, а по долгу. Расскажу вам одну подробность о нем, в связи с историей этого неудавшегося штурма, о котором я начал рассказывать. После обеда того же дня взорвали мину и около 500 артиллерийских орудий [?] стреляли в форт, который собирались взять. Стрельба продолжалась всю ночь напролет; этого зрелища и испытанного волнения забыть невозможно. Ночевать князь отправился со всей свитой [?] в траншеи, чтобы лично распорядиться штурмом, назначенным на три часа ночи. Мы все были там и, как всегда накануне сражения, делали вид, что завтрашний день озабочивает нас не более, чем обычный, но я уверен, что у всех сердце немножко сжималось (и даже не немножко, а очень сильно) при мысли о штурме. Ты знаешь, Николенька, что время, предшествующее сражению, самое неприятное, это единственное время, когда есть досуг для страха, а страх — одно из самых неприятных чувств. К утру, с приближением момента действия, страх ослабевал, а к трем часам, когда ожидалась ракета, как сигнал к атаке, я был в таком хорошем настро-

ении, что ежели бы пришло известие, что штурма не будет, я бы очень огорчился. И вдруг, как раз за час до назначенного штурма, приезжает адъютант фельдмаршала, с приказом снять осаду Силистрии. Могу сказать, что это было принято всеми — солдатами, офицерами, генералами, как настоящее несчастье, тем более, что было известно от шпионов, которые часто являлись к нам из Силистрии и с которыми мне самому приходилось говорить — было известно, что когда овладеют фортом, — а в этом никто не сомневался — Силистрия не сможет продержаться более 2, 3 дней. Полученный приказ должен был больше всех других огорчить князя, не так ли? Во время всей кампании он сделал, что мог, для успеха дела и вдруг в разгар действий является фельдмаршал, который все разрушает; к тому же этот штурм был единственной возможностью исправить наши неудачи, а приказ, его отменяющий, явился за минуту до его исполнения. И что же? Князь не выказал и тени раздражения, а он так впечатлителен, наоборот, он был доволен, что избежал бойни, за которую ответственность ложилась бы на

него, и во все отступление, которым он сам распоряжался, объявив, что двинется лишь за последним солдатом, порядок и замечательная точность были не нарушены, и он казался веселее, чем когда-либо. Его радовала в особенности — эмиграция 7000 болгарских семей, которых мы уводили с собой, чтобы спасти от жестокости турок, жестокости, которой и при моей недоверчивости мне пришлось поверить. По мере того, как мы покидали болгарские селения, являлись турки и, кроме молодых женщин, которые годились в гарем, они уничтожали всех. Я ездил из лагеря в одну деревню за молоком и фруктами, так и там было вырезано все население. И только что князь дал знать болгарам, что желающие могут с нашей армией перейти Дунай и стать русскими подданными, весь край поднялся и с женами, детьми, лошадьми и скотиной двинулись к мосту. Вести всех было немислимо; князь был принужден отказать тем, которые подходили последними. И надо было видеть, как это его огорчило, он принял все делегации от этих несчастных и лично говорил с каждым из них, старался втолковать им, что

это невозможно, предлагал им бросить телеги и скотину, обеспечивая им пропитание до прихода их в Россию, оплачивал из собственных денег частные суда для их переправы, словом, делал, что мог, в помощь этим несчастным. Милая тетенька, хотелось бы, чтобы ваше предсказание сбылось. Мое сильнейшее желанье быть адъютантом человека, как он, которого я люблю и почитаю от глубины души. Прощайте, дорогая и добрая тетенька, целую ваши ручки. Скажите, пожалуйста, Валерьяну, что я прошу его написать в Пятигорск доктору Дроздову, у которого я оставил мой телескоп, чтобы просить его выслать мне телескоп сюда. Прошу его также отправить и то мое письмо Дроздову, которое я ему раньше передал, приложив деньги на почтовые расходы*.

5 июля. Бухарест.

Поздравляю Сережу со днем его рождения. Попеняйте ему за то, что он не написал мне до сих пор. Положим, что и я не писал, но мне это извинительно. Во-первых, потому, что я один пишу всем, а во-вторых, потому, что, хо-

тя я ему и не пишу, он читает всегда мои письма к вам, к Николеньке или Валерьяну, я же о нем знаю только, что он здоров и поехал в Лебедянь. Впрочем, я надеюсь, что Николенька, Сережа и Васенька вспомнят обо мне, когда они соберутся в Березовке, и оттуда я от них от всех получу письмо.

34. Т. А. Ергольской **<перевод с французского>**

1854 г. Октября 17–18. Кишинев*.
1854. 17 октября.

Кишинев

Дорогая тетенька!

Целый век вам не писал, а почему, и сам не знаю, было несколько причин. Главная та, что ничего хорошего я не мог вам сказать о себе. Три месяца я был без денег, и в первый раз мне пришлось испытать, до чего это положение неприятно; говорить об этом не буду, это дело прошлое. Лучше расскажу вам о более для меня приятном. Во-первых, мы в Кишиневе уже скоро 6 недель; город провинциальный, красивый, очень оживленный по

случаю приезда главного штаба и особенно за последние дни, по случаю приезда великих князей Николая и Михаила. Жизнь протекает спокойно, в удовольствиях и в ожидании известий из Крыма. С некоторого времени вести утешительные. Сегодня мы узнали о победе Липранди; он побил англичан, овладел 4 редутами и взял 4 пушки*. Известие это вызвало во мне чувство зависти; ведь я приписан к 12 бригаде, которая участвовала в бою, и неделю тому назад я чуть было не уехал туда. Люди, вообще, никогда не довольны своей судьбой, я же — в особенности; в беспрерывном походе за границей я только и мечтал о счастье отдыха; теперь же я пользуюсь всеми удобствами жизни, имею хорошую квартиру, фортепиано, вкусный обед, установившиеся занятия и приятных знакомых, и я опять мечтаю о походной жизни и завидую тем, кто там. Вчера я прервал письмо, поехал в собрание; смотрел, как танцевали великие князья. На вид они кажутся добрыми малыми и оба очень красивы. На бал приехал адъютант Липранди, и там он рассказывал *подробности* дела. Не знаю, с таким ли горячим интересом у вас

относятся к происходящему в Крыму; здесь же приезд курьера из Севастополя составляет эпоху в жизни, и когда вести печальные — то всеобщее горе. Зато вчера все выглядели именниками; я сам выпил за ужином целую бутылку шампанского и домой вернулся выпивши, чего со мной уже очень давно не было. С некоторого времени я занят одним начинанием, о котором я вам расскажу, только ежели оно удастся; работаю я с большим удовольствием, потому что это вещь действительно полезная*. Это тоже одна из причин моего долгого молчания. Мне нужно написать Валерьяну, но чувствую, что не успею с этой почтой. Так будьте добры, дорогая тетенька, передайте ему от меня, что я благодарю его за продажу дома* (я было потерял всякую надежду на такую удачную продажу) и за присылку денег, предназначенных на покупку лошадей и так и истраченных. Но эта присылка не изменяет моего предыдущего распоряжения о том, чтобы я получал 600 р. в год, начиная с сентября месяца. И так как я уже получил 150 р., то прошу его как можно скорее выслать еще 150 р. *То есть, то, что я себе*

положил до января. Мне нужны деньги теперь, потому что я заплатил долги, а в январе получу жалованье. Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки и прошу извинить меня за это короткое и бестолковое письмо. Еще прошу Валерьяна велеть мне купить в Москве в счет упомянутых 150 р.:

Артиллерийскую каску с 12 №

... полусаблю

и ... пару эполет с 12 №

Каска чтобы была самая маленькая.

35. С. Н. Толстому

1854 г. Ноября 20. Эски-Орда.
20 ноября.

Любезный друг Сережа!

Я бог знает как виноват перед всеми вами с самого моего отъезда*, и отчего это случилось, сам не знаю; то рассеянная жизнь, то скверное положение и расположение, то война*, то кто-нибудь помешает и т. д. и т. д. Главная же причина — рассеянная и обильная впечатлениями жизнь. Столько я переузнал, переиспытал, перечувствовал в этот год, что решительно не знаешь, с чего начать описы-

вать, да и сумеешь ли описать, как хочется. Ведь я тетеньке написал про Силистрию*, а тебе и Николеньке я не напишу так, — я б хотел вам передать так, чтобы вы меня поняли, как я хочу. Теперь Силистрия старая песня, теперь Севастополь, про который, я думаю, и вы читаете с замиранием сердца, и в Севастополе я был 4 дня тому назад*. Ну, как тебе рассказать все, что я там видел: и где я был и что делал, и что говорят пленные и раненые французы и англичане и *больно ли им и очень ли больно им*, и какие герои наши моряки и наши солдаты и какие герои наши враги, особенно англичане. Рассказывать это все будем в Ясной Поляне или Пирогове; а про многое ты от меня же узнаешь в печати. Каким это образом, расскажу после, теперь же дам тебе понятие о том, в каком положении наши дела в Севастополе. Город осажден с одной стороны, с южной, на которой у нас не было никаких укреплений, когда неприятель подошел к нему. Теперь у нас на этой стороне больше 500 орудий огромного калибра и несколько рядов земляных укреплений, решительно неприступных. Я провел неделю в крепости и

до последнего дня блудил, как в лесу, между этими лабиринтами батарей. Неприятель уже более 3-х недель подошел в одном месте на 80 сажен и нейдет вперед, при малейшем движении его вперед его засыпают градом снарядов. Дух в войсках свыше всякого описания. Во времена древней Греции не было столько геройства. Корнилов, объезжая войска, вместо: «Здорово, ребята!», говорил: «Нужно умирать, ребята, умрете?» — и войска кричали: «Умрем, ваше превосходительство. Ура!» И это был не эффект, а на лице каждого видно было, что не шутя, а *взаправду*, и уж 22 000 исполнили это обещание. Раненый солдат, почти умирающий, рассказывал мне, как они брали 24-го* французскую батарею и их не подкрепили; он плакал навзрыд. Рота моряков чуть не взбунтовалась за то, что их хотели сменить с батареи, на которой они простояли 30 дней под бомбами. Солдаты вырывают трубки из бомб. Женщины носят воду на бастионы для солдат. Многие убиты и ранены. Священники с крестами ходят на бастионы и под огнем читают молитвы. В одной бригаде 24-го было 160 человек, которые, раненные,

не вышли из фронта. Чудное время! Теперь, впрочем, после 24-го умы поуспокоились, в Севастополе стало прекрасно. Неприятель почти не стреляет, и все убеждены, что он не возьмет города, и это действительно невозможно. Есть 3 предположения: или он пойдет на приступ, или занимает нас фальшивыми работами, чтобы прикрыть отступление, или укрепляется, чтобы зимовать. Первое менее, а второе более всего вероятно. Мне не удалось ни одного раза быть в деле; но я благодарю бога за то, что я видел этих людей и живу в это славное время. Бомбардированье 5-го числа останется самым блестящим славным подвигом не только в русской, но во всемирной истории*. Более 1500 орудий два дня действовали по городу и не только не заставили сдать его, но не заставили замолчать и 1/20-ой наших батарей. Ежели, как мне кажется, в России невыгодно смотрят на эту кампанию, то потомство поставит ее выше всех других; не забудь, что мы с равными, даже меньшими силами, с одними штыками и с худшими войсками в русской армии (как 6-й корпус), деремся с неприятелем многочисленнейшим,

имеющим еще флот, вооруженный 3000 орудий, отлично вооруженным штуцерами и с лучшими его войсками. Уж я не говорю о преимуществе его генералов. Только наше войско может стоять и побеждать (мы еще победим, в этом я убежден) при таких условиях. Надо видеть пленных французов и англичан (особенно последних): это молодец к молодцу, именно морально и физически, *народ бравый*. Казаки говорят, что даже рубить жалко, и рядом с ними надо видеть нашего какого-нибудь егеря: маленький, вшивый, сморщенный какой-то.

Теперь расскажу, каким образом ты в печати будешь от меня же узнавать о подвигах этих вшивых и сморщенных героев. В нашем артиллерийском штабе, состоящем, как я, кажется, писал вам, из людей очень хороших и порядочных, родилась мысль издавать военный журнал, с целью поддерживать хороший дух в войске, журнал дешевый (по 3 р.) и популярный, чтобы его читали солдаты. Мы написали проект журнала и представили его князю. Ему очень понравилась эта мысль, и он представил проект и пробный листок, ко-

торый мы тоже составили, на разрешение государя*. Деньги для издания авансируем я и Столыпин. Я избран редактором вместе с одним господином Константиновым, который издавал «Кавказ» и человек опытный в этом деле. В журнале будут помещаться описания сражений, не такие сухие и лживые, как в других журналах. Подвиги храбрости, биографии и некрологи хороших людей и преимущественно из темненьких; военные рассказы, солдатские песни, популярные статьи об инженерном, артиллерийском искусстве и т. д. Штука эта мне очень нравится: во-первых, я люблю эти занятия, а во-вторых, надеюсь, что журнал будет полезный и не совсем скверный. Все это еще предположения до тех пор, пока не узнаем ответа государя, а я, признаюсь, боюсь за него: в пробном листке, который послан в Петербург, мы неосторожно поместили 2 статьи, одна моя, другая Ростовцева, не совсем *православные**. Для этой же штуки мне и нужны 1500 р., которые лежат в приказе и которые я просил Валерьяна* прислать мне. Так как я уже проболтался тебе об этом, то передай и ему. Передай кстати Валерьяну,

что я на днях имел счастье представляться его бывшему генералу*, что он ужасно стар, что, несмотря на то, что он это скрывает, я убежден, что [у] него песок из ж... сыпется, что под Алмой он вел себя столько же храбро — сколько и глупо. Между прочим, об нем очень спрашивал.

Я, слава богу, здоров, живу весело и приятно с самых тех пор, как пришел из-за границы. Вообще все мое пребывание в армии разделяется на 2 периода, за границей скверный, — я был и болен, и беден, и одинок, — в границах приятный: я здоров, имею хороших приятелей, но все-таки беден, — деньги так и лезут.

Писать не пишу, но зато *испытываю*, как меня дразнит тетенька. Одно беспокоит меня: я 4-й год живу без женского общества, я могу совсем загубеть и не быть способным к семейной жизни, которую я так люблю. Прощай же, бог знает, когда мы увидимся, ежели вы с Николенькой не вздумаете отъезжим полем завернуть как-нибудь из Тамбова в главную квартиру, а война, кажется, затянулась надолго. За Силистрию я, как и следовало, не

представлен, а по линии получил подпоручика, чему очень доволен, а то у меня было слишком старое обличие для прапорщика, — стыдно было.

36. Н. А. Некрасову

1854 г. *Декабря 19. Эски-Орда.*
Милостивый государь Николай Алексеевич.

Или мои или ваши письма или те и другие — не доходят — иначе я не могу объяснить себе вашего 6-ти месячного молчания;^{1*} а между тем мне бы очень многое было интересно знать от вас. «Современника» тоже с августа я не получаю.

Напечатаны ли и когда будут напечатаны «Рассказ маркера» и «Отрочество» и почему не получаю я «Современника»? Уведомьте меня, пожалуйста, об этом и письмом страховым, чтобы это было вернее.

Адрес мой все тот же: в Кишинев, в главный штаб Южной армии. Мне особенно хотелось бы теперь успокоиться насчет этих 2-х вещей — то есть прочесть их в печати и забрать — для того, чтобы заняться отделкой новых вещей, которые надеюсь поместить в ва-

шем журнале и для которых у меня матерьялов гибель. Матерьялов современного, военного содержания, набранных и приготовленных не для вашего журнала, но для «Солдатского листка», о попытке основания которого при Южной армии вы слышали, может быть, в Петербурге. На проект мой государь император всемилостивейше изволил разрешить печатать статьи наши в «Инвалиде»!* В ожидании скорого ответа вашего с совершенным уважением имею честь быть

ваш покорнейший слуга *гр. Л. Толстой.*

19 декабря.

1855

37. Т. А. Ергольской <перевод с французского>

1855 г. Января 6. Симферополь.
6 января.

Дорогая и чудесная тетенька!

Я знаю, что в глубине души вы не можете сомневаться в моей любви и в том, что она не изменится ни при каких обстоятельствах, и что огорчением вызваны ваши жестокие слова о том, что вы сомневаетесь в моей любви, которая и в разлуке не ослабла и растет с годами день от дня. Ваше письмо от 23 октября, которое я получил 3 января, меня очень опечалило*.

За прошлое лето я написал вам более 5 писем, из них половина, как я вижу, не дошла. Ради бога, дорогая тетенька, никогда не объясняйте равнодушием мое молчание; вы лучше всех знаете, что это не так; что сильнее привязанности у меня нет и не будет в жизни; так не обижайте меня, говоря, что в ней

сомневаетесь и что, вероятно, ваши письма не доставляют мне удовольствия. Я говорил и повторяю от глубины души (я слишком почитаю вас, чтобы осквернить свои чувства к вам неправдою), что ваши письма не удовольствие доставляют мне, но что они для меня огромное благо, что я делаюсь совсем другим, делаюсь лучше, получив одно из ваших писем, что я перечитываю 80 раз, счастлив так, что не могу усидеть на месте, хочется всем их прочесть, что, ежели я вступил на дурной путь, я останавливаюсь и начинаю вырабатывать правила, чтобы исправиться. Ради бога, дорогая тетенька, раз навсегда, объясните мое молчание или неаккуратностью почты (которая чрезмерна в это время), или тем, что понапрасну не хочу вас волновать. А меня не наказывайте своим молчанием.

Я не участвовал в двух кровопролитных и несчастных сражениях в Крыму*, но я прибыл в Севастополь тотчас после того, которое произошло 24-го, и прожил там месяц. Боев в открытом поле не происходит теперь из-за зимнего времени, а зима стоит суровая, осада же продолжается. Каков будет исход кампании,

одному богу известно; как бы то ни было, так или иначе, Крымская война должна окончиться месяца через три или четыре. Но увы! окончание Крымской кампании не значит конец войны; похоже, что она затянется надолго. Кажется, я упоминал в письме к Сереже* и Валерьяну* об одном занятии, которое меня привлекало; теперь это дело решенное, и я могу о нем говорить. Я задумал основать военный журнал. Проект этот я выработал в сотрудничестве многих выдающихся людей, он был одобрен князем и послан на усмотрение его величества; но так как у нас всюду интрига, нашлись люди, которые опасались конкуренции этого журнала, да кроме того, может быть, и направление его было не во взглядах правительства. Государь отказал.

Эта неудача, сознаюсь, меня огорчила ужасно и изменила мои планы. Ежели, бог даст, скоро кончится Крымская кампания, ежели я не получу места, которым я был бы доволен, ежели не будет войны в России, я уеду из армии в Петербург и поступлю в военную академию. Мне пришло это в голову, во-первых, потому что я не хочу бросать литера-

туры, которою невозможно заниматься в условиях походной жизни, во-вторых, потому что я, кажется, становлюсь честолюбив, то есть не честолюбив, я хочу приносить пользу, а для этого надо быть чем-нибудь больше, чем подпоручик, а в-третьих, потому что я вас всех увижу и также всех своих друзей. Николаенька мне пишет, что Тургенев познакомился с Машенькой;* я в восторге от этого; ежели вы встретитесь с ним у них, скажите Вареньке*, что поручаю ей поцеловать его от меня и сказать ему, что, хотя я знаком с ним только по его сочинениям, я многое бы хотел ему сказать. Прощайте, дорогая тетенька; как всегда бывает на Новый год (с которым я вас сердечно поздравляю), я строю пропасть планов и между ними тот, что я увижусь с вами месяцев через 5 или 6, мне приятнее всего. Не знаю, что со мной будет в этом году, но я вступил в него с хорошими предзнаменованиями — я вполне здоров, я в отличном расположении духа, я получил письма от вас и от братьев... Вы знаете, что я слегка суеверен, и я надеюсь, почти ожидаю, что вот-вот со мной случится что-нибудь хорошее. Но так как я не

могу быть счастлив без вас, я надеюсь с вами скоро увидеться.

38. Н. А. Некрасову

1855 г. Января 11. Эски-Орда.
Милостивый государь Николай Алексеевич!

В предыдущем письме моем я мельком писал вам о матерьялах, набравшихся у меня для военного журнала, который предполагалось издавать при армии, и которые — матерьялы — я предлагал вам поместить в вашем журнале; теперь подробнее поговорю об этом предмете. В неудаче этого журнала мне не столько жалко даром пропавших трудов и матерьялов, сколько мысли этого журнала, которая стоит того, чтобы быть осуществленной, хотя отчасти, ежели невозможно было осуществить ее вполне.

Основная мысль этого журнала заключалась в том, что ежели не большая часть, то верно большая половина читающей публики состоит из военных, а у нас нет военной литературы, исключая официальной военной литературы, почему-то не пользующейся дове-

рием публики и потому не могущей ни давать, ни выражать направления нашего военного общества. Мы хотели основать «Листок», по цене и по содержанию доступный всем условиям военного общества, который бы, избегая всякого столкновения с существующими у нас военно-официальными журналами, служил бы только выражением духа войска.

Журнал бы разделялся на официальную и неофициальную часть. В 1-й помещались бы:

- 1) Известия о военных событиях со всех театров войны.
- 2) Приказы о наградах за заслуги, выходящие из общего разряда отличий.
- 3) Сентенции военного суда за постыдные поступки.

В неофициальной — помещались бы:

- 1) Современные и исторические рассказы из военного быта.
- 2) Биография и некрологи военных лиц всех сословий.
- 3) Солдатские песни.
- 4) Популярные статьи о ученых предметах военного искусства (тактики, артиллерии, инженерного искусства).

Из военного министерства — где вы можете найти и подробный проект, и пробный листок наш — ответили нам, что мы можем печатать статьи свои в «Инвалиде». Но по духу этого предпо-

лагавшегося журнала вы поймете, что статьи, приготовленные для него, скорее могут найти место в «Земледельческой газете» или в какой-нибудь «Арабеске», чем в «Инвалиде»*. Поэтому-то я и прошу вас дать некоторым отделам — почти всем неофициальным — место в вашем журнале, и не временное, а постоянное. Я бы ежемесячно взялся доставлять от 2 до 5 и более печатных листов статей военного содержания литературного достоинства никак не ниже статей, печатаемых в вашем журнале (я смело говорю это — ибо статьи эти будут принадлежать не мне), и направления такого, что они не доставят вам никакого затруднения в отношении цензуры.

Наши выгоды — ежели вы примете мои предложения, будут состоять 1) в том, что мысль наша основать литературу, служащую выражением военного духа, найдет начало осуществления, которое, надеюсь, со временем примет большие размеры, и 2) в том, что статьи наши будут помещаться в лучшем и пользующемся наибольшим доверием публики — журнале.

Ваши выгоды будут состоять 1) в приобре-

тении образованных и даровитых сотрудников, 2) в увеличении интереса вашего журнала и 3) в отчасти обеспеченном заготовлении материалов для него. Выгоды на вашей стороне; поэтому и условия, которые я предложу вам, будут для вас тяжелее тех, которые я возьму на себя.

Я обязываюсь доставлять вам ежемесячно от 2 до 5 листов статей военного содержания, за которые вы мне платите, сколько хотите. Вы же обязываетесь печатать тотчас же все, что я ни пришлю вам. Признаюсь, условие это кажется слишком дерзко, и я боюсь, что вы не захотите принять его. Но ежели вы поверите тому, как много я дорожу достоинством журнала, которого я имею честь быть сотрудником, и признаете во мне несколько литературного вкуса, надеюсь, вы не захотите своим несогласием разрушить такую обоюдную выгодную для нас сделку и предприятие, не лишенное и общей пользы.

Ежели ответ ваш будет благоприятен, то на 1-й месяц пришлю я вам «Письмо о сестрах милосердия», «Воспоминания о осаде Силистрии», «Письмо солдата из Севастополя»*.

Затем в нетерпеливом ожидании вашего
ответа и согласия на мое предложение имею
честь быть

ваш покорнейший слуга

гр. Л. Толстой.

11 января

1855

Эски-Орда.

39. Т. А. Ергольской
<перевод с французского>

1855 *г. Марта 13. Позиция на р. Бельбек.*
13 марта 1855.

Дорогая тетенька!

Целый век ничего не получал ни от вас, ни от кого из наших. Знаю, что виноват я, или, вернее, обстоятельства. Уезжая в Севастополь 2 ноября, я не дал другого адреса, но пока главный штаб Горчакова находился в Кишиневе, письма мои пересылались мне аккуратно, хотя и с опозданием. Теперь же, как вам, вероятно, известно, князь назначен на место Меншикова, он приехал в Крым, со своим главным штабом, с Сержпутовским и со все-

ми прочими, и я уверен, что пропасть писем ко мне осталась там. Теперешний мой адрес просто в Севастополь. Кажется, я уже описывал вам первое время своего пребывания в Крыму*. В общем я провел его приятно, будучи занят службой и охваченный общим интересом к войне; но начиная с нового года, когда я получил деньги, предназначенные на журнал, который провалился, мой образ жизни стал праздным и безнравственным.

В самое плохое здешнее время, лагерная жизнь, в отвратительном обществе, без занятий — не имея даже возможности заниматься и получив порядочную сумму, предназначенную для моего журнала, я стал играть; а сделав первый шаг, не смог остановиться, пока не спустил всего, да еще остался должен 700 р. сер. Теперь же, слава богу, весна, которая всегда действует на меня благотворно — говение на прошлой неделе, проезд князя*, у которого я был и который вновь меня хорошо принял, главное, дружба, с моим товарищем, неким *Броневским* (двоюродным братом казанских), с которым я здесь близко сошелся, все это, благодаря бога, спасло меня от того

положения, в котором я находился перед отъездом на Кавказ и в которое мог снова опуститься. Сумма, которую я проиграл, значительна, я знаю, но экономия в тратах и упорство в работе помогут мне раньше чем через год справиться с этой бедой. Поддержите меня в этих намерениях, дорогая тетенька, я говорил и опять повторяю, ничто мне так не помогает в нравственном отношении, как ваши письма. Не могу не сказать вам о том, что теперь меня более всего занимает, — о Броневском. Я не встречал еще человека с таким горячим сердцем и благородством натуры; надеюсь, что я никогда в нем не разочаруюсь, что наша дружба будет продолжаться, и что некоторые наши планы когда-нибудь сбудутся. Что же вам сказать про войну? Все по-прежнему, кроме нового главнокомандующего, порядка больше и больше войск, осада Севастополя все продолжается, всякий день сраженья, желают мира. Чем все это кончится, никому неизвестно; дай бог, чтобы поскорее наступил конец; для всех пора и, в особенности, для неприятеля. Прощайте, дорогая тетенька, тысячи и тысячи раз целую ваши руч-

ки и прошу вас простить меня за все огорчения, которые я вам причиняю. Сам не знаю почему, но я уверен, что мы увидимся в 55 году.

Ежели увидите Валерьяна, скажите ему, пожалуйста, чтобы он выслал мне поскорее 600 р. сер., о которых я просил его в последнем письме*. Этот долг меня ужасно тяготит.

40. Н. А. Некрасову

1855 г. *Апреля 30. Севастополь.*
Милостивый государь Николай Алексеевич.

Вы уже должны были получить статью мою «Севастополь в декабре»* и обещание статьи Столыпина. Вот она*. Несмотря на дикую орфографию этой рукописи, которую вы уже сами распорядитесь исправить, ежели она будет напечатана без цензурных вырезок, чего старался всеми силами избежать автор, вы согласитесь, я надеюсь, что статей таких военных или очень мало, или вовсе не печатается у нас и к несчастью. Может быть, с этим же курьером пошлетя статья Сакена*, о которой ничего не говорю и которую, наде-

юсь, вы не напечатаете. Поправки сделаны черными чернилами Хрулевым*, левой рукой, потому что правая ранена. Столыпин просит поместить их в выносках. Пожалуйста, ежели можно, поместите как мою, так и столыпинскую в июньской книжке. Теперь мы все собрались, и литературное общество падшего журнала начинает организоваться, и, как я вам писал, ежемесячно вы будете получать от меня две, 3 или 4 статьи *современного* военного содержания. Лучшие два сотрудника Бакунин и Ростовцев еще не успели кончить своих статей. Будьте так добры, отвечайте мне и пишите вообще с этим курьером, адъютантом Горчакова, и с будущими, которые беспрестанно снуют от вас и сюда.

Затем с совершенным уважением имею честь быть ваш покорнейший

гр. Л. Толстой.

Апреля 30, Севастополь.

41. Т. А. Ергольской
<перевод с французского>

1855 г. *Мая 7. Севастополь.*
7 мая.

Дорогая тетенька!

Я был в 6 верстах от Севастополя, когда началась бомбардировка, и, когда я узнал об этом, первая моя мысль была написать вам тотчас, когда она прекратится, чтобы вы узнали о ней от меня, а не из газет; но на следующий день наша батарея вошла в город и в течение всех последних дней бомбардировки батарея оставалась в городе, где и остается до сих пор. Я был на бастионе,* но не так страшен черт, как его малюют, и уверяю вас, что бомбардировка не так ужасна, как ее описывают. Скажу, наоборот, лучшее время было то, которое я там провел. Теперь почти стихло, 4 дня я дежурю на бастионе, а затем я свободен на 12 дней, которые провожу очень приятно. У меня очень нарядная квартира, с фортепьяно, она выходит на бульвар, где каждый день гулянье, музыка; у меня много хороших зна-

комых, погода великолепная, и я начал купаться в море. Так что, ежели с некоторых пор я разленился до такой степени, что не могу заставить себя написать письма, это не по случаю службы или опасности, а только потому, что здесь живется чересчур приятно. Собственно говоря, я стал писать это письмо, чтобы объяснить вам свое долгое молчание или, вернее, просить у вас прощение за него. Письма идут так долго туда и обратно, а писать, куда шла бомбардировка, мне не хотелось, затихала она понемногу, затем я получил ваше чудесное письмо, из которого я узнал, что вы уже знаете о происходящем по газетам*. Все это, однако, доказывает только, что я скверный малый, заслуживающий вашу любовь не своим поведением, а только своею любовью к вам. Не сумею вам выразить, как я был растроган вашим добрым письмом, вы не упрекаете меня, думая, что меня надо жалеть, и стараетесь меня утешить. Я больше не играл и уже уплатил часть долгов, самых необходимых из 400 р., присланных Валерьяном; но должен я еще более 600 р., и это меня мучает. Кажется, нет необходимости говорить вам,

что я желаю и стараюсь следовать вашим советам относительно умеренности и деятельности; покуда не могу себя упрекать в этом отношении, но я ленюсь; некоторое мое оправдание, с чем, я надеюсь, и вы согласитесь, это тот образ жизни, который я вел, да и теперь веду, то в хорошем обществе, то среди всякого сброда, то в лишениях, то даже в роскоши; в таких обстоятельствах трудно не сбиваться с намеченного пути. Прощайте, дорогая тетенька, хотел много написать, а меня зовут обедать; не знаю, удастся ли мне писать еще вечером, так как я дежурный. Постараюсь писать почаще, но, ради бога, не мучайтесь обо мне, — уверяю вас, что я не в большой опасности; и еще, не желайте мне успехов по службе, а то мне так жаль, что я не могу исполнить вашего пожелания в этом отношении, желайте мне только здоровья и счастья — это действительно благо. А успех, т. е. выдвигаться по службе, почести... я не создан для этого. Представьте себе, я не мог себя заставить снести князю письма тети Полины* и поручил это своему приятелю, который сказал мне 2 дня спустя, что князь сказал, чтобы

я в тот самый день пришел к нему обедать; я пошел, но он и не заметил моего присутствия, вероятно забыв, что он собирался мне сказать, а я не из тех, которые о себе напоминают. Так что мое единственное желание — быть его адъютантом, теперь не осуществится. Впрочем, может быть, все к лучшему; в служебном отношении я вполне доволен своим положением в батарее. Прощайте, дорогая тетенька, тысячу раз целую ваши руки.

42. И. И. Панаеву

1855 г. *Июня 14. Бельбек.*
Милостивый государь Иван Иванович!

Поверите ли, что я должен переломить стыд, который испытываю, чтобы взяться за перо и писать вам. Мне стыдно, что я жив и здоров, что только одно, ежели бы было наоборот, могло бы служить извинением молчанию на 3 письма* ваших и на письма, столь любезные, волнующие меня и иногда, в минуты самолюбивого заблуждения, заставляющие верить в талант и значение мое в литературе, которое, признаюсь, мне бы очень хо-

телось иметь. На вопросы ваши в предыдущем письме отвечаю по пунктам. 1) Деньги за «Отрочество» я получил. 2) Присылать мне и деньги и книги по старому адресу в Главный Штаб, 3) и за каждую статью отдельно. На мое несчастье, я обещал вам слишком много — сотрудники мои ленились, когда я был в Севастополе; теперь же с месяц, как я уехал, ничего не знаю о их статьях. Сам я был болен, но, несмотря на то, надеюсь, что дня через 3 пошлю вам «Рассказ юнкера»* — довольно большую статью, но не Севастопольскую, а Кавказскую, которая поспеет к VII книжке. Верьте, что мысль о военных статьях занимает меня теперь столько же, сколько и прежде, и я на днях поеду в Севастополь с тем, чтобы подгонять Ростовцева и Бакунина и взять у них статьи, ежели они готовы; но действительность слишком богата событиями, чтобы у кого-нибудь оставалось время для мысли. За себя я все-таки вам отвечаю — по статье каждый месяц, — за других не наверное. Адрес мой все тот же и все-таки через курьеров, ежели вы устроили это. Ежели Тургенев в Петербурге, то спросите у него позволения на

статье «Рассказ юнкера» надписать: посвящается И. Тургеневу*. Эта мысль пришла мне потому, что, когда я перечел статью, я нашел в ней много невольного подражания его рассказам.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть ваш покорный слуга

гр. Л. Толстой

Бельбек*, 1855 г., июня 14.

43. И. И. Панаеву

1855 г. *Июня 16. Буюк Сюрень.*
Милостивый государь Иван Иванович!

Чтобы сдержать свое обещание и прислать вам «Рассказ юнкера» для 7-ой книжки «Современника», посылаю его вам непереписанным в немножко непрезентабельном виде*. Вы заметите, однако, что, несмотря на перемарки, все очень четко и ясно. Я очень боюсь, чтобы вы не приняли небрежность переписки за небрежность сочинения, напротив, ни один рассказ мне не стоил столько труда и времени, поэтому <...>* ли бы были исключены, уничтожили бы весь смысл рассказа, хотя

то, что он мне стоил много времени, нисколько не доказывает мне его достоинства; напротив, он мне кажется очень сомнительным, и так как я его никому не показывал, то мне очень интересно будет узнать о нем ваше мнение, которое и прошу вас очень поскорее сообщить мне и совершенно откровенно*. Следующий рассказ будет Севастопольский*. Он немного не успеет к VII книжке, о чем я весьма жалею, тем более, что вы в примечании к моей статье обещали *современные* статьи, тогда как я обещал только *военные**. Как бы то ни было, ежели вы найдете рассказ этот *в настоящем виде* стоящим печатания, печатайте, ежели нет, пришлите мне его обратно*. Затем с нетерпением ожидая вашего ответа, с совершенным уважением имею честь быть

<...>

16 июня 1855.

Буюк Сюрень.

44. С. Н. Толстому

1855 г. *Июля 3. Позиция на р. Бельбек. Г-*
ну поручику стрелкового импера-
торской

фамилии полка графу Толстому

Начальника Горной артиллерии Южной
армии и морских и сухопутных сил, в Крыму
расположенных, артиллерии подпоручика и
кавалера графа Толстого

Рапорт.

Вследствие продолжительного молчания
вашего и моего сиятельства* имею честь по-
чтительнейше донести, что сие обоюдно бы-
ло весьма глупо, и что я с своей стороны на-
мерен исправить сию ошибку и впредь не
впадать в оную, о чем покорнейше прошу и
ваше сиятельство.

Начальник Горной артиллерии подпоручик
граф Толстой.

№ 54

3 июля 1855 г.

Позиция при р. Бельбек.

Хотел было не писать больше ничего, с
тем, чтобы только узнать, где ты (хотя я знаю,

что ты был в Суздале, но должен был перейти в Петербург, а сам хотел ехать в Пирогово), но потом вообразил себе, как ты бы обозлился и несколько раз назвал бы меня — «самым пустяшным малым», но главное, что самому захотелось рассказать и расспросить кое-что, хотя и сильно сомневаюсь, дойдет ли и когда к тебе это письмо. Хотя ты верно знаешь через наших, где и что я делал, повторю тебе свои похождения с Кишинева, тем более, что, может быть, для тебя будет интересно то, как я их рассказываю, а поэтому ты узнаешь, в какой я фазе нахожусь — так как уж видно моя судьба всегда находится в какой-нибудь фазе. Из Кишинева 1-го ноября я просился в Крым, отчасти для того, чтобы видеть эту войну, отчасти для того, чтобы вырваться из штаба Сержпутовского, который мне не нравился, а больше всего из патриотизма, который в то время, признаюсь, сильно нашел на меня. В Крыму я никуда не просился, а предоставил распоряжаться судьбой начальству; меня прикомандировали к батарее в самый Севастополь, где я пробыл месяц весьма приятно, в кругу простых добрых товарищей, которые

бывают всегда особенно хороши во время настоящей войны и опасности. В декабре нашу батарею отвели к Симферополю, и там я прожил полтора месяца в удобном помещичьем доме, ездил в Симферополь танцевать и играть на фортепьянах с барышнями и охотиться на Чатырдаг с чиновниками за дикими козами. В январе опять была тасовка офицеров, и меня перевели в батарею, которая стояла на горах в 10 в. от Севастополя на Бельбеке. Там j'ai fait à la connaissance de la mère de* Кузьма, самый гадкий кружок полячишек в батарее, командир*, хотя и доброе, но сальное, грубое создание, никаких удобств, холод в землянках. Ни одной книги, ни одного человека, с которым бы можно поговорить. И тут-то я получил 1500 рублей, на журнал, который уж был отказан, и тут-то я проиграл 2500 рублей и чем доказал всему миру, что я все-таки *пустяшный мальй*, хотя предыдущие обстоятельства и могут быть приняты *comme circonstances atténuantes**, все-таки очень, очень скверно. В марте стало теплей, и приехал в батарею милый отличный человек Броневский, я стал опоминаться, а 1-го апреля ба-

гарея во время самого бомбардирования пошла в Севастополь, и я совсем опомнился. Там до 15 мая, хотя и в серьезной опасности, т. е. по 4 дня через 8 дней дежурным на батарее 4-го бастиона, но весна и погода отличная; впечатлений и народа пропасть, все удобства жизни, и нас собрался прекрасный кружок порядочных людей, так что эти полтора месяца останутся одним из самых моих приятных воспоминаний. 15 мая Горчакову или начальнику артиллерии вздумалось поручить мне сформировать и командовать горным взводом на Бельбеке — 20 в. от Севастополя, чем я чрезвычайно до сих пор доволен во многих отношениях. Вот тебе общее описание, в следующем письме напишу подробнее о настоящем.

Адресом моим, пожалуйста, никогда не затрудняйся — всегда в Главный штаб Крымской армии и больше ничего. Про себя, кроме того, что тебе придет в голову, напиши мне, пожалуйста, две вещи. 1) Зачем и отчего ты пошел на службу и доволен ли ты ею* и 2-е) Чем ты решил с Машей. Вчера ночевал у меня Ферзен, который у князя по особым поручени-

ям, и немного порассказал мне про тебя.

45. И. И. Панаеву

1855 г. *Июля 4. Бельбек.*
Милостивый государь Иван Иванович!

Посылаю вам Севастопольскую статью*. Хотя я убежден, что она без сравнения лучше первой, она не понравится, в этом я уверен. И даже боюсь, как бы ее совсем не пропустили. Насчет того, чтобы ее не изуродовали, как вы сами увидите, я принял всевозможные предосторожности. Во всех местах, которые показались мне опасными, я сделал варианты с такого рода знаками (в) или скобками означил, что выключить в том случае, ежели не понравятся цензуре. Ежели же сверх того, что я отметил, стали бы вымарывать что-нибудь, решительно не печатайте*. В противном случае это очень огорчит меня. Для заглавия я сделал вариант, потому что «Севастополь в мае» слишком явно указывает на дело 10 мая*, а в «Современнике» не позволено печатать о военных делах. *Напшисецкого* я заменил *Гнилошкиным* на тот случай, ежели цензура ска-

жет, что офицер не может от флюса отказываться от службы; тогда это 2 различные офицера*. Польскую фразу, ежели можно поместить, то с переводом в выноске, ежели нельзя, то русскую, которая под знаком (+)*. И еще ругательства русские и французские нельзя ли означить точками, хотя без начальных букв, ежели нельзя, но они необходимы.

Вообще надеюсь, что вы будете так добры защитить сколько можно мой рассказ — зная лучше взгляд цензуры, вставьте уж вперед некоторые варианты, чтобы не рассердить ее, и какие-нибудь незначительные, непредвиденные изменения сделаете так, чтобы не пострадал смысл. Очень ожидая ответа вашего на 2 письма моих* и еще раз повторяя покорную просьбу покровительствовать и защитить этот последний рассказ, имею честь быть ваш покорнейший слуга

гр. Л. Толстой.

4 июля 1855.

Бельбек.

№-а подразделения и черточки, пожалуйста, так же оставьте, как они у меня в рукописи.

46. Т. А. Ергольской
<перевод с французского>

1855 г. Августа 4. Севастополь.
Дорогая тетенька!

Сегодня, 4 числа, было большое сражение*. Я там был, но мало участвовал. Я жив и здоров, но в душевном отношении никогда себя хуже не чувствовал, сражение было проиграно. Ужасный день: лучшие наши генералы и офицеры почти все ранены или убиты. Отсылаю это письмо с курьером, который сейчас уезжает. Думаю, что надолго мы теперь ничего предпринимать не будем. Прощайте, дорогая тетенька, целую тысячу раз ваши ручки. Сколько бы я дал, чтобы быть теперь с вами.

Ваш Лев.

47. И. И. Панаеву

1855 г. *Августа 8. Бахчисарай.*
Милостивый государь Иван Иванович.

Письма* ваши я получил и спешу ответить особенно на последнее. Очень благодарю вас за старание защитить «Ночь весною» от цензуры, пожалуйста, вымарывайте, даже смягчайте, но, ради бога, не прибавляйте ничего; это бы очень меня огорчило*. Л. Н. Т.* не имеет, могу вас уверить, ни на волос авторского самолюбия, но ему бы хотелось оставаться верным всегда одному направлению и взгляду в литературе. За Бакунина я обещал вам, кажется, неосторожно, он все это время был слишком занят службой, а теперь ранен. Ростовцев все обещает и ленится. Передайте, пожалуйста, Н. А. Некрасову, что я получил деньги за «Севастополь в декабре» и письмо*, на которое прошу извинения, что не успел еще ответить. Для «Юности», он пишет, вы приготовили местечко в сентябре. К несчастью, я не ранее могу прислать вам ее, как в половине сентября, но наверно, ежели только

буду здоров и жив, пришлю к этому времени. Столыпин уже начал рассказ бывшего дела, я тоже напишу его, может быть*.

Затем с совершенным уважением имею честь быть ваш покорный

гр. Л. Толстой.

8 августа 1855.

Бахчисарай.

Не будете ли вы так добры принять на себя труд нескольких денежных комиссий в Петербурге. Вы бы меня чрезвычайно обязали.

48. Т. А. Ергольской **<перевод с французского>**

1855 г. *Сентября 4. Севастополь.*
Дорогая и чудесная тетенька!

27-го в Севастополе произошло большое и главное дело. Я имел счастье и несчастье прибыть в город как раз в день штурма; так что я присутствовал при этом и даже принял некоторое участие, как доброволец. Не пугайтесь: я почти не подвергался никакой опасности. 28-е, день моего рождения, второй раз в моей жизни было для меня памятным и печаль-

ным днем: в первый раз, 18 лет тому назад, это была смерть тетушки Александры Ильичны,* теперь — потеря Севастополя. Я плакал, когда увидел город объатым пламенем и французские знамена на наших бастионах; и вообще во многих отношениях это был день очень печальный. Валентин Колошин, которого я здесь очень полюбил, пропал*. Я не писал его родителям, потому что я надеюсь еще, что он взят в плен. На запрос, который я послал в неприятельский лагерь, не пришло еще ответа. Я не могу объяснить себе, дорогая тетенька, молчания всех, кому я пишу постоянно: вас, Валерьяна, Маши, Николеньки*, Сережи. В эти последние дни мысль бросить армию совсем приходит мне в голову все чаще и настойчивее. Я вижу, что сделать это мне будет легко, но, чтобы решиться на этот шаг, я хотел бы иметь ваше одобрение. И вот, кроме желанья сделать вам удовольствие, успокоив вас на мой счет, главная цель этого короткого и *несообразного* письма. До свидания, дорогая тетенька, добрая и бесценная тетенька! Тысячу и тысячу раз целую ваши руки, — верьте мне, что я не перестаю о вас думать.

Ваш *Лев Толстой*.

4 сентября 1855 г.

49. М. Н. Толстой

1855 г. *Ноября 20. Петербург.*
Милый друг Маша!

Письмо это, боюсь, будет безалаберно, потому что писано второпях, но зато так, как ты хотела, сейчас же после моего приезда* и свидания с Иваном Сергеевичем*. Приехав вчера в Петербург в 9 часов, я тотчас же поехал в баню, убедившись, однако, наперед, что Тургенев будет дома до 12 часов. Из бани, напившись чаю, я побежал к нему и встретил его в то время, как он выходил, чтоб ехать ко мне, потому что человек его говорил ему, что какой-то приехавший граф Толстой присылал спрашивать, будет ли он дома. Мы с ним сейчас же изо всех сил расцеловались. Он очень хороший. С ним вместе поехали к Некрасову, у которого обедали и до 8 часов сидели и играли в шахматы. Он выиграл 2, я одну, но я был не в духе, а он со мной не сладит. Нынче я перееду к нему. Он очень просит, и мне хочется, но боюсь, что мы будем мешать друг

другу, однако попробуем*. Больше всего я его полюбил за то, что он вас — тебя и Николеньку и Валерьяна* так любит и ценит. Некрасов интересен, и в нем много доброго, но в нем нет прелести, привязывающей с первого раза. Он очень плох. Портрет же его я тебе непременно достану*. Нынче готова моя форма, и я делаю визиты официальные. Прощай, душа моя, пиши мне, целуй Валерьяна и детей. Тургенев все спрашивал, как далеко проскочила от меня пуля, и говорит, что со вчерашнего же вечера поведет батареи, чтоб меня не впускали назад в армию, а я ему говорю, что и сам этого хочу, но ни за что не сделаю ни одного шага для этого, и ежели он хочет делать, то делал бы так, чтоб я не знал, а то я ему помешаю. Еще раз прощай, милый друг, кажется, что я здесь приятно и с пользой проведу несколько времени, ежели сам себе не испорчу, а там Тургенев обещает ехать со мной вместе в Тулу на выборы.

20 ноября.

50. А. А. Краевскому

1855 г. Декабря 31. Петербург.

Я немного увлекся желанием сделать вам приятное, милостивый государь Андрей Александрович, сказав в последний раз, что я был у вас, что я обещаю в ваш журнал и в нынешнем году «Роман русского помещика». Роман этот еще далеко не кончен и не отделан; поэтому ежели вы будете в числе ваших сотрудников поминать меня, то пожалуйста, не называйте именно что я обещал. В том же, что к февралю или марту я непременно доставлю вам статью, вы можете быть уверены*.

Истинно уважающий и преданный
вам *гр. Л. Толстой.*

Я пишу вам потому, что завтра на 28 дней еду в Москву.

1856

51. Н. А. Некрасову

1856 г. *Февраля конец. Петербург.*
Кое-что я переделал, переписал и сократил, но признаюсь, еще переписывать бы не хотелось. Ежели не слишком дурно написано, особенно последний лист, то отдавайте в типографию*. Я постараюсь зайти к вам утром. До свиданья.

Гр. Л. Толстой.

52. М. Н. Толстой

1856 г. *Апреля 14. Петербург.*
14 апреля.

С праздником, милый друг Маша!

Не стану извиняться, что тебе давно не писал, уж это столько раз было и все-таки не мешало нам любить друг друга и быть уверенным в этом. Хотя оно очень скверно. Я теперь живу здесь в ожидании отпуска*, который, как говорят, выйдет не раньше, как через полторы недели. Уехать хочется ужасно с тех

пор, как серьезно стало похоже на весну, хотя мне здесь не скучно. Но не думай, чтобы не скучно было оттого, что много развлечений, напротив — здесь как-то хорошо работается, и я пописываю. Как ты нашла «Метель»?* Боюсь, что она тебе не понравилась, и ждал и жду твоего суда. Хотел ее тебе посвятить, да не стоило. Теперь я на днях кончил довольно длинную повесть «Отец и сын», которую вчера прочел Ивану Сергеевичу. Он хлопал себя по ляжке и говорил, что прелестно, но, признаюсь, я ему не очень верю. Он слишком легко восторгается*. Кстати, он был на днях серьезно болен, отчасти и мнительностью. Выдумал какую-то болезнь «бронхит», а я уверяю его, что бронхит не болезнь, а камень, и что даже такой у Валерьяна есть. С Григоровичем я познакомился здесь*, и он мне очень понравился, тем более, что он тебя ужасно уважает и ценит. Ему очень хочется посвятить тебе первое, что он напишет*. Как понравился тебе его «Пахарь»?* Некрасов выезжает, и я сказал сделать свой портрет. Кроме того, не раз он мне обещал приготовить для тебя все свои ненапечатанные стихи, но то не все,

то дурно написаны, и все откладывал. Кроме того, по моему предложению, все литераторы сделали фотографическую группу: Тургенев, Григорович, Дружинин, Гончаров, Островский и я*, и эту группу я тебе пришлю. Спроси у Натальи Петровны*, что значит три ужасно ясные памятные сна, которые я видел эти три дня: 1) я вертел стол, и стол мне сказал: что меня женят в Москве, и даже назвал, на ком, и что я буду очень счастлив, 2) у меня зуб выдернули и 3) вчера, что будто ты сошла с ума, и я тоже. Прощай, милый друг, тысячу раз целую тебя, Валерьяна и детей. Пожалуйста, отвечай немедленно.

На место Нессельроде назначен Горчаков Александр. Долгоруков, военный министр, сменен.

53. Д. В. Григоровичу

1856 г. *Мая 5. Петербург**.
Давно, давно собирался вам написать, во-первых, о впечатлении чрезвычайно выгодном, которое произвел ваш «Пахарь», и что я знаю об этом впечатлении, а во-вторых, о впечатлении прекрасном, которое произвела на меня ваша апрельская часть «Переселенцев»*. Теперь ничего не напишу исключая того, что ужасно вас люблю и желаю вас поскорей видеть. Я и Дружинин собираемся ехать в Москву 8-го числа и пробывать у Боткина с неделку*. Приезжайте, душенька, пожалуйста*. Мы проведем время отлично, и, может, можно будет вас увезти к нам на неделку, то есть ко мне, к сестре и к Тургеневу.

Ваш *гр. Л. Толстой*.

Не думайте о своих долгах разным Андреасам*, а примите к сведению, что нынешнего лета больше никогда не будет*.

Я все-таки не верю, что вы развратный человек*.

Я знаю, что для вас все-таки дороже всего

спасительно-нравственное уединение и искусство*.

Не верь тому, что пишет Гончаров,
Зане он по душе завистлив и суров*.

5 мая.

54. Т. А. Ергольской
<перевод с французского>

1856 г. *Мая 10. Петербург.*
10 мая.

Дорогая тетенька!

Вы, наверное, беспокоитесь, что я давно не пишу и не приезжаю, обещав быть на второй неделе после пасхи. Представьте себе, уже более двух месяцев тому назад я подал рапорт*, и целый месяц меня уверяют, что я получу отпуск через несколько дней, а его нет и до сих пор. Позавчера подал вторичный рапорт и думаю, что смогу уехать не позже, как через неделю; значит, через две недели я буду у вас в Ясном; в Москве собираюсь пробыть несколько дней и съездить к Троице*. Не сумею выразить, как неприятна мне эта задержка; начинается лучшая пора лета, а я

принужден ее проводить здесь. Я кончил своих «Гусаров» (повесть) и ничего нового не начал, да и Тургенев уехал, которого я чувствую теперь, что очень полюбил, несмотря на то, что мы всё ссорились*. Так что мне бывает ужасно скучно. Во всяком случае, до свиданья, дорогая тетенька, и напишите мне несколько слов, где вы? Как поживают Машенька и братья?

Лев.

55. М. Н. Толстой

1856 г. Июня 5. Ясная Поляна.
Посылаю тебе фортепьяно, пришли мне рояль и «Дон-Жуана»*, как ты обещала, и еще что-нибудь из бетховенских или моцартовских вещей, которые, может быть, тебе не нужны. Да еще я помню, что проездом с Кавказа или из Крыма я оставил у тебя мое старое писанье*, ежели оно действительно у тебя, то пришли его мне. Я слова своего не изменю и после петрова дня приеду, но не лучше ли бы вам вздумать и приехать ко мне теперь на несколько дней, а потом опять можно. В Ясном до того хорошо, что невозможно

выехать. Купанье на реке отличное, я только что оттуда приехал. Я бы тебе тоже устроил там купальню. Подумайте. Может, и Иван Сергеевич тоже с вами приедет?* Тетенька и я целуем всех вас и не отчаиваемся, что вы приедете.

Вареньке скажи от меня Уаааа! А Николенке скажи Уииии! а преступнице скажи Уууу — а!*

Пожалуйста, до скорого свиданья. Дело мое с мужиками идет плохо*, тем более, я не могу уехать. Я приехал домой в 4 часа утра, все спали, и я, усевшись на балкон, прочел пушкинского «Дон-Жуана» и до того был в восторге, что хотел тотчас писать Тургеневу об своем впечатлении.

Целую тебя. Твой брат

гр. Л. Толстой.

5 июня.

56. Н. А. Некрасову и И. Ф. Горбунову

1856 г. Июня 12. Тула.
Николай Алексеевич!

Это письмо назначалось Горбунову, но вышло удобнее адресовать его вам. Этим объясняется следующее.

Ужасно вам благодарен, и совестно мне перед вами, любезный Горбунчик, за хлопоты, которые я нечаянно навалил на вас. Сделайте вот как: ежели Иславин не явится, сдайте квартиру, заплатите за то время, которое она была за мной, и мебель перевезите куда-нибудь, хоть в залог на это время, или куда-нибудь к знакомому. Пишу вам не из деревни, а из Тулы, где получил ваше письмо* и где денег у меня нет, но я следующей почтой вышлю 50 р. * Сапоги вышлите. За границу я до октября не поеду*. В деревне прелестно. Приезжайте ко мне.

Ваш гр. Л. Толстой.

12 июня.

* или попрошу Некрасова ссудить мне.

На обороте:

Второй поллистик передайте Некрасову.

Второй листок:

Во-первых, непременно ответьте мне хоть строчку, потому что главная цель моего письма знать про вас. Как ваша болезнь и едете ли вы и когда?* Живете вы в городе или на даче? Продолжаете ли вы играть и, потягиваясь, посмеиваться и находить, что «чего вам еще желать, лекарства довольно...», и писали ли и пишете ли?* — Я, уехав от вас, провел дней 10 в Москве очень хорошо, потом почти прямо поехал к сестре и к Тургеневу*. Его надо показывать в деревне. Он там совсем другой, более мне близкий, хороший человек. У них пробыл с недельку и, ежели бы не мои дела с крестьянами, никогда бы не уехал. Дела мои с крестьянами так пошли плохо, что я до октября не еду за границу. Можете вообразить, что слова государя об освобождении* с разными пополнениями и украшениями дошли [до] них и с смутным их понятием о том, кому принадлежит помещичья земля, делает то, что они не приняли моих самых выгодных предложений, под предлогом того, что их старики подписок не делали и они не хотят. Уж

поговорю я с славянофилами о величии и святости сходки, *мира*. Ерунда самая нелепая. Я Вам покажу когда-нибудь протоколы сходов, которые я записывал?* Ну поэтому мне у себя не совсем хорошо. Дело не удалось, и от писанья меня отбило, так что я еще ни за что не принимался. На беду еще 4 дня тому назад устроил я у себя гимнастику, да не совсем ловко стал прыгать и свихнул себе поясницу, так что насилу хожу и приехал нынче в Тулу советоваться с докторами. У меня с моей квартирой и мебелью произошла путаница страшная. Помогите мне, пожалуйста, ваш Василий* все устроит, и ссудите рублей 50 денег. Я счетов с вами путать не хочу и с следующей почтой их вышлю. Прощайте. От души обнимаю вас.

Гр. Л. Толстой

57. Н. А. Некрасову

1856 г. Июля 2. Ясная Поляна.
2 июля

Держу слово и пишу еще, тем более, что мне хочется сообщить вам мои впечатления по случаю 6 книжки «Современника». Ну, уж повесть моего казанского товарища* осрамилась, да и «Современник» осрамился; я воображаю, как «Петербургские ведомости» нападут на несчастного Берви, да и есть на что*. Недаром вы все скрывали это произведение и улыбались своей кошачьей улыбкой, когда об нем была речь. Мне кажется, никогда не было в «Современнике» напечатано такой дряни, да что в «Современнике» — ни на русском, ни на каком другом языке, вот как мне кажется. Может, я преувеличиваю, но такое было мое впечатление. Вроде «Жезла правоты»*, только язык хуже. Мне хотелось смеяться, но больно, как над близким родственником. Вы прочтите, я уверен, что вы не читали. Однократный и многократный вид в одном предложении сплошь да рядом и производит такое неприятное, немецкое впечатление. Ну,

да содержание и все, черт знает что такое. Только одно я узнал из всего, что мой любезный товарищ жил в мордовской деревне, и у него [...] на белесую мордовку, которая не [...] ему, и на горничную. Это единственное чувство, которым проникнуто все сочинение. Вы прочтите, имея это в виду, и вам все будет понятно. Зачем! Непонятно.

Тоже статья о «Русской беседе»*, которую писали не вы, ужасно мне не понравилась. Хотя совершенно согласен с мыслью статьи, выраженной, однако, неясно и неловко, за что скверно матерно обругали Филиппова, да и всех, да еще говорят: мы хотим, чтобы спор был благородный. Это похоже на то, что: «честью тебя прошу [...]». И потом я совершенно *игнорирую* и желаю *игнорировать* вечно, что такое постулаты и категорические *императивы*. Нет, вы сделали великую ошибку, что упустили Дружинина из нашего союза*. Тогда бы можно было надеяться на критику в «Современнике», а теперь срам с этим [...] господином*. Его так и слышишь тоненький, неприятный голосок, говорящий тупые неприятности и разгорающийся еще более оттого, что

говорить он не умеет и голос скверный. Все это Белинский! Он, что говорил, то говорил во всеуслышание, и говорил возмущенным тоном, потому что бывал возмущен, а этот думает, что для того, чтобы говорить хорошо, надо говорить дерзко, а для этого надо возмутиться. И возмущается в своем уголке, покуда никто не сказал цыц и не посмотрел в глаза. Не думайте, что я говорю о Белинском, чтоб спорить. Я убежден, хладнокровно рассуждая, что он был как человек прелестный и как писатель замечательно полезный; но именно оттого, что он выступал из ряду обыкновенных людей, он породил подражателей, которые отвратительны. У нас не только в критике, но в литературе, даже просто в обществе, утвердилось мнение, что быть *возмущенным, желчным, злым* очень мило. А я нахожу, что очень скверно. Гоголя любят больше Пушкина. Критика Белинского верх совершенства, ваши стихи любимы из всех теперешних поэтов. А я нахожу, что скверно, потому что человек желчный, злой, не в нормальном положении. Человек любящий — напротив, и только в нормальном положении можно сде-

лать добро и ясно видеть вещи. Поэтому ваши последние стихи* мне нравятся, в них грусть, то есть любовь, а не злоба, то есть ненависть. А злобы в путном человеке никогда нет, и в вас меньше, чем в ком другом. Напустить на себя можно, можно притвориться картавым и взять даже эту привычку. Когда это нравится так. А злоба ужасно у нас нравится. Вас хвалят, говоря: он озлобленный человек, вам даже льстят вашей злобой, и вы поддаетесь на эту штуку. Хотя это не может быть, чтобы я не узнал автора статьи о «Русской беседе», но мне приходит в мысль, что ежели вы ее (не писали наверно), но пополняли и были очень довольны. Так сердитесь на меня, если не согласны со мной, сколько хотите, но я убежден в том, что написал, это не словесный спор, и еще в многом по этому случаю хотел бы с вами потолковать, да некогда.

Я пишу «Юность», но плохо, лениво. Зато мне так хорошо, что век бы не выехал. О бумаге, что я просил вас, теперь не нужно, я получил деньги*. То есть нужно, но деньги могу прислать сейчас же. Прощайте, отвечайте, пожалуйста.

Можете себе представить, что только теперь, в деревне, вспомнил историю с Лонгиновым* и убедился, до какой степени я глупо и нехорошо поступил во всем этом деле. И теперь от души прошу у вас извинения и то же сделаю с Лонгиновым, как только его увижу. И хотел бы ему рассказать всю историю. Согласны ли вы, чтобы я сказал ему про письмо? Теперь этого я прошу вовсе без кровожадных замыслов.

Еще проездом в Москве я проходил мимо него, величественно глядя ему в глаза. Странная вещь, как мог я в два месяца не понять всей глупости, коли не гораздо хуже, этой штуки, так я это теперь делаю. Пожалуйста, скажите Давыдову, чтоб он мне прислал «Ньюкомов» по-английски 4 и дальнейшие части, ежели есть, у меня 3 части, и «Крошку Доррит»*. Пожалуйста, отвечайте. Дружинина от меня расцелуйте и скажите, что я собираюсь все ему написать, а может, он напишет, да не можете ли вы мне сказать, что делается с Островским и как ему писать?

Ежели вы будете видеться с Лонгиновым, то вы меня одолжите, объяснив ему дело и

показав ему хоть то, что я вам пишу.

58. А. В. Дружинину

1856 г. Сентября 21. Ясная Поляна.

Письмо ваше* очень обрадовало меня, милейший Александр Васильевич; особенно потому, что я с каждым днем все собирался писать вам и, без фразы, почти каждый день думал о вас. Во-первых, я думал о вас, потому что я вас очень люблю и уважаю, тоже без фразы, а во-вторых, потому, что хотел просить вас о помощи. Ваше желание я надеюсь исполнить и исполнил бы его сейчас же, ежели бы меня не связывало обещание, которое я дал Краевскому, дать ему первое, что буду печатать. Ведь к последней книжке значит к декабрю? а для Краевского у меня уже готовится*, для вас же почти готово, был написан для имевшего издаваться «Военного журнала», правда, крошечный эпизодец Кавказский, из которого я взял кое-что в «Рубку леса» и который поэтому надо переделать*. Не для того, чтобы вас задобрить к услуге, которую от вас прошу, но просто мне ужасно приятно сделать вам что-нибудь приятное, и, получив ва-

ше письмо, да и прежде я раскаивался в этом поспешном условии с «Современником»*. Вот в чем моя просьба. Я написал 1-ю половину «Юности», которую обещал в «Современник». Я никому ее не читал и писал пристально, так что решительно не могу о ней судить — все у меня в голове перепуталось. Кажется мне, однако, без скромности, что она очень плоха — особенно по небрежности языка, растянутости и т. д. Кажется мне это потому, что когда я пишу один, никому не читая, то мне обыкновенно одинаково думается, что то, что я пишу, превосходно и очень плохо, теперь же гораздо больше думается последнее. Но я совершенно с вами согласен, что, раз взявшись за литературу, нельзя этим шутить, а отдаешь ей всю жизнь, и поэтому я, надеясь впредь написать еще хорошее, не хочу печатать плохое. Так вот в чем просьба. Я к вам пришлю рукопись, — вы ее прочтите и строго и откровенно скажите свое мнение, лучше она или хуже «Детства» и почему и можно ли, переделав, сделать из нее хорошее или бросить ее*. Последнее мне кажется лучше всего, потому что, раз начав дурно и проработав над

ней 3 месяца, она мне опротивела донельзя.

Ну да довольно об этом. Адрес мой в Тулу просто. Живу я в деревне, жду денег, чтоб ехать в Петербург и за границу. Охотился, писал, читал много, ездил кое-куда по деревням, немножко влюбился в одну деревенскую барышню*, но теперь сижу дома, потому что болел, и очень серьезно. У меня было воспаление в груди, от которого я не вылечившись простудился снова, и теперь нехорош. Прощайте, любезный Александр Васильевич, я с удовольствием думал со вчерашнего дня, что я напишу вам, и было что-то много, но теперь я так устал и так болит грудь, что кончаю. Напишите, пожалуйста, а «Юность» я с этой почтой вам вышлю, вы ее храните у себя, не показывайте никому и только ежели ваше решение хорошо и я напишу еще вам, тогда отдайте Панаеву.

Истинно любящий вас *гр. Л. Толстой*.

21 сентября.

Кланяйтесь милому генералу* и всем, кто меня помнит. Ежели бы, против чаяния, в «Юности» только нужно бы было вымарать кое-что, то марайте, где вам это покажется

нужным.

59. Ег. П. Ковалевскому

1856 г. Октября 1. Ясная Поляна.

Многоуважаемый Егор Петрович! Давно подумывал я о вас и собирался написать вам — так, чтобы напомнить о себе и чтобы вызвать вас на словечко, но частью от лени, частью от занятий не делал этого; теперь, кроме этого, присоединилась еще просьба к вам. Не пугайтесь и не думайте, что я прошу зачислить меня куда-нибудь в посольство, просьба вот в чем: я с этой же почтой посылаю Константинову рапорт об отставке*, то, пожалуйста, скажите словечко в Инспекторском департаменте*, чтобы дело это сделалось поскорее, и ежели увидите моего милейшего начальника, и ему скажите, чтобы он не задерживал отставки. А то он раз отговаривал меня и теперь как бы не сделал этого. Вы меня знаете больше его, поэтому, ежели случится с ним говорить об этом, можете сказать ему, что я от службы ждать ничего не могу благоразумно, да и просто неспособен к ней, так из чего же мне связываться.

А занятий у меня действительно довольно, в которых эта мнимая служба все-таки стесняет меня. Планы мои об обязанных крестьянах не удались до сих пор, но я не теряю надежды и, может быть, сделаю-таки скоро почти так, как хотел. Не удалось главное, от убеждения, откровенно распространенного в народе, что в коронацию, а теперь к Новому году, будет свобода всем с землей и со всей землею. У нас главная беда: не столько дворяне привыкли с закрытыми дверями и по-французски говорить об освобождении, но правительство уж так секретничает, что народ ожидает освобождения, но на данных, которые он сам придумал. Имея самое смутное понятие о собственности земли и желая иметь ее, народ везде решил, что освобождение будет со всею землею. И это убеждение вросло сильно, и ежели будет резня с нашим кротким народом, то только вследствие этого незнания своих настоящих отношений к земле и помещику, а правительство секретничает изо всех сил и воображает, что это внутренняя политика, и ставит помещиков в положение людей интеромпирующих, заслоняющих от на-

рода милости свыше. И кончится тем, что нас перережут. Как я занялся делом в подробности и увидел его в приложении, мне совестно вспомнить, что за гиль я говорил и слушал в Москве и Петербурге от всех умных людей об эманципации. Когда-нибудь расскажу вам всё и покажу журнал моих переговоров с сходкой*. Вопрос стоит вовсе не так, как полагают умные: как решить лучше? (ведь мы хотим сделать лучше, чем во Франции и Англии) а как решить скорее? Слова, сказанные императором в Москве*, облетели всю Россию, — запомнились всеми теми, до которых они касаются, и помещиками и крепостными, а они касаются слишком важного и натруженного вопроса, что об них можно было забывать. Можно сказать, чтоб в полку было 4 батареи, а потом, чтоб было 30 батарей, это не беда, а сказать, что нужно подумать о свободе, а потом забыть — нельзя. Но я хотел еще сказать, почему мне нужно в отставку. Я был очень, очень болен воспалением в груди, которое 2 раза возвращалось, и главная причина болезни страданья печени, от которых мне нужны воды. Нынешний год я уже опоздал, а на буду-

ций надо бы было, ежели бы я не вышел в отставку, опять брать отпуск. Несмотря на неудачу и болезнь, я отлично прожил в деревне эти 3 месяца. И право, сердитесь не сердитесь, чудеснейший Егор Петрович, а отлично жить на свете. Занимался я хозяйством, охотой, природой с каким-то особенным наслаждением, кажется, даже влюблен был в одну соседку, милейшую деревенскую барышню, и написал «Юность», но, без скромности говоря, уверен, что плохо, жду суда одного господина, которому послал ее и которому очень верю*. Что вы делали? Неужели всё грустили и всё были недовольны той деятельностью, которая вам досталась на долю, всё старались видеть дурным для того, чтобы иметь гордое удовольствие возмущаться, и даже себя старались видеть нехорошим, чтобы возмущаться и на себя и на бога немножко: зачем он вас сотворил? Вы, верно, часто видите Блудовых, передайте им, особенно Антонине Дмитриевне*, мое искреннее уважение и скажите ей, чтобы она тоже не возмущалась. Я открыл удивительную вещь (должно быть, я глуп, потому что, когда мне придет какая-нибудь

мысль, я ужасно радуюсь); я открыл, что возмущение — склонность обращать внимание преимущественно на то, что возмущает, есть большой порок и именно нашего века. Есть 2, 3 человека, точно возмущенные, и сотни, которые притворяются возмущенными и поэтому считают себя вправе не принимать деятельного участия в жизни. Разумеется, я говорю не про вас и про Блудову, но из литературного кружка есть много таких наших общих знакомых. Но даже, ежели человек искренно возмущен, так был несчастлив, что все наталкивался на возмутительные вещи, то одно из двух: или, ежели душа не слаба, действуй и исправь, что тебя возмущает, или сам разбейся, или, что гораздо легче и чему я намерен держаться, умышленно ищи всего хорошего, доброго, отворачивайся от дурного, а право, не притворяясь, можно ужасно многое любить не только в России, но у самоедов. Пожалуйста, через Блудовых узнайте, где мои кузины Толстые, и попросите им очень от меня поклониться, ежели они в Петербурге.

Я чувствую, что это письмо нелепо, но, пожалуйста, не сердитесь на меня за это и от-

ветьте мне хоть буквально два слова. Я не умею как-то писать благоразумно и прежде всегда рвал свои письма, а теперь уже думаю, видно, я такой. Пусть все и знают меня таким. Не беда, ежели они меня немного любят. А я надеюсь, что вы меня немного любите, потому что я вас очень люблю и уважаю.

Ваш *гр. Л. Толстой.*

1 октября.

60. И. И. Панаеву

1856 г. *Октябрь 6. Ясная Поляна.*
Я отвечал на ваше первое письмо*, любезный Иван Иванович, на другой день, как получил его, что я имею привычку делать в отношении всяких писем, а не только ваших и об деле. Хотя странно бы было, что оно пропало. Отвечу еще раз на ваши вопросы и повторю те, которые я вам делал. Первая часть «Юности» объемом такая же или побольше, чем «Детство»; я уже недели две, как совершенно кончил, но, никому не читав из нее ни строчки, я нахожусь в сильном сомнении, стоит ли она того или нет, чтоб печатать ее, и послал ее одному господи-

ну, на суд которого я положился;* ежели получу удовлетворительный ответ, то тотчас же пришлю ее вам, в противном случае тоже уведомя вас очень скоро. Вопросы, которые я вам делал, заключались в следующем. Можете ли вы из редакции дать 300 р. сер. (в том письме было 250) Д. Колбасину, с получением «Юности»?* и за «Юность» могу ли я рассчитывать на дивиденд?* Простите, пожалуйста, что пишу два слова, лошади оседланы, погода прелестная, и я после болезни в первый раз выезжаю в поле. «Красная буква»*, которую вы хвалили, мне ужасно не нравится, а в августовской книжке ваши воспоминания о деревне и городе* очень мне понравились. Прощайте, вам истинно преданный

гр. Л. Толстой.

6 октября.

Ясная.

61. А. В. Дружинину

1856 г. Октября 19. Тула.
Чрезвычайно благодарен я вам, милейший Александр Васильевич, за ваше славное, искреннее и дружеское письмо* и слишком лестный суд, который мне все кажется, что я подкупил хитрым выражением беспомощности и особенной любви к вам, в чем я не лгал, но которую мог бы выразить в другой раз. Как бы то ни было, мне ужасно хочется, и я почти верю всему, что вы мне говорите, поэтому непременно хочу исправить все, что можно. Уж ежели есть хорошее в ней, то я хочу сделать все, что могу, чтобы это хорошее представить в наилучшем свете. Рукопись не давайте никому, на это, кроме того, что я хочу переправить, есть другие причины, а я недели через две надеюсь быть в Петербурге* и надеюсь по вашим указаниям переправить, что можно. Я пишу из ненавистной мне Тулы, куда приехал на минутку, и тороплюсь*. Не знаю, что значит обещание Григоровича печататься у вас в феврале, но по смыслу условия это невозможно*. Сестра, ко-

торую вы знаете и у которой я получил ваше письмо, после того, как мы, прочтя ваше письмо, много говорили о вас, просила меня написать вам, что она гордится тем, что, сказав с вами только несколько слов в Спасском, она раскусила вас и поняла именно таким, каким я вас описывал ей. Каким, вы сами знаете. Прощайте, до свиданья, любезнейший друг. Мне ужасно приятно и лестно вас называть так.

Безобразие Чернышевского, как вы называете, все лето тошнит меня*. Ежели бы вы отдали до моего приезда переписать «Юность», с большими полями, это было бы отлично.

Ваш *гр. Л. Толстой.*

62. В. В. Арсеньевой

1856 г. Ноября 2, Москва. 2-е Ноября.
Москва.

Вчера приехал ночью*, сейчас встал и с радостью почувствовал, что первая мысль моя была о вас и что сажусь писать не для того, чтобы исполнить обещание, а потому что хочется, тянет. Ваш фаворит, *глупый человек*, во все время дороги совершенно вышел из повиновения, рассуждал такой вздор и делал такие нелепые, хотя и милые планы, что я начинал бояться его. Он дошел до того, что хотел ехать назад с тем, чтобы вернуться в Судаково, наговорить вам глупостей и никогда больше не расставаться с вами. К счастью, я давно привык презирать его рассуждения и не обращать на него никакого внимания. Но когда он пустился в рассуждения, его товарищ, хороший человек, которого вы не любите, тоже стал рассуждать и разбил глупого человека вдребезги. Глупый человек говорил, что глупо рисковать будущим, искушать себя и терять хоть минуту счастья. «Ведь ты счастлив, когда ты с ней, смотришь на нее, слуша-

ешь, говоришь? — говорил *глупый человек*, — так зачем же ты лишаешь себя этого счастья, может, тебе только день, только час впереди, может быть, ты так устроен, что ты не можешь любить долго, а все-таки это самая сильная любовь, которую ты в состоянии испытывать, ежели бы ты только свободно предался ей. Потом, не гадко ли с твоей стороны отвечать таким холодным, рассудительным чувством на ее чистую, преданную любовь». Все это говорил *глупый человек*, но хороший человек, хотя и растерялся немного сначала, на все это отвечал вот как: «Во-первых, ты врешь, что с ней счастлив; правда, я испытываю наслаждение слушать ее, смотреть ей в глаза, но это не счастье и даже не хорошее наслаждение, прощительное для Мортье*, а не для тебя; потом, часто даже мне тяжело бывает с ней, а главное, что я нисколько не теряю счастья, как ты говоришь, я теперь счастлив ею, хотя не вижу ее. Насчет того, что ты называешь моим холодным чувством, я скажу тебе, что оно в 1000 раз сильнее и лучше твоего, хотя я и удерживаю его. Ты любишь ее для своего счастья, а я люблю ее для ее счастья».

Вот как они рассуждали, и хороший человек 1000 раз прав. Полюбите его немного. Ежели бы я отдался чувству глупого человека и вашему, я знаю, что все, что могло бы произойти от этого, это месяц безалаберного счастья. Я отдавался ему теперь перед моим отъездом и чувствовал, что я становился дурен и недоволен собой; я ничего не мог говорить вам, кроме глупых нежностей, за которые мне совестно теперь. На это будет время, и счастливое время. Я благодарю бога за то, что он внушил мне мысль и поддержал меня в намеренье уехать, потому что я один не мог бы этого сделать. Я верю, что он руководил мной для нашего общего счастья. Вам простительно думать и чувствовать, как *глупый человек*, но мне бы было постыдно и грешно. Я уже люблю в вас вашу красоту, но я начинаю только любить в вас то, чтоечно и всегда драгоценно, — ваше сердце, вашу душу. Красоту можно узнать и полюбить в час и разлюбить также скоро, но душу надо узнать. Поверьте, ничто в мире не дается без труда — даже любовь, самое прекрасное и естественное чувство. Простите за глупое сравнение. Любить,

как любит *глупый человек*, это играть сонату без такту, без знаков, с постоянной педалью, но с *чувством*, не доставляя этим ни себе, ни другим истинного наслаждения. Но для того, чтобы позволить себе отдаться чувству музыки, нужно прежде удерживаться, трудиться, работать, и поверьте, что нет наслаждения в жизни, которое бы давалось так. Все приобретается трудом и лишениями. Но зато, чем тяжелее труд и лишения, тем выше награда. А нам предстоит огромный труд — понять друг друга и удержать друг к другу любовь и уважение. Неужели вы думаете, что, ежели бы мы отдались чувству *глупого человека*, мы теперь бы поняли друг друга? Нам бы показалось, но потом мы бы увидели громадный овраг и, истратив чувство на глупые нежности, уж ничем бы не заровняли. Я берегу чувство, как сокровище, потому что оно одно в состоянии прочно соединить нас во всех взглядах на жизнь; а без этого нет любви. Я в этом отношении очень много ожидаю от нашей переписки, мы будем рассуждать спокойно; я буду вникать в каждое ваше слово, и вы делайте то же, и я не сомневаюсь, что мы

поймем друг друга. Для этого есть все условия — и чувство и честность с обеих сторон. Спорьте, доказывайте, учите меня, спрашивайте объяснений. Вы, пожалуй, скажете, что мы и теперь понимаем друг друга. Нет, мы только верим друг другу (я иногда, глядя на вас, готов согласиться, что *il n'y a rien de plus beau au monde, qu'une robe brochée d'or*), но не согласны еще во многом. Я дорогой перебирал 1000 предметов, писем или разговоров. В следующем письме напишу вам планы образа жизни Храповицких*, потом о ваших родных, о Киреевском, с которым ваши отношения для меня неприятнее, чем бывшие с Мортье, о Vergani* и миллион вопросов, которые не столько важны потому, как мы их решим, как потому, как мы будем соглашаться, толкуя о них.

Нынче видел вас во сне, что Сережа* вас сконфузил чем-то, и вы от конфузу делаетесь рябая и курносая, и я так испугался этого, что проснулся. Теперь даю волю глупому человеку. Вспомнил я несколько недоконченных наших разговоров. 1) Какая ваша особенная молитва? 2) Зачем вы у меня спрашивали, слу-

чается ли мне просыпаться ночью и вспоминать, что было? Вы что-то хотели сказать и не кончили. Я вас вспоминаю особенно приятно в 3-х видах: 1) когда вы на бале попрыгиваете как-то наивно на одном месте и держитесь ужасно прямо; 2) когда вы говорите слабым, болезненным голосом, немножко с кряхтением и 3) как вы на берегу Грумантского пруда в тетенькиных вязаных огромных башмаках злобно закидываете удочку. Глупый человек всегда с особенной любовью представляет вас в этих 3-х видах. Нет ли у m-lle Vergani вашего лишнего портрета, или нельзя ли отобрать назад у тетеньки, я бы очень желал иметь его. Про себя писать нечего, потому что никого не видал еще. Пожалуйста, ежели ваше здоровье нехорошо, то напишите мне о нем подробно; последние два дня вы были плохи. Ежели бы милейшая Женечка написала мне несколько строчек об этом предмете и о вашем расположении духа с своей всегдашней правдивостью, она бы меня очень порадовала. Пожалуйста, *ходите* гулять каждый день, какая бы ни была погода. Это отлично вам скажет каждый доктор, и корсет носите и

чулки надевайте сами и вообще в таком роде делайте над собой разные улучшения. Не отчаивайтесь сделаться совершенством. Но это всё пустяки. Главное, живите так, чтоб, ложась спать, можно сказать себе: нынче я сделала 1) доброе дело для кого-нибудь и 2) сама стала хоть немножко лучше. Попробуйте, *пожалуйста, пожалуйста*, определять себе вперед занятия дня и вечером поверять себя. Вы увидите, какое спокойное, но большое наслаждение — каждый день сказать себе: нынче я стала лучше, чем вчера. Нынче я добилась делить ровно триоли на четверти, или поняла, прочувствовала хорошее произведение искусства или поэзии, или, лучше всего, сделала добро тому-то и заставила его любить и благодарить за себя бога. Это наслаждение и для себя одной, а теперь вы знаете, что есть человек, который все больше и больше, до бесконечности будет любить вас за все хорошее, что вам нетрудно приобретать, преодолев только лень и апатию. Прощайте, милая барышня, глупый человек любит вас, но глупо, хороший человек *est tout disposé** любить вас самой сильной, нежной и вечной любовью.

Отвечайте мне подлиннее, пооткровеннее, посерьезнее, кланяйтесь вашим. Христос с вами, да поможет он нам понимать и любить друг друга хорошо. Но чем бы все это ни кончилось, я всегда буду благодарить бога за то настоящее счастье, которое я испытываю, благодаря вам — чувствовать себя лучше и выше и честнее. Дай бог, чтобы вы так же думали.

63. В. В. Арсеньевой
<неотправленное>

1856 г. *Ноября 8. Петербург.*
8 Ноября. Петербург.

Любезная Валерия Владимировна.

Вот уже неделя, что я уехал от вас и всё не получил еще от вас ни строчки. Получили ли вы мое сладенькое письмо из Москвы?* Мне за него совестно. Нынче я приехал в Петербург*, не совсем здоровый и в страшной тоске не столько оттого, что я не вижу вас, сколько от расстройства желудка. В Москве я видел очень мало людей и скучал. О вас я говорил с Машей*, которая, как кажется, очень располо-

жена любить вас, с Костенькой, который...*, и с Волконским, который вас не знает, но спрашивал у меня, правда ли, что я влюблен в одну барышню, которую он видел у Tremblai* без шляпы и про которую слышал следующий разговор двух сестер Кислинских — они говорили: «какая гадкая женщина Щербачева — она выписала свою племянницу, хорошенькую, молоденькую девушку, и решительно губит ее, сводит и влюбляет в какого-то музыканта, от которого эта барышня уже без ума и даже в переписке с ним». Вы сами можете догадаться, какое приятное чувство я испытал при этом разговоре. Поверьте, любезная Валерия Владимировна, как это ни грустно, ничто не проходит и ничто не забывается. Когда я с вами, я так слаб, что готов верить тому, что вы никогда не были влюблены в Мортье и что вы имеете ко мне серьезное чувство дружбы; но когда я рассуждаю спокойно, всё мне представляется в другом, более справедливом свете. Будь, что будет, я обещал вам и буду с вами совершенно и неприятно откровенен. То, что я говорил об глупом и хорошем человеке, справедливо, но всё это яснее вот

как: до вашего отъезда на коронацию* я уважал вполне ваше доброе, чистое сердце, верил вам совершенно и чувствовал к вам спокойную, тихую и чистую дружбу — после истории Мортье я просто люблю вас, *влюблен в вас*, как сказала В. Н.*, но простите меня за злую откровенность, я не уважаю вас столько, как прежде, и не верю вам. Я стараюсь принудить себя верить вам и уважать вас, но против моей воли сомневаюсь. Виноват ли я в этом, судите сами. Вы знали меня уже 3 месяца, видели мою дружбу, только не знали, хочу ли я или нет сделать вам предложение, и влюбились в Мортье, в чем вы сами признавались в то время, потому что вы честны и не могли не признаться в том, что было, потом вы перестали видеть Мортье, [но] не перестали думать о нем и писать ему, узнали, что я имел намерение предложить вам руку, и вы влюбились в меня и говорите тоже искренно, что вы никогда не любили Мортье. Но которое же чувство было истинно, и разве это чувство? Вы говорите, что в то время, как вы увлекались Мортье, вы не переставали чувствовать ко мне расположение, а что теперь

Мортье вам неприятен. Это только доказывает, что Мортье давал вам читать «Вертера»*, и поэтому внушает презрение, а я нравственно кокетничал с вами и выказывался всегда самой выгодной стороной, так что вам не за что презирать меня, и ежели вы сами захотите быть искренни, то вы согласитесь, что оба чувства были равны: одно — прежде и с ужасающей для всякой нравственной девушки будущностью, другое — после, с нравственной и приятной будущностью. А оба были равны, как и те, которые были прежде, и третье и тридцать третье, которое будет после. Любили ли вы истинно Мортье? до чего доходили ваши отношения? целовал ли он ваши руки? Я видел во сне, что он целует вас Валериановскими губами*, и с ужасом проснулся; ежели бы это была действительность, и вы бы признались в ней, я бы был рад. Да, я влюблен в вас и от этого я беспрестанно колеблюсь между чувствами к вам — или страстной любви или ненависти и боюсь, и борюсь с этим чувством и до тех пор не увижу вас, пока оно не пройдет, а то иначе я сделаю ваше несчастье и свое. Что бы я дал, чтобы возвра-

тилось то доверие и уважение и спокойная дружба, которую я испытывал прежде, но нет, ничего не забывается. Может, оно возвратится, но для этого нужно время. А вы с вашим характером не выдержите время, и я боюсь, что потеряю вашу дружбу, которая мне теперь дороже всего на свете. Чувствую, что письмо грубо, но не перечитывая посылаю его. Знайте меня, каким я есть, и очень нехорошим. Миллион вещей сделали меня таким, и я не могу притворяться. С самого моего выезда мне во всем неудачи и досады. Оказывается, что я под присмотром тайной полиции*, здоровье скверно, книги плохо идут*, денег нет, а тут в Москве милые известия про вас, а от вас ничего, и, главное, никого из людей, которых я люблю, здесь нет. Грустно, гадко, скверно жить на свете. В Москве видел вашу мерзейшую тетеньку, милую и Апрениных, из которых один женится на Долгорукой. Кланяйтесь всем вашим и постарайтесь простить меня за это письмо.

Ваш *гр. Л. Толстой*.

За ваши комиссии примусь нынче и в следующем письме отвечу вам и пошлю книги*.

64. В. В. Арсеньевой

1856 г. Ноября 9. Петербург.
9 Ноября.

Мне так больно подумать о вчерашнем моем письме к вам*, милая Валерия Владимировна, что теперь не знаю, как приняться за письмо, а думать о вас мне мало — писать так и тянет. Посылаю вам книги, попробуйте читать, начните с маленьких, с сказок — они прелестны; и напишите свое *искреннее* мнение. Насчет Николеньки еще не успел сделать и книгу ему пришлю с следующей почтой*. Белавин положительно тот самый, и есть мерзавец неописанный, и грешно думать равнодушно, что за него выйдет хорошая девочка. Напишите, ежели правда эта свадьба, я напишу тогда Лазаревичевой. Видал во все это время только моих приятелей литературных*, из которых люблю немногих, общественных же знакомых избегаю и до сих пор не видал никого. Работал нынче целый вечер с Иваном Ивановичем* в первый раз и тем очень доволен. Да что я пишу про себя, может быть, вы под влиянием того письма не

только питаете ко мне тихую ненависть, но не питаете ровно ничего. Посылаю вам еще повести Тургенева*, прочтите и их, ежели не скучно — опять, по-моему, почти все прелестно, а ваше мнение все-таки катайте прямо, как бы оно ни было нелепо. *Wage nur zu irren und zu träumen!** — Шиллер сказал. Это ужасно верно, что надо ошибаться смело, решительно, с твердостью, только тогда дойдешь до истины. Ну, да для вас это еще непонятно и рано. Отчего вы мне не пишете, хоть бы такие же мерзкие письма, как я, отчего вы мне не пишете? Костенька* вас не любит, это правда, то есть не не любит, а мало ценит, но Костенька хорош, как я не ожидал его найти. В нем произошла большая перемена, тексты из Священного писания не шутка, он понял недавно великую вещь, что добро — хорошо; помните, что я у вас спрашивал часто. И вы поймете это, но со временем, и — грустно сказать — эту великую истину понять нельзя иначе, как выстрадать, а он выстрадал; а вы еще не жили, не наслаждались, не страдали, а веселились и грустили. Иные всю жизнь не знают ни наслаждений, ни страданий — мо-

ральных, разумеется. Часто мне кажется, что вы такая натура, и мне ужасно это больно. Скажите, ежели вы ясно понимаете вопрос, такая вы или нет? Но, во всяком случае, вы милая, точно милая, ужасно милая натура. Отчего вы мне не пишете? Все, что я хотел вам писать об образе жизни Храповицких, я не решаюсь писать без отголоска от вас и особенно на второе письмо. Однако по правде сказать — руку на сердце, — я теперь уже много меньше и спокойнее думаю о вас, чем первые дни, однако все-таки больше, чем когда-нибудь я думал о какой-нибудь женщине. Пожалуйста, на этот вопрос отвечайте мне сколько можете искренно в каждом письме: *в какой степени и в каком роде вы думаете обо мне?* Особенное чувство мое в отношении вас, которое я ни к кому не испытывал, вот какое: как только со мной случается маленькая или большая неприятность — неудача, щелчок самолюбия и т. п., я в ту же секунду вспоминаю о вас и думаю: «Все это вздор — там есть одна барышня, и мне все ничего». Это приятное чувство. Как вы живете? *работаете* ли вы? ради бога, пишите мне. Не

смейтесь над словом работать. *Работать* умно, полезно, с целью добра — превосходно, но даже просто работать вздор, палочку строгать, что-нибудь, — но в этом первое условие нравственной, хорошей жизни и поэтому счастья. Например — я нынче *работал*, совесть спокойна, чувствую маленькое не гордое самодовольство и чувствую от этого, что я добр. Нынче я бы ни за что не написал вам такого злого письма, как вчера, нынче я чувствую ко всему миру приязнь и к вам именно то чувство, которое я бы желал именно весь век чувствовать. Ах, ежели бы вы могли понять и прочувствовать, выстрадать так, как я, убеждение, что единственно возможное, единственно истинное, вечное и высшее счастье дается тремя вещами: трудом, самоотвержением и любовью! Я это знаю, ношу в душе это убеждение, но живу сообразно с ним только каких-нибудь 2 часа в продолжение года, а вы с вашей честной натурой, вы бы отдали себя этому убеждению так, как вы способны себя отдавать людям — m-lle Vergani и т. д. А 2 человека, соединенные этим убеждением, да это верх счастья. Прощайте, словами это не

доказывается, а внушает бог, когда приходит время. Христос с вами, милая, истинно милая Валерия Владимировна. Не знаю, чего до сих пор вы мне больше доставили: страданий моральных или наслаждений. Но я так глуп в такие минуты, как теперь, что и за то и другое благодарен.

Да пишите же, ради бога, каждый день. Впрочем, ежели нет потребности, не пишите, или нет: когда не хочется писать, напишите только следующую фразу: *Сегодня такого-то числа не хочется вам писать*, и пошлите. Я буду рад. Ради бога, не придумывайте своих писем, не перечитывайте, вы видите, — я — который мог бы щегольнуть этим перед вами — а неужели вы думаете, что мне не хочется кокетничать с вами, — я хочу щеголять перед вами одной честностью, искренностью; а уж вам надо тем паче — умнее вас я знаю много женщин, но честнее вас я не встречал. Кроме того, ум слишком большой противен, а честность чем больше, полнее, тем больше ее любишь. Видите, мне так сильно хочется любить вас, что я учу вас, чем заставить меня любить вас. И действительно, главное чув-

ство, которое я имею к вам, это еще не любовь, а страстное желание любить вас изо всех сил.

Пишите же, ради бога, поскорее, побольше и как можно понескладнее и побезобразнее, поэтому искреннее.

Отлично можно жить на свете, коли уметь трудиться и любить, трудиться для того, что любишь, и любить то, над чем трудишься. Душку Женечку* обнимаю изо всех сил. Пиндигашек* тоже немножко. Ольге Владимировне* жму руку изо всех сил.

Наталье Петровне* скажите, что О. Тургенева не думала выходить замуж. Ежели вам случится хотеть написать что-нибудь мне и не решиться, то, *пожалуйста*, намекните, о чем. Надо все вопросы разъяснять смело. Я вам делаю много и грубых, а вы никогда.

65. С. Н. Толстому

1856 г. Ноября 10. Петербург.

Извини, любезный друг Сережа, что пишу два слова — все некогда. Мне всё неудача с моего отъезда, никого нет здесь, кого я люблю. В «Отечественных записках», говорят, обругали меня за «Военные рассказы», я еще не читал, но, главное, Константинов объявил мне, только что я приехал, что вел. князь Михаил, узнав, что я будто бы сочинил песню, недоволен особенно тем, что будто бы я учил ее солдат. Это грустно, я объяснялся по этому случаю с начальником штаба*. Хорошо только то, что здоровье мое хорошо, и что Шипулинский сказал, что у меня грудь здоровешенька. Тетеньке целую ручки.

Твой друг и брат
гр. Л. Толстой.

Книги идут плохо. Продано и тех и других экземпляров 900.

10 ноября.

Вели сказать старосте моему, чтобы он не торопился продавать дрова.

66. В. В. Арсеньевой

1856 г. Ноября 11. Петербург*.

Ваш друг Иван Иванович* виноват, что книги опоздали 2-мя днями. В повестях Тургенева не читайте «Жид» и «Петушков»: барышням нельзя; особенно из них рекомендую: «Андрей Колосов», «Затишье» и «Два приятеля». «Nicols Nickleby»* и «La Foire aux vanites»* из английских. Шмигаро и Журженьке* каждому по книжке. Повести Тургенева, когда прочтете, отошлите тетеньке. Соната эта та, про которую я говорил вам не раз, — она не трудна. Особенно хорошо Rondo и Largo. Писать мне вам ужасно хочется, и много есть чего, но не решаюсь, все жду от вас. Не выходите ли уж вы замуж за Громова? Тогда бы это было похоже на французский роман. Я нынче переехал на квартиру: на углу Большой Мещанской и Вознесенской, в доме Блума № 14. Ежели вас интересуется знать, в каком положении находятся мои мысли о вас, то с прискорбием должен донести, что пошло, было, после Москвы *diminuendo*, а теперь опять идет *crescendo*. Да пишите же мне ради

бога. Отчего вы не пишете? Прощайте, милая барышня, Христос с вами.

Гр. Л. Толстой.

67. В. В. Арсеньевой

1856 г. Ноября 12–13. Петербург.

Чувствую, что я глуп, но не могу удержаться, милая барышня, и, не получив все-таки от вас ни строчки, опять пишу вам. Теперь уж за 12 часов ночи, и вы сами знаете, как это время располагает к нежности и, следовательно, глупости. Напишу вам о будущем образе жизни Храповицких, ежели суждено им жить на свете. Образ жизни мужчины и женщины зависит 1) от их склонностей, а 2) от их средств. Разберем и то и другое. Храповицкий, человек морально старый, в молодости делавший много глупостей, за которые поплатился счастьем лучших годов жизни, и теперь нашедший себе дорогу и призвание — литературу, — в душе презирает свет, обожает тихую, семейную, нравственную жизнь и ничего в мире не боится так, как жизни рассеянной, светской, в которой пропадают все хорошие, честные, чистые мысли и чувства и в

которой делаешься рабом светских условий и кредиторов. Он уж поплатился за это заблуждение лучшими годами своей жизни, так это убеждение в нем не фраза, а убеждение, выстраданное жизнью. Милая г-жа Дембицкая еще ничего этого не испытала, для нее счастье: бал, голые плечи, карета, брильянты, знакомства с камергерами, генерал-адъютантами и т. д. Но так случилось, что Храповицкий и Дембицкая как будто бы любят друг друга (я, может быть, лгу перед самим собой, но опять в эту минуту я вас страшно люблю). Итак, эти люди с противоположными склонностями будто бы полюбили друг друга. Как же им надо устроиться, чтобы жить вместе? Во-первых, они должны делать уступки друг другу; во-вторых, тот должен делать больше уступок, чьи склонности менее нравственны. Я бы готов был жить всю свою жизнь в деревне. У меня бы было 3 занятия: любовь к Дембицкой и заботы о ее счастье, литература и хозяйство — так, как я его понимаю, то есть исполнение долга в отношении людей, вверенных мне. При этом одно нехорошо — я бы невольно отстал от века, а это грех. Г-жа Дем-

бицкая мечтает о том, чтоб жить в Петербурге, ездить на 30 балов в зиму, принимать у себя хороших приятелей и кататься по Невскому в своей карете. Середина между этими двумя требованиями есть жизнь 5 месяцев в Петербурге, без балов, без кареты, без необыкновенных туалетов с гипюрами и *point d'Alençon** и *совершенно без света*, и 7 месяцев в деревне. У Храповицкого есть 2000 сер. дохода с имения (то есть ежели он не будет тянуть последнее, как делают все, с несчастных мужиков, как делают все), есть у него еще около 1000 р. сер. за свои литературные труды в год (но это неверно — он может поглупеть или быть несчастлив и не напишет ничего). У гжи Дембицкой есть какой-то запутанный вексель в 20 000, с которого, ежели бы она получила его, она бы имела процентов 800 р. — итого, при самых выгодных условиях, 3800 р. Знаете ли вы, что это такое 3800 р. в Петербурге? Для того, чтобы с этими деньгами прожить 5 месяцев в Петербурге, надо жить в 5-м этаже, иметь 4 комнаты, иметь не повара, а кухарку, не сметь думать о том, чтобы иметь карету и попелиновое платье с *point Alençon*

или голубую шляпку, потому что такая шляпка *jujega** со всей остальной обстановкой. Можно с этими средствами жить в Туле или Москве и даже изредка блеснуть перед Лазаревичами, но за это *merci*. Можно тоже и в Петербурге жить в 3-м этаже, иметь карету и *point Alençon* и прятаться от кредиторов, портных и магазинщиков, и писать в деревню, что все, что я приказал для облегчения мужиков, — это вздор, а тяни с них последнее, и потом самим ехать в деревню и с стыдом сидеть там годы, злясь друг на друга, и за это — *merci*. Я испытал это. Есть другого рода жизнь на 5 этаже (бедно, но честно), где все, что можно употребить на роскошь, употребляется на роскошь домашнюю, на отделку этой квартирki на 5 этаже, на повара, на кухню, на вино, чтоб друзьям радостно было прийти на этот 5 этаж, на книги, ноты, картины, концерты, квартеты дома, а не на роскошь внешнюю для удивления Лазаревичей, холопей и болванов (12 Ноября).

Прощайте, ложусь спать, жму вашу милую руку и слишком, слишком много думая о вас. Завтра буду продолжать. Теперь же буду пи-

сать в желтую книжечку и опять о вас*. Я дурак.

13 Ноября. Буду продолжать это письмо в другой раз, получив от вас; а теперь как-то это не занимает, и в голове другое. Последний раз пишу вам. Что с вами? Болны вы? или вам снова совестно отчего-нибудь передо мной, или вы стыдитесь за те отношения, которые установились между нами? Но что бы то ни было, напишите строчку. Сначала я нежничал, потом злился, теперь чувствую, что становлюсь уже равнодушен, и слава богу. Какой-то инстинкт давно говорит мне, что, кроме вашего и моего несчастья, ничего из этого не выйдет. Лучше остановиться вовремя. Посылаю вам программу о вступлении в подготовительный класс Правоведения*. Там всё есть. Когда будете подавать в мае прошение, напишите в нем, что документы, посланные мной тогда-то, уже находятся в Совете правоведения. Заметьте, что Николеньке нужно для поступления выучиться читать и писать по-немецки, чего он, кажется, не знает. Поручительство даст тот, кто его повезет. Когда я люблю вас, мне часто хочется прие-

хоть к вам и сказать вам все, что чувствую; но в такие минуты, как теперь, когда я злюсь на вас и чувствую себя совершенно равнодушным, мне еще больше хочется видеть вас и высказать вам все, что накипело, и доказать вам, что мы никогда не можем понимать и поэтому любить друг друга и что в этом никто не виноват, кроме бога и нас, ежели мы будем обманывать себя и друг друга.

Во всяком случае, ради истинного бога, памятью вашего отца и всего, что для вас есть священного, умоляю вас, будьте искренны со мной, совершенно искренны, не позволяйте себе увлекаться.

Прощайте, дай вам бог всего хорошего.

Ваш *гр. Л. Толстой.*

68. В. В. Арсеньевой

1856 г. *Ноября 19. Петербург.* 19 Ноября. Благодарствуйте, голубчик, за ваши письма. Я получил три*, портрета не получал, но не бойтесь; никто ни писем, ни портрета смотреть не будет и не может. Я пишу это письмо 7-е. Ваше последнее письмо очень и очень меня тронуло, и стыдно стало за то, что сделал вам больно. Что делать, все-таки лучше, чем ежели бы я в самом себе спрятал это сомненье. Буду отвечать по пунктам. 1) О Киреевском вы судите хорошо, но не совсем искренно — боитесь понять мою мысль, которая состоит в том, что он богат, а вы бедны, он ваш дядюшка и крестный отец и поэтому может думать, что вы надеетесь получить от него деньги. Ежели бы я был на вашем месте, я бы твердо взял решение никогда не получить от него ничего, и тогда бы уж любил и уважал его, ежели он стоит того. 2) Вы говорите, что за письмо от меня готовы жертвовать *всем*. Избави бог, чтобы вы так думали, да и говорить не надо. В числе этого *всего* есть *добродетель*, которой нельзя жертвовать

не только для такой дряни, как я, но ни для чего на свете. Подумайте об этом — без уважения, выше всего, к *добру* нельзя прожить хорошо на свете. 3) Ваша привычка просыпаться по ночам хороша и мила очень. 4) Отчего нагнала на вас мрак комедия Островского?

5) Женечкина* приписка жестокая. Неужели, в самом деле, вы так монтируетесь*, что доходите до гаданий и таких вздоров? Избегайте всех этих монтирующих средств и особенно праздности. Не говорите, что пропадает золотое время. Напротив, мы живем оба и живем таким хорошим чувством, каким дай бог жить когда-нибудь после. 6) Не думайте, голубчик, чтобы никогда никто не любил вас так, как любил вас ваш отец. Вы стоите большой и сильной любви и поэтому будете иметь ее. Так свет устроен. 7) Не пишите и не делайте глупостей приезжать в Петербург, а ежели богаты деньгами, поезжайте хоть месяц прожить в Москве, а потом, пожалуй, и в Петербург.

8) Ради бога, не думайте, что я такой отличный, вы меня смущаете этим ужасно. Ежели я умен, то это не заслуга, зато сердце у

меня испорчено сомнением, недоверием и разной мерзостью. Ежели есть во мне, что можно любить, так это честность в деле чувства. Я никогда не обманывал и не обману вас. Вы — другое дело, вы натура свежая, не испорченная сомнениями, вы любите так любите, ненавидите так ненавидите; многого, что занимает меня, вы не поймете никогда, но зато я никогда не дойду до той высоты любви, до которой вы можете дойти, ежели только не будете себя форсировать и обманывать. Так мне надо чувствовать себя недостойным вас, а не вам, мой голубчик. И я чувствую это. Но эта-то разница наших характеров, которая уж не переменится и которая, ежели бы переменялась, было бы тем хуже, эта-то разница и страшна для нашей будущности. Нам надо помириться вот с чем: мне — с тем, что большая часть моих умственных, главных в моей жизни интересов останутся чужды для вас, несмотря на всю вашу любовь, вам — надо помириться с мыслью, что той полноты чувства, которую вы будете давать мне, вы никогда не найдете во мне! Хотя порывами, временно мое чувство может быть и

гораздо сильнее вашего, а уважение и признательность к вашей любви, покуда она будет существовать, ни на секунду не ослабнут. Одно, что может прочно соединить нас, это истинная любовь к добру, до которой я дошел умом, а вы дойдете сердцем. Мне так кажется, а впрочем, дай бог, чтобы было так, как вы мечтаете, ходя по зале с заложенными за спину руками. Моя сила, за которую вы меня любите, — ум, ваша сила — сердце. И то и другое вещи хорошие, и будем стараться развивать с взаимной помощью и то и другое: вы меня выучите любить, я вас выучу думать. Как это вы понимаете необходимость труда и любви в жизни, а не понимаете самоотвержения? Разве труд не самоотвержение? А любовь? Вы сами в предпоследнем письме говорите, что вы чувствуете, что любили меня с эгоизмом. Это очень верно; только, значит, вы вовсе не любили. Любить для своего наслаждения нельзя, а любят для наслаждения другого. Да что вам толковать то, что лежит в вашем отличном сердце. Пожалуйста, не переставайте писать мне о своих занятиях и поподробнее, что читали, что играли, и сколько часов. Ве-

вчера, пожалуйста, не теряйте. Возьмите на себя. Не столько для того, что вам полезны будут вечерние занятия, сколько для того, чтобы приучить себя преодолевать дурные наклонности и лень. Я здесь остановился и долго думал о вашем характере. Ваш главный недостаток это слабость характера, и от него происходят все другие мелкие недостатки. Выработывайте силу воли. Возьмите на себя и воюйте упорно с своими дурными привычками. Жуженьку скучно учить, тут-то и принуждайте себя непременно. Без труда ничего и — главное — счастье невозможно. А я буду подпрыгивать от радости, читая ваши успехи над самой собой. Ради бога, гуляйте и не сидите вечером долго, берегите свое здоровье. Женечка говорит, что вы худеете, это нехорошо. Я приеду к январю, почти наверно*. Что хочется мне и ужасно хочется сейчас приехать и никогда не уезжать, этому верьте, потому что я никогда не лгу вам в этом смысле, скорее в противоположном. Дня три тому назад провел я вечер у Тургеневой О. А., она милая девушка, и невольно я сравнивал ее с другой знакомой мне девушкой. Нет, до сих пор луч-

ше этой другой девушки я не знаю; и собой она лучше, и сердце у нее лучшее на свете, и играет она лучше, только та девушка больше читала, больше развита и больше любит и понимает поэзию. Я спрашиваю себя беспрестанно: влюблен ли я в вас или нет, и я отвечаю: нет, но что-то тянет к вам, все кажется, что должны мы быть близкими людьми и что вы лучший мой друг. Вот как, я думаю, должны жить Храповицкие. Средства у них малые, такие, что с трудом и с уменьем практическим жить, которого нет вовсе у него и которого мало у нее (что бы очень желательно, чтобы она в себе развивала), Храповицкие могут жить 5 месяцев в городе и 7 месяцев в деревне, и там и здесь бедно, но честно. Зимние 5 месяцев они могут проводить один год за границей, другой в Петербурге, потом опять за границей и т. д. Но непременно в Петербурге или за границей, для того, чтобы ни тому, ни другому не отставать от века, не опрощиваться, что в своем роде несчастье. И не отставать от века не в том смысле, чтобы знать, какие носят шляпки и жилеты, а знать, какая вышла новая замечательная книга, ка-

кой вопрос занимает Европу, не продавать и покупать людей и собирать баранов с мужиков, когда уже всякий студент знает, что это постыдно, и т. д. В Петербурге, не ездивши в свет, Храповицкие могут иметь маленький круг знакомых, избранных не из людей *comme il faut* и только, которых как собак, но из людей умных, образованных и хороших. Эта статья особенно важна для г-жи Храповицкой, которая по молодости своей любит много новых знакомых, не требуя от них ничего, кроме того, чтобы они были *comme il faut* и не болваны. Г-н Храповицкий в этом отношении, напротив, убежден, что этого мало, а следует как можно быть осторожнее в выборе знакомых, потому что точно беды нет, что знаком с одним пустым человеком, но ежели знаком с 30, то они, не делая вам никакого зла, одними своими посещениями и приглашениями лишат вас свободы *loisir** и отравят вам жизнь. Притом г-н Храповицкий думает, что ему с литературой и милой г-жой Храповицкой, и г-же Храповицкой с музыкой и г-ном Храповицким не будет одним скучно дома. Храповицкие все свои средства, как они

ни прибавятся, будут употреблять на внутреннюю роскошь — на устройство комнат, на картины, на музыку, на еду и вино, чтоб радостнее всего было дома, и этим преимущественно будет заниматься г-жа Храповицкая. Во время петербургской или заграничной жизни Храповицкие будут мало видеться, потому что и общество и занятия будут развлекать и того и другого; и от этого не так скоро надоедят друг другу; зато в деревне, где они постараются не видеть ни одной души посторонних, они вдоволь будут надоедать друг другу. Но тихой ненависти не будет, потому что и тут будут занятия у обоих. Это главное, главное. Г-н Храповицкий будет исполнять давнишнее свое намерение, в котором г-жа Храповицкая, наверное, поддержит его, сделать сколько возможно своих крестьян счастливыми, будет писать, будет читать и учиться и учить г-жу Храповицкую и называть ее «пупунькой». Г-жа Храповицкая будет заниматься музыкой, чтением и, разделяя планы г-на Храповицкого, будет помогать ему в его главном деле. Я воображаю ее в виде маленького провиденья для крестьян, как она в ка-

ком-нибудь попелиновом платье с своей черной головкой будет ходить к ним в избы и каждый день ворочаться с сознанием, что она сделала доброе дело, и просыпаться ночью с удовольствием собой и желанием, чтобы поскорее рассвело, чтобы опять жить и делать добро, за которое все больше и больше, до бесконечности, будет обожать ее г-н Храповицкий. А потом снова они поедут в город, снова поведут умеренную, довольно трудную жизнь с лишениями и сожалениями, но зато с сознанием того, что они хорошие и честные люди, что они изо всех сил любят друг друга, и с добрыми друзьями, которые их будут сильно любить обоих, и каждый с своим любимым занятием. Может быть, им случится когда-нибудь в извозничьей старой карете, возвращаясь от какого-нибудь скромного приятеля, проехать мимо освещенного дома, в котором бал и слышен оркестр Страуса*, играющий удивительные вальсы. Может быть, г-жа Храповицкая при этом глубоко вздохнет и задумается, но уж она должна привыкнуть к мысли, что это удовольствие никогда уж ей не испытывать. Зато г-жа Храповицкая может быть твердо

уверена, что редкой, редкой, а может, ни один из всех, кому она завидует на этом бале, ни один никогда не испытывал ее наслаждений, спокойной любви, дружбы, прелести семейной жизни, дружеского кружка милых людей, поэзии, музыки и главного наслаждения сознания того, что недаром живешь на свете, делаешь добро и ни в чем не имеешь упрекнуть себя. У каждого свои наслаждения, но высшие наслаждения, которые даны человеку, — наслаждения добра, которое делаешь, чистой любви и поэзии (*l'art*). Но, избрав раз эту дорогу, надо, чтобы Храповицкие твердо верили, что это лучшая дорога, и что по другой им не нужно ходить, чтобы они поддерживали один другого, останавливали, указывали бы друг другу овраги и с помощью религии, которая указывает на ту же дорогу, никогда бы не сбивались с нее. Потому что малейший *faux pas** разрушает все, и уж не поймешь потерянное счастье. А *faux pas* этих много: и *кокетство*, вследствие его недоверия ревность, злоба, и *ревность* без причины, и *фютильность*, уничтожающая любовь и доверие, и *скрытность*, вселяющая подозрение,

и *праздность*, от которой надоедают друг другу, и *вспыльчивость*, от которой говорят друг другу вещи, порождающие вечных мальчишков, и *неаккуратность* и *непоследовательность* в планах, и главное — *нерасчетливость*, *торопатость*, от которой путаются дела, расположение духа портится, планы разрушаются, спокойствие пропадает, и рождается отвращение друг к другу — и прощай!

Трудная дорога, да; но она прелестна и одна ведет к истинному счастью; поэтому стоит того, чтобы поработать над собой и уничтожить все те подчеркнутые причины, от которых делаются «*faux pas*».

А ежели слишком трудно, то я советую Храповицким поступить вот как: жить в Петербурге не в 4-м этаже, а в бельэтаже, сделать г-же Храповицкой 30 платьев, ездить на все балы, принимать у себя всех генерал— и флигель-адъютантов и гордиться этим, кататься по Невскому в своей карете. Г-же Храповицкой кокетничать, г-ну Храповицкому играть в карты, потом, осрамившись, бежать от долгов в деревню, потом опротиветь друг другу, и.....

Все это очень и очень легко, только стоит не принуждать себя, это само собой так делается, и, сбившись с первой дороги, Храповицким очень легко попасть на эту. И даже они непременно попадут, ежели собьются, потому что г-н Храповицкий натура не практическая и бесхарактерная и г-жа Храповицкая тоже. Но первая дорога, что это за счастливая, прелестная мечта! Ежели бы я теперь сидел с вами в Судакове в уголке у гостинной, я много, много рассказал вам. Впрочем, может быть, вы сами понимаете прелесть этой мечты. Ежели да, то не забудьте одно — я говорю, обдумав серьезно и из опыта жизни, — *средины нет, выбирайте одно из двух*: или со всей строгостью первое, каждый день, каждую минуту повторяя себе, что я хочу идти по этой дороге, или вы неволью попадете во вторую, в омут, в котором грязнут 999 из 1000. Долго я засиделся над этим письмом, но столько писал, сколько думал, уж 2 часа ночи. Про себя скажу вам, — я здоров, работаю, что? — вас еще не интересуется, вижу людей очень мало и все еще визитов никому не делал и не буду делать до декабря. Портрет не успел сделать

нынче. Завтра. Прощайте, мой голубчик, работайте над собой, крепитесь, мужайтесь, учитесь и любите меня все так же, только немножко поспокойнее. Я так счастлив мыслью, что есть вы, которая меня любит, что не знаю, что бы со мной было, ежели бы вы вдруг мне сказали, что вы меня не любите. Пожалуйста, не пробуйте этого. Женечку обнимаю, Оленьке жму руку, Наташу целую в задние ноги. Иван Иванович вчера был в «Гугенотах», ему не понравилось очень, а Алешка нашел, что славно!

69. В. В. Арсеньевой

1856 г. *Ноября 23–24. Петербург.*
23 Ноября.

Сейчас получил ваше чудесное, славное, отличное письмо от 15 Ноября. Не сердитесь на меня, голубчик, что я в письмах так называю вас. Это слово так идет к тому чувству, которое я к вам имею. Именно *голубчик*. И сколько раз, разговаривая с вами, мне ужасно хотелось вас назвать так, не каким-нибудь другим именем, а именно так. Письмо это должно быть коротко, ежели я не увлекусь,

потому что у меня дела пропасть, и самого спешного и мучительного, от которого я несколько дней не сплю ночи. Вы знаете, что мы заключили условие с «Современником» печатать свои вещи только там с 1857 года*, а я обещал Дружинину и Краевскому в «Отечественные записки», и надо написать это к 1-му декабрю. Дружинину я написал кое-как маленький рассказ*, но Краевскому нейдет на лад; я написал, но сам недоволен, чувствую, что надо переделать, некогда и не в духе, а все-таки работаю*. С одной стороны, надо сдержать слово, с другой — боюсь уронить свое литературное имя, которым я, признаюсь, дорожу очень, почти так же, как одной вам известной госпожой. Я в гадком расположении духа, недоволен собой, поэтому всем на свете, злюсь, зачем я давал слово, хочу работать над старым — отвращение, и, как на беду, лезут в голову новые планы сочинений, которые кажутся прелестны. В таком настроении застало меня ваше последнее письмо и утешило меня во всем. Бог с ними совсем, только бы вы меня любили и были такие, какой я вас желаю видеть, то есть отличной; а

по письму мне показалось, что вы и любите меня и начинаете понимать жизнь посерьезнее и любить добро и находить наслаждение в том, чтобы следить за собой и идти все вперед по дороге к совершенству. Дорога бесконечная, которая продолжается и в той жизни, прелестная и одна, на которой в этой жизни находишь счастье. Помогай вам бог, мой голубчик, идите вперед, любите, любите не одного меня, а весь мир божий, людей, природу, музыку, поэзию и все, что в нем есть прелестного, и развивайтесь умом, чтобы уметь понимать вещи, которые достойны любви на свете. Любовь — главное назначение и счастье на свете. Хотя, что я скажу, нейдет вовсе к нашему разговору, но вот еще великая причина, по которой женщина должна развиваться. Кроме того, что назначенье женщины быть женой, главное ее назначенье быть матерью, а чтоб быть *матерью*, а не *маткой* (понимаете вы это различие?), нужно развитие. Не сердитесь, голубчик (ужасно весело мне вас так называть), за замечания, которые я вам сделаю. 1) Вы всегда говорите, что ваша любовь чистая, высокая и т. д. По-моему, гово-

ритель, что моя любовь высокая и т. д., это все равно что говорить: у меня нос и глаза очень хорошие. Об этом надо предоставить судить другим, а не вам.

2) В отличном вашем дополнении плана жизни Храповицких нехорошо то, что вы хотите жить в деревне и ездить в Тулу. Избави господи! Деревня должна быть уединением и занятием, про которые я писал в предпоследнем письме, и больше ничего, но такой деревни вы не выдержите, а тульские знакомства порождают провинциализм, который ужасно опасен. Храповицкие сделаются оба провинциалами и будут тихо ненавидеть друг друга за то, что они провинциалы. Я видел такие примеры. Да я к тетеньке* испытывал тихую ненависть за провинциализм главное. Нет-с, матушка, Храповицкие или никого не будут видеть, или лучшее общество во всей России, то есть лучшее общество не в смысле царской милости и богатства, а в смысле ума и образования. У них комнаты будут в 4 этаже, но собираться в них будут самые замечательные люди России. Избави бог вследствие этого быть грубыми с тульскими знакомыми и род-

ными, но надо удаляться их, их не нужно; а я вам говорил, что сношения с людьми ненужными всегда вредны.

3) Увы! Вы заблуждаетесь, что у вас есть вкус. То есть, может быть, есть, но такту нет. Например, известного рода наряды, как голубая шляпка с белыми цветами — прекрасна; но она годится для барыни, едущей на рысках в аглицкой упряжке и входящей на свою лестницу с зеркалами и камелиями; но при известной скромной обстановке 4-го этажа, извозчичьей кареты и т. д. эта же шляпка ридикюльна*, а уж в деревне, в тарантасе, и говорить нечего. Потом есть известного рода женщины, почти в роде Щербачевой и даже гораздо хуже, которые в этом роде *élégance**, ярких цветов, взъерошенных кауфюр и всего необыкновенного, горностаевых мантилий, малиновых салопов и т. д., — всегда перецеголяют вас, и выйдет только то, что вы похожи на них. И девушки и женщины, мало жившие в больших городах, всегда ошибаются на этом. Есть другого рода *élégance* — скромная, боящаяся всего необыкновенного, яркого, но очень взыскательная в мелочах, в подробно-

стях, как башмаки, воротнички, перчатки, чистота ногтей, аккуратная прическа и т. д., за которую я стою горой, ежели она не слишком много отнимает заботы от серьезного, и которую не может не любить всякий человек, любящий изящное. *Elégance* ярких цветов и т. д. еще простительна, хотя и смешна для дурносопой барышни, но вам с вашим хорошеньким личиком непростительно этак заблуждаться. Я бы на вашем месте взял себе правилом для туалета — простота, но самое строгое изящество во всех мельчайших подробностях.

И 4) ПРОГУЛКИ ПО ГОСТИНОМУ ДВОРУ!!!!
Боже мой! Но это все ничего, ежели бы вы мечтали даже ездить учиться музыке на Тульский оружейный завод, и это было бы ничто в сравнении с чудной искренностью и любовью, которыми дышат ваши письма. Ради бога, чтоб замечанья мои не испортили ваше лучшее качество — искренность. В кого влюблена Оленька? Нельзя ли сказать? Это она, глядя на вас, и на себя дурь напустила. Прощайте до завтра. Получил объявление на 1 р., должно быть, портрет, и завтра, получив

его, боюсь сделаться глупым, еще глупей, чем я теперь. Виноват, что своего все не сделал, некогда. Когда уж писать много некогда, а писать вам для меня огромное удовольствие. Прощайте, голубчик, голубчик, 1000 раз голубчик, — сердитесь или нет, а я все-таки написал. Христос с вами.

23 Ноября.

Сейчас, окончив работу на нынешний день, которая меня мучит и про которую писал вам, открыл книгу и прочел удивительную вещь — «Ифигению» Гете. Вам это непонятно (может, будет понятно со временем) то неописанное великое наслаждение, которое испытываешь, понимая и любя поэзию; но дело в том, что сильное наслаждение, которое я испытал, почему-то заставило меня вспомнить о вас, и хочется написать вам: *голубчик*, и больше ничего. Портрета вашего не получил еще, свой же посылаю, уж передал Ивану Ивановичу. Вот скоро месяц, что не вижу вас, а почти все так же думаю о вас, иногда с недоверием и злобой, большей частью с глупой любовью. Впрочем, я ничего не делаю, чтобы испытать свое чувство. С тех пор, как я уехал,

я веду жизнь гораздо более уединенную, чем в Ясной. С 1-го декабря пушусь во все рассеяния и посмотрю, что будет. Приеду же к вам на вас посмотреть, и то не наверное, не раньше праздников. Теперь я работаю все для декабрьских книжек, главное же свое дело — переделывать «Юность» — я еще не начинал, это займет весь декабрь. Ездили ли вы на бал? Не поедете ли вы в Москву взять несколько уроков у Мортье? Эти обе вещи очень, очень необходимы, и тысячу раз советую вам их сделать. Пожалуйста, голубчик, сделайте это. Что музыка? Я часто мечтаю, что, приехав в милое Судаково через недель 5 и поболтав с вами на печке, вы сядете за фортепьяно и вдруг поразите меня необыкновенными успехами. Ежели вы не ленитесь, то можете это сделать. Прощайте, голубчик, милейшая барышня, жму вашу милую руку, Христос с вами. Должно быть, напишу еще завтра. Пишите, пишите, как прежде, только о ваших занятиях поподробнее, что вы читаете и как и что нравится?

Прелестная Женечка, Уа!

Пиндигашки, Уи!

Влюбленная Оленька, О-ох!

Долго ль жить нам в огорченье,

Люты скорби пренося?

Как вы думаете? Я думаю, недолго.

Я вспоминаю: вчерашнее мое письмо глупо, я что-то ужасно возгордился.

70. В. В. Арсеньевой

1856 г. Ноября 27–28. Петербург.

Вчера получил ваше второе письмо после говения, а нынче первое. Не знаю, потому ли, что письма нехороши, или потому, что я начинаю переменяться, или потому, что в последнем вы упоминаете о Мортъе, письма не произвели на меня такого приятного впечатления, как первые. Поздравляю вас от души и радуюсь, что вы так серьезно на это смотрите. Одно нехорошо — надо меньше говорить, чтобы больше чувствовать. И не надо слишком увлекаться надеждой, что все пойдет новое и что этим таинством вы разрываете связь с прошедшим. Оно помогает много и в жизни и духовно очищает, но не так, как вы думаете. Например, что вы говорите,

что после говенья вы будете наблюдать за собой и трудиться и работать (это я прибавлю за вас) — это отлично, и поддержи вас бог в этих мыслях, но история Мортье остается история Мортье. Первое нехорошо, что у вас время, как я вижу, проходит праздно. Это плохо. Вчера я был у О. Тургеневой и слышал там бетховенское трио*, которое до сих пор у меня в ушах, восхитительно. Я не могу видеть женщину, чтобы не сравнивать ее с вами. Эта госпожа отличная во всех отношениях, но она мне просто не нравится; но должно отдать ей справедливость. Можете себе представить, я узнал от ее тетки, что она встает в 7 часов в Петербурге и до 2-х каждый день играет, а вечера читает, и действительно в музыке она сделала громадные успехи; хотя у нее таланта меньше, чем у вас. Второе нехорошо, и ужасно нехорошо, что вы не пригласили Мортье приехать в Тулу и Судаково. Я говорил, говорил и вам и Женечке, что для вас необходимо видеться с ним, чтобы прекратились ваши отношения, но мне не хотят верить. Постарайтесь не досадовать, не воображать, что я ревную, а просто спокойно постарайтесь влезть

в мою шкуру и видеть моими глазами. Г-жа Дембицкая была влюблена в Passe-passe*, она сама признавалась в этом Женечке. Не ахайте, это не беда, это даже мило. Passe-passe, как г-жа Дембицкая убеждена, страстно влюблен в нее. Их отношения *прервались*, но не *прекратились*. Поймите меня, я убежден совершенно, что вы теперь не имеете ничего к Passe-passe, но ему это не доказано, он остановился на том, что вы ему показывали расположение. Понимаете ли вы, что половина пути самая трудная уж пройдена для него. Помните, мы с вами говорили у фортепьян: что будет, ежели вы влюбитесь, и вы сказали, что это не может быть, потому что вы не допустите себя дойти до интимности и взаимности, которые необходимы для того, чтобы любовь была опасна. Это правда. И понимаете — вы с Мортье дошли до этого, что он имеет право думать: или что вы имели к нему любовь, или что вы такая госпожа, которая способна иметь ее к многим, и вследствие этого разлука и сухое письмо с выдумками не уничтожают отношений и не могут успокоить Храповицкого. И именно только ваши отношения с

Мортье беспокоят Храповицкого. Отчего ему весело и приятно говорить с вами про вашу любовь к милейшему Иславину, отчего, ежели он будет мужем г-жи Дембицкой, он (ежели встретится в том необходимости) совершенно спокойно отправит г-жу Храповицкую на 2 года путешествовать с Иславиным и т. п., но Мортье — другое. Г-жа Дембицкая убеждена, что он ее любит, а он, г-н Храповицкий, который жил больше ее на свете, знает, что значит эта *высокая* любовь, — это больше ничего, как желание целовать ручки хорошенькой девушки, понимаете? Это доказывает и Вертер, и то, что он никогда не думал о том, чтоб было лучше г-же Дембицкой, а даже в музыке, в одном, в чем он мог быть полезен, он глупой лестью и т. д. пугал и вредил ей. Кроме того, это такой род любви, который от подобострастия ужасно быстро переходит к дерзости. Я мужчина и все

28 Ноября.

это знаю. Разумеется, я никому не могу запретить иметь к моей жене любовь такого рода, но она не опасна, когда между ей и им нет ничего общего; но когда пройдена эта первая

половина дороги, тогда опасно. И опасно вот в каком смысле; что, ежели бы г-н Мортъе написал моей жене любовное письмо или поцеловал бы ее руку и она скрыла бы это от меня (а кто ему мешает теперь), то ежели бы я любил жену, я бы застрелился, а нет, то сию секунду бы развелся и убежал бы на край света из одного уважения к ней, к своему имени и из разочарованья в моих мечтах будущности. И это не фраза, а клянусь вам богом, что это я знаю, как себя знаю. От этого-то я так боюсь брака, что слишком строго и серьезно смотрю на это. Есть люди, которые, женясь, думают: «ну, а не удалось тут найти счастье — у меня еще жизнь впереди», — эта мысль мне никогда не приходит, я все кладу на эту карту. Ежели я не найду совершенного счастья, то я погублю все, свой талант, свое сердце, сопьюсь, картежником сделаюсь, красть буду, ежели не достанет духу зарезаться. А вам это шуточки, приятное чувство, *нежное, высокое* и т. д. Я не люблю нежного и высокого, а люблю честное и хорошее. Постарайтесь спокойно стать на мое место и подумать, призовите и Женечку на совет, прав ли я или нет, желая,

чтобы вы стали с Мортье в отношения музыкального учителя и ученицы. Может быть, это трудно, но что ж делать, а повторяю, — лгать ему в письмах (как вы не чувствовали этого, говея?) это унижать себя, бояться его. Очень весело будет Храповицкому бегать от Мортье, чтоб его жена вдруг не растаяла перед выражением его страсти, Храповицкий имеет правилом и держится его — не иметь врагов, не иметь во всем мире ни одного человека, с которым бы ему тяжело было встретиться; а вы, любя его, хотите поставить в это гнусное, унижительное положение. Постарайтесь стать на мою точку зрения, у вас хорошее сердце, и если вы меня любите, как же вам не понять этого. Ревновать уж унижительно, а к Мортье каково?

Вы думаете, что кончены нотации, нет, дайте всё высказать. Три дня вы не решились сказать мне вещи, которая, вы знаете, как меня интересует, и высказываете ее, как будто гордясь своим поступком. Да ведь это первое условие самой маленькой дружбы, а не *высокой* и *нежной* любви! Я не шутя говорил, что ежели бы моя жена делала бы мне сюрприз —

подушку, ковыряшку какую-нибудь, и делала бы от меня тайну, я бы на другой день убежал бы от нее на край света, и мы бы стали чужие. Что делать, я такой, и не скрываю этого и не преувеличиваю. Думайте хорошенько, можете ли вы любить такого уroda, а в вещи, такой близкой вашему и моему сердцу, вы задумываетесь. Поверьте, что я не так поступаю в отношении вас. С тех пор, как я уехал, нет вещи, которой бы я не мог прямо сказать вам, и говорю и скажу все, что может вам быть интересно. За это-то я и люблю, главное, мои отношения к вам, что они поддерживают меня на пути всего хорошего. Что вы спрашиваете меня о полах, напомнило мне то, что я давно хотел сказать вам. Какие бы ни были наши будущие отношения, *никогда не будем* говорить о религии и все, что до нее касается. Вы знаете, что я верующий, но очень может быть, что во многом моя вера расходится с вашей, и этот вопрос не надо трогать никогда, особенно между людьми, которые хотят любить друг друга. Я радуюсь, глядя на вас. Религия великое дело, особенно для женщины, и она в вас есть. Храните ее, никогда не говори-

те о ней и, не впадая в крайность, исполняйте ее догматы. Занимайтесь больше и больше, приучайте себя к труду. Это первое условие счастья в жизни. Прощайте, милая Валерия Владимировна, изо всех сил жму вашу милую руку. Перед получением ваших последних писем я думал о том, что вместо того, чтобы испытывать себя, мы нашими письмами еще более монтируем друг друга. Ну, это письмо, кажется, не такого рода. На днях кончаю работу* и пускаюсь в свет.

Прощайте, Христос с вами, милая барышня.

71. М. Н. Каткову

<черновое>

1856 г. Декабря 1. Петербург.
М. Г.

Михаил Никифорович!

Напечатанное в «Московских ведомостях» объявление от «Русского вестника» о исключении г. Тургенева и меня из числа его сотрудников весьма удивило меня*. В 1855 году вам угодно было сделать мне честь письменно пригласить меня в число сотрудников «Русского вестника»*. Я имел неучтивость, в чем совершенно сознаюсь и еще раз прошу у вас извинения, по рассеянности и недостатку времени, не ответить на лестное письмо ваше. В том же году г. Корш лично приглашал меня принять участие в «Русском вестнике»*. Не имея ничего готового, я отвечал и совершенно искренно г-ну Коршу, что весьма благодарен за лестное приглашение, и что, когда у меня будет что-нибудь готовое, я за удовольствие почту напечатать статью в вашем журнале. Весной г. Мефодий Никифорович Кат-

ков, встретив меня у г. Тургенева, сообщил мне, что я почему-то уже честным словом обязан в нынешнем году доставить повесть в редакцию «Русского вестника». Я ответил вашему брату то, что я мог ответить, не имея ничего готового и прежде не обещанного, я ответил теми же общими фразами полуобещания и благодарности за лестное приглашение. Вот все мои отношения с редакцией «Русского вестника». Конечно, было бы лучше с моей стороны отвечать гг-м Коршу и Каткову резким отказом, и только тогда, когда моя статья была бы готова, прислать ее к вам. Без сомнения это было бы логичнее, а главное, выгоднее и безопаснее для меня во всех отношениях, но кто из нас не отвечал общими учтивыми полуобещаниями даже на приятные приглашения, которые сам не знаешь, в состоянии ли будешь выполнить, хотя и желаешь этого. Я не считал и не считаю себя обещаньем обязанным перед «Русским вестником», хотя имя мое без моего на то согласия и было напечатано в списке сотрудников журнала. Сама редакция «Русского вестника», как мне кажется, не считала меня своим со-

трудником, судя по тому, что после разговора с г. Коршем ни разу не обращалась ко мне, не изъявила желаний узнать моих условий при печатании моих статей, не спрашивала, какие будут это статьи, и не исполняла в отношении меня обыкновенных условий редакторской учтивости к своим сотрудникам, т. е. не посылала мне книжек своего журнала. Но ежели вам угодно буквально понимать мои ответы господам Коршу и Каткову, что я почти за удовольствие печататься в «Русском вестнике» и принимать их за положительное обещание, то и в этом случае позвольте вам заметить, что, никогда не означав времени, когда я отдам свою статью, я ничем не доказал, что я не хочу исполнить своего обещания. Я могу прислать статью через месяц, через год, через два, одним словом, по истечении срока условия с «Современником», вызвавшего ваше объявление. Ежели редакция «Русского вестника» нашла необходимым оговориться перед публикою в преждевременном напечатании моего имени в списке сотрудников, то, обвиняя в этом меня, она поступила, мне кажется, не совсем справедливо.

Представляя на ваше усмотрение, дать или не дать этому письму ту же публичность, которая дана была вашему объявлению (потому-то объявление ваше удивило меня и, скажу искренно, оскорбило меня. Мне было неприятно и больно видеть, что человек, которого я уважаю, как редактора) одного из лучших наших журналов, позволил себе публично, безопасно и несправедливо оскорбить своих товарищей и собратиев по литературе, имея право их обвинить только в слишком большом расположении, которое они принимали в вашем издании, и в неуместной учтливости. На ваше усмотрение предоставляю, напечатать или нет это письмо в «Московских ведомостях»*, имею честь быть ваш покорнейший слуга

Гр. Л. Толстой.

72. Т. А. Ергольской

1856 г. Декабря 5. Петербург.
5 декабря.

Виноват, что дня три не отвечал на ваше письмо*. Я ужасно был занят все это время. Я написал в один месяц совершенно новый рассказ для «Библиотеки для чтения» и переделал старое для «Отечественных записок»*. Я вам пришлю их. Зато этот месяц я провел прекрасно, так, как то время перед болезнью, когда я писал «Юность» с утра до вечера. Кроме того, у меня фортепьяно и ноты, новые книги и изредка Дружинин, Боткин, Анненков, с которыми мы иногда проводим вечера часов 6, болтая о пустяках и рассуждая о деле, так что не видим, как летит время. У светских моих знакомых я ни у кого не был и желаю быть как можно меньше. Так мне хорошо одному дома. Здоровье мое хорошо, чему я обязан, как мне кажется, не столько Шапулинскому, сколько гимнастике, которую я делаю каждый день. Только продолжаются бессонницы. Никак не могу спать больше 6, 7 часов в день. Вы мне пишете про Валерию* опять в том же

тоне, в котором вы всегда мне говорили про нее, и я отвечаю опять так же, как всегда. Только что я уехал и неделю после этого, мне кажется, что я был влюблен, что называется, но с моим воображением это не трудно. Теперь же и после этого, особенно как я пристально занялся работой, я бы желал и очень желал мочь сказать, что я влюблен или просто люблю ее, но этого нет. Одно чувство, которое я имею к ней, — это благодарность за ее любовь и еще мысль, что из всех девушек, которых я знал и знаю, — она лучше всех была бы для меня женою, как я думаю о семейной жизни. Вот в этом-то я и желал бы знать ваше откровенное мнение — ошибаюсь я или нет. И желал бы слышать ваши советы, во-первых, потому, что вы знаете и ее и меня, а главное, потому что вы меня любите, а люди, которые любят, никогда не ошибаются. Правда, я очень дурно испытывал себя, потому что с тех пор, как уехал, вел жизнь скорее уединенную, чем рассеянную, и видел мало женщин, но, несмотря на это, часто мне приходили минуты досады на себя, что я сошелся с ней и что я раскаивался в этом. Все-таки я говорю,

что, ежели бы я убедился, что она натура постоянная и будет любить меня всегда, — хоть не так, как теперь, — а больше, чем всех, то я ни минуты не задумался бы жениться на ней. Я уверен, что тогда моя бы любовь к ней все увеличивалась бы и увеличивалась и что посредством этого чувства из нее бы можно было сделать хорошую женщину. Adieu, chère tante, je baise vos mains*. Сереже я напишу этой же почтой*.

73. С. Н. Толстому

1856 г. Декабря 5. Петербург.
Любезный друг Сережа!

Из письма к тетеньке, которая, я полагаю, живет у тебя, ты узнаешь разные подробности обо мне и моих отношениях с *гостями**, которые я писал и на твой счет. Признаюсь, мне больно твое ужасное и несправедливое возмущение против *гостей*. Аргументы твои насчет обстановки сильны и справедливы, но вопрос в том, что есть ли внутренние достоинства, которые выкупают это? Ты говоришь, что нет, и говоришь на основании личной несимпатии и наблюдений поверхностных

над *гостями* в самый невыгодный период. А несмотря на то, я очень близок к тому, чтобы взять да и жениться на *госте*, хотя не сделаю этого никак прежде июня месяца. Одно, что может удержать меня, это, чтобы она влюбилась в кого-нибудь или чтобы я влюбился в кого-нибудь до этого время. Потому что то чувство, которое я имею к ней, как оно ни шатко и ни нецельно, оно остается точно тем же здесь, каким оно было и летом и осенью. Главное мое чувство это сильная любовь к известному роду семейной жизни, к которой эта девушка подходит лучше всех тех, которых я знал. Ты напрасно думаешь, что эта любовь к семейной жизни мечта, которая мне опротивеет. Я семьянин по натуре, у меня все вкусы такие были и в юности, а теперь подавно. В этом я убежден так, как в том, что я живу. Вопрос только в том, такая ли она, как я думаю, а этого ты теперь сказать не можешь, потому что ты не только не наблюдал ее, а, кроме твоей всегдашней презрительной манеры с женщинами, относился к ней еще с антипатией. По-твоему — хоть это смешно сказать — складки на шее и какой-нибудь *па-*

ук решительно мешают ей быть хорошей женой. Ты произносишь сразу приговор без апелляции за паука, а такой приговор есть тоже паук в своем роде. Но довольно об этом, о других делах, которые, знаю, тебя интересуют. Издание «Военных рассказов» Давыдовым* не дало еще мне ничего. Давыдов плут, и это мне урок; он говорит, что оно еще не окупилось, тогда как «Детство» и «Отрочество»* уже окупилось, и я получил больше 300 р. и через месяц получу еще столько и т. д. до 3000. Отставка моя вышла, и на днях надеваю фрак. Это стоит мне рублей 350; но, благо, я написал 4 листа с ½ в «Библиотеку для чтения» и «Отечественные записки»*, которые мне дадут эти деньги. На днях узнал, что государь читал вслух своей жене мое «Детство» и плакал. Кроме того, что это мне лестно, я рад, что это исправляет ту клевету, которую на меня выпустили доброжелатели и довели до величеств и высочеств, что я, сочинив Севастопольскую песню, ходил по полкам и учил солдат ее петь*. Эта штука в прошлое царствование пахла крепостью, да и теперь, может быть, я записан в 3-е Отделение и меня не пу-

стоят за границу. Едешь ли ты на Кавказ и когда? Пожалуйста, ответь мне. Прощай. У меня теперь еще недели на две спешных занятий за поправкой «Юности».

74. В. В. Арсеньевой

1856 г. *Декабря 7. Петербург.*
Получил вчера вдруг ваши 2 письма: от 1 декабря и 29 октября, и оба письма перечел несколько раз. Эти письма, в которых вы советуете мне съездить в Андалузию и говорите, что я должен любить вас с вашими слабостями, и что кокетничать и нравиться вы любите, и что на мою дорогу может стать 14— или 35-тилетняя женщина и т. д., и т. д., эти письма прелестны. Ежели бы я был женат, или вы бы были замужем, или ваш отец ни за что бы не хотел отдать вас за меня, тогда (это я говорю не шутя, а перед богом) я бы дал волю своему чувству, для меня бы не было ни прошедшего, ни будущего, и я бы страстно, так страстно, что вы бы сами стали говорить: потише! влюбился бы в вас. Но вникните хорошенько в это; ведь наша цель не одна — наслаждаться любовью, для этого

нужно отдать волю своему чувству и ни о чем не думать. Наша цель, кроме того, чтобы любить, еще в том, чтобы прожить жизнь вместе и исполнить все обязанности, которые налагает брак; а для этого много и много нужно поработать над собой и поломать себя и прежде и после. Я эгоист, положим, но вот уж 6-й месяц, как я постоянно борюсь сам с собою, как я изменяю свои любимые привычки; а вы не эгоист, но вы только хотите любить, наслаждаться этим лучшим благом на свете и для него не только не поработать над собой, но не пожертвовать даже маленьким удовольствием. Неужели вы думаете, что я не сумел бы на вашем месте делать то, что вы, то есть распуститься лапшой, наслаждаться лучшими чувствами на свете, а там, что будет после, «это твое дело». Но несмотря на то, вы все-таки милы, ужасно милы своей честностью и нежностью, которую я, хотя ценю мало, но люблю больше всего на свете. Опять о будущем. Занятия хозяйством, музыкой, мужиками, чтением это только советы, которые я даю для того, чтобы жизнь была вам хороша, но, может быть, вы найдете другие, более

вам приятные занятия, может быть, многие вам не по вкусу... это все дело ваше, вы можете быть отличной Храповицкой, даже и гуляя на гостинном дворе; но дело Храповицкого, который любит ее и больше жил, указать ей на то, что дает счастье, а не оставить ее искать самое — и делать все те ошибки, которые он сам делал. Но это только советы, потому что будет ли она читать или гулять по лавкам, ему будет ни лучше, ни хуже, а ей; но что касается света, то это другое дело. Тут уж Храповицкому хуже, и очень. Он должен водиться с людьми, которых он не уважает, с которыми ему противно, скучно, должен терять время, переменить весь свой образ жизни, бросить то, что в нем есть лучшего, — свои занятия. Положим, Храповицкий эгоист, но он никогда подобного не требовал и не будет требовать от Дембицкой. Вы во многом правы, что «одеваться старухой» какое мне дело? что я требую совершенства невозможного и задаю все задачи, одну труднее другой, и слишком пугаю этими faux pas*. Но все-таки хорошо не выпускать из головы той дороги и стараться не сбиваться с нее. А свет, какой бы то ни бы-

ло, хоть тульский, и *та* дорога — две вещи несовместные. Свет — это наверное *faux pas* с прелестной дороги; и это я буду говорить *en connaissance de cause**, хотя бы меня жгли за это. Подумайте об этом серьезно и так же, как всегда, *откровенно* напишите, отличнейший голубчик мой. Положим, что вы теперь согласитесь на эту жертву как на жертву, а я уверен, что, ежели только вам доступны другие, высшие наслаждения, вы забудете думать про эту жертву и будете смеяться над ней. Вы правы, смотря в ваши года и с вашим развитием на жизнь, как на приятное увеселение, и я прав, смотря на нее, как на труд, в котором зато бывают минуты высокого наслаждения, ежели вы не пустая госпожа, то и вы придете к этому, но придете скоро ли? Может быть, тогда, когда я буду уже смотреть на жизнь, как на обузу (почти так, как смотрит Женечка). А как же любить друг друга с различными взглядами на жизнь? Можно любить, вот ежели бы я был женат, но нельзя жить вместе и не страдать каждую минуту. Одно из двух: или вам надо потрудиться и догнать меня, или мне вернуться назад для того,

чтобы идти вместе. А я не могу вернуться, потому что знаю, что впереди лучше, светлее, счастливее. Валяйте на почтовых, я вам буду помогать, сколько могу; вам будет тяжеленько, но зато как счастливо, спокойно и с любовью (уж ежели вам это нужно) мы пройдем до конца дороги. Даже и по той стороне дороги будет так счастливо, покойно и любовно.

Что это вы молчите про Диккенса и Теккерея, неужели они вам скучно, а какую это дичь вы читали: «Notices sur les opéras»? И зачем вы свели дружбу с милой Сашенькой? Экая вы слабохарактерная госпожа! Она ничего, и отлично, что вы не злитесь ни на кого, но этот contact вам не хорош. Вследствие этого контакта в вас укоренятся те мысли и убеждения, которые должны со временем из вас выскочить. Стало быть, только труднее будет вам с ними расставаться. С прошедшей почтой послал вам книгу, прочтите эту прелесть*. Вот где учишься жить. Видишь различные взгляды на жизнь, на любовь, с которыми можешь ни с одним не согласиться, но зато свой собственный становится умнее и яснее. Я опять преподаю; но что делать, я не по-

нимаю без этого отношений с человеком, которого люблю. И вы мне иногда преподаете, и я радуюсь ужасно, когда вы правы. В этом-то и любовь. Не в том, чтоб у пупунчика целовать руки (даже мерзко выговорить), а в том, чтобы друг другу открывать душу, поверять свои мысли по мыслям другого, вместе думать, вместе чувствовать. Прощайте, мой голубчик, жму вашу руку, обнимаю Женечку и Пиндигашек.

7 декабря.

75. В. В. Арсеньевой

1856 г. *Декабря 12. Петербург.*

Вот уже 2-й день, что я получил ваше последнее письмо и всё был в нерешительности, отвечать ли на него или нет, и как отвечать на него. Чем заболел, тем и лечись, клин клином выгоняют. Буду опять искренен, сколько могу. Подумав хорошенько, я убедился, что мое письмо действительно было грубо и нехорошо, и что вы могли и должны были оскорбиться, получив его*. Но все-таки я от него не отрекаюсь. Это был не припадок ревности, а убеждение, которое я выразил слиш-

ком грубо и которое я сохраняю до сих пор. Насчет вашего письма я думал вот как: или вы никогда не любили меня, что бы было прекрасно и для вас и для меня, потому что мы слишком далеки друг от друга; или вы притворились и под влиянием Женечки*, которая посоветовала вам холодностью разжечь меня. Мне кажется, что тут il y a du Женечка. Mais c'est un mauvais moyen со мной, j'envisage la chose trop sérieusement pour que ces petits moyens naïfs puissent avoir prise sur moi. Je vois depuis longtemps le fond de votre cœur*, и эти маленькие хитрости для меня не скрывают, а засоряют его. То, что я говорю, что было бы прекрасно, ежели бы вы никогда не любили меня, я тоже говорю искренно и тоже, хотя и прежде я чувствовал это, меня особенно навело на мысль *последнее* письмо. Вы гневаетесь, что я *только умею читать нотации*. Ну вот, видите ли, я вам пишу мои планы о будущем, мои мысли о том, как надо жить, о том, как я понимаю добро и т. д. Это всё мысли и чувства самые дорогие для меня, которые я пишу чуть не с слезами на глазах (верьте этому), а для вас это *нотации и скука*. Ну что же есть

между нами общего? Смотря по развитию, человек и выражает любовь. Оленькин жених выражал ей любовь, говоря о высокой любви;* но меня, хоть убейте, я не могу говорить об этих вздорах. Верьте еще одному, что во всех моих с вами отношениях я был искренен, сколько мог, что я имел и имею к вам дружбу, что я искренно думал, что вы лучшая из всех девушек, которых я встречал, и которая, ежели захочет, я могу быть с ней счастлив и дать ей счастье, как я понимаю его. Но вот в чем я виноват и в чем прошу у вас прощенья: это, что, не убедившись в том, захотите ли вы понять меня, я как-то невольно зашел с вами в объяснения, которые не нужны, и, может быть, часто сделал вам больно. В этом я очень и очень виноват; но постарайтесь простить меня и останьтесь добрыми друзьями. Любовь и женитьба доставили бы нам только страдания, а дружба, я это чувствую, полезна для нас обоих. И я не знаю, как вы, но я чувствую в себе силы удержаться в границах ее. Кроме того, мне кажется, что я не рожден для семейной жизни, хоть люблю ее больше всего на свете. Вы знаете мой гадкий, подозритель-

ный, переменчивый характер, и бог знает, в состоянии ли что-нибудь изменить его. Нечто сильная любовь, которой я никогда не испытывал и в которую я не верю. Из всех женщин, которых я знал, я больше всех любил и люблю вас, но всё это еще очень мало.

Прощайте, Христос с вами, милая Валерия Владимировна, вы хоть в Ясную дайте знать, могу ли я все-таки приехать посмотреть на вас в январе месяце.

Ваш *гр. Л. Толстой.*

12 декабря.

1857

76. В. В. Арсеньевой

1857 г. Января 1. Петербург.

Милая Валерия Владимировна!

Очень, очень вам благодарен за последнее большое письмо ваше. Оно успокоило меня и уменьшило те упреки, которые я себе делаю за те письма, которые я вам писал и которые вас рассердили. Я ужасно гадок и груб был и, главное, мелок в отношении вас. Когда вас увижу, то постараюсь подробно объяснить, почему я себе так гадок.

Нынче новый год, очень приятно мне думать, что я начинаю его письмом к вам, дай бог, чтоб он вам принес больше радостей, чем прошлый, и вообще столько, сколько вы стоите, а вы заслуживаете счастье. Меня задержали здесь праздники, книжка «Современника» и хлопоты неожиданные с цензурой*, и хлопоты о паспорте за границу. Однако надеюсь через недельки две увидеть вас, а может быть и нет. Что вам рассказать про то, как я прожил

время моего молчания? Скучно и большей частью грустно, отчего — сам не знаю. Одиночество для меня тяжело, а сближение с людьми невозможно. Я сам дурен, а привык быть требователен. Притом я ничем не занят это время, и от этого грустно. Много слушаю музыки это время и вчера даже встретил Новый год, слушая прелестнейший в мире трио бетховенский* и вспоминая о вас, как бы оно на вас подействовало. Ноты завтра, как отопрут магазины, пришлю вам, и хорошие. Милой Женечке тысячу любезностей. Ольге Владимировне и пиндигашкам. Прощайте, от души жму вашу милую руку и постараюсь выбрать минуту более счастливую, чтоб писать вам. Ужасно грустно нынче что-то.

Ваш *Л. Толстой.*

1857, 1 января.

77. С. Н. Толстому

1857 г. Января 2. Петербург.

Пишу тебе несколько слов, потому что на днях уезжаю из Петербурга в Москву, где пробуду недели две, стало быть, скоро увижусь с тобой.

В твоём письме видна какая-то досада и даже желчь*. Это совсем не хорошо и происходит, как мне кажется, от уединенной жизни. Не приедешь ли ты в Москву? Теперь это было бы очень не дурно. Отношения мои с *гостями** продолжаются, но тяготят меня ужасно, и я не знаю, как прекратить их, потому что чувствую не только совершенно равнодушные, но досаду и раскаяние на себя за то, что я так зашел далеко. Ты говоришь, что ожидаешь от меня всякого пассажа, и говоришь, что ты меня знаешь. Но ежели ты ожидаешь всякого *пассажа*, то, значит, ты меня не знаешь, а заметил во мне непостоянство в некоторых вещах и как будто упрекаешь в них, как будто я нахожу удовольствие в том, чтоб делать несообразности. Я провел здесь 2 месяца очень хорошо, хотя почти никуда не ездил, а

много виделся с литературными друзьями, много читал, слушал музыки и писал первый месяц. Но для меня всего надо понемножку, хотя я душевно люблю этих литературных друзей: Боткина, Анненкова и Дружинина, но все умные разговоры уже становятся скучны мне, хотя и были истинно полезны для меня. Мои две повести в «Отечественных записках» и «Библиотеке для чтения», кажется, имели мало успеха, как и следовало ожидать, потому что были написаны наскоро*. «Юность» уже отпечатана, цензура ее таки повымарала, так как после стихов Некрасова и истории, которая была за них, она стала опять строже*. Книжки мои продаются, но не слишком. «Детство» разошлось около 700 экземпляров. «Военные рассказы» около 500. В Москве я намереваюсь ездить в гости. Прощай и не сердись на меня за то, что я такой, какой есть. Целую ручки у тетенки и с следующей почтой посылаю ей портрет свой, который она, кажется, желала иметь*. «Отечественные записки» высланы в Ясную, а «Библиотеку для чтения» с моей повестью я пришлю, как только получу.

Поздравляю вас с Новым годом. Твой *гр. Л. Толстой*.

2 января.

78. А. Н. Островскому

1857 г. Января 5. Петербург.

Не понимаю, за какое письмо, на которое я будто не ответил, ты упрекаешь меня, любезный друг Александр Николаевич; я ничего не получал. Но дело не в том. Мольбы Панаева совершенно основательны*, и ежели ты не пришлешь ничего ко 2-й книжке, союз наш не только примет окончательно комический характер, но просто шлепнется во всех отношениях. Ежели насчет комедии, про которую мы слышали, да и от которой без слухов я ожидаю наверное прекрасного по эпохе твоей деятельности, ежели ты уж дал слово печальной «Русской беседе», то просить тебя нечего, как ни грустно зарыть такую вещь в раскольничий журнал;* но ежели есть возможность приготовить другое, не торопясь и не портя матерьяла, или ежели слово не дано, то в «Современнике» теперь больше, чем когда-нибудь, необходимо твое имя, а

главное, твоя вещь*. Прощай, любезный друг, может быть, я сам скоро буду в Москве, но, во всяком случае, отвечай мне хоть несколько слов, как и что твое здоровье и твоя работа? Поздравляю тебя с Новым годом.

Твой *гр. Л. Толстой*.

Аполлону Александровичу* от души кланяюсь и прошу не забывать меня.

Писемский прочел вчера свою «Старую барыню». Прелестная вещь, мне кажется, лучшая из всех его прежних.

79. Т. А. Ергольской и С. Н. Толстому

1857 г. Января 14. Москва. 14 января.
Chère tante!

J'ai reçu mon passe-port l'étranger et je suis venu à Moscou, pour y passer quelques jours avec Marie et puis aller à Ясное, arranger mes affaires et prendre congé de vous*. Но теперь я раздумал, особенно по совету Машеньки, и решил пробить с ней здесь неделю или две и потом ехать прямо через Варшаву в Париж. Вы, верно, понимаете, chère tante, почему мне не хочется, даже не следует, приезжать теперь в Ясную, или скорее в Судаково. Я, ка-

жется, поступил очень дурно в отношении Валерии, но ежели бы я теперь виделся с ней, я поступил бы еще хуже. Как я вам писал, я к ней более чем равнодушен и чувствую, что не могу обманывать более ни себя, ни ее. А приезжай я, может быть, *по слабости* характера я опять бы стал надувать себя. Vous rappelez-vous, chère tante, comme vous vous êtes moquée de moi, quand je vous ai dit, gué je partais à Pétersbourg, pour m'éprouver. Et cependant c'est à cette idée, que je suis redevable de n'avoir pas fait le malheur de la jeune personne et le mien. Car ne croyez pas que ce soit de l'inconstance ou de l'infidélité, personne ne m'a plus pendant ces deux mois, mais tout bonnement j'ai vu que je me trompais moi-même et que non seulement jamais je n'ai eu, mais jamais je n'aurais pour V. le moindre sentiment d'amour véritable. La seule chose, qui me fait beaucoup de peine, c'est que j'ai fait du tort à la demoiselle et que je ne pourrais prendre congé de vous avant de partir. Je compte revenir en Russie au mois de Juillet, mais, si vous le désirez, je viendrais à Ясное, pour vous embrasser, car j'aurai le temps de recevoir votre réponse à Moscou. Dans tous les

cas, adieu, je baise vos mains et vous prie (это не фраза) de ne jamais croire que j'ai et que je puisse jamais changer envers vous et ne pas vous aimer comme toujours* изо всех сил.

Пожалуйста, Сережа, отвечай мне немедленно, не приедешь ли ты теперь в Москву*, это было бы лучше всего. Тогда бы я тебя ждал, а нет, и ежели тетенька этого захочет, то я уже потихоньку сделаю крюк и заеду в Пирогово проститься с вами*. Прощай, мизантроп любезный, а лучше всего приезжай к нам без мизантропии.

80. В. В. Арсеньевой

1857 г. Января 14. Москва.
Любезная Валерия Владимировна.

Что я виноват перед собою и перед вами ужасно виноват— это несомненно. Но что же мне делать? То, что я вам писал в ответ на ваше маленькое письмо, в котором вы запрещали мне писать вам, было совершенно справедливо, и больше я вам сказать ничего не могу*. Я не переменялся в отношении вас и чувствую, что никогда не перестану любить

вас так, как я любил, т. е. дружбой, никогда не перестану больше всего на свете дорожить вашей дружбой, потому что никогда ни к какой женщине у меня сердце не лежало и не лежит так, как к вам. Но что же делать, я не в состоянии дать вам того же чувства, которое ваша хорошая натура готова дать мне. Я всегда это смутно чувствовал, но теперь наша 2-х месячная разлука, жизнь с новыми интересами, деятельностью, обязанностями даже, с которыми несовместна семейная жизнь, доказали мне это вполне. Я действовал в отношении вас дурно — увлекался, но ежели бы теперь я приехал к вам и, разумеется, опять бы увлекся, я поступил бы еще хуже. Надеюсь, что вы настолько меня уважаете, что верите, что во всем, что я теперь пишу, нет слова неискреннего; а ежели так, то вы меня не перестанете любить немного. Я на днях еду в Париж и вернусь в Россию когда? — Бог знает. Нечего вам говорить, что ежели вы мне напишете несколько строк, я буду счастлив и спокоен. Адрес: Paris, Rue de Rivoli, № 206. Прощайте, милая Валерия Владимировна, тысячу раз благодарю вас за вашу дружбу и прошу про-

щенья за ту боль, которую она, может быть, вам сделала. Ради бога попросите M-le Vergani написать мне несколько хоть бранных строк. Это, может быть, покажется вам фразой, но ей-богу, я чувствую и знаю, что вы сделаете счастье хорошего, прекрасного человека, но я, в смысле сердца, не стою вашего ногтя и сделал бы ваше несчастье.

Прощайте, милая Валерия Владимировна, Христос с вами; перед вами так же, как и передо мной, своя большая, прекрасная дорога, и дай бог вам по ней прийти к счастью, которого вы 1000 раз заслуживаете.

Ваш *гр. Л. Толстой.*

14 января.

81. В. П. Боткину

1857 г. Января 20. Москва.
Милый Боткин.

Я еду в будущий понедельник, то есть 28, взял уже место, и в Ясную Поляну, где вы боялись, что я засяду, я вовсе не заеду по разным причинам*. Жил я здесь и проживу еще эти 8 дней не совсем хорошо, как-то против желания рассеянно. Езжу я здесь в свет, на балы; и было бы весело, ежели бы не одолевали меня умные. В той же комнате сидят милые люди и женщины, но нет возможности добраться до них, потому что умный или умная поймали вас за пуговицу и рассказывают вам что-нибудь. Одно спасенье танцевать, что я и начал делать, как это ни может показаться вам странным. Но должен признаться милому Павлу Васильевичу*, что все это *не то*. Благодарствуйте за ваш суд о «Юности»*, он мне очень, очень приятен, потому что, не обескураживая меня, приходится как раз по тому, что я сам думал — *мелко*. Вашу статью я перечел здесь*. Ежели вы не приметесь серьезно за критику, то вы не любите литературы. Есть

тут некоторые господа читатели, которые говорили мне, что это не критика, а теория поэзии, в которой им говорят в первый раз то, что они давно чувствовали, не умея выразить. Действительно, это поэтический катехизис поэзии, и вам в этом смысле сказать еще очень много. И именно вам. Славянофилы тоже *не то*. Когда я схожусь с ними, я чувствую, как я бессознательно становлюсь туп, ограничен и ужасно честен, как всегда сам дурно говоришь по-французски с тем, кто дурно говорит. Не то, что с вами, с бесценным для меня триумвиратом Боткиным, Анненковым и Дружининым, где чувствуешь себя глупым оттого, [что] слишком многое понять и сказать хочется, этого умственного швунга* нету. Островский, который был очень сочен, упруг и силен, когда я познакомился с ним прошлого года, в своем льстивом уединении, хотя также силен, построил свою теорию, и она окрепла и засохла. Аксаков С. Т. говорит, что его «Доходное место» слабо. Комедия его в «Современник» готова, я ее на днях услышу*. Дружининские критики здесь очень, очень нравятся; Аксаковым чрезвычайно. Его вступ-

ление в критику Писемского прекрасно*. Но какая постыдная дрянь Фуфлыгин*. Избави бог, коли он угостит «Современник» такою же. Тургенева в истории Каткова здесь все обвиняют за недоставление повести*. Статья Григорьева о Грановском занимает всех помосковски, то есть выходят на арену и сражаются*. Я почему-то сломал несколько копий за Грановского, и потому на меня, кажется, махнули рукой, как на испорченного петербургским кружком. Бобринский В. А. прибил Шевырева за славянофильский вопрос у Черткова, это факт. Шевырев лежит в постели*, и ему делают *visites de condoléance**. Прощайте, милый Василий Петрович, пожалуйста, будем переписываться. Дружинина и Анненкова от души обнимаю. Ивану Ивановичу* душевный поклон.

Ваш *gr.* Л. Толстой.

20 января.

Слышал комедию Островского*. Мотивы все старые, воззрение мелкое. Правдивым оказывается иногородний купец, но талантливо очень и отделано славно.

82. В. П. Боткину

1857 г. Января 29. Москва.

Печатайте с богом имя брата «Граф Н. Н. Толстой»*. Письмо ваше о нем меня ужасно обрадовало и сестру тоже*. Только вы уж не слишком ли увлекаетесь? Я провел здесь 2 недели ужасновесело, но зато так рассеянно, что изо всех сил хочется уединения. Слышал я две замечательные литературные вещи: «Воспоминания детства» С. Т. Аксакова и «Доходное место» Островского*. Первая вся мне показалась лучше лучших мест «Семейной хроники». Нету в ней сосредоточивающей, молодой силы поэзии, но равномерно сладкая поэзия природы разлита по всему, вследствие чего может казаться иногда скучным, но зато необыкновенно успокоительно и поразительно ясностью, верностью и пропорциональностью отражения. Комедия же Островского, по-моему, есть лучшее его произведение, та же мрачная глубина, которая слышится в «Банкруте»*, после него в первый раз слышится тут в мире взяточников-чиновников, который пытались выразить Соллогу-

бы, Щедрины и компания. Теперь же сказано последнее и настоящее слово. Так же как и в «Банкруте», слышится этот сильный протест против современного быта; и как там этот быт выразился в молодом приказчике, как в «Горе от ума» в Фамусове, так здесь в старом взяточнике секретаре Юсове. Это лицо восхитительно. Вся комедия — чудо. Но... ежели бы автор жил не в кружке, а в божьем мире, это могло бы быть *chef-d'œuvre*, а теперь есть тяжелые грустные пятна. Островский не шутя гениальный драматический писатель; но он не произведет ничего вполне гениального, потому что сознание своей гениальности у него перешло свои границы. Это сознание у него уже теперь не сила, двигающая его талант, а убеждение, оправдывающее каждое его движение. Познакомился я здесь лучше с Чичериным*, и этот человек мне очень, очень понравился. Славянофилы мне кажутся не только отставшими, так что потеряли смысл, но уже так отставшими, что их отсталость переходит в нечестность. 3-го дня, вернувшись домой, застал Григоровича и обрадовался несказанно — он чудесен, привез три

очерка* и для меня остался здесь на 2 дня, так что письмо это придет прежде него. План путешествия приводит его в восторг. Много бы еще хотелось написать вам, но всё личные предметы, которые затянут меня, а надо ехать. Прощайте, дорогой Василий Петрович, коли вздумается, напишите мне в Варшаву, где я пробуду несколько времени, на мое имя — с оставлением на почте. Ежели кто-нибудь захочет писать брату*, то адрес его в Кизляр в станицу Старогладковскую в Штаб 4-й батарейной батареи 20 бригады. Ваше письмо о нем я ему посылаю. наших милых друзей изо всех сил обнимаю. Что выйдет, не знаю, а работать ужасно хочется, да и жить хочется. Прощайте, пишите почаще.

Ваш *гр. Л. Толстой.*

83. А. Н. Островскому

1857 г. Января 29? Москва.

Очень жалею, любезный друг Александр Николаевич, что не успел проститься с тобой еще раз. Выздоровливай скорее и приезжай в Петербург и напиши мне оттуда. Благодарствуй за комедию*. В публике, где мы читали, она имела успех огромный. Мое впечатление в отношении сильных мест и лиц усилилось, в отношении фальшивых также. По-моему, их немного — только интрига Вишневских и еще кое-какие мелочи. Ежели бы этих пятнушек не было, это было бы совершенство, но и теперь это огромная вещь по глубине, силе, верности современно-го значения и по безукоризненному лицу Юсова.

Мне на душе было сказать тебе это. Ежели ты за это рассердишься, тем хуже для тебя, а я никогда не перестану любить тебя и как автора и как человека.

Твой гр. Л. Толстой.

84. М. Н. Толстой

1857 г. Февраля 10. Париж. 10/22 февраля.
ля.

Вчера приехал в Париж, любезный друг Машенька, и ужасно счастлив, что наконец на месте. 11 дней езды без остановок. Германия как будто промелькнула мимо меня, но то, что я успел заметить — общий характер, — очень понравилось мне, и я на возвратном пути непременно проеду по ней à petites journées*. Путешествие по железным дорогам — наслаждение, и дешево чрезвычайно, и удобно, не чувствуешь никакой надобности в человеке, даже такой неряха, как я. Стоило же мне всего от Варшавы до Парижа рублей 50 сер. Это примите к сведенью для вашего плана будущего путешествия. Трудно только решиться и подняться с места, — а я на аферу возьмусь провезти вас 2-х, с детьми и горничной, за 300 р. через всю Европу. Жить же на месте уже положительно дешевле везде, исключая Лондона, чем в Москве. Из Варшавы я по телеграфу* спрашивал у Тургенева, долго ли он пробудет еще в Париже, и через

несколько часов получил ответ, что еще долго и что Некрасов с ним, поэтому я ехал, не останавливаясь, и вчера видел их обоих. Но они оба плохи ужасно в моральном отношении. Тургенев с своей мнительностью, а Некрасов с мрачностью. Грустно и больно смотреть на них, как такие два человека как нарочно стараются портить себе жизнь*. Несмотря на усталость, был я вчера с ними au bal de l'opéra*, и это было samedi gras*. Забавны французики ужасно и чрезвычайно милы своей искренней веселостью, доходящей здесь до невероятных размеров. Какой-нибудь француз нарядился в дикого, выкрасил морду, с голыми руками и ногами и посередине залы один изо всех сил семенит ногами, махает руками и пищит во все горло. И не пьян, а трезвый отец семейства, но просто ему весело. Я пробуду здесь месяц, думаю; адрес мой: Rue de Rivoli, Hôtel Meurice. Некрасов нынче едет назад в Рим. Тургенев кланяется. Обними Валерьяна и детей и пиши мне, пожалуйста, голубчик, почаще и поподробнее про свое житье-бытье и планы.

Твой

гр. Л. Толстой.

Ежели Сережа в Москве, пожалуйста, не раздумывай ехать с Оболенским* — отличное дело, только я пробуду в Париже еще месяц, ежели приедешь сюда, мы славно проживем — а нет, то дождись меня в Риме.

85. В. П. Боткину

1857 г. *Февраля 10/22. Париж.*
10/22 февраля.

Вчера приехал я в Париж, дорогой друг Василий Петрович, и застал тут Тургенева и Некрасова. Они оба блуждают в каком-то мраке, грустят, жалуются на жизнь — праздную и тяготятся, как кажется, каждый своими респективными отношениями. Впрочем, я еще их мало видел. Тургенева мнительность становится ужасной болезнью и в соединении с его общительностью и добродушием — такое странное явление. Это первое впечатление было мне грустно, тем более, что после моей московской жизни я до сих пор еще ужасно lebensfroh*. Германия, которую я видел мельком, произвела на меня сильное и приятное впечатление, и я рассчитываю по-

жить и не торопясь поездить там. Некрасов нынче возвращается в Рим. Я думаю через месяц приехать туда. Этот же месяц надеюсь здесь кончить Кизиветтера*, который в продолжение дороги так вырос, что уже кажется не по силам. Авось к апрельской книжке успеет. Тургенев ничего не пишет, пилить я его буду, но что выйдет из того, не знаю. Прощайте, дорогой Василий Петрович. Это письмо не в счет, но все-таки жду от вас писем и лучше, чем ничего. Rue de Rivoli, Hôtel Meurice, № 149.

Л. И. Менгден вам нравится — я ужасно рад. Видно, мы не в одной поэзии сходимся во вкусах.

86. Т. А. Ергольской
<перевод с французского>

1857 г. *Февраля 10/22. Париж.*
10/22 февраля.

Вчера приехал в Париж, дорогая тетенька, и хотя несколькими словами спешу вас известить о себе. Из Москвы до Парижа я проехал 11 дней почти без остановки. Я здоров, хотя и очень устал. Тут я застал Тургенева и Некрасова; намереваюсь пробыть здесь месяц, чтобы весной поехать в Италию. Ни путешествие, ни здешняя жизнь не дороги, но я израсходовал много денег в Москве, где мы провели с Сережей, как он наверное вам рассказал, 3 недели для меня, по крайней мере, неприятно. Судя по вашему письму*, дорогая тетенька, я вижу, что мы друг друга не понимаем по поводу происшедшего в Судакове. Хотя я сознаюсь, что я виноват в том, что был непоследователен и что все могло бы произойти иначе, но думаю, что я поступил вполне честно. Я говорил не раз, что не могу определить того чувства, которое испытываю к этой девушке,

но что любви с моей стороны нет и что я хочу проверить себя. И, проверяя себя, я убедился в своем заблуждении и совершенно искренне написал об этом Валерии*. Затем отношения наши были так чисты, что воспоминание о них, ежели она выйдет замуж, не может ей быть неприятным, и поэтому я и просил ее не прерывать нашей переписки.

Не понимаю, почему молодой человек может только быть влюбленным в девушку и жениться на ней, а не может быть между ними простой дружбы. И я всегда сохраню к ней дружбу. М-ль Вергани написала мне смешное письмо;* ей следует припомнить, что я старался бывать у них как можно реже, устанавливал самые простые отношения с Валерией, и что она приглашала меня бывать чаще и сойтись ближе. Понимаю, что ей досадно, что не устроилось то, чего ей хотелось; мне, вероятно, эта вся история неприятнее, чем ей, но это не дает ей права назвать *свиньей* (и других в этом уверять) того, кто всячески старался поступить хорошо и, принеся некоторую жертву, спасти другого и себя от несчастья. Уверен, что в Туле я слышу величайшим чудо-

вищем.

Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки. Пишите мне так: Франция, Париж, улица Риволи, гостиница Мёрис, № 149.

Ежели Сережа с вами, поздравляю его с рождеством, обнимаю и прошу не раздумывать ехать за границу, я пробуду в Париже до 10/22 марта.*

87. В. В. Арсеньевой

1857 г. Февраля 20 / марта 4. Париж.
20 февраля.

4 марта.

Письмо ваше, которое я получил нынче, любезная Валерия Владимировна, ужасно обрадовало меня. Оно мне доказало, что вы не видите во мне какого-то злодея и изверга, а просто человека, с которым вы чуть было не сошлись в более близкие отношения, но к которому вы продолжаете иметь дружбу и уважение. Что мне отвечать на вопрос, который вы мне делаете: почему? Даю вам честное слово (да и к чему честное слово, я никогда не лгал, говоря с вами), что перемене, которую вы находите во мне, не было никаких при-

чин; да и перемены, собственно, не было. Я всегда повторял вам, что не знаю, какого рода чувство я имел к вам, и что мне всегда казалось, что что-то не то. Одно время, перед отъездом моим из деревни, одиночество, частые свидания с вами, а главное, ваша милая наружность и особенно характер сделали то, что я почти готов был верить, что влюблен в вас, но всё что-то говорило мне, что не то, что я и не скрывал от вас; и даже вследствие этого уехал в Петербург. В Петербурге я вел жизнь уединенную, но, несмотря на то, одно то, что я не видал вас, показало мне, что я никогда не был и не буду влюблен в вас. А ошибиться в этом деле была бы беда и для меня и для вас. Вот и вся история. Правда, что эта откровенность была неуместна. Я мог делать опыты с собой, не увлекая вас; но в этом я отдал дань своей неопытности и каюсь в этом, прошу у вас прощенья, и это мучает меня; но не только бесчестного, но даже в скрытности меня упрекать не следует.

Что делать, запутались; но постараемся остаться друзьями. Я с своей стороны сильно желаю этого, и всё, что касается вас, всегда бу-

дет сильно интересоваться меня. Верганичка в своем письме поступила, как отличная женщина, чем она никогда не перестанет для меня быть, т. е. она поступила нелогически, но горячо так, как она любит. Я вот уж 2 недели живу в Париже. Не могу сказать, чтоб мне было весело, даже не могу сказать, чтоб было приятно, но занимательно чрезвычайно. Скоро думаю ехать в Италию.

Как вы поживаете в своем милом Судакове? Занимаетесь ли музыкой и чтением? Или неужели всё скучаете? Избави бог, вам этого не следует делать. Французы играют Бетховена, к моему великому удивлению, как боги, и вы можете себе представить, как я наслаждаюсь, слушая эту *musique d'ensemble**, исполненную лучшими в мире артистами. Прощайте, любезная соседка, от души [жму] вашу руку и остаюсь вам истинно преданный

Гр. Л. Толстой.

88. П. В. Анненкову

1857 г. Февраля 26 / марта 10. Дижон.
Неприятно и начинать писать вам, дорогой Павел Васильевич, на таком клочке, когда я всё собирался писать вам длинно*. Вы, верно, не примете за фразу то, что думаю о вас часто, ужасно и больно чувствую ваше отсутствие. Вы теперь для меня именно — *то*, а не *не то*. Я пишу, т. е. свою повесть*, с удовольствием и надеждой, хотя это не спокойная уверенность, но, слава богу, далеко не та, уж не скромность и наслаждение, в искреннем или неискреннем саморугании Тургенева. Кто его знает. Он со своим пузырем — пучина. Хотя я и не должен бы, но думаю себе: может, Павел Васильевич и напишет мне за эту приписку письмецо, прежде моего длинного письма. Прощайте, от души жму вашу руку и всех наших общих друзей. Ваш *Л. Толстой*.

Напишите, ежели не мне, то Тургеневу ваше искреннее мнение о рассказах брата*.

89. Д. Я. Колбасину

1857 г. Марта 24 / апреля 5. Париж.

Мне ужасно совестно и досадно, любезный Дмитрий Яковлевич, за то, что я, не зная таможенных порядков, побоялся исполнить ваше поручение*. Вот я уже с лишком 1½ месяца живу в Париже и уезжать не хочется, так много я нашел здесь интересного и приятного. Я, еще не отвечал вам на то, что вы мне пишете об «Утре помещика»*. Спасибо вам, что вы не видите в нем злонамеренности. Тому, кому хочется видеть ее в этом и в «Разжалованном» — очень легко. Я теперь понемногу принимаюсь за работу, но идет медленно — так много других занятий. Тургенев точно болен и физически и морально, и на него смотреть тяжело и грустно. Надо надеяться, что лето и воды помогут ему, и я жду этого с нетерпением. Вы ему пишете, чтоб он мне сказал, что ноги у вас еще целы. Желаю, чтобы до поры до времени они оставались целы, а не миновать им опасности. Огромное количество русских, шляющихся за границей, особенно в Париже, мне кажется, обещает

много хорошего России в этом отношении. Не говоря о людях, которых взгляд совершенно изменяется от такого путешествия, нет такого дубины офицера, который возится здесь с б...ми и в cafés, на которого не подействовало бы это чувство социальной свободы, которая составляет главную прелесть здешней жизни и о которой, не испытав ее, судить невозможно. Ежели не поленитесь, сообщите мне кое-какие новости литературные, что делает ваш брат*, которому я от души жму руку, и что милый Дружинин, которого вы так не любите, и т. д. Что это «Сын отечества» так свирепствует?* Да нет ли возможности пересылать сюда журналов? Как идут дела продажи?* Нет ли денег? Рублей 500 мне бы были не лишни через месяц. Ежели есть, хотя и меньше, то перешлите мне кредитив от дома Брандебурга и комп. в Москве, но и в Петербурге должна быть контора. Прощайте, любезный друг, пожалуйста, опишите словечко, я отвечать буду аккуратно.

Ваш *гр. Л. Толстой.*

5 Апреля (н. с.).

90. В. П. Боткину

1857 г. Марта 24–25 / апреля 5–6. Париж.
5 апреля. Париж.

Это очень нехорошо, что вы больны, дорогой Василий Петрович: я боюсь, как бы это не расстроило ваш план поездки за границу*. Мне и в Петербурге казалось и по письму вашему кажется, что вам не хочется ехать. Приезжайте, милейший и мудрейший друг, разумеется, мы бы съехались с вами; а я алкаю вас видеть и беседовать с вами. Я живу все в Париже вот скоро 2 месяца и не предвижу того времени, когда этот город потеряет для меня интерес и эта жизнь свою прелесть. Я круглая невежда; нигде я не почувствовал этого так сильно, как здесь. Стало быть, уж за одно это я могу быть доволен и счастлив моей жизнью тут; тем более, что здесь тоже я чувствую, что это невежество не безнадежно. Потом наслаждения искусствами, Лувр, Versailles, консерватория, квартеты, театры, лекции в Collège de France и Сорбон*, а главное социальной свободой, о которой я в России не имел даже понятия, все это делает то, что я не раньше 2-

х месяцев, времени, когда начнется курс на водах, уеду из Парижа или из деревни около Парижа, где я на днях хочу поселиться*. У Тургенева, кажется, действительно [...], он едет на воды, когда и куда, еще не решено. Он жалок ужасно. Страдает морально так, как может только страдать человек с его воображением. Только очень недавно я успел устроиться так, что несколько часов в день работаю. Ужасно грязна сфера Кизиветтера, и это немножко охлаждает меня, но все-таки работаю с удовольствием*.

Это я написал вчера, меня оторвали, и нынче пишу совсем в другом настроении. Я имел глупость и жестокость ездить нынче утром смотреть на казнь*. Кроме того, что погода стоит здесь две недели отвратительная и мне очень нездоровится, я был в гадком нервическом расположении, и это зрелище мне сделало такое впечатление, от которого я долго не опомнюсь. Я видел много ужасов на войне и на Кавказе, но ежели бы при мне изорвали в куски человека, это не было бы так отвратительно, как эта искусная и элегантная машина, посредством которой в одно мгнове-

ние убили сильного, свежего, здорового человека. Там есть не разумная [воля], но человеческое чувство страсти, а здесь до тонкости доведенное спокойствие и удобство в убийстве и ничего величественного. Наглое, дерзкое желание исполнять справедливость, закон бога. Справедливость, которая решается адвокатами, — которые каждый, основываясь на чести, религии и правде, — говорят противуположное. С теми же формальностями убили короля, и Шенье*, и республиканцев, и аристократов, и (забыл, как его зовут) господина, которого года 2 тому назад признали невинным в убийстве, за которое его убили. А толпа отвратительная, отец, который толкует дочери, каким искусным удобным механизмом это делается, и т. п. Закон человеческий — вздор! Правда, что государство есть заговор не только для эксплуатации, но главное для развращения граждан. А все-таки государства существуют и еще в таком несовершенном виде. И из этого порядка в социализм перейти они не могут. Так что же делать? тем, которым это кажется таким, как мне? Есть другие люди, Наполеон III, например, кото-

рым, потому что они умнее или глупее меня, в этой путанице все кажется ясным, они верят, что в этой лжи может быть более или менее зла, и действуют сообразно с этим. И прекрасно, верно, нужно такие люди. Я же во всей этой отвратительной лжи вижу одну мерзость, зло и не хочу и не могу разбирать, где ее больше, где меньше. Я понимаю законы нравственные, законы морали и религии, необязательные ни для кого, ведущие вперед и обещающие гармоническую будущность, я чувствую законы искусства, дающие счастье всегда; но политические законы для меня такая ужасная ложь, что я не вижу в них ни лучшего, ни худшего. Это я почувствовал, понял и сознал нынче. И это сознание хоть немного выкупает для меня тяжесть впечатления. Здесь на днях сделано пропасть арестаций, открыт заговор, хотели убить Наполеона в театре*, тоже будут убивать на днях, но уже, верно, с нынешнего дня я не только никогда не пойду смотреть этого, никогда не буду служить нигде *никакому* правительству. Много бы еще хотелось вам рассказать про то, что я здесь вижу, как, например, за заставой

клуб народных стихотворцев*, в котором я бываю по воскресеньям. Правду писал Тургенев, что поэзии в этом народе *il n'y a pas**. Есть одна поэзия — политическая, а она и всегда была мне противна, а теперь особенно. Вообще жизнь французская и народ мне нравятся, но человека ни из общества, ни из народа, ни одного не встретил путного. Прощайте, дорогой Василий Петрович, извините за нелепость письма, я нынче совсем больнёшенек.

Ваш *гр. Л. Толстой*.

Адрес мой все Rue de Rivoli, 206.

91. И. С. Тургеневу <неотправленное>*

1857 г. Марта 28 / апреля 9. Женева.

Хоть несколько слов, да напишу вам, дорогой Иван Сергеич, потому что ужасно много думал о вас всю дорогу. Вчера вечером, в 8 часов, когда я после поганой железной дороги пересел в дилижанс на открытое место и увидел дорогу, лунную ночь, все эти звуки и духи дорожные, всю мою тоску и болезнь как рукой сняло или, скорей, преврати-

ло в эту тихую, трогательную радость, которую вы знаете. Отлично я сделал, что уехал из этого содома. Ради бога, уезжайте куда-нибудь и вы, но только не по железной дороге. Железная дорога к путешествию то, что бордель к любви, — так же удобно, но так же нечеловечески машинально и убийственно однообразно. Недаром я поехал и по лбу *кто-то* мне черту провел (заметьте, выехал я 28 нашего стиля). Целую чудную весеннюю лунную ночь я провел один, на банкете дилижанса, по Швейцарии и, приехав в Женеву, не застал Толстых*, а целый вечер сидел один в номере, смотрел на лунную ночь, на озеро, потом машинально открыл книгу, и эта книга Евангелие, которое здесь кладут во все номера Société Biblique*. Ну и я чувствую, что я ужасно счастлив до слез, и с радостью чувствую, что в таком расположении беспрестанно думаю о вас и желаю вам такого же, еще лучшего счастья. Я прожил 1½ месяца в содоме, и у меня на душе уж многоросло грязи, и две девки, и гильотина, и праздность, и пошлость; вы безнравственный человек, хотя и нравственнее меня живете, но и у вас в 6

месяцев много, много чегоросло, несообразного с вашей душой; право, проезжайтесь в дилижансе, или походите ночку в деревне, выплачьте смело все слезы, которые сидят там, и посмотрите, как легче станет, как хорошо станет. Узнайте, пожалуйста, в каких отношениях находится Орлов с княжной Львовою*. Мне показалось, что наше желание сбывается. Вы правы, что Орлов будет хороший муж, но ежели этого вовсе нет, скажите откровенно, может ли случиться, чтобы такая девушка, как она, полюбила меня, то есть под этим я разумею только то, что ей бы не противно и не смешно бы было думать, что я желаю жениться на ней. Я так уверен в невозможности такой странности, что смешно писать. А ежели бы я только верил в эту возможность, я бы вам доказал, что я тоже могу любить. Вы улыбаетесь иронически, безнадежно, печально. По-своему — но могу, это я чувствую. Прощайте, любезный друг, но, пожалуйста, не старайтесь того, что я пишу теперь, подводить под общее составленное вами понятие о моей персоне. Тем-то и хорош человек, что иногда никак не ожидаешь того, что

от него бывает, и старая кляча, иногда, закусит удила и понесет и припердывает, так и мой теперешний дух есть неожиданное и странное, но искреннее припердывание.

Ваш *гр. Л. Толстой.*

92. Т. А. Ергольской
<перевод с французского>

1857 г. *Марта 30 / апреля 11. Женева.*
11 апреля. Женева.

Дорогая тетенька!

Ежели бы Сережа мне не написал о вас*, я бы очень беспокоился. С моего отъезда я написал вам два раза* — с дороги и из Парижа, а от вас не получил ни одного письма; боюсь, что и мои до вас не дошли. Это было бы очень досадно, так как, я уверен, это вызовет в вас беспокойство и сомнения на мой счет. Я так приятно провел в Париже полтора месяца, что каждый день говорил себе, как я был прав, что поехал за границу. Я мало бывал в свете — обществе и в литературном мире, редко посещал кафе и публичные балы, но несмотря на это, я видел здесь столько новых

и интересных для меня вещей, что каждый вечер, ложась спать, я говорил себе: как жаль, что день прошел так скоро. Я собирался заниматься, но не имел времени. Представьте себе, в Париже у меня оказалось много родни — Трубецкие, двоюродные братья мама, г-жи Мансуровы и Мещерские, тоже двоюродные сестры мама, и затем Хлюстины, и во всех этих семьях есть барышни, которые оказались моими кузинами. Хотя некоторые из них прелестны, но я был так занят, что редко у них бывал. Бедный Тургенев очень болен и физически и еще серьезнее морально. Несчастливая его связь с госпожой Виардо и его дочь задерживают его в Париже. Климат здешний ему вреден, и он жалок ужасно. Никогда не думал, что он способен так сильно любить. Однако, невзирая на все удовольствия парижской жизни, на меня вдруг и без всякой причины напала необъяснимая тоска, и хотя я думал выехать из Парижа в мае, я решил теперь съездить на короткое время в Швейцарию, в Женеву. Я здесь три дня, но красота этого края и прелесть жизни в деревне, в окрестностях Женевы так меня захвати-

ли, что я думаю пробыть здесь дольше. Знакомых тут у меня нет, кроме Толстых и Строганова, мужа великой княгини, но я постараюсь бывать у них как можно реже и новых знакомств не заводите. Мне здесь очень хорошо, спокойно среди прекрасной природы и почти в одиночестве. Намереваюсь много работать и пока не делаю планов для дальнейшего путешествия. Знаю только, что осенью вернусь в *Ясное* и буду иметь счастье вас расцеловать. Наташу обнимаю. Как поживают соседки? Простили ли они великого преступника? Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши руки. Я решил писать вам каждые две недели и стыжусь, что до сих пор этого не исполнял. Скажите, тетенька, пожалуйста, *Василью*, чтобы он непременно писал мне каждый месяц и написал бы подробно, сколько в *Ясной* и *Грецовке* душ, крестьянских и дворовых, сколько тягол, сколько земли пахотной крестьянской, пахотной господской, сколько лугов, сколько под усадьбой, сколько всей земли? Это мне нужно для соображения. Адрес мой так: Швейцария, Женева. Графу Льву Толстому, гостиница Берг.

93. Т. А. Ергольской
<перевод с французского>

1857 г. *Апреля 5 / 17. Женева.*
Женева. 5/17 апреля.

Адрес мой: Швейцария. Женева. Гостиница Бергие.

Дорогая тетенька!

Сегодня я причастился здесь, в Женеве, а вчера получил ваше письмо, адресованное в Париж. Вы сами знаете, как я радуюсь всегда вашим письмам, но вчерашнее, полученное мною вечером перед исповедью, было особенно дорого*. Надеюсь, что вы простите мне, чем я перед вами грешен. Я знаю, что грехов у меня много, и я молюсь, чтобы бог помог мне не впадать в прежние грехи. Как бы мне хотелось, чтобы Валерия и Вергани простили меня *вполне* и не поминали бы того огорчения, которое я (уверяю вас, невольно) им причинил. Вы говорите, дорогая тетенька, что вы уже давно перестали меня понимать. Уверяю вас, что это не по моей вине, я сам слишком поздно понял себя и разобрался в этом деле;

но клянусь, что при моей любви к вам от вас я ничего не скрывал; и я надеюсь прожить всю жизнь так, чтобы не пришлось ничего от вас утаивать. Что же касается Валерии, я никогда не любил ее настоящей любовью, а допустил себя до дурного наслаждения — возбуждать любовь к себе, что доставляло мне удовольствие, никогда ранее не испытанное. Время, проведенное вдали от нее, показало мне, что я не чувствовал ни малейшего желания ее видеть, не говоря уже о том, чтобы жениться на ней. Я пугался при мысли об обязанностях, которые должен буду взять на себя, не любя ее, и тогда я решил уехать раньше, чем предполагал. Поступил я дурно, каюсь перед богом и прошу всех, кому я этим причинил горе, простить меня; но изменить то, что есть, невозможно. И ничто в мире не заставит меня возобновить то, что было. Желаю счастья Ольге и радуюсь ее свадьбе*, но уверяю вас, милая тетенька, что я был бы несказанно больше счастлив, узнав, что Валерия выходит замуж за человека, которого она любит и который ее достоин; и хотя у меня нет ни тени любви к ней, я знаю, что она хо-

рошая и честная девушка. Поздравляю вас, дорогая тетенька, с принятием святых тайн и светлым праздником. Христос воскрес! Я прошлого года встретил этот праздник с Толстыми в Петербурге и нынче вечером встречу с ними в Женеве. Они очень добрые и хорошие госпожи, просили меня кланяться вам.

Пишу вам второе письмо из Женевы* и упоминаю об этом на случай, ежели письмо затерялось, чтобы вы не думали, что я не писал. Местность здесь очаровательная, и мне так хорошо живется во всех отношениях, что подумываю, не остаться ли тут до сентября, то есть до возвращения в Россию. Я начал здесь лечение серными ваннами и чувствую себя прекрасно. Занимаюсь, читаю, люблюсь природой, наблюдаю здешний свободный и милый народ и надеюсь, что все это мне долго не наскучит и принесет пользу. Ежели Сережа приехал, поцелуйте его от меня и скажите, чтобы он затравил за меня двух лисиц, а осенью я сам затравлю. Вот бы он посмотрел здешнюю жизнь, уже он бы не мог не согласиться, что тут лучше нашего. Ежели Нико-

ленька придет, велите ему, пожалуйста, написать мне хоть строчку. Я ему напишу уже в Тулу, а не на Кавказ, куда письма ходят два месяца, а отсюда в Тулу в две недели. «Сильфотопень сиданси турбильон»... Это Николаю Сергеевичу. Желаю ему всего лучшего, физического и нравственного здоровья и очень рад, что он нашелся и я его увижу*.

Наталью Петровну обнимаю. Ванечка ее мне пишет, мы с ним очень сошлись последнее время, и он точно золотой человек. Я воображаю, как Наташа за пасьянсом иногда обсуживает меня и ругает. Наташа! Не суди, да не осужден будеши.

Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки и желаю вам того счастья, которого вы сами себе желаете и которого вы достойны.

Гр. Лев Толстой.

94. П. В. Анненкову

1857 г. *Апреля 22 / мая 4. Кларан.*

Посылаю вам, дорогой Павел Васильевич, записку Пущина*, с которым мы живем вместе в Clarens, Canton de Vaud, куда вы мне и пишите, ежели захотите меня этим истинно обрадовать.

Записка презабавная, но рассказы его изустные — прелесть. Вообще это, видно, была безалаберная эпоха Пушкина. Пущин этот преприятный и добродушный человек. Они с женой здесь трогательно милы, и я ужасно рад их соседству. Я в Швейцарии вот уже 4-ю неделю и очень доволен своим житьем. Дешево, уединенно; теперь тепло, голубой Леман и ущелья беспрестанно в глазах, простодушные, добрейшие люди Пущины, с которыми мы друг друга очень любим, и занятия.

Занятия, однако, идут плохо. Ту серьезную вещь, про которую я вам говорил как-то, я начал в 4-х различных тонах, каждого написал листа по 3 — и остановился, не знаю, что выбрать или как слить; или должен я всё бросить*. Дело в том, что эта субъективная поэ-

зия искренности — вопросительная поэзия — и опротивела мне немного и нейдет ни к задаче, ни к тому настроению, в котором я нахожусь; я пустился в необъятную и твердую положительную объективную сферу и ошалел: во-первых, по обилию предметов, или, скорее, сторон предметов, которые мне представились, и по разнообразию тонов, в которых можно выставлять эти предметы. Кажется мне, что копошится [?] в этом хаосе смутное правило, по которому я в состоянии буду выбрать; но до сих пор это обилие и разнообразие равняются бессилию. Одно, что меня утешает, это то, что мне и мысли не приходит отчаиваться, а какая-то кутерьма происходит в голове все с большей и с большей силой. Буду держаться вашего мудрого правила ответственности и никому не покажу и предоставлю одному себе выбрать или бросить.

Не читал я ваших обеих статей, но Тургенев был в восторге от первой особенно*. Где вы и что вы поделываете? Пожалуйста, напишите словечко. Clarens, pension Perret. Canton de Vaud. Я бы больше писал вам, да у меня один глаз завязан от ячменя и писать тяжело.

Тургенев на днях должен уехать в Лондон с Некрасовым*, который теперь тоже должен быть в Париже.

Ваш гр. Л. Толстой.

4 мая (н. с.).

95. Т. А. Ергольской

1857 г. Мая 17 / 29. Интерлакен.

Je vous écris d'Interlaken, où je suis arrivé ce soir et qui est connu pour être le plus beau pays de la Suisse. Autant que j'ai pu l'admirer ce soir, je crois que c'est vrai. Je vous ai déjà parlé, chère tante, de la charmante société russe avec laquelle j'ai passé ces 2 mois au bord du lac de Genève; mais ce n'est qu'à présent quand j'en suis séparé que je sens combien j'ai été heureux de me rencontrer avec gens de comme eux et me lier avec eux*.

Просто на подбор превосходные люди все.
1) Пущин — старик 56 лет, бывший разжалован за 14 число, служивший солдатом на Кавказе; самый откровенный, добрый и всегда одинаково веселый и молодой сердцем человек в мире и притом высокий христианин; 2) его жена — вся доброта и самопожертвова-

ние, очень набожная и восторженная старушка, но еще очень свежая. Потом Рябинин, которого Сережа знает, добрейший старый холостяк, который живет только для своих друзей и самый веселый товарищ. Эти три лица так любят друг друга, что не разберешь, кто чей муж и чей брат. С ними я жил в одном доме и проводил целые дни. Потом соседи наши за версту, князь и княгиня Мещерские (урожденная Карамзина), немножко аристократы, но чрезвычайно добрые люди; у них 15-тилетняя дочь, красавица, добрая и славная барышня*, и, наконец, сестра Мещерской Лиза Карамзина, старая барышня, лет за 30, обожающая свою племянницу, свою сестру, своего зятя и всех на свете. Я ее шутя прозвал — пример самоотвержения, и действительно ей подобную я знаю только вас в этом роде. Сверх этого наши частые гости из Женевы были Толстые, про которых я вам говорил, и священник наш молодой*, но умный — образованный и поучительно прекрасной жизни человек и всех наш духовный отец, которого я полюбил душевно и который, надеюсь, полюбил меня немного. Но невозможно рассказать

вам, как дружно, просто, мило и весело мы проводим время в этом прелестном краю и в лучшее время года.

Теперь все разъехались, и я не мог остаться один, взял с собой молодого мальчика Поливанова, которого мне поручила мать, и пошел пешком ходить по Швейцарии. Я прошел уже 3 дня, верст 100. Я, слава богу, здоров, но признаюсь, грустно вспомнить о прошедших чудесных 2 месяцах, которые останутся одним из лучших воспоминаний моей жизни. — Прощайте, *chère tante!* целую ваши руки. Пишите мне к Кетереру в Clarens, я же буду писать часто, вы мне обещали отвечать, а ваши письма, хоть вы и не хотите верить этому, для меня истинная и большая и радость [и] польза.

Прощайте, голубчик тетенька, до свиданья, в сентябре я все-таки думаю, коли бог даст, быть в России.

Что Сережа? которого я обнимаю. Хотя он и будет смеяться над моим письмом, я все-таки стою на своем, что отлично можно жить за границей.

Прикажите, пожалуйста, мне выслать по-

скорей деньги, я уже занял.

17/29 мая. Интерлакен.

96. В. П. Боткину

1857 г. *Июня 27 / июля 9. Люцерн.*

Дорогой Василий Петрович!

Я занят ужасно*, работа — бесплодная или нет, не знаю — кипит; но не могу удержаться, чтоб не сообщить вам хоть части того, что бы хотелось переговорить с вами. Во-первых, я говорил уже вам, что многое за границей так ново и странно поражало меня, что я набрасывал кое-что с тем, чтобы быть в состоянии возобновить это на свободе. Ежели вы мне посоветуете это сделать, то позвольте писать это в письмах к вам. Вы знаете мое убеждение в необходимости воображаемого читателя. Вы мой любимый воображаемый читатель. Писать вам мне так же легко, как думать; я знаю, что всякая моя мысль, всякое мое впечатление воспринимается вами чище, яснее и выше, чем оно выражено мною. Я знаю, что условия писателя другие, да бог с ними — я не писатель. Мне только одного хочется, когда я пишу, чтоб другой человек и

близкий мне по сердцу человек порадовался бы тому, чему я радуюсь, позлился бы тому, что меня злит, или поплакал бы теми же слезами, которыми я плачу. Я не знаю потребности сказать что-нибудь всему миру, но знаю боль одинокого наслаждения или страданья. Как образчик будущих писем посылаю вам это от 7 из Люцерна.

Письмо не это, а другое, которое еще не готово нынче*.

Что за прелесть Люцерн и как мне все здесь приходится — чудо! Я живу в пансионе Даман на берегу озера; но не в самом пансионе, а в чердачке, состоящем из двух комнат и находящемся совершенно отдельно от дома. Домик, в котором я живу, стоит в саду, весь обвит абрикосами и виноградником; внизу живет сторож, я наверху. В сенях висят хомуты, подальше под навесом журчит фонтанчик. Перед окнами густые яблони с подпорками, некошенная трава, озеро и горы. Тишина, уединение, спокойствие. Служанка моя — старушка с желто-белыми седыми волосами, маленьким зобиком и самой добродушной сморщенной рожицей. Она глуха, как тетерев, и

говорит на каком-то таком ужасном patois*, что я ни слова понять не могу; она стара, уродлива, вечно моет, носит воду и делает тяжелую работу; но вечно смеется и таким детским, звонким, веселым смехом, что два желтые зуба, которые она при этом показывает, зубы эти даже милы. Когда я вчера пришел на квартиру, первое лицо я встретил миловидную 17-тилетнюю хозяйскую дочь в белой кофточке, которая, как кошечка, подпрыгивая по зеленым аллеям, бегала с другой хорошенькой девушкой, второе лицо была милая старушка, которая мыла полы. Я спросил у нее, где хозяйка? Она не слыхала и сказала мне что-то, чего я не понял. Я улыбнулся, она подперла бока и принялась смеяться; но так отлично, что я тоже стал смеяться. И теперь, как только мы встретимся, мы посмотрим друг на друга и смеемся; но каким летним, чудесным смехом. Даже часто, я устану писать и нарочно выйду к ней, мы посмеемся, и я опять пойду писать, а она пойдет мыть, и мы оба очень довольны. Вечером же вчера я сел со свечкой в первой маленькой комнатке, которую я сделал салоном, и не мог нарадовать-

ся своему помещению. Два стула, покойное кресло, стол, шкаф, все это просто, деревенско и мило ужасно. Полы некрашенные, с расщедшимися половицами, маленькое окошечко с беленькой стороной, в окошечко глядят виноградные листья и усы, и освещенные огнем свечки кажутся головами, когда, косясь, нечаянно посмотришь на них. А дальше в окне черные стройные раины, а сквозь них тихое озеро с лунным блеском; а с озера несутся далекие звуки трубной музыки. Отлично! Так отлично, что я пробуду здесь долго. Знаете что, приезжайте сюда, дорогой друг, после первого курса. Как бы мы здесь зажили, и поехали бы вместе. Я буду ждать вашего ответа. Письмо о Люцерне пришлю вам, как кончу. Право, приезжайте, ведь я еду в Голландию по Рейну и [к] вам в Остенд*, вот и по дороге; впрочем, я на все согласен, лишь бы быть с вами. До свиданья.

Ваш *гр. Л. Толстой.*

9 июля.

97. В. П. Боткину

1857 г. Июля 9 / 21. Цюрих. 21 июля. Цю-
рих.

Кругом я виноват перед вами, дорогой Василий Петрович, за то, что пропустил целую неделю, не отвечая с получения вашего письма*. Я был и занят, и Толстые* приехали в Люцерн, и вслед за тем я собрался ехать. Еду я, как писал, по Рейну в Англию, но по дороге заеду в Зинциг к Тургеневу, откуда получил от него письмо*. Зинциг на левом берегу Рейна близ Ремагена. Возле Андернаха. Там воды, куда его послал берлинский доктор. Судя по письму его, он душевно спокойнее. Стихотворение Фета прелестно*. Не прочтя вашего замечания о неловких 2-х стихах, я сделал то же. Досадно. Зато: «И в воздухе за песнью соловьиной разносится тревога и любовь!» Прелестно! И откуда у этого добродушного толстого офицера берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов. Главное содержание моего письма, которое вы не разобрали, было следующее. Меня в Люцерне сильно поразило одно обстоятельство,

которое я почувствовал потребность выразить на бумаге. А так как в мое путешествие у меня много было таких обстоятельств, слегка записанных мною, то мне и пришла мысль восстановить их все в форме писем к вам, на что я и просил вашего согласия и совета. Люцернское же впечатление я тотчас же стал писать. Из него вышла чуть не статья, которую я кончил, которой — почти доволен и желал, бы прочесть вам, но, видно, не судьба. Покажу Тургеневу*, и ежели он апробует, то пошлю Панаеву*. Ежели захотите написать, то в Париж *poste restante*. Я буду в Париже, думаю, через месяц. Ежели бы там столкнуться с вами — как бы хорошо было. [...]

Как вы? физически и морально. Надеюсь, что физически лучше. Морально же вы умеете никогда не быть в худом положении. Впрочем, напишите, ежели вы не сердитесь на меня (мне все кажется, что вы сердитесь после вашего последнего письма, и это было причиной молчанья — я не мог в тон попасть). Напишите в Лондон *poste restante*. Грустно бы было потерять друг друга из вида.

Ежели я так некаллиграфически написал

первое письмо и напутал там что-то, то вам не следует сердиться. Все это произошло от мгновенного припадка сильнейшей нежности к вам.

Тургенев пробудет в Зинциге до начала августа с. с. Прочтите биографию Curer Bell*, ужасно интересно по интимному представлению литературных воззрений различных лучших кружков современных английских писателей и их отношений. Прощайте, дорогой друг. Изю всех душевных сил жму вашу руку и желаю вам главного — выздоровления. Может, вы напишете тотчас по получении этого письма Тургеневу, напишите, когда будете в Остенде. Может, я застаю ваше письмо у него, а вас застаю в Остенде, куда я обещал Толстым заехать.

98. А. А. Толстой

1857 г. *Августа 18. Ясная Поляна.*
Ясная Поляна, 18 августа.

Драгоценная бабушка!*

На счастье пускаю это письмо в Остенд, хотя и боюсь, что оно вас не застанет; но теперь, сидя один в деревне и невольно перебирая свои воспоминания, вижу, что изо всей моей заграничной жизни воспоминание о вас для меня самое милое, дорогое и серьезное, и мне душой хочется писать вам — живее и ближе вообразить вас. Написав это, я долго сидел и думал, не потому, чтоб не знал, что писать, напротив, слишком много хочется вам сказать такого, что не понравится вашей скромности. Вы сами говорите, что в деревне все чувства разрастаются в громадные размеры, и моя дружба к вам здесь разрослась в такую неукладистую дружбищу, что, ежели говорить про нее, вы, пожалуй, скажете опять, что я вечно живу на парадоксах. Ну, да что говорить об этом — вы тем-то и чудесная бабушка, что вы этого не хотите знать; а в милой Александре Александровне* видите гениаль-

ный ум и ученость, а во мне доброту и разные хорошие качества. И что удивительно, что эта непонятная скромность находится где же? в трубе!* Право, это гораздо удивительнее, чем ежели бы соленый огурец вырос на кусте розана.

В Дрездене я, к радости и удивленью моему, встретил милейшего Филемона в седом парике и Бавкиду*, вышедшую из Смольного, и с ними доехал до Петербурга. Разумеется, не раз мы с этими милыми друзьями побранили вас, и Михаил Иванович, поковыривая ноготь об ноготь, с недоумением говорил: да, удивительная... и вдруг под седыми бровями, в круглых честных глазах оказывалось что-то вроде слезинок. В Дрездене еще совершенно неожиданно встретил княжну Львову. Я был в наилучнейшем настроении духа, для того, чтобы влюбиться: проигрался, был недоволен собой, совершенно празден (по моей теории, любовь состоит в желании забыться, и поэтому так же, как сон, чаще находит на человека, когда недоволен собой или несчастлив). Княжна Львова красивая, умная, честная натура; я изо всех сил желал влюбиться, видел-

ся с ней много, и никакого! Что это, ради бога? Что я за урод такой? Видно, у меня недостает чего-то. И вот чего, мне кажется: хоть крошечной порции fatuité*. Мне кажется, что большая часть влюбляющихся людей сходятся вот как: видятся часто, оба кокетничают и, наконец, убеждаются, что влюбились в себя ре-спективно один другого; а потом уж в благодарность за воображаемую любовь сами начинают любить. Но как же мне, всегда внимательно наблюдающему за женщиной, с которой я схожусь, ту меру отвращения, которое я ей вселяю своей персоной, как же мне поддаться на этот милый обман? А впрочем, бог с ним совсем, с этим десертом, пора перестать заботиться о сладеньких кушаньях, когда се-дина в голову. Благодарю бога и за то, что он мне дал существенное, то есть способность любить, хоть это по-вашему, может быть, и парадоксы, но я так решил себе.

В Петербурге меня задержали целую неделю и здоровье и литературные дела, несмотря на то, я не был у К. Н.*, потому что забыл совсем. В России скверно, скверно, скверно. В Петербурге, в Москве все что-то кричат, него-

дуют, ожидают чего-то, а в глуши тоже происходит патриархальное варварство, воровство и беззаконие. Поверите ли, что, приехав в Россию, я долго боролся с чувством отвращения к родине и теперь только начинаю привыкать ко всем ужасам, которые составляют вечную обстановку нашей жизни. Я знаю, что вы не одобрите этого, но что ж делать — большой друг Платон, но еще больший друг правда*, говорит пословица. Ежели бы вы видели, как я в одну неделю, как барыня на улице палкой била свою девку, как становой велел мне сказать, чтобы я прислал ему воз сена, иначе он не даст законного билета моему человеку, как в моих глазах чиновник избил до полусмерти 70-тилетнего больного старика за то, что чиновник зацепил за него, как мой бурмистр, желая услужить мне, наказал загулявшего садовника тем, что, кроме побой, послал его босого по жнивью стеречь стадо, и радовался, что у садовника все ноги были в ранах, — вот, ежели бы это всё видели и пропасть другого, тогда бы вы поверили мне, что в России жизнь постоянный, вечный труд и борьба с своими чувствами. Благо, что есть

спасенье — мир моральный, мир искусств, поэзии и привязанностей. Здесь никто, ни становой, ни бурмистр, мне не мешают, сижу один, ветер воет, грязь, холод, а я скверно, тупыми пальцами разыгрываю Бетховена и проливаю слезы умиления, или читаю «Илиаду», или сам выдумываю людей, женщин, живу с ними, мараю бумагу, или думаю, как теперь, о людях, которых люблю. Вы и не думаете того, а я теперь вижу вас гораздо яснее и лучше, чем какой-нибудь принц Вурстемберской*, который уставил на вас свои лошадиные буркулы. Сестра здоровее и веселей, чем была прежде. Ежели начать писать о ней, то письмо не кончится. От души целую ваши и бабушки Лизы руки, славному Ребиндеру желаю успеху, твердости духа и дружески жму руку.

Деньги пошлю в Петербург или как велите*. Адрес мой: В Тулу. Напишите словечко, ведь я, без шуток, изо всех сил обрадуюсь вашему письму.

99. Н. А. Некрасову

1857 г. Октября 11. Ясная Поляна.

Нынче получил я сентябрьский «Современник». Ясно, как письмо от вас подействовало на меня: хочется поговорить с вами. Во-первых, по порядку: какова мерзость и плоская мерзость вышла моя статья в печати и при перечтении*. Я совершенно надул себя ею, да и вас, кажется. Авдотьи Яковлевны повесть еще не прочел*. Теперь ваши стихи*. Вы, может, и знать не хотите моего мнения, а я почему-то чувствую внутреннюю необходимость сказать вам его так же искренно, как желал бы, чтобы говорили всегда мне. Первое превосходно. Это самородок и чудесный самородок, остальные *все*, по-моему, слабы и *сделаны*, по крайней мере такое произвели на меня впечатление, в сравнении с первым. «Современное обозрение», хотя и интересно, вышло не то, как я ожидал. Слишком оно петербургское, а не русское*. Вообще книжечка так себе, скорее плоха.

Что будет у вас или есть уже в октябре? На меня же, пожалуйста, больше не рассчиты-

вайте, надоело мне писать ковыряшки, да еще скверные. Вчера прочел, как меня обругали в «Петербургских ведомостях», и поделом*. Скажите мне, пожалуйста, откровенно мнение Дружинина и Анненкова. Как они с вами говорили про эту статейку? Я вчера писал Колбасину* разный вздор, а забыл про дело. Сделайте милость, передайте ему, что я прошу как можно скорее похлопотать о высылке мне указа об отставке*, а то я без вида. Тороплюсь на почту и, признаюсь, чувствую себя не в духе в настоящую минуту; потому кончаю письмо.

Недели через 2 я надеюсь быть в Петербурге. До свидания. Кланяйтесь очень Ивану Ивановичу*.

Ваш *гр. Л. Толстой.*

11 октября.

И еще скажите, пожалуйста, Колбасину, что ежели перевод статьи не сделан, то не нужно*.

100. А. А. Толстой

1857 г. Октября 18–20? Москва.
Милая бабушка!

Лень, постыдная лень сделала то, что на последнее ваше письмо вы не получили ответа в то время, когда вы его писали. Опять бы была симпатия*. Я все жил в деревне и с утра до вечера был занят навозом, лошадьми, мужиками, и занятия, хоть нехорошо, но шли. Деятельностью своей обязан немного и вам. Вы писали, что не любите пустых болтунов и боитесь за внука, и я стал бояться, и старался получить право похвастаться перед вами. При этом должен сказать, что письмо ваше из Остенда произвело на меня не только радость, но гордость. Что вот, мол, хоть меня и считает и староста и тетушка пустяшным малым, а ко мне вот какой человек письмо пишет, да еще дружеское, да еще умное, милое и поучительное. В то самое число, когда вы писали из Петербурга, я ездил по хозяйству. День был счастливый, все шло хорошо, кстати все мужики сделались вдруг необыкновенно умные и добрые, и я, возвращаясь верхом

домой (славный был, яркий, холодный и осенний вечер), испытал чувство радости в том, что Лев Николаич жив и дышит, и чувство благодарности к кому-то, что он позволил дышать Льву Николаевичу. Это очень приятное чувство, которое я редко испытываю и которое вы, я думаю, знаете. Все хорошие мысли и воспоминания вдруг полезли в голову и загродили весь коридор, так что ящики с неприятными мыслями и воспоминаниями уж не могли выдвигаться. Голова ведь устроена вот как: *à vol d'oiseau** череп:

[РИСУНОК]

Все ящики выдвигаются в коридор.

Ящики могут выдвигаться по несколько с каждой стороны, оставляя проход в коридоре. Когда же, посредством хорошей погоды, лести, пиццеваренья и т. п. зажата правая пружина, то все ящики сразу выскакивают, и весь коридор занимает ящиками правой стороны, вот так:

[РИСУНОК]

и наоборот, когда дождик, дурной желудок, правда зажмут левую, тоже коридор весь загораживается.

А вот рисунок нормального положения, когда выдвигаются то те, то другие:

[РИСУНОК]

Кроме того, надо знать, что каждый ящик имеет пропасть подразделений. Подразделения зависят от человека. У одного делятся на придворные и не придворные; у другого на красивые и не красивые; у третьего на умные и глупые и т. д., и т. д., и т. д. У меня разделяются на воспоминания о хороших, очень хороших и серьезно хороших и людях ничего. В разрезе и большом масштабе вот так:

[РИСУНОК]

Итак, едучи верхом, пружина хорошего расположения пожалась, и ящики выскочили все. В том числе и ваш ящик. Потом стали убираться понемногу, а ваш ящик, бог знает по какому праву, выскочил весь, — стал поперек в коридоре и загородил всю дорогу. Так что весьма долго я им одним занимался и все ехал и мысленно писал вам предлинное письмо. Но, приехав домой, в коридор надо было пропустить новые штуки, именно вопрос о том, как рассудить подравшегося мужика с женой, вопрос о покупке лесу и т. п., и эти во-

просы самым грубым манером полезли напролом в коридор. Ежели бы я не успел запрятать в свое место ваш ящик, они бы сломали его. Одним словом, в этот же день я начал писать вам письмо, но уж не писалось, и я так и бросил его.

На ваше письмо я не отвечал тотчас же, потому что сам думал скоро быть в Петербурге, и теперь думаю, но все откладывается, и уж мне становится совестно. Сестре нужно было ехать в Москву, и я поехал с ней. За границу она зимой не должна ехать, в Петербург тоже; поэтому и я остаюсь в России эту зиму, но в Петербург приеду очень скоро*. Много и много хочется поговорить с вами. Вы спрашиваете у меня совета успокоительного; а я к вам приеду за этим, и оба мы не найдем, чего ищем. Вечная тревога, труд, борьба, лишения — это необходимые условия, из которых не должен сметь думать выйти хоть на секунду ни один человек. Только честная тревога, борьба и труд, основанные на любви, есть то, что называют счастьем. Да что счастье — глупое слово; не счастье, а *хорошо*; а бесчестная тревога, основанная на любви к себе, — это —

несчастье. Вот вам в самой сжатой форме перемена во взгляде на жизнь, происшедшая во мне в последнее время. Мне смешно вспомнить, как я думывал и как вы, кажется, думаете, что можно себе устроить счастливый и честный мирок, в котором спокойно, без ошибок, без раскаянья, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь, аккуратно все только хорошее. Смешно! *Нельзя*, бабушка. Все равно, как *нельзя*, не двигаясь, не делая моциона, быть здоровым. Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость. От этого-то дурная сторона нашей души и желает спокойствия, не предчувствуя, что достижение его сопряжено с потерей всего, что есть в нас прекрасного, не человеческого, а *оттуда*.

Вот вам и проповедь, бабушка. Да нет, это я написал очень не шутя. И чем больше думаю, тем больше вижу, что это так.

Прощайте, от души жму вашу руку и всех ваших, которых надеюсь увидеть дня через два. Скажите Катерине Николаевне*, что В.

Иславин женится на Кирьяковой какой-то.

101. В. П. Боткину и И. С. Тургеневу

1857 г. Октября 21 — ноября 1. Москва.

Здравствуйте, дорогой Василий Петрович. Я думаю, вы сердитесь на меня, да и поделом. Пока я знал, что вы в Fécamps и Aix les Bains*, я мог писать вам, но то от лени, то от деятельности откладывал, одним словом — виноват. Зато последнее время, месяца 2, которые я провел в деревне, дня не проходило, чтобы я не досадовал на себя за то, что потерял вас из виду и не думал о вас. Вчера от милейшего Фета узнал ваш адрес и пишу. Еще больше, чем адресу, обрадовался я тому, что вам лучше. Только не уходите себя опять в Риме излишней деятельностью и волнением. В том настроении, в котором я вас видел и которое настоящее ваше настроение, я воображаю, как Рим вас будет волновать и счастливить. Вы, должно быть, знаете про меня от Тургенева до моего отъезда из *милого* Бадена*. Почти не останавливаясь и не выздоровевши, я приехал домой. Невольно всю дорогу я строил планы будущей жизни из нового по-

ложения сестры и приезда брата Николеньки». И хоть знал вперед, что меня ожидает разочарованье, такую придумал себе невольно далекую от действительности прекрасную жизнь, что действительность больно подействовала на меня. Братьев я почти не видал, они уехали в Курск на охоту, а сестра с провинциальными тетушками, знакомыми и привычками, больная, слабая и закованная в этот провинциализм и свою болезнь, подействовала на меня ужасно тяжело. Про отвращение, возбужденное во мне Россией, мне страшно рассказывать. Дела по имению, в котором еще прошлого года я начал освобождение, шли и плохо и главное остановились, так что требовали личного труда — идти вперед по начатой дороге или все бросить. Здоровье сестры и воспитанье детей требовало поездки в Москву.

Наши взгляды с сестрой были слишком различны, и мы отталкивали друг друга; но надо было жить вместе, и теперь кончилось тем, что нам тяжело врозь друг от друга. Я сделал уступки, она сделала уступки, каждый благодарен за сделанные уступки и готов с

своей стороны сделать новые. Стоило только начать, а теперь пошло отлично. Так что когда мы вместе, нам все хочется улыбаться, чувствуется что-то приятное, невысказанное между нами. И это невысказанное есть благодарность друг к другу и то, что любим друг друга больше, чем ожидали. Мы живем вот уже около месяца с ней вдвоем в Москве и ожидаем с каждым днем детей и тетушку*, которых, должно быть, задерживает Ока. 3-го дня я приехал из Петербурга, куда ездил дня на 4*. Дружинин был болен, теперь сидит на режиме и поправляется. Анненков весел, здоров, все так же умен, уклончив и еще с большим жаром, чем прежде, ловит современность во всем, боясь отстать от нее. Действительно, плохо ему будет, ежели он отстанет от нее. Это одно, в непогрешимость чего он верует. Дружинин также умен, спокоен и тверд в своих убеждениях. Я все не заставлял его и видел последним из всех наших общих знакомых. После некрасовского и ковалевского мрака*, анненковской туманной подвижности и разных политических непрочувствованных излияний я отдохнул у Дружинина.

Вообще надо вам сказать, новое направление литературы сделало то, что все наши старые знакомые и ваш покорный слуга сами не знают, что они такое, и имеют вид оплеванных. Некрасов плачет о контракте нашем*, Панаев тоже, сами уж и не думают писать*, сыплют золото Мельникову и Салтыкову, и все тщетно*. Анненков проводит вечера у Салтыкова и т. д. Островский говорит, что его поймут через 700 лет, Писемский тоже, Гончаров в уголке потихоньку приглашает избранных послушать его роман*, а Майков ужасно презирает толпу. Вульф* покупает акции, а не долю «Современника»; Щедрин, Мельников, гр. Н. С. Толстой и прежде писали, не перечитывая, теперь пишут по два слова вдруг и еще диктуют, и все мало. Салтыков даже объяснил мне, что для изящной литературы теперь прошло время (и не для России теперь, а вообще), что во всей Европе Гомера и Гете перепечатывать не будут больше. Ведь все это смешно, а ошалеешь, как вдруг весь свет вас уверяет, что небо черное, когда вы его видите голубым, и невольно подумаешь, хорошо ли сам видишь. Дружинин непоколебим. Про себя могу ска-

зять, что я тоже не изменил своего взгляда, но у меня в том меньше заслуги. Слава богу, я не послушал Тургенева, который доказывал мне, что литератор должен быть только литератор. Это было не в моей натуре. Нельзя из литературы сделать костыль, хлыстик, пожалуй, как говорил В. Скот*. Каково бы было мое положение, когда бы, как теперь, подшибли этот костыль. *Наша* литература, то есть поэзия, есть если не противузаконное, то ненормальное явление (мы, помнится, спорили с вами об этом), и поэтому построить на нем всю жизнь — противузаконно. Тургенев, я думаю, с вами; поэтому вы прочтите ему это письмо. Известие о том, что вы остаетесь в Риме, любезный Иван Сергеевич, огорчило ваших друзей и очень, и дало повод вашим недрузьям, уверяя, что они вас очень любят, осуждать вас в слабости и легкомысленности характера. Ни одного человека я не встречал, который бы не уверял или не считал нужным уверять, что он вас очень любит, но вместе с тем не осуждал бы вас. Писемский говорил, что написал вам ругательное письмо*. К. Аксаков говорит, что я напишу ему то, что он

сейчас придет*, и т. п. Мне грустно, что вас нет теперь и для меня и для литературы, которую бы вы влиянием своим успокоили бы, и для дел по вашим именьям, которые, говорят, в худом положенье. Вспомнить хорошенько, я, кажется, тоже позволял себе осуждать вас, но мало. С сестрой только я вволю распространяюсь о вас. В сущности же, руку на сердце, скажу то, что говорю большей частью, когда речь о вас, и то, что думаю в спокойном состоянии: в чужую душу не влезешь. Нет такой странной жизни, которая бы не имела своей законности и объясненья, которого не приищешь, покуда она не пройдет. Для вашей же жизни есть объясненье. Привезите из Рима книгу, которую вы должны еще написать и которую ждут от вас те, которые вас понимают, и тогда все будет ясно. Ежели вы верите в мою дружбу к вам, напишите мне, как можете искреннее, что вы делаете? что думаете? зачем вы остались? Эти вопросы сильно мучают меня. И даже по этому случаю гончие собаки подняли у меня под черепом мысль, которую гоняют с месяц.

Получили ли вы мое длинное письмо в

Éecsamps?* Много бы хотелось еще написать и вам и вам, но надо ехать. Как, я думаю, хорошо вы устроились в Риме, как мне завидно иногда. Мы с сестрой поедem с первым парходом весной. Я думаю, сначала в Италию.

1 ноября.

Я вырвал тут листик в начале, который при перечтении показался мне совсем некстати*. Извините за эту путаницу. Все лучше, чем ничего не написать, а переписать едва ли успел бы.

102. Н. А. Некрасову

1857 г. *Ноября 25. Москва.*

Посылаю вам обещанную повесть*, любезный Николай Алексеевич, ежели вы найдете ее хорошей, то напечатайте в декабрьской книжке. Я бы очень желал пересмотреть все корректуры. Ежели только это возможно по времени, то высылайте или вышлите их мне. Но корректуры 8 и 9 отдела *непрерменно* пришлите и скажите ваше мнение насчет их*. Я ими недоволен. Я теперь занялся этой вещью преимущественно, чтобы сбыть ее с рук — она загоразживала другие —

но, занявшись ею опять, серьезно увлекся, и мне кажется, что есть места недурные. Об отделе 11-м тоже скажите свое мнение, он мне не нравится. Напрасно вы мне не отвечали на словечко, которое я написал вам в начале месяца*. Ежели бы я знал, что вам не нужно повести, я бы поотделал эту; а теперь уж хочется, чтобы она была поскорей напечатана. Пожалуйста, тотчас же отвечайте. Деньги, сколько выйдет листов, пришлите мне при напечатании, ежели можете. Граф Н. С. Толстой «Очерки Макарьевска»... предлагается за 100 р. за лист. У него идут переговоры с Краевским; ежели вы хотите завербовать его несколько статей, то напишите мне*. Я живу хорошо и особенно последнее время, потому что работал с удовольствием. Как вы поживаете? надеюсь, что перестали хандрить, играть в клубе и болеть, что все идет рука об руку. Посылаю еще вам стихотворение Беранже, посмертное, переведенное Фетом. И перевод хорош, а само стихотворение по мне прелестно*. Оно пропущено в французских журналах, [может] быть, пройдет и по-русски. Ежели есть у вас известия о Тургеневе, то, пожалуй-

ста, пер <...>*

Я слышал через Боткиных, что он заболел и уехал в Вену к доктору. Прощайте. Кланяйтесь Панаеву и всем нашим общим знакомым.

Ваш *гр. Л. Толстой*.

25 декабря*.

Адрес мой: На Пятницкой в доме Варгина.

103. Н. А. Некрасову

1857 г. *Декабря 18. Москва.*

Очень, очень благодарен вам, Некрасов, за искренность вашего письма*. Я вам писал, что я доволен был этой вещью; читал ее переделанной одному старику Аксакову, который остался ею очень доволен*, но теперь я верю вам; хотя и не согласен; тем более, что ее у меня нет, и что вы серьезного против ничего не говорите. Печатать ее теперь нельзя, потому что, как я писал вам, надо в ней исправить и изменить многое*. 30 числа я еще просил вас прислать мне ее назад*. Напрасно вы не прислали. Что это не повесть описательная, а исключительная, которая по своему смыслу вся должна стоять на

психологических и лирических местах и потому не должна и не может нравиться большинству, в этом нет сомнения; но в какой степени исполнена задача, это другой вопрос. Я знаю, что исполнил ее сколько мог (исключая матерьяльной отделки слога). Эта вещь стоила мне год почти исключительного труда, но, как вижу, для других будет казаться не то, и потому лучше ее предать забвению, за что и благодарю вас очень и очень. Пришлите мне только, пожалуйста, рукопись или корректуры*, чтобы, пока свежо еще, исправить что нужно и спрятать все подальше. Тургенев пишет, что прислал вам повесть. Пожалуйста, напишите, что такое и в каком будет номере. Слава богу, он пишет о ней без свойственной ему болезненной скромности*. Ежели увидите Майкова, спросите у него, пожалуйста, получил ли он стихи от С. Т. Аксакова. Он удивляется, что не получает ответа*.

Прощайте, кланяйтесь Панаеву и всем знакомым.

18 декабря 1857.

1858

104. В. П. Боткину

1858 г. Января 4. Москва.

Благодарствуйте за длинное и славное письмо ваше*, дорогой Василий Петрович. Отчего вы не прислали и не пришлете мне прежние письма ваши, которые вернулись? Мне серьезно полезны ваши письма. Как я подумаю, что вы так серьезно смотрите на мое писанье, так я и сам оперяюсь. У нас, то есть в русском обществе, происходит небывалый кавардак, поднятый вопросом эмансипации*. Политическая жизнь вдруг неожиданно обхватила собой всех. Как бы мало кто ни был приготовлен к этой жизни, всякий чувствует необходимость деятельности. И что говорят и что делают, страшно и гадко становится. До сих пор обозначилось резко одно: дворянство почуяло, что у него не было других прерогатив, как крепостное право, и озлобленно ухватило за него. Противников освобождения 90 на 100, а в этих 90 есть раз-

личные люди. Одни потерянные и озлобленные, не знающие, на что опереться, потому что и народ и правительство отрекаются от них. Другие лицемеры, ненавидящие самую мысль освобождения, но придирающиеся к форме. Третьи самолюбцы-проектеры. Эти самые гадкие. Эти никак не хотят понять, что они известного рода граждане, имеющие права и обязанности ни большие, ни меньшие, чем другие. Они хотят или ничего не делать, или делать по-своему и всю Россию повернуть по своему прилаженному, узенькому деспотическому проекту. Четвертые, и самое большое число, это упорные и покорные. Они говорят: сами обсуждать дело мы не хотим и не будем. Ежели хотят, то пускай отнимут все, или все оставят в старом положении. Есть еще аристократы на манер аглицких. Есть западники, есть славянофилы. А людей, которые бы просто силой добра притягивали бы к себе и примиряли людей в добре, таких нету. Изящной литературе, положительно, нет места теперь для публики. Но не думайте, чтобы это мешало мне любить ее теперь больше, чем когда-нибудь. Я устал от толков,

споров, речей и т. д. В доказательство того при сем препровождаю следующую штуку, о которой желаю знать ваше мнение. Я имел дерзость считать это отдельным и конченным произведением, хотя и не имею дерзости печатать*.

«Я во сне говорил все то, что было в моей душе и чего я не знал прежде. Мысли мои были ясны и смелы и сами собой облекались вдохновенным словом. Звук моего голоса был прекрасен. Я удивлялся тому, что говорил, и радовался, слушая звуки своего голоса. Я один стоял на колеблющемся возвышении. Вокруг меня жались незнакомые мне братья. Вблизи я различал лица, вдали, как зыблющееся море, без конца виднелись головы. Когда я говорил, по толпе, как ветер по листьям, пробегал трепет восторга; когда я замолкал, толпа, отдыхая, как один человек, тяжело переводила дыханье. Я чувствовал на себе глаза миллионов людей, и сила этих глаз давила меня и радовала. Они двигали мною так же, как и я двигал ими. Восторг, горевший во мне, давал мне власть над безумной толпой, и власть эта, казалось мне, не имела пределов. Далее-

кий, чуть слышный голос внутренне шептал мне «страшно!», но быстрота движения заглушала голос и влекла меня дальше. Болезненный поток мысли, казалось, не мог истощиться. Я весь отдавался потоку, и белое возвышение, на котором я стоял, колеблясь, поднималось выше и выше. Но, кроме сковывавшей меня силы толпы, я давно уже чуял сзади себя что-то отдельное, неотвязно притягивающее. Вдруг я почувствовал сзади себя чужое счастье и принужден был оглянуться. Это была женщина. Без мыслей, без движений, я остановился и смотрел на нее. Мне стало стыдно за то, что я делал. Сжатая толпа не расступалась, но каким-то чудом женщина двигалась медленно и спокойно посередине толпы, не соединяясь с нею. Не помню, была ли эта женщина молода и прекрасна, не помню одежды и цвета волос ее; не знаю, была ли то первая погибшая мечта любви или позднее воспоминание любви матери, знаю только, что в ней было все, и к ней сладко и больно тянула непреодолимая сила. Она отвернулась. Я смутно видел очертания полуоборотившегося лица и только на мгновение застал на себе ее

взгляд, выражавший кроткую насмешку и любовное сожаление. Она не понимала того, что я говорил; но не жалела о том, а жалела обо мне. Она не презирала ни меня, ни толпу, ни восторги наши, она была прелестна и счастлива. Ей никого не нужно было, и от этого-то я чувствовал, что не могу жить без нее... С ее появлением исчезли и мысли, и толпа, и восторги; но и она не осталась со мною. Осталось одно жгучее безжалостное воспомина-ние. Я заплакал во сне, и слезы эти были мне слаще прежних восторгов. Я проснулся и не отрекся от своих слез. В слезах этих и наяву было счастье».

Ежели Тургенев еще с вами, то прочтите это ему и решите, что это такое, дерзкая ерунда или нет*. Но довольно об этом. У меня есть к вам серьезное дело. Что бы вы сказали в теперешнее время, когда политический грязный поток хочет решительно собрать в себя все и ежели не уничтожить, то загадить искусство, что бы вы сказали о людях, которые бы, веря в самостоятельность и вечность искусства, собрались бы и делом (то есть самим искусством в слове) и словом (критикой) до-

казывали бы эту истину и спасали бы вечное и независимое от случайного, одностороннего и захватывающего политического влияния? Людьями этими не можем ли быть мы? То есть Тургенев, вы, Фет, я и все, кто разделяют и *будут* разделять наши убеждения. Средство к этому разумеется журнал, сборник, что хотите. Все, что является и явится чисто художественного, должно быть притянуто в этот журнал. Все русское и иностранное, являющееся художественное, должно быть обсужено. Цель журнала одна: художественное наслаждение, плакать и смеяться. Журнал ничего не доказывает, ничего не знает. Одно его мерило — образованный вкус. Журнал знать не хочет ни того, ни другого направленья и потому, очевидно, еще меньше хочет знать потребностей публики. Журнал не хочет количественного успеха. Он не подделывается под вкус публики, а смело становится учителем публики в деле вкуса, но только вкуса. Ежели бы я стал теперь выводить результаты, которые я предвижу из этого дела, я бы никогда не кончил; да и мне кажется, что для вас это лишнее. Вы разделяете это мнение и сами ви-

дите лучше меня то, что я буду трудиться доказывать. Ежели так, то, разумеется, никому как вам надо быть редактором. Вы памятник воздвигнете себе нерукотворный. Деньги для издания дадим все — Тургенев, вы, Фет и я и т. д.

Пожалуйста, подумайте об этом и ответьте решительно*.

Кавказский роман*, который вам понравился, я не продолжал. Все мне казалось не то, я и еще после вас два раза начинал снова. Для меня, я всегда замечал, самое лучшее время деятельности от генваря до весны, и теперь работается; но что выйдет, не знаю. На жизнь свою в Москве я не могу жаловаться. Хорошие люди есть, как и везде. Дома приятно, ежели бы только не нездоровье сестры. Она целую зиму страдает. Хорошая музыка даже есть, и теперь окончательно устраивается музыкальное общество под руководством Мортье.

В Петербурге я не был и не хочется, Григорович был здесь. Написал недурную повесть* и собирается на днях в Рим*. Милый Фет был болен и теперь еще не совсем поправился. Ка-

кой он капризный и злой, когда болен, и какая славная женщина ваша сестра Мария Петровна*.

Был здесь обед в купеческом клубе*, устроенный Кавелиным, по случаю эманципации. Были речи Каткова, Станкевича, Погодина, Кавелина, Павлова, Бабста и Кокырева. Только Павлова и Бабста речи были замечательны*. Обед этот произвел озлобление во всей публике дворянской. Славянофилы не хотели участвовать в обеде*. Да что я пишу это вам *vanitas vanitatum**, вроде звезд и чинов. Человек везде человек, то есть слаб. Нечто мученики, только одни мученики непосредственно действовали для добра. То есть делали то самое добро, которое хотели делать. А эти все деятели — рабы самих себя и событий. Хотят звезды или славы, а выходит государственная польза, а государственная польза выходит зло для всего человечества. А хотят государственной пользы, выходит кому-нибудь звезда и на ней останавливается. *Glaubst zu schieben und wirst geschoben**. Вот что обидно в этой деятельности. И коли понял этот закон, хорошенько всем существом понял, то такая дея-

тельность уже становится невозможна. То ли дело срубить лес, построить дом и т. д.

Однако прощайте, обнимаю вас изо всех сил, равно и Тургенева. Адрес мой: на Пятницкой в д. Варгина.

4 января.

Вчера вышла приготовленная и не сказанная Кокыревым речь*. Оболенский послал ее в Рим. Вы достанете ее там. Куда девалось мое олимпийское спокойствие, когда я прочел эту речь? Речь эта всем нравится. Куда мы идем? Это ужасно. Я убеждаюсь, что у нас нет не только ни одного таланта, но ни одного ума. Люди, стоящие теперь впереди и на виду, это идиоты и нечестные люди. Надо вам знать, что эта речь есть единственное допущенное цензурой толкование рескрипта и циркуляра. В Москве я знаю только одного брата Николая, который возмущен этой речью.

105. Н. А. Некрасову

1858 г. Января 21. Москва.

Нехорошо это, любезный Николай Алексеич, что вы так себя распустили. Нехорошо для тех, кто вас любит, нехорошо для дела и, главное, для самих вас. Ведь и без того скоро умрем и забудемся совсем, так стоит ли того насильственно забываться, да еще без счастья для себя и без пользы и счастья для других.

Насчет 1-го № доложу вам искренно, что он очень плох. Кавеньяк, политическая и хорошая статья, стоит впереди, так же как в «Русском вестнике»; это-то и производит неприятное впечатление*. «Современник» должен и имеет право иметь свои традиции. В стихотворенье Фета две ужасные опечатки: «О защитите», вместо «защити же», и «с улыбкой», вместо «с усильем»*. «Ася» Тургенева, по моему мнению, самая слабая вещь из всего, что он писал. Островского вещи не читал всей; но знаю, что она слаба в чтении*. Политический перец, рассыпанный повсюду и в приложении «Дяди Тома»*, нейдет, по моему мнению,

«Современнику» и никогда не сравнится по условиям московской цензуры с перцем московских журналов. Теперь о себе доложу, что я пишу маленькую по количеству листов вещь, весьма странного содержания, которую, может, пришлю вам в конце месяца*. Повесть свою спрятал, но придумал еще в ней переделки, которые сообщу вам когда-нибудь, когда будем вместе*. Кавказский роман* все переделываю в плане и не подвигаюсь.

Скажите, что наш расчет и дивиденд? Пришлите мне то, что следует, в Москву.

Ежели Григорович не уехал, скажите ему, что я, может быть, поеду скоро за границу и желаю знать, когда он отправляется. Может быть, пришлось бы ехать вместе.

Ежели удастся моя коротенькая поездка в Италию месяца на два, то скоро увижу вас*. Так до свиданья, от души жму вам руку и кланяюсь всем общим знакомым.

Ваш *гр. Л. Толстой.*

21 января.

Ежели увидите Давыдова, то скажите ему, пожалуйста, что я в последний раз напоминаю ему о высылке мне журналов и с 1-го

февраля обращаюсь к другому книгопродавцу; поэтому чтобы он и не заботился больше о высылке мне книг.

106. Н. А. Некрасову

1858 г. *Февраля 17. Ясная Поляна.*
По здоровом обсуждении я убедился, любезный Николай Алексеич, что союз наш ни к черту не годится. Все, что мы с вами говорили об этом в Петербурге, справедливо было, а теперь явились еще две новые причины. Во-первых, то, что мне хочется печатать в другие журналы; во-вторых, то, что вы мне не присылаете расчета дивиденда вот полтора месяца.

Из всего этого я вывел решение разорвать союз*. Расчеты наши мы сделаем при свиданье нынче весной в Петербурге.

Надеюсь, что разрыв общего соглашения не будет иметь влияния на наши личные отношения. С моей стороны, я всегда буду стараться печатать все лучшее в «Современнике»* и на днях же пришлю вам две штуки на выбор, из коих одна есть тот же несчастный всеми забракованный музыкант, от которого

я не мог отстать и еще переделал*.

Пожалуйста, отвечайте мне поскорее в Москву, хотя я теперь в деревне, на днях вернусь в Москву*.

Я забыл имя и отчество и адрес Аничкова*, сделайте милость, передайте ему, когда увидите, что я решительного ответа не могу ему дать раньше марта. Пожалуйста, передайте ему это. Это мне очень нужно.

Затем прощайте, от души жму вам руку и желаю всего лучшего.

Ваш *гр. Л. Толстой*.

17 февраля.

Ясная Поляна.

107. А. А. Толстой

1858 г. Марта 24. Москва.

Христос воскрес! милый друг бабушка! Хотя я и не говел, и хотя я с Петербурга всё болен*, мне так что-то хорошо на душе, что не могу не поговорить с вами. Когда у меня в душе беспорядок, я при вас и заочно стыжусь вас, когда же, как теперь, — не слишком дурно, чувствую в себе храбрость смотреть вам прямо в лицо и спешу воспользоваться этим. Мы сейчас с тетенькой говорили о вас. Она мне рассказала ваши слова Машеньке о ее муже. Эти слова тронули глубоко и Машеньку, и тетеньку, и меня. Мы даже разнюнились с тетенькой, вспоминая их. Откуда у вас берется эта теплота сердечная, которая другим дает счастье и поднимает их выше? Какой вы счастливый человек, что можете так легко и свободно давать другим счастье. Затем и пишу вам, что мне завидно и хочется подышать немножко вашим воздухом. Как ни смотришь на себя — всё мечтательный эгоист, который и *не может* быть ничем другим. Где ее взять — любви и самопожертвова-

ния, когда нет в душе ничего, кроме себялюбия и гордости? Как ни подделывайся под самоотвержение, всё та же холодность и расчет на дне. И выходит еще хуже, чем ежели бы дал полный простор всем своим гадким стремленьям. Вот и теперь пишу вам о себе и готов писать сто листов, как будто это может быть интересно кому-нибудь. Ежели бы мне кто-нибудь написал то об себе, что я пишу вам, мне бы стало гадко, а вам, я знаю, будет жалко, что вот как глуп человек. Ах! плохо жить нашему брату — *младшим*. Не можем мы ни любить, ни быть любимы, а так кружимся, как будто дело делаем, то притворяемся, что любим, то притворяемся, что нас любить можно, — и всё неправда. Мы только на то и годимся, чтобы, глядя на нас, больше бы ценили вас, *старших*. Но всё ничего; ежели вы, *старшие*, будете помогать немного, жить можно. Не могу сыскать «Сна», чтобы прислать вам*. Другую же вещицу отдал переписывать и пришлю на днях*. Пожалуйста не покупайте Андерсена*, пришлю вам его и еще божественную книгу (*dans mon genre*)*, которой, надеюсь, вы останетесь довольны. Ежели

вам лень, то не отвечайте мне теперь, я вообразу себе ответ (и всегда отличный), но, пожалуйста, о дальнейших ваших планах известите. Я бы ужасно желал видеть вас до отъезда нашего за границу. А теперь в Петербурге я как-то не воспользовался и сотовой долью того бальзама, которым вы меня всегда утасциваете. Затем прощайте, очень кланяйтесь всем вашим и жалеите, презирайте меня, но, пожалуйста, никогда не махайте на меня рукой. Моя амбиция состоит в том, чтобы всю жизнь быть исправляемым и обрацаемым вами, но никогда не исправленным и обращенным.

108. Б. Н. Чичерину

1858 г. *Апреля 13. Ясная Поляна.*

Пишу тебе несколько строк, любезный друг, только затем, чтобы сдержать слово. Сейчас едут на почту. Все те мысли, которые я хотел сообщить при нашем прощанье*, разлетелись, оселись, и из них осталось то, что ты, я думаю, знаешь, то, что в последнее время я тебя искренно полюбил и что этим обязан тебе. Деревня, как природа, еще плоха, холод, сырость, пятна снега и т. д., но как уединение с ранневесенним воздухом — прелесть. Я с утра до вечера занят делами, которые люблю и которые подвигаются, и так доволен своей участью, что, ежели бы на свете не было бы ни молодости, ни женщин, или воспоминаний не было бы, я бы сказал, что я счастлив. Однако и без этих двух вещей можно эпикурействовать нашему брату. По-твоему, это все ничего, ты свой термометр завесил до того высшего пункта, до которого раз доходила температура жизни, и ниже этого не хочешь его изменений. Как ни широк твой взгляд в мире действительном, здесь, в ду-

шевном, он ужасно узок; а мой термометр попрыгивает себе то вверх, то вниз, и я радуюсь, глядя на него. Прощай, пожалуйста, уведоь меня подробно о своем отъезде, когда и куда первый адрес.

Твой *гр. Л. Толстой*.

13 апреля.

Коршу кланяйся. Славный и редкий он человек, но, подумав хорошенько о нем, я решил, что он не про меня. Мы не можем с ним не быть чужие.

109. А. А. Толстой

1858 г. *Апреля 14. Ясная Поляна.*
Бабушка! Весна!

Отлично жить на свете хорошим людям; даже и таким, как я, хорошо бывает. В природе, в воздухе, во всем надежда, будущность и прелестная будущность.

Иногда ошибешься и думаешь, что не одну природу ждет будущность счастья, а и тебя тоже; и хорошо бывает. Я теперь в таком состоянии и с свойственным мне эгоизмом торплюсь писать вам о предметах, только для меня интересных. Я очень хорошо знаю, ко-

гда обсужу здраво, что я — старая, промерзлая, гнилая и еще под соусом сваренная картофелина, но весна так действует на меня, что иногда застаю себя в полном разгаре мечтаний о том, что я растение, которое распухнет вот только теперь вместе с другими и станет просто, спокойно и радостно расти на свете божьем. По этому случаю к этому времени идет такая внутренняя переборка, очищение и порядок, какой никто, не испытавший этого чувства, не может себе представить. Все старое прочь, все условия света, всю лень, весь эгоизм, все пороки, все запутанные, неясные привязанности, все сожаленья, даже раскаянье, — всё прочь! Дайте место необыкновенному цветку, который надувает почки и вырастет вместе с весной! Грустно вспомнить, сколько раз я тщетно делывал то же самое, как кухарка по субботам, — а все радуюсь своему обману и иногда серьезно верю в новый цвет и жду его.

Вот уж с неделю, как я в деревне один, и мне хорошо. Счеты за московское житье, за всё сведены, и я квит со всеми, в приходе и в расходе ровно.

Странное чувство я испытал, уезжая в деревню, в тех же условиях жизни, в каких и приехал. Первое чувство было радостное сознание свободы, возможность сейчас же вылезть из коляски и пойти пешком в Астрахань, или повернуть лошадей и ехать в Париж, или остаться навсегда жить на первой станции. Это чувство славное, и женщины не знают его. Но потом, чем ближе я подъезжал к деревне, тем мне все грустнее и грустнее становилось мое будущее одиночество. Так что, приехав в деревню, мне показалось, что я вдовец, что недавно жило тут целое семейство, которое я потерял. И действительно, это семейство моего воображения жило там. И какое прелестное семейство! Особенно жалко мне старшего сына! И жена была славная, хотя и странная женщина. Вот, бабушка, научите, что делать с собой, когда воспоминания и мечты вместе составят такой идеал жизни, под который ничто не подходит, все становится *не то*, и не радуешься и не благодаришь бога за те блага, которые он дал, а в душе вечное недовольство и грусть. Бросить этот идеал — скажете вы. Нельзя. Этот идеал

не выдумка, а самое дорогое, что есть для меня в жизни. Без него я жить не хочу. Помните вы «Мадонну» Пушкина? Ваша «Мадонна» висит у меня и радует*, а последние стихи мучают*. Иногда приходит в голову отслужить по всему панафиду, да тогда уж и других молитв в душе не останется. Прощайте, милая бабушка, не сердитесь на меня за этот вздор, а ответьте умное и пропитанное добротой и христианской мудростью словечко.

Я давно хотел написать вам, что вам удобнее писать по-французски, а мне женская мысль понятнее по-французски.

110. А. А. Толстой

1858 г. *Мая 1. Ясная Поляна.*
Здравствуйте, дорогая бабушка. Благодарю вас за письма, которые я оба получил*, и поздравляю с весной. Только, пожалуйста, вы не грустите и не напускайте на себя таких мыслей, какие попадают в одном из ваших писем. Вам с весной хорошо; у вас в душе всегда весна, так и дышит от вас весною; а вы как будто о чем-то жалеете, чем-то недовольны. Вы, пожалуйста, или ничего мне не говорите об том, что вам грустно, или говорите все. Ведь я, без всяких шуток, в хорошие минуты (когда не слишком гадо) считаю себя искренним другом вашим и на этом основании счастлив и горд, когда вы заговорите со мной, как с ровней, которому не все помогать надо, а который и сам для вас на что-нибудь годится; хоть на то, чтобы молча, с радостью и покорным вниманием слушать. Как ваше здоровье теперь? И где вы? Неужели в городе? Пришла весна, как ни вертелась, а пришла. Воочью чудеса совершаются. Каждый день новое чудо. Был сухой сук — вдруг

в листьях. Бог знает откуда-то снизу, из-под земли, лезут зеленые штуки — желтые, синие. Какие-то животные, как угорелые, из куста в куст летают и зачем-то свистят изо всех сил, и как отлично. Даже в эту минуту под самым окном два соловья валяют. Я делаю с ними опыты, и можете представить, что мне удастся призывать их под окно сикстами на фортепьяно. Я нечаянно открыл это. На днях я, по своему обычаю, тапотировал^{*} сонаты Гайдна и там сиксты. Вдруг слышу на дворе и в тетенькиной комнате (у нее кинарейка) свист, писк, трели под мои сиксты. Я перестал, и они перестали. Я начал, и они начали (два соловья и кинарейка). Я часа три провел за этим занятием, а балкон открыт, ночь теплая, лягушки свое дело делают, караульщик свое — отлично. Уж вы меня простите, ежели письмо это будет диковато. Я, должен признаться, угорел немножко от весны и в одиночестве. Желаю вам того же от души. Бывают минуты счастья сильнее этих; но нет полнее, гармоничнее этого счастья.

*И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан.*

Тютчева «Весна», которую я всегда забываю зимой и весной невольно твержу от строчки до строчки.

Вчера я ездил в лес, который я купил и рублю, и там на березах распустились листья и соловьи живут, и знать не хотят, что они теперь не казенные, а мои, и что их срубят. Срубят, — а они опять вырастут, и знать никого не хотят. Не знаю, как передать это чувство, — совестно становится за свое человеческое достоинство и за произвол, которым так кичимся, — произвол проводить воображаемые черты и не иметь права изменить ни одной песчинки ни в чем — даже в себе самом. На всё законы, которых не понимаешь, а чувствуешь везде эту узду, — везде — *он*. Совершенно к этому идет мое несогласие с вашим мнением о моей штуке*. Напрасно вы смотрите на нее с христианской точки зрения. Моя мысль была: три существа умерли — барыня, мужик и дерево. Барыня жалка и гадка, потому что лгала всю жизнь и лжет перед смертью. Христианство, как она его понимает, не решает для нее вопроса жизни и смерти. Зачем умирать, когда хочется жить? В обеща-

ния будущие христианства она верит воображением и умом, а все существо ее становится на дыбы, и другого успокоенья (кроме ложно-христианского) нету, — а место занято. Она гадка и жалка. Мужик умирает спокойно, именно потому, что он не христианин. Его религия другая, хотя он по обычаю и исполнял христианские обряды; его религия — природа, с которой он жил. Он сам рубил деревья, сеял рожь и косил ее, убивал баранов и рожались у него бараны, и дети рожались, и старики умирали, и он знает твердо этот закон, от которого он никогда не отворачивался, как барыня, и прямо, просто смотрел ему в глаза. Une brute*, вы говорите, да чем же дурно une brute? Une brute есть счастье и красота, гармония со всем миром, а не такой разлад, как у барыни. Дерево умирает спокойно, честно и красиво. Красиво — потому что не лжет, не ломается, не боится, не жалеет. Вот моя мысль, с которой вы, разумеется, не согласны; но которую оспаривать нельзя, — это есть и в моей душе, и в вашей. Что выражена эта мысль скверно, в этом я с вами согласен. Иначе бы вы с вашим тонким чувством поняли

бы, и я бы не писал этого объяснения, которое еще, боюсь, рассердит вас и заставит махнуть на меня рукой. Не махайте рукой, бабушка. Во мне есть, и в сильной степени, христианское чувство; но и это есть, и это мне дорого очень. Это чувство правды и красоты, а то чувство личное, любви, спокойствия. Как это соединяется, не знаю и не могу растолковать; но сидят кошка с собакой в одном чулане, — это положительно. Прощайте, милая бабушка, — пожалуйста, напишите мне про себя. Разумеется, всем вашим от меня очень кланяйтесь и не рассказывайте им, что я такой безбожник. Вы — другое дело, — мне кажется, что вы все поймете, на все у вас есть струнка, которая отзовется. Ну, что будет, то будет, ожидаю от вас громащее или, что еще хуже, кротко-соблезнующее письмо*. Нет, лучше рассердитесь. Машеньку и тетеньку и всех жду на днях.

Прощайте, милая бабушка, от души жму вам руку.

Ваш *гр. Л. Толстой.*

1 мая.

111. Е. Ф. Коршу

1858 г. Мая 12. Ясная Поляна.

Хотел писать вам длинное письмо и, между прочим, о деле; но, оказывается, нынче так мало времени, что только успею написать о деле.

Будьте так добры, любезный Евгений Федорович, ежели вам случится увидеть С. Рачинского, или кого-нибудь, кто часто видит его, передайте ему от меня следующую просьбу. Он хотел переводить «Военные рассказы». Я умоляю его не забыть, что на стр. 255, в рассказе «Севастополь в мае», на лин. 17, слова, — *но отрадно думать, что не мы начали эту войну, что мы защищаем только родной край, родную землю, — принадлежат г-ну Панаеву**, а не мне, и что прошу их выкинуть. Эти слова в книжку попали, кажется, именно потому, что я в 3-х рукописях и корректурах вымарывал их, и согласился бы всякий раз, как читаю их, лучше получить 100 палок, чем видеть их.

Решительно не могу ничего написать еще, кроме того, что от души жму вам руку и про-

шу не забывать человека, вас серьезно уважающего и любящего, —

гр. Л. Толстого.

12 мая.

112. Б. Н. Чичерину

1858 г. *Августа 21 и 23. Ясная Поляна.*

Здравствуй, милый друг! Ты, я думаю, злился и уже перезлился на меня, так что письмо это застанет тебя равнодушным, это бы было мне очень, очень больно. Впрочем, тебя не угадаешь, ты субъект странный. Не писал я тебе оттого, что с приезда моего в деревню и до сей минуты буквально не брал пера в руки — сеял, косил, жал и т. д. — тоже буквально. Я не могу заниматься чем-нибудь немножко, от этого я и тобой не занимался, теперь же, в эту минуту, я весь в тебе и отдал бы все скирды, сложенные моими трудами, за вечер с тобой. Хочется опять умственных волнений и восторгов, которые, однако, мне так надоели, что я 4 месяца отдыхал от них в физическом труде, хочется слушать тебя, разгадывать даром, мгновенно, ловить трудом выработанную мысль, усвоивать их, цеплять од-

ну за другую и строить миры новые, громадные, с одной целью: любоваться на их величавость. Ты, верно, понимаешь, что я хочу сказать. Как я провел нынешнее лето? Трудно сказать и на словах, не только в письме.

Два дня лежало это письмо; я остановился на том месте, где хотел начать хвастаться, — совестно стало, а есть чем похвастаться. Построить свой честный мирок среди всей окружающей застарелой мерзости и лжи стоит чего-нибудь, и главное успеть — дает гордую радость. Быть искушаемым на каждом шагу употребить власть против обмана, лжи, варварства и, не употребляя ее, обойти обман — штука! И я сделал ее. Зато и труда было много; зато и труд вознагражден; во-первых, самим трудом и огромным новым содержанием, почерпнутым мною в это лето. В чем оно, не расскажешь, но следы его всякий человек, любящий меня, увидит легко на мне; почему я и сам их на себе вижу и чувствую. Но не о том хочется говорить. Читал ли ты переписку Станкевича?* Боже мой! что это за прелесть. Вот человек, которого я любил бы, как себя. Веришь ли, у меня теперь слезы на глазах. Я

нынче только кончил его и ни о чем другом не могу думать. Больно читать его — слишком правда, убийственно грустная правда. Вот где ешь его кровь и тело. И зачем? за что? мучалось, радовалось и тщетно желало такое милое, чудное существо. Зачем? ты скажешь: «затем, чтобы ты плакал, его читая». Да это я знаю и согласен, но этот ответ не мешает мне все-таки совсем из другого, более цельного, более человеческого источника, спросить: зачем? и с каким-то болезненным удовольствием знать, что ничем кроме грустью и ужасом нельзя ответить на этот *зачем?* Тот же *зачем* звучит и в моей душе на всё лучшее, что в ней есть; и это лучшее мне тем, не скажу дороже, а больнее. Понимаешь ли ты меня, мой друг? Я бы желал, чтобы ты меня понял; а то на одного много этого — тяжело. Черт знает, нервы, что ли, у меня расстроены, но мне хочется плакать, и сейчас затворю дверь и буду плакать. Пора умирать нашему брату, когда не только не новы впечатленья бытия*, но нет мысли, нет чувства, которое невольно не привело бы быть на краю бездны. Счастливый ты человек, и дай бог тебе счастья. Тебе

тесно, а мне широко, всё широко, всё не по силам, не по воображаемым силам. Истаскал я себя, растянул всё, а вложить нечего. Прощай, как бы дорого я дал, чтобы поговорить с тобой и смущенно замолчать. Пускай бы мальчишки побегали в глазах*, это ничего. Я зимой буду за границей:* и так мне всё равно, где я приеду к тебе.

Гр. Л. Толстой.

23 августа.

Адрес всё в Тулу.

113. А. А. Толстой

1858 г. *Августа 23? Ясная Поляна.*
Милая бабушка!

Всё, что я могу сказать в свое оправданье, это то, что я скотина, мерзкая скотина, животное! как говорят у вас при дворе. Правда, что целое лето я с утра до вечера пахал, сеял, косил и т. д., но это не резон, чтобы не писать, кому же? бабушке, за строчку которой я готов отдать все убранные моими трудами скирды и т. п. Как это случилось? Бог знает. Нет, без шуток, я стал грубое животное в это лето: я ел, спал, работал; но думать, любоваться чу-

жой душой, презирать себя, желать чего-то я совсем было разучился. Теперь с осенью это возвращается. Впрочем, напрасно я прикидываюсь таким развязным; в душе я очень, очень боюсь, не рассердил ли я вас своим молчанием, еще хуже не сделал ли, может, вы и не заметили его. Это письмо я пишу робким шепотом: «Бабушка! а, бабушка!» И что как у вас продолжает быть строгое лицо? Про себя говорить недостойн, про вас не смею, — буду писать про ваших, про которых еще не писал вам. Я чуть было не уехал с ними, и потом как мне часто хотелось в их Горелки*. Как-то так славно пахнет от них толстовско-барыковско-твердо-родственным*, приятным духом. Теперь сестра Маша живет у меня, и она и тетенька льстят себя надеждой скоро насладиться этим запахом. Но опять я резвлюсь, а в душе трушу, и не могу усвоить себе ровного тона. Бабушка! только напишите одно слово: прощаю; тогда я совсем поправлюсь. Тетенька и сестра очень, очень вам кланяются... а я нерешительно выставляю руку; но так мало, что ежели ваша не двинется, я краснею и притворяюсь, что хотел отогнать муху. Чита-

ли ли вы и Труба вообще (видите — труба Т большое) переписку Станкевича? Ежели нет, ради бога, прочтите. Никогда никакая книга не производила на меня такого впечатления. Никогда никого я так не любил, как этого человека, которого никогда не видал. Что за чистота, что за нежность! что за любовь, которыми он весь проникнут, и такой человек мучался всю жизнь и умер в мученьях;* а мы с Вавилом* пользуемся прекрасным здоровьем и очень довольны собой. После этого и рассуждай, что хорошо, что дурно. Ах, бабушка, плохо жить на свете, когда убедился, что одна возможность счастья есть добро, а добрым быть нет силы. Бедный Кутлер, тоже какой бы мог быть прекрасный человек*.

1859

114. А. А. Толстой

1859 г. *Марта 20-е числа. Москва.*

Не сердитесь на меня, милая бабушка, за то, что я с 30-тилетней твердостью уехал в тот день, когда хотел. Мне так хорошо было, так всё еще лучше становилось, что ежели бы я не уехал, то не было резона когда-нибудь уехать*. Что делать, у каждого в жизни своя дорожка. Сойдешься с хорошим человеком на перекрестке, постоишь, поговоришь, пройдешься вместе несколько шагов, и опять валяй каждый по своей дорожке, а то опоздаешь. Что делать, что жизнь так глупо устроена?

А сходитьсь с вами, вы знаете, мне не только весело, но хорошо, здорово так, как вам с старушками, но аппетитнее. Несмотря на то, что у меня на совести было что-то, как в тот день, когда вы в бурю одни уезжали в Восаге*, мне ужасно хорошо и весело было на душе. Точно я сделал какое-нибудь доброе дело, а

я только побыл с вами. И даже до сих пор немножко остается на мне этой добродетели, которую я получил от вас, а вы получили от старушек (по крайней мере, вы так думаете). И теперь я пишу, чтоб поддержать в себе это настроенье, которое, увы! чуть чувствуется.

Брата и сестру* я один день не застал здесь, и чувствовал бы себя одиноким, ежели бы не работа, которой я отдаюсь часов по 8 в сутки. Анна переделывает свои записки, и я надеюсь, что ее бабушка будет ими больше довольна, чем в первом, безобразном виде*. А какое у вас было сиянье? вы так и не рассказали мне. Пожалуйста, расскажите; я несколько раз бранил себя, зачем не узнал от вас. Пожалуйста, расскажите. Остальное время слушаю музыку, где есть хорошая, и ищу хороших людей и особенно женщин, и всё нету. К. Тютчева была бы хорошая, ежели бы не скверная пыль и какая-то сухость и неаппетитность в уме и чувстве, которую она переняла, верно, от ваших старушек. Иногда я езжу к ним и примериваю свое 30-тилетнее спокойствие к тому самому, что тревожило меня прежде, и радуюсь своим успехам. Защитите

меня перед вашими, что не заехал проститься, и ущипните от меня первую девочку в мире* в левую щеку; так чтобы и издалека ласка дикого льва была чувствительна, и прощайте. Теперь уж я не пропущу недели, чтоб не писать вам.

Адрес мой: На Б. Дмитровке, в доме Смолиной, № 10.

115. А. А. Толстой

1859 г. *Апреля 15. Москва.*
Христос воскрес! милая бабушка.

Я пишу не столько потому, что недельный срок подходит, не столько потому, что хочется писать, а на совести есть ложь, в которой надо признаться. Во вторник, когда я вам писал*, я расчувствовался просто оттого, что погода была хорошая, а мне показалось, что мне хочется говеть и что я чуть-чуть не такой святой, как ваша старушка. Оказалось же, что один говеть и говеть хорошо я был не в состоянии. Вот, научите меня. Я могу есть постное, хоть всю жизнь, могу молиться у себя в комнате, хоть целый день, могу читать Евангелие

и на время думать, что все это очень важно; но в церковь ходить и стоять, слушать непонятые и непонятные молитвы, и смотреть на попа и на весь этот разнообразный народ кругом, это мне *решительно невозможно*. И от этого вот второй год уж осекается мое говенье. В четверг я уехал в деревню, встретил с своими праздник и весну, перецеловался с мужиками (у них бороды пахнут удивительно хорошо весной), попил березового сока, перепачкал все надетые для праздника платья детям (няня ужасно меня разбранила), набрал цветов, желтеньких и лиловых, и вернулся назад в Москву, — зачем? не знаю. Как будто забыл что-то, а не знаю что. В вас-то, у вас-то, я думаю, как хорошо! Вы, разумеется, ответили, с этим-то главное вас поздравляю. Какой, я думаю, праздник в вас и около вас! Хоть немножко мне уделите этого сиянья. Дайте позавидовать. Завидовать хорошему есть одно мое хорошее качество. Кланяйтесь очень всем вашим. Паша — мудрец, великий мудрец! Что она прорезала платье, это ничего. Платье зарастет, а ежели бы она солгала, она бы сделала больно всем вам и себя бы испор-

тила, а теперь вы ею занимаетесь. Даже и тетья ее, которой она прорезала платье, наверно простила ее. Вы, слегка шутя, пишете, что Борис Алексеевич и m-me Мальцова хорошо расположены ко мне, а я этому просто рад, потому что они мне очень симпатичны*. Пожмите от меня изо всех сил руку Борису Алексеевичу, так крепко, чтобы только не больно, и Мальцовой тоже морально пожмите так, чтобы только не больно. Часто бывает, что простодушный Вавило от души желает пожать руку (морально) и пожмет так, что раздавит там что-нибудь; кольцо или пальцы очень тонки и нежны. Я этого самого долго боялся с вами; но теперь уже привык к мысли, что неотесанный Вавило может с вами и перед вами выделять свои дикие эволюции, не сделав вам больно. Впрочем, и вы крепки и здоровы.

Вы пишете, что ежели бы я так, как вы, понял удовольствие быть вечером в Лизиной комнате за селянкой и т. д., то не уехал бы; а я говорю, что ежели бы вы поняли, как я, это удовольствие, то тотчас же, не дожидаясь поезда, пешком ушли бы в Москву или в Трои-

цу. Это — Капуа*, вредная для нашего брата работника. Только изредка, когда учитель очень доволен, можно задавать себе такие рекреации. Вы, может быть, так сказали, а для меня эти 10 дней останутся, как Clarens, дорогими воспоминаниями на всю жизнь*. Для меня это отдых, утоление жажды, и именно тем-то и приятный, что ничего не случается, ничего не ожидается, не жалеется, а хорошо, со всех сторон хорошо. Для вас это, должно быть, так же странно, как для рыбы, которая, сидя в реке, услышала бы, что человек, запыленный, обожженный, измученный, радуется тому, что он сел в эту реку, и не знает всех рыбьих неприятностей, и сидит только до тех пор, пока освежится, не дожидая того, чтобы ему стало холодно.

Что вы делали во вторник? Я вас видел во сне так, что по моей манере объяснений вы должны были быть нездоровы. Надеюсь, что это вздор. Письмо ваше в деревню я получил*. Я вас не прошу исполнить того, что вам захотелось, это не просится, а дается; но не могу не сказать, что надеюсь и жду. Хотя я вас знаю очень хорошо и коротко, — вы знаете

как? по моей теории любви, но тем более мне хотелось бы знать, как эта лучшая женщина во всем мире делала глупости — самые лучшие во всем мире. Уж там, как вы не рассказывайте, а по-моему они выйдут самые лучшие. Только не для изучения мне это радостно будет, а для наслажденья. Это всё еще впереди.

Исакова я встретил раз у Сушковых, но не познакомился, не получив еще вашего письма; но я слышал его: он положительно и продолжает в университете вести себя дурно. Спросите, пожалуйста, у Бориса Алексеевича, что писарь Петров? Что с ним сделали?* Тургенева я не видал и потому не мог ему передать вашу тонко выраженную просьбу прощенья перед исповедью; но надеюсь, что он помилует вас, да и я ретроспективно даю вам разрешение. Ваше мщенье не удалось. Когда я получил афишу и ваше описание впечатлений концерта, уже была весна, и музыки не нужно. Какая прелесть в деревне! И зачем я вернулся, я решительно не знаю, но все-таки иду сейчас искать того, что забыл здесь.

Прощайте, от всей души жму вашу руку, не

боясь сделать больно.

Ваш *гр. Л. Толстой.*

15 апреля. Москва.

116. А. В. Дружинину

1859 г. *Апреля 16. Москва.*

Неужели же вы так и не приедете нынче весной в Ясные Поляны, любезный Александр Васильевич? Я еще не хочу этому верить и надеюсь, что ваша Маша* поправится. Во всяком случае, напишите, что и как? Я так жду вас, да и жалею о вашем горе. Я на пасху уезжал в деревню и встретил весну и праздник со своими. Уж сирени развернулись, березки подернуты зеленью, соловей посвистывал, была гроза, прибило жаркую пыль, пахло свежестью и пылью, лягушки заливаются. Нынешнее лето тем паче мне бы хотелось быть с вами, что хозяйство уже не так всего меня требует, как прежде, и я намерен наслаждаться просто. Жизнь коротка. Еще что будет хорошо. Вы, верно, сойдетесь и полюбите обоих моих братьев. Как они меня порадовали тем, что оба в восхищенье от «Саргиной могилы»* собственным чувством.

Что Петров? Возьмите, между прочим, у Давыдова по экземпляру моих книжечек и подайте от меня* и дайте его адрес*. А propos de* литература. «Обломов» — капитальнейшая вещь, какой давно, давно не было. Скажите Гончарову, что я в восторге от «Обломова» и перечитываю его еще раз*. Но что приятнее ему будет — это, что «Обломов» имеет успех не случайный, не с треском, а здоровый, капитальный и невременный в настоящей публике. Это я был à tête de savoir* по деревенским толкам, по молодежи и по тамбовским барышням*. Я же с тех пор, как стал литератором, не могу не искать недостатков во всех больших и сильных вещах и об «Обломове» многое желаю поговорить. Кто пишет «Деревенские письма» в «Отечественных записках»?* Это, по-моему, славный талант, и вещи прекрасные, и, я боюсь, неоцененные. Во всяком случае, поздравьте Краевского с этим приобретением. Тургенева я не видал, но брат Николай все время жил у него. Он, то есть Тургенев, охотится, ездит по соседям и твердо убежден, что он заводит фермы и делает то, «что уж надо же наконец покончить»*. Что

деньги я вам так прислал — это ничего не значит. Новая повесть Кохановской есть г..., по моему мнению; хотя и тут есть размах и смелость редкая и дорогая в наше время, но зато, увы! нет чувства меры, и не художник*. Я свою повесть 3-й раз переделываю, и мне все кажется, что что-то да выходит*. Прощайте, ради бога не измените. Кланяйтесь матушке и всем знакомым.

У Боткина карбункул на ж..., и он лежит, но мил, бедняжка.

16 апреля.

117. А. А. Толстой

1859 г. *Апреля конец — мая 3. Ясная Поляна.*

Батюшки мои! Как вы меня*. Ей-богу, не могу опомниться! Но без шуток, милая бабушка, я скверный, негодный, и сделал вам больно, но надо [ли] уж так жестоко наказывать? Все, что вы говорите, и правда и неправда. Убеждения человека, не те, которые он рассказывает, а те, которые из всей жизни выжигает им, трудно понять другому, и вы не знаете моих. И ежели бы знали, то нападали бы не

так. Попробую, однако, сделать мою profession de foi*. Ребенком я верил горячо, сантиментально и необдуманно, потом, лет 14, стал думать о жизни вообще и наткнулся на религию, которая не подходила под мои теории, и, разумеется, счел за заслугу разрушить ее. Без нее мне было очень покойно жить лет 10. Все открывалось перед мной ясно, логично, подразделялось, и религии не было места. Потом пришло время, что все стало открыто, тайн в жизни больше не было, но сама жизнь начала терять свой смысл. В это же время я был одинок и несчастлив, живя на Кавказе. Я стал думать так, как только раз в жизни люди имеют силу думать. У меня есть мои записки того времени, и теперь, перечитывая их, я не мог понять, чтобы человек мог дойти до такой степени умственной экзальтации, до которой я дошел тогда. Это было и мучительное, и хорошее время. Никогда, ни прежде, ни после, я не доходил до такой высоты мысли, не заглядывал туда, как в это время, продолжавшееся 2 года. И все, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением. Я не могу иначе. Из 2 лет умственной

работы я нашел простую, старую вещь, но которую я знаю так, как никто не знает, я нашел, что есть бессмертие, что есть любовь и что жить надо для другого, для того, чтобы быть счастливым вечно. Эти открытия удивили меня сходством с христианской религией, и я вместо того, чтобы открывать сам, стал искать их в Евангелии, но нашел мало. Я не нашел ни бога, ни искупителя, ни *таинств*, ничего; а искал всеми, всеми, всеми силами души, и плакал, и мучался, и ничего не желал, кроме истины. Ради бога, не думайте, чтобы вы могли чуть-чуть понять из моих слов всю силу и сосредоточенность тогдашнего моего исканья. Это одна из тех тайн души, которые есть у каждого из нас; но могу сказать, что редко я встречал в людях такую страсть к истине, какая была в то время во мне. Так и остался с своей религией, и мне хорошо было жить с ней. Надо сказать еще.

3 мая. Это было написано тотчас после получения вашего письма. Я остановился, потому что убедился, что все это болтовня, которая не даст вам понятия о сотой доле того, что есть, и нечего продолжать. А так как я дал се-

бе слово никогда не переделывать вам писем, посылаю вам и это. Дело в том, что я люблю, уважаю религию, считаю, что без нее человек не может быть ни хорош, ни счастлив, что я желал бы иметь ее больше всего на свете, что я чувствую, как без нее мое сердце сохнет с каждым годом, что я надеюсь еще и в короткие минуты как будто верю, но не имею религии и не верю. Кроме того, жизнь у меня делает религию, а не религия жизнь. Когда я живу хорошо, я ближе к ней, мне кажется, вот-вот совсем готов войти в этот счастливый мир, а когда живу дурно, мне кажется, что и не нужно ее. Теперь, в деревне, я так гадок себе, такую сухость я чувствую в сердце, что страшно и гадко, и слышней необходимость. Бог даст, придет. Вы смеетесь над природой и соловьями. Она для меня проводник религии. У каждой души свой путь, и путь неизвестный, и только чувствуемый в глубине ее. Может быть, что я и вас люблю затем только. Ах, милый друг, бабушка. Пишите мне почаще. Мне так гадко, грустно теперь в деревне. Такой холод и сухость в душе, что страшно. Жить незачем. Вчера мне пришли эти мысли с такой си-

лой, как я стал спрашивать себя хорошенько: кому я делаю добро? кого люблю? — Никого! И грусти даже, и слез над самим собой нет. И раскаянье холодное. Так, рассужденья. Один труд остается. А что труд? Пустяки, — копаться, хлопчешь, а сердце суживается, сохнет, мрет. Я пишу вам это не для того, чтобы вы мне сказали, что это? что делать, утешили бы. Этого ничего нельзя. Пишу просто оттого, что люблю вас и что вы меня поймете; откроете окошечко в сердце, впустите туда весь этот внуковский вздор и опять запрете окошечко, — и all right! *Пожалуйста, не отвечайте даже про это.* Главное, что я лгать не могу перед собой. Есть больная сестра, старая тетка, мужики, которым можно быть полезным, с которыми можно нежничать, но сердце молчит, а нарочно делать добро — стыдно. Тем более, что я испытал счастье (как ни редко) делать, не зная, нечаянно, от сердца. Сохнет, деревенеет, сжимается, и ничего не могу сделать. Вам надо не сердиться на нашего брата, не бранить, а жалеть и ласкать. Вам хорошо. У вас всегда есть, где обогреться душе, а у нас сохнет, чувствуешь, ужасаешься — и

нет remede'a*.

Прощайте, кланяйтесь вашим и не забывайте меня. Что за глупости ваши дворы и всякий вздор, мешавший вам писать мне. Кажется, внук, который любит вас, посерьезнее всех труб в мире.

Сестра и тетка вас любят и помнят. Еще горе у меня. Моя Анна, как я приехал в деревню и перечел ее, оказалась такая постыдная гадость, что я не могу опомниться от сраму, и, кажется, больше никогда писать не буду. А она уж напечатана*. И в этом не утешайте меня. Я знаю, что я знаю. Еще горе: хозяйство мое идет отвратительно, а я персеверирую* и, кажется, скоро совсем разорюсь. И сверх того еще рожь пропала нынешний год. Вот теперь мне хочется смеяться и подпрыгивать. И только оттого, что за 5 минут мне хотелось плакать и что я пишу вам.

Л. Толстой.

3 мая.

У нас погода первый день прекрасная.

118. В. П. Боткину

1859 г. *Мая 3. Ясная Поляна.*
Василий Петрович, Василий Петрович! Что я наделал с своим «Семейным счастьем». Только теперь здесь, на просторе, опомнившись и прочтя присланные корректуры 2-й части, я увидал, какое постыдное г...., пятно, не только авторское, но человеческое — это мерзкое сочинение. Вы меня подкузмили, чтобы отдать это, будьте же за то и вы поверенным моего стыда и раскаянья!* Я теперь похоронен и как писатель и как человек! Это положительно. Тем более, что 1-я часть еще хуже. Пожалуйста, ни слова утешенья не пишите мне, а ежели вы сочувствуете моему горю и хотите быть другом, то уговорите Каткова не печатать эту 2-ю часть, а получить с меня обратно деньги, или считать за мной до осени. Слово я держу и поправил корректуры с отвращением, которого не могу вам описать. Во всем слова живого — нет. И безобразие языка, вытекающее из безобразия мысли, невообразимое. Ежели же уже невозможно миновать этой чаши, то будьте дру-

гом, пересмотрите корректуры и перекрестите, поправьте, что можно. Я не могу. Мне хочется всё перекрестить. Ежели же удастся вам спасти меня от увеличения срама печатаньем 2-й части, то сожгите ее и рукопись, взяв ее у Каткова. Недаром я хотел печатать под псевдонимом. Деньги 350 рублей я могу возвратить через неделю. Конец повести не прислан мне, и не нужно присылать его. Это мука видеть, читать и вспоминать об этом.

Затем прощайте, жму вам руку и прошу серьезно и с участием понять, что я пишу.

Ваш *Л. Толстой*.

3 мая.

Корректуры я посылаю на имя Каткова, но надеюсь, что вы получите это письмо прежде, чем он корректуры.

119. А. А. Толстой

1859 г. Мая 11. Ясная Поляна.

А я все-таки пишу вам, милый друг бабушка. Неотвеченное письмо делает странное, неприятное впечатление, особенно для меня, человека мнительного; точно строгий и серьезный взгляд в ответ на чувствительность*. Нечего и писать, кроме про себя, а про себя почти нечего.

Сердце, кажется, высохло, и я примирился с мыслью носить костяшку в левой стороне, и ничего. В деревне хорошо, тепло, ясно. Из всех сил ем, сплю, ничего не делаю и стараюсь задушить червяка, который там, где-то всё хочет бунтовать. Пора успокоиться. Расскажу вам, между прочим, мои новые привязанности в Москве. Это мать и сын Подчаские*. Вы их мало знаете; но что это за прелесть — старуха! И сын хороший; тонкий вкус, анализирующий, изящный ум, большое недовольство собой и нежная детская привязчивость. С ней я обещался идти к Троице и нарочно для того приеду в Москву*. Какая крупная, изящная и нежная натура, и вместе гордая и

довольная собой, потому что не может найти, чем быть недовольна. Славная. Прощайте, напишите словечко. Тетенька и сестра вас целуют. Это ничего? Особенно тетенька вас любит. Она всегда знает, где хорошо, и знает не по тем приметам, по которым я, а не ошибается.

Ваш *Л. Толстой*.

11 мая.

120. А. А. Толстой

1859 г. *Июня 12. Ясная Поляна.*

Как я рад и благодарен был за ваше письмо*, милый друг бабушка, а недели две не писал именно оттого, что был рад, и скверный эгоист успокоился. Чего же еще надо? — Еще и то, что я знаю, вы теперь так далеко, это мне немного грустно*. Знаете, какое чувство возбуждают во мне ваши письма (некоторые, как последние, в которых вы обращаете меня), как будто я ребенок больной и не умеющий говорить, и я болен, у меня болит грудь, вы меня жалеете, любите, хотите помочь и примачиваете бальзамом и гладите мне голову. Я вам благодарен, мне хочется плакать и целовать ваши руки за вашу лю-

бовь и ласку и участие; но у меня не тут болит, и сказать я не умею и не могу вам.

Я всё живу в деревне, в Троицу не пошел от дел, которые, как ни противны мне, совсем овладели мной. Вы приняли слишком au pied de lettre* то, что я разоряюсь. Я не могу разориться, потому что один, и умею (с гордостью говорю) сам заработать свой хлеб. Я забавляюсь или, скорей, стараюсь отуманиться, забиться в занятиях делами, хлебопашеством, которое, хотя я и люблю, а не умею, не довольно сух, чтобы вести выгодно. Ежели бы вы были в России, я бы вам прислал «Scènes of clerical life» Elliot'a; но теперь только прошу прочесть, особенно «Janet's repentance»*. Счастливы люди, которые, как англичане, с молоком всасывают христианское ученье, и в такой высокой, очищенной форме, как евангелический протестантизм. Вот и нравственная и религиозная книга, но которая мне очень понравилась и сделала сильное впечатление, — *сильное* — солгал: ничто уж на меня не производит сильного впечатления — захочу. Ежели вам свободно и не скучно, напишите мне о себе, где вы? Как устроились? Ка-

кие новые и сильные впечатления? Вы способны и всегда будете способны их чувствовать, только это не оттого, от чего вы думаете, а оттого, что вам бог дал такую натуру, которой я, по крайней [мере], не встречал другой. Прощайте, добрая, милая помощница и просветительница, пожалуйста, еще и еще погладьте меня по голове, потрите бальзамом, хоть не тут болит, но очень хорошо мне от этого.

Л. Толстой.

12 июня. Дни убавляются с нынешнего дня. А для меня без пользы и без счастья уж сколько убавилось дней, и всё еще и еще убавляются, а всё кажется, что на что-то можно бы их употребить.

121. А. В. Дружинину

1859 г. Октября 9. Ясная Поляна. 9 октября. Ясная Поляна.

Верю, любезный друг Александр Васильевич, что вы меня любите как человека, а не как редактор писаку, который будто бы вам может быть на что-нибудь годен. Теперь же как писатель я уже ни на что не годен. Я не пишу и не писал со времени «Семейного счастья» и, кажется, не буду писать. Лыщу себя, по крайней мере, этой надеждой. Почему так? Длинно и трудно рассказать. Главное же — жизнь коротка, и тратить ее в взрослых летах на писанье таких повестей, какие я писал, со-вестно. Можно и должно и хочется заниматься делом. Добро бы было содержание такое, которое томило бы, просилось наружу, давало бы дерзость, гордость и силу, — тогда бы так. А писать повести очень милые и приятные для чтения в 31 год, ей-богу, руки не поднимаются. Даже смешно, как подумал, что не сочинить ли мне повесть? Поэтому-то желания вашего исполнить не могу, как мне ни досадно вам отказать в чем бы то ни было.

Пшеницы продать, распорядиться вашим хозяйством и еще кое-что — это могу. А главное, могу и хочу облобызать вас, приехать в Петербург полежать с вами, поболтать и поужинать под председательством вашей матушки. И все это непременно сделаю. Петрова новую повесть сейчас прочел*. Она мне положительно не понравилась; хотя видна сила большая. Но его горе, противоположное нашему и большое — совершенная бессознательность дарованья. Он сам не знает, что в нем велико, и Катерина намек, тень, когда она должна бы быть все. Ежели бы он был помоложе — горе это было бы исправимо, а теперь, боюсь, он так и останется не «надежда», а «сожаленье». Что бы он мог быть. Писемскому, Гончарову и всем кланяйтесь, я бы желал, чтобы милые мои, прежде бывшие собратья не забывали меня. Я же не перестану дорожить ими. Правда ли, что милый, славный Полонский в дурном положении?* Фет уехал в Москву, и, бедный, у него большое горе — сестра очень больна*. Да-с, Фет *gagne à être connu**, чем больше я его знаю, тем больше люблю и уважаю. Тургенев, напротив, в нынешний его

приезд я окончательно убедился, что он и умный и даровитый человек, но один из самых несноснейших в мире. А с тех пор, как я получил эту новую точку зрения на него, мне с ним легко стало. Перед Петровым я виноват, не отвечав ему, передайте ему приложенное, ежели напишется. Прощайте, обнимаю вас от всего сердца.

Ваш *Л. Толстой.*

122. А. А. Толстой

1859 г. Октября 12. Ясная Поляна.
Я узнал о вашей горе*, любезный друг Alexandrine, не от Катерины Николаевны, а от постороннего, равнодушного человека, и мне страшно за вас стало, когда я услышал это. Это было на охоте, адреса вашего не было, не верилось, что правда, да и некогда было. Третьего дня, возвращаясь к себе, я думал опять о вас, хотел писать и тут нашел письмо Катерины Николаевны*. Понимаете, как это всё кстати вышло. Ездил я последнее время на охоте с одним г-ном Борисовым, женатым на сестре Фета, о которых я вам говорил, кажется. Борисов одно из самых милых,

нежных, любящих и симпатических и вместе почему-то возбуждающих сострадание существ, которых я когда-либо встречал в жизни. Маленький, с добрыми глазами, робкой улыбкой и нерешительными движениями, но несмотря на то, человек твердый и непоколебимый в деле справедливости и честности. Отец его был злодей, повешенный своими мужиками, мать кроткая, загнанная женщина. Он рос у Новосильцева, Петра Петровича, и там вел жизнь загнанного воспитанника. С детства он еще влюбился в соседку, хорошенькую одних лет девочку, сестру Фета, и не переставал ее любить никогда. Он сделал предложенье, ему отказали, он уехал служить на Кавказ, и везде, где ни был, его любили и уважали, но он ничем не радовался, только думал о том, что авось когда-нибудь его примут. Через 10 лет он вернулся, ее отец* умер; он опять сделал предложенье, но теперь она отказала, она любила другого. Он в тот же день выстрелил себе в голову, но пистолет осекся, и его спасли и уговорили жить и надеяться. Он опять уехал служить во время войны. Везде жил честно, в строгом смысле, что

так редко при кадетском воспитании, везде был храбр и скромн. Он религиозный человек. Опять через 3 года он попробовал, и опять ему отказали. Но с девушкой в это время случилось несчастье, она сходила с ума и вылечилась, и доктора сказали, что ежели она не выйдет замуж, сумасшествие может возвратиться. Бог знает, просьбы ли родных, несчастная любовь или постоянство Борисова, но она согласилась неохотно, холодно. Борисов верил в себя и женился. Через год у них родился славный ребенок*. Я два года их видел, и это единственное счастливое супружество, которое я видел в жизни. Она оценила, полюбила его, и он первый раз в жизни, в 35 лет расцвел. Улыбка не сходила у него с лица, ему всем хотелось рассказать про свое счастье, — первая жена, первый ребенок в мире были его. Это было наслажденье смотреть на него, и, на минуту увидав его, вы бы сказали: вот счастливый человек. И это был тот самый Борисов, который два года тому назад был мил и жалок, жалок. Он охотник. Мы условились с ним осень ездить вместе. Жена его и ребенок с братом Фетом поехали в Москву. В

первый раз они разлучались на месяц. Надо было видеть эти заботы, эту любовь до последней мелочи, это самодовольство, что он может перенести разлуку. Мы ездили с ним две недели, и на охоте я его полюбил и стал уважать и восхищаться им еще больше. 3 октября мы [в] самом веселом духе пришли в деревню Тургенева с охотой. Он был весел, мил, выпил немного и советовал мне жениться, уверяя, что только тогда есть счастье, жизнь и что он не может быть счастливее. Мы легли спать в 2-х комнатах рядом. Когда всё затихло, я не мог спать от разных приятных мыслей о нем, ко мне пришел на цыпочках Тургенев с письмом от Фета, которое он только что получил и в котором Фет пишет, чтобы отыскать Борисова и объявить ему, что его жена с приезда в Москву в самом ужасном сумасшествии и безнадежном, как говорят доктора. На другой день Борисов пришел ко мне, переваливаясь на своих коротеньких ногах, с улыбочкой, потирая руки и уговаривая скорее седлать, что погода хороша и отличное поле будет. И я должен был сделать ему эту ужасную операцию, и сделал ее, и до сих пор мо-

роз по коже, как вспомню эту минуту. Разумеется, он ускакал тотчас же; но я знаю, что положение ее ужасно; она, как большая часть сумасшедших женщин, чем они чище и нравственнее, тем в сумасшествии цинично-безднравственнее, наглее. Ужасно! И Фет пишет, что теперь нет надежды.

Да, мой друг, ваше — горе и это — горе, и с таким злым, изысканным горем велит бог жить людям. Вот все, что могу сказать вам о вашем горе, которому, вы знаете, что я сочувствую всей душой. Особенно мне жаль вашу бедную маменьку. В наши года еще — вы сами для себя интересны, еще есть для вас счастливые заблуждения, еще сверстники и сверстницы ваши вам любезны, а в ее года любят в последний раз и любят не взрослых, готовых, оконченных, а любят надежду, задатки чего-то, что должно пережить нас самих. Она любила так вас, дочерей, когда вы были очень молоды, но теперь, я уверен, что Пашу она любила больше всех вас. Мне кажется так.

Что вы делаете? Как отозвалось на вас это несчастье? Кто там ваши друзья? Вы полюби-

ли Ростовцева*. Я очень рад этому. Он славный. В нем есть что-то такое, к чему боишься подходить грубо. Что-то благородное и тонкое, нежное. Я в сношениях с ним всегда чувствовал это приятное уважение и осторожность. Об себе сказать не могу ничего хорошего. Гордость, лень и скептицизм продолжаю [т] владеть мною. Но я продолжаю бороться, все еще надеюсь быть лучше, чем есть. Как бы хотелось побыть, поговорить с вами. Послушать, как вы говорите о своем горе, помолчать, глядя на вас, и порадоваться на себя, что я еще не совсем негодный человек, коли вы меня любите. Прощайте, Христос с вами.

Л. Толстой.

123. А. А. Фету и И. П. Борисову

1859 г. Октября 24. Ясная Поляна.
Душенька дяденька Фетинька.
Ей-богу, душенька, и я вас ужасно, ужасно люблю. Вот те и всё. Повести писать глупо, стыдно. Стихи писать..... Пожалуй, пишите; но любить хорошего человека очень приятно. А может быть, против моей воли и сознания, не я, а сидящая во мне еще не [...] повесть, заставляет любить вас. Что-то иногда так кажется. Что ни делай, а — между навозом и коростой нет-нет да возьмешь и сочинишь. Спасибо, что еще писать себе не позволяю и не позволю. Изо всех сил благодарю вас за хлопоты о ветеринаре и пр. Нашел я тульского и начал леченье, что будет, — не знаю. Да и черт с ними со всеми. Дружинин просит по дружбе сочинить повесть. Я, право, хочу сочинить. Таковую сочиню, что уж ничего не будет. Шах персидский курит табак, а я тебя люблю. Вот она шутка-то. Без шуток, что ваш Гафиз? Ведь как ни вертись, а верх мудрости и твердости для меня, это только радоваться чужою поэзией, а свою собственную не пускать в лю-

ди в уродливом наряде, а самому есть с хлебом насущным. А иногда так вдруг захочется быть великим человеком и так досадно, что до сих пор еще это не сделалось. Даже поскорей торопишься встать или доедать обед, чтобы начинать. Всех так называемых глупостей не переговоришь, но приятно хоть одну сказать такому дяденьке, как вы, который живет только одними так называемыми глупостями «закурдялами»*. Пришлите мне одно самое здоровое, переведенное вами стихотворенье Гафиза *me faire venir l'eau à la bouche**, а я вам пришлю образчик пшеницы. Охота надела смерть. Погода стоит прелестная, но я один не езжу. Гончие ваши, Иван Петрович, живы и здоровы, равно Прокофий и серый мерин. Очень благодарю вас за разрешенье и воспользуюсь им до порош. Тогда отправлю Прокофья с гончими. Из красного зверя, с тех пор как с вами расстался, травил и затравил одну лисицу, около себя в полях и сам. На днях напишу вам, а теперь только благодарю за хлопоты и крепко обнимаю. Энциклопедию пришлите. Вы напрашиваетесь на комиссию, так вот вам. Сестре нужен фортепья-

но для обучения детей, крепкий и дешевый, но прочный, от 100 до 200 р. сер. Она писала уже одному знакомому, поэтому хлопоты могли бы пропасть даром; но ежели попадетсЯ, отпишите. Марье Петровне* целую руку. Тетенька очень благодарна за память. И это не фраза, а всякий раз как я ей прочту вашу приписку, она улыбнется, наклонит голову и скажет: «Однако (почему однако?), какой славный человек этот Фет». А я знаю, за что славный: за то, что она думает, что он меня очень любит. Ну-с, прощайте. Пописывайте мне иногда без возбудителя ветеринара.

Л. Толстой

24 октября.

124. Б. Н. Чичерину

1859 г. Октября конец — ноября начало.
Ясная Поляна.

Благодарствуй за твое письмо, любезный друг Чичерин*. Я уже боялся, что ты бросил писать ко мне за мою неаккуратность, причиной которой ничего и все — моя натура. Ну да что это точно к родителям — объяснение. Давно мы не видались, мой друг, и хотелось бы попримериться друг на друга: на много ли разъехались — кто куда? Я думаю иногда, что многое, многое во мне изменилось с тех пор, как мы, глядя друг на друга, ели quatre medians ou* Шевалье, и думаю тоже, что это тупоумие эгоизма, который только над собой видит следы времени, а не чует их в других. И у тебя в душе, я чай, многое повзросло, многое повыкрошилось за эти 1½ года, и опять нам будет хорошо вместе.

Хотел я было пофилософствовать с тобой о бессмертии души и о прочих, но на этом месте 3-го дня помешали мне, и теперь не знаю, как допишется. Дам отчет тебе в своем прошедшем и планов будущего. Жил я зиму в

Москве, лето в деревне. В деревне занимаюсь хозяйством, и хотя скучно и трудно, но с нынешнего года уже заметны кой-какие следы моих трудов и на земле, и на людях. А ты знаешь, что ничто так не привязывает к делу, как следы своего участия в нем. Я уже положительно могу сказать, что я не случайно и временно занимаюсь этим делом, а что я на всю жизнь избрал эту деятельность. Литературные занятия я, кажется, окончательно бросил. Отчего? трудно сказать. Главное то, что все, что я делал и что чувствую себя в силах сделать, так далеко от того, что бы хотел и должен бы был сделать. В доказательство того, что это я говорю искренно, не ломаюсь перед тобой (редкий человек, когда говорит про себя, устоит от искушенья поломаться, хоть с самым близким человеком), я признаюсь, что мое отречение от литературной (лучшей в мире) деятельности было и теперь очень иногда тяжело мне. Все это время я то пытался опять писать, то старался заткнуть чем-нибудь пустоту, которую оставило во мне это отречение: то охотой, то светом, то даже наукой. Я начал заниматься естественными на-

уками. Но теперь уж жизнь пошла ровно и полно без нее.

Решительно не могу дописать, два раза перервали, а теперь надо отправлять. Пришли пунктуальный адрес, а мне хочется писать тебе. Прощай, душа моя, я тебя очень люблю. Тетенька тоже; из всех моих знакомых предпочитает тебя. Я зиму нынешнюю живу в деревне; да и будущую тоже, я думаю*. Уж ты в Ясную приедешь поговорить. Вот где хорошо поговорить, пощупаться. Никакое ломанье невозможно.

Толстой.

125. А. В. Дружинину

1859 г. *Декабря 20. Ясная Поляна.*
Любезный друг Александр Васи-
льевич!

Сделайте дружбу, заезжайте в книжную лавку к Давыдову и спросите у него расчет за мои книги, коих у него по последнему счету оставалось больше чем на 2000 р. Ежели есть выручка, то чтобы он из нее выслал мне на 1860 г.:

1) «Revue des deux mondes».

2) «Times».

3) «Русский вестник» на мое имя в Тулу и на имя Александра Михайловича Исленьева в г. Одоев Тульской губер.

1) «Современник» и

2) «Библиотеку».

Остальные деньги, ежели есть, чтобы при-
слал.

Так как Давыдов мне не отвечал на одно письмо*, то может случиться, что он откажет-
ся или вы не захотите с ним иметь дело, то
сделайте одолжение, выпишите на свои день-
ги эти журналы, я тотчас же вам вышлю

деньги. И пожалуйста поскорей, так, чтобы и я и Исленьев получили бы вовремя.

Драма Писемского мне очень и очень понравилась: здорово, сильно и правдиво, невыдуманно. Но и в ней он, как и в других своих отличных вещах, не избег неловкостей ужасных. Как этот барин на барьер мужика вытягивать хочет?*

Что вы, мой дорогой, как ваше здоровье, не хандрите ли? Как деятельность ваша, приятна ли? Что хорошего нового в литературном мире? Фет прислал мне несколько стихотворений из Гафиза. Напрасно он их писал. Опять на Тургеневе грех*. Я нынешний год едва ли вас увижу, т. е. зиму, летом же без отговорок жду вас в Ясную. Я переделывал дом и имел вас в виду при этом. Я не пишу и надеюсь, что не буду; и несмотря на то так занят, что давно хотел и не было времени писать вам. Чем я занят, расскажу тогда, когда занятия эти принесут плоды*. Однако не бойтесь писать мне, теперь уж я найду время тотчас отвечать вам. Будемте почаще и поаккуратнее переписываться. Матушке передайте мой душевный поклон и прощайте.

Л. Толстой.

20 декабря.

Заносить меня в список литераторов незначем*.

1860

126. Б. Н. Чичерину

1860 г. Января 30. Ясная Поляна. 30 февраля*.

Ежели твое письмо* имело целью задрать меня на ответ, то достигло своей цели. Оно меня даже рассердило. Ты небрежно и ласково подаешь мне советы, *как надобно развиваться художнику, как благотворно Италия действует, памятники, небо...* и т. п. избитые пошлости. *Как вредно бездействие в деревне — халат, как мне надо жениться и писать милые повести и т. д.* Как ни мелка и ложна мне кажется твоя деятельность, я не подам тебе советов. Я знаю, что человек (то есть существо, которое живет свободно) в каждой вещи, в каждой мысли видит свое особенное, никем не видимое, и это только одно может привязать его до самопожертвования к делу. Я знаю, что такой человек знает по-своему свое место на свете и свою цену и цену своему делу; знаю, что иногда он не в силах рас-

сказать всего, что знает, но знает твердо. Чтобы показать тебе только, как можно ошибаться, не допуская этого или забывая, скажу тебе только, в ответ на твои советы, что, по моему убеждению, в наши года и с нашими средствами, шлянье вне дома, или писанье повестей, приятных для чтения, одинаково дурно и неблагопристойно. В наши года, когда уж не одним путем мысли, а всем существом, всей жизнью дошел до сознания бесполезности и невозможности отыскиванья наслажденья, когда почувствуешь, что то, что казалось мучкой, сделалось единственной сущностью жизни — труд, работа, тогда неуместны и невозможны искания, тоски, недовольства собой, сожаленья и т. п. атрибуты молодости, не скажу нужно работать, а нельзя не работать ту работу, которой плоды в состоянии видеть настолько вперед, чтобы вполне отдаваться работе. Кто пахать землю, кто учить молодежь быть честной и т. д. Самообольщение же так называемых художников, которое ты, льщу себя надеждой, допускаешь только из дружбы к приятелю (не понимая его), обольщение это для того, кто ему поддается, есть мерзейшая

подлость и ложь. Всю жизнь ничего не делать и эксплуатировать труд и лучшие блага чужие, за то, чтобы потом воспроизвести их, — скверно, ничтожно, может быть, есть уродство и пакость, которой я слишком много видел вокруг себя мерзких примеров, чтобы не ужаснуться, и которой ты, обдумав дело и любя меня, не можешь допустить. Что же я делаю? спросишь ты. Ничего особенного, выдуманного, делаю дело, которое мне так же естественно, как дышать воздухом, и вместе такое, с высоты которого, признаюсь, я часто с преступной гордостью люблю смотреть на vous autres*. Ты полюбишь и поймешь это дело, но рассказывать его нельзя, а приезжай, окончив свои странствования, в Ясную Поляну, и скажи тогда по правде, не позавидуешь ли мне, увидя то, что я сделал, и то спокойствие, с которым я делаю. Вот тебе и загадка. Я не выезжал и не выеду нынешний год из деревни, да и впредь не могу себе представить, как и зачем я уеду. Сестра в 40 верстах от меня, очень кланяется тебе. Тетушка ужасно тебя любит. Брат Николай поехал стрелять медведей. Прощай, пиши поскорее.

127. И. П. Борисову и А. А. Фету

1860 г. *Февраля 15. Ясная Поляна.*
15 февраля.

Благодарствуйте за ваши милые письма, любезный Иван Петрович, и не пеняйте, пожалуйста, что иногда не скоро отвечу*. Теперь собираюсь быть аккуратным, когда уж не к чему. Я думаю, у вас уж подумывают о Козюлькине и потому о Ясной Поляне. Как здоровье вашей больной?* Уведомьте меня, пожалуйста, поподробнее. Авось опять придется мне радоваться на ваше козюлькинское житье и бояться, чтобы что-нибудь не испортилось. Я доживаю зиму хорошо. Занятий пропасть и занятия хорошие*, не то, что писать повести. Сообщенные вами сведения о чтениях очень были для меня интересны, но, по-моему, эти чтения что-то не то. Что литература? Я до сих пор ничего не получил из журналов. Главное, что братья*, мы уж и на картах и на кофее о них гадаем, и все им не выходит антереса. Без шуток, ежели против ожидания они еще в Москве, то скажите им, что не пишу, рассчитывая, что письмо их не застанет, но умоляю

их написать строчку, что и как и когда они приедут. Прощайте, обнимаю вас.

Л. Толстой.

Дяденька!*

*Не искушай меня без нужды
Лягушкой выдумки твоей.
Мне как учителю уж чужды
Все сочиненья прежних дней*.*

Показания Сережи несправедливы, никаких «Казаков» я не пишу и писать не намерен*. Извините, что так, без приготовления, наносу вам этот удар. Впрочем, больше надейтесь на бога, и вы утешитесь. А ожидать от меня великого я никому запретить не могу. Когда я увижу вас, драгоценный дядюшка, так мне брюхом иногда хочется подразнить вас, вызвать на закурдялены* и посмотреть, как вы, отмочив пулю, открыв челюсти и подобрав язык под зубы, улыбаетесь и думаете: «Вот нака выкуси!» Дружинин известил меня о предполагаемом журнале портного*, и тетенька думала, что я нездоров сделаюсь от беспрестанно повторяющегося хохота над этим письмом. Что ваши поэтические закурдяи, кроме Фирдуси?* Хотел было описать прелест-

ное, нынче случившееся событие в моей школе, да не упишу хорошенько, лучше расскажу. Вот другое маленькое. Мальчик богатый, сын дворника, видал попугая и рассказывает другим, которые не верят: «Да ты толкуй, как человек говорит». «Ну! Да он тебя так обсрамит, что и умному человеку так не обрезонить». Прощайте. Обнимаю вас.

128. А. А. Фету

1860 г. *Февраля 23. Ясная Поляна.*
23 февраля.

Ваше письмо ужасно обрадовало меня, любезный друг Афанасий Афанасьевич*. Нашему полку прибудет, и прибудет отличный солдат. Я уверен, что вы будете отличный хозяин. Но дело в том, что вам купить? Ферма, о которой я говорил, под Мценском, далеко от меня и, сколько помню, продавалась за 16 тысяч. Больше ничего о ней не знаю. А есть рядом со мной, межа с межей, продающееся имение в 400 десятин хорошей земли и, к несчастью, еще с 70 душами скверных крестьян*. Но это не беда, крестьяне охотно будут платить оброк, как у меня, 30 р. с тягла; с 23

тысяч — 660 и не менее, ежели не более должно получиться при освобождении, и у вас останется 40 десятин в поле, в 4-х полях неистощенной земли и лугов около 20 десятин, что должно давать около 2000 р. дохода, итого 2500, а за именье просят 24 000, без вычета долга, которого должно быть около 5000. Местоположение и по живописности, и по близости шоссе и Тулы очень хорошо, грунт хороший суглинок. Именье расстроенное, то есть усадьба старая, разломанная, однако есть дом и сад. Все это надо сделать заново. Во всяком случае, за 20 тысяч купить это именье выгодно. Для вас же выгода особенная та, что у вас во мне есть вечный надсмотрщик. Об остальном не говорю. Ежели же вам это не понравится, я вам своей земли продам десятин сто, или спросите у брата Николая, не продаст ли он Александровку. Но, право, стараясь забыть совершенно личные выгоды, лучше всего вам купить Телятинки (это что продается рядом со мной). Продавец — разорившийся старик, который хочет продать поскорее, чтобы избавиться от зятя, и два раза присылал ко мне. Расчет, который я сделал вначале, есть расчет

того, что даст это именье, ежели положить на него тысяч 5 капитала и года два труда; но в теперешнем положенье все-таки можно отвечать за 1500 р., следовательно более 7%. Есть еще мой хутор в 10 верстах от меня, 120 десятин, но там жить нехорошо, нет воды и леса. Отвечайте мне поскорей и поподробнее, сколько денег вы намерены употребить на именье? Это главное.

Прочел я «Накануне»*. Вот мое мнение: писать повести вообще напрасно, а еще более тем людям, которым грустно и которые не знают хорошенько, чего они хотят от жизни. Впрочем, «Накануне» много лучше «Дворянского гнезда», и есть в нем отрицательные лица превосходные — художник и отец. Другие же не только не типы, но даже замысел их, положение их не типическое, или уж они совсем пошлы. Впрочем, это всегдашняя ошибка Тургенева. Девушка — из рук вон плоха — *ах, как я тебя люблю... у ней ресницы были длинные...* Вообще меня всегда удивляет в Тургеневе, как он с своим умом и поэтическим чутьем не умеет удержаться от банальности, даже до приемов. Больше всего этой

банальности в отрицательных приемах, напоминающих Гоголя. Нет человечности и участия к лицам, а представляются уроды, которых автор бранит, а не жалеет. Это как-то больно жюрирует* с тоном и смыслом либерализма всего остального. Это хорошо было при царе Горохе и при Гоголе (да и еще надо сказать, что, ежели не жалеть своих самых ничтожных лиц, надо их уж ругать так, чтобы небу жарко было, или смеяться над ними так, чтобы животики подвело, а не так, как одержимый хандрою и диспепсией Тургенев). Вообще же сказать, никому не написать теперь такой повести, несмотря на то, что она успеха иметь не будет. «Гроза» Островского же есть, по-моему, плачевное сочинение, а будет иметь успех. Не Островский и не Тургенев виноваты, а время. Теперь долго не родится тот человек, который бы сделал в поэтическом мире то, что сделал Булгарин*. А любителям антиков, к которым и я принадлежу, никто не мешает читать серьезно стихи и повести и серьезно толковать о них. Другое теперь нужно. Не нам нужно учиться, а нам нужно Марфутку и Тараску выучить хоть немножко того,

что мы знаем. Прощайте, любезный друг. Миллион просьб. Забыл я, как зовут немецкий libraire* на Кузнецком мосту, налево снизу наверху. Он мне посылает книги, зайдите к нему и спросите: 1) что я ему должен, 2) отчего он давно не посылает мне ничего нового? и выберите у него и пришлите мне, посоветовавшись с Никулиным, что есть хорошего из лечебников людских для невежд, и еще лечебников ветеринарных (до 10 р. сер.). Спросите у брата Сергея, заказал ли он мне плуги, ежели нет, то зайдите к машинисту Вильсону и спросите, есть ли или когда могут быть готовы 6 плугов Старбука?

Спросите в магазине сеянном Меера на Лубянке, почем семена клевера и тимофеевой травы. Я хочу продать.

Что стоит коновальский лучший инструмент?

Что стоят пара ланцетов людских и банки?

Кое-что из этого, может, возьмет на себя труд сделать милейший Иван Петрович*, которого обнимаю, Марье Петровне целую руку. Тетушка благодарит за память и кланяется.

129. Ег. П. Ковалевскому

1860 г. *Марта 12. Ясная Поляна.*

Вы, может быть, помните, любезный Егор Петрович, что я уже 3-й год живу в деревне и занимаюсь хозяйством. Нынешний год (с осени), кроме хозяйства, я занимаюсь еще школой для мальчиков, девочек и больших, которую я завел для всех желающих. У меня набралось около 50 учеников и все прибавляются. Успехи учеников и успех школы в мнении народа неожиданны. Но всего не расскажешь, как и почему; надо или книгу написать или самому посмотреть. Дело вот в чем. Мудрость во всех житейских делах, мне кажется, состоит не в том, чтобы знать, что нужно делать, а в том, — чтобы знать, что делать прежде, а что после. В деле прогресса России, мне кажется, что, как ни полезны телеграфы, дороги, пароходы, штуцера, литература (со всем своим фондом)*, театры, Академии художеств и т. д., а все это преждевременно и напрасно до тех пор, пока из календаря будет видно, что в России, включая всех будто бы учащихся, учится 1/100 доля всего

народонаселения. Все это полезно (академии и т. д.), но полезно так, как полезен обед Аглицкого клуба*, который весь съест эконом и повар. Все эти вещи производятся всеми 70000000 русских, а потребляются тысячами. Как ни смешны славянофилы с своей народностью и оторванностью *et tout le tremblement**, они только не умеют называть вещи по имени, а они, нечаянно, правы. Не только нам, русским, но каждому иностранцу, проехавшему 20 верст по русской земле, должна в глаза кинуться численная непропорциональность образованных и необразованных или, вернее, диких и грамотных. А нечего и говорить, ежели сравнить отчеты разных европейских государств. Впрочем, ежели бы в Англии приходился 1 дикий на сто, и тогда, наверно, общественное зло происходило бы только от этого процента диких. Общественное зло, которое у нас в привычку вошло сознать и называть разными именами, большей частью насилием, деспотизмом, что это такое, как не насилие преобладающего невежества. Насилие не может быть сделано одним человеком над многими, а только

преобладающим большинством, единомышленными в невежестве. Только кажется, что Наполеон III заключил Виллафранкский мир* и запрещает журналы и хочет захватить Савойю, а все это делают Феликсы и Викторы, которые не умеют читать газеты. Однако мои педагогические привычки увлекли меня, и мне самому смешно, что я вам пресерьезно доказываю, что $2 \times 2 = 4$, то есть что насущнейшая потребность русского народа есть народное образование. Образования этого нет. Оно еще не начиналось и никогда не начнется, ежели правительство будет заведовать им. Что его нет, это доказывать нельзя, а ежели бы вы были здесь, то мы бы сейчас обошли всю деревню и посмотрели бы, и послушали. Чтобы доказать, что оно не начиналось, мы бы тоже сейчас прошли в школу, и я бы вам показал грамотных, учившихся прежде у попов и дьяконов. Это одни ученики, которые совершенно безнадежны. Над спорами: полезна ли грамотность, или нет, не следует смеяться. Это очень серьезный и грустный спор, и я прямо беру сторону отрицательную. *Грамота*, процесс чтения и писания, вреден.

Первое, что он читает, — славянский символ веры, псалтырь, заповеди (славянские), второе — гадательную книгу и т. п. Не поверив на деле, трудно себе представить ужасные опустошения, которые это производит в умственных способностях, и разрушения в нравственном складе учеников. Надо побывать в сельских школах и в семинариях (я исследовал это дело), в семинариях, которые доставляют педагогов в училища от правительства, чтобы понять, отчего ученики этих школ выходят глупее и безнравственнее неучеников. Чтобы народное образование пошло, нужно, чтобы оно было передано в руки общества. Не стану приводить пример Англии, самой образованной страны, — самая сущность дела говорит за себя. Ежели бы правительство бросило все дела, закрыло бы все департаменты и комиссии (и прекрасно бы сделало) и занялось бы одним народным воспитанием, и тогда едва ли бы оно успело, — потому что механизм, усвоенный правительством, помешал бы ему, и, главное, потому, что интересы его кажутся отдаленными (в сущности, это один его интерес) от народного образования. Обще-

ство же должно успеть, потому что интересы его непосредственно связаны с степенью образования народа, потому что лишенные всех насильственных средств действия общества будут сообразовываться только с потребностью народа, которая выразится в филантропическом или денежном успехе предприятия, в степени удовлетворения народной потребности будут постоянно иметь поверку своих действий. Но я опять, кажется, доказываю дважды два. Вопрос может быть только в том, существует ли потребность образовывать и образовываться. Для меня это вопрос решенный. Полгода моей школы породили три таких же в околотке, и везде успех был одинаковый. Дело вот в чем: что скажет правительство, ежели ему представить следующий проект:

«Общество народного образования (или более скромное название) имеет целью распространение образования в народе.

Средства Общества будут состоять из взноса членов по 100 или % рублей, из платы учеников (где это возможно), из выручек за издания Общества и из пожертвований.

Действия Общества будут состоять:

1) В издании журнала, состоящего из отдела собственно педагогического (о законах и способах первоначального преподавания), отдела первоначальных руководств для учителей и чтений для учеников и отдела сведений о действиях Общества.

2) В учреждении школ в тех местах, где их нет и где чувствуется в них потребность.

3) В составлении курса преподавания, в назначении учителей, в надзоре за преподаванием, за хозяйственным учетом вообще, за управлением таких школ.

4) В надзоре за преподаванием в тех школах, где учредители того пожелают».

До сих пор общество это составляю я один. Но говорю вам без фразы, что, возможно будет или нет такое общество, я положу все, что могу, и все свои силы на исполнение этой программы. Нечего говорить, что наверное мои мысли односторонни и что Общество, занявшись им, многое изменит и прибавит. Но ежели бы это могло только собрать силы многих к одной цели. Вы-то помогите мне, любезный друг, Егор Петрович. Я на дурном счету у

правительства. От меня это никак не должно идти, а поговорите или составьте из этого по-лучше записку и покажите Евграфу Петрови-чу*. (Я вам прямо задаю дело потому, что знаю вперед, что не можете всей душой не сочув-ствовать этому.) Ежели бы я знал наверно, что правительство разрешит это Общество, то я бы поработал серьезнее над составлением самого проекта и подал бы его от другого ли-ца*. Есть в Туле директор гимназии Гаярин (ваш брат его знает), замечательный человек, которому я нынче сказал о моем намерении. Я надеюсь, что он не отказался бы подать от себя. Во всяком случае, у вас дело в хороших руках. Подайте ли прямо, переписав и переде-лав эту записку (об обществе), или посонди-руйте, где следует, и напишите мне, расска-зав, как надо поступать; одно только, на обыкновенную удочку правительства заста-вить подробно изложить проект, курс преподавания и т. д. и потом сказать — нельзя, я на эту удочку не поддамся. Мне мое время доро-го (и с гордостью могу сказать, дорого и для 100 мальчиков). Кроме школы у себя, у брата, я готовлю большую статью о педагогии, кото-

рая не будет годиться в проект для правительства. Позволят или нет, а я хоть один, а все буду составлять тайное общество народного образования. Нет, без шуток, ежели бы общество оказалось невозможным, то я все-таки намерен издавать журнал, о котором пишу в проекте общества*. Посондируйте почву и об этом напишите, пожалуйста. Разрешат ли журнал с моим именем, как редактора? И как, в какой форме, кому нужно подать об этом, и что такое? Как мне ни нужно теперь быть здесь, я бы приехал в Петербург, ежели для успеха дела мое присутствие могло бы быть необходимо. И как подумаешь, что почти наверно вы мне ответите: «Видно, что вы, Лев Николаевич, сидите в деревне, что с такими проектами суетесь», как подумаешь — отчаянье находит. И чего может бояться правительство? Разве можно в свободной школе учить тому, чего не следует знать. У меня бы ни одного человека не было в школе, ежели бы я заикнулся о том, что мощи не есть такая же святыня, как сам бог. Но это не мешает им знать, что земля шар и что $2 \times 2 = 4$. Ну, что будет, то будет; только поскорее, как можно по-

скорее, известите меня. Будьте здоровы, не грустите, и дай бог вам всего лучшего. От души жму вам руку.

Ваш *Л. Толстой*.

2 марта.

Ясная Поляна.

Адрес мой: в Тулу.

130. Т. А. Ергольской
<перевод с французского>

1860 г. *Августа 28 / сентября 9. Гиер.*
Дорогая тетенька!

Три дня тому назад мы приехали в Гиер. Не писал вам раньше, потому что мы еще не устроились, да и свободного времени не было ни в дороге, ни теперь. Гиер не остров, а город на южном побережье Франции, на юго-восток от Тулона. Море, которое видно из наших окон, в 4-х верстах от города. Мы с Николенкой устроились в самом городе в пансионе у пожилой и приятной госпожи Сенекье за 18 фр. в день. Вот наш адрес: *Франция, Гиер, у г-жи Сенекье*. Машенька остановилась в гостинице, откуда перебирается сегодня в снятый

ею деревенский дом на берегу моря, чтобы пользоваться морскими купаниями в продолжение всего сезона. Говорят, что он продолжается иногда до декабря. Климат здесь прекрасный. Лимонные, апельсиновые деревья, лавры, пальмы всю зиму с листвою, в цвету и с плодами. Здоровье Николеньки все в том же положении; но только здесь и можно надеяться на улучшение, между тем как образ жизни его в Содене, путешествие и плохая погода несомненно принесли ему вред. Эти три дня стоит прекрасная погода, и говорят, что она здесь все время такая. Некая княгиня Голицына живет здесь 9 лет. Она говорила Машеньке, которая познакомилась с ней, что она приехала сюда в гораздо худшем состоянии, чем Николай, а теперь сильная и вполне здоровая женщина. Она рассказала нам, что знала Дмитрия Генварич*, который умер в Гире на ее руках.

Дорога нам дорого обошлась, и здесь жизнь не дешева, так что через месяц мы будем нуждаться в деньгах. Ежели Сережа еще с вами, скажите ему, чтобы деньги он высылал как можно скорее. Уверен, что сегодня вы

вспоминали меня чаще обыкновенного по случаю дня моего рождения. А я начинаю этот день письмом к вам.

Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши руки. Не знаю, напишут ли вам Николенька и Машенька*, но знаю, что они часто думают о вас и целуют ваши ручки. *Наталье Петровне целую ручки, Николаю Сергеевичу, ежели еще живет у вас, и хорошо, то я очень рад и кланяюсь. Устроилось ли дело Мавры Андреевны? Разуверьте ее, что я ее ненавижу. Что моя школа? Во всяком случае я буду к зиме с новыми книгами и инструментами. Пусть Петр Васильич* не зевает.*

Скажите старосте, что я очень интересуюсь хозяйством, но, по правде сказать, ежели ничего не случилось особенно неприятного, я не забочусь о нем. Вы всегда правы, милая тетенька, недавно мы говорили об этом с Николенькой; и когда вы говорили, что напрасно я живу безвыездно в деревне, вы тоже были правы. Теперешнее путешествие во многих отношениях мне очень полезно.

Лев.

9 сент.

28 августа
Гиер.

131. С. Н. Толстому

1860 г. *Сентября 24 и 25 / октября 6 и 7.*
Гиер.

Ты, я думаю, получил известие о смерти Николеньки. Мне жалко тебя, что ты не был тут. Как это ни тяжело, мне хорошо, что всё это было при мне, и что это подействовало на меня, как должно было. Не так, как смерть Митеньки, о которой я узнал в Петербурге, во все не думая о нем*. Впрочем, это совсем другое дело. С Митенькой были связаны воспоминания детства и родственное чувство и только, а это был положительно человек для тебя и для меня, которого мы любили и уважали больше всех на свете. Ты это знаешь эгоистическое чувство, которое последнее время приходило, что чем скорей, тем лучше, а теперь страшно это писать и вспоминать, что это думал. До последнего дня он с своей необычайной силой характера и сосредоточенностью делал всё, чтобы не быть мне в тягость. В день своей смерти он сам оделся и

умылся, и утром я его застал одетого на кресле. Это было часов за 9 до смерти, что он покорился болезни и попросил себя раздеть. Первое было в нужнике. Я вышел вниз и слышу, дверь его отворилась, вернулся — его нет нигде. Сначала я боялся войти, он не любил; но тут он сам сказал: «помоги мне». И он покорился и стал другой, кроткий, добрый; этот день не стонал; про кого ни говорил, всех хвалил и мне говорил: «благодарствуй, мой друг». Понимаешь, что это значит в наших отношениях. Я сказал ему, что слышал, как он кашлял утром, но не вошел из-за *fausse honte**. «Напрасно, это бы меня *утетило*». Страдать он страдал, но он только раз сказал дня за два до смерти, что ужасные ночи без сна. К утру давит кашель, месяц, и что грезится бог знает! Еще такие ночи две это ужасно. Ни разу ясно он не сказал, что чувствует приближение смерти. Но он только не говорил. В день смерти он заказал комнатное платье и вместе с тем, когда я сказал, что, ежели не будет лучше, то мы с Машенькой не поедem в Швейцарию, он сказал: «разве ты думаешь, что мне будет лучше?» таким голосом, что видно, он

чувствовал, но для меня не говорил, а я для него не показывал; однако с утра я знал как будто и всё был у него. Он умер совсем без страданий (наружных, по крайней мере). Реже, реже дышал, и кончилось. На другой день я сошел к нему и боялся открыть лицо. Мне казалось, что оно будет еще страдальческое, страшнее, чем во время болезни, и ты не можешь вообразить, что это было за прелестное лицо с его лучшим, веселым и спокойным выражением. Вчера его похоронили тут. Я одно время думал перевезти, телеграфировать тебе, да раздумал, нечего ковырять рану. Мне жалко тебя, что тебя известие это застанет на охоте в рассеянности и не прохватит так, как нас. Это здорово. Я чувствую теперь то, что слышал часто, что, как потеряешь такого человека, как он для нас, так много легче самому становится думать о смерти. Твое письмо пришло в самую минуту, как его отпевали. Да, уж не будешь полевать с ним. Два дня до смерти читал он мне свои «Записки об охоте»*, и много говорили о тебе. Он говорил, что ты всем от бога сделан счастливым человеком и сам себя мучаешь. Я только на 2-й день хва-

тился сделать его портрет и маску, портрет уже не застал его удивительного выражения, но маска прелестна. Я едва ли приеду в Россию прежде, чем ты сюда приедешь. Приезжай, пожалуйста. Мужикам погорелым велидать лесу из рощи и из мельничного осинника, сколько нужно им. Я теперь с Машенькой на берегу моря и стараюсь заниматься, но не идет. Я в письме тетеньке не означил числа*. Он умер 20 сентября нашего стиля, в 9 часов вечера. Я уверен, что тебе не будет ездить на охоте, особенно в Щербачевке, получив это письмо. Брось все и приезжай сюда с *Машей и Гришей** непременно. Климат и природа здесь действительно лучше, чем можно вообразить.

Утро вечера мудренее, и, подумав здраво и вспомнив Николенькино правило никогда не советовать, я решил, что то, что я писал о привезении Маши и Гриши, это вздор, потому что я ничего не понимаю в этих делах.

132. А. А. Толстой

1860 г. Октября 17 / 29. Гиер. 17 / 29 октября.

Я вас потерял из виду, любезный друг Alexandrine, потому что уехал за границу с сестрой, и главное, за братом Николаем, который осенью заболел, и вот скоро месяц, что умер. А никогда мне так нужно вас не было, как это время. Два месяца я час за часом следил за его погасанием, и он умер буквально на моих руках. Мало того, что это один из лучших людей, которых я встречал в жизни, что он был брат, что с ним связаны лучшие воспоминания моей жизни, — это был лучший мой друг. Тут разговаривать нечего; вы, может быть, это знаете, но не так, как я; не то, что половина жизни оторвана, но вся энергия жизни с ним похоронена. Незачем жить, коли он умер — и умер мучительно; так что же тебе будет? — Еще хуже. Вам хорошо, ваши мертвые живут там, вы свидитесь с ними (хотя мне всегда кажется, что искренно нельзя этому верить — было бы слишком хорошо); а мои мертвые исчезли, как сгоревшее дерево.

Вот уж месяц, я стараюсь работать, опять писать, что я было бросил, но самому смешно. В Россию ехать незачем. Тут я живу, тут могу и жить. Кстати, сестра здесь с детьми. Я вам пишу не для того, чтобы вы утешали меня. Пожалуйста, не пишите мне ничего обо мне; пожалуйста, ничего не пишите. Пишите о себе, о России, о делах наших, о вашей матушке, сестре, княжнах*.

Я говорил сестре, как в горе узнаются друзья, — не так, как это думают, что они помогают, но потому что в горе только воспоминанья о лучших людях всплывают наружу. Не было дня, чтобы я не вспоминал про вас, и что бы я дал, чтобы последние дни на секундочку увидеть вас.

Прощайте. Тетушка мне пишет, что получила ваше письмо, но не посылает его ко мне.

Адрес мой: France. Nyères, maison Sénéquier.

Л. Толстой.

133. А. А. Фету

1860 г. Октября 17/29. Гиер.
17/29 октября. Иер.

Мне думается, что вы уже знаете то, что случилось. Нашего 20 сентября он умер, буквально на моих руках. Ничто в жизни не делало на меня такого впечатления. Правду он говаривал, что хуже смерти ничего нет. А как хорошенько подумать, что она все-таки конец всего, так и хуже жизни ничего нет. Для чего хлопотать, стараться, коли от того, что было Н. Н. Толстой, для него ничего не осталось. Он не говорил, что чувствует приближение смерти, но я знаю, что он за каждым шагом ее следил и верно знал, что еще остается. За несколько минут перед смертью он задремал и вдруг очнулся и с ужасом прошептал: «Да что ж это такое?» Это он ее увидел — это поглощение себя в ничто. А уж ежели он ничего не нашел, за что ухватиться, что же я найду? Еще меньше. И уж, верно, не я и никто так не будет до последней минуты бороться с ней, как он. Дня за два я ему говорю: «Нужно бы тебе судно в комнату поставить». — «Нет,

говорит, я слаб, но еще не так; еще мы полагаемся».

До последней минуты он не отдавался ей, все сам делал, все старался заниматься, писал, меня спрашивал о моих писаньях, советовал. Но все это, мне казалось, он делал уже не по внутреннему стремленью, а по принципу. Одно, природа, — это осталось до конца. Накануне он пошел [...] в свою спальню и упал от слабости на постель у открытого окна, я пришел. Он говорит со слезами в глазах: «Как я наслаждался теперь час целый». Из земли взят и в землю пойдешь. Осталось одно, смутная надежда, что там, в природе, которого частью сделаешься в земле, останется и найдется что-нибудь. Все, кто знали и видели его последние минуты, говорят: «Как удивительно спокойно, тихо он умер», а я знаю, как страшно мучительно, потому что ни одно чувство не ускользнуло от меня. Тысячу раз я говорю себе: «Оставим мертвым хоронить мертвых», надо же куда-нибудь девать силы, которые еще есть, но нельзя уговорить камень, чтобы он падал вверх, а не вниз, куда его тянет. Нельзя смеяться шутке, которая наскучила,

нельзя есть, когда не хочется. К чему все, когда завтра начнутся муки смерти со всею мерзостью подлости, лжи, самообманыванья и кончатся ничтожеством, нулем для себя. Забавная штучка. Будь полезен, будь добродетелен, будь счастлив, покуда жив, говорят века друг другу люди; да мы, и счастье, и добродетель, и польза состоят в правде, а правда, которую я вынес из 32 лет, есть та, что положение, в которое нас поставил кто-то, есть самый ужасный обман и злодеяние, для которого бы мы не нашли слов (мы, либералы), ежели бы человек поставил бы другого человека в это положенье. Хвалите аллаха, бога, браму. Такой благодетель. «Берите жизнь, какая она есть», «Не бог, а вы сами поставили себя в это положенье». Как же! Я и беру жизнь, какова она есть, как самое пошлое, отвратительное и ложное состояние. А что поставил себя не я, в том доказательство, что мы столетия стараемся поверить, что это очень хорошо, но как только дойдет человек до высшей степени развития, перестает быть глуп, так ему ясно, что все дичь, обман, и что правда, которую все-таки он любит лучше всего, что эта прав-

да ужасна. Что, как увидишь ее хорошенько, ясно, так очнешься и с ужасом скажешь, как брат: «Да что же это такое?»

Ну, разумеется, покуда есть желание есть, ешь [...], есть бессознательное, глупое желание знать и говорить правду, стараешься знать и говорить. Это одно из мира морально-го, что у меня осталось, выше чего я не мог стать, это одно я и буду делать, только не в форме вашего искусства. Искусство есть ложь, а я уже не могу любить прекрасную ложь. Я зиму проживу здесь по той причине, что я здесь, и все равно жить, где бы то ни было.

Пишите мне, пожалуйста. Я вас люблю так же, как брат вас любил и помнил до последней минуты*.

134. А. А. Толстой

1860 г. *Ноября 25 / декабря 6. Гиер.*
6 декабря.

Не помню, любезный друг Alexandrine, отвечал ли я вам или нет на ваше письмо*, во всяком случае пишу теперь еще раз. В Нуёгес был престольный праздник и процессия, кажется, 25 ноября. Я пошел смотреть и с равнодушной, но сосущей тоской смотрел на толпу и на статую, которую носили, и так гадко было их суеверие и комедия, и завидно было, что оно им весело-приятно. Тут же в толпе попался мне комиссьонер и дал ваше письмо; я стал его читать на ходу, но потом тяжело стало, зашел в дровяной сарай, сел на бревна, прочел его и ревел целый час, зачем и об чем, сам не знаю. Что я думал и чувствовал, не знаю; письмо ваше убедило меня в одном, что я вас очень люблю, и когда я пошел за процессией, мне стало весело на душе оттого, что и у меня было свое суеверие. Убедить человека может только жизнь, а не убежденья и, главное, несчастья. Я вам расскажу еще когда-нибудь смерть брата и его последние минуты, и

вы поймете, что сильнее этого ничто уже не может подействовать на душу. А все-таки единственное убеждение, которое я вынес из этого, то, что лучше его я не сумею прожить и еще менее умереть; а ему было тяжело страшно и жить и умереть. И больше ничего не знаю.

Это письмо, дописанное до сих пор, долго лежало; я пишу в другом расположении духа, но не отрекаюсь от сказанного. Однако желание ваше читать Евангелие я исполню. У меня теперь нет его, но ваша хорошая знакомая Ольга Дундукова обещала мне дать его. Она милая женщина, особенно потому для меня, что напоминает вас и любит.

Что сказать про себя? Вы знаете, верно, мое занятие школами с прошлого года. Совершенно искренно могу сказать, что это теперь один интерес, который привязывает меня к жизни. К несчастью, я нынешнюю зиму не могу им заниматься на деле и на месте, а только работаю для будущего*. Я простудился здесь осенью и вот три месяца не перестаю кашлять, так что не советуют зимой уезжать с юга. А как-то скучно и совестно жить здесь в

каком-то вечном празднике, как живут путешественники. Или видишь каких-то порхающих бабочек или умирающих, безнадежно приговоренных людей, мимо которых прежде проходил равнодушно, но которые все мне теперь близки, точно родные, имеющие права на меня. На этой неделе я еду в Ниццу и, может быть, в Италию на несколько дней, но едва ли выдержу один долго*. Как-то странно кажется ехать куда-нибудь для своего удовольствия. Прощайте; ежели захотите написать мне, то адресуйте все в Нуèges. Весной надеюсь вас увидеть. Только будете ли вы в Петербурге? Очень, очень кланяйтесь всем вашим.

Л. Толстой.

1861

135. А. И. Герцену

1861 г. Марта 8 / 20. Брюссель.
20 марта 1861.

Чувствую потребность написать вам словечко, хотя, собственно, нечего мне сказать вам, любезный Александр Иванович. Хочется сказать, что я очень рад, что узнал вас*, и что, несмотря на то, что вы все искали меня на том конце, на котором бы не должен быть никто по всем вероятностям*, мне весело думать, что вы такой, какой есть, то есть способный сбегать за микстурой для Тимашева* и вследствие того способный написать то, что вы написали. Дай-то бог, чтобы через 6 месяцев сбылись ваши надежды*. Все возможно в наше время; хотя я и возможность эту понимаю иначе, чем вы.

Тесье вам сказал, верно, что я уехал только вечером и не успел зайти к вам, что бы мне даже нужно было сделать для письма Прудону*. Тесье милый человек, но как он невыно-

симо льстит в глаза. Я пробыл с ним долго, но не знаю его, такого он напустил льстивого дыма-чаду, что ничего разобрать нельзя. Как-то сошла ваша иллюминация?* Здесь же, к удивлению моему, старые русские, как князь Дундук*, похваливают государя за его твердость. Влияние свершившегося факта будет страшно сильно. Все будут либералы теперь, когда интересы будут наткаться только на стеснения, а не поддерживаться ими.

Я пробуду здесь, должно быть, около недели, ожидая писем и посылок из Лондона, Парижа и России. Ежели захотите написать мне, то адресуйте в Hôtel d'Angleterre, Place Monnai.

Жму руку всем вашим. Все я хотел спросить у вас, что за человек ваша непонятная англичаноненавистница гувернантка; и не успел. Вы к ней привыкли, а она престранная*. Николай Платонычу* крепко жму руку и имею честь донести по его части, что вчера, слушая «Фауста» Гуно, испытал весьма сильное и глубокое впечатление, хотя не мог разобрать, произведено ли оно было музыкой или этой величайшей в мире драмой, которая осталась так велика даже в переделке фран-

цузского либретто. Но музыка в самом деле недурна.

136. С. Н. Толстому и Т. А. Ергольской

1861 г. Марта 12 / 24. Брюссель.
24 марта. Брюссель.

Каждый день я пишу письма всем, исключая тебе, именно оттого, что слишком много нужно сказать и что на письменном языке не умею сказать всё, что бы хотел. Впечатлений Рима, Парижа, Лондона и людей, которых видел миллионы, но как и к чему писать, когда через 3 недели думаю видеть тебя. Я с неделю уже живу в Брюсселе, ожидаю ответа на мое письмо из Лондона и «вложения», но дальше 18/30 дожидаться не стану и, заняв деньги, еду; поэтому отвечай, пожалуйста, в Дрезден (*poste restante**), отвечай именно хоть вкратце на следующие вопросы: 1) Здоровье твое, как и каковы твои мысли о здоровье? 2) Что Эмансипация?* Как ее приняли мужики и как землю наделяют? Я тебе не писал еще, кажется, что я возвращаюсь с планом издания журнала при школе Ясной Поляны и что в Петер-

бурге я беру разрешение и начинаю тотчас по приезде*.

Ты, должно быть, видел Дьякова, он тебе рассказал, что и как. Мое же здоровье ничего. Т. е., исключая громового удара и т. п., зависит от меня самого, равно и твое. С Тургеневым я, к удовольствию моему, кажется сошелся, и эти мальчики в глазах перестали бегать. В Лондоне я пробыл всего 20 дней и был в тумане и в положительном и в переносном смысле от нездоровья и пропасти дел, которые нужно было сделать. Здесь я, напротив, живу очень тихо, это уездный городок в сравнении с Лондоном, и здесь у меня знакомые Дундуковы, старик, старуха*, две больные дочери и одна 15 лет, стало быть, ничего нет по части Гименея. Впрочем, по этой части уж очень плоха надежда, так как последние зубы поломались. Но дух бодр. Особенно нынче, окно отворено, и просто летний жаркий день. С Машенькой я регулярно переписываюсь, у ней, кажется, все благополучно, исключая ее планов отдать Николеньку в Париж к брату ее гувернантки. Но план этот рушился. Вообще она так пришлась к кн. Голицыной, кото-

рая там, что лучше требовать нельзя. Это еще говорил Николенька. Коли бы летом они поехали вместе на воды, это бы было превосходно. Прощай, напиши, пожалуйста, и в Дрезден и в Петербург (Давыдову). Je vous baise les mains, chère tante, et vous prie de me pardonner si je ne vous écris pas aujourd'hui, mais vous saurez tout d'après la lettre de Serge. Si vous m'écriviez un mot à Dresde vous me feriez un grand plaisir. Comment allez-vous et comment vont toutes les choses à* Ясная. Как бы помирились с эмансипацией? И не правда ли, что ничего страшного нет. Tante Pauline* целую руки.

137. А. И. Герцену

1861 г. Марта 14 / 26. Брюссель.
Только что собирался вам писать любезный Александр Иваныч, как получил ваше письмо*, Писать же собирался вам о «Полярной звезде», которую теперь только прочел всю как следует*. Превосходная вся эта книга, это не мое одно мнение, но всех, кого я только видел. Вы все говорите — «полемику давайте». Какую полемику? Ваша статья об Овене, увы! слишком, слишком близка моему сердцу*. Правда — quand même*, что в наше время возможно только для жителя Сатурна, слетевшего на землю, или русского человека. Много есть людей, и русских 99/100, которые от страху не поверят вашей мысли (и в скобках буде сказано, что им весьма удобно, благодаря слишком легкому тону вашей статьи. Вы как будто обращаетесь только к умным и смелым людям). Эти люди, то есть не умные и не смелые, скажут, что лучше молчать, когда пришел к таким результатам, то есть к тому, что такой результат показывает, что путь был неверен*. И вы немного даете право им

сказать это — тем, что на место разбитых кумиров ставите самую жизнь, произвол, узор жизни, как вы говорите. На месте огромных надежд бессмертия, вечного совершенствования, исторических законов и т. п., этот узор ничто — пуговка на месте колосса. Так лучше бы было не давать им этого права*. Ничего на место. Ничего, исключая той силы, которая свалила колоссов.

Кроме того, эти люди — робкие — не могут понять, что лед трещит и рушится под ногами — это самое доказывает, что человек идет; и что одно средство не провалиться — это идти не останавливаясь.

Вы говорите, что я не знаю России. Нет, знаю свою субъективную Россию, глядя на нее с своей призмочки. Ежели мыльный пузырь истории лопнул для вас и для меня, то это тоже доказательство, что мы уже надуваем новый пузырь, который еще сами не видим. И этот пузырь есть для меня твердое и ясное знание моей России, такое же ясное, как знание России Рылеева может быть в 25 году. Нам, людям практическим, нельзя жить без этого.

Как вам понравился манифест?* Я его читал нынче по-русски и не понимаю, для кого он написан. Мужики ни слова не поймут, а мы ни слову не поверим. Еще не нравится мне то, что тон манифеста есть великое благодеяние, делаемое народу, а сущность его даже ученому крепостному* ничего не представляет, кроме обещаний.

Кроме общего интереса, вы не можете себе представить, как мне интересны все сведенья о декабристах в «Полярной звезде»*. Я затеял месяца 4 тому назад роман*, героем которого должен быть возвращающийся декабрист. Я хотел поговорить с вами об этом, да так и не успел. Декабрист мой должен быть энтузиаст, мистик, христианин, возвращающийся в 56 году в Россию с женою, сыном и дочерью и примеряющий свой строгий и несколько идеальный взгляд к новой России. Скажите, пожалуйста, что вы думаете о приличии и своевременности такого сюжета. Тургеневу, которому я читал начало, понравились первые главы*.

Кланяюсь всему вашему милому (по праву Тесье и по собственному размышлению)

орсетскому подворью* и посылаю вам и Огареву обещанные карточки, ожидая взамен ваших*.

Л. Толстой.

26 марта.

Пожалуйста, ежели вам не хочется, не отвечайте мне. Мне просто хотелось болтать с вами, а не вызывать на переписку знаменитого изгнанника. Вздумается, напишите строчку. Главное, боюсь быть indiscret* с вашим временем.

138. А. И. Герцену

1861 г. Марта 28 / апреля 9. Франкфурт-на-Майне.

В тот самый день, как я получил ваше письмо*, любезный Александр Иванович, я получил письмо от Тургенева*, обещавшего через два дня приехать в Брюссель. Tremendous light sir* и т. д. и меня так пленило, что я намеревался по приезде Тургенева предложить ему съездить на ваш пир. Но приезд этот, к несчастью, не последовал по случаю, кашля и наклеенной мушки, над которой я не могу смеяться, ибо сам в то время был оклеен муш-

ками. Потом почему-то два или три письма, в которых я писал к вам про Лелевеля* и про впечатление, произведенное им на меня, я разорвал. Теперь, чтобы не случилось того же, не буду писать про это. Пишу только, чтобы вас поблагодарить за «Колокол»* и добрый совет о романе*. За слишком лестное мнение о мне не благодарю. Оно вредно. Огарева воспоминания я читал с наслаждением и очень был горд тем, что, не зная ни одного декабриста, чутьем угадал свойственный этим людям христианский мистицизм*. Из брабантских кружев я вчера вырвался и нынче ночую в Эйзенахе, день в Иене, 2 дня в Дрездене и в Варшаву, которая все больше и больше интересует меня. Ежели найду случай, напишу вам из Варшавы. Читали ли вы подробные положения о освобождении? Я нахожу, что это совершенно напрасная болтовня. Из России же я получил с двух сторон письма*, в которых говорят, что мужики положительно недовольны. Прежде у них была надежда, что завтра будет отлично, а теперь они верно знают, что два года будет еще скверно, и для них ясно, что потом еще отложат и что все это

«господа» делают. Кланяюсь вашей дочери, Николай Платонычу и его жене и вам дружески жму руку, надеясь так или иначе до свиданья.

Ежели захотите мне прислать что-нибудь в скором времени, то в Дрезден *poste restante*, а то через Класена.

Л. Толстой.

9 апреля.

Франкфурт.

139. Т. А. Ергольской <перевод с французского>

1861 г. *Апреля 6 / 18. Дрезден.* Только что получил ваше письмо*, дорогая тетенька, здесь в Дрездене, куда приехал сегодня утром. Думаю, что вы уже должны были получить несколько моих писем* и успокоились относительно меня. Я здоров и сгораю от нетерпения вернуться в Россию. Но, попав в Европу и не зная, когда снова попаду сюда, вы понимаете, что я всячески стараюсь как можно больше воспользоваться моим путешествием. И, кажется, мне это уда-

лось. Я везу с собой столько впечатлений и столько знаний, что мне придется долго работать, чтобы уместить все это в порядке в голове. В Дрездене рассчитываю пробыть до 10/22, а к пасхе во всяком случае быть в Ясном*. Ежели к 25-му здесь не откроется навигация, я поеду через Варшаву в Петербург, где я должен быть для получения разрешения на журнал, который собираюсь издавать в школе в Ясном*. Черкните мне, пожалуйста, словечко в Петербург (*Давыдову, в книжный магазин на Невском*) о своем здоровье, о тете Полине (целую ее ручки), о Сереже и обо всем в Ясном, чтобы я мог с веселым и спокойным духом возвращаться.

Прощайте, целую ваши ручки. Я везу с собой немца из университета учителя и приказчика, очень милого и образованного, но еще очень молодого и непрактического человека*.

Л. Толстой.

18 апреля.

Дрезден.

140. Б. Н. Чичерину
<неотправленное>

1861 г. *Апреля 6 / 18. Дрезден.* 18 апреля
Дрезден.

Воспоминанье о нашей последней переписке и твои два письма, которые я нашел в Дрездене*, заставили меня еще раз серьезно задуматься о наших отношениях. Мы *играли в дружбу*. Ее не может быть между двумя людьми, столь различными, как мы. Ты, может быть, умеешь примирять презренье к убежденьям человека с привязанностью к нему; а я не могу этого делать. Мы же взаимно презираем склад ума и убежденья друг друга. Тебе кажется увлечением самолюбия и бедностью мысли те убежденья, которые приобретены не следованием курса и аккуратностью, а страданиями жизни и всей возможной для человека страстью к отысканию правды, мне кажутся сведения и классификации, запомненные из школы, детской игрушкой, не удовлетворяющей моей любви к правде; поэтому лучше нам разойтись и каждому

идти своей дорогой, уважая друг друга, но не пытаясь войти в те близкие отношения, которые даются только единством догматов веры, то есть тех оснований, которые уж не подлежат мысли. А эти основания у нас совершенно различны. И я не могу надеяться прийти к твоим, потому что уж имел их. Не могу тоже надеяться, чтобы ты пришел к моим, потому что ты слишком далеко уж зашел по своей соблазнительной битой дороге. Тебе странно, как учить *грязных* ребят. Мне непонятно, как, уважая себя, можно писать о освобождении — статьи*. Разве можно сказать в *статье* одну миллионную долю того, что знаешь и что нужно бы сказать, и хоть что-нибудь новое и хоть одну мысль справедливую, истинно *справедливую*. А посадить дерево можно и выучить плести лапти наверно можно.

Это лучший пример различия наших существ.

Повторяю, мы можем уважать друг друга, интересоваться друг другом, дискутировать; но как только мы, как человек с человеком, попробуем сойтись — пучина между нами. Я с своей стороны убежден в этом, как и в том,

что и твой характер, и твоя деятельность, честные и искренние, никогда не перестанут интересоваться меня, и желал бы, чтобы ты с своей стороны удержал бы ко мне те же отношения. А то мы уж стары, чтоб играть в чувства и заблуждаться. Прощай, жму тебе руку и жду с нетерпением твоего ответа в Петербург к Давыдову или в Тулу*.

141. А. А. Фету

1861 г. Мая 12. Ясная Поляна*.
Обнимаю вас от души, любезный друг Афанасий Афанасьевич, за ваше письмо* и за вашу дружбу и за то, что вы есть Фет. Ивана Сергеевича мне хочется видеть, а вас в десять раз больше. Так давно мы не видались, и так много с нами обоими случилось с тех пор. Вашей хозяйственной деятельности я не нарадуюсь, когда слышу и думаю про нее. И немножко горжусь, что и я хоть немного содействовал ей. Не мне бы говорить, не вам бы слушать — друг — хорошо; но он умрет, он уйдет как-нибудь, не успеешь как-нибудь за ним; а природа, на которой женился посредством купчей крепости, или от кото-

рой родился по наследству, еще лучше. Своя собственная природа. И холодная она, и неразговорчивая, и важная, и требовательная, да зато уж это такой друг, которого не потеряешь до смерти, а и умрешь, все в нее же уйдешь. Я, впрочем, теперь меньше предаюсь этому другу — у меня другие дела, втянувшие меня; но всё без этого сознания, что она тут, как повихнулся — есть за кого ухватиться, — плохо бы было жить. Дай вам бог успеха, успеха, чтобы радовала вас ваша Степановка. Что вы пишете и будете писать, в этом я не сомневаюсь. Марье Петровне жму руку и прошу меня не забывать. Особенно будет несчастье, ежели я не побываю у вас нынче летом, а когда, не знаю*.

Л. Толстой.

142. А. А. Толстой

1861 г. *Мая 14. Ясная Поляна.*
14 мая. Ясная Поляна.

Я ужасно виноват перед вами, любезный друг Alexandrine, за то, что не отвечал вам давно и на такое славное, славное письмо*. В Москве я был болен, а здесь в деревне я был так счастлив и так занят, что только теперь начинаю опоминаться. Счастлив я был оттого, что, напуганный несчастьем*, я с трепетом подъезжал к дому, — мне все казалось, что меня еще ждет какое-нибудь горе. И вышло напротив: и тетка, и брат здоровы, особенно брат — он даже поправился. И все меня любят, и мои друзья Тульской гимназии, и мои школьники, и даже мои мужики так хорошо притворились, что обрадовались, что я было поверил. Не говоря уж об этой толпе воспоминаний, которые, как и всегда, обхватили меня при возвращении. Занят же я был, во-первых, делами, во-вторых, школой, которую надо было с самого начала поставить на новую, лучшую ногу, в 3-х, меня назначили мировым посредником, и я не почел себя вправе отказать-

ся*. Так что теперь я, после годовой свободы, не без удовольствия чувствую на себе: 1) хозяйственный, 2) школьный, 3) журнальный и 4) посреднический хомуты, которые, не знаю, хорошо или дурно, но усердно и упорно я намерен тянуть, насколько хватит жизни и силы. Так что надевать пятый хомут — брачный, я, надеюсь, и не почувствую необходимости. Москву я в этом отношении проехал благополучно. Прекрасная девушка К.* — слишком оранжерейное растение, слишком воспитана на «безобязательном наслаждении», чтобы не только разделять, но и сочувствовать моим трудам. Она привыкла печь моральные конфетки, а я вожусь с землей, с навозом. Ей это грубо и чуждо, как для меня чужды и ничтожны стали моральные конфетки. А за что вы хотите, чтоб когда-нибудь я для вас стал отрезанный ломоть, это я не знаю. Во-первых, внутренний секретарь мой, кажется, засох или разучился говорить, не имея практики, а во-вторых, потому что мне трудно себе представить приятную жизнь без сознания, что есть вон там в гадком Петербурге, в еще более гадком дворце, существо, кото-

рое, верно, меня любит, которое я люблю, и мне веселей идти, как легче идти через пере-кладинку, когда знаешь, что есть рука, за ко-торую можно ухватиться. Одно я бы желал — более чувствовать, что моя протянутая рука вам так же нужна, как мне ваша. Для этого мне больше и больше и нужно знать вас. И я все узнаю, и все хорошо и еще лучше. И наде-юсь, будет так до тех пор, пока мы не превра-тимся в азот и кислород, как говорят умные люди. Прощайте, целую вашу руку и Лизаве-ты Андреевны*.

Я очень обрадовал тетеньку обещанием вашей матушки заехать к нам. Попросите ее от всех нас, чтобы она нас не огорчила, про-ехавши мимо*. Не знаете ли что про мой жур-нал и нельзя ли попросить через гр. Блудову поторопить?* Борису Алексеевичу* пожмите руку за меня. Я не могу себе представить вас и не видеть его славное лицо. Не забудьте кар-точку его. Что ваше заведение?* Моя школа идет отлично, и, ежели вам интересно, я вам напишу в следующем письме подробно. А главное, что наша поездка в Лубянки?* Теперь мне чем позже летом, тем лучше.

Письмо это было написано, когда я получил ваши два из Москвы*. Грустно, что я не дождался вас в Москве, — но, видно, до Лубянок. Карточки обе прелесть, и я вчера не мог нарадоваться на них*.

До свидания.

143. И. С. Тургеневу

1861 г. Мая 27. Новоселки.

Надеюсь, что ваша совесть вам уже сказала, как вы не правы передо мной, особенно в глазах Фета и его жены*. Поэтому напишите мне такое письмо, которое бы я мог послать Фетам. Ежели же вы находите, что требование мое несправедливо, то известите меня. Я буду ждать в Богуслове*.

Л. Толстой.

144. А. А. Фету

1861 г. *Мая 28. Богослов.*
Я не удержался, распечатал еще письмо от г. Тургенева в ответ на мое*.

Желаю вам всего лучшего в отношении с этим человеком, но я его презираю, что я ему написал, и тем прекратил все сношения, исключая, ежели он захочет, удовлетворения. Несмотря на все мое видимое спокойствие, в душе у меня было неладно; и я чувствовал, что мне нужно было потребовать более положительного извинения от г-на Тургенева, что я и сделал в письме из Новоселок. Вот его ответ, которым я удовлетворился, ответив только, что причины, по которым я извиняю его, не противоположности натур, а такие, которые он сам может понять. Кроме того, по промедлению, я послал другое письмо довольно жесткое* и с вызовом, на которое еще не получил ответа, но ежели и получу, то, не распечатав, возвращу назад*. Итак, вот конец грустной истории, которая ежели перейдет порог вашего дома, то пусть перейдет и с этим дополнением.

145. М. Н. Каткову

1861 г. Июня 29. Ясная Поляна. 29 июня.
Ясная Поляна.

Любезный Михаил Никифорович!

Посылаю вам программу моего журнала и прошу вас ее велеть напечатать и разослать*. То есть поручить это дело кому-нибудь и кому-нибудь прислать мне отчет издержек, по которому я тотчас вышлю деньги. Вы мне, кажется, обещали, и очень меня одолжили, во всяком случае, [прошу] тотчас мне ответить. Разрешение журнала предписано о...* Московскому цензурному комитету, дано 16 мая. О числе оттисков и объявлений я решительно не знаю и опять вас прошу распорядиться как лучше.

Повесть, которую я вам обещал*, до сих пор лежит нетронутою за кучею дел, заваливших меня со дня приезда*, — хозяйство, школы, будущий журнал и мировое посредничество. Теперь я сдал должность кандидату, по болезни*. Пользуясь болезнью, принимаюсь за кабинетные работы. Обещать не люблю положительно, но самому хочется спихнуть с шеи

неоконченную работу, а что печатать негде, кроме в «Русском вестнике», в этом вы сами виноваты. Ежели бы возможно все печатать, что здесь делается моими милыми товарищами мировыми посредниками*, волос бы стал дыбом у всей публики, а [вместе] с тем, благодаря здравому смыслу народа, [дело] идет и в других участках хорошо.

Прощайте, жму вашу руку и ожидаю ответа.

Ваш *Л. Толстой.*

146. А. А. Толстой

1861 г. Августа начало. Ясная Поляна. Ослица Валаама и копна заговорили*. Нет, вы не сердитесь на меня — никогда не сердитесь. Разве не все равно, что я всякий раз, как получаю от вас строчку, томы ответов записываю в своем сердце? Это вы должны знать. Да и зачем вам от меня письма? У вас есть Мальцева, у вас есть Перовский, у вас Вяземская — всё у вас есть. Зачем вам мою каплю в вашем море? Вот я, так другое дело. Я приеду из участка, после толкования крестьянам о том, что не только в кровь

не надо друга друга бить, но не надобно и просто драться, — или о том, что помещикам не следует уже насильно выдавать замуж девиц и т. п., — и получу ваше письмо. Впрочем, не должен и я жаловаться. Есть и у меня поэтическое, прелестное дело, от которого нельзя оторваться, это школа. Вырвавшись из канцелярии и от мужиков, преследующих меня со всех крылец дома, я иду в школу, но так как она переделывается, то классы рядом в саду под яблонями, куда можно пройти только нагнувшись, так все заросло. И там сидит учитель, а кругом школьники, покусывая травки и пощелкивая в липовые и кленовые листья. Учитель учит по моим советам, но все-таки не совсем хорошо, что и дети чувствуют. Они меня больше любят. И мы начинаем беседовать часа 3–4, и никому не скучно. Нельзя рассказать, что это за дети — надо их видеть. Из нашего милого сословия детей я ничего подобного не видал. Подумайте только, что в [продолжение] двух лет, при совершенном отсутствии дисциплины ни один и ни одна не была наказана. Никогда лени, грубости, глупой шутки, неприличного слова. Дом школы

теперь почти отделан. Три большие комнаты — одна розовая, две голубые заняты школой. В самой комнате, кроме того, музей. По полкам, кругом стен разложены камни, бабочки, скелеты, травы, цветы, физические инструменты и т. д. По воскресениям музей открывается для всех, и немец из Иены* (который вышел славный юноша) делает эксперименты. Раз в неделю класс ботаники, и мы все ходим в лес за цветами, травами и грибами. Пения четыре класса в неделю. Рисования шесть (опять немец), и очень хорошо. Землемерство идет так хорошо, что мальчиков уже приглашают мужики. Учителей всех, кроме меня, три*. И еще священник два раза в неделю. А вы всё думаете, что я безбожник. И я еще учу священника, как учить. Мы вот как учим: петров день — мы рассказываем историю Петра и Павла и всю службу. Потом умер Феофан на деревне — мы рассказываем, что такое соборование и т. д. И так, без видимой связи, проходим все таинства, литургию и все ново— и ветхозаветные праздники. Классы положены с 8-ми до 12-ти часов и с 3-х до 6-ти, но всегда идут до двух, потому что нельзя вы-

гнать детей из школы — просят еще. Вечером же часто больше половины останется ночевать в саду, в шалаше. За обедом и ужином и после ужина мы — учителя — совещаемся. По субботам же читаем друг другу наши заметки и приготавливаем к будущей неделе.

Журнал я думаю начать в сентябре. Посредничество интересно и увлекательно, но нехорошо то, что все дворянство возненавидело меня всеми силами души и суют мне *des bâtons dans les roues** со всех сторон.

Прощайте, дорогой друг, — пишите, пишите мне, а я всегда буду неаккуратен.

Л. Толстой.

147. И. С. Тургеневу

1861 г. Октября 8. Ясная Поляна.
Милостивый государь,

Вы называете в письме своем мой поступок *бесчестным*, кроме того, вы лично сказали мне, что вы «дадите мне в рожу», а я прошу у вас извинения, признаю себя виноватым — и от вызова отказываюсь*.

Гр. Л. Толстой.

8 октября 1861.

Ясная Поляна.

148. Б. Н. Чичерину

1861 г. Октября 28. Ясная Поляна.
Дело, о котором я прошу тебя, первой важности для меня. Я желаю это внушить тебе прежде объяснения самого дела; для того, чтобы ежели только ты расположен что-нибудь сделать для меня и для общей пользы, употребил бы все, [что] от тебя зависит, для того чтобы исполнить мою просьбу.

В участке, где я посредником, весьма быстро приняли устав для школ, предложенный

мною*. Устав основан на откупе, на который я беру школы, и на плате 50 к. в месяц с ученика без различия волости, сословия и уезда. Три школы открыты*, потому что у меня были 3 образованных и честных человека, из которых двух я привез из Москвы. Еще школ 10 должны быть открыты. 3 уже готовы, и мне нечем заместить их. Положение учителей следующее: я отвечаю за minimum 150 р. серебром жалования, ежели же учитель хочет взять содержание школы на себя, тогда условия выгоднее, это зависит от него. Тем более, что успех зависит от него, и самый успех, популярность, может быть порядочное вознаграждение, потому что в каждом округе, где бывает до 30 учеников, может быть 50 и более, что составит 25 руб. в месяц. Притом могут быть еще другие выгодные условия. Вчера я поместил учителя, который будет жить на всем готовом, получать за кондицию 100 р. и 220 от школы. Кроме того, по воскресеньям все учителя собираются в Ясную Поляну для совещания по общему делу школ и журнала*. Само собой разумеется, что почти все журналы и библиотека моя к их услугам. Главное

же — ежели ты пробежал мою программу, деятельность всякого учителя, порядочного человека, даст непременно материал для статей в журнале «Ясная Поляна». А статьи дают минимум 50 р. за лист. Ради бога, ради бога, похлопочи об этом, поговори сам, ежели знаешь таких, сообщи Рачинским и Дмитриеву*, которые мне обещались. Совершенств не бывает, и я не требователен. Полуобразованный студент 2–3 курса, не годяй, вот все, что я желаю. Я знаю, что из 10 выйдет 2 дельных, но для этого начать с 10. Ежели не будет студентов, я точно так же должен буду на риск брать из семинаристов, и тогда риск будет в 10 раз больше. Ежели найдутся такие, то посылай их ко мне*. Проезд стоит 10 р. Я плачу за него. А ты дай эти деньги; ежели у тебя нет, то напиши, я вышлю. Душа моя, пожалуйста, пожелай это сделать, и я уверен, что ты успеешь.

О Тургеневе <...>* что мне от ду[ши жалко?] его и что я все возможное сделал, чтобы его успокоить. *Драться* же с кем-нибудь, и особенно с ним, через год, за 2000 верст столько же для меня возможно, как, нарядившись ди-

ким, плясать на Тверской улице. Прощай, обнимаю тебя и жду ответа. Что студенческие* и Михайловская история?* Хоть вкратце напиши последние факты. Я ничего не знаю, а тульским слухам не верю.

Л. Толстой.

28 октября.

Пожалуйста, сообщи мою просьбу Рачинскому <...>* и Дмитриеву.

Гр. Л. Толстой.

149. Б. Н. Чичерину

1861 г. Ноября 16-20? Ясная Поляна.
Очень тебе благодарен, любезный друг, за студентов. Еще они не приезжали, но я уверен, что из 3-х, тобой рекомендованных, 2 будут хороши*. Посылаю тебе 30 р., которые ты им дал. О твоей 1-й лекции скажу, что она — отличная лекция;* о статьях же против Костомарова*, откровенно скажу, что мало того, что я не согласен с ними — они мне не нравятся. В них есть консерватизм во что бы то ни стало, очевидно вызванный крайностями. Вам, живущим в середине движения, надо оберегаться этого увлечения —

хвастовства своей независимостью. Причины же несогласия моего с тобой я не могу высказать в письме, но ты их найдешь в 1-м № «Ясной Поляны»*. Коротко сказать, по-моему, ни перестраивать университет, ни оставлять его таким, как есть, нельзя, не спросившись у всей иерархии образования (не административной внешней, а сложившейся само собою в народе), а главное, у низшей ступени и потому у краеугольного камня этой иерархии — народной школы. Поэтому вопрос для меня только в том, соответствует ли университет этой низшей ступени, или нет? Я отвечаю: нет. Другой вопрос: указывает ли теперь народная школа, каковы должны быть университеты? — Нет. — И потому изменение или оставление их в том же виде для меня и для народа совершенно лишено интереса и значения. Впрочем, мы успеем еще поспорить об этом, ежели только моя статья покажется тебе стоящей того. Возражай самым жесточайшим образом, и я с радостью помещу твои возражения в «Ясной Поляне». Прощай, жму тебе руку и кланяюсь всем нашим общим знакомым. Ежели еще попадутся студенты —

посылай, мне еще нужно трех.

Гр. Л. Толстой.

150. А. А. Фету

1861 г. Декабрь*. Москва.

Тургенев — подлец, которого надобно бить, что я прошу вас передать ему так же аккуратно, как вы передаете мне его милые изречения, несмотря на мои неоднократные просьбы о нем не говорить.

Гр. Л. Толстой.

И прошу вас не писать ко мне больше, ибо я ваших, так же как и Тургенева, писем распечатывать не буду.

1862

151. В. П. Боткину

1862 г. Января 26. Москва.

Вы на клочке пишете, и я на клочке, но вы как будто с злобой на меня, а я с всегдашней симпатией. Оно правда — выходит, как будто я отжиливаю у вас 600 франков, но я тут ни душой, ни телом не виноват. Получил я ваше письмо* в то время, как наверное думал, что умру*. Это у меня было все нынешнее ужасное, тяжелое лето. Я ничего не делал, никому не писал; оттого и на ваше письмо ответил только письмом к сестре и к банкиру марсельскому, которого теперь забыл и адрес*. Я думал, что деньги ваши получены, а оказывается, что банкир их украл. На этой неделе вышлю вам эти несчастные 600 франков.

Я издаю теперь 1-ю книжку своего журнала и в страшных хлопотах*. Описать вам, до какой степени я люблю и знаю свое дело, невозможно — да и рассказать бы я не мог.

Надеюсь, что в литературе на меня поднимется гвалт страшный, и надеюсь, что вследствие такого гвалта не перестану думать и чувствовать то же самое. У нас жизнь кипит. В Петербурге, Москве и Туле выборы, что твой парламент;* но меня с моей точки зрения — признаю — все это интересует очень мало. Покуда не будет большого равенства образования — не бывать и лучшему государственному устройству. Я смотрю из своей берлоги и думаю — ну-ка, кто кого! А кто кого, в сущности, совершенно все равно. Я попал в мировые посредники совершенно неожиданно и, несмотря на то, что вел дело самым хладнокровным и совестливым образом, заслужил страшное негодование дворян. Меня и бить хотят и под суд подвести, но ни то, ни другое не удастся*. Я жду только того, чтобы они поутомонились, и тогда сам выйду в отставку*. Существенное для меня сделано. В моем участке на 9000 душ в нынешнюю осень возникли 21 школа — и возникли совершенно свободно, устоят, несмотря ни на какие превратности. Прощайте, жму вашу руку и прошу на меня не сердать. Денег я вам сейчас не высылаю, потому

что у меня их нет, но, как сказано, вышлю на этой неделе. Напишите, пожалуйста, как адрес того марсельского банкира и какие он представил отговорки.

Напишите вообще о себе, о вашем здоровье я знаю от Фета, который, перестав быть поэтом, не перестал быть отличнейшим человеком и огромно умным. Приедешь в Москву, думаешь, отстал — Катков, Лонгинов, Чичерин вам все расскажут новое; а они знают одни новости и тупы так же, как и год и два тому назад, многие тупеют, а Фет сидит, пашет и живет и загнет такую штуку, что прелесть.

Об общих наших знакомых не могу сказать, я от всего так отстал, прилепившись к своему делу, что другое и на ум нейдет. Зубы у меня все повываливаются, а жениться я все не женился, да, должно быть, так и останусь бобылем. Бобыльство уже мне не страшно. Что-то вы поделываете и когда вас увидишь в России? потому что меня уже за границей не увидите.

26 января.

152. Н. Г. Чернышевскому

1862 г. Февраля 6. Москва.

Милостивый государь Николай Гаврилович! Вчера вышел первый номер моего журнала*. Я вас очень прошу внимательно прочесть его и сказать о нем искренно и серьезно ваше мнение в «Современнике»*. Я имел несчастье писать повести, и публика, не читая, будет говорить: «Да... «Детство» очень мило, но журнал?..»

А журнал и все дело составляют для меня все.

Ответьте мне в Тулу*.

Л. Толстой.

6 февраля.

153. А. А. Толстой

1862 г. *Февраля 22. Ясная Поляна.*
Благодарствуйте за ваше письмо* — писать мне некогда, а пожалуйста, сделайте одно: достаньте «Записки из Мертвого дома» и прочтите их*. *Это нужно.*

Целую ваши руки — прощайте.

Л. Толстой.

23 февраля.

154. М. Н. Каткову

1862 г. *Апреля 11. Ясная Поляна.* 11 апреля.
ля.

Милостивый государь Михаил Никифорович!

Я принялся только на днях за свой запро-
данный роман* и не мог начать раньше. На-
пишите мне, пожалуйста, когда вы желаете
иметь его*. Для меня самое удобное время —
ноябрь, но я могу и гораздо раньше. Ежели
вам это неудобно, напишите прямо, я вам воз-
вращу деньги (я теперь в состоянии это сде-
лать) и все-таки отдам роман только в «Рус-

ский вестник». Ежели бы и вовсе раздумали, то я с удовольствием бы и вовсе отказался. Пожалуйста, напишите мне обстоятельно и совершенно *откровенно*. Я, главное, желаю сделать так, чтобы вы были довольны. Журнал мой совсем не идет, и до сих пор о нем не было ни одного слова в литературе*. Такими [замалчиваниями] не бывает встречена ни одна поваренная книга. Должно быть, вопросы о централизации и децентрализации и о народности в науке* и о фельетоне Безрылова* важны. Материалов у меня, особенно на отдел книжки, готово на 3 №-а вперед, и я вообще предан этому делу больше, чем прежде его начала. Ожидаю ответа.

Ваш *Л. Толстой*.

155. П. А. Плетневу

1862 г. *Мая 1. Ясная Поляна.*
Ради бога простите меня, многоуважаемый Петр Александрович, что еще не отвечал вам*. Я тем более виноват, что мне редко удастся получать письма столь приятные, как ваши. Ваше высказываемое сочувствие мне очень дорого. А «Робинзона» вы похвалили самым лестным для меня образом*.

Тургеневский роман меня очень занимал и понравился мне гораздо меньше, чем я ожидал. Главный упрек, который я ему делаю — он холоден, холоден, что не годится для тургеневского дарованья. Все умно, все тонко, все художественно, я соглашусь с вами, многое назидательно и справедливо, но нет ни одной страницы, которая бы была написана одним почерком с замираньем сердца, и потому нет ни одной страницы, которая бы брала за душу. Я очень жалею, что не согласен с вами и Ф. И. Тютчевым*, но не согласен. Между прочим, во избежание недоразумений считаю нужным вам сообщить, что между мной и г-ном Тургеневым прерваны

всякие личные сношения.

Душевно кланяюсь вашей супруге и благодарю за ее обо мне память. Желал бы, чтобы вашему молодому человеку* понравились повести 4-й книжки «Ложкой кормит, а стеблем глаз колет»* так же, как «Робинзон». Критика его очень мне дорога — ежели он по отцу пошел.

Истинно уважающий вас

Л. Толстой.

1 мая.

156. А. А. Толстой

1862 г. *Июля 22-23? Москва.*

Я получил ваше письмо*, дорогой друг, перед отъездом из Самары и решил отвечать из Москвы. Благодарствуйте за вашу любовь; я совсем не так болен, даже совсем не болен. А бедный Кутлер!* Я видел его, и мне кажется, что он уж мертвый. Говорят, однако, что ему лучше. Какие это опасения вы имели на мой счет?* Это меня интриговало все время, и только теперь, получив известия из Ясной Поляны, я все понял. Хороши ваши друзья! Ведь все Потаповы, Долгорукие и Аракче-

евы* и равелины* — это все ваши друзья. Мне пишут из Ясной: 7-го июля приехали 3 тройки с жандармами, не велели никому выходить; должно быть, и тетеньке, и стали обыскивать*. Что они искали — до сих пор неизвестно. Какой-то из ваших друзей, грязный полковник, перечитал все мои письма и дневники, которые я только перед смертью думал поручить тому другу, который будет мне тогда ближе всех; перечитал две переписки, за тайну которых я бы отдал все на свете, — и уехал, объявив, что он *подозрительного* ничего не нашел. Счастье мое и этого вашего друга, что меня тут не было, — я бы его убил! Мило! славно! Вот как делает себе друзей правительство. Ежели вы меня помните с моей политической стороны, то вы знаете, что всегда и особенно со времени моей любви к школе я был совершенно равнодушен к правительству и еще более равнодушен к теперешним либералам, которых я презираю от души.

Теперь я не могу сказать этого, я имею злобу и отвращение, почти ненависть к тому милостивому правительству, которое обыскивает у меня литографские и типографские станки

для перепечатывания прокламаций Герцена, которые я презираю, которые я не имею терпения дочесть от скуки*. [...]

И вдруг меня обыскивают с студентами, все равно, ежели бы вас стали обыскивать в убитом ребенке. Право, это не так еще оскорбительно. Ежели они знают и заботятся о моем существовании, то им бы можно узнать лучше. Милые ваши друзья! Я еще не видал тетеньки, но воображаю ее. Как-то я писал вам о том, что нельзя искать тихого убежища в жизни, а надо трудиться, работать, страдать. Это все можно, но ежели бы можно было уйти куда-нибудь от этих разбойников с вымытыми душистым мылом щеками и руками, которые приветливо улыбаются. Я, право, уйду, коли еще поживу долго, в монастырь, не богу молиться — это не нужно, по-моему, а не видать всю мерзость житейского разврата — напыщенного, самодовольного и в эполетах и кринолинах. Тьфу! Как вы, отличный человек, живете в Петербурге? Этого я никогда не пойму, или у вас уж катаракты на глазах, что вы не видите ничего.

Л. Толстой.

157. С. Н. Толстому

1862 г. *Августа 6. Ясная Поляна.*
Я приехал недели две после твоего отъезда*. Маша же выехала из Вех в тот самый день, как ты выехал из Тулы. Она пробудет здесь до 17 августа. Кумыс чудес не делает, как и всякое лечение, но кашель мой прошел. Главное событие, случившееся у нас во время твоего отсутствия, это посещение Ясной Поляны жандармами. Это было без меня при Маше. Нарочно присланный из Петербурга полковник жандармский Дурново с исправником, становым и каким-то частным приставом подкатили с колоколами на 3-х тройках. Все студенты были в Ясной: их арестовали во флигеле и стали обыскивать, потом пошли в мой кабинет, где жила Маша, перерыли там все, лазили в фотографию, в судно, в подвал, поднимали камни, ездили в Крыльцово и в Колпну, ездили в Никольское, все перерыли и, разумеется, ничего не нашли. Искали, главное, типографию, в которой я должен печатать воззвание. Должно быть, какой-нибудь Михаловский* так удружил мне

доносом. Я еще ничего не предпринял по этому случаю, но намерен написать письмо государю. Студенты, Машенька и тетенька перепугались страшно и прятали разные письма, которые не нужно было и нечего было прятать. Жандарм объявил, что ничего не нашел подозрительного; но ежели можно нагрять в дом, то завтра можно нагрять и сковать меня и тетеньку без всякой причины. Когда я узнал про все это по письму в Москве, мне это было только смешно, как и тебе, может быть, покажется, но чем дальше проходит времени, тем больше это злит и мучает. Остальное у нас все по-старому — тетенька, студенты, коростовое хозяйство и т. д. Школы не начинались. Журнал отстал на 2 месяца почти, но идет и подписка и хорошее о нем мнение. У тебя, сколько я могу судить по письму Мещерского* и словам Михея*, все идет — то есть ничего особенно, следовательно дурного, не случилось.

Машенька, на мой взгляд, действительно переменилась много к лучшему, стала спокойнее, проще, доверчивее. Нынче был управляющий, молодой немец, который мне

очень понравился, я попросил его подождать тебя две недели, как ты хочешь приехать. Мне, однако, по правде сказать, не хотелось бы, чтобы ты приезжал так скоро. Мне все кажется, что тебе бы хорошо было пожить подольше вне милого отечества, которое на тебя нехорошо действует. В Туле у тебя ничего особенного нет, по слухам, я сам не был. Петерсон ездит. Машенька без меня была у Маши и привозила с собой Гришу*, от него все наши пришли в радость, а Наталья Петровна* внушила ему, чтобы он целовал ручки и чувствовал. Видел я в Казани Владимира Ивановича* — точно такой же, как был. Ну да об этом все расскажу на словах. Деньги посылаются с сею же почтою 500 р. Ежели прошла неделя 6 дней с получения твоего письма, то, право, нельзя было иначе. От Михея только 300 р., остальные Машенькины. Михей еще не получал за землю. Прощай, Машенька и тетенька тебя целуют. Письма и ведомость Мещерского посылаю, Михей приедет завтра, и я велю ему написать.

Л. Толстой.

6 августа.

158. С. А. Рачинскому

1862 г. Августа 7. Ясная Поляна.

Письмо ваше, любезнейший Сергей Александрович, одно из тех, которые я считаю наградой за свою неблагодарную (в смысле сочувствия публики) деятельность. Я и не рассчитываю на эти награды, но тем приятнее их получать. Вы прочли, поняли и кое с чем согласны*, большинство же говорит: «Это какой Толстой? не Алексей?» не обер-прокурор? Ах да, «Детство». Он мило пишет», — и успокоиваются. Стою я на днях пошлю свои книжки*. Я его самого не знаю; но знаю его заведение, и все-таки оно самое интересное и, главное, единственное почти живое заведение из всех немецких школ. Остальные, вы знаете, как мертвы, совсем мертвы.

Что бы вы или ваша сестра* написали мне в «Ясную Поляну» о жизни и развитии вашей школы*. Оттенок школы под женской рукой очень интересен; особенно в вашем семействе. Учителя в школах все студенты*. Все бывшие семинаристы (их было у меня шесть) не выдерживают больше года, запивают или

зафранчиваются. Главное условие, по-моему необходимое для сельского учителя, это уважение к той среде, из которой его ученики, другое условие — сознание всей важности ответственности, которую берет на себя воспитатель. Ни того, ни другого не найдешь вне нашего образования (университетского и т. п.). Как ни много недостатков в этом образовании, это выкупает их; ежели же этого нет, то уж лучше всего учитель мужик, дьячок и т. п., тот так тождествен в взгляде на жизнь, в верованиях, привычках с детьми, с которыми имеет дело, что он невольно не воспитывает, а только учит. Или учитель совершенно свободный и уважающий свободу другого, или машина, посредством которой выучивают, чему там нужно. У меня 11 студентов, и все отличные учителя. Разумеется, наши совещания и журнал содействуют этому, но, право, сколько я ни знал студентов, такая славная молодежь, что во всех студенческих историях обвиняешь невольно не их. Разумеется, все зависит от направления. Дать известное направление, навести на более серьезный взгляд — есть цель моего журнала.

На днях были у нас школьные сельские учителя, студенты не нашего кружка, и эти господа уверяли, что Библия есть сброд нелепостей, которые не нужно передавать ученикам, и что цель школы есть уничтожение суеверий. Меня не было, но все наши спорили против них. Вы говорите, — не студентов. А я советую вам студентов, только с руководителем. Студенты, на мой взгляд, не имеют и не могут иметь направлений; они только люди, способные принять направление. Я рекомендовать не могу, я бы сам взял и поместил еще 10 студентов, которых ищу. Советую взять студента, и вы увидите, как вся quasi-либеральная дребедень, яко воск от лица огня, растает от прикосновения с народом.

Душевно кланяюсь всем вашим и жму вашу руку.

Л. Толстой.

7 августа.

Я переврал ваше отчество, кажется, извините и поправьте*. Как ваше здоровье?

159. А. А. Толстой

1862 г. *Августа 7. Ясная Поляна.*
Я вам писал из Москвы;* я знал все только по письму; теперь, чем дольше я в Ясной, тем больней и больней становится нанесенное оскорбление и невыносимее становится вся испорченная жизнь. Я пишу это письмо обдуманно, стараясь ничего не забыть и ничего не прибавить, с тем, чтобы вы показали его разным разбойникам Потаповым и Долгоруким, которые умышленно сеют ненависть против правительства и роняют государя во мнении его подданных. Дела этого оставить я никак не хочу и *не могу*. Вся моя деятельность, в которой я нашел счастье и успокоенье, испорчена. Тетенька больна так, что не встанет. Народ смотрит на меня уж не как на честного человека, мнение, которое я заслужил годами, а как на преступника, поджигателя или делателя фальшивой монеты, который только по плутоватости увернулся. «Что, брат? попался! будет тебе толковать нам об честности, справедливости; самого чуть не заковали». О помещиках, что и гово-

рить, это стон восторга. Напишите мне, пожалуйста, поскорее, посоветовавшись с Перовским или А. Толстым*, или с кем хотите, как мне написать и как передать письмо государю? Выхода мне нет другого, как получить такое же гласное удовлетворение, как и оскорбление (поправить дело уже невозможно), или экспатриироваться, на что я твердо решился. К Герцену я не поеду. Герцен сам по себе, я сам по себе. Я и прятаться не стану, я громко объявлю, что продаю имения, чтобы уехать из России, где нельзя знать минутой вперед, что меня, и сестру, и жену, и мать не скуют и не высекут, — я уеду.

Но вот в чем дело и смешно, и гадко, и зло берет. Вы знаете, что такое была для меня школа, с тех пор, как я открыл ее, это была вся моя жизнь, это был мой монастырь, церковь, в которую я спасался и спасся от всех тревог, сомнений и искушений жизни. Я оторвался от нее для больного брата и, еще более усталый и ищущий труда и любви, вернулся домой и неожиданно получил назначение в посредники. У меня был журнал, была школа, я не посмел отказаться перед своей совестью

и ввиду того ужасного, грубого и жестокого дворянства, которое обещалось меня съесть, ежели я пойду в посредники. Вопли против моего посредничества дошли и до вас*, но я просил два раза суда, и оба раза суд объявил, что я не только прав, но что и судить не в чем;* но не только перед их судом, перед своей совестью я знаю, особенно последнее время, что я смягчал, слишком смягчал закон в пользу дворян. В этот же год начались школы в участке. Я выписал студентов и, кроме всех других занятий, возился с ними. Все из 12-ти, кроме одного, оказались отличными людьми; я был так счастлив, что все согласились со мной, подчинились, не столько моему влиянию, сколько влиянию среды и деятельности. Каждый приезжал с рукописями Герцена в чемодане и революционными мыслями в голове и *каждый*, без исключения, через неделю сжигал свои рукописи, выбрасывал из головы революционные мысли и учил крестьянских детей священной истории, молитвам, и раздавал Евангелия читать на дом. Это факты, все 11 человек делали это без исключения и не по предписанию, а по убеждению.

Я голову даю на отсечение, что во всей России в 1862 году не найдется такого 12-го студента.

Все это шло год — посредничество, школы, журнал, студенты и их школы, кроме домашних и семейных дел. И все это шло не только хорошо, но отлично. Я часто удивлялся себе, своему счастью и благодарил бога за то, что нашлось мне дело тихое, неслышное и поглощающее меня всего. К весне я ослабел, доктор велел мне ехать на кумыс. Я вышел в отставку и только желал удержать силы на продолжение дела школ и их отраженья — журнала. Студенты все время [моего] отсутствия вели себя так же хорошо, как и при мне; на рабочую пору они закрыли школы и жили в Ясной с тетенькой. Сестра приехала из-за границы повидаться с нами и поместилась в моем кабинете. Меня ждали с дня на день. 6-го июля с колокольчиками и вооруженными жандармами подсаkali три тройки к Ясенскому дому. Судьи и властелины мои, от которых зависела моя судьба и судьба 75-летней тетеньки и сестры и 10 молодых людей, состояли из какого-то жандармского полковника Дурново, крапивенского исправника, стано-

вого и частного пристава — Кобеляцкого, выгнанного из какой-то службы за то, что он был бит по лицу, и занимающего в Туле должность губернаторского Меркурия. Этот самый господин прочел все те письма, которые читал только я и та, которая их писала*, и мой дневник, который никто не читал. Они подъехали и тотчас же арестовали всех студентов. Тетенька выскочила мне навстречу — она думала, что это я, и с ней сделалась та болезнь, от которой она и теперь страдает. Студентов обыскали везде и ничего не нашли. Ежели бы могло быть что-нибудь забавно, то забавно то, что студенты тут же, в глазах жандармов, прятали в крапиву и жгли те невинные бумаги, которые им казались опасны. Все кажется опасным, когда вас наказывают без суда и без возможности оправдания. Так что ежели бы и было что-нибудь опасного, вредного, то все бы могло быть спрятано и уничтожено. Так что вся поездка в наших глазах не имеет другой цели, кроме оскорбления и показания того, что дамоклов меч произвола, насилия и несправедливости всегда висит над каждым. Частный пристав и жандарм не преминули

дать почувствовать это всем в доме: они делали поучения, угрожали тем, что возьмут, требовали себе есть и лошадям корму без платы. Вооруженные жандармы ходили, кричали, ругались под окнами сестры, как в завоеванном крае. Студентам не позволяли перейти из одного дома в другой, чтоб пить чай и обедать. Ходили в подвалы, в ватерклозет, в фотографию, в кладовые, в школы, в физический кабинет, требовали все ключи, хотели ломать и не показали никакой бумаги, на основании которой это делалось. Всего этого мало — пошли в мой кабинет, который был в то время спальней сестры, и перерыли все; частный пристав прочел все, что мне писано и что я писал с 16 лет. Не знаю, в какой степени он нашел все это интересным, но он *позволил* сестре выйти в гостиную и *позволил* ей лечь спать, когда пришел вечер, и то только после того, как его об этом попросили. Тут тоже происходили те же глупые, возмутительные сцены. Они читали и откладывали подозрительные письма и бумаги, а сестра и тетенька, вне себя от испуга, старались прятать самые невинные бумаги. Частному приставу показа-

лось подозрительным письмо *старого князя Дундукова-Корсакова**, и секретарь мой утащил это письмо из фуражки, куда оно было отложено. Разумеется, и тут ничего не найдено. Я уверен, что подозрительнее всего показалось то, что нет ничего запрещенного. Я твердо уверен, что ни один петербургский дворец в 1/100 долю не оказался бы так невинен при обыске, как невинна оказалась Ясная Поляна. Мало этого, они поехали в другую мою, черненую деревню, почитали бумаги покойного брата, которые я, как святыню, беру в руки, и уехали, *совершенно* успокоив нас, что подозрительного ничего не нашли, и прочитав всем поученья и потребовав себе обедать.

Я часто говорю себе, какое огромное счастье, что меня не было. Ежели бы я был, то, верно бы, уже судился, как убийца.

Теперь представьте себе слухи, которые стали ходить после этого по уезду и губернии между мужиками и дворянами. Тетенька с этого дня стала хворать все хуже и хуже. Когда я приехал, она расплакалась и упала; она почти не может стоять теперь. Слухи были такие положительные, что я в крепости или

бежал за границу, что люди, знавшие меня, знавшие, что я презираю всякие тайные дела, заговоры, бегства и т. п., начинали верить.

Теперь уехали, позволили нам ходить из дома в дом, однако у студентов отобрали билеты и не выдают; но жизнь наша, и в особенности моя с тетенькой, совсем испорчена. Школы не будет, народ посмеивается, дворяне торжествуют, а мы волей-неволей, при каждом колокольчике, думаем, что едут вести куда-нибудь. У меня в комнате заряжены пистолеты, и я жду минуты, когда все это разрешится чем-нибудь. Г-н жандарм постарался успокоить нас, что ежели что спрятано, то мы должны знать, что завтра, может быть, он опять явится нашим судьей и властелином вместе с частным приставом. Одно — ежели это делается без ведома государя, то надобно воевать и из последних сил биться против такого порядка вещей. Так жить невозможно. Ежели же все это так должно быть и государю представлено, что без этого нельзя, то надо уйти туда, где можно знать, что, ежели я не преступник, я могу прямо носить голову, или стараться разуверить государя, что без этого

невозможно.

Простите, пожалуйста, может быть, я компрометирую вас этими письмами, но я надеюсь, что ваша дружба сильнее таких соображений и что вы, во всяком случае, скажете мне прямо ваше мнение обо всем этом и совет. Ежели вы со мной несогласны, может быть, я убежусь вашими доводами, а то, по крайней мере, оставлю вас в покое.

Прощайте, жму вашу руку и кланяюсь всем вашим, которые, признаюсь, мне все представляются в каком-то нехорошем свете; мне кажется, вы все виноваты.

Л. Толстой.

7 августа.

Ясная Поляна.

160. Александру II

1862 г. *Августа 22. Москва.*
Ваше величество!

6-го июля жандармский штаб-офицер в сопровождении земских властей приехал во время моего отсутствия в мое имение. В доме моем жили во время вакации мои гости, студенты, сельские учителя мирового участка, которым я управлял, моя тетка и сестра моя. Жандармский офицер объявил учителям, что они арестованы, потребовал их вещи и бумаги. Обыск продолжался два дня; обысканы были: школа, подвалы и кладовые. Ничего подозрительного, по словам жандармского офицера, не было найдено.

Кроме оскорбления, нанесенного моим гостям, найдено было нужным нанести то же оскорбление мне, моей тетке и моей сестре. Жандармский офицер пошел обыскивать мой кабинет, в то время спальню моей сестры. На вопрос о том, на каком основании он поступает таким образом, жандармский офицер объявил словесно, что он действует по высочайшему повелению. Присутствие сопровождав-

ших жандармских солдат и чиновников подтверждали его слова. Чиновники явились в спальню сестры, не оставили ни одной переписки, ни одного дневника непрочитанным и, уезжая, объявили моим гостям и семейству, что они свободны и что ничего подозрительного не было найдено. Следовательно, они были и наши судьи и от них зависело обвинить нас подозрительными и несвободными. Жандармский офицер прибавил, однако, что отъезд его еще не должен окончательно успокаивать нас, он сказал: каждый день мы можем опять приехать.

Я считаю недостойным уверять ваше величество в незаслуженности нанесенного мне оскорбления. Все мое прошедшее, мои связи, моя открытая для всех деятельность по службе и народному образованию и, наконец, журнал, в котором выражены все мои душевные убеждения, могли бы без употребления мер, разрушающих счастье и спокойствие людей, доказать каждому интересующемуся мною, что я не мог быть заговорщиком, составителем прокламаций, убийцей или поджигателем. Кроме оскорбления, подозрения в

преступлении, кроме посрамления во мнении общества и того чувства вечной угрозы, под которой я принужден жить и действовать, посещение это совсем уронило меня во мнении народа, которым я дорожил, которого заслуживал годами и которое мне было необходимо по избранной мною деятельности — основанию народных школ.

По свойственному человеку чувству, я ищу, кого бы обвинить во всем случившемся со мною. Себя я не могу обвинять: я чувствую себя более правым, чем когда бы то ни было; ложного доносчика я не знаю; чиновников, судивших и оскорблявших меня, я тоже не могу обвинять: они повторяли несколько раз, что это делается не по их воле, а по высочайшему повелению.

Для того чтобы быть всегда столь же правым в отношении моего правительства и особы вашего величества, я не могу и не хочу этому верить. Я думаю, что не может быть волею вашего величества, чтобы безвинные были наказываемы и чтобы правые постоянно жили под страхом оскорбления и наказания.

Для того, чтобы знать, кого упрекать во

всем случившемся со мною, я решаюсь обратиться прямо к вашему величеству*. Я прошу только о том, чтобы с имени вашего величества была снята возможность укоризны в несправедливости и чтобы были, ежели не наказаны, то обличены виновные в злоупотреблении этого имени*.

Вашего величества верноподданный
граф Лев Толстой.

22 августа 1862 г.

Москва.

161. А. А. Толстой

1862 г. *Сентября 7. Москва.*
Милый друг Alexandrine.

Какой я счастливый человек, что у меня есть такие друзья, как вы! Ваше письмо* так обрадовало и утешило меня! А на меня все несчастья в последнее время: жандармы, цензура такая на мой журнал, что завтра только я выпускаю июнь и без моей статьи, которая послана зачем-то в Петербург*, и 3-е главное несчастье или счастье, как хотите, судите. Я, старый беззубый дурак, влюбился. Да. Я написал это слово и не знаю, правду ли я сказал и

так ли я сказал. Не следовало бы этого писать, но вам мне хочется объяснить, почему я ко всему тому, что со мной было, не то, что равнодушен, — но далек от всего, — как будто с тех пор прошло уж много, много времени. Не следовало же вам писать, потому что, должно быть, на днях я так или иначе выйду из того запутанного, тяжелого и вместе с тем счастливого положения, в котором я нахожусь. Вы сами знаете, что это бывает всегда не так, как пишется и рассказывается, всегда так сложно, запутанно, так много такого, чего рассказать нельзя. Когда-нибудь с радостью или с грустью воспоминанья расскажу вам все. Однако боишься, как бы не быть виноватым перед собою. И правил никаких нет и быть не может, а есть одно чувство; и его-то и боишься.

Письмо я подал здесь государю через флигель-адъютанта, кажется, Шереметева. Я просил позаботиться о участии этого письма Крыжановского. Я нахожусь в положении человека, которому наступили на ногу и который не может выгнать от себя впечатления умышленного оскорбления и непременно хочет узнать, нарочно ли это сделали или нет, и же-

дает или удовлетворенья, или только чтобы ему сказали: pardon. Я в себе теперь уж замечаю все скверные инстинкты, которые мне так противны бывали в других. Цензура испортит мне статью, на почте пропадет письмо, мужики придут жаловаться, что у них отрезали землю, я не так, как прежде, стараюсь, чтоб [статью] пропускали, чтобы письма не пропадали, чтоб мужикам возвратить землю, а думаю: ну, так и есть, разве может быть у нас что бынибудь другое? черт с ними, надо бежать из такого государства, надо все бросить и т. п. Все это глупо, гадко, есть признак слабости и ничтожества, и я это знаю и теперь больше, чем когда-нибудь, хочу любовно и, главное, спокойно смотреть на все и на всех. Я хотел написать только две строчки в ответ на ваше письмо; а напишу все, когда буду на берегу, на том или на этом.

Прощайте, милый, дорогой друг, дай бог вам того спокойствия, которое я теперь так ясно и всей душой для себя ищу и желаю.

Л. Толстой.

1 сентября.

Отличному Борису Алексеевичу* пожмите

от меня руку и благодарите за участие, которое он во мне принимает.

162. А. А. Толстой

1862 г. *Сентября 17-20? Москва.*
Помните ли, любезный, дорогой друг Alexandrine, вы мне говорили: когда-то вы так же [напишете], как Вл. Иславин написал Катерине Николаевне, что вы любите и женитесь? Теперь я пишу: в воскресенье 23-го сентября я женюсь на Софье Берс, дочери моего друга детства Любочки Исленьевой. Для того, чтобы дать вам понятие о том, что она такое, надо бы было писать томы; я счастлив, как не был с тех пор, как родился. Разумеется, она вас уже знает и любит. Как я буду счастлив еще, когда привезу ее к вам и с замиранием сердца, хотя и с уверенностью, буду наблюдать за впечатлением, которое она произведет на вас*. Пишите мне, пожалуйста, в Ясную. О письме и жандармах я только желаю одного, чтобы меня забыли все, кроме близких друзей. Целую ваши руки.

Ваш *Л. Толстой.*

163. А. А. Толстой

1862 г. *Сентября 28. Ясная Поляна.*
Любезный дорогой друг и бабушка!

Пишу из деревни, пишу и слышу наверху голос *жены*, которая говорит с братом* и которую я люблю больше всего на свете. Я дожил до 34 лет и не знал, что можно так любить и быть так счастливым. Когда буду спокойнее, напишу вам длинное письмо, — не то, что спокойнее — я теперь спокоен и ясен, как никогда не бывал в жизни, но когда буду привычнее. Теперь у меня постоянно чувство, как будто я украл незаслуженное, незаконное, не мне назначенное счастье. Вот она идет, я ее слышу, и так хорошо. Благодарю вас за последнее письмо*. И за что меня любят такие хорошие люди, как вы, и, что всего удивительнее, как такое существо, как моя жена.

Здоровье тетенки все нехорошо. С того испуга* у ней сделалась женская болезнь, и она с трудом может ходить и стоять. Теперь радость как будто подняла и подкрепила ее. Как жаль, что *Лиза** не будет у нас, мы уже так бы-

ло замечтали, и жена начала даже бояться. Ведь вы придворные. Она не понимает еще и описать нельзя, что такое *вы*. Прощайте, целую ваши руки.

Л. Толстой.

28 сентября.

164. Е. Н. Ахматовой

1862 г. Октября 1. Ясная Поляна.
Милостивая государыня Лизавета Николаевна!

С тех пор как я занимаюсь школами и журналом, я не слыхал ни от кого слова сочувствия, которое было бы мне столь приятно и драгоценно, как письмо, полученное от вас* (я получил письмо третьего дня и спешу ответить. Почему оно пролежало так долго — не понимаю). Дорого мне то, что вы просто вследствие того, что любите своего Сережу и непредубежденно ясно смотрите на мир, дошли до совершенно тех же убеждений, до которых дошел я, мне кажется, иным путем.

На вопросы ваши я чувствую себя не в силах отвечать коротко, ясно и убедительно. Скажу только одно, что план ваш сделать из

Сережи архитектора или что бы то ни было я не могу одобрить. Готовить ребенка к чему-нибудь есть один из самых старых и опасных приемов деспотизма. Вы хотите дать ему верный кусок хлеба, а может быть, он готовится для того, чтобы всю жизнь быть нищим великим поэтом или мыслителем.

Другое — в его возрасте (да и всегда) есть только две науки, в пользу которых можно быть твердо уверенным, — это язык или языки, искусство выражать и понимать всякие и во всякой форме мысли, и математика. Я бы, по крайней мере, приохочивал [?] ребенка только к этим двум наукам.

Письмо ваше душевно тронуло меня. Мне кажется, что по этому письму я понял и узнал в вас давнишнего друга. Но письмо это имеет, кроме того, для меня важное значение как подтверждение не логическое, а жизненное, то есть что мысли мои не только справедливы как мысли, но и как жизнь, как чувство. Я бы был очень рад, ежели бы можно было напечатать это письмо, разумеется, выпустив имена и все личное*. Что вы на это скажете? Во всяком случае, я умоляю вас писать мне

больше и подробнее и для печати. Вы не можете сами чувствовать всей важности, которую в моих глазах и в глазах публики имеют ваши слова, вытекающие из источника, совершенно противоположного тому, из которого идет большая часть литературы, — из сердца.

В другой раз буду писать вам подробнее. Около Нового года надеюсь быть в Москве и, может быть, в Петербурге*. Надеюсь, что до того времени мы еще перепишемся.

Искренно уважающий вас *гр. Л. Толстой*.

1 октября.

165. М. П. Погодину

1862 г. Октября 1. Ясная Поляна.
Посылаю вам, многоуважаемый Михаил Петрович, нечаянно завезенную мною сюда вашу статью*. Извините, что не отослал ее в Москве и не заехал поблагодарить вас. Были обстоятельства весьма счастливые для меня*, которые помешали мне это сделать.

Я не забываю вашего обещания о «Сильвестре» в «Ясную Поляну»* и позволяю себе вам напомнить о нем. Пожалуйста. Желаю вам всего лучшего — успеха в вашем труде, здоровья и еще долгой жизни.

Вечер, проведенный у вас*, оставил во мне самые хорошие воспоминания; желал бы, чтоб они были такие же для вас.

Л. Толстой.

1 октября.

166. А. А. Толстой

1862 г. Октября 8. Ясная Поляна.
Мне досадно за это письмо к вам от Сони*, дорогой друг Alexandrine, я чувствую, что ваши прямые отношения будут совсем другие, — а между прочим, должно быть, так надо. Вы понимаете, что я про нее теперь не могу говорить правды — я сам себя боюсь и боюсь недоверия других. Одно — сразу она поражает тем, что она честный человек, именно *честный* и именно *человек*. Вот вы ее увидите, бог даст.

Какое прелестное, дорогое мне ваше письмо;* как оно приходится в тон того счастливого, нового счастливого положения, в котором я живу теперь два месяца. Куда это идет? — не знаю, только с каждым днем мне спокойнее и лучше. Я было уж устал делать счеты с собою, начинать новые жизни (помните), было примирился с своей гадостью, стал себя считать, хоть не положительно, но сравнительно хорошим; теперь же я отрекся от своего прошедшего, как никогда не отрекался, чувствую всю свою мерзость всякую секунду,

примериваясь к ней, к Соне, «но строк печальных не смываю»*. Вот 2 недели и я как будто чувствую себя чистым еще и всякую секунду дрожу за себя: вот-вот спотыкнешься. Так страшно ответственно жить вдвоем. Я вам это все пишу оттого, что я вас всей душой люблю. Это святая правда. Ужасно страшно мне жить теперь, так чувствуешь жизнь, чувствуешь, что всякая секунда жизни вправду, а не такая, как прежде была — так покаместа.

Главный вопрос, интересующий вас во мне, еще не тронут, но я чувствую себя мягким, восприимчивым на все. Пишите мне, пожалуйста, по-старому. Прощайте.

Она читает это письмо и ничего не понимает и не хочет понимать, и не нужно ей понимать; то самое, до чего наш брат доходит целым трудовым болезненным кругом сомнений, страданий, для этих счастливых иначе не может быть.

Ну, вот видите!*

167. М. Н. Каткову

1862 г. *Ноября 28. Ясная Поляна.* 28 нояб-
ря.

Посылаю вам начало повести, любезный Михаил Никифорович. Первая часть* у меня вся готова, и дело только за переписыванием. Первая часть составляет как бы отдельное целое. По моим расчетам она составит листов 7. Чем скорее вы напечатаете, тем для меня лучше. Следующую половину первой части я пришлю в понедельник*. Корректуры я прошу прислать мне. Я, как всегда, чрезвычайно недоволен этой повестью и поправлял и переправлял ее до тех пор, что не чувствую возможность над ней более работать. Другая повесть у меня готова, и я пришлю ее вам тотчас же после этой*. Орфографических ошибок переписчика — бездна. Вы поручите корректору обратить на это внимание. Местных непонятных выражений, к которым нужны выноски, тоже много*. Я бы попросил вас тоже отметить их в корректурах. Мне все так знакомо, что я сам не замечаю. Очень желаю, чтобы вам понравилось, и с нетерпением жду

вашего мнения; но я просил бы вас до печати никому не давать читать ее.

Уважающий и преданный

гр. Л. Толстой.

168. М. Н. Каткову

1862 г. Декабря 8. Ясная Поляна.
8 декабря.

Уважаемый Михаил Никифорович!

Посылаю вам 2-ю половину 1-й части. Я не послал ее в понедельник, потому что увлекся новыми поправками и дополнениями. Она много выиграла от этого замедления. Этой половиной я гораздо менее недоволен, чем первой. Пожалуйста, поскорее отвечайте мне. Когда будет напечатано, пришлите мне корректуры, и как вам нравится? Я буду в Москве перед праздниками и тогда увижусь тотчас же с вами и продержу 2-е корректуры*.

Преданный вам *гр. Л. Толстой.*

Рукопись не чиста, испещрена сносками и орфографическими ошибками, но набирать удобно.

1863

169. Т. А. Берс

1863 г. *Марта 23. Ясная Поляна.*
23 марта. Я.

Вот она начала писать и вдруг перестала, потому что не может*. И знаешь ли отчего, милая Таня? С ней случилось странное, а со мной еще более странное приключение. Ты знаешь сама, что она всегда была, как и все мы, сделана из плоти и крови и пользовалась всеми выгодами и невыгодами такого состояния: она дышала, была тепла, иногда горяча, дышала, сморкалась (еще как громко) и т. д., главное же, владела всеми своими членами, которые, как то руки и ноги, могли принимать различные положения, одним словом, она была телесная, как все мы. Вдруг 21 марта 1863 года в 10 часов пополудни с ней и со мной случилось это необыкновенное событие. Таня! я знаю, что ты всегда ее любила (теперь неизвестно уже, какое она возбудит в тебе чувство), я знаю, что во мне ты принимала

участие, я знаю твою рассудительность, твой верный взгляд на важные дела жизни и твою любовь к родителям (приготовь их и сообщи им), я пишу тебе все, как было.

В этот день я встал рано, много ходил и ездил. Мы вместе обедали, завтракали, читали (она еще могла читать). И я был спокоен и счастлив. В 10 часов я простился с тетенькой (она все была, как всегда, и обещала прийти) и лег один спать. Я слышал, как она отворила дверь, дышала, раздевалась, все сквозь сон... Я услышал, что она выходит из-за ширм и подходит к постеле. Я открыл глаза... и увидел Соню, но не ту Соню, которую мы с тобой знали, ее, Соню — *фарфоровую*!! Из того самого фарфора, о котором спорили твои родители. Знаешь ли ты эти фарфоровые куколки с открытыми холодными плечами, шеей и руками, сложенными спереди, но сделанными из одного куска с телом, с черными выкрашенными волосами, подделанными крупными волнами, и на которых черная краска стерлась на вершинах, и с выпуклыми фарфоровыми глазами, тоже выкрашенными черным на оконечностях и слишком широко, и с склад-

ками рубашки крепкими и фарфоровыми, из одного куска. Точно такая была Соня, я тронул ее за руку, — она была гладкая, приятная на ощупь, и холодная, фарфоровая. Я думал, что я сплю, встряхнулся, но она была все такая же и неподвижно стояла передо мной. Я сказал: ты фарфоровая? Она, не открывая рта (рот как был сложен уголками и вымазан ярким кармином, так и остался), отвечала: «Да, я фарфоровая». У меня пробежал по спине мороз*, я поглядел на ее ноги, они тоже были фарфоровые и стояли (можешь себе представить мой ужас) на фарфоровой, из одного куска с нею, дощечке, изображающей землю и выкрашенной зеленой краской в виде травы. Около ее левой ноги немного выше колена и сзади был фарфоровый столбик, выкрашенный коричневой краской и изображающий, должно быть, пень. И он был из одного куска с нею. Я понял, что без этого столбика она бы не могла держаться, и мне стало так грустно, как ты можешь себе вообразить, — ты, которая любила ее. Я все не верил себе, стал звать ее, она не могла двинуться без столбика и земли и раскачивалась только чуть-чуть со-

всем с землей, чтоб упасть ко мне. Я слышал, как доньшко фарфоровое постукивало об пол. Я стал трогать ее — вся гладкая, приятная и холодная, фарфоровая. Я попробовал поднять ее руку — нельзя. Я попробовал пропустить палец, хоть ноготь, между ее локтем и боком — нельзя. Там была преграда из одной фарфоровой массы, которую делают у Ауэрбаха и из которой делают соусники. Все было сделано только для наружного вида. Я стал рассматривать рубашку, — снизу и сверху все было из одного куска с телом. Я ближе стал смотреть и заметил, что снизу один кусок складки рубашки отбит и видно коричневое. На макушке краска немного сошла и белое стало. Краска с губ слезла в одном месте, и от плеча был отбит кусочек. Но все было так хороша натурально, что это было все та же наша Соня. И рубашка, та, которую я знал, с кружевцем, и черный пучок волос сзади, но фарфоровый, и тонкие милые руки, и глаза большие, и губы — все было похоже, но фарфоровое. И ямочка на подбородке, и косточки перед плечами. Я был в ужасном положении, я не знал, что сказать, что делать, что поду-

мать, а она бы и рада была помочь мне, но что могло сделать фарфоровое существо. Глаза полузакрытые, и ресницы, и брови — все было, как живое издалека. Она не смотрела на меня, а через меня на свою постель; ей, видно, хотелось лечь, и она все раскачивалась. Я совсем потерялся, схватил ее и хотел перенести на постель. Пальцы мои не вдавались в ее холодное фарфоровое тело, и, что еще больше поразило меня, она сделалась легкою, как стекляночка. И вдруг она как будто вся исчезла и сделалась маленькою, меньше моей ладони, и все точно такую же. Я схватил подушку, поставил ее на угол, ударил кулаком в другой угол и положил ее туда, потом я взял ее чепчик ночной, сложил его вчетверо и покрыл ее до головы. Она лежала там все точно такую же. Я потушил свечку и уложил у себя под бородой. Вдруг я услышал ее голос из угла подушки: «Лева, отчего я стала фарфоровая?» Я не знал, что ответить. Она опять сказала: «Это ничего, что я фарфоровая?» Я не хотел огорчить ее и сказал, что ничего. Я опять ощупал ее в темноте, — она была такая же холодная и фарфоровая. И брюшко у ней

было такое же, как у живой, конусом кверху, немножко ненатуральное для фарфоровой куклы. Я испытал странное чувство. Мне вдруг стало приятно, что она такая, и я перестал удивляться, — мне все показалось натурально. Я ее вынимал, переключивал из одной руки в другую, клал под голову. Ей все было хорошо. Мы заснули. Утром я встал и ушел, не оглядываясь на нее. Мне так было страшно все вчерашнее. Когда я пришел к завтраку, она была опять такая же, как всегда. Я не напоминал ей об вчерашнем, боясь огорчить ее и тетеньку. Я никому, кроме тебя, еще не сообщал об этом. Я думал, что все прошло, но во все эти дни, всякий раз, как мы остаемся одни, повторяется то же самое. Она вдруг делается маленькой и фарфоровой. Как при других, так все по-прежнему. Она не тяготеет этим, и я тоже. Признаться откровенно, как ни странно это, я рад этому, и, несмотря на то, что она фарфоровая, мы очень счастливы.

Пишу же я тебе обо всем этом, милая Таня, только затем, чтобы ты приготовила родителей к этому известию и узнала бы через папа

у медиков: что означает этот случай, и не вредно ли это для будущего ребенка. Теперь мы одни, и она сидит у меня за галстуком, и я чувствую, как ее маленький острый носик врезывается мне в шею. Вчера она осталась одна. Я вошел в комнату и увидел, что Дора (собачка) затащила ее в угол, играет с ней и чуть не разбила ее. Я высек Дору и положил Соню в жилетный карман и унес в кабинет. Теперь, впрочем, я заказал и нынче мне привезли из Тулы деревянную коробочку с застежкой, обитую снаружи сафьяном, а внутри малиновым бархатом, с сделанным для нее местом, так что она ровно локтями, головой и спиной укладывается в него и не может уж разбиться. Сверху я еще прикрываю замшей.

Я писал это письмо, как вдруг случилось ужасное несчастье, она стояла на столе, Наталья Петровна толкнула проходя, она упала и отбила ногу выше колена с пеньком. Алексей* говорит, что можно заклеить белилами с яичным белком. Не знают ли рецепта в Москве. Пришли, пожалуйста*.

170. А. А. Фету

1863 г. Мая 1...3. Ясная Поляна.

Ваши оба письма* одинаково были мне важны — значительны и приятны, дорогой Афанасий Афанасьевич. Я живу в мире столь далеко от литературы и ее критики, что, получая такое письмо, как ваше, первое чувство мое — удивление. Да кто же это такое написал «Казак» и «Поликушку»? Да и что рассуждать об них. Бумага все терпит, а редактор за все платит и печатает. Но это только первое впечатление, а потом вникнешь в смысл речей, покопаешься в голове и найдешь там где-нибудь в углу между старым забытым хламом, найдешь что-то такое неопределенное, под заглавием: «художественное». И, сличая с тем, что вы говорите, согласишься, что вы правы, и даже удовольствие найдешь покопаться в этом старом хламе и в этом старом, когда-то любимом запахе. И даже писать захочется. Вы правы, разумеется. Да ведь таких читателей, как вы, мало. «Поликушка» — болтовня на первую попавшуюся тему человека, который «и владеет пером»; а

«Казачи» — с *сукровицей*, хотя и плохо. А Полонский-то бедный как плохо рассуждает во «Времени»*. Теперь я пишу историю пегого мерина, к осени, я думаю, напечатаю*. Впрочем, теперь как писать, теперь незримые уси-лья даже зримые*, и притом я в юхванстве* опять по уши. И Соня со мной. Управляющего у нас нет, есть помощники у меня по полево-му хозяйству и постройкам, а она одна ведет контору и кассу. У меня и пчелы, и овцы, и новый сад, и винокурня. И все идет поне-множку, хотя, разумеется, плохо сравнитель-но с идеалом. Что вы думаете о польских де-лах?^{б*}

Ведь дело-то плохо, не придется ли нам с вами и с Борисовым снимать опять меч с заржавевшего гвоздя? Что, ежели мы приедем в Никольское, увидим мы вас? Когда вы будете у Борисовых? Не пригоним ли мы так, чтобы вместе съехаться? Прощайте. Ма-рье Петровне мой душевный поклон. Соня и тетенька кланяются.

171. М. Н. Толстой

1863 г. Октября 10? — 15? Ясная Поляна.
Милый, милый, тысячу раз дорогой друг мой Машенька. Рассказать тебе, что я чувствовал, читая твое письмо*, я не могу. Я плакал и теперь плачу, когда пишу. Ты говоришь: пусть братья мои судят, как хотят. Кроме любви к тебе, всей той любви, которая была прежде где-то далеко, и жалости и любви ничего нет и не будет в моем сердце. Упрекнуть тебя никогда не поднимется рука ни у одного честного человека. Но, друг мой, зачем ты не написала мне? Все равно я прочел первый, но ежели бы письмо было ко мне, никто бы больше не узнал. Теперь что делать? Первое — выйти за него замуж, второе — ребенка ни в коем случае не брать себе, а отдать его мне*. Третье — важнее всего — скрыть от детей и от света. Главное же от детей. Я, может быть, приеду сам и привезу деньги, может быть, Сережа (он на охоте). Дело не за мной, а за деньгами, которые — рублей 1000 — я надеюсь собрать в неделю. Я пишу тебе сейчас же по получении твоего письма и еще сам ниче-

го не решил. Одно знай, что судить тебя я и тетенька Т. А. не будем и сделать для тебя все, что можно, сделаем*.

172. Е. Н. Ахматовой

1863 г. Октября 12. Ясная Поляна.
Милостивая государыня Елизавета Николаевна!

Простите меня, пожалуйста, что не отвечал на ваше письмо*. На это были причины, которые бы, верно, нашли бы уважительными, ежели бы я был столько нескромен, чтобы вам рассказывать их*. Рассказ мой о 12-м годе не написан для печати, и я долго не имею намерений печатать что-нибудь.

Участвовать же в вашем журнале мне приятно бы было. Я попробую написать рассказ о 12-м годе. Ежели он мне удастся, я с удовольствием пришлю вам его*. Поэтому обещать мне бы ничего не хотелось и поэтому выставить свое имя, которому вы, мне кажется, ошибочно приписываете какое-нибудь значение. Искренно желаю вам успеха и остаюсь

уважающий вас *гр. Л. Толстой.*

12 октября.

Ясная Поляна.

173. А. А. Толстой

1863 г. Октября 17? Ясная Поляна. Любезный друг Alexandrine. У меня лежит начатое на 4-х страницах письмо к вам, но я его не пошлю*. Я так потерял вас из вида и так виноват перед вами, что я вас боюсь. Но угроза потерять в вас друга слишком страшна для меня. Вы узнаете мой почерк и мою подпись; но кто я теперь и что я, вы, верно, спросите себя. Я муж и отец, довольный вполне своим положением и привыкший к нему так, что для того, чтобы почувствовать свое счастье, мне надо подумать о том, что бы было без него. Я не копаюсь в своем положении (grübeln*оставлено) и в своих чувствах и только чувствую, а не думаю о своих семейных отношениях. Это состояние дает мне ужасно много умственного простора. Я никогда не чувствовал свои умственные и даже все нравственные силы столько свободными и столько способными к работе. И работа эта есть у меня. Работа эта — роман из времени 1810 и 20-х годов, который

занимает меня вполне с осени*. Доказывает ли это слабость характера или силу — я иногда думаю и то и другое, — но я должен признаться, что взгляд мой на жизнь, на *народ* и на *общество* теперь совсем другой, чем тот, который у меня был в последний раз, как мы с вами виделись. Их можно жалеть, но любить, мне трудно понять, как я мог так сильно. Все-таки я рад, что прошел через эту школу; эта последняя моя любовница меня очень формировала. Детей и педагогику я люблю, но мне трудно понять себя таким, каким я был год тому назад. Дети ходят ко мне по вечерам и приносят с собой для меня воспоминания о том учителе, который был во мне и которого уже не будет. Я теперь писатель *всеми* силами своей души, и пишу и обдумываю, как я еще никогда не писал и [не] обдумывал. Я счастливый и спокойный муж и отец, не имеющий ни перед кем тайны и никакого желания, кроме того, чтоб все шло по-прежнему. Вас я люблю меньше, чем прежде, но все-таки достаточно для того, чтобы вы не оставляли меня, все-таки больше всех людей (а как их много было), с которыми я встречался в жиз-

ни. За одно я всегда упрекал вас, и теперь этот упрек у меня в душе, и я довольно ясно чувствую и мыслю, чтоб высказать его. В наших отношениях вы всегда отдавали мне только *общую* (вы меня поймете) сторону своего ума и сердца, вы никогда не говорили мне о подробностях вашей жизни, о простых, ощутительных, частных случаях вашей жизни. Я теперь пишу вам о себе, а о вас я не знаю, что спросить, что думать, чего желать. Я не знаю даже, что в вашей жизни ближе, дороже всего для вас, кроме общей любви к доброму и изящному в добре, что ваша главная черта. Мне бы хотелось, чтобы ввели меня не в *sanctuaire**, а в будничные интересы вашей жизни. Я боюсь, что вы меня не поймете. Я глупо выражаюсь. Я слаб характером, легко подчиняюсь влиянию людей, которых люблю, и потому подчинялся и подчиняюсь вашему. Как только я вхожу в сношения с вами, я надеваю белые перчатки и фрак (право, нравственный фрак); после вечера у вас, я помню, у меня всегда бывал *arrière-goût** чего-то тонкого, свежего, душистого, но хотелось более существенного. Не за что было

ухватиться. Это, может быть, так надо, и это хорошо было, но мне бы хотелось другого. Помните, раз вы хотели написать мне роман*. Мне кажется, тогда мы вошли бы в эти более существенные отношения. Неужели это навсегда потеряно?* Я написал совсем не то, что хотел, но было бы опасно оставить и это письмо, не посылая; тогда бы уж я не решился писать еще. Где вы? что вы? Какие ваши планы? Наши планы следующие: зимой, ежели здоровье Сережи (Сережа, это значит добрая, милая улыбка с светлыми глазками — больше ничего в нем нет) позволит, мы поедем на две недели в Москву. Лето в деревне, а на будущую зиму поедем жить куда-нибудь в город. Прощайте. Как институтки просят, и я прошу никому не показывать и разорвать это письмо.

Соня вас очень любит (это истина) и все собиралась вам писать. Не знаю, что она напишет, но желал бы знать.

1864

174. Т. А. Берс

1864 г. Января 1...3. Ясная Поляна.

Вчера смотрел, когда рожденье месяца, и в календаре тетеньки нашел: aujourd'hui Léon et sa femme sont parti pour Moscou accompagnés de la *chère**Таня. Ты мне и всегда *chère*, но тут ты еще шерее мне сделалась, как это всегда бывает, без видимой причины. А ты говоришь, что я тебе враг. Враг тебе 20 лет лишних, которые я жил на свете. Я знаю, что, что бы ни сделалось тебе, не надо опускаться и быть той милой беснующейся энергической натурой в счастья и той же натурой, не поддающейся судьбе, в несчастья. Ты можешь это, ежели ты не будешь попускать себя. Скажи сама себе: ходи в струне перед самой собою. И ходи. Ну, ежели бы он* умер. Ну, ежели бы для меня Соня умерла или я для нее? Ведь легко сказать, я бы жить не стал. Главное, что это легко сказать и глупо, и подло, и лживо, и надо ходить в струне. Кро-

ме твоего горя у тебя, у тебя-то есть столько людей, которые тебя любят (меня помни), и ты не перестанешь жить, и тебе будет стыдно вспоминать твой упадок в это время, как бы оно ни прошло. Ей-богу, не сердись на меня. Ты будь убеждена, что опускаться нехорошо, и все будет хорошо.

А как я смотрю на ваше будущее? Ты хочешь знать. Вот как. Сережа обещал приехать к нам через два дня и не приезжал до сих пор; мы узнали, что Маша рождает*, но еще прежде этого я стал очень беспокоиться. Меня мучала мысль, что он сказал раз: «надо все кончить так или иначе, женившись на Маше или на Тане». Я жалею Машу больше тебя по рассудку, но, когда мне пришло в голову, что он, может быть, решится без нас, я испугался. Мы написали и ему письмо, что имеем ему важное сообщить. Теперь она рождает, он в первый раз присутствует, и я боюсь. В душе *перед богом тебе говорю*, я желаю да, но боюсь, что *нет*. Перед ее страданиями, которые могут быть соединены с нравственными страданиями, ему все может показаться в другом свете. Дьяков был у нас и потом у него и много гово-

рил с ним о тебе, ничего, разумеется, не подзревая, и его речи могли иметь большое влияние против тебя. Он хвалил Машу, говорил вообще про его положение и про тебя говорил, как ты молода, как тебе еще рано выходить замуж, и, разумеется, про то, какая ты прелесть.

Я же пришел к тому убеждению, что, женившись на Маше, он погубит, пожалуй, себя и ее. Я ему сказал, что, не женись на ней, он оставлял себе *une porte de salut** инстинктивно. Он сказал: «Да, да, да». Теперь же, ежели он женится, эта *porte de salut* будет закрыта, и он возненавидит ее. Так жить с ней он может еще, но жениться — он пропадет. Но, Таня, в душе другого читать трудно, и чем больше знаешь, тем труднее. Я ничего не знаю и ничего определенного для вас не желаю, хотя люблю вас обоих всеми силами души. Что для вас обоих будет лучше, знает бог, и ему надо молиться. Да. Одно я знаю, что чем труднее становится выбор в жизни для человека, чем тяжелее жить, тем больше надо владеть собой (употреблять, по крайней мере, все силы, чтоб владеть собой, но не попускаться), отто-

го, что в такую минуту ошибка дорого может стоить и себе и другим. Всякий шаг, слово, в такие минуты, в ту минуту, в которую ты живешь, важнее годов жизни после, Таня, голубчик, может быть, это похоже на «Зеркало добродетели»;* но что же делать, что самые задушевные мои мысли и желания похожи на «Зеркало добродетели». Всякое слово обдуманно и прочувствованно, может быть, оно не правда для тебя покажется, но я сказал все, что я думаю и чувствую об этом, исключая одной маленькой штучки, которую я скажу когда-нибудь после*. Прощай, молись богу, это лучше всего и одно.

175. С. Н. Толстому

1864 г. *Апреля 17. Ясная Поляна.*
17 апреля

Деньги 600 р. от Берсов, я думаю, что вы уже получили. Расписка банкира у меня уже давно. Из Петербурга я распорядился, чтобы выслали еще 400 р. в апреле, и почти уверен, что их вышлют, но ответа на мое вторичное письмо в Петербург еще не получал*. Поэтому ожидаю от вас известий, чтобы здесь предпринять какие-нибудь меры для добывания денег, ежели еще нужны. Из Пирогова я не получал еще никаких известий и сам еще там не был, но думаю поехать на этой страстной или на святой неделе. Нынче я еду в Тулу на встречу Саши и Тани, которые должны приехать к нам*. У нас и у вас все благополучно, по-старому. Пожалуйста, напишите мне поскорее о ваших делах и предположениях. Вслед за твоим отъездом, Сережа, из Ясной еще я хотел писать тебе в Тулу, потом хотел писать за границу, получив твою записочку тетеньке*, и все откладывал оттого, что мне трудно писать о том, что я хочу. Ты поставил

меня в такое положение, как будто ты хочешь разойтись со мной, и что виноват в этом, конечно, я, и так очевидно, что и объяснять этого не стоит того. А вместе с тем я только видел, как со времени моей женитьбы ты все дальше и дальше держался меня, видел, что между нами объяснений не могло быть, и что помочь этому я не мог и не умел. Я никогда никакой мысли о тебе не имел, которой бы я тебе не высказал, как прежде, так и теперь; как прежде, так и теперь ты мне самый близкий (после семьи) человек, но мне с тобой часто тяжело, неловко, и я боюсь всякую минуту сделать тебе неприятное, и эта боязнь делает на тебя еще худшее впечатление. Очень может быть, что я не вижу и не понимаю того, в чем я виноват против тебя, но я не знаю, и поэтому ты скажи мне, прямо.

Ежели же нет у тебя причин, как я предполагаю, то, не обращая внимания на эту иногда неловкость и gêne*, которая по моему опыту происходит от брюшного полнокровия — геморроя (и бывает у меня иногда к жене с тенькой без всякой причины), ты поверь мне и убедись раз навсегда, что ни я, ни Соня, ни

тетенька никогда про тебя не говорили и не можем говорить того между собой, что мы тебе не скажем, и поэтому будь с нами, со мной главное, совершенно свободен и прост. Когда не в духе, можно находить других глупыми и злыми, и думай так про нас, но за что ж ты предполагаешь в нас двуличность и во мне? Соня сказала тебе все, что она думала тогда о твоих отношениях к Тане, и теперь и давно уже сама того не думает, особенно, как теперь, по известиям из Москвы, Таня совсем успокоилась. Я же никогда тебя не винил во всем этом деле*, тетенька еще меньше. Жить, как ты сам говоришь, нам немного осталось, и тебе и мне не найти людей, которые бы нас понимали так, как мы друг друга, и любили бы так, исключая жен, поэтому — мое мнение — или скажи мне, что ты против меня имеешь, или убедись, что я против тебя таинственного ничего никогда иметь не могу, и обходись со мной всегда, как хочешь, но не предполагая во мне задней мысли, которой не может быть, и нам будет, как всегда было, иногда скучно, иногда неловко, но всегда приятно оттого, что есть брат, а не тяжело и все

тяжеле и тяжеле, как теперь. Я уверен, что ты меня упрекал в эгоизме, а я тебя упрекал в эгоизме. Это всегда так. Я объясняю себе разлад наш: 1) твоим семейным положением. Ты имеешь все невыгоды семейства — стеснение свободы, а не имеешь выгод его — дом. Ты сам все боишься, что в сближении с твоим семейством неискренны, и мешаешь этому сближению, 2) твой эпизод с Таней, который, не дав тебе ничего, только расстроил тебя дома и, я боюсь, восстановил Машу против нас (что понемножку и на тебя действует), 3) твоя сидячая жизнь и геморроидальное состояние духа, 4) перемены во мне со времени женитьбы, сделавшие меня менее общительным, что не доказывает то, чтобы я мог думать про тебя то, что бы я не сказал тебе. Все это прошло или пройдет. Главное то, что, попустившись на эту дорогу, мы делаемся друг для друга дальше и дальше, и положение это, я сужу по себе, становится мучительно. Воспоминание о брате стараешься отгонять. Есть два средства, повторяю: объяснение, коли оно нужно, или доверие, которое я имею полное к тебе, я знаю, что ты меня любишь все-таки

больше всех, но которого ты не имеешь. Пиши, пожалуйста, поскорее о Машенькиных делах и о себе.

176. М. П. Погодину

1864 г. Октября 8. Ясная Поляна.
Очень благодарен вам, уважаемый Михаил Петрович, за присылку книг и писем;* возвращаю их назад, прося и вперед не забывать меня, коли вам попадетс^я под руку что-нибудь по этой части. За что вы на меня сердитесь?* Взятое у вас я тогда же возвратил вам — записку Корфа*, а потом биографию Ермолова*. Ежели вы чего не получили, известите. Пишу так плохо оттого, что у меня 2 недели тому назад рука сломана. Будьте здоровы и не забывайте уважающего вас

гр. Л. Толстого.

8 октября.

177. А. А. Берсу

1864 г. Октября 28. Ясная Поляна.

Моя рука еще плохо ходит, но не могу не приписать тебе. Врет Соня, что ей стало совестно*. Не ей, а мне. Я пришел и говорю: «Знаешь, мы свиньи, что не пишем Саше». Она говорит: «И я тоже думала». Вот как было дело. У нас хорошо, весело. Соня перешла вниз, бывший мой кабинет, с обеими детьми, и мы там сидим целые дни. Мы — это сестры Маши девочки, которые живут у нас. Чудные, милые девочки. Совсем хорошо стало, особенно с тех пор, как получили известие, что Андрею Евстафьевичу* лучше. Ты описываешь свою жизнь в жидовском местечке, и поверишь ли, мне завидно. Ох, как это хорошо в твоих годах посидеть одному с собой глазу на глаз и именно в артиллерийском кружку офицеров. Не много, как в полку, и дряни нет, и не один, а с людьми, которых уже так насквозь изучишь и с которыми сблизись хорошо. А это-то и приятно, и полезно. Играешь ли ты в шахматы? Я не могу представить себе эту жизнь без шахмат, книг и охоты. Ежели

бы еще война при этом, тогда бы совсем хорошо. Я очень счастлив, но когда представишь себе твою жизнь, то кажется, что самое-то счастье состоит в том, чтоб было 19 лет, ехать верхом мимо взвода артиллерии, закуривать папироску, тыкая в пальник, который подает 4-й № Захарченко* какой-нибудь, и думать: коли бы только все знали, какой я молодец! Прощай, милый друг. Пиши, пожалуйста, почаще.

178. М. Н. Каткову

1864 г. Октября 28...29. Ясная Поляна.
Посылаю вам, уважаемый Михаил Никифорович, перевод статьи Фохта (Карла) о пчелах*, сделанный по моему совету. Статья эта в подлиннике испорчена политическими иллюзиями. В переводе осталось только необыкновенно живое изложение естественной истории пчелы, замечательное и с художественной и с научной стороны. Я сделался страстным пчеловодом и потому могу судить об этом. Ежели вы захотите напечатать эту статью, то перешлите через меня переводчику тот гонорарий, который вы плати-

те. Особа*, переделывавшая эту статью, желала бы иметь работу — переводы и переделки с французского, немецкого или английского. Ежели бы вы дали ей работу, вы бы меня этим очень обязали и приобрели бы образованного и *добросовестного* переводчика. Я кончаю на днях первую часть романа из времен первых войн Александра с Наполеоном* и нахожусь в раздумье, где и как ее печатать. Из журналов я бы лучше всего желал напечатать в «Русском вестнике» по той причине, что это один журнал, который я читаю и получаю. Дело в том, что мне хочется получить как можно больше денег за это писанье, которое я особенно люблю и которое мне стоило большого труда. Для того, чтобы напечатать в журнале (вам первым и, верно, последним я делаю это предложение), я хочу получить 300 р. за лист, в противном случае я буду печатать отдельными книжками*. Пожалуйста, ответьте мне несколько слов и об участии перевода Фохта, и об этом моем предложении, нисколько не стесняясь прямым отказом, так как отказ или согласие ваше, очевидно, зависят не от вкуса или симпатий, а денежного

расчета. Я на охоте разбил и вывихнул себе так правую руку, что после 5 недель нынче в первый раз пишу так длинно своей рукой.

Душевно преданный и уважающий
гр. Л. Толстой.

P. S. В первой части, которую я намерен напечатать нынешней зимой, должно быть листов 10.

179. С. А. Толстой

1864 г. *Ноября 27. Москва.*

Вчера в первый раз не успел написать тебе вечером в тот же день и пишу теперь утром, еще все спят, чтоб поспеть до 9 на почту*. Посылай, пожалуйста, Кондратья или Сережку каждый день. Не успел я написать вчера оттого, что зачитался «Рославлевым»*. Понимаешь, как он мне нужен и интересен. Вчерашний день: никуда не выезжал, ожидая гимнаста Фосса, и пробовал было писать, но негде, мешают, да и не в духе был, должно быть. Невесело, совсем невесело в Кремле. Андрей Евстафьевич только и говорит, что о своей болезни, которую он видит в кишках. Лиза тихо сидит и шевелится по своим делам, а Та-

ня плачет целые дни, как вчерашнее утро. О чем? не добьешься, или все о том же, или о том, что ей скучно. Это правда. Года 3-2 тому назад был ваш целый мир, твой и ее, с влюбленьями разными и ленточками, и со всей поэзией и глупостью молодости, а теперь вдруг и после нашего мира, ей очень полюбившегося, и всех передряг, то есть чувства, испытанного ею*, она, вернувшись домой, не нашла больше этого мира, который у нее был с тобою, а осталась добродетельная, но скучная Лиза, и поставлена она лицом к лицу, то есть ближе к родителям, которые вследствие болезни стали тяжелы. Ну, записались на коньки, сделали шапочку мерлушечью, записались в концерт, но этого ей мало.

Вчера же она ревела, кроме того, потому, что через Алексея она будто узнала, что Сережа женится на Маше*. Поговорил я с ней, но говорить и скучно и грустно. Потом пришел Любимов от Каткова. Он заведует «Русским вестником». Надо было слышать, как он в продолжение, я думаю, 2-х часов торговался со мной из-за 50 р. за лист и при этом с пеной у рта, по-профессорски смеялся. Я остался

тверд и жду нынче ответа. Им очень хочется, и, вероятно, согласятся на 300, а я, признаюсь, боюсь издавать сам, хлопот и с типографией, и, главное, с цензурой. После него пошел я гулять к Фоссу. Как на беду, когда я хотел начинать, он два дня не был. За обедом позвонили, газеты, Таня все сбегала, позвонили другой раз — твое письмо. Просили у меня все читать, но мне жалко было давать его. Оно слишком хорошо, и они не поймут, и не поняли*. На меня же оно подействовало, как хорошая музыка, и весело, и грустно, и приятно — плакать хочется. Какая ты умница, что пишешь, чтобы я никому не давал читать романа;* ежели бы даже это было не умно, я бы исполнил потому, что ты хочешь. Между родителями не было столкновений за солонину и т. п., и Таня после обеда развеселилась (молодость берет же свое), и было приятно. Я собрался с Петей и Володей в баню, а Таня с мамой на Кузнецкий мост. После бани мне дали «Рославлева», и за чаем, слушая, разговаривая и слушая пенье Тани, все читал с наслаждением, которого никто, кроме автора, понять не может. Андрей Евстафьевич сварил какао

и неотступно гонит меня пить. Прощай. Рука болит, — но я надеюсь. Мазал йодом и нынче во что бы то ни стало сыщу Фосса. Прощай, милая; пиши и посылай в Тулу каждый день.

Да, вот, подумай и объясни. Третьего дня был Саша Купфершмидт, я с ним часа 2 разговаривал об охоте; и вчера зашел к няне и с ней о детях и разных казусах говорил; и поверишь ли, что эти два разговора были приятнее всех, которые я имел во все время пребывания моего в Москве, включая и Любимова, и Сухотина, и Тютчеву. Чем больше я сталкиваюсь с людьми теперь, выросши большой, я убеждаюсь, что я совсем особенный человек и отличаюсь только тем, что нет во мне прежнего тщеславия и мальчишества, которое редко кого оставляет.

180. П. И. Бартеневу

1864 г. Декабря 7. Москва.
Петр Иванович!

Я был у Уварова*. Он в Петербурге. Я совершенно уверен, что он не откажет мне в своем согласии прочесть письма, о которых вы говорили. Не можете ли вы дать просмотреть их — не вынося их из вашей квартиры. Ежели вам это можно, то назначьте мне время, когда бы я мог приехать к вам и заняться этим. Я так пристаю к вам, потому что должен ехать в конце этой недели. «Ясную Поляну» не успели еще отрыть в кладовой, где она завалена, но завтра принесут вам. Пришлите, пожалуйста, «Архив»* и Местра*.

Искренно уважающий и благодарный гр.
Л. Толстой.

7 декабря.

Сколько всех частей «Галереи Зимнего дворца»?*

181. С. А. Толстой

1864 г. Декабря 7. Москва.

Вчера получил твое хорошее письмо, милый друг*. Вот уж четвертый день, что регулярно за обедом звонит почтальон и приносит твои письма.

Помни, душенька, что я рассчитываю на то, что ты тотчас известишь меня, ежели с Сережей будет нехорошо. У него должен быть желудочный катар. Средство против этого: гигиена, тепло и удобоваримая пища — молоко, суп, и Андрей Евстафьевич советует очень телячьи ножки и саго. Саго я привезу тебе. Вчера я писал тебе о моих планах, о моей руке и моей тоске здесь. Все это точно такое же нынче. Воскресенье думаю быть у тебя; рукой заставляю Алексея делать раза два в день движения и ношу повязку, которая очень меня облегчает. За дело ни за какое не могу приняться. Вчера утром читал английский роман автора «Авроры Флойд»*. Я купил 10 частей этих английских не читанных еще мною романов и мечтаю о том, чтобы читать их с тобою. Вот бы ты с Лизой занималась по-ан-

глийски. Потом опять противный Александр Михайлович*, Катерина Егоровна*, Лиза. Даже и читать нельзя, угла нет. Только пошел походить до обеда, и ни в библиотеках, ни для покупок ничего не мог сделать, потому что воскресенье. После обеда опять: «Погубил я свою молодость», и в 7 часов «Жизнь за царя»*. Очень хорошо, но монотонно. В театре была одна воскресная публика, и потому половины интереса наблюдений для меня не было. Но зато, вернувшись, мы были одни: Любовь Александровна, которая очень, очень мила и хороша, Лиза, Таня и Петя, и было очень весело отчего-то. Вспоминали, рассуждали. Таня уверяла, что она хочет одного — жить в одной башне, высоко, высоко, с гитарой. Любовь Александровна доказывала, что в башне надо есть и ходить на час, и Таня нервно и весело, как и тот раз об поповой дочери, расплакалась, и мы разошлись спать. Кроме того, Петя спал и врал, и я рассказывал, что я должен, несмотря на ревнивый характер жены, для очищения совести сознаться в ужасном поступке с Анночкой*. Снимая фрак, я размахнул рукой в то время, как она проходила, и

рукой попал прямо в ее грудь. Я вижу, какую ты сделаешь, мне знакомую брезгливую мину... Ах, Соня, скоро ли пройдут эти 5 дней. Для очищения совести я хочу распаренную руку показать Нечаеву. От Каткова и Любимова не получаю ответа и рукописи, мне досадно, а вместе с тем ехать к Каткову не хочется. В архиве почти ничего нет для меня полезного*. А нынче поеду в Чертковскую* и Румянцевскую библиотеку. Очень мне гадко и скучно, особенно эти два последние дни. Ты говоришь, чтоб я ездил. Никуда не хочется. Одна мысль: как бы не забыть сделать то, что нужно. Но, выбирая из двух праздностей — ухищряться разговаривать об умном или жантильном, или шлаться по кремлевским комнатам без дела, все лучше последнее, особенно, когда нет Александра Михайловича, который, я тебе расскажу почему, стал мне так гадок, что я его видеть не могу равнодушно и умышленно обошелся с ним так холодно под конец, что он не заедет к нам. Он уехал вчера, в 5 часов. Все черные вашей семьи мне милы и симпатичны. Любовь Александровна ужасно похожа на тебя. Она на днях делала колпак

для лампы, точно как ты, — примешься за работу, и уж тебя не оторвешь. Даже нехорошие черты у вас одинаковы. Я слушаю иногда, как она с уверенностью начинает говорить то, чего не знает, и утверждать положительно и преувеличивать, и узнаю тебя. Но ты мне всячески хороша. Я пишу в кабинете, и передо мной твои портреты в 4-х возрастах. Голубчик мой, Соня. Какая ты умница во всем том, о чем ты захочешь подумать. От этого-то я и говорю, что у тебя равнодушие к умственным интересам, а не только не ограниченность, а ум, и большой ум. И это у всех вас, мне особенно симпатичных черных Берсах. Есть Берсы черные — Любовь Александровна, ты, Таня; и белые — остальные. У черных ум спит, они могут, но не хотят, и от этого у них уверенность, иногда некстати, и такт. А спит у них ум оттого, что они сильно любят, а еще и оттого, что родоначальница черных Берсов была неразвита, то есть Любовь Александровна. У белых же Берсов участие большое к умственным интересам, но ум слабый и мелкий. Саша пестрый, полубелый. Славочка на тебя похож, и я его люблю. Воспитанье его с угоще-

нием и баловством мне кое в чем не нравится, но он, верно, будет славный мальй. Один Степа, я боюсь, еще доставит всем нам много горя. Он и сам дурен отчего-то, а воспитанье его еще хуже его. Вчера, по случаю прения о гувернере, в котором принимали участие Таня, Петя и Володя, нападаая на гувернера, Любовь Александровна решила отдать всех, кроме Пети, в заведения. И я говорю: прекрасно, по крайней мере, ваша совесть покойна будет. А правда, что отца нет. Я говорю: коли я умру, одно завещанье оставлю Соне, чтобы она Сережу отдала в казенное заведение. А я так и не сказал, за что ты умница. Ты, как хорошая жена, думаешь о муже, как о себе, и я помню, как ты мне сказала, что мое все военное и историческое, о котором я так стараюсь, выйдет плохо, а хорошо будет другое — семейное, характеры, психологическое*. Это так правда, как нельзя больше. И я помню, как ты мне сказала это, и всю тебя так помню. И, как Тане, мне хочется закричать: мама, я хочу в Ясную, я хочу Соню. Начал писать тебе не в духе, а кончаю совсем другим человеком. Душа моя милая. Только ты меня люби, как я те-

бя, и все мне нипочем, и все прекрасно. Прощай, пора идти по делам.

1865

182. М. Н. Каткову

1865 г. Января 3. Ясная Поляна.
Милостивый государь Михаил
Никифорович!

Посылаю вам остальную часть той рукописи, которую я привозил тогда в Москву* и которая была у вас. То, что теперь у вас, включая и то, что теперь посылается, по-моему, составляет первую часть и, полагаю, выиграло бы, ежели бы было напечатано в одной книжке.

Вторая часть заключает в себе описание [Шенграбенского] и Аустерлицкого сражения и, полагаю, будет такого же размера, как и первая. Она у меня написана и будет готова (ежели не случится чего-нибудь со мною особенного) к концу этого месяца. Я бы желал и находил бы лучшим — не для себя, — а для того, чтобы лучше товар лицом показать, — напечатать всю первую часть в январской книжке, а всю вторую в февральской книжке*

. Но, разумеется, у вас есть свои соображения, и ежели вы найдете лучшим разделить первую часть, то нечего делать. Но в таком случае напишите мне, желаете ли вы иметь 2-ю часть в нынешнем году, то есть нынешней зимой. Оставляя ее до будущей осени мне было бы неприятно, так как я не умею держать написанное, не поправляя и не переделывая до бесконечности. Пожалуйста, напишите мне*, ежели вы желаете поместить вторую часть, то в каких месяцах? Ежели в мартовской и апрельской, то и мне это было бы очень удобно.

Рукопись исчеркана, прошу меня извинить, но до тех пор, пока она у меня в руках, я столько переделываю, что она не может иметь другого вида.

Французские письма я перевел, и, по-моему, можно не печатать перевода, но нельзя не печатать французский текст*. Предисловие я не мог, сколько ни пытался, написать так, как мне хотелось*. Сущность того, что я хотел сказать, заключалась в том, что сочинение это не есть роман и не есть повесть и не имеет такой завязки, что с развязкой у нее [уничтожа-

ется]* интерес. Это я пишу вам к тому, чтобы просить вас в оглавлении и, может быть, в объявлении *не называть моего сочинения романом**. Это для меня очень важно, и потому очень прошу вас об этом. Корректуры, ежели возможно, пришлите мне. В две недели они могут обратиться. Затем прощайте, жму вашу руку и желаю вам успеха в том деле, которое вам ближе всего к сердцу.

Уважающий и преданный *гр. Л. Толстой*.

183. А. А. Толстой

1865 г. Января 18...23. Ясная Поляна.
Любезный друг Alexandrine.
Много воды утекло с тех пор, как мы не видались и не переписывались с вами, — для меня очень хорошей и счастливой воды, в которой я и теперь плаваю, — а мне все так же, как и прежде, нужно знать, что вы иногда вспоминаете обо мне и любите меня, как и я вас. Уж не сердитесь ли вы на меня? Вся охота писать пропадает при этой мысли. А мысль эта приходит мне потому, что вы сказали старику Исленьеву, что я писал вам, будто я перестал вас любить. Зачем вы это сказали? И этому стари-

ку. Я его не люблю. Что делают все ваши, что делаете вы? Такие ли же вы, как в старину в Швейцарии*, когда, помните, мы по случаю хорошей погоды всех так любили и находили такими добрыми, начиная от Строганова и до Кетерера. У меня и теперь бывает иногда хорошая погода в Швейцарии, в Ясной Поляне, в детской и в кабинете; бывает ли у вас? Помните, я как-то раз вам писал, что люди ошибаются, ожидая какого-то такого счастья, при котором нет ни трудов, ни обманов, ни горя, а все идет ровно и счастливо*. Я тогда ошибался. Такое счастье есть, и я в нем живу 3-й год. И с каждым днем оно делается ровнее и глубже. И матерьялы, из которых построено это счастье, самые некрасивые — дети, которые (виноват) мараются и кричат, жена, которая кормит одного, водит другого и всякую минуту упрекает меня, что я не вижу, что они оба на краю гроба, и бумага и чернила, посредством [которых] я описываю события и чувства людей, которых никогда не было. На днях выйдет 1-я половина 1-й части романа «1805»*. Скажите мне свое чистосердечное мнение. Я бы хотел, чтобы вы полюбили моих

этих детей*. Там есть славные люди. Я их очень люблю. Нынешнюю зиму мы особенно хорошо проживаем. Еще летом приехала сестра с своими двумя девочками, одной 15, другой 13 лет. Они у нас гостят большую часть времени. Что за прелесть девочки в этом возрасте, и хорошие и хорошенькие, как наши. Мальчики нужны, от них ждут дела, и от этого они противны, а девочки (которых кормить, как мужик сказал, за окно деньги кидать) никуда не нужны, особенно до 15 лет. От этого-то они всё поэзия. Я от этого и люблю, кажется, мою dimpled Танечку*. Впрочем, я хвалю племянниц не оттого, что у меня швейцарская хорошая погода, а оттого, что они прелестны: что за любовь к маленьким детям, что за интерес ко всему хорошему. Их дневники — chef d'œuvre*. От моих еще нет толку. Сережа только начал ходить один, и только теперь вся та игра жизни, которая до сих пор еще была не видна для моих грубых мужских глаз, начинает мне быть понятна и интересна. Что ваше дело Магдалин?* Я страшно переменялся с тех пор, как женился, и многое из того, что я не признавал, стало

мне понятно и наоборот. Прощайте.

Хотел написать и забыл: на днях получили известие о смерти Валерьяна, мужа сестры. Умер где-то один в Липецке. Ужасно жалко. Нет ничего хуже в смерти, как то, что когда человек умер, нельзя уж поправить того, что сделал дурного или не сделал хорошего в отношении его. Говорят, живи так, чтобы быть готовым всегда умереть. Я бы сказал: живи так, чтобы всякий мог умереть и ты бы не раскаялся.

184. А. А. Фету

1865 г. Января 23. Ясная Поляна.

Как вам не совестно, милый мой друг Фет, так жить со мной, как будто вы меня не любите или как будто все мы проживем Мафусаиловы года. Зачем вы никогда не заезжаете ко мне?* И не заезжаете так, чтоб прожить два, три дня, спокойно пожить. Так хорошо поступать с другими. Ну, не увиделись в Ясной, встретимся где-нибудь на Подновинске*. А со мной не встретитесь на Подновинске. Я тем счастлив, что прикован цепями, составленными из детского жидкого, густого,

зеленого и желтого г...., к Ясной Поляне. А вы свободный человек. А глядишь, умрет кто-нибудь из нас, вот как умер на днях Валерьян Петрович*, сестрин муж, тогда и скажете: «Что это я, дурак, все об мельнице хлопотал, а к Толстому не заехал. Мы бы с ним поговорили». Право, это все не шутка. Вы писали: «И оплеуха тут была»* и, верно, написали уже. Мне страшно хочется прочесть, но страшно боюсь, что вы многим *значительным* пренебрегли и многим *незначительным* увлеклись. Мне очень интересно.

А знаете, какой я вам про себя скажу сюрприз: как меня стукнула об землю лошадь и сломала руку, когда я после дурмана очнулся, я сказал себе, что я — литератор. И я литератор, но уединенный, потихонечку литератор. На днях выйдет первая половина 1-й части «1805 года». Пожалуйста, подробнее напишите свое мнение*. Ваше мнение да еще мнение человека, которого я не люблю, тем более, чем более я вырастаю большой, мне дорого — Тургенева. Он *поймет**.

Печатанное мною прежде я считаю только пробой пера и о[реховых] ч[ернил];* печатае-

мое теперь мне хоть и нравится более прежнего, но слабо кажется, без чего не может быть вступление. Но что дальше будет — бяда!!! Напишите, что будут говорить в знакомых вам различных местах и, главное, как на массу. Верно, пройдет незамеченно. Я жду этого и желаю. Только б не ругали, а то ругательства расстраивают ход этой длинной со-сиски, которая у нас, нелириков, так туго и густо лезет. Прощайте, бывайте у наших. Вас от души любят. Марье Петровне мой поклон.

Я рад очень, что вы любите мою жену, хотя я ее и меньше люблю моего романа, а все-таки, вы знаете — жена. Ходит. Кто такой? Жена.

23 января.

Приезжайте же ко мне. А ежели не заедете из Москвы с Марьей Петровной, право, без шуток, это будет очень глупо*.

185. Л. И. Волконской

1865 г. Мая 3. Ясная Поляна.
Очень рад, любезная княгиня, тому случаю, который заставил вас вспомнить обо мне*, и в доказательство того спешу сделать для вас невозможное, то есть ответить на ваш вопрос. Андрей Болконский — никто, как и всякое лицо романиста, а не писателя личностей или мемуаров. Я бы стыдился печататься, ежели бы весь мой труд состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить. Г-н Ахшарумов*, *сomme un homme de métier** и человек с талантом, должен бы это знать. Но как я сказал, в доказательство того, что я желаю сделать для вас невозможное, я постараюсь сказать, кто такой мой Андрей.

В Аустерлицком сражении, которое будет описано, но с которого я начал роман*, мне нужно было, чтобы был убит блестящий молодой человек; в дальнейшем ходе моего романа мне нужно было только старика Болконского с дочерью; но так как неловко описывать ничем не связанное с романом лицо, я

решил сделать блестящего молодого человека сыном старого Болконского. Потом он меня заинтересовал, для него представлялась роль в дальнейшем ходе романа, и я его помиловал, только сильно ранив его вместо смерти. Так вот вам, любезная княгиня, совершенно правдивое, хотя от этого самого и неясное объяснение того, кто такой Болконский. Но он мне теперь еще приятнее, что подал случай написать вам и напомнить о себе и моей неизменной дружбе к вам и вашему семейству. Очень жалею, что вы мало описали мне ваших бывших *пундигашек**. Они мне дороги и милы и по родственной связи, которую я, стареясь, больше и больше ценю, и по воспоминаниям о бедном Саше* и о вас.

Пожалуйста, внушите им, чтобы они смотрели на меня не иначе, как на друга и родню. Целую вашу руку и желаю вам всего лучшего.

Ваш *гр. Л. Толстой*.

3 мая.

186. А. А. Фету

1865 г. Мая 16. Ясная Поляна.

Простите меня, любезный друг Афанасий Афанасьевич, за то, что долго не отвечал вам*. Не знаю, как это случилось. Правда, в это время было больно одно из детей, и я сам едва удержался от сильной горячки и лежал 3 дня в постели. Теперь у нас все хорошо и даже очень весело. У нас Таня*, потом сестра с своими детьми, и наши дети здоровы и целый день на воздухе. Я все пишу понемножку и доволен своей работой. Вальдшнепы все еще тянут, и я каждый вечер стреляю *по ним*, то есть преимущественно мимо. Хозяйство мое идет хорошо, то есть мало тревожит меня, — все, что я от него требую. Вот все про меня. На ваш вопрос упомянуть о Ясной Поляне — школе, я отвечаю отрицательно. Хотя ваши доводы и справедливы, но про нее («Ясная Поляна» — журнал) забыли, и мне не хочется напоминать*, не потому, чтобы я отрекался от выраженного там, но, напротив, потому, что не перестая думать об этом и, ежели бог даст жизни, надеюсь еще изо всего

этого составить книги, с тем заключением, которое вышло для меня из моего 3-хлетнего страстного увлечения этим делом*. Я не понял вполне то, что вы хотите сказать в статье, которую вы пишете;* тем интереснее будет услышать от вас, когда свидимся. Наше дело землевладельческое теперь подобно делам акционера, который бы имел акции, потерявшие цену и не имеющие хода на бирже. Дело очень плохо. Я для себя решаю его только так, чтобы оно не требовало от меня столько внимания и участия, чтобы это участие лишало меня моего спокойствия. Последнее время я своими делами доволен, но общий ход дел, то есть предстоящее народное бедствие голода*, с каждым днем мучает меня больше и больше. Так странно и даже хорошо и страшно. У нас за столом редиска розовая, желтое масло, подрумяненный мягкий хлеб на чистой ска-терти, в саду зелень, молодые наши дамы в кисейных платьях рады, что жарко и тень, а там этот злой черт голод делает уже свое дело, покрывает поля лебедой, разводит трещины по высохнувшей земле и обдирает мозольные пятки мужиков и баб и трескает копыты

скотины и всех их проберет и расшевелит, пожалуй, так, что и нам под тенистыми липами в кисейных платьях и с желтым сливочным маслом на расписном блюде — достанется. Право, страшная у нас погода, хлеба и луга.

Как у вас? Напишите повернее и поподробнее. Боткин у вас, пожмите ему от меня руку. Зачем он ко мне не заехал! Я на днях еду в Никольское еще один без семьи и потому ненадолго и к вам не приеду; но то-то хорошо было, коли бы в это же время судьба принесла вас к Борису.

Кланяюсь от себя и от жены Марье Петровне. Мы в июне намерены со всей семьей переехать в Никольское — тогда увидимся и я уже наверное буду у вас*.

Что за злая судьба на вас! Из ваших разговоров я всегда видел, что одна только в хозяйстве была сторона, которую вы сильно любили и которая радовала вас, — это коннозаводство, и на нее-то и обрушилась беда. Приходится вам опять перепрягать свою колесницу и юхванство перепрячь из оглобель на пристяжку; а мысль и художество уж давно у вас переезжены в корень. Я уж перепряг и гораз-

до покойнее поехал.

187. А. А. Толстой

1865 г. *Июля 5. Никольское-Вяземское.* 5 июля. Никольское.

Я узнал от Арсеньевой, что вы в Петербурге, живы и здоровы и очень заняты, и пишу вам, надеясь отослать это письмо. Вы меня упрекаете в том, что не пишу, а ежели я дослужусь до биографии, то после моей смерти в бумагах моих найдут больше писем вам, чем у вас. Я в апреле или в мае написал вам длинное письмо и не послал*. Не послал потому, что в то время было получено известие о смерти наследника, и я думал, что вам не до меня. Я знаю, что вы чувствуете с ними вместе, как член семейства. Еще не послал потому, что в том письме я говорил, что скоро увижу вас. Мы имели намеренье ехать на лето за границу. Теперь мы раздумали и из Ясной Поляны уехали еще в большую глушь, в село Никольское Чернского уезда. Адрес: в Чернь. Еще я не послал вам письмо оттого, что ждал от вас ответа на мое большое письмо, напечатанное в «Русском вестнике»*. А мне очень хо-

телось и хочется получить на него ответ именно от вас. Я все ждал; но теперь думаю — на то письмо вы считаете, что не стоит того отвечать; все-таки надо не терять вас из вида. Как мы оба, должно быть, переменялись с тех пор, как не видались, как много, я думаю, с тех пор мы выросли большие. Подумаю о том, что прежде для вас ваше заведение было немножко игрушка, нравственная роскошь (я помню, как вы там говели); теперь, говорят, вы всей душой отдались этому делу*. Ваше последнее письмо только заинтересовало меня, и я очень желал бы знать подробнее, в чем состоит ваше заведение, какие трудности и какие радости? Напишите мне, коли вы считаете меня достойным. А я достоин уже потому, что теперь я стал гораздо менее требователен на формы добра и, не говоря о том, что касается вас, принимаю участие во всем, что делается не для рубля, не для чина и не для мамона. Я забыл благодарить вас еще за ваше славное последнее письмо, благодарить вас и вашего брата*. Мы с Соней тронулись оба этим письмом и посмеялись. Подняться с места с двумя детьми не столько трудно, сколько страшно.

Все кажется, поедешь — и тут и случится несчастье, и весь век упрек. Только когда обживешься семьей, почувствуешь всю истину пословицы: *le mieux est l'ennemi du bien**, А как переменяешься от женатой жизни, я никогда бы не поверил. Я чувствую себя яблоней, которая росла с сучками от земли и во все стороны, которую теперь жизнь подрезала, подстригла, подвязала и подперла, чтобы она другим не мешала и сама бы укоренялась и росла в один ствол. Так я и расту; не знаю, будет ли плод и хорош ли, или вовсе засохну, но знаю, что расту правильно. Что делают все ваши — настоящая бабушка, то есть Прасковья Васильевна? Как ее здоровье и есть ли надежда увидеть ее проездом, как бывало? Мы от станции Богуслова в 7 верстах и можем поместить лучше, чем в Ясном. Из того Сонного живота, который она благословила, уезжая от нас, тому назад два года вышел мальчик, к которому с каждым днем у меня растет новое для меня неожиданное, спокойное и гордое чувство любви. Очень хорошее чувство. Соня мне рассказывала, что, уезжая, она перекрестила ее и ее живот, и это ее очень

тронуло. Девочка наша хороша всем: и избытком здоровья (мать кормит), и живостью, но к ней еще нет во мне никакого чувства. Вот ежели бы нынешнее лето ваши были у Вадбольских*, отсюда я бы, наконец, исполнил мое давнишнее желание съездить к ним. Еще я вам не писал оттого, что с весны я был нездоров, и у нас было семейное горе, не в ближайшей степени семейное, но близкое и тяжелое*. Вместе с нездоровьем и холодной мрачной весной (на нас, деревенских, это сильно действует) я провел тяжелый месяц. Теперь я оживаю и потому спешу с вами сообщить. Соня целует вас. Прощайте. Пишите в Чернь.

188. П. Д. Боборыкину
<неотправленное>*

1865 г. Июль... август. Никольское-Вяземское.

Милостивый государь Петр Дмитриевич.

Я не отвечал вам на последнее ваше письмо*. Извините. Но благодаря вашей любезности — присылки мне «Библиотеки для чтения»*, которой я не заслуживал, — так как так занят своим одним писаньем, что едва ли напишу что-нибудь, — благодаря присылке «Библиотеки для чтения», я получил ваше всеобщее письмо «Земские силы»*, на которое мне очень хочется отвечать. Я жил в том мире, в котором вы теперь живете, и знаю то вредное влияние, под которым гибнет ваш замечательный художественный талант. Прочтя оба ваши романа*, особенно две части последнего, я чувствую, что полюбил сильно ваш талант. Я говорю это для того, чтобы вы простили мне те упреки, которые на основании этого чувства я считаю себя вправе вам сделать. Я пишу не затем, чтобы заявить вам

свое сочувствие, не затем, чтоб сблизиться с вами — и то и другое мне очень желательно, — но я нахожусь в наивном убеждении, что мои замечания, может быть, на сколько-нибудь подействуют и очистят от вредных, напущенных на ваш талант петербургско-литературных наплывов.

1) Вы пишете слишком небрежно и поспешно, не выбрасываете достаточно из того, что написано (длинноты), недостаточно употребляете тот прием, который для эпика-прозаика составляет всю премудрость искусства, — недостаточно просеиваете песок, чтобы отделять чистое золото.

2) Язык небрежен; а вы, с вашим тонким вкусом, который чувствуется во всем, усвоили себе безобразную манеру, введенную недавно не знаю кем, говорить так: «Здравствуйте», — поклонился он», и употребляете, хотя и меткие, но тривиальные выражения, которые не оскорбляют у Писемского, но оскорбляют у вас.

3) И главное. Оба ваши романа писаны на современную тему. Вопросы земства, литературы, эмансипации женщин и т. п. полемиче-

ски выступают у вас на первый план, а эти вопросы в мире искусства не только не занимательны, но их нет. Вопросы эмансипации женщин и литературных партий невольно представляются вам важными в вашей литературной петербургской среде, но все эти вопросы трепещутся в маленькой луже грязной воды, которая кажется океаном только для тех, кого судьба поставила в середину этой лужи. Цели художества несоизмеримы (как говорят математики) с целями социальными. Цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех ее проявлениях. Ежели бы мне сказали, что я могу написать роман, которым я неоспоримо установлю кажущееся мне верным воззрение на все социальные вопросы, я бы не посвятили двух часов труда на такой роман, но ежели бы мне сказали, что то, что я напишу, будут читать теперешние дети лет через 20 и будут над ним плакать и смеяться и полюблять жизнь, я бы посвятил ему всю свою жизнь и все свои силы.

Я недели две как написал вам это и не по-

слал, раздумывая, как бы не оскорбились вы советами, на которые ничто мне не дает никакого права*.

189. А. Е. Берсу

1865 г. *Ноября 3...4. Ясная Поляна**.
[поду]мывал о поездке за границу, о лечении и в душе начинал отчаиваться. «Не могу работать — писать, все мне скучно и мне все скучны, говорил я сам себе, лучше не жить!» Но мне пришло в голову, прежде чем решаться на что-нибудь, сделать над собой опыт самой строгой диеты. Я начал 6 дней тому назад. Правда, кроме того, я каждый день обтираюсь весь водой и делаю хоть понемногу гимнастику. 6 дней я стараюсь есть как можно меньше, так что чувствую голод, не пью ничего, кроме воды с полрюмкой вина, и 6 дней я совсем другой человек. Я свеж, весел, голова ясна, я работаю — пишу по 5 и 6 часов в день, сплю прекрасно, и все прекрасно. С любопытством ожидаю последствий этого опыта — случайность это или нет? Но ежели это не случайность, для того, чтобы жить всегда так, как я живу теперь, а не прежде, я не

только готов не есть, но готов бы был, чтобы каждое утро меня невидимо сек бы кто-нибудь, хотя бы и очень больно.

Есть в Петербурге профессор химии Зинин, который утверждает, что 99/100 болезней нашего класса происходят от объединения. Я думаю, что это великая истина, которая никому не приходит в голову и никого не поражает только потому, что она слишком проста. Дописываю теперь, т. е. переделываю и опять и опять переделываю свою 3-ю часть*. Эта последняя работа отделки очень трудна и требует большого напряжения; но я по прежнему опыту знаю, что в этой работе есть своего рода вершина, которой достигнув с трудом уже нельзя остановиться и не останавливаясь катишься до конца дела. Я теперь достиг этой вершины и знаю, что теперь, хорошо ли, дурно ли, но скоро кончу эту 3-ю часть. Не кончив же эту часть, мы не тронемся в Москву. Так уж это мы *tacitu consensu** признали. В Москве займусь печатанием отдельной книжкой, вероятно. Впрочем, меня не занимает никогда, как я напечатаю, только бы было написано, т. е. кончено для меня, чтобы ме-

ня не тянула больше эта работа, и я мог бы заняться другою.

Твоя присылка письма Саши мне очень была приятна; ежели бы ты также присылал бы и другие его письма иногда, я бы был очень рад и понимал бы, в каком он находится состоянии. Теперь очень интересно, как он в первое время себя устроит и поставит. Меня бы на его месте в его года выгнали бы из полка через две недели, но он славный малый, я его очень люблю и за то, что он брат моей жены, и за то, что он такой, какой он есть — совершенно другого нравственного склада, чем я.

Петр Андреич должен быть теперь уже большой человек, не засыпающий за ужином и знающий своего Цумпта* с обеих сторон. В какой факультет он готовится? Не успеешь оглянуться, как придется делать этот вопрос и о Сереже. До сих пор кажется, что он готовится в факультет кучеров. Откуда это берется, но он к огорчению моему возит все, что попало, и кричит, подражая мужицкому голосу, воображая, что он едет.

Нынешний год мы приедем еще в Москву

за делами, как бы проездом, но с будущей зимы, я часто мечтаю о том, как иметь в Москве квартиру на Сивцевом Вражке, по зимнему пути прислать обоз и приехать и пожить 3, 4 месяца в своем перенесенном из Ясного мирке с тем же Алексеем, той же няней, тем же самоваром и т. п. Вы, весь ваш мир, театр, музыка, книги, библиотеки (это главное для меня последнее время) и иногда возбуждающая беседа с новым и умным человеком, вот наши лишения в Ясном. Но лишение, которое в Москве может быть гораздо сильнее всех этих лишений, это считать каждую копейку, бояться, что у меня неостанет денег на то-то и на то-то, желать что-нибудь бы купить и не мочь и, хуже всего, стыдиться за то, что у меня в доме гадко и беспорядочно. Поэтому до тех пор пока я не буду в состоянии отложить только для поездки в Москву по крайней мере 6000, до тех пор мечта эта будет мечтою. Ежели ничего особенного не случится, то на будущий год это будет почти возможно. Из всех городских жизней московская для нас самая близкая и приятная, но горе в том, что нет города, в котором бы так дурно, неудобно

устроена была жизнь, как в Москве, для людей с нашим состоянием. Железная дорога это, вероятно, поправит. Прощайте, целую и обнимаю всех.

190. А. А. Толстой

1865 г. *Ноября 14. Ясная Поляна.*
Очень благодарю вас, любезный друг, за ваше последнее письмо и разговор с Долгоруким*.

Я послал ваше письмо и брульон* письма Долгорукому к Машеньке. Мне кажется, что дело может быть выиграно. Люди, в руках которых векселя, очень робки, чувствуя себя виноватыми. Они сдадутся перед первым угрожительным увещанием. А Машенька очень жалка с своим неумением вести дела и с запутанными долгами имениями. Вам будет на душе еще приятное доброе дело.

Ваше последнее письмо писано второпях. Я и не имею никакого права ожидать другого; но все-таки мне страшно, что вы чем-нибудь недовольны мной. Бог даст, нынешней зимой я побуду, поговорю и послушаю вас долго вечером за ширмами в комнате Лизы* и утром

В вашем верху, с которым у меня навсегда соединяется одно из самых дорогих воспоминаний — что-то такое — энергия, 107 ступенек, много впереди, дружба и 107 ступенек. Так я говорю, — повидавшись с вами, я знаю, что я надолго запасусь освеженным доверием, исключаящим страх быть ненужным другим, который бывает у меня с большинством людей — и даже с вами. Это, должно быть, оттого, что мне мало нужно людей. Пишите мне побольше о себе, а то вы всегда мне казались немного непонятной, — чуждой, а теперь, я боюсь, это будет еще больше и испортит наше свиданье, от которого я жду много радостного. Вы обо мне не можете сказать того же. Я думаю, я и всегда был понятен, а теперь еще более, теперь, как я вошел в ту колею семейной жизни, которая, несмотря на какую бы то ни было гордость и потребность самобытности*, ведет по одной битой дороге умеренности, долга и нравственного спокойствия. И прекрасно делает! Никогда я так сильно не чувствовал всего себя, свою душу, как теперь, когда порывы и страсти знают свой предел. Я теперь уже знаю, что у меня есть душа, и бес-

смертная (по крайней мере, часто я думаю знать это), и знаю, что есть бог. Вы интересовались моим внутренним воспитанием, и потому я вам говорю это.

Я вам признаюсь, что прежде, уже давно, я не верил и в это. Последнее время чаще и чаще во всем вижу доказательство и подтверждения этого. И рад этому. Я не христианин и очень еще далек от этого; но опыт научил меня не верить в непогрешительность своих суждений, и все может быть! Вы на это мне ничего не пишите и не говорите. Все знание приходит людям путем неразумным. Я Серёжу учу говорить: «Таня»; он не может, а говорит «губка», что гораздо труднее.

Почему вы говорите, что я поссорился с Катковым? Я и не думал. Во-первых, потому что не было причины, а во-вторых, потому что между мной и им столько же общего, сколько между вами и вашим водовозом. Я и не сочувствую тому, что запрещают полякам говорить по-польски, и не сержусь на них за это, и не обвиняю Муравьевых и Черкасских*, а мне совершенно все равно, кто бы ни душил поляков или ни взял Шлезвиг-Голштейн или

произнес речь в собрании земских учреждений.

И мясники бьют быков, которых мы едим, и я не обязан обвинять их или сочувствовать.

Романа моего написана только 3-я часть, которую я не буду печатать до тех пор, пока не напишу еще 6 частей, и тогда — лет через пять — издам всё отдельным сочинением*. Островский — писатель, которого я очень люблю, — мне сказал раз очень умную вещь. Я написал два года тому назад комедию* (которую не напечатал) и спрашивал у Островского, как бы успеть поставить комедию на Московском театре до поста. Он говорит: «Куда торопиться, поставь лучше на будущий год». Я говорю: «Нет, мне бы хотелось теперь, потому что комедия очень современна и к будущему году не будет иметь того успеха».

— «Ты боишься, что скоро очень поумнеют?»

Так я этого не боюсь в отношении своего романа. А работать, не имея в виду хлопающей или свистящей публики (через 5 лет будешь ли жив сам, будет ли жива та публика?), гораздо приятнее и работа достойнее (dignité).

Теперь поздняя осень; охота, отвлекающая меня, кончилась, и я много пишу и много вперед обдумываю будущих работ, которым, вероятно, никогда не придется осуществиться, и все это с верой в себя и убеждением, что я делаю дело. А в этом главное. Много у нас — писателей, есть тяжелых сторон труда, но зато есть эта, верно вам неизвестная, *volupté** мысли — читать что-нибудь, понимать одной стороной ума, а другой — думать и в самых общих чертах представлять себе целые поэмы, романы, теории философии. Я все много думаю о воспитании, жду с нетерпением времени, когда начну учить своих детей, собираюсь тогда открыть новую школу и собираюсь написать *résumé* всего того, что я знаю о воспитании, и чего никто не знает, или с чем никто не согласен.

Видите, с какой трогательной наивностью я пишу вам с удовольствием о себе. Это или эгоизм, или доверие, или и то и другое. Берите с меня пример. Вы скажете: что я хочу знать о вас? То, что я бы хотел знать о себе, и то, что я сейчас написал, то есть все мои задушевные мысли, планы — внутренняя работа.

Я пишу это письмо у тетенки на столе. Вы бы были тронуты, ежели бы видели, с какой любовной охотой она дала мне письменные материалы, для того чтобы писать вам. Она вас очень, особенно любит. Она любит всех ваших, но вас особенно. Какое чудесное существо, но которое, я сколько раз с вами ни говорил про нее, я знаю, что я вам не растолковал. Нечего рассказывать, а надо знать эту простую и прекрасную душу, как я, 35 лет. Она была так больна нынче летом, что мы думали — кончено. Теперь ей лучше; но мы поняли, как она дорога нам. Мы хотели ехать в Москву до праздников, но теперь выходит, что поедем после*. Это всегда так с нами выходит, когда мы собираемся ехать куда-нибудь. Где мы, там и хорошо. Только чтобы это всегда так было! Итак, мы поедем все-таки для того, чтобы Соня увидела своих и показала им внучат. Я понимаю, какая это должна быть гордая радость. И оттуда, оставив детей у родных, на несколько дней приедем в Петербург*, где я и буду иметь честь не без некоторого трепета и гордости представить вам свою жену. Ежели бы я не был нынче в духе

полной искренности (иногда (даже всегда) желаешь быть искренним, но не можешь), я бы сказал вам, что она вас любит, но теперь скажу, что она готова любить вас, но находится в отношении вас в некотором недоумении, очень заинтересована, как она сама говорит, как никогда никакой женщиной, и, вместе с тем, я уверен, имеет в душе чувство, которое Ларошфуко заметил бы только, чувство немного враждебное, какое мы имеем всегда к людям, которых мы не знаем и которых все, начиная с мужа, чрезмерно хвалят. Смотреть же глазами мужа она не может, так как хорошая жена смотрит на все глазами мужа, исключая на женщин.

Что делают и где все ваши?

Прощайте, до свиданья. Все у вас ли страшный швейцар, которого я испугал в 12 часов ночи?

14 ноября.

Где Алексей Толстой?* Кланяйтесь ему от меня, коли он в Петербурге.

191. А. А. Толстой

1865 г. *Ноября 26...27. Ясная Поляна.*
Сейчас получил ваше милое, доброе, ясное письмо* и говорил себе: отвечу завтра; но не могу удержаться — не дают мне покоя все те мысли, которые пришли по случаю этого письма, и пишу сейчас же. Третьего дня я был в Туле, видел М. Лонгинова и он, между прочими новостями, равнодушно сказал мне о замужестве Тютчевой и вашем назначении*. Хотя он вас не знает, кажется, вам будет интересно знать, в каких выражениях он сказал мне это: «Анна Тютчева так надоела им всем, что они рады были отвязаться от нее, а лучше Толстой они не могли, то есть нельзя найти на ее место». Новость эта меня ужасно поразила. Для меня это был выстрел из двуствольного ружья. Во-первых, брак (не брак, а это надо назвать как-нибудь иначе, надо приискать или придумать слово), пока — брак А. Тютчевой с Аксаковым порастил меня, как одно из самых странных психологических явлений. Я думаю, что ежели от них родится плод мужеского рода, то это будет

тропарь или кондак*, а ежели женского рода, то российская мысль, а может быть, родится существо среднего рода — воззвание или т. п.

Как их будут венчать? и где? В скиту? в Грановитой палате или в Софийском соборе в Царьграде? Прежде венчания они должны будут трижды надеть мурмолку* и, протянув руки на сочинения Хомякова*, при всех депутатах от славянских земель произнести клятву на славянском языке. Нет, без шуток, что-то неприятное, противуестественное и жалкое представляется для меня в этом сочетании. Я люблю Аксакова. Его порок и несчастье — гордость, гордость (как и всегда), основанная на отрешении от жизни, на умственных спекуляциях. Но он еще был живой человек. Я помню, прошлого года он пришел ко мне и неожиданно застал нас за чайным столом с моими *belles sœurs**. Он покраснел. Я очень был рад этому. Человек, который краснеет, может любить, а человек, который может любить, — все может. После этого я разговорился с ним с глазу на глаз. Он жаловался на сознание тщеты и пустоты своего газетного труда*. Я ему сказал: «Женитесь. Не в обиду вам будь

сказано, я опытом убедился, что человек неженатый до конца дней мальчишка. Новый свет открывается женатому». Вот он и женился. Теперь я готов бежать за ним и кричать: я не то, совсем не то говорил. Для счастья и для нравственности жизни нужна плоть и кровь. Ум хорошо, а два лучше, говорит пословица; а я говорю: одна душа в кринолине нехорошо, а две души, одна в кринолине, а другая в панталонах, еще хуже. Посмотрите, что какая-нибудь страшная нравственная monstruosité* выйдет из этого брака. Я знаю, что вы рассердитесь на меня за то, что я так говорю о вашей предшественнице, которую вы теперь стараетесь любить еще больше, чем прежде; но я не мог. С тех пор как я узнал эту новость, я каждый день по нескольку раз думаю об этом — не браке, а слиянии двух — не душ, а направлений, и я не могу успокоиться и говорить с вами о вас, пока не выскажу всего. Простите, ежели я вас огорчил.

Соня удивилась тому, что вы так боитесь того, что вам предстоит, но я и не ждал иначе. Страшно — я это очень понимаю. Я воспитыва-

вал своих яснополянских мальчиков смело. Я знал, что каков бы я ни был, — наверное мое влияние для них будет лучше того, какому бы они могли подчиниться без меня; но здесь, я понимаю, что государыня могла и желала иметь наилучшую воспитательницу чуть не во всем свете. И вдруг эта самая лучшая воспитательница — я, Александра Андреевна Толстая. Я понимаю, что это страшно. Но вам бояться нечего, сколько я вас знаю и сколько ни стараюсь смотреть на вас самым непристрастным взглядом. И вот отчего, как мне кажется. Что вы умная, образованная и добрая женщина, это знают другие; я знаю то, что, кроме всего этого, вы, противно вашей предшественнице, не одна душа в саже*, а в вас плоть и кровь — в вас были, есть и будут людские страсти. Приговариваться, рассуждать, обдумывать вы будете и молиться будете, а действовать будете только по инстинкту и без колебания, без выбора, а потому, что вы не в состоянии будете поступить иначе. А такое человеческое страстное влияние полезно, воспитательно действует на человеческих детей, а разумное, логическое влияние действу-

ет вредно. Это мое убеждение не придуманное, а выжитое. В воспитании всегда, везде, у всех была и есть одна ошибка: хотят воспитывать разумом, одним разумом, как будто у ребенка только и есть один разум. И воспитывают один разум, а все остальное, то есть все главное, идет, как оно хочет. Обдумают систему воспитания разумом опять, и по ней хотят вести всё, не соображая того, что воспитатели сами люди и беспрестанно отступают от разума. В школах учителя сидят на кафедрах и *не могут* ошибаться. Воспитатели тоже становятся перед воспитанниками на кафедре и стараются быть непогрешимыми.

Но детей не обманешь, они умнее нас. Мы им хотим доказать, что мы разумны, а они этим вовсе не интересуются, а хотят знать, честны ли мы, правдивы ли, добры ли, сострадательны, есть ли у нас совесть, и к несчастью, за нашим стараньем выказаться только непогрешимо разумными, видят, что другого ничего нет.

Сделать ошибку перед ребенком, увлечься, сделать глупость, человеческую глупость, даже дурной поступок и покраснеть перед ре-

бенком и сознаться, гораздо воспитательнее действует, чем 100 раз заставить покраснеть перед собой ребенка и быть непогрешимым. Ребенок знает, что мы тверже, опытнее его и всегда сумеем удержать перед ним эту ореолу непогрешимости, но он знает, что для этого мало нужно, и он не ценит этой ловкости, а ценит краску стыда, которая выступила против моей воли на лицо и говорит ему про все самое тайное, хорошее в моей душе. Я помню, как передо мной покраснел раз Карл Иванович*. Ежели бы в самом деле могла быть душа или, скорее, разум в кринолине, тогда бы все было прекрасно; но, к несчастью, в душе этой было настолько земного лимона (limon), что она пошла за Аксакова. И дети смотрят на воспитателя не как на разум, а как на человека. Воспитатель есть первый ближайший человек, над которым они делают свои наблюдения и выводы, которые они потом прикладывают ко всему человечеству. И чем больше этот человек одарен человеческими страстями, тем богаче и плодотворнее эти наблюдения. И вы такой человек. В вас есть общая нам толстовская дикость. Недаром Федор Ива-

нович* татуировался. Я жду того, что вас будет любить ваша воспитанница так же, как любят вас ваши друзья, и тогда все будет хорошо. У женщин есть одно только нравственное орудие вместо всего нашего мужского арсенала — это любовь. И этим только орудием успешно ведется женское воспитание. Будет оно у вас, то вы не будете ни учиться, ни думать, ни приготавливаться, — не будет, так вы откажетесь.

Вы охотница до моего сумбура; вот вам целые четыре страницы. Тетенька и Соня целуют вас, я вас ужасно люблю и желаю вам счастья и успеха. Не желая даже, я вперед радуюсь за ваше счастье в сознании действительного дела, — одного из лучших в жизни — которому вы отдались все.

Прощайте. До свидания, бог даст.

192. А. А. Фету

1865 г. *Декабря середина**. Ясная Поляна. Все собираюсь, собираюсь писать вам, любезный друг Афанасий Афанасьич, и откладываю, оттого что хочется много написать. А кроме многого надо написать малое нужное. Вот что: получив ваше письмо, мы ахнули. Жена говорит: вот как он хорошо про собачий воротник, проеденный молью, говорит*, а едет-таки в Москву. Я, как более опытный человек, не удивился и не ахнул. Одно, что нас обоих занимает, это то, когда вы едете в Москву? и, главное, когда вы будете у нас? Надеемся, что поездка в Москву не изменит плана погостить у нас. Мы вас обоих еще раз оба очень об этом просим. Мы сами едем в Москву после праздников, т. е. в половине генваря, и пробудем до февраля*. Когда же вы будете у нас: до или после? Пожалуйста, напишите. Что вы поделяваете? Как хозяйство? Не пишете ли что? У нас все хорошо. Дети и жена здоровы. Хозяйством я перед вами похвастаюсь, когда вы приедете*. И я довольно много написал нынешнюю осень — своего рома-

на*. *Ars longa, vita brevis**, думаю я всякий день. Коли бы можно бы было успеть 1/100 долю исполнить того, что понимаешь, но выходит только 1/10000 часть. Все-таки это сознание, что *могу*, составляет счастье нашего брата. Вы знаете это чувство. Я нынешний год с особенной силой его испытываю.

Ну и прощайте, обнимаю вас, кланяемся вашей жене.

Напишите же, пожалуйста, когда наверное вы будете у нас. Мы хотим вас поместить получше, чтоб вы подольше у нас погостили. Не говорите: ничего не нужно и т. п., вы лишите нас огромного удовольствия, на которое мы с осени рассчитываем, подольше побыть с вами. У нас теперь гости: сестра с дочерьми, на праздник приедут Дьяковы и *Феты*, и всем будет хорошо, ежели вы напишете наверное.

1866

* 193. Н. А. Любимову

1866 г. Марта 18. Ясная Поляна.
Милостивый государь Николай
Алексеевич.

Посылаю поправленные корректуры*. Они не могут составить отдела для 3-й книжки. К ним нужно прибавить еще гранки две — прощение Кутузова с Багратионом*, которые и прошу покорно потрудиться прислать. Сражение составит 3-й отдел. Во всяком случае прошу вас покорно распорядиться присылкою ко мне рукописи. Рукопись мне особенно необходима для последующего — весьма запутанного*.

В № газеты присылать несколько рискованно, так как часто случается, что мне приносят чужие №-а и обратно.

Будьте так добры, не забудьте прислать рукопись, она мне необходима.

С совершенным почтением. Имею честь быть покорный слуга.

Гр. Л. Толстой.

18 марта.

194. М. С. Башилову

1866 г. *Апреля 4. Ясная Поляна.*

Только собирался писать вам с вопросами о нашем деле, любезный Михаил Сергеич, когда получил ваше письмо* и сейчас, по объявлению, рисунки.

1) *Анна Михайловна, просящая за сына князя Василья* — превосходно — она — он — прелестны. Hélène — нельзя ли сделать погрудастее (пластичная красота форм — ее характернейшая черта). Вообще желаю только, чтобы этот рисунок был так же хорош на дереве, как он есть теперь.

2) *Пари.* Пьер нехорош, но Анатолий прекрасен, и

3) *Пьер.* — Лицо его хорошо (только бы волю ему придать побольше склонности к философствованию — морщинку или шишки над бровями), но тело его мелко — пошире и потучнее и покрупнее его бы надо.

4) *Вечер у Шерер.* Группа хороша, но князь Андрей велик ростом и недостаточно презри-

тельно-ленив и грациозно-развалившийся.

5) Портрет князя Василья — прелесть.

6) Портрет княгини Болконской — *idem**. Этот портрет необычайно хорош. Вы не можете себе представить наслаждение, которое он мне доставил. Не знаю, нужно ли сделать его меньше размером, но миниатюрнее надо сделать ее члены, то есть ее *bras** длинен, но, впрочем, он так хорош, что страшно трогать.

7) Портрет Иполита, которого вы ошибочно назвали Анатолом, — прекрасен, но нельзя ли, подняв его верхнюю губу и больше задрав его ногу, сделать его более идиотом и карикатурнее?

Портрет Пьера, я думаю, не сделать ли лежащим на диване и читающим книгу, или рассеянно задумчиво глядящим вперед через очки, оторвавшись от книги — облокотившись на одну руку, а другую засунув между ног. Даже, наверно, это будет лучше, чем стоячим, впрочем, вы лучше знаете*.

Выбор сцен и портретов я весь одабриваю, исключая Иполита (которого вы называете ошибочно Анатоль), но вы так хорошо его сделали, что его надо оставить.

Вообще я не нарадуюсь нашему предприятию. Ради бога, не откладывайте своего намерения выставить ваши рисунки. Ежели только Рихау* не испортит, то это будут мастерские и замечательные вещи. Я с этой же почтой пишу Андрею Евстафьевичу* о деньгах; надеюсь, однако, что Рихау уже получил их. Да, еще: Анатолий в сцене *пари* очень хорош, но нельзя ли покрупнее и тоже погрудастее. Он будет в будущем играть важную роль красивого, чувственного и грубого жеребца.

Вы, как видно из присланного вами, в хорошем духе работать. И я тоже не ошибся, говоря вам, что я чувствую себя очень беременным. С тех пор, как я из Москвы, я кончил целую новую часть, равную той, которую я читал вам, то есть кончил то, что я и намерен был печатать осенью, но дело пошло так хорошо, что я пишу дальше и льщу себя надеждой написать к осени еще такие 3 части, то есть кончить 12-й год и целый отдел романа. Ежели бы мечтания мои сбылись, то я просил бы вас сделать еще 30 рисунков. И я бы издал огромный роман в 30 печатных листов с 30 рисунками в октябре и 30 листов с 30 рисун-

ками к Новому году. Одного только боюсь и трепещу, чтобы какое-нибудь обстоятельство не помешало вам докончить это дело. Помогай вам бог Феб и дай вам здоровья и для вас, и для вашей семьи, и для меня.

Жена кланяется вам и Марье Ивановне, равно и я. Дети наши здоровы, надеюсь и желаю, что и ваши тоже.

С тех пор как приехали, делаю бюст жены, но до сих пор ничего не выходит.

Гр. Л. Толстой.

4 апреля.

Пересмотрел еще все рисунки и не мог оторваться от них. Они необыкновенно хороши, особенно портреты и сцена князя Василья с Анной Михайловной. Перечел свое письмо и боюсь, что вам покажется, что делаю придиричivéе и не идущие к делу замечания. Смотрите на них, как бы их и не было, и напишите мне, могут ли вам быть годны такого рода замечания или только мешают вам. В первом случае я смело буду писать вам, что придет в голову. Но, во всяком случае, я скажу, что ожидал от вас большого, но то, что вы сделали, превзошло мои ожидания.

Я пишу Андрею Евстафьевичу, у которого есть мои деньги, чтобы он выдавал по вашему требованию. Но ежели он не передал еще Рихау, напишите ему записочку, чтобы он это сделал.

Дружески жму вашу руку и желаю вам всего лучшего.

195. А. А. Фету

1866 г. Мая 10...20. Ясная Поляна.

Очень мне стыдно, любезный друг Афанасий Афанасьич, что так долго не писал вам и, главное, не отвечал на последнее ваше, такое славное письмо*. Особенно язычок мне понравился! Это так верно; и я так это понимаю.

За стихи Соня, краснея от удовольствия, благодарит вас*. Главное, оттого я и не пишу, что не умею писать просто; а непросто — неприятно. Чем ближе люди между собою (а вы по душе мне один из самых близких), тем неприятнее писать, тем чувствительней несоответственность тона письма — тону действительных отношений. Вы меня уж поняли, но для своего удовольствия не могу воз-

держаться от примера.

Борисов, по его письмам, есть огромного роста 7-ми пудовый весельчак, сангвиник, ставящий последнюю копейку ребром*.

Настоящие мои письма к вам — это мой роман*, которого я очень много написал. Как какой-то француз сказал: *une composition est une lettre qu'on écrit à tous ses amis inconnus**. Напишите, пожалуйста, свое мнение — откровенно. Я очень дорожу вашим мнением, но, как вам говорил, я столько положил труда, времени и того безумного авторского усилия (которое вы знаете), так люблю свое писание, особенно будущее — 1812 год, которым теперь занят, что не боюсь осуждения даже тех, кем дорожу, а рад осуждению. Например, мнение Тургенева о том, что нельзя на 10 страницах описывать, как NN положила руку, мне очень помогло*, и я надеюсь избежать этого греха в будущем. Пожалуйста, скажите поправдивее, то есть порезче. Что вы говорите о 4-м апреле?* Для меня это был *coup de grâce**. Последнее уважение или робость внутреннего суда над толпой исчезла. Ведь это всенародно, с важностью, при звоне колоко-

лов вся Россия, которая слышна, делает глупости с какой-то радостью и гордостью, и ведь какие глупости! Глупости, которыми я стыдил бы 3-хлетнего Сережу. Осип Иванович Комиссаров член разных обществ, молебствие о том, что в царя стреляли, студенты у Иверской* — сапоги всмятку, желуди говели.

А Катков-то ваш погиб*. И погиб, знаете, чем? Тем, что он осердился: Il n'y a pas de bonne cause qui ne soit perdue dès qu'on se fâche*.

А это особенно правда в литературе, даже в газетной, не говоря уж о нашей. Пушкин умел сердиться особенно. А сердиться в романе или в длинной статье, как вы иногда покушались, не годится*.

Как вы приняли нынешнюю весну? Прелестную, какой я не помню. Верно, написали весну*. Пришлите.

Как началась весна, так я тысячу раз в различных ее фазах читал ваши старые к неизвестным друзьям о весне письма. И «кругами обвело», и «верба пушистая», и «незримые усилия»* несколько раз прочлись мне, который не помнит стихов.

Вы читаете Аристофана. Я это очень понимаю и читаю хоть и свежее, но в том же роде — «Дон-Кихота», Гете и последнее время всего Victor Hugo. Знаете что, о V. Hugo никто не говорит, и все его забыли, именно оттого, что он всегда и у всех останется, не так, как Байроны и Вальтер-Скотты. Читали ли вы в его полных сочинениях его критические статьи? Все, что у нас об искусстве лет 10 тому назад, да и теперь, пожалуй, пересуживается *à tort et à travers**, 30 лет тому назад высказано им, да так, что нельзя слова прибавить и слова выкинуть*.

Хозяйством я доволен, семейной жизнью очень, работой своей (особенно до яркого тепла) чрезвычайно. Чего и вам желаю, и уверен, что вы то же имеете, потому что того же заслуживаете.

Знаете, что я в нынешнее пребывание в Москве начал учиться скульптуре. Художником я не буду, но занятие это уже дало мне много приятного и поучительного.

Роман свой я надеюсь кончить к 1867 году и напечатать весь отдельно с картинками, которые у меня уж заказаны, частью нарисова-

ны Башиловым (я очень доволен ими) и под заглавием: «Все хорошо, что хорошо кончается»*.

Скажите, пожалуйста, свое мнение о заглавии и о картинках.

Теперь важнейшее. Я нынешний год не могу к вам приехать. Жена родит в июне. Но вы — ради бога — приезжайте к нам с Марией Петровной, которой оба с Соней дружески жмем руку, приезжайте к нам погостить в период от июля начала до сентября. Ведь вы, верно, будете во Мценске в это время. Ведь это 100 верст. Пожалуйста.

До свидания, милый друг.

196. М. С. Башилову

1866 г. Июня 4. Ясная Поляна.
Уважаемый Михаил Сергеич!

В самом начале моего писания «1805 года» я где-то нашел, что пудра была снята в начале царствования Александра, и на этом основании так и писал; потом, так же, как и вам, мне встречались доказательства, что в 5-м году она была. Я так и не знал, как быть, и решил, как в известном анекдоте чиновника с начальником, не знавшим, нужна или не нужна запятая, и решившимся поставить маленькую. Я поставил *маленькую*, то есть избегал говорить о форме; вам же нельзя обойтись *маленькой*, нужно решиться.

Решайтесь же вы сами. Как вам приятнее и ловчее. В пользу того, чтобы рисовать в пудре, говорит то обстоятельство, что, ежели есть положительные доказательства, что была пудра в 5-м году, то я в новом издании исправлю и намекну о пудре и форме. Даже наверно надо рисовать в пудре и исторически верной форме, которой я постараюсь быть верным в новом издании.

Ожидаю ваши рисунки и того подстрекающего чувства, которое они вызывают во мне, а то летом моя работа стала. Как ваша работа — картина?* Дай вам бог успеха и довольства в труде — это лучшее счастье.

Моя жена родила 22 мая сына*. Она целует вашу жену и детей и вам кланяется.

Очень хорошо сделали, что взяли денег у Андрея Евстафьевича. У меня теперь есть свободные деньги, и поэтому я к вашим услугам.

Ваш *гр. Л. Толстой*.

4 июня.

197. А. А. Фету

1866 г. Ноября 7. Ясная Поляна.

Милый друг Афанасий Афанасьич! Я не отвечал на ваше последнее письмо 100 лет тому назад*, и виноват за это тем более, что, помню, в этом письме вы мне пишете очень мне интересные вещи о моем романе и еще пишете *irritabilis poetarum gens**. Ну, уж не я. Я помню, что порадовался, напротив, вашему суждению об одном из моих героев, князе Андрее, и вывел для себя поучительное из вашего осуждения. Он однообразен, скучен

и только un homme somme il faut* во всей 1-й части. Это правда, но виноват в этом не он, а я. Кроме замысла характеров и движения их, кроме замысла столкновений характеров, есть у меня еще замысел исторический, который чрезвычайно усложняет мою работу и с которым я не справляюсь, как кажется. И от этого в 1-й части я занялся исторической стороной, а характер стоит и не движется. И это недостаток, который я ясно понял вследствие вашего письма и надеюсь, что исправил. Пожалуйста, пишите мне, милый друг, все, что вы думаете обо мне, то есть моем писании, — дурного. Мне всегда это в великую пользу, а кроме вас, у меня никого нет. Я вам не пишу по 4 месяца и рискую, что вы проедете в Москву, не заехав ко мне, а все-таки вы человек, которого, не говоря о другом, по уму я ценю выше всех моих знакомых и который в личном общении дает один мне тот другой хлеб, которым, кроме *единого*, будет сыт человек. Пишу вам, главное, затем, чтобы умолять вас заехать к нам, когда вы поедете «обнимать»*. На что это похоже, что мы так подолгу не видимся! Жена и я слезно просим Марию

Петровну заехать к нам. Я на днях один, то есть с сестрой Таней, еду на короткое время в Москву*. Ее я отвожу к родителям, а сам еду для того, чтобы печатать 2-ю часть своего романа*. Что вы делаете? Не по земству, не по хозяйству — это все дела несвободные человека. Это вы и мы делаем так же стихийно и несвободно, как муравьи копают кочку, и в этом роде дел нет ни хорошего, ни дурного; а что вы делаете мыслью, самой пружиной своей Фетовой, которая только одна и была, и есть, и будет на свете? Жива ли эта пружина? Просится ли наружу? Как выражается? И не разучилась ли выражаться? Это главное. Прощайте, милый друг, обнимаю вас; и от себя, и от жены прошу передать душевный поклон Марье Петровне, которую мы надеемся у себя видеть и очень о том просим.

7 ноября.

197а. С. А. Толстой

1866 г. *Ноября 14. Москва. Воскресенье.*
14-го.

Пишу в понедельник утром — в 7 часов. Вчера вечером потушив свечу, в постели вспомнил, что не писал тебе*, и ночью, как будто собираясь на порошу, просыпался беспрестанно из страха пропустить время, — 8 часов.

Вот вчерашний день. Утренний кофе, как всегда. Потом я отправился к Перфильевым, в зоологический сад, к Зайковским, в типографию за ответом*, на выставку картин* и на Петровку к Ржевскому о телятах. Лиза с вечера еще хотела увязаться со мной на выставку, но, благодаря тому, что она дрыхнет до 12-ти, я ушел без нее и вместо ее взял Петю. Право, что за человек эта Лиза! Я ехал к Москве с мыслью, что за глупость, что Лиза, умная, молодая, здоровая девушка, сестра жены, и я от нее кроме неприятного чувства ничего не имею. Не я ли виноват в этом? Постараюсь в этот раз быть с ней как можно проще. Ну, и можешь себе представить, не прошло двух

дней, и она уж тяжела, и я рад, как отделаюсь от нее. Вчера они легли с Таней спать. Таня умоляет не топить, отворить форточку. Лиза настояла, натопила, и Таня всю ночь не спала и потела. Ну, так я пошел с Петей. В зоологическом саду ничего из скотины не нашел нового. Одну телочку холмогорскую, может быть, куплю весною, когда будет аукцион. У Перфильевых застали дома всех, кроме старика. Лакей пошел докладывать, и слышу из-за двери голос Настасьи Сергеевны: давай его сюда! и сидит в серых буклях и корсете, нарядная, только от обедни. Варенька постарела, похудела*. Она связала одеяло Илюше в перфильевском вкусе. Фани* с старшим сыном, здоровая, веселая, тут же. Варенька увязалась с нами на выставку. По дороге встретили Сергея Степановича, и он пошел с нами. На выставке есть картина Пукирева, — того, чей «Неравный брак», — «Мастерская художника»: поп, чиновник и купец рассматривают картину — превосходно. Остальное все не очень замечательно. Есть картинка Башилова. Чего-то недостает Башилову как в жизни, так и в искусстве, — какого-то жизненного

нерва. То, да не то.

Встретил там Боткина с женой, у которых Фет останавливается. Его ждут каждый день. С выставки поехал с Петей к Зайковским. Головиных нет, но видел в первый раз мать. У них был гость, Пановский, тот самый, что я ругаю за фельетоны*, и по-французски в гостиной лопочут, и стараются ужасно. Так это мне смешно. А Ольга милая. Эмилия не нравится мне*. Очень здорова и как будто преисполнена грешных мыслей. Она выдумала себе выщипать брови там, где они срослись, и можешь себе представить, как это вышло уродливо. Это я, как сказал и Зайковским, творил в твое воспоминание. И в самом деле, мне то только весело, что я делаю, и знаю, что ежели бы ты была, ты бы со мной делала и одобряла. Я не вспоминаю о тебе, а сознание тебя при мне всегда. Это не фраза, а это именно так.

В типографии было заперто, и не получил ответа. У Ржевских поговорил, как бы получить штук 5 телят от него, но не знаю, как еще устроится с поением. Дома к обеду пришел Томашевский и Майн. Майн, как всегда, умен, толков, льстив и неприятен. Томашев-

ский ужасно жалок. Он только 3-й день из тюрьмы, где высидел один без сообщений ни с кем, ни с молодой женой, без книг, 4 месяца, и ни за что. За то, что он был знаком с Петерсоном, который тоже ни в чем не виноват. Кто судьи его: Сычинский, Беринг, Михайловский и т. п. отребье рода человеческого. «А напрасно совсем мы вас брали», они сказали ему, выпуская. После обеда приехала тетя Надя с отцом своим. Он болен, она его привезла. Она мне очень поправилась. О тебе, разумеется, очень спрашивает. Вечером поехал к Горчаковым. Застал всех, то есть старика, старуху, Элен и 3-х ее сестер. Посидел, ни скучно, ни весело, часа два и вернулся. Заужинался и лег, забыв писать тебе. Прощай, душенька, я чувствую, что скоро приеду. Теперь не могу ничего решительно сказать, оттого что вопросы о печатании и деньгах ничего не решены. Скажи детям, что папаша велел пикестить, и поцеловать, и прочти им что-нибудь из письма или выдумай, но чтоб они знали, что такое значит писать.

198. С. А. Толстой

1866 г. *Ноября 14. Москва.*

Нынче хоть и поздно, рад, что ничто не мешает писать тебе, мой душенька. Утро точь-в-точь то же, как и прежние дни. Но плохо, что немного 70 лет все эти дни. Пошел в Румянцевский музей, и по случаю Дагмариного рождения* заперто; оттуда, чтоб избавить Таню от выезда, поехал в английский магазин купить ей платье и тебе халат. Халат всем понравился, а платье не одобрили, но оттого, что Таня велела купить в 10 рублей.

Оттуда в типографию. Там на мои условия согласны, но завтра придет еще ко мне господин окончательно переговорить. Дома ждал до обеда Варвинского, который не приехал. Он болен, и завтра Таня с папа едут к нему. Пришел глупый Сухотин. После обеда поехали в театр, в «Фауста»; тетя Надя, Лиза, мама, Таня и я. Потом приехал Андрей Евстафьевич. В театре парад по случаю рожденья Дагмары. «Фауст» глуп*, и хоть ты и не веришь, не люблю театр, и всегда хочется критиковать. Знакомых никого, исключая Сиверцова, который

приходил в ложу. Необыкновенно возмужал и похорошел. Да, забыл. Утром был Василий Исленьев. Он и всегда был противен, а теперь еще гаже: он поступил в судебные пристава, — это вроде частного пристава. Я сделал открытие о том впечатлении, которое он производит на меня, и Таня подтвердила. Неловко и *стыдно* смотреть на него, точно как будто он нечаянно без панталон и сам не замечает этого. Потом были Зайковские: Дмитрий Дмитриевич и Эмилия. Я отрекаюсь от моего первого впечатления о Дмитрие Зайковском. Ты права, он премилый, умный и *comme il faut* молодой человек. И должен быть хороший. С ним я особенно был любезен, и опять в твоё воспоминание. После обеда ещё получил твоё первое письмо*. И мы оба с мамой принялись так хвалить тебя, что самим стало совестно. Как грустно о Машеньке*. А Таню маленькую я так и вижу, и сияю при мысли о ней. Прочти им: *Серёжа милый, и Таня милая, и Илюша милый, я их люблю. Серёжа теперь большой, он будет писать папаше.* И вели ему написать и Тане, то есть нарисовать что-нибудь мне. Из театра, не дослушав акта, поехал

к Сушковым. Там все, как 15 лет тому назад, и также гости; одна кн. Мещерская, урожденная гр. Панина — огромная, с мужскими чертами женщина, очень добрая и неглупая. Я ее звал барышней, и теперь у нее 4, у меня 3 детей. Очень звала к себе в среду. Не знаю, поеду ли? И еще княжна Ливен, очень глупая и топорная барышня. Вернулся домой вместе с нашими, и вместе ужинали очень весело. Таня весела, но из театра, как вышла, так у ней показалась кровь. Ах, эта бедная, милая Таня. Не могу тебе сказать, как она мне жалка и мила. Твое письмо тронуло ее так, что она не могла скрыть слез, и я тоже. Очень грустно, что не нам пришлось ей дать эти деньги, а вся эта крестная путаница. Тютчева, как мне показалось, очень искренно восхищалась прошлогодней частью «1805 года» и говорила, что 2-я часть понравилась ей лучше 1-й, а 3 лучше 2-й*. Я дорожу этим мнением так же, как мнением Сухотина; оно также выражение толпы, хоть немного и повыше Сухотина. Приставали, чтобы я у них прочел что-нибудь, но я сказал, что, во-первых, скоро еду и мало времени, и что мне нужно, чтобы заод-

но слушали те, кого я желаю. Они обещают пригласить того, кого я хочу, но я не обещал решительно. Вяземского в Москве нет. Завтра жду уже твоего письма, ответа на мое, но теперь уж недолго писать. Я скоро приеду. Делать больше нечего. И уж очень грустно без тебя. Ежели не собираюсь еще, то по тому чувству, что все думается, не забыл ли чего-нибудь еще в Москве, о чем после пожалеешь. Прощай, мой милый голубчик, целую тебя в глаза, в шею и руки. Тетеньке целуй руку. Наташе скажи, что Джой в комнатах. И что значит уход-не пакостит. Долли [?] возьми в комнаты.

199. М. С. Башилову

1866 г. Декабря 8. Ясная Поляна.
Любезный Михаил Сергеевич!

Получил ваше письмо* и рисунки. Старый князь очень хорош, особенно там, где он с сыном*. Это именно то, что я желал, но князь Андрей очень не нравится мне. Он велик ростом, черты крупны и грубы, неприятное кислое выражение рта, и потом вся поза и костюм не представительны. Он должен с снисходительной и размягченной улыбкой слушать отца. По случаю этой картинки я много думал о предшествовавших и последующих и спешу вам сообщить свои мысли.

Графа Ростова и Марью Дмитриевну в Даниле Купоре нельзя ли смягчить, убавив карикатурности и подбавив нежности и доброты*.

В поцелуе* — нельзя ли Наташе придать тип Танечки Берс? Ее есть 13-летний портрет, а Бориса сделать не так raïd*.

Pierr'у вообще дать покрупнее черты.

Из того, что вы хотите сделать во 2-ой части, я вычеркнул бы только князя Андрея с

Билибиным, заменив это портретом одного Билибина, стригущего или подпиливающего себе ногти.

Вообще я бы просил вас делать эти рисунки и гравировать их как можно скорее, с тем чтобы, как только вы кончите их, я бы мог вам присылать текст для следующих.

Теперь я вполне уверен, что весь роман будет кончен к будущей осени; и вы знаете, что успех распродажи зависит от того, чтобы он вышел к началу зимы, то есть в Ноябре* — *au plus tard**.

Рисунков должно быть всех, по крайней мере, два раза столько, сколько есть теперь, включая и те, которые вы назначили для 2-ой части, то есть *minimum* рисунков 65.

Можете ли вы и граверы успеть их сделать к Ноябрью? Пожалуйста, напишите. Это *conditio sine qua non**. Деньги как граверам, так и вам я распорядюсь, чтобы были выданы вам Андреем Евстафьевичем до рождества. Насчет уплаты я бы просил вас сделать мне кредит по 10 рублей с рисунка до выхода книги.

Можно ли это? Напишите мне.

С граверами тоже надо бы было условиться определенно, какую часть платы они могут подождать за мной до выхода книги — половину, или хоть 3-ю часть. Будьте так добры, ответьте мне на все эти вопросы.

Пожалуйста, присылайте мне свои рисунки в самом черном виде, я чувствую, что могу быть полезен вам своими замечаниями. Я все-таки *всех их* знаю ближе вас, и иногда пустое замечание наведет вас на мысль. А я буду писать по случаю ваших черновых рисунков все, что придется, а вы уже выберете, что вам нужно.

Я чувствую, что бессовестно говорить вам теперь о типе Наташи, когда у вас уже сделан прелестный рисунок; но само собой разумеется, что вы можете оставить мои слова без внимания. Но я уверен, что вы, как художник, посмотрев Танин дагерротип 12-ти лет, потом ее карточку в белой рубашке 16-ти лет и потом ее большой портрет прошлого года, не упустите воспользоваться этим типом и его переходами, особенно близко подходящим к моему типу.

Прощайте, любезный Михаил Сергеич, с

беспокойством жду вашего ответа. Душевно
кланяюсь Марье Ивановне и целую ваших де-
тей.

Л. Толстой.

8 декабря.

1867

200. Ю. Ф. Самарину
<неотправленное>*

1867 г. Января 10. Ясная Поляна.

Юрий Федорович! Не знаю, как и отчего это сделалось, но вы мне так близки в мире нравственном — умственном, как ни одну человек. Я с вами мало сблизился, мало говорил*, но почему-то мне кажется, что вы тот самый человек, которого мне нужно (ежели я не ошибся, то я вам нужен), которого мне недостает — человек самобытно умный, любящий многое, но более всего — правду и ищущий ее. Я такой же человек. У меня есть мои пристрастия, привычки, мои тщеславия, сердечные связи, но до сих пор — мне скоро 40 — я все-таки больше всего люблю истину и не отчаялся найти ее и ищу и ищу ее. Иногда, и именно никогда больше как нынешний год, мне не удавалось приподнимать уголки завесы и заглядывать туда — но мне одному и тяжело и страшно, и кажется, что я заблужда-

юсь. И я ищу помощи, и почему-то невольно один вы всегда представляетесь мне. Уже с начала осени я собирался увидеть вас и написать, но все откладывал — но теперь дошло до того, что я пишу свой роман, пишу другое... надо написать Самарину, надо написать. Ну вот я и пишу. Что же я хочу сказать вам? Вот что. Ежели я не ошибаюсь, и вы действительно тот человек, каким я воображаю вас, ищущий объяснения всей этой путанице, окружающей нас, и ежели я вам хоть в сотую долю так же интересен и нужен, как вы мне, то сблизимтесь, будем помогать друг другу, работать вместе и любить друг друга, ежели это будет возможно. Настолько я знаю вас, что мне нечего вам говорить: отвечая мне, будьте совершенно прямы и искренны — то есть пишите мне, ответьте на мои вопросы, или, само собой разумеется, разорвите мое письмо и никому об нем не говорите, ежели оно вам покажется — так, странным проявлением чудака. Не говоря о тех вопросах, которые меня занимают и про которые я не могу еще начать говорить теперь, а ежели мы сойдемся, которые мы и письменно и разговорно долго

будем разрабатывать, ответьте мне на некоторые вопросы, до вас лично касающиеся. Я узнал о вашем присутствии в Москве из заседаний земского — чего-то*. Я читал ваши речи и ужасался. Для того, чтобы вам говорить там, вам надо (хоть как последнее о дворянстве) вашу мысль, выходящую из широких основ мышления, заострить так, чтобы она была прилична, и когда она сделана приличною, то для всех (кроме некоторых, которые видят вас из-за нее, как я) она весит ровно столько же, сколько благородно-пошлое слово какого-нибудь благородного дворянина или гнусного старичка Смирнова*. Я этого не могу понять. Как вы можете vous commettre* с земством и т. п. Я эти ваши речи соединяю с тем, что вы мне сказали, когда я мельком видел вас — что я человек конченный... А этого нет, я это чувствую. Земство, мировые суды, война или не война и т. п. — все это проявление организма общественного — роевого (как у пчел), на это всякая пчела годится и даже лучше те, которые сами не знают, что и зачем делают, — тогда из общего их труда всегда выходит однообразная, по известным зоологиче-

ским законам деятельность. Эта зоологическая деятельность военного, государя, предводителя, пахаря есть низшая ступень деятельности, деятельность, в которой, правы матерьялисты, — нет произвола. Бисмарк думает, что он перехитрил всю Европу, а он только содействовал в числе 1000 других причин необходимому с 1866 году кровопусканию Германии*. Пускай клячи ходят на этом рушильном колесе, но вы ходите в этом колесе сознательно, вы, как добрый скакун, который бы мог свободно скакать по полям, стали на колесо, идете шагом с клячами и говорите себе: «Я так буду ходить, чтобы мука выходила самая отличная». Мука будет все та же, как от тех лошадей, которые наивно думают, что они далеко уйдут по колесу. Объясните мне это. Другое, чего я не понимаю в вас, это религиозные убеждения*. Впрочем, я никогда не слышал ваших убеждений от вас, я слышал об вас. Так ли это? Открытый ли это, или закрытый для обсуждения в вас вопрос? Пожалуйста же, изорвите мое письмо или напишите мне, но так, как я смотрю на вас, — я не вижу между нами никаких условных преград — я

прямо сразу чувствую себя совершенно открытым в отношении вас. Ни казаться перед вами я не хочу ничем, ни скрыть от вас ничего не хочу самого задушевного или самого постыдного для меня, ежели вам бы нужно было это узнать. Я буду очень счастлив, коли получу такое ваше письмо. Не знаю, как и отчего, но я много жду не для одних нас от нашего такого умственного сближения. Ежели же вы не захотите его, то напишите мне только, что получили мое письмо, — мне тогда только будет немножко совестно встречаться с вами.

Гр. Л. Толстой.

10 января 1867 г.

201. М. С. Башилову

1867 г. *Февраля 28. Ясная Поляна.*
Вот мои замечания на присланные вами черновые рисунки, любезный Михаил Сергеич.

1) Кутузов, Долохов — прекрасно, но Долохову нельзя ли придать более молодцеватости — солдатской выправки — выше плечи — грудь вперед*.

2) Ростов с Теляниным — прекрасно, но чем приятнее и красивее, миловиднее будет Ростов, тем лучше*.

3) Билибин — chef d'œuvre.

4) Император Франц — прелесть, но князь Андрей немного слишком affecté. Впрочем, он и так хорош. Ежели вам под карандашом не попадет лучше выражения, то не портите это*.

5) На мосту — все очень хорошо, кроме Денисова (вперед прошу извинить, ежели я вру), но он саблю держит очень нехорошо и уж это наверное, что сидит дурно, и ноги согнуты и длинны — колени назад, нога вытянута, почти уперта в стремя и ж... подобрана*.

6) Тушин и артиллеристы очень хороши, хотя я Тушина и воображал молодым, но у вас прекрасно выражена в нем почтенная комичность. Багратион совсем не хорош. Черты должны быть грубее гораздо, потом не шапка, а *картуз* со смушками — это исторический костюм. Бурка всегда носится на боку — так что прореха над правым плечом. Посадка его, как грузина, должна быть непринужденная — немножко на боку с неупертыми в стремя ногами. Лошадь попроще и поспокойнее. Впрочем, это последнее о лошади я не знаю; но то, что я говорю о нем, на этом я настаиваю*.

7) Костер — прелесть все три фигуры*.

Рукопись переписывается для вас, часть, равная почти той, которая напечатана, — и на днях вам пришлю. Так как, вероятно, теперь вы рисуете на дереве, то вы не будете иметь задержки нисколько.

Гравирование картинки урока математики превосходно*, остальные хуже.

На все ваши предположения о времени печатания и месте я совершенно согласен. Только мне кажется, не мешало бы выпустить

раньше.

Прощайте, дружески жму руки вам и вашей жене, которой прошу передать поцелуй от моей.

Весь ваш *гр. Л. Толстой*.

28 февраля.

202. П. И. Бартеневу

1867 г. Марта 31. Ясная Поляна.

Уважаемый Петр Иванович!

Посылаю вам письмо Павла к моему деду Николаю Сергеевичу Волховскому*, которое давно у меня валяется. Пожалуй, оно для вас будет иметь какой-нибудь интерес.

Статью для «Архива» я непременно напишу, но не теперь*. Теперь я ничего не могу делать, кроме окончания моего романа. Но за намерение мое, или просто за то, что вы любезный человек, сделайте мне одолжение. Напишите мне, ежели это не составит для вас большого труда, материалы для истории Павла-императора. Не стесняйтесь тем, что вы не все знаете. Я ничего не знаю, кроме того, что есть в «Архиве». Но то, что есть в «Архиве», привело меня в восторг*. Я нашел своего исто-

рического героя. И ежели бы бог дал жизни, досуга и сил, я бы попробовал написать его историю*. Желаю вам всего лучшего.

Сотрудник ваш *гр. Л. Толстой*.

31 марта.

Письмо Павла не посылаю, потому что на нем печать очень толста, а на днях пришлю с людьми, которые едут в Москву.

203. А. А. Фету

1867 г. *Июня 28. Ясная Поляна.*

Ежели бы я вам писал, милый друг Афанасий Афанасьич, всякий раз, как я о вас думаю, то вы бы получали от меня по два письма в день. А всего не выскажешь и кроме того — то лень, а то слишком занят, как теперь. На днях я приехал из Москвы* и предпринял строгое лечение под руководством Захарьина, и главное, печатаю роман в типографии Риса, готовлю и посылаю рукопись и корректуры, и должен так день за день под страхом штрафа и несвоевременного выхода. Это и приятно, и тяжело, как вы знаете.

О «Дыме» я вам писать хотел давно и, разумеется, то самое, что вы мне пишете. От это-

го-то мы и любим друг друга, что одинаково думаем *умом сердца*, как вы называете. (Еще за это письмо вам спасибо большое. *Ум ума и ум сердца* — это мне многое объяснило.) Я про «Дым» думаю то, что сила поэзии лежит в любви — направление этой силы зависит от характера. Без силы любви нет поэзии; ложно направленная сила, — неприятный, слабый характер поэта претит. В «Дыме» нет ни к чему почти любви и нет почти поэзии. Есть любовь только к прелюбодеянию легкому и игривому, и потому поэзия этой повести противна. Вы видите, — это то же, что вы пишете. Я боюсь только высказывать это мнение, потому что я не могу трезво смотреть на автора, личность которого не люблю, но, кажется, мое впечатление общее всем. Еще один кончил. Желая и надеюсь, что никогда не придет мой черед. И о вас то же думаю. Я от вас все жду, как от 20-летнего поэта, и не верю, чтобы вы кончили. Я свежее и сильнее вас не знаю человека. Поток ваш все течет, давая тоже известное количество ведер воды — силы. Колесо, на которое он падал, сломалось, расстроилось, принято прочь, но поток все течет, и,

ежели он ушел в землю, он где-нибудь опять выйдет и завертит другие колеса. Ради бога, не думайте, чтобы я вам это говорил потому, что долг платежом красен и что мне всегда говорите подбадривающие вещи, — нет, я всегда и об одном вас так думаю. Хотел еще писать, но приехали гости и помешали. Прощайте, обнимаю вас, милый друг, целую руку Марьи Петровны и прошу за меня пожать руку Борисову, у которого надеюсь быть осенью. Я адресую в Мценск, потому что вы там на выборах*.

Мне так хочется, нужно вас видеть, что я бы приехал к вам, ежели бы было возможно. Благодетель, голубчик, приезжайте ко мне на денек.

Л. Толстой.

28 июня.

204. П. И. Бартеневу

1867 г. *Августа 16...18. Ясная Поляна.*
Я очень давно (5 дней) не получаю корректур. Припутните их, пожалуйста*.

Не марасть так, как я мараю, я не могу и твердо знаю, что маранье это идет в великую пользу*. И не боюсь потому счетов типографии, которые, надеюсь, не будут уж очень придирчивы.

То именно, что вам нравится, было бы много хуже, ежели бы не было раз 5 перема-рано.

О Николеве и Балашове Александре* я вычитал из «Записок современника» Жихарева* и потому сомневаюсь в справедливости вашего исправления. За березовую рощу очень благодарен*.

«Записок севастопольца» не успел прочесть, и скучно было. Я не люблю этот игривый тон — и оттого неправдивый*.

Пороху А. Е. Берс вам обещал дать, ежели или когда вам нужно.

Последние отосланные мною корректуры о приеме Пьера в масонскую ложу я бы желал

получить еще раз исправленными. Ежели нельзя, то нечего делать, но лучше бы было.

Теперь самое важное:

Я полагаю, что выпустить два первые тома в сентябре будет невыгодно для всего издания. Надо выпустить все вместе.

Кроме того, при выпуске 2-х томов я теряю запас времени, который мне дает первая часть, не поправляемая мною*. Запас этот мне нужен особенно для 4-го тома, на котором я боюсь задержать печатание, так как он не вполне готов. 3-й том надеюсь прислать весь или привезти в начале сентября*.

Потому прошу вас торопить печатанием 2-го тома и на него исключительно посвятить весь шрифт и все силы, а 1-ю часть приберегать на то время, когда произойдет задержка за моей рукописью.

Весь ваш *Л. Толстой.*

205. С. А. Толстой

1867 г. Сентября 27. Москва.

Сейчас приехал из Бородина*. Я очень доволен, очень, — своей поездкой и даже тем, как я перенес ее, несмотря на отсутствие сна и еды порядочной. Только бы дал бог здоровья и спокойствия, а я напишу такое бородинское сражение, какого еще не было. Все хвастается! Видел тебя во сне, лежа в монастыре, и так ясно, что вспоминаю о сне, как о действительности, и с страхом думаю о тебе.

Не пишу тебе подробности поездки — расскажу. Первую ночь ехал до Можайска 100 верст и соснул поутру на станции, вторую ночь ночевали в гостинице монастыря. Встал на заре, объехал еще раз поле, и весь день ехали до Москвы.

Получил твои два письма*. Грустно о большой Тане и страшно, очень страшно стало за маленькую Таню. (Я знаю, вижу и люблю, и боюсь ее с ее жаром.) Но главное стало хорошо на сердце от твоих писем, от того, что есть *тебя* в них. И все лучшее твое ты кладешь в

письма и мысли обо мне. А в жизни часто заглушает это и тошнота, и чувство спора. Я это знаю.

Я занимаю 1000 р. у Перфильева и потому буду богат, и куплю шапку, и сапоги, и все, что велишь. Знаю, что ты рассердишься на то, что я занимаю. Не сердись; я занимаю затем, чтобы это первое время зимы быть свободным, не стесненным и не тревожимым денежными делами, и с этой целью намерен эти деньги беречь как можно и иметь их только на то, чтобы знать, что есть деньги, чтобы расчесть невыгодного и лишнего человека и т. п. Ты поймешь и поможешь мне. Письма твои, душенька, для меня огромное наслаждение, и не говори вздор, чтобы я их давал читать.

В Бородине мне было приятно, и было сознание того, что я делаю дело; но в городе мне невыносимо, а ты говоришь, что я люблю шляться. Я бы только желал, чтобы ты в 1/10 так любила деревню и ненавидела праздную суету города, как я. Завтра поеду к Перфильевым поблагодарить их, и увижу Рису, и буду делать покупку, и ежели все кончу и Дьяков

готов, то поеду в пятницу утром. Прощай, душенька, целую тебя и детей.

206. П. И. Бартеневу

1867 г. *Ноября 1. Ясная Поляна.*

Посылаю корректуры. Рукопись третьего тома готова, наконец. Я говорю, наконец, потому что конец 3-го тома было самое трудное место и узел всего романа*. Кроме того, я на днях только поднимаюсь после грудного воспаления и теперь еще болен. Я рукопись посылаю завтра с Дьяковым. Я для отсылки ждал его. Четвертый том в начале ноября доставлю вам*, 4-й том не может задерживать.

Я думаю продавать 3 тома с подпиской на печатающийся 4-й*. Как вы думаете?

В последних корректурах, которые я вам прислал, в том месте, где Николай Ростов приезжает из армии, сказано, что на предпоследней станции он избил ямщика, а на последней дал 3 рубля на водку*. Это вымарайте.

Л. Толстой.

1 Ноября.

207. П. И. Бартеневу

1867 г. *Ноября 14. Ясная Поляна.*

В одном месте рассуждений Пьера о лжи он говорит: «Императоры спорят о том, кто предложит Наполеону свою дочь в незаконные жены». Ежели это опасно, то замените: «Император австрийский считает себя счастливым, что успел прежде других предложить свою дочь в незаконную жену»*.

Не получал еще корректур, а нахожусь в хорошем рабочем духе. Только бы еще на месяц.

Четвертого тома первые листы пришлю на этой неделе.

Пора бы напечатать объявления*.

Л. Толстой.

14 Ноября.

208. П. И. Бартеневу

1867 г. *Ноября 18...22. Ясная Поляна.*
Я послал нынче листов на 5 рукописи 4-го тома и первую гранку 3-го. Насчет того, что я долго не высылал, могу только сказать: виноват, вперед не буду. Кое-что не переведено в 4-м томе — письмо Александра между прочим — переведите, пожалуйста*. Теперь не должно быть задержки. Каждый день буду высылать. Протежируйте меня у Риса*.

Л. Толстой.

209. П. И. Бартеневу

1867 г. Ноября 26. Ясная Поляна. 26
Ноября.

Посылаю последние корректуры 3-го тома. Я измучился за ними, но зато единственной стороной доволен. Они ужасно измараны. В большей части есть подряд переписанные для ясности листы, в некоторых — нет. Но прочесть и разобрать всё можно. Ежели же бы вышло недоразумение — неясность, лучше велите прислать мне еще раз корректуры.

Во многих листах пришитых и сплошь переписанных (для ясности) прибавлено иногда и изменено. Одним словом, *держаться надо редакции переписанных листов.*

Эти все гранки самое важное место романа — узел*. Ради бога, просмотрите повнимательнее и при малейшем сомнении пришлите мне другой раз.

У меня в голове страшный дурман — я 4-й день не разгибаясь работаю, и теперь 2-й час ночи.

Четвертый том пойдет легко, завтра пришлю еще рукописи.

Л. Толстой.

Пришлите мне экземпляр.

Отвечайте поскорее.

210. П. И. Бартеневу

1867 г. Декабря 8. Ясная Поляна.

Посылаю еще рукопись, любезный Петр Иванович*. Она писана разными руками, и в ней много есть французского (которое надо перевести), и потому, пожалуйста, скажите в типографии, чтобы получше коррективировали. Я не задержу рукописи, но меня задерживает типография. Я не получал листов III т. и последних корректур IV т., хотя от меня все уже давно отослано. Когда то, что я посылаю, будет набрано, сообщите мне, сколько это будет листов. Мне это нужно для соображения.

В том, что я посылаю, есть тоже опасные места в цензурном отношении. Пожалуйста, руководствуйтесь тем, что я писал вам в последнем письме, т. е. вымарывайте все, что сочтете опасным. Теперь, когда дело приближается к концу, на меня находит страх, как бы цензура или типография не сделала ка-

кой-нибудь гадости*. В обоих случаях одна надежда на вас.

Ваш *Л. Толстой*.

8 декабря.

1868

211. М. П. Погодину

1868 г. Марта 21...23. Москва.

Меня очень обрадовало ваше письмо, многоуважаемый Михаил Петрович*. Мысли мои о границах свободы и зависимости и мой взгляд на историю не случайный парадокс, который на минуту занял меня. Мысли эти — плод всей умственной работы моей жизни и составляют нераздельную часть того мирозерцания, которое бог один знает, какими трудами и страданиями выработалось во мне и дало мне совершенное спокойствие и счастье. А вместе с тем я знаю и знал, что в моей книге будут хвалить чувствительную сцену барышни, насмешку над Сперанским и т. п. дребедень, которая им по силам, а главное-то никто не заметит. Вы заметите и, пожалуйста, читайте и замечайте на полях. И, пожалуйста, поговоримте. Назначьте время, когда бы мне повидаться с вами*.

Ваш *Л. Толстой*.

5-ая часть в корректурах есть начало, и она к вашим услугам, а рукопись моя невозможна для чтения.

За книгу благодарю*. Прочту и уверен, что найду подтверждение своего взгляда.

212. Редактору «Русского инвалида»

1868 г. *Апреля 11. Москва.*

Милостивый государь!

Я сейчас прочел в 96 № вашей газеты статью г-на Н. Л.* о 4-м томе моего сочинения.

Позвольте вас просить передать автору этой статьи мою глубокую благодарность за радостное чувство, которое доставила мне его статья, и просить его открыть мне свое имя и, как особенную честь, позволить мне вступить с ним в переписку.

Признаюсь, я никогда не смел надеяться со стороны военных людей (автор, наверное, военный специалист) на такую снисходительную критику.

Со многими доводами его (разумеется, где он противного моему мнению) я согласен совершенно, со многими нет. Если бы я во вре-

мя своей работы мог пользоваться советами такого человека, я избежал бы многих ошибок.

Автор этой статьи очень обязал бы меня, ежели бы сообщил мне свое имя и адрес*.

С совершенным почтением

имею честь быть

ваш покорный слуга

гр. Лев Толстой.

11 апреля.

213. П. И. Бартеневу

1868 г. Мая 14. Ясная Поляна

В день выезда из Москвы я заболел и, приехав сюда, провалялся 4 дня не в силах приняться за работу. Только поэтому не присылаю еще рукописи.

Я очень скоро буду совсем готов.

Только что уехал из Москвы, как у меня набралась куча забытых дел. О некоторых из них сим низко кланяюсь, прося вас исполнить, ежели вам не в труд, в противном же случае написать, что некогда.

1) Выпустить всю историю Пьера в деревне с стариками и юродивыми и отнятием лоша-

ди. «Сбежав в конце Бородинского сражения, во второй раз с батареи, Пьер замешался с толпами раненых, дошел до перевязочного пункта, а оттуда до большой дороги. Там он сел на землю. Он не помнил, долго ли он просидел там и т. д.»*. В сновидении его надо выпустить воспоминание про старика*.

2) В том месте, где говорится об Элен, надо выпустить: «только немногие видели в этом поругание таинства брака» и т. д. до «Большинство же и т. д.» и на место этого вставить: «Только М. Д. Ахросимова, приехавшая в это время в Петербург для свидания с одним из своих сыновей, не одобряла намерения Элен и с свойственной ей грубостью, встретив граф[иню] Безухую на вечере [у]очень важного лица, через всю залу прокричала ей, как будто для кулачного боя засучивая свои широкие рукава (это была ее привычка): «А ты, говорят, матушка, новенькую штучку выдумала. За двух мужей сразу идти хочешь. Напрасно, мать моя, напрасно*. Да и не ты первая выдумала. Это уже давно придумано во всех...»

И Марья Дмитриевна сказала такое грубое

слово, которое не могло быть понято и услышано тем высоким обществом, в котором она находилась. Слово это было принято comme поn аvenu*. Большинство же и т. д.»

3) В том месте, где Наполеон думает, что он посвятит богоугодные заведения своей матери, после слов: «нет, просто à ma mère» надо прибавить: «думал он, как думают все французы, непременно приплетающие «Mère, mère и ma pauvre mère»* ко всем тем обстоятельствам жизни, где они хотят быть патетичны»*

Впрочем, эти корректуры я не возвратил в Москве, а поэтому надеюсь получить их еще.

4) Я просил князя Одоевского и Соболевского* дать мне выписку из Данта о несчастной любви*.

Соболевскому мне не хочется писать, и я боюсь, что он мне не ответит, а князя Одоевского я забыл, как зовут. Ежели вы увидите того или другого, передайте им мою просьбу и пришлите мне, если они дадут вам.

5) Вы развратили меня своими сигарами. Если вы будете брать себе, и есть мои деньги, пришлите мне ящик 15-тирублевых.

Теперь сразу услышьте мою слезную просьбу исполнить все 5 поручений и услышьте мои извинения за мою докучливость.

Гр. Л. Толстой.

14 мая.

214. М. П. Погодину

1868 г. *Ноября 7. Ясная Поляна.*

На лестное и заманчивое предложение ваше*, многуважаемый Михаил Петрович, я не могу отвечать иначе, как отрицательно; по многим причинам, из которых достаточно одной: я не свободен и нахожусь все еще в рабстве своего начатого и неконченного (последнее время близко подвинувшегося к концу) труда*. Я говорю лестное предложение потому, что, как ни старайся быть равнодушным к успеху, ваше предложение (хотя, вероятно, преувеличено вами) дает мерку слишком высокую моему литературному имени.

Заманчиво же ваше предложение потому, что иногда и часто в последнее время мне приходят мысли о бессрочном историко-фи-

лософском издании, направление которого вам известно лучше всех из вашей книги «Исторические афоризмы», которую вы мне прислали в Москве*. Издание это, чтобы кличкой определить его направление, я мечтал бы назвать: «Несовременник».

Все то, что могло бы рассчитывать на успех в 19-ом и на хотя не успех — но на читателей в 20 — и дальнейших столетиях, имело бы место в этом издании.

История, философия истории и грубые матерьялы истории.

Философия естественных наук и грубые матерьялы этих наук, не тех наук, которые могли бы служить для практических целей, но тех, которые служили бы к уяснению философских вопросов.

Математика и ее прикладные науки — астрономия, механика. Искусство — несовременное.

И всё.

Исключено бы было только то, что наполняет теперь работой 99/100 всех типографий мира, то есть критика, полемика, компиляция, то есть непроизводительный задор и де-

шевый и гнилой товар для бедных умом потребителей.

Вот мои мечтания, живо опять вспомнившиеся мне при вашем предложении.

Я сообщил их вам, потому что вы тот самый Погодин, который написал «Исторические афоризмы», и как ни далеки кажутся газета и такое издание, мне представилась возможность сделки.

Читали ли вы книгу Урусова «Обзор 1812 и 13 гг.»*. Ежели читали, то вы бы очень обязали меня, написав мне короткое словечко, выражающее ваше о ней мнение.

Пятый том мой быстро подвигается, но я не смею думать об окончании его ранее месяца и до того времени ни о чем другом не смею думать.

Истинно уважающий вас

гр. Лев Толстой.

7 Ноября.

1869

215. С. А. Толстой

1869 г. Января 18. Москва.

Милый друг!

Я приехал в Москву прекрасно. Спал почти всю дорогу. Заехал к Рису. С ним все благополучно. Послал к Урусову. Он пришел ко мне. С ним проговорил все утро и с ним поехал к Юрьеву и Самарину. Обоих их пригласили вечером к Урусову. Обедал у Урусова. От него, чтобы отдохнуть голове и посмотреть новую пьесу Островского, пошел в театр*. Недосидел там и всей пьесы и вернулся к Урусову, где вчетвером договорили до 3-го часа. Исторические мысли мои поразили очень Юрьева и Урусова и очень оценены ими; но с Самариным, вовлекшись в другой философский спор, и не успели поговорить об этом. Я несколько разочаровался в нем. Вчера пришел домой в $\frac{1}{2}$ 3-го с головной болью и, главное, оттого, что не было бумаги и конверта, не мог написать тебе. Нынче проснулся в 12, освеженным

и здоровым, послал за чаем (право, умен) и сейчас все переговорил с Рисом. Шерсть еще не продана, и он сейчас едет за ней на железную дорогу, и ему я поручаю отдать это письмо кондуктору, чтоб доставить его на почту в Тулу.

Можешь себе представить, что Натальи Петровны известие ложно, как всегда. Машенька с 15 числа в Москве*. Я знаю это [от] Урусова, который был у них в тот день, когда я приехал, и от княгини, у которой был Петр Иванович* вчера же. Они знают, что я приехал, но я еще не был у них, нынче поеду обедать или вечером. Вот и все существенное. Захарьина постараюсь увидеть. Но ты не можешь себе представить, как мало времени, когда есть дела, как мои, такие, как переговорить с Самариным, с Юркевичем, — дела, которые требуют сосредоточенного внимания. Я вчера, например, ничего не сделал с Самариным, потому что был уставши и не хотел кое-как высказать то, что мне нужно.

Прощай, душенька, до свиданья. Кроме мысленных потребностей, нет ничего на свете, чтобы хоть немножко занимало меня и от-

влекало от мысли о тебе и доме. Это вчера мне показал театр. Ушел от скуки, не доглядев новую пьесу и игранную прекрасно. Скучно стало.

216. П. И. Бартеневу

1869 г. *Февраля 6. Ясная Поляна.*
Посылаю последние листы пятого тома*. Это последние и последний раз. Ради бога, не покидайте меня и просмотрите эти листы так же, как вы просмотрели предпоследние, и поторопите Риса набирать, печатать и выпускать книжку. Эти листы по содержанию лучше мною проверены, чем прежние, только корректуры и рукопись очень измараны и местах в двух не сделаны переводы. Дети мои вне опасности, как могут быть вне опасности после 10 дней в скарлатине.

В случае если бы все-таки нашлось что-нибудь очень безобразное, пришлите мне все через Риса с нарочным. Но я этого не желаю.

До свиданья. Мне ужасно совестно мучать вас, но утешаюсь тем, что последний раз и что вы всегда были так обязательны.

Как скоро поправятся дети, я приеду в Москву*, но надеюсь, что все будет уже отпечатано*.

Благодарю вас за то, что обласкали Ивана Ивановича*.

Да, еще, ежели найдете удобным, напечатайте в «Архиве» прилагаемое объяснение.

Ваш *гр. Л. Толстой*.

6 февраля.

На отдельном листке:

В напечатанном в... № «Русского архива» мною объяснении на книгу «Война и мир» было сказано, что везде, где в книге моей действуют и говорят исторические лица, я не выдумывал, а пользовался известными матерьялами*. Князь Вяземский в № «Русского архива» обвиняет меня в клевете на характер императора Александра и в несправедливости моего показания*. Анекдот о бросании бисковитов народу почерпнут мною из книги Глинки, посвященной государю императору, страница такая-то*.

217. П. И. Бартеневу

1869 г. Февраля 10...15? Ясная Поляна.
Петр Иванович!

Сделайте милость, напечатайте в «Русском архиве» мою заметку*. Мне необходимо это.

Ежели вы не нашли того места, то только потому, что не брали в руки «Записки» Глинки, посвященные (кажется, государю), 1-го ратника ополчения.

Пожалуйста, найдите и напечатайте. У меня на беду и досаду пропала моя книга Глинки. И напечатайте поскорее, чтобы вышло вместе с 5-м томом. «В объяснении моем, напечатанном... сказано...»

В №... князь Вяземский, не указывая, на основании каких матерьялов или соображений, сомневается в справедливости описанного мною случая о бросании государем бисквитов народу. Случай этот описан *там-то* так-то. Пожалуйста, любезный Петр Иванович, потрудитесь взглянуть в книгу эту и напечатайте это*. Очень меня обяжете.

Ваш Л. Толстой.

218. А. А. Фету

1869 г. Мая 10. Ясная Поляна.
10 мая.

Любезный друг!

Получил ваши книги и письмо*, и за то и другое очень благодарю. О Третьякове — не знаю, никого не хочется*. Участие ваше к моему эпилогу* меня тронуло. Юркевичу я читал, и он на мои речи ничего не сказал мне, кроме отрывка из своей лекции*. Главное же, почему я не бо[юсь?]*, потому, что то, что я написал, особенно в эпилоге, не выдуманно мной, а выворочено с болью из моей утробы. Еще поддержка то, что Шопенгауэр в своей «Wille»* говорит, подходя с другой стороны, то же, что я. Я жду каждую минуту родов жены*. Если бог даст благополучно, то, так как вы меня знать не хотите, я к вам непременно приеду.

Ваш Л. Толстой.

219. А. А. Фету

1869 г. Августа 30. Ясная Поляна. 30 сентября*

Получил ваше письмо* и отвечаю не столько на него, сколько на свои мысли о вас. Уж, верно, я не менее вашего тужу о том, что мы так мало видимся. Я делал планы приехать к вам и делаю еще, но до сих пор вот не был. 6-й том, который я думал кончить 4 месяца тому назад, до сих пор, хотя весь давно набран, — не кончен*.

Знаете ли, что было для меня нынешнее лето? Неперестающий восторг перед Шопенгауэром и ряд духовных наслаждений, которых я никогда не испытывал. Я выписал все его сочинения и читал и читаю (прочел и Канта), и, верно, ни один студент в свой курс не учился так много и столь многого не узнал, как я в нынешнее лето.

Не знаю, переменю ли я когда мнение, но теперь я уверен, что Шопенгауэр гениальнейший из людей*.

Вы говорили, что он так себе кое-что писал о философских предметах. Как кое-что? Это

весь мир в невероятно ясном и красивом отражении.

Я начал переводить его. Не возьметесь ли и вы за перевод его?*

Мы бы издали вместе. Читая его, мне непостижимо, каким образом может оставаться имя его неизвестно. Объяснение только одно, — то самое, которое он так часто повторяет, что, кроме идиотов, на свете почти никого нет.

Жду вас с нетерпением к себе. Иногда душист неудовлетворенная потребность в родственной натуре, как ваша, чтобы высказать все накопившееся. Душевный поклон Марье Петровне.

Ваш *Л. Толстой*.

Уже написав это письмо, решил окончательно свою поездку в Пензенскую губернию для осмотра имения, которое я намереваюсь купить в тамошней глуши. Я еду завтра, 31, и вернусь около 14-го.

Вас же жду к себе и прошу вместе с женой к ее именинам, то есть приехать 15 и пробыть у нас, по крайней мере, дня три.

220. С. А. Толстой

1869 г. *Сентября 4. Саранск.*

Пишу тебе из Саранска, милый друг. Доехал почти до места. Отсюда 46 верст. Я беру вольных и еду прямо до места.

Что с тобой и детьми? Не случилось ли что? Я второй день мучаюсь беспокойством. Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи, я устал страшно, хотелось спать, и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал. Подробности этого чувства я тебе расскажу впоследствии; но подобного мучительного чувства я никогда не испытывал, и никому не дай бог испытать*. Я вскочил, велел закладывать. Пока закладывали, я заснул и проснулся здоровым. Вчера это чувство в гораздо меньшей степени возвратилось во время езды, но я был приготовлен и не поддался ему, тем более, что оно и было слабее. Нынче чувствую себя здоровым и веселым, насколько могу быть вне семьи.

В эту поездку в первый раз я почувство-

вал, до какой степени я сросся с тобой и детьми. Я могу оставаться один в постоянных занятиях, как я бываю в Москве, но как теперь без дела, я решительно чувствую, что не могу быть один.

Кажется по всему, что я узнал здесь, что я поеду назад в Моршанск, что гораздо ближе. В Саранск и в Нижний я напишу на почту со вложением марки, чтобы мне прислали твои письма в Тулу.

Ехал я все время один, как в пустыне, не встретив ни одного цивилизованного человека.

От Нижнего до $\frac{2}{3}$ дороги один характер местности: песчаный грунт — прекрасные мужицкие постройки вроде подмосковных. Я не люблю этот характер. К Саранску начинается чернозем, похожее все на Тулу и очень живописно.

Я надеюсь сократить свой отпуск, но ничего решительно не пишу, пока не был на месте. Страшно, главное, ненастье. Мороз подирает по коже при одной мысли ехать назад эти 300 верст по грязи.

Я забыл две вещи: кожан и варенье. Но ко-

жан я намерен заменить кафтаном, который куплю, а варенье заменяю сахаром.

Прощай, душенька. Одно хорошо, что мыслей о романе и философии совсем нет.

1870

221. А. А. Фету

1870 г. *Февраля 16? Ясная Поляна.*

Я вам не писал тотчас же, потому что надеялся поехать к вам 14-го в ночь, но не мог*. Как я вам писал, мы все были больны — я последний; и я вчера в первый раз вышел. Остановила же меня боль глаз, которая усиливается от ветру и бессонницы. Теперь откладываю невольно и с большой грустью поездку к вам до поста*. Мне же теперь необходимо съездить в Москву проводить тетушку* к сестре, да и самому повидать сестру и предпринять что-нибудь насчет ее здоровья и свои глаза показать окулисту. Пишите мне, пожалуйста, почаще, чтобы я знал, дома ли вы и что предпринимаете; с тем, чтобы я, если глаза лучше, мог все-таки приехать. Мне так этого хочется. Горе то, что к вам нельзя приехать иначе, как по бессонной, папиросо-накуренной, жарко поддувающей вагонной, подло-пошлой разговорной ночи. Вы мне

хотите прочесть повесть из кавалерийского быта*. Я жду от этого добра, если только просто, без замысла положений и характеров.

А я ничего прочесть вам не хочу, и нечего, потому что я ничего не пишу; но поговорить о Шекспире, о Гете и вообще о драме очень хочется. Целую зиму нынешнюю я занят только драмой вообще и, как это всегда случается с людьми, которые до 40 лет никогда не думали о каком-нибудь предмете, не составили себе о нем никакого понятия, вдруг с 40-летней ясностью обратят внимание на новый ненанюханый предмет, им всегда кажется, что они видят в нем много нового.

Всю зиму наслаждаюсь тем, что лежу, засыпаю, играю в безик, хожу на лыжах, на коньках бегаю и больше всего лежу в постеле (больной), и лица драмы или комедии начинают действовать. И очень хорошо представляют.

Вот про это-то мне с вами хочется поговорить, вы в этом, как и во всем, классик и понимаете сущность дела очень глубоко. Хотелось бы мне тоже почитать Софокла и Еврипида.

Прощайте, наш поклон Марье Петровне. Если письмо мое очень дико, то это происходит оттого, что пишу натоцак. Тетушка едет в Тулу.

Ваш *Л. Толстой*.

222. А. А. Фету

1870 г. *Февраля 21. Ясная Поляна.*
21 февраля.

Я, уезжая от вас, забыл вам сказать еще раз, что ваш рассказ по содержанию своему очень хорош*, и что жалко будет, если вы бросите его или отдадите печатать кое-как, и что он стоит того, чтобы им заняться, ибо содержание серьезное и поэтическое, и что если вы можете написать такие сцены, как старушка с поджатыми локтями и девушка, то и все вы можете обделать соответственно этому; и лишнее должны все выкинуть и сделать из всего, как Анненков говорит, *перло*. Добывайте золото просеванием. Просто сядьте и весь рассказ сначала перепишите, критикуя сами себя, и тогда дайте мне прочесть*. Мой поклон Марье Петровне.

Весь ваш *Л. Толстой*.

223. Н. Н. Страхову <неотправленное>

1870 г. Марта 19. Ясная Поляна.
19 марта 1870.

Милостивый государь!

Я с большим удовольствием прочел вашу статью о женщинах* и обеими руками подписываюсь под ее выводы; но одна уступка, которую вы делаете о женщинах бесполох, мне кажется, портит все дело*. Таких женщин нет, как нет четвероногих людей. Отрожавшая женщина и не нашедшая мужа женщина все-таки женщина, и если мы будем иметь в виду не то людское общество, которое обещают нам устроить Милли и пр., а то, которое существует и всегда существовало по вине непризнаваемого ими *кого-то*, мы увидим, что никакой надобности нет придумывать исход для отрожавшихся и не нашедших мужа женщин: на этих женщин без контор, кафедр и телеграфов всегда есть и было требование, превышающее предложение. Повивальные бабки, няньки, экономки, распутные женщи-

ны. Никто не сомневается в необходимости и недостатке повивальных бабок, и всякая несемейная женщина, не хотящая распутничать телом и душою, не будет искать кафедры, а пойдет насколько умеет помогать родильницам. Няньки — в самом обширном народном смысле. Тетки, бабки, сестры — это няньки, находящие себе в семье в высшей степени ценимое призвание. Где семья, в которой бы не было такой няньки, кроме нанятой? И счастлива та семья и те дети, где она есть. И женщина, не хотящая распутничать душой и телом, вместо телеграфной конторы всегда выберет это призвание, — даже не выберет, а сама собой нечаянно впадет в эту колею и с сознанием пользы и любви пойдет по ней до смерти. Не говорю о наемных няньках, которых мы выписываем из Швейцарии, Англии, Германии.

Под экономками, кроме наемных, опять я разумею тещ, матерей, сестер, теток, бездетных жен. Опять призвание женственное, в высшей степени полезное и достойное. Не знаю, почему для достоинства женщины — человека вообще выше передавать чужие де-

пеши или писать рапорты, чем соблюдать состояние семьи и здоровье ее членов.

Вы, может быть, удивитесь, что в число этих почетных званий я включаю и несчастных б..... Это я обязан сделать потому, что мои доводы строятся не на том, что бы мне желательно было, а на том, что есть и всегда было. Эти несчастные всегда были и есть, и, по-моему, было бы безбожием и бессмыслием допускать, что бог ошибся, устроив это так, и еще больше ошибся Христос, объявив прощение одной из них. Я только смотрю на то, что есть, стараюсь понять, для чего оно есть. То, что этот род женщин нужен нам, доказывает то, что мы выписали их из Европы; то же, для чего они необходимы, нетрудно понять, если мы только допустим то, что всегда было, что род человеческий развивается только в семье. Семья только в самом первобытном и простом быту может держаться без помощи магдалин, как это мы видим в глуши, в мелких деревнях; но чуть только является большое скопление в центрах — большие села, маленькие города, большие города — столицы, так являются они и всегда соразмерно ве-

личине центра. Только земледелец, никогда не отлучающийся от дома, может, женившись молодым, оставаться верным своей жене и она ему, но в усложненных формах жизни, мне кажется очевидным, что это невозможно (в массе, разумеется). Что же было делать тем законам, которые управляют миром? Остановить скопление центров и развитие? Это противоречило другим целям. Допустить свободную перемену жен и мужей (как этого хотят пустобрехи-либералы) — это тоже не входило в цели провидения по причинам ясным для нас — это разрушало семью. И потому по закону экономии сил явилось среднее — появление магдалин, соразмерное усложнению жизни. Представьте себе Лондон без своих 80 тысяч магдалин. Что бы случилось с семьями? Много ли бы удержалось жен, дочерей чистыми? Что бы случилось с законами нравственности, которые так любят блюсти люди? Мне кажется, что этот класс женщин *необходим* для семьи, при теперешних усложненных формах жизни. Так что, если мы только не будем думать, что общественное устройство произошло по воле каких-то дура-

ков и злых людей, как это думают Милли, а по воле, непостижимой нам, то нам будет ясно место, занимаемое в нем несемейной женщиной.

Они смотрят с точки зрения гордости, то есть желая показать, что они устроят мир лучше, чем он устроен, и потому ничего не видят; но стоит только посмотреть с точки зрения существующего, и все станет ясно. Они говорят о женщине хорошо. Призвание женщины все-таки главное — рождение, воспитание, кормление детей. Мишеле* прекрасно говорит, что есть только женщина, а что мужчина есть *le mâle de la femme**. Посмотрите же на эту женщину, исполняющую свой прямой долг. Тот, кто жил с женщиной и любил ее, тот знает, что у этой женщины, рожавшей в продолжение 10, 15 лет, бывает период, в котором она бывает подавлена трудом. Она носит или кормит; старших надо учить, одевать, кормить, болезни, воспитание, муж и вместе с тем темперамент, который должен действовать, ибо она должна рожать. В этом периоде женщина бывает, как в тумане напряжения, она должна выказать упругость

энергии непостижимую, если бы мы не вида-
ли ее. Это вроде того, как наши северные му-
жики в 3 месяца лета убирают поля. В этом-то
периоде представьте себе женщину, подлежа-
щую искушениям всей толпы неженатых ко-
белей, у которых нет магдалин, и главное —
представьте себе женщину без помощи дру-
гих несемейных женщин — сестер, матерей,
теток, нянек. И где есть женщина, управив-
шаяся одна в этом периоде? Так какое же
нужно еще назначение несемейным женщи-
нам? они все разойдутся в помощницы рожав-
шим, и все их будет мало, и все будут ме-
реть дети от недосмотра и будут от недосмот-
ра дурно накормлены и воспитаны.

224. А. А. Фету

1870 г. Мая 11. Ясная Поляна.

Я получил ваше письмо*, любезный друг Афанасий Афанасьич, возвращаясь потный с работы с топором и заступом, следовательно, за 1000 верст от всего искусственного, и в особенности от нашего дела. Развернув письмо, я — первое — прочел стихотворение*, и у меня защипало в носу: я пришел к жене и хотел прочесть; но не мог от слез умиления. Стихотворение одно из тех редких, в которых ни слова прибавить, убавить или изменить нельзя; оно живое *само* и прелестно. Оно так хорошо, что, мне кажется, это не случайное стихотворение, а что это первая струя давно задержанного потока*. Грустно подумать, что после того впечатления, которое произвело на меня это стихотворение, оно будет напечатано на бумаге в каком-нибудь «Вестнике»*, и его будут судить Сухотины и скажут: «А Фет все-таки мило пишет».

«Ты нежная», да и все прелестно. Я не знаю у вас лучшего. Прелестно все.

С этой почтой пишу Ивану Ивановичу* в

Никольское, чтобы он посылал за кобылой, и радуюсь и благодарю вас и Петра Афанасьича*. О цене все-таки вы напишите. Я только что отслужил неделю присяжным, и было очень, очень для меня интересно и поучительно*.

15 мая я еду в Харьков*, а после устрою так, чтобы побывать у вас. Не оставляйте давать о себе знать. Передайте, пожалуйста, наши поклоны с женой Марье Петровне.

Желаю вам только посещения музы. Вы спрашиваете моего мнения о стихотворении; но ведь я знаю то счастье, которое оно вам дало сознанием того, что оно прекрасно и что оно вылезло-таки из вас, что оно — вы. Прощайте до свидания.

Ваш *Л. Толстой*.

11 мая.

225. А. А. Фету

1870 г. *Ноября 17. Ясная Поляна.*
Жду я и жена вас и Марью Петровну к 20-му. Неудобства к 20-му никакого не предвидится; а предвидится только великое удовольствие от вашего приезда. Так и велела сказать жена Марье Петровне.

Интересен мне очень заяц. Посмотрим, в состоянии ли будет *все* понять, хоть не мой Сережа, а 11-летний мальчик*.

Еще интереснее велосипед*. Из вашего письма* я вижу, что вы бодры и весело деятельны. И я вам завидую. Я тоскую и ничего не пишу, а работаю мучительно. Вы не можете себе представить, как мне трудна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на котором я *принужден* сеять. Обдумать и передумать все, что может случиться со всеми будущими людьми предстоящего сочинения, очень большого, и обдумать миллионы возможных сочетаний для [того], чтобы выбрать из них 1/100000, ужасно трудно. И этим я занят*. Попался мне на днях *Béranger* последний том. И я нашел там новое для меня

«Le bonheur». Я надеюсь, что вы его переведете*.

Тоскую тоже от погоды. Дома же у меня все прекрасно, — все здоровы.

До свиданья.

Ваш *Л. Толстой*.

17 Ноября.

226. Н. Н. Страхову

1870 г. *Ноября 25. Ясная Поляна.*

Милостивый государь Николай Александрович*.

Вы не поверите, как мне больно отказать в содействии уважаемому журналу и в особенности вам;* но я не могу поступить иначе. Судите сами: у меня не только нет названия тому, что я буду писать (названий вообще я никогда не умею придумывать и приискиваю большей частью, когда все написано), но и нет ничего, над чем бы я работал. Я нахожусь в мучительном состоянии сомнения, дерзких замыслов невозможного или непосильного и недоверия к себе и вместе с тем упорной внутренней работы. Может быть, это состояние предшествует периоду счастливого само-

уверенного труда, подобного тому, который я недавно пережил, а может быть, я никогда больше не напишу ничего. Так вот почему я решительно не могу ничего обещать, как ни сильно я бы желал напечатать в «Заре»*. Одно, что могу сказать, — что если мне суждено написать еще что-нибудь, то, если это будет не длинно, я все отдам в «Зарю», если длинно, то часть всего. Я понимаю, что для журнала нужно теперь, сейчас, в декабре, по крайней мере, а потому, если бы я вдруг начал работать и дошел бы до того состояния, в котором чувствуешь, что работа завладевает тобою и потому уверен, что кончишь, я бы тотчас же известил вас и прислал бы вам название. Но это мало вероятно. Вот и все о делах. Теперь позвольте мне благодарить вас — не благодарить — потому что не за что, так же, как и вам меня, а выразить ту сильнейшую симпатию, которую я чувствую к вам, и желание узнать вас лично. Я в Москве не был уже с год, а в Петербурге надеюсь не быть никогда, поэтому мне мало шансов увидеть вас; но я воспользуюсь всяким случаем и прошу вас сделать то же;* может быть, вам придется ко-

гда-нибудь проезжать по Курской дороге. Если бы вы заехали ко мне, я бы был рад, как свиданью с старым другом. Искренно любящий и уважающий вас

гр. Л. Н. Толстой.

25 Ноября 1870.

227. С. С. Урусову

1870 г. Декабря 29...31. Ясная Поляна.

Очень рад был, любезный друг, получив от вас известие — и известие хорошее*. Вижу, что вы духом бодры — работаете, и работа спорится. С нетерпением жду геометрии*.

Про себя не знаю, что сказать — быть ли довольным своим состоянием или нет. Я хвораю почти всю зиму, две недели как не выхожу из дома. И ничего не пишу. Занят же страстно уже три недели — не угадаете, чем? Греческим языком. Дошел я до того, что читаю Ксенофонта почти без лексикона. Через месяц же надеюсь читать также Гомера и Платона*. Поездка в Оптину все манит меня. У меня все здоровы и кланяются вам и княгине.

Прежде чем вас увидеть — радости, жду с

волнением родов, чем ближе они приближаются.

Ваш *Л. Толстой*.

228. Н. А. Чаеву

1870 г. — начало 70-х годов. Москва.

Многоуважаемый Николай Александрович!

Увлекаемый своей работой*, на днях только раскрыл вашу книгу* и... не отрываясь прочел ее всю с великим наслаждением. Особенно меня поразило богатство и разнообразие правдивых и поэтических и, главное, русских образов. Посылаю ее вам и благодарю вас за нее и вашу супругу за разрешение взять ее*.

Le Brun* я прочел, но хотелось бы еще поддержать, если нельзя, то напишите, и я с первой почтой пришлю.

Ваш *Л. Толстой*.

1871

229. А. А. Фету

1871 г. Января 1...6? Ясная Поляна.

Получил ваше письмо* уже с неделю, но не отвечал, потому что с утра до ночи учусь по-гречески. Письмо с стихами — хорошими, не прекрасными, потому что мотив слишком случайный, и картина воображаемого недостаточно ясна*. Радуюсь же тому, что вы пишете твердо и легко, и жду еще.

Я ничего не пишу, а только учусь. И, судя по сведеньям, дошедшим до меня от Борисова, ваша кожа, отдаваемая на пергамент для моего диплома греческого, находится в опасности. Невероятно и ни на что не похоже, но я прочел Ксенофонта и теперь *à livre ouvert** читаю его. Для Гомера же нужен только лексикон и немного напряжения.

Жду с нетерпением случая показать кому-нибудь этот фокус. Но как я счастлив, что на меня бог наслал эту дурь. Во-первых, я наслаждаюсь, во-вторых, убедился, что из всего

истинно прекрасного и простого прекрасного, что произвело слово человеческое, я до сих пор ничего не знал, как и все (исключая профессоров, которые, хоть и знают, не понимают), в-третьих, тому, что я не пишу и писать дребедени многословной, вроде «Войны»*, я больше никогда не стану. И виноват и, ей-богу, никогда не буду.

Ради бога, объясните мне, почему никто не знает басен Эзопа, ни даже прелестного Ксенофонта, не говорю уже о Платоне, Гомере, которые мне предстоят. Сколько я теперь уж могу судить, Гомер только изгажен нашими, взятыми с немецкого образца, переводами. Пошлое, по невольное сравнение — отварная и дистиллированная теплая вода и вода из ключа, ломящая зубы — с блеском и солнцем и даже со щепками и соринками, от которых она еще чище и свежее. Все эти Фосы и Жуковские* поют каким-то медово-паточным, горловым подлым и подлизывающимся голосом, а тот черт и поет, и орет во всю грудь, и никогда ему в голову не приходило, что кто-нибудь его будет слушать.

Можете торжествовать — без знания гре-

ческого нет образования*. Но какое знание? Как его приобретать? Для чего оно нужно? На это у меня есть ясные, как день, доводы.

Вы не пишете ничего о Марье Петровне. Из чего с радостью заключаем, что ее выздоровление хорошо подвигается. Мои все здоровы и вам кланяются.

Ваш *Л. Толстой*.

230. В. П. Мещерскому <неотправленное>

1871 г. Августа 22. Ясная Поляна.
Еще прежде получения приятно-го письма вашего, любезный князь, я отвечал князю Дмитрию Оболенскому, что очень, очень сожалею, что не могу быть полезен вам и вашему изданию*, сожаление это было только усилено вашим письмом. Я ничего не пишу, надеюсь и желаю ничего не писать, в особенности не печатать; но если бы даже я по человеческой слабости поддался опять дурной страсти писать и печатать, то я во всех отношениях предпочитаю печатать книгой. Если бы даже я вздумал печатать в жур-

нале, то я обещал прежде «Заре», потом «Беседе»*. Из этого вы видите, что я не могу быть вам полезен, и, вероятно, согласитесь, что и ваше издание в этом ничего не потеряет.

Если же вы подумаете, почему бы ему не написать так что-нибудь для нашей газеты и для «Зари» и «Беседы», то я уверен, судя по тому лестному мнению, которое вы выражаете о моем писании, что вы догадываетесь, что я так писать не могу — так, то есть для каких-нибудь других целей, кроме удовлетворения внутренней потребности.

По правде же вам сказать, я ненавижу газеты и журналы — давно их не читаю и считаю их вредными заведениями для произведения махровых цветов, никогда не дающих плода, заведениями, непроизводительно истощающими умственную и даже художественную почву. Мысль о направлении газеты или журнала мне кажется тоже самою ложною. Умственный и художественный труд есть высшее проявление духовной силы человека, и потому он направляет всю человеческую деятельность, а его направлять никто не может. Если же газета или журнал из-

бирает своей целью интерес минуты и — практический — то такая деятельность, по моему, отстоит на миллионы верст от настоящей умственной и художественной деятельности и относится к делу поэзии и мысли, как писание вывесок относится к живописи.

Я бы не написал вам всего этого, если бы ваша личность, по вашему письму, по статье в «Русском вестнике»*, которую я пробежал, и в особенности по вашей породе*, не была бы мне в высшей степени симпатична. По этой-то причине я прибавляю еще одно — совет лично вам — не сердитесь за него, а, пожалуйста, подумайте над ним. Газетная и журнальная деятельность есть умственный бордель, из которого возврата не бывает. Я видел я вижу на своем веку много людей, погубивших себя безвозвратно, и людей горячих, благородных и умственно здоровых, каким я вас считаю.

Как ваше письмо вылилось от сердца, так и мое, поэтому не взыщите, если оно вас покоробит. Жму вашу руку и очень желаю сойтись с вами.

Ваш *Л. Толстой.*

22 августа.

231. Н. Н. Страхову

1871 г. *Сентября 13. Ясная Поляна.*

Отвечаю вам, любезный Николай Николаевич, в том же порядке, в каком и вы пишете мне, то есть сначала о так называемых делах, то есть о пустяках, а потом о неделах, то есть о существенном. Прочтя первую часть вашего письма*, я хотел отвечать, что согласен на предложение Перог.*, и теперь был бы согласен на подобное предложение, главное — потому, что издать надо будет самому, а хлопот много, и мне не до них. Вот и все о делах. Одно только, что я не рассчитывал на то, что вы так будете хлопотать о моем деле, и если бы рассчитывал, то не решился бы вас просить. Очень вам благодарен за все, что вы сделали по этому делу, и прошу вас больше этими пустяками не заниматься. Я дорожу другого рода беседой с вами. Вы напрасно меня так хвалите. Во-первых, я буду (особенно, если бы это было года два тому назад) ломаться перед вами, буду ненатурален, стараясь соблюсти в ваших глазах тот вид, в

котором я представляюсь вам; во-вторых, похвалы действуют на меня вредно (я слишком склонен верить справедливости их), и я с великим трудом только недавно успел искоренить в себе ту дурь, которую произвел во мне успех моей книги. Вы сами так тонко это понимаете. Как А. Григорьев, чтобы купаться в атмосфере похвалы, всех по ранжиру производил в гениев. А обмануть меня не трудно в значении моей деятельности, я сам обманываться рад*. На выражение же вашего сочувствия отвечу только тем, что оно мне радостно в высшей степени; потому что ту же радость, которую вы испытали, встретив одни и те же взгляды на жизнь во мне, я испытал, встретив вас. В одном только мы не равны: я не могу отделаться от мысли, что я подкуплен вашими похвалами. Скоро после вас я на железной дороге встретил Тютчева, и мы 4 часа проговорили. Я больше слушал. Знаете ли вы его? Это гениальный, величавый и дитя старик. Из живых я не знаю никого, кроме вас и его, с кем бы я так одинаково чувствовал и мыслил. Но на известной высоте душевной единство воззрений на жизнь не соединяет,

как это бывает в низших сферах деятельности, для земных целей, а оставляет каждого независимым и свободным. Я это испытал с вами и с ним. Мы одинаково видим то, что внизу и рядом с нами; но кто мы такие и зачем и чем мы живем и куда мы пойдём, мы не знаем и сказать друг другу не можем, и мы чуждее друг другу, чем мне или даже вам мои дети. Но радостно по этой пустынной дороге встречать этих чуждых путешественников. И такую радость я испытал, встретясь с вами и с Тютчевым. Знаете ли, что меня в вас поразило более всего? Это — выражение вашего лица, когда вы раз, не зная, что я в кабинете, вошли из сада в балконную дверь. Это выражение чуждое, сосредоточенное и строгое объяснило мне вас (разумеется, с помощью того, что вы писали и говорили). Я уверен, что вы предназначены к чисто философской деятельности. Я говорю *чисто* в смысле отрешенности от современности; но не говорю *чисто* в смысле отрешения от поэтического, религиозного объяснения вещей. Ибо философия чисто умственная есть уродливое западное произведение; а ни греки — Платон, ни Шопен-

гауэр, ни русские мыслители не понимали ее так. У вас есть одно качество, которого я не встречал ни у кого из русских, это, при ясности и краткости изложения — мягкость, соединенная с силой: вы не зубами рвете, а мягкими сильными лапами. Я не знаю содержания вашего предполагаемого труда, но заглавие мне очень нравится, если оно определяет содержание в общем смысле*. Но да не будет это *статья*, но, пожалуйста, сочинение. Не бросьте развратную журнальную деятельность. Я вам про себя скажу: вы, верно, испытываете то, что я испытывал тогда, как жил, как вы (в суете), что изредка выпадают в месяцы часы досуга и тишины, во время которых вокруг тебя устанавливается понемногу ничем не нарушимая своя собственная атмосфера, и в этой атмосфере все жизненные явления начинают размещаться так, как они должны быть и суть для тебя; и чувствуешь себя и свои силы, как измученный человек после бани. И в эти-то минуты для себя (не для других) истинно хочется работать, и бываешь счастлив одним сознанием себя и своих сил, иногда и работы. Это-то чувство вы, я

думаю, испытываете, изредка и я прежде, теперь же это — мое нормальное положение, и только изредка я испытываю ту суету, в которой и вы меня застали и которая только изредка перерывает это состояние. Вот этого-то я бы желал вам. Про себя же скажу, что я или потому, что слишком отдаюсь этому чувству, или от нездоровья (мне нехорошо все это время) ничего не пишу и не хочется душой писать.

Хотел многое еще написать, но перервалось настроение, и посылаю письмо, какое есть.

Еще раз благодарю вас и за ваше письмо и за ваши хлопоты по моему делу.

Ваш *Л. Толстой*.

13 сентября.

232. Т. А. и А. М. Кузминским

1871 г. Октября 29. Ясная Поляна.
Любезные друзья Таня и Саша!

Давно уже я собираюсь писать вам, но вы меня знаете, и потому нечего распространяться, отчего я до сих пор сбирался. Теперь уж испорчено, во-первых, тем, что я как будто вызван письмом Саши, а испорчено еще потому, что что бы я ни писал, мне кажется, все уже написала Соня. Нынче твое рожденье, Таня. Раз 10 уже, верно, все поминали про это. Ты завидуешь нашей жизни, а я тебе завидую. Ты без запятых, но пишешь так, что я бы желал, чтобы все так писали. От каждого твоего письма так и запахнет Кавказом. «Старик печет тыкву, Бичо не понимает, что ему кричат». И меня это так и переносит на Кавказ и в мои 22 года, когда я был там. У вас, видно, все идет отлично. Боюсь за вас только двух вещей: за Сашу, чтобы он не рассердился за что-нибудь на кого-нибудь из сослуживцев или начальников, а за Таню, чтобы она не нарожала по двойне много детей, а за обоих вместе, чтобы вам не жить сверх средств. За-

видовать нам можно за тишину нашей семейной жизни и даже за Сашу*, который очень приятен в жизни, но не за Константина Александровича, как пишет Таня. Правда твоя, Саша, что пустее, противнее и гаже этого человека трудно найти. Ненатуральные слова, звуки, движения. Он мне противен ужасно. Жизнь наша, впрочем, еще не стала на зимнюю ногу. Я пишу книжку* (и, кажется, будет толк), но это не работа. Больше же езжу на охоту с Сашей. На днях Саша стрелял и промахнулся в стоячую лисицу. Я убил двух. Соня жалуется на тошноту и все — именно понос Левочки — принимает слишком к сердцу. Вообще — как ты хорошо знаешь, Таня, — находится в тяжелом состоянии первого периода беременности. Но все это ничего и даже хорошо. Я привык к этому, и, если б этого не было, мне как будто чего-то недоставало бы. Тула для нас после вас совсем заглохла; я недавно ездил провожать в Москву Вареньку* (я посадил ее и поручил В. П. Минину) и удивлялся, что по улице ходят, кланяются друг другу. И мы решили с Варенькой, что это Копылов и Иванов притворяются, что и без вас

они могут все то же сделать. Соня делает планы на лето, но я, как вы знаете, не делаю никаких и все жду, что велит судьба. Да и как загадывать? И беременность Сони, и целая зима впереди со всем, что может случиться и хорошего и дурного, и вы — что важнее всего. Прочтя твой план, Таня, приехать на лето к нам — все сказали, что это не может быть, — но я сказал, что, если Таня рассудила, верно, так выходит. А если это для вас выходит, то для нас выходит — счастье и, разумеется, все Самары и все дома и краски не могут быть препятствиями.

Не понимаю, как делать планы. У меня никогда не выходят. А посмотрю на вас, все так точно. Но удивляюсь, как так жить, как Любовь Александровна*, которая, как только приедет куда-нибудь, так живет одной мыслью и приготовлениями, как отсюда уехать.

В книжке моей будет много хорошего. И я радуюсь, как я пришлю ее вам. А на что вам книг — у вас горы и виноград и горы. Неужели Саша все так же добросовестно читает свой «Голос» в горах, а Таня зажигает лампы и блюдет тетерева? Ты написал мне о землях,

о ценах их. Это меня всегда интересует. И если тебе не скучно, напиши мне еще поподробнее. Лучше бы всего случай какой-нибудь продажи — цену, доход.

Что ты, Саша, не написал подробности обеда у государя и бала? Это всегда интересно. Васенька Перфильев, так тот после проезда государя говорит, что ему неловко садиться обедать без государя — так он привык. Тоже интересно бы знать подробности твоего представления великому князю*. Прощайте, любезные друзья, целую детей и вас.

Я бы чаще писал вам, да все мешает супруга. Точно так же как, когда я рассказываю и подготавливаю к самому важному, а она вдруг ляпнет, точно так же и расписаться боюсь о чем-нибудь — думаю, она уже это написала.

1872

233. А. А. Толстой

1872 г. Января 12. Москва.

Любезный друг Alexandrine. Меня просили, чтоб я просил вас, и я не мог отказать, вы же сделайте с моей просьбой, что хотите; я рад случаю писать вам. Просьба от моего приятеля, прекрасного человека и известного знатока и собирателя русской старины Бессонова. В Москве составилось «Общество любителей русского народного пения»*(я один из членов-учредителей). Устав общества представлен к министру внутренних дел, у него прошел и переслан к министру двора, и там задержался; а очень желают разрешения ко времени политехнической выставки в Москве*, чтобы успеть дать ряд исполнений народных в честь Петра I.

Я все мечтал, что в тот или другой проезд ваш вы мне свистнете, и готовил, в воображении, целый ряд разговоров с вами; но, видно, еще не нужно — не поспели эти ягоды. А пи-

сать нечего: внешняя жизнь моя все та же, то есть по изречению *les peuples heureux n'ont pas d'histoire**. У меня все так же хорошо дома, детей пятеро, и работы столько, что всегда нет времени. Пишу я эти последние года «Азбуку» и теперь печатаю. Рассказать, что такое для меня этот труд многих лет — «Азбука», очень трудно. Нынешней зимой надеюсь прислать вам, и тогда вы, по дружбе ко мне, может быть, прочтете. Гордые мечты мои об этой «Азбуке» вот какие: по этой «Азбуке» только будут учиться два поколения русских всех детей от царских до мужицких, и первые впечатления поэтические получают из нее, и что, написав эту «Азбуку», мне можно будет спокойно умереть.

Прощайте, целую вашу руку, не забывайте меня и не упускайте случаев повидаться нам с вами. Сестра, за которую я радовался, что вы ее полюбили, в Ницце, а дочь ее Варя, моя любимица, выходит замуж за Нагорного, и я в первый раз испытал чувство *жестокотого отца*, какие бывают в комедиях. Хотя в молодом человеке нет ничего дурного, я бы убил его, если б он мне подвернулся на охоте. И я своей

мрачностью расстроил их ребяческое, так называемое, счастье; а не могу иначе. Избави бог дожить до невесты-дочери. Это чувство жертвоприношения, заклания на алтаре какого-то страшного и цинического божества. Я пишу это письмо от Перфильевых, у которых я останавливаюсь в Москве, и они посылают вам свой душевный привет.

Ваш *Л. Толстой*.

12 января.

234. А. А. Толстой

1872 г. *Февраля 20. Ясная Поляна.*
Когда я вам написал письмо, любезный друг Alexandrine, и долго не получал ответа, я ни минуты не сомневался в том, что какая-нибудь причина мешает вам писать, но когда я получил ваше письмо*, я вдруг понял, что на вашем месте я бы не стал писать. И мне стало совестно, в особенности оттого, что вы были больны. Я могу по годам не переписываться с людьми, которых я люблю, но только бы знать, что эти люди хоть не счастливы, но не несчастливы — не больны. А думать, что я ничего не знаю, а близкий мне че-

ловек страдает физически или нравственно, очень неприятно; и потому я с нынешнего дня исправился и начинаю, если вы хотите, правильную переписку. Не пугайтесь — если я получу от вас в год три письма — это довольно. Одно нехорошо, это то, что — не знаю, как вы с другими друзьями, — но со мной вы не ровны — в том смысле, что общий наш интерес всегда составлял — большая часть меня, и маленькая часть ваша, т. е. что вы всегда больше интересуетесь мною, чем позволяете мне интересоваться вами. А это мне неловко. Я эгоист в своей умственной деятельности, т. е. что мои мысли, мне кажется, всегда должны быть интересны для всех, и я готов навязывать их всем; но свою персону я считаю за очень малое и для самого себя, не только ни для кого другого неинтересною.

Что ваше здоровье? Об этом непременно напишите мне; а если вы прибавите к этому коротенький хоть bulletin о вашем нравственном, душевном состоянии, то это будет мне сюрприз, — подарок. Когда я был молод и смотрел на таких седых беззубых стариков, как я, как твердо я был уверен, что если есть

интересная душевная жизнь, движение, то ее надо искать в молодых, а что эти старики захотели, как мощи, и снутри и снаружи и все такие же; а теперь вижу, что дальше вперед, то больше, круче ступени, — так и обрываешься под них, не ожидая. Это я к тому говорю, что хоть краткий bulletin о вашем душевном состоянии мне интересен. Моя жизнь все та же, т. е. лучше не могу желать. Немножко есть умных и больших радостей, ровно сколько в силах испытывать, и толстый фон *глупых радостей*, как то: учить грамоте крестьянских детей, выезжать лошадь молодую, любоваться на вновь пристроенную большую комнату, рассчитывать будущие доходы с новокупленного имени, хорошо переделанная басня Эзопа*, отбарабаненная в 4 руки симфония с племянницею, хорошие телята — все телки и т. п. Большие же радости это семья, *страшно* благополучная, все дети живы, здоровы и, почти уверен, умны и неиспорченны, и занятия. Прошлого года это был греческий язык, нынешний год — это была «Азбука» до сих пор, и теперь я начинаю новый, большой труд*, в котором будет кое-что из того, что я говорил

вам, но все другое, чего я никогда и не думал. Я теперь вообще чувствую себя отдохнувшим от прежнего труда и освободившимся совсем от влияния на самого себя своего сочинения и, главное, освобожденным от гордости, от похвал. Я берусь за работу с радостью, робостью и сомнениями, как и в первый раз.

В Москву на выставку я не только не думаю ехать, но вчера я вернулся из Москвы*, где я заболел, с таким отвращением ко всей этой праздности, роскоши, к нечестно приобретенным и мужчинами и женщинами средствам, к этому разврату, проникшему во все слои общества, к этой нетвердости общественных правил, что решил никогда не ездить в Москву. Со страхом думаю о будущем, когда вырастут дочери.

Целую вашу руку. Соня благодарит за память и целует вас.

Ваш старый и верный друг *Л. Толстой*.

Если вы видите ваших, передайте им мой душевный привет. Я ничего не знаю про них, напишите про них словечко.

235. А. Ф. Писемскому

1872 г. Марта 3. Ясная Поляна.
Милостивый государь Алексей
Феофилактович!

От всей души благодарю вас за ваше письмо* и присылку книги. Кроме удовольствия вашего письма, это сделало то, что я второй раз прочел ваш роман*, и второе чтение только усилило то впечатление, о котором я говорил вам. Третья часть, которой я еще не читал тогда, — так же прекрасна, как первые главы, которые меня при первом чтении привели в восторг. Одно только неприятное впечатление произвело на меня ваше письмо, это то, что мне стало совестно, что я не был у вас.

В первый раз, как буду, устроюсь, чтобы провести у вас вечер*. Перфильев, впрочем, знает, какой я всегда шальной в Москве.

Искренно уважающий и преданный
гр. Л. Толстой.

3 марта.

236. Н. Н. Страхову

1872 г. Марта 3. Ясная Поляна.
Как мне жалко, многоуважаемый Николай Николаевич, что мы так давно с вами замолчали. Я, кажется, виною этого. Получив ваше письмо*, мне так захотелось побеседовать с вами. И статей ваших не было до нынешней прекрасной о Дарвине*. Что вы делаете? О себе не могу написать, что я делаю, — слишком длинно. «Азбука» занимала и занимает меня, но не всего. Вот этот остаток-то и есть то, о чем не могу написать, а хотелось бы побеседовать*. «Азбука» моя кончена и печатается очень медленно и скверно у Риса, но я по своей привычке все мараю и переделываю по 20 раз. От этого я и не выслал в «Зарю». Между нами будь сказано — это обещание меня стесняет; а пользы для «Зари» не будет. Это так ничтожно, и оговорка, что из «Азбуки», уничтожит все, что даже могло бы значить имя. Если можно выхлопотать мне свободу — очень одолжите*.

Если будет какое-нибудь достоинство в статьях «Азбуки», то оно будет заключаться в

простоте и ясности рисунка и штриха, то есть языка; а в журнале это странно и неприятно будет — точно недоконченное. Как в картинной галерее, какой бы ни было, рисунки карандашом без теней.

Жизнь наша в деревне та же. Прибавилось новое только школа крестьянских детей, которая сама собой завелась. И всех нас с детьми моими очень занимает*.

Приезжал ко мне на днях один Александр, сотрудник «Семья и школа», читал свои статьи, просил советов, указаний; и оставил мне неопределенное впечатление, или очень хороший и даровитый человек, или совсем дрянь. Когда будете писать мне, скажите, не слыхали ли, что это за человек?*

Заметили ли вы в наше время в мире русской поэзии связь между двумя явлениями, находящимися между собой в обратном отношении: упадок поэтического творчества всякого рода — музыки, живописи, поэзии, и стремление к изучению русской народной поэзии всякого рода — музыки, живописи и поэзии. Мне кажется, что это даже не упадок, а смерть с залогом возрождения в народности.

Последняя волна поэтическая — парабола была при Пушкине на высшей точке, потом Лермонтов, Гоголь, мы грешные, и ушла под землю. Другая линия пошла в изучение народа и выплывет, бог даст, а пушкинский период умер совсем, сошел на нет.

[РИСУНОК]

Вы поймете, вероятно, что я хочу сказать*.

Счастливы те, кто будут участвовать в выплывании. Я надеюсь.

Прощайте, крепко жму вам руку и жду хорошего длинного письма. Очень рад, что А. Н. Майков* помнит меня. Это очень симпатический мне человек.

Гр. Л. Толстой.

3 марта

237. Н. Н. Страхову

1872 г. Марта 22, 25. Москва.
Вы меня задели за живое, любезный Николай Николаевич. Мне стало грустно после того, как я прочел*. Как и всегда, вы попали прямо на узел вопроса и указали его.

Вы правы, что у нас нет свободы для науки и литературы, но вы видите в этом беду, а я не вижу. Правда, что ни одному французу, немцу, англичанину не придет в голову, если он не сумасшедший, остановиться на моем месте и задуматься о том — не ложные ли приемы, не ложный ли язык тот, которым мы пишем и я писал; а русский, если он не безумный, должен задуматься и спросить себя: продолжать ли писать поскорее свои драгоценные мысли, стенографировать, или вспомнить, что и «Бедная Лиза»* читалась с увлечением кем-то и хвалилась, и поискать других приемов и языка. И не потому, что так рассудил, а потому что противен этот наш теперешний язык и приемы, а к другому языку и приемам (он же и случился народный) влекут мечты невольные. Замечание Данилевского

очень верно, особенно в отношении науки и литературы, так называемой, но поэт, если он поэт, не может быть несвободен, находится ли он под выстрелами, или нет. Всякий человек так же свободен встать или не встать с постели без опасности в своей комнате, как и под выстрелами. Можно оставаться под выстрелами, можно уйти, можно защищаться, нападать. Под выстрелами нельзя строить, надо уйти туда, где можно строить.

Вы заметьте одно: мы под выстрелами, но все ли? Если бы все, то и жизнь была бы так же нерешительна и дрянна, как и наука и литература, а жизнь тверда и величава и идет своим путем, знать не хочет никого. Значит, выстрелы-то попадают только в одну башню нашей дурацкой литературы. А надо слезть и пойти туда ниже, там будет свободно. И опять случайно *это туда ниже* суть народное. «Бедная Лиза» выжимала слезы, и ее хвалили, а ведь никто никогда уж ее не прочтет, а песни, сказки, былины — все простое будут читать, пока будет русский язык.

Я изменил приемы своего писания и язык, но, повторяю, не потому, что рассудил, что

так надобно. А потому, что даже Пушкин мне смешон, не говоря уж о наших элукубрациях*, а язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт, — мне мил. Язык этот, кроме того — и это главное — есть лучший поэтический регулятор. Захоти сказать лишнее, напыщенное, болезненное — язык не позволит, а наш литературный язык без костей; так набалован, что хочешь мели — все похоже на литературу. Народность славянофилов и народность настоящая две вещи столь же разные, как эфир серный и эфир всемирный, источник тепла и света. Я ненавижу все эти *хоровые начала и строи жизни и общины и братьев славян*, каких-то выдуманых, а просто люблю определенное, ясное и красивое и умеренное и все это нахожу в народной поэзии и языке и жизни и обратное в нашем.

Писать я почти не начинал да едва ли начну до зимы. Все время и силы мои заняты «Азбукой». Для «Зари» я написал совсем новую статью в «Азбуку» — «Кавказский пленник» и пришлю не позже как через неделю*. Я благо-

дарю за предложение и прошу вас держать корректуру.

Пожалуйста, напишите, что вы думаете об этой *статье*. Это образец тех приемов и языка, которым я пишу и буду писать для больших.

Я знаю, что меня будут ругать, боюсь, что и вы. Пожалуйста, ругайте смелее. Я вам верю, и потому ваши ругательства мне в пользу будут. Не говорю, чтоб я послушался, но они лягут тяжело на весах.

Ваш *гр. Л. Толстой*.

Письмо это пролежало три дня. Я кончил статейку и посылаю ее завтра.

25 марта.

238. А. А. Толстой

1872 г. *Апреля 6...8? Ясная Поляна.*
Любезный друг! Вы посмеялись над моим исправлением и теперь верно подумали: так и есть, если обещался писать часто, то года через два напишет. А вы сами виноваты — велели мне адресовать в Петербург, а я знаю, что вы в Крыму, и это отбивает охоту писать. Приехать в Орел я не мог. Но мне очень хотелось вас видеть. Я от души сочувствовал вашему горю, нездоровью императрицы, и именно по этому случаю хотел особенно вас видеть. Я хотел внушить вам, что у нас в России есть необычайное средство против общего и неопределенного упадка сил — кумыс, но не в Петербурге, не в Крыму, а в сарматских степях. Я испытал его на себе, видел удивительные примеры и верю только в кумыс. Разумеется, вы мне не поверите. Ваши доктора все уже решили и все знают, но мне хотелось сказать это вам, и я сказал. Впрочем, это и не нужно — я слышал, что здоровье императрицы совсем поправилось. Я говорю — слышал, потому что 3 года не читал и теперь

не читаю ни одной газеты.

Я живу хорошо, только старость начинает чувствоваться — хвораю часто и тороплюсь работать. Работы все больше и больше впереди. Если бы мне 20 лет тому назад сказали: придумай себе работу на 23 года, я бы все силы ума употребил и не придумал бы работы на три года. А теперь скажите мне, что я буду жить в 10 лицах по 100 лет, и мы все не успеем всего переделать, что *необходимо*. «Азбука» моя печатается с одного конца, а с другого все пишется и прибавляется. Эта азбука одна может дать работы на 100 лет. Для нее нужно знание греческой, индийской, арабской литератур, нужны все естественные науки, астрономия, физика, и работа над языком ужасная — надо, чтоб все было красиво, коротко, просто и, главное, ясно. Как француз какой-то сказал: «La clarté est la politesse de ceux qui veulent enseigner, s'adressant au public»*. И что хуже всего, что за этот труд меня будут бранить, и вы — первая. В вашей среде вы наверно найдете мой язык *vulgaire*. А я не могу пренебречь мнением и вашей среды, потому что я пишу для всех. Образец того языка, каким я

пишу, вы увидите, если захотите, в двух журналах, «Заре» и «Беседе», куда я, против воли, должен был дать две историйки из «Азбуки»*. Если вы их прочтете, напишите свое мнение.

Ваш *Л. Толстой*.

239. Н. Н. Страхову

1872 г. *Мая 19. Ясная Поляна.*
Любезный Николай Николаевич!

Великая к вам просьба. Хочется сделать кучу предисловий о том, как мне совестно и т. д., но дело само за себя скажет. Если вам возможно и вы хотите мне сделать большое добро, вы сделаете. Вот в чем дело. Я давно кончил свою «Азбуку», отдал печатать, и в 4 месяца печатание не только не кончилось, не началось и, видно, никогда не кончится. Зимой я всегда зарабатываю и летом кое-как оправляюсь, если не работаю. Теперь же корректуры, ожидание, вранье, поправки типографские и свои измучали меня и обещают мучить все лето. Я вздумал теперь взять это от Риса и печатать в Петербурге, где, говорят, больше типографий и они лучше. Возьметесь

ли вы наблюдать за этой работой, т. е. приискать человека, который держал бы черновые корректуры за известную плату, и сами держать последние корректуры (тоже за вознаграждение)? Только вам я бы мог поручить эту работу так, чтобы самому уже не видеть ее. Вознаграждение вы определите сами такое, которое бы равнялось тому, что вы зарабатываете в хорошее время. Время, когда печатать, вы определите сами. Для меня чем скорее, тем лучше. Листов печатных будет около 50-ти. Если вы согласитесь, то сделаете [для] меня такое одолжение, значения которого не могу вам описать*.

Умственная душевная работа моя по этому делу кончилась, но пока это не напечатано, я не могу спокойно взяться за другое дело, и оттого это мучает, томит меня. Благодарю вас очень за корректуру статьи*. Она мне не понравилась в печати, и я жалею, что напечатал и ту и другую*. И забавно то, что ни тот, ни другой журнал не платят мне денег.

Выгода та, что уж впредь, наверно, никогда не отвечу ни на одно редакторское письмо. Не будете ли проезжать опять мимо Яс-

ной? И нет ли надежды опять увидеть вас?
Хорошо бы было.

Ваш *Л. Толстой*.

19 мая.

240. А. А. Толстой

1872 г. *Сентября 15. Ясная Поляна. 15*
сентября.

Любезный друг Alexandrine. Вы одна из тех людей, которые всем существом своим говорят своим друзьям: «I will share with thee thy sorrows, and thou thy joys with me»*, и я вот, всегда рассказывающий вам о своем счастье, теперь ищу вашего сочувствия в моем горе.

Нежданно-негаданно на меня обрушилось событие, изменившее всю мою жизнь.

Молодой бык в Ясной Поляне убил пастуха, и я под следствием, под арестом — не могу выходить из дома (все это по произволу мальчика, называемого судебным следователем), и на днях должен обвиняться и защищаться в суде перед кем? Страшно подумать, страшно вспомнить о всех мерзостях, которые мне делали, делают и будут делать.

С седой бородой, 6-ю детьми, с сознанием

полезной и трудовой жизни, с твердой уверенностью, что я не могу быть виновным, с презрением, которого я не могу не иметь к судам новым, сколько я их видел, с одним желанием, чтобы меня оставили в покое, как я всех оставляю в покое, невыносимо жить в России, с страхом, что каждый мальчик, кот[орому] лицо мое не понравится, может заставить меня сидеть на лавке перед судом, а потом в остроге; но перестану злиться. Всю эту историю вы прочтете в печати. Я умру от злости, если не изолью ее, и пусть меня судят за то еще, что я высказал правду. Расскажу, что я намерен делать и чего я прошу у вас.

Если я не умру от злости и тоски в остроге, куда они, вероятно, посадят меня (я убедился, что они ненавидят меня), я решил переехать в Англию навсегда или до того времени, пока свобода и достоинство каждого человека не будет у нас обеспечено. Жена смотрит на это с удовольствием — она любит английское, для детей это будет полезно, средств у меня достанет (я наберу, продав все, тысяч 200); сам я, как ни противна мне европейская жизнь, надеюсь, что там я перестану злиться и буду в

состоянии те немногие года жизни, которые остаются, провести спокойно, работая над тем, что мне еще нужно написать. План наш состоит в том, чтобы поселиться сначала около Лондона, а потом выбрать красивое и здоровое местечко около моря, где бы были хорошие школы, и купить дом и земли. Для того, чтоб жизнь в Англии была приятна, нужны знакомства с хорошими аристократическими семействами. В этом-то вы можете помочь мне, и об этом я прошу вас. Пожалуйста, сделайте это для меня. Если у вас нет таких знакомых, вы, верно, сделаете это через ваших друзей. Два, три письма, которые бы открыли нам двери хорошего английского круга. Это необходимо для детей, которым придется там вырасти. Когда мы едем, я еще ничего не могу сказать, потому что меня могут промучать, сколько им угодно. Вы не можете себе представить, что это такое. Говорят, что законы дают *sécurité**. У нас напротив. Я устроил свою жизнь с наибольшей *sécurité*. Я довольствуюсь малым, ничего не ищу, не желаю, кроме спокойствия; я любим, уважаем народом; в-ры и те меня обходят; я имею полную *sécurité*,

но только не от законов. Тяжелее для меня всего — это злость моя. Я так люблю любить, а теперь не могу не злиться. Я читаю и «Отче наш» и 37 псалом, и на минуту, особенно «Отче наш», успокоивает меня, и потом я опять киплю и ничего делать, думать не могу; бросил работу, как глупое желание отмстить, тогда как мстить некому*. Только теперь, когда я стал приговариваться к отъезду и твердо решил, я стал спокойнее и надеюсь скоро опять найти самого себя. Прощайте, целую вашу руку.

241. А. А. Толстой

1872 г. *Сентября 19. Ясная Поляна.*
19 сентября.

Спешу писать вам, милый друг, о новом обороте, которое приняло мое дело совершенно неожиданно и от которого планы мои изменились. Простите меня, если я вас встревожил; но я не виноват; я измучился в этот месяц, как никогда в жизни, и с мужским эгоизмом хотел, чтобы все хоть немного помучались со мною. Мне уже легче стало, когда я высказал вам и когда решил уехать. Нынче —

сейчас — я получил письмо от председателя суда — он пишет, что все мерзости, которые мне делали, была ошибка и что меня оставят в покое. Если это так, то я никуда не уеду и только прошу вас простить меня, если я вас встревожил. Но в оправданье мое должен рассказать вам всю историю.

Бык, в то время, как я в Самаре, убивает человека — пастуха. Я, когда и дома, по месяцам не вижу приказчика и не занимаюсь хозяйством. Приезжает какой-то юноша, говорит, что он следователь, спрашивает меня, законных ли я родителей сын и т. п., и объявляет мне, что я обвиняюсь в действии противозаконном, от которого произошла смерть, и требует, чтобы я подписал бумагу, что я не буду выезжать из Ясной Поляны до окончания дела. Я спрашиваю, подписывать или не подписывать? Мне говорит прокурор, что если я не подпишу, меня посадят в острог. Я подписываю и справляюсь, скоро ли может кончиться дело? Мне говорят: по закону товарищ прокурора в неделю срока должен кончить дело, т. е. прекратить или составить обвинение. А я знаю, у меня в деревне мужик дожидается 4-

й год этой недели. И знаю, что может протянуться год, два, сколько им угодно. Проходит три недели; я, утешая себя мыслью, что для меня, хоть не в неделю, а в 3 недели сделаю заключение, справляюсь. Что же? Не только не сделано заключение, но дело еще не получено за 15 верст. Справляюсь, от кого зависит сделать обвинение или прекратить. От одного товарища прокурора, большей частью мальчика, лет 20. Если товарищ прокурора такой же, как следователь, то, конечно, — я в остроге на 4 месяца. Какая же надежда спасения? Суд. На беду в это самое время я присяжным и должен ехать в суд*. Вопрос: ехать ли мне или не ехать? У кого спросить? Спрашиваю у председателя суда. Он мне пишет, что я прав буду, не ездя.

Я пишу бумагу в суд, что я не могу ехать, потому что под следствием. На суде товарищ прокурора публично заявляет, что я не могу быть присяжным, потому что я обвиняюсь в преступлении по ст. 1466, т. е. в убийстве (вы понимаете, как это приятно). Суд накладывает на меня штраф в 225 р. и требует, чтоб я явился, иначе я предаюсь суду.

Нечего делать; я с письмом председателя суда, в котором сказано, что я юридически прав, не едзя на суд, приезжаю и доставляю удовольствие этим господам забавляться мною.

Стало быть, вот он суд, который будет меня судить. При этом не забудьте, что в деле о быке, которое теперь взвалили на моего управляющего, из *fausse honte**, нет возможности обвинять кого бы то ни было, а меня, живущего в Самаре и никогда не занимающегося хозяйством, можно было обвинять столько же, сколько вас. При этом не забудьте, что я никого тульских не знаю и знать не хочу, никому ни в чем не мешаю, одного молю у бога и у людей — спокойствия, занят с утра до вечера работой, требующей всего внимания — последней отделкой моей печатающейся книги*. Я часто был в сомнении, в самом деле, не сделал ли я какого преступления или не сошел ли с ума. Злишься и чувствуешь унижение злости и еще больше злишься. И теперь мне пишет*, что следователь ошибся, а товарищ прокурора не успел, а суд тоже мог иначе взглянуть, и что все прекрасно, что во всем

могут быть маленькие несовершенства. Маленькое несовершенство то, что я месяц целый (и теперь еще) нахожусь под арестом, что, по какому-то счастью, товарищ прокурора догадался, что меня обвинять нельзя, а то бы я был судим, т. е. они бы вполне повеселились. Да и теперь я еще ничего не знаю официально. Может быть, еще им вздумается. Я потому только говорю, что я изменил свое намерение уехать, что вероятнее, что суда не будет. Я же с самого начала дела решил с собою, что если будет суд, я уеду. И когда я вам писал, было очевидно, что суд будет. Эти маленькие несовершенства моего месяца под арестом и 3-х лет в остроге моего мужика похожи на то, как если бы услужливый командир, желая делать пользу жителям, приставлял бы часовых для безопасности хозяев; но часовые, по свойственному человеку несовершенству, убивали бы всех хозяев, которых они приставлены караулить.

Так вот моя история. Хотя ничего еще не кончено, и подписка не снята, и гадостей могут сделать много, по письму председателя я вижу, что теперь меня хотят оставить в по-

кое, и жалею, что написал вам и теперь должен был писать все эти объяснения.

Нынче же случилось то, что утишило мою досаду еще до получения письма. Утром жена разболелась сильнейшей лихорадкой и болью в груди, угрожающей грудницей (она кормит), и я вдруг почувствовал, что не имеет человек права располагать своей жизнью и семьей особенно. И так мелка мне показалась и моя досада и оскорбление, что я усумнился, поеду ли я. Теперь ей получше, я надеюсь, что обойдется без грудницы. Сестра Маша на днях уехала от нас и каждый день с нежностью говорила о вас и упрекала себя за то, что не писала вам, а я упрекаю себя за то, что писал. Прошу простить и целую вашу руку.

Л. Толстой.

242. А. А. Толстой

1872 г. *Сентября 20... 21? Ясная Поляна.*
Любезный друг Alexandrine!

Вы пишете: *si j'ai dit quelque chose qui vous irrite**. Все ваше письмо* произвело на меня это действие, и я благодарю бога за то, что я получил его тогда, когда я уже кое-как успокоился.

Понять рассудком положение другого человека нельзя, и этого я не ждал; но понять сердцем можно, и этого я ждал и ошибся. Я нашел и нахожу, что если попал в муравьиную кочку, то следует уйти для того, чтобы перестать визжать и биться; а вы не находите и говорите, что нужно мужаться, не быть эгоистом и быть христианином. Мужаться можно там, где есть враг, где есть опасность; а там, где борьба лжи и притворства, по-моему, надо покоряться. Для того, чтобы не быть эгоистом и быть полезным другим, надо прежде всего перестать страдать и биться, надо прежде всего выскочить из муравьиной кочки. Для того, чтобы по-христиански принять все, что послано богом, надо прежде всего

чувствовать себя самим собою, а в то время, как вас обсыпают и жалят муравьи, нельзя ни о чем другом думать, как об избавлении. Принять же, как посланное свыше испытание, зуд, производимый во всем вашем существе насекомыми, облепившими вас, — невозможно. Все дело в том, не как ум, а как сердце посмотрит на человека (ребенка или старика), который бьется в муравьиной кочке. Многим это покажется смешно, другим глупо, некоторым жалко и оскорбительно. Я понимаю, что многих людей, возвышенно утонченных, можно высечь, и они только оглянутся, — не видал ли кто-нибудь, и сделаются еще приятнее, чем прежде, и их не жалко; и понимаю тоже, для других людей, приносящих все в жертву соблюдению своего достоинства, для которых малейшее унижение есть физическое страдание, и этих жалко. Все дело в том, что вы не поняли, что та злоба, которую я испытывал и от которой страдал, была не произведение моей воли, а такое же несомненное последствие того, что я испытал, как опухоль и боль после укуса пчелы. Одно, что вы мне не говорите, но что я говорю

себе, это то, что зачем я написал вам. Когда я вспомню, что я написал вам с задней мыслью (теперь для меня ясной) о том, что вы разгласите то, что со мной случилось, в той среде, в которой вы живете, — я краснею от стыда, особенно когда вспомню ваш ответ. Очень жалею о том, что потревожил вас, и наверно вперед не буду. А более, чем когда-нибудь, остаюсь при своем мнении, что лучшее, что может сделать человек, уважающий себя, это уехать от того безобразного моря самоуверенной пошлости, развратной праздности и лжи, лжи, лжи, которая со всех сторон затопляет тот крошечный островок честной и трудовой жизни, который себе устроил. И уехать в Англию, потому что только там свобода личности обеспечена — обеспечена для всякой уродливости и для независимой и тихой жизни. Прощайте, целую вашу руку и прошу простить меня за тревогу.

243. А. А. Толстой

1872 г. Октября 26? Ясная Поляна.
Любезный друг Alexandrine!

Когда я писал (в особенности, когда посылал) мое последнее письмо*, я чувствовал, что я что-то делаю нехорошее, а когда получил ваш ответ*, мне удивительно стало, как я мог послать это письмо. От всей души прошу вас простить меня за то, что огорчил.

Хотел писать вам длинно, но перед отъездом в Москву* написал целую кучу деловых писем и чувствую, что не напишу того, что хотелось вам написать. До другого раза. Это посылаю, чтоб облегчить немного свою совесть. Целую вашу руку.

Ваш Л. Толстой.

Вы спрашивали о деле быка. Оно кончилось тем, что следователь *ошибся*, обвинив меня. И, обвинив меня, *ошибся* другой раз тем, что взял с меня подписку о невыезде. И те, которые наложили на меня штраф, тоже *ошиблись*. И в том, что дело это было начато, тоже *ошибка*, потому что они после меня, чтоб доказать, что было какое-то дело, начали

обвинять моего управляющего; но так очевидно, что виноватого никого нет, что и обвинения против управляющего не может быть. Немножко в оправдание себя скажу вам еще то, что в последнее время, кончив свою «Азбуку», я начал писать ту большую [повесть] (я не люблю называть романом), о которой я давно мечтаю*. А когда начинает находить эта дурь, как прекрасно называл Пушкин, делаешься особенно ощутителен на грубость жизни. Представьте себе человека, в совершенной тишине и темноте прислушивающегося к шорохам и вглядывающегося в просветы мрака, которому вдруг под носом пустят вонючие бенгальские огни и сыграют на фальшивых трубах марш. Очень мучительно. Теперь я опять в тишине и темноте слушаю и гляжу, и если бы я мог описать сотую долю того, что я слышу и вижу. Это большое наслаждение. Вот я и расписался. Вы мне дали тему письма, на которую мне хочется писать. Дети мои. Вот они кто такие:

Старший белокурый, — не дурен. Есть что-то слабое и терпеливое в выражении и очень кроткое. Когда он смеется, он не заражает, но

когда он плачет, я с трудом удерживаюсь, чтобы не плакать. Все говорят, что он похож на моего старшего брата. Я боюсь верить. Это слишком бы было хорошо. Главная черта брата была не эгоизм и не самоотвержение, а строгая середина. Он не жертвовал собой никому, но никогда никому не только не повредил, но не помешал. Он и радовался и страдал в себе одном. Сережа умен — математический ум и чуток к искусству, учится прекрасно, ловок прыгать, гимнастика; но gauche* и рассеян. Самобытного в нем мало. Он зависит от физического. Когда он здоров и нездоров, это два различных мальчика.

Илья 3-й. Никогда не был болен. Широко-кост, бел, румян, сияющ. Учится дурно. Всегда думает о том, о чем ему не велят думать. Игры выдумывает сам. Аккуратен, бережлив; «мое» для него очень важно. Горяч и violent*, сейчас драться; но и нежен, и чувствителен очень. Чувствен — любит поест и полежать спокойно. Когда он ест желе смородиновое и гречневую кашу, у него губы щекотит. Самобытен во всем. И когда плачет, то вместе злится и неприятен, а когда смеется, то и все

смеются.

Все непозволенное имеет для него прелесть, и он сразу узнает. Еще крошкой он подслушал, что беременная жена чувствовала движение ребенка. Долго его любимая игра была то, чтоб подложить себе что-нибудь круглое под курточку и гладить напряженной рукой и шептать, улыбаясь: «это бебичка». Он гладил также все бугры в изломанной пружинной мебели, приговаривая! «бебичка». Недавно, когда я писал истории в «Азбуку», он выдумал свою: «Один мальчик спросил: «Бог ходит ли.....?» Бог наказал его, и мальчик всю жизнь ходил...»

Если я умру, старший, куда бы ни попал, выйдет славным человеком, почти наверно в заведении будет первым учеником, Илья погибнет, если у него не будет строгого и любимого им руководителя.

Летом мы ездили купаться: Сережа верхом, а Илью я сажал себе за седло.

Выхожу утром, оба ждут. Илья в шляпе, с простыней, аккуратно, сияет, Сережа откуда-то прибежал, запыхавшись, без шляпы. «Найди шляпу, а то я не возьму». Сережа бе-

жит туда, сюда. Нет шляпы. «Нечего делать, без шляпы я не возьму тебя. Тебе урок, у тебя всегда все потеряно». Он готов плакать. Я уезжаю с Ильей и жду, будет ли от него выражено сожаление. Никакого. Он сияет и рассуждает об лошади. Жена застаёт Сережу в слезах. Ищет шляпу — нет. Она догадывается, что ее брат, который пошел рано утром ловить рыбу, надел Сережину шляпу. Она пишет мне записку, что Сережа, вероятно, не виноват в пропаже шляпы, и присылает его ко мне в картузе. (Она угадала.) Слышу по мосту купальни стремительные шаги, Сережа вбегает. (Дорогой он потерял записку.) И начинает рыдать. Тут и Илья тоже, и я немножко.

Таня — 8 лет. Все говорят, что она похожа на Соню, и я верю этому, хотя это также хорошо, но верю потому, что это очевидно. Если бы она была Адамова старшая дочь и не было бы детей меньше ее, она была бы несчастная девочка. Лучшее удовольствие ее возиться с маленькими. Очевидно, что она находит физическое наслаждение в том, чтобы держать, трогать маленькое тело. Ее мечта теперь сознательная — иметь детей. На днях мы ездим

ли с ней в Тулу снимать ее портрет. Она стала просить меня купить Сереже ножик, тому другое, тому третье. И она знает все, что доставит кому наибольшее наслаждение. Ей я ничего не покупал, и она ни на минуту не подумала о себе. Мы едем домой. «Таня, спишь?» — «Нет». — «О чем ты думаешь?» — «Я думаю, как мы приедем, я спрошу у мама, был ли Леля хорош, и как я ему дам, и тому дам, и как Сережа притворится, что он не рад, а будет очень рад». Она не очень умна. Она не любит работать умом, но механизм головы хороший. Она будет женщина прекрасная, если бог даст мужа. И вот, готов дать премию огромную тому, кто из нее сделает *новую женщину*.

4-й Лев. Хорошенький, ловкий, памятли-
вый, грациозный. Всякое платье на нем си-
дит, как по нем сшито. Все, что другие дела-
ют, то и он, и все очень ловко и хорошо. Еще
хорошенько *не понимаю*.

5-я Маша, 2 года, та, с которой Соня была
при смерти. Слабый, болезненный ребенок.
Как молоко, белое тело, курчавые белые во-
лосики; большие, странные, голубые глаза;

странные по глубокому, серьезному выражению. Очень умна и некрасива. Эта будет одна из загадок. Будет страдать, будет искать, ничего не найдет; но будет вечно искать самое недоступное.

6-й Петр-великан. Огромный, прелестный беби, в чепце, вывертывает локти, куда-то стремится. И жена приходит в восторженное волнение и торопливость, когда его держит; но я ничего не понимаю. Знаю, что физический запас есть большой. А есть ли еще то, для чего нужен запас, — не знаю. От этого я не люблю детей до 2–3 лет — не понимаю. Говорил ли я вам про странное замечание?

Есть два сорта мужчин — охотники и неохотники. Неохотники любят маленьких детей — беби, могут брать в руки; охотники имеют чувство страха, гадливости и жалости к беби. Я не знаю исключения этому правилу. Поверьте своих знакомых.

1873

244. П. Д. Голохвастову

1873 г. Января 12. Ясная Поляна.

Я нынче только получил ваши книги*, многоуважаемый Павел Дмитриевич, и не могу вас достаточно благодарить. Надеюсь свидеться с вами до тех пор, пока прочту то, что мне нужно в этих.

Долго ли вы пробудете в Москве? Есть ли надежда увидеть вас в январе?

Дай бог вам успеха в вашей работе*. Так часто приходится говорить неискренно эти слова, что мне хочется особенно подчеркнуть то, что я от всей души интересуюсь не только вашими трудами, но и всей вашей умственной деятельностью, которая имеет большую будущность.

Я вас не зову к себе теперь, если не поздно будет в феврале; потому что я всю зиму нынешнюю нахожусь в самом тяжелом, ненормальном состоянии. Мучаюсь, волнуюсь, ужасаюсь перед представляющимся, отчаиваюсь,

обнадеживаюсь и склоняюсь к тому убеждению, что ничего кроме муки не выйдет*. Надеюсь к февралю успокоиться. А теперь я себе так несносен, что другим должен быть невыносим. Так, пожалуйста, напишите свои планы на следующей неделе; я по ним соображусь. А свидеться и сблизиться с вами мне очень хочется.

Ваш *Л. Толстой*.

12 января.

245. В. К. Истомину

1873 г. Января 12. Ясная Поляна.

Очень и очень рад был получить от вас самих о вас известие, любезный Владимир Константинович. Я все-таки знал про вашу судьбу урывками. И рад очень тому, что вы принимаетесь за умственную (я не говорю литературную, потому что не люблю ни слово, ни дело) работу. Очень интересно мне будет следить за этой работой и потому, что я интересуюсь и вами и казаками больше, чем когда-нибудь. Откровенно скажу вам только то, что газетная деятельность не та, которую бы я желал для вас.

С Урусовым мы так же дружны и часто видимся, и я послал ему ваше письмо.

У меня к вам просьба: вы живете недалеко от Азова. Может быть, и сами бывали, а может быть, знакомые ваши. Мне нужно вид — картину того места, где стояли войска и были военные действия при Петре. Мне нужно знать: какие берега Дона, Мертвого Донца, Кутерьмы там — где высоко, где низко. Есть ли горы, курганы? Есть ли кусты; челига или что-нибудь подобное, какие травы? Есть ли ковыль? Есть ли камыш? Какая дичь? Да и вообще течение Дона от Хопра, какой общий характер имеет, какие берега? Может быть, есть книги об этом специальные, то назовите.

Простите, что утруждаю вас; но надеюсь, что, если не очень трудно, вы не откажете помочь мне.

Саша* на святках был у нас, и ваше письмо я получил на другой день его отъезда.

Жена благодарит вас за память и кланяется. Очень рад, что мы опять вошли в сношения с вами.

Искренно преданный
гр. Лев Толстой.

Да, нет ли чего-нибудь мне неизвестного местного об азовских походах Петра?

12 генваря.

246. П. Д. Голохвастову

1873 г. Января 24. Ясная Поляна.

Я становлюсь бессовестен. Не успел отказаться от вашего предложения, как мне уже понадобились 3 книги. Справился с вашим предпоследним письмом* — две из них там есть: Корба* и Есипова раскольничьи дела*. Если я вам не надоел, пришлите их, пожалуйста. Третья книга — это Кирилова статистика, о которой упоминает Устрялов*. Если она есть в продаже, то (простите, ради бога), когда будете у Соловьева, возьмите у него на мой счет и пришлите мне, пожалуйста. Я уже дошел в своем изучении времени до той степени (вы, верно, это испытывали), что начинаешь вертеться в заколдованном кругу. С разных сторон повторяют одно и то же, и знаешь откуда. Неужели только?

Есть у меня еще надежда на родословные. Не знаете, нет ли чего в этом роде? В особенности Шереметевы и Апраксины. С другой

стороны, я дошел до того периода, когда, на- читавшись описаний того времени, всегда ложных, с пошлой европейской, героичной точки зрения, испытываешь озлобление на эту фальшь и, желая разорвать этот волшебный круг фальши, теряешь спокойствие и внимательность, которые так нужны.

Письмо ваше мне было очень приятно. В хорошие минуты я приблизительно то же думаю; но приятно со стороны получить подтверждение.

Я тоже хочу сказать вам от души совет; но мой не будет приятен, хотя вы, вероятно, знаете сами то, что я скажу. Не живите в Москве. Для людей, которым предстоит упорный умственный труд, есть две опасности: журналистика и разговоры. Против первой вы непромокаемы, как я думаю; но второе вам, кажется, опасно. Вы говорите хорошо, вас слушают охотно, потому что вам есть что говорить; но это беда. И чем умнее те люди, с которыми говоришь, тем хуже. Для умных людей достанешь самую начинку из пирога, а этого-то и не надобно, чтоб они не нанюхали, как собаки, кушанье, которое готовится к празднику.

Должно быть, скоро буду в Москве; и мне нужно напоминать ваш адрес, чтоб видеться с вами.

Мой адрес всегда: Тула.

Ваш *Л. Толстой*.

24 января.

247. А. А. Фету

1873 г. Января 30. Ясная Поляна.

Уж несколько дней, как получил ваше милое и грустное письмо* и только нынче собрался ответить.

Грустное потому, что вы пишете, Тютчев умирает*, слух, что Тургенев умер*, и про себя говорите, что *машина стирается*, и хотите спокойно думать о *Нирване*. Пожалуйста, известите поскорее, — фальшивая ли это была тревога. Надеюсь, что да и что вы без Марьи Петровны маленькие признаки приняли за возвращение вашей страшной болезни.

О Нирване смеяться нечего и тем более сердиться. Всем нам (мне, по крайней мере, я чувствую) она интереснее гораздо, чем жизнь, но я согласен, что, сколько бы я о ней ни думал, я ничего не придумаю другого, как

то, что эта Нирвана — *ничто*. Я стою только за одно — за религиозное уважение — ужас к этой Нирване.

Важнее этого все-таки ничего нет.

Что я понимаю под религиозным уважением? Вот что. Я недавно приехал к брату, а у него умер ребенок и хоронят*. Пришли попы, и розовый гробик, и все, что следует. Мы с братом так же, как и вы, смотрели на религиозные обряды и, сойдясь вместе, невольно выразили друг другу почти отвращение к обрядности. А потом я подумал: «Ну, а что бы брат сделал, чтобы вынести, наконец, из дома разлагающееся тело ребенка? Как его вынести? В мешке кучеру вынести? И куда деть, как закопать? Как вообще прилично кончить дело? Лучше нельзя (я, по крайней мере, не придумаю), как с панихидой, ладаном. Как самому слабеть и умирать? Мочиться под себя, п...ть и больше ничего? Нехорошо».

Хочется внешне выразить значительность и важность, торжественность и религиозный ужас перед этим величайшим в жизни каждого человека событием. И я тоже ничего не могу придумать более приличного — и при-

личного для всех возрастов, всех степеней развития, — как обстановка религиозная. Для меня, по крайней мере, эти славянские слова отзываются совершенно тем самым метафизическим восторгом, когда задумаешься о Nirване. Религия уже тем удивительна, что она столько веков, стольким миллионам людей оказывала ту услугу, наибольшую услугу, которую может в этом деле оказать что-либо человеческое. С такой задачей как же ей быть логической? Она бессмыслица, но одна из миллиардов бессмыслиц, которая годится для этого дела. Что-то в ней есть.

Только вам я позволяю себе писать такие письма. А написать хотелось, и что-то грустно, особенно от вашего письма.

Напишите, пожалуйста, поскорее о своем здоровье.

Ваш *Лев Толстой*.

30 января.

Письмо мое дико, потому что я ужасно не в духе. Работа затеянная — страшно трудна*. Подготовки, изучения нет конца, план все увеличивается, а сил, чувствую, что все меньше и меньше. День здоров, а 3 нет.

248. А. А. Толстой

1873 г. Января конец... февраля начало.
Ясная Поляна.

Очень, очень благодарю, дорогой друг Alexandrine, за письмо ваше* и за ходатайство о Бибикове*. Он был у меня, когда я получил ваше письмо, и вы бы порадовались, увидав покрасневшее от волнения и радости его доброе седое лицо, когда я сообщил ему то, что до него касалось.

Верно, я написал не то, что хотел, если вышло так глупо и смешно. А я хотел сказать серьезное и приятное вам, то, что ему сказали в Петербурге, что вы, именно вы, делаете много добра своим влиянием. Когда он мне сказал это, я был рад и хотелось вам сказать.

Письмо ваше о том, что вы читаете «Войну и мир» (хотелось бы притвориться, но не стану), было мне очень приятно, в особенности потому, что я теперь почти что пишу. И суждения ваших слушательниц я бы дорого дал, чтоб послушать. И вовсе не смеялся над тем суждением, которое вы мне передали, но очень радостно задумался над ним. О если б в

том, что мне бог даст написать, только этих недостатков бы не было. Этих-то я, наверное, избегну; но не думайте, чтоб я неискренно говорил, — мне «Война и мир» теперь отвратительна вся. Мне на днях пришлось заглянуть в нее для решения вопроса о том, исправить ли для нового издания*, и не могу вам выразить чувство раскаянья, стыда, которое я испытал, переглядывая многие места! Чувство вроде того, которое испытывает человек, видя следы оргии, в которой он участвовал. Одно утешает меня, что я увлекался этой оргией от всей души и думал, что, кроме этого, нет ничего.

«Азбуку» мою, пожалуй, не смотрите. Вы не учили маленьких детей, вы далеко стоите от народа и ничего не увидите в ней. Я же положил на нее труда и любви больше, чем на все, что я делал, и знаю, что это одно дело моей жизни важное. Ее оценят лет через 10 те дети, которые по ней выучатся.

Я слышал уже про болезнь Тютчева, и вы не поверите, как это меня трогает. Я встречался с ним раз 10 в жизни; но я его люблю и считаю одним из тех несчастных людей, которые

неизмеримо выше толпы, среди которой живут, и потому всегда одиноки. Как он примет смерть, которая во всяком случае близка ему?

Если ему лучше, передайте ему через кого-нибудь мою любовь. Целую вашу руку. Не думаю, чтобы судьба привела меня в Петербург, хотя знаю, какая бы это была для меня радость. Передайте мою искреннюю дружбу вашим.

249. Е. В. Барсову

1873 г. *Марта 1. Москва.*

Милостивый государь,

(Потерял вашу карточку* и не знаю имени, отчества, пожалуйста, напишите.)

Очень благодарен вам за ваши прекрасные книги*. Предания о Петре прелестны. И как верно вы говорите, что народ указал на основные черты его характера, который вы так выпукло выставляете;* самое подробное изучение, тончайший душевный анализ и непосредственное чутье певца приводят к одному и тому же.

В первый приезд в Москву постараюсь упрочить так бегло начатое с вами знаком-

ство и побываю у вас, если позволите.

Искренно уважающий вас *гр. Л. Толстой*.

1 марта.

250. Н. Н. Страхову

<неотправленное>

1873 г. *Марта 25. Ясная Поляна.*
25 марта.

Как грустно мне было читать ваше письмо*, многоуважаемый Николай Николаевич! Если бы вы остались у нас, ничего бы этого не было, и я бы воспользовался вами дольше. Спасибо за обещание*, я буду рассчитывать на него и напоминать вам.

Вы мне не пишете, поступили ли вы на службу и ясно ли определено ваше положение? Пожалуйста, напишите.

Очень порадовало меня в вашем письме две вещи: 1) что вы также хорошо ко мне расположены, как и прежде, и 2) что у вас много друзей (посещавшие вас) и друзей ваших духовных, что книга ваша имеет успех*.

Только не вдавайтесь в литературную грязь, и все будет хорошо.

Расскажу теперь про себя, но, пожалуйста, под великим секретом, потому что, может быть, ничего не выйдет из того, что я имею сказать вам. Все почти рабочее время нынешней зимы я занимался Петром, то есть вызывал духов из того времени, и вдруг — с неделю тому назад Сережа, старший сын, стал читать «Юрия Милославского»* — с восторгом. Я нашел, что рано, прочел с ним, потом жена принесла снизу «Повести Белкина», думая найти что-нибудь для Сережи, но, разумеется, нашла, что рано. Я как-то после работы взял этот том Пушкина и, как всегда (кажется, 7-й раз), перечел всего, не в силах оторваться, и как будто вновь читал. Но мало того, он как будто разрешил все мои сомнения. Не только Пушкиным прежде, но ничем я, кажется, никогда я так не восхищался. «Выстрел», «Египетские ночи», «Капитанская дочка»!!! И там есть отрывок «Гости собирались на дачу». Я невольно, нечаянно, сам не зная зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман, который я нынче кончил начерно*, ро-

ман очень живой, горячий и законченный, которым я очень доволен и который будет готов, если бог даст здоровья, через 2 недели и который ничего общего не имеет со всем тем, над чем я бился целый год. Если я его кончу, я его напечатаю отдельной книжкой, но мне очень хочется, чтоб вы прочли его. Не возьмете ли вы на себя его корректуры с тем, чтобы печатать в Петербурге*.

Еще просьба: я начал готовить «Войну и мир» ко второму изданию и вымарывать лишнее — что надо совсем вымарать, что надо вынести, напечатать отдельно*. Дайте мне совет, если вам будет время проглядеть 3 последние тома. Да если вы помните, что нехорошо, напомните. Я боюсь трогать потому, что столько нехорошего на мои глаза, что хочется как будто вновь писать по этой подмалевке. Если бы, вспомнив то, что надо изменить, и поглядев последние 3 тома рассуждения, написали бы мне, это и это надо изменить и рассуждения с страницы такой-то по страницу такую-то выкинуть, вы бы очень, очень обязали меня*. Благодаря кому-то, заботящемуся о том, что я пишу, и извещающему

о том публику, я на этих днях получил приглашения в журналы от Некрасова и Каткова, которым надо отвечать отказом и потому раздражать, что очень неприятно*.

Надеюсь, что письмо это застанет вас здоровым и что вы скоро ответите мне.

Вы благодарите меня за то, что Петя* отдал вам мой запоздалый долг, а я забыл сделать то, что хотел в Ясной Поляне: сказать вам то, что несмотря на то, что печатание «Азбуки» есть уже давнишнее дело и что «Азбука» сделала фиаско (я от того ни на волос не стал о ней худшего мнения), я не перестаю в душе благодарить вас за вашу мне помощь. Если бы не вы, может быть, она бы еще теперь сидела мне поперек горла. Не взыщите за бестолково написанное письмо — я нынче много радостно работал утром, кончил, и теперь, вечером, в голове похмелье.

Ваш *Л. Толстой.*

251. П. Д. Голохвастову
<неотправленное>

1873 г. Марта 30. Ясная Поляна.
30 марта.

Очень вам благодарен, Павел Дмитриевич, за вашу память обо мне и за присылку книг. Я их еще не получал и нынче посылаю объявление. Радуюсь вашей свободе и надеюсь, что вы ее употребите хорошо. Мои любимые для вас занятия это повесть в прозе и былинку Ильи для Шатилова*. Драма это ваше дело с самим собой, и я сужденья иметь себе не позволяю.

Вы не поверите, что я с восторгом, давно уже мною не испытываемым, читал это последнее время, после вас — «Повести Белкина», в 7-й раз в моей жизни. Писателю надо не переставать изучать это сокровище. На меня это новое изучение произвело сильное действие. Я работаю, но совсем не то, что хотел*.

Прочел на днях «Le petit chose», Daudet*. Вероятно, Ольга Андреевна* обмолвилась, назвав его рядом с Droz*. Поэзия и дрова. Но

очень хорошая вещь «Prosper Randoce» Cherbulier* — советую прочесть. Замечательная вещь, что у англичан и у французов не переводится поэзия, а у всех остальных европейцев, особенно у немцев — ничего. Как вы это подведете под свою теорию искусства?

До свиданья, желаю от всей души вам плодотворной и удовлетворяющей деятельности и прошу не забывать, что я горячо сочувствую вам и вашим замыслам и стремлениям.

Ваш *Л. Толстой.*

252. П. Д. Голохвастову

1873 г. *Апреля 7. Ясная Поляна.*

Вы, верно, упрекаете меня, Павел Дмитриевич, просто в невежестве; на ваши два столь приятные мне письма и посылку книг я до сих пор не ответил*. Я, по крайней мере, несмотря на уверенность, что наши хорошие и дружеские отношения упрочились теми славными днями, которые мы провели вместе*, я ужаснулся, когда хватился, что я еще вам не ответил, не поблагодарил вас за книги и, главное, за ваш проезд к нам. Про-

изошло это оттого, что дней 10 тому назад я написал вам длинное письмо, но написал в нем кое-что такое, что, обдумавши, решил лучше не писать, и не послал письмо, а другого до сих пор не написал.

То, что я написал и не послал, относилось до меня, и я не послал, потому что было преждевременно*. Радуюсь от души, что вы вырвались из Москвы и засели (вероятно, теперь уже) за работу. За какую? Пожалуйста, известите, это меня очень интересует. Я больше всего, как вы знаете, сочувствую повести и в прозе, потом былинам для Шатилова и менее всего надеюсь на драму. Впрочем, это ваше дело с своей душой. С вашей искренностью, чистотой любви к поэтической деятельности должно выйти хорошее*. Давно ли вы перечитывали прозу Пушкина? Сделайте мне дружбу — прочтите сначала все «Повести Белкина». Их надо изучать и изучать каждому писателю. Я на днях это сделал и не могу вам передать того благодетельного влияния, которое имело на меня это чтение.

Изучение это чем важно? Область поэзии бесконечна, как жизнь; но все предметы по-

эзии предвечно распределены по известной иерархии и смешение низших с высшими, или принятие низшего за высший есть один из главных камней преткновения. У великих поэтов, у Пушкина, эта гармоническая правильность распределения предметов доведена до совершенства. Я знаю, что анализировать этого нельзя, но это чувствуется и усваивается. Чтение даровитых, но негармонических писателей (то же музыка, живопись) раздражает и как будто поощряет к работе и расширяет область; но это ошибочно; а чтение Гомера, Пушкина сжимает область и если возбуждает к работе, то безошибочно.

Жена благодарит за память и посылает поклон. Прошу передать мой поклон Ольге Андреевне.

Ваш *Л. Толстой.*

253. Н. Н. Страхову

1873 г. *Мая 11. Ясная Поляна.* 11 мая.
Давно не писал вам, многоуважаемый Николай Николаевич. Я вдруг получил ваши два письма: одно славное, заживо задевшее меня, из Крыма, и другое, мрачное, из Петербурга*. И, желая отвечать на оба, остался, как знаменитый осел между двумя связками сена. А на крымское письмо как мне хотелось отвечать! Поверите ли, ошибаюсь я или нет, но на вопрос, что такое добро — сущность жизни, мне так же легко отвечать, как на то, какое нынче число. Отвечать могу для себя ясно и понятно, но ясно и понятно ли это для другого? Для того, чтобы это было ясно другому, надо, чтобы другой был со мной согласен в значении вопроса. Объективной сущности жизни человек понять и выразить не может — это первое. Сущность же жизни — то, что заставляет жить, есть потребность того, что мы называем неправильно добро. Добро есть только противоположность зла, как свет — тьмы, и как и света и тьмы абсолютных нет, так и нет добра и зла.

А добро и зло суть только матерьялы, из которых образуется красота — то есть то, что мы любим без причины, без пользы, без нужды. Поэтому, вместо понятия добра — понятия относительного — я прошу поставить понятие красоты. Все религии, имеющие задачей определить сущность жизни, имеют своей основой красоту — греки — плотскую, христиане — духовную. Подставить другую щеку, когда ударяют по одной, не умно, не добро, но бессмысленно и прекрасно, так же прекрасно, как и Зевс, бросающий стрелы с Олимпа. А пусть коснется рассудок того, что открыто только чувству красоты, пусть делает выводы логические из того, как должно жертвоприносить Зевсу, как служить, подражать ему, или как служить обедню и исповедоваться — и красоты нет больше и нет руководителя в хаосе добра и зла. Вы говорите, что вы поймете меня, как бы нескладно я ни писал, так вот, не говорите этого вперед. А очень бы желал бы я побеседовать об этом с вами. Я пишу роман, не имеющий ничего общего с Петром I. Пишу уже больше месяца и начерно кончил. Роман этот — именно роман, первый в моей

жизни, очень взял меня за душу, я им увлечен весь и, несмотря на то, философские вопросы нынешнюю весну сильно занимают меня. В письме, которое я не послал вам*, я писал об этом романе и о том, как он пришел мне невольно и благодаря божественному Пушкину, которого я случайно взял в руки и с новым восторгом перечел всего. Еще я занимаюсь поправкой «Войны и мир». Исключаю все рассуждения и французское и ужасно желал бы вашего совета. Можно ли прислать вам на просмотр, когда я кончу?*

Ваш *Л. Толстой*.

Пожалуйста, не говорите никому, что я пишу.

Мы едем в Самару, вероятно, в конце мая*.

Мои все здоровы и вам кланяются.

После 20 адрес мой — в Самару. Пожалуйста, не забывайте. В самарской степи еще дороже мне и радостнее будет ваше письмо.

254. А. А. Фету

1873 г. Мая 11. Ясная Поляна.
11 мая.

Стихотворение ваше крошечное прекрасно*. Это новое, никогда не уловленное прежде чувство боли от красоты, выражено прелестно. У вас весной поднимаются поэтические дрожжи, а у меня восприимчивость к поэзии. Одно — не из двух ли разных периодов весны 1) соловей у розы и 2) плачет старый камень, в пруд роняя слезы. Это первая весна — апрель, а то — май конец*. Впрочем, это, может быть, придирка.

Я был в Москве, купил 43 № покупок на 450 р., и уж не ехать после этого в Самару нельзя. Как жаль, что Дора* занята! Как уживается в новом гнезде ваша пташка?* Не забывайте нас. До 20 мы не уедем, а после 20-го адрес — Самара.

Ваш Л. Толстой.

255. Н. Н. Страхову

1873 г. Мая 31. Ясная Поляна.

Очень, очень вам благодарен за предложение просмотреть «Войну и мир». Вы не поверите, как это для меня дорого. Я начал просматривать и сделал главное, то есть выкинул некоторые рассуждения совсем, а некоторые, как например, о Бородинском сражении, о пожаре Москвы, рассуждение эпилога и др. вынес отдельно и хочу напечатать в виде отдельных статей.

Другое, что я сделал, переводил все французское по-русски; но еще не кончил 4, 5 и 6 томы, и кое-где выкидывал плохое.

Я бы сейчас послал вам мой исправленный экземпляр тех частей, которые кончены: но уж эти книги уехали в Самару с половиной наших вещей. В Самаре я очень скоро поправлю остальное и пришлю вам, пользуясь вашим бесценным для меня предложением.

Проездом в Москву я узнаю, к какому времени в типографии приступят к печатанию «Войны и мира», и тогда вам напишу*, Во всяком случае, по условию они должны кончить

в сентябре (верно, опоздают)*, и потому времени не очень много.

С этой же почтой посылаю Пете Берсу разные наставления об «Азбуке»*. «Азбука» это для меня загадка непостижимая: кого ни встречу, особенно, у кого дети, — искренние похвалы и жалобы на то, что читать нечего, а «Азбуку» никто не покупает; стало быть, она никому не нужна. Теперь придумал ее разослать по земствам и расшить на 12 маленьких книжечек*. Как вы видите из моего письма, я нахожусь в самом холодном, практическом настроении духа, что со мной всегда бывает летом; озабочен продажей книг, печатанием, урожаем и т. п. Но первое время весны как бы я дорого дал, чтобы видеться с вами. Так то, что занимало меня, было близко с вашими интересами. Роман мой* тоже лежит, и уж теряю надежду кончить его к осени. Кроме того, у меня было два горя, которые вывели меня из моей зимней и весенней отвлеченной рабочей колеи. Одно горе была смерть старшей дочери Татьяны Андреевны Кузминской*. Эта смерть отозвалась в нас почти как смерть своего, и другое ужасное событие это

то, что с неделю тому назад бык (другой, не тот, что прошлого года) забодал насмерть пастуха. Человек этот, несмотря на все мои старания, уход, через три дня умер. Эта непонятная случайность ужасно поразила меня. Я 45 [лет] живу и никогда не слышал случаев смерти от быков, и надо же, чтоб в одном году два человека были убиты. Не могу отделаться от чувства виновности и грусти. Теперь только, нынче, ожил, занявшись укладкой, отправкой, приказаниями и т. п. Одно, на что годна практическая деятельность, это — забыть жизнь, если она повернулась мрачной стороной. Мы едем послезавтра. От всей души обнимаю вас. Жена вам кланяется.

Ах, пожалуйста, дайте совет: что из «Азбуки» стоит и следует поместить в полные сочинения? Пожалуйста, скажите свое мнение*.

31 мая. Пишите в Самару.

256. Издателям «Московских ведомостей»

1873 г. Июня 1. Ясная Поляна.

Прошу вас дать место в уважаемой вашей газете моему заявлению, относящемуся до изданных мною четырех книг под заглавием «Азбука».

Я прочел и слышал с разных сторон упреки моей «Азбуке» за то, что я, будто бы не зная или не хотя знать вводимого нынче повсеместно *звукового способа*, предлагаю в своей книге старый и трудный способ *азов и складов*. В этом упреке есть очевидное недоразумение. *Звуковой* способ мне не только хорошо известен, но едва ли не я первый привез его и испытал в России 12 лет тому назад, после своей поездки по Европе с целью педагогического изучения*. Испытывая тогда и несколько раз потом обучение грамоте по звуковому методу, я всякий раз приходил к одному выводу — что этот метод, кроме того, что противен духу русского языка и привычкам народа, кроме того, что требует особо составленных для него книг, и кроме огромной

трудности его применения и многих других неудобств, о которых говорить здесь не место, не удобен для русских школ, что обучение по нем трудно и продолжительно и что метод этот легко может быть заменен другим*. Это-то другой метод, состоящий в том, чтобы называть все согласные с гласной буквой *e* и складывать *на слух*, без книги, и был мною придуман еще 12 лет тому назад, употребляем мною лично во всех моих школах и, по собственному их выбору, всеми учителями школ, находившимися под моим руководством, и всегда с одинаковым успехом.

Этот-то прием я и предлагаю в своей «Азбуке». Он имеет только внешнее сходство со способом *азов* и *складов*, в чем легко убедится всякий, кто даст себе труд прочесть руководство для учителя в моей «Азбуке». Способ этот отличается от всех других известных мне приемов обучения грамоте особенно тем, что по нем ученики выучиваются грамоте гораздо скорее, чем по всякому другому: способный ученик выучивается в 3, 4 урока, хотя медленно, но правильно читать, а неспособный — не более как в 10 уроков. Поэтому всех

тех, кто утверждает, что *звуковой* способ есть самый лучший, быстрый и разумный, я прошу сделать только то, что я делал неоднократно, что я также предложил Московскому комитету грамотности сделать публично, то есть сделать опыт обучения нескольких учеников по тому и другому способу*.

Дело обучения грамоте есть дело почти практическое, и показать лучший и удобнейший прием обучения грамоте может только опыт, а не рассуждения, а потому всех тех, кого должно интересовать и интересуется дело грамотности, прошу до произнесения решения сделать опыт.

Самый процесс обучения грамоте есть одно из ничтожнейших дел во всей области народного образования, как я это уже высказывал и в издаваемом мной журнале 12 лет тому назад, и в наставлении для учителя в изданной недавно «Азбуке», но и в этом ничтожном относительно деле для чего идти хитрым и трудным путем *звукового* способа, когда того же самого можно достигнуть проще и скорее?

Прошу принять уверение и пр.*.

Гр. Лев Толстой.

С. Ясная Поляна.

1-го июня 1873 года.

257. Н. Н. Страхову

1873 г. *Июня 22. Хутор на Тананыке.*

Посылаю вам, дорогой и многоуважаемый Николай Николаевич, не знаю, исправленный ли, но наверное испачканный и изорванный экземпляр «Войны и мира» и умоляю вас просмотреть его и помочь мне словом и делом, то есть просмотреть мои поправки и сказать ваше мнение — хорошо ли, дурно ли (если вы найдете, что дурно, даю вам право уничтожить поправку и поправить то, что вам известно и заметно за дурное). Уничтожение французского иногда мне было жалко, но в общем, мне кажется, лучше без французского. Рассуждения военные, исторические и философские, мне кажется, вынесенные из романа, облегчили его и не лишены интереса отдельно. Впрочем, если вы какие из них найдете излишними, выкиньте. На счет того, что я соединил 6 частей в 4, я в нерешительности и прошу вас решить, как

лучше: с старым разделением или по-новому*. Боюсь, что каллиграфическая сторона плоха и невозможна для типографии — я не мог с мухами самарскими и жарою сделать лучше. Если вы найдете, что нужно переписать, то наймите писца «Возьмите у Пети Берс денег. Если вам понадобится чистый экземпляр, то я на всякий случай велю Соловьеву прислать экземпляр. Оригинал нужен в типографию в половине и не позже конца июля. Если вы захотите и успеете сделать поправки и посмотреть, то сделайте и пошлите в Москву, в типографию Каткова на имя Михаила Николаевича Лаврова, если же нет, то просто отошлите к нему. Чувствую всю бессовестность моей просьбы к вам, но и надеюсь на вашу приязнь ко мне и пристрастие к «Войне и мир», которая мне очень редко нравилась, когда я перечитывал ее, а большей частью возбуждала досаду и стыд. Надеюсь, что из Самары мне привезут письмо от вас и я узнаю ответ на мой вопрос, что из «Азбуки» вы посоветуете мне поместить в полные сочинения*. Если вы не писали, напишите, пожалуйста.

Мы живем в самарской степи, слава богу,

хорошо, несмотря на жар, засуху и болезни детей, несерьезные, которые только тревожат нас. Здешняя первобытность природы и народа, с которым мы близки здесь, действуют хорошо и на жену и детей.

Жду с нетерпением вашего ответа и решения.

Вам неоплатно обязанный и искренно любящий вас

Л. Толстой.

22 июня.

258. А. А. Толстой

1873 г. *Июля 30. Хутор на Тананыке.*
Посылаю вам длинную копию с письма моего в газеты о самарском голоде и приписку жены*. Иногда мне приходит в голову, что среди совсем других — в другой сфере — интересов и очень близких вашему сердцу вы, получив мой пакет, скажете в душе: «Ах, что они не оставят меня в покое!» Но, прочтя все и не подумав, а почувствовав, вы, как добрая лошадь, вляжете в хомут и только скажете: «Ну, куда везти? сколько вас там? Я готова». Тогда-то на эту вашу готовность я так

отвечаю вам, любезный и дорогой друг
Alexandrine.

Я написал в газеты с свойственным мне неумением писать статьи, очень холодное, неуклюжее письмо и от страха полемики представил дело менее страшным, чем оно есть, и написал кое-кому своим друзьям, чтобы подвинуть дело, но боюсь, что оно не пойдет или пойдет туго, и прибегаю к вам. Если вы захотите и можете заинтересовать сильных и добрых мира сего, которые, к счастью, одни и те же, то дело пойдет, и тогда и моя и ваша радость в успехе будут такими ничтожными песчинками в том огромном добре, которое сделается для тысяч людей, что мы об нем и не подумаем. Я не люблю писать жалостливо, но я 45 лет живу на свете и ничего подобного не видал и не думал, чтобы могло быть. Когда же живо представишь себе, что будет зимою, то волос дыбом становится. Сейчас — уже письмо написано было — мы узнали, что заболел холериной молодой мужик — жнец. Есть нечего, кроме дурного черного хлеба, и если бы это не было около нас, то очень может быть, что этот человек бы умер

от недостатка хорошей пищи для ослабевшего желудка. Особенно поразительно и жалко для того, кто умеет понимать эту терпеливость и скромность страдания русского человека — спокойствие, покорность. Нет хорошей пищи, так и нечего жаловаться. Умрет — воля божия. Точно не овцы, но добрые, сильные волы выпаживают свою борозду. Упадут — их оттащут, другие потянут.

Едва ли вы меня поймете, и, вероятно, вам оскорбительно покажется это сравнение. Вы всегда жили в таком мире, где есть уродства, безобразия физические и нравственные, страдания, преимущественно духовные, но где нет места просто лишению физического. Ваши магдалины очень жалки, я знаю; но жалость к ним, как и ко всем страданиям души, более умственная, сердечная, если хотите; но людей простых, хороших, здоровых физически и нравственно, когда они страдают от лишений, жалко всем существом, совестно и больно быть человеком, глядя на их страдания. Так вот, в ваши руки это важное и близкое нашему сердцу дело. Вперед благодарю вас за все, что вы сделаете.

Благодарю вас за последнее письмо*. Со-
чувствую всей душой вашим волнениям и
желаю вам счастья.

Ваш истинный и старый друг *Л. Толстой*.
30 июля.

259. Н. Н. Страхову

1873 г. *Августа 24. Ясная Поляна.*
Вчера только вернулся из Сама-
ры и спешу отвечать вам, дорогой Николай
Николаевич, на последнее письмо ваше, по-
лученное еще в Самаре перед отъездом*. Не
знаю, как благодарить вас за ваши тяжелые,
скучные труды над «Войной и миром». При-
том вы ничего не делаете слегка и кое-как, и я
по письму вашему вижу, что это взяло у вас
много времени. В Москве же я узнал, что вы
уже всё переслали, кроме 4-го тома; стало
быть, вы, кроме того, что трудились, еще спе-
шили*. Очень, очень благодарю вас. Вы пише-
те, что ждете от меня теперь чего-нибудь в бо-
лее строгом стиле — как мои попытки в «Аз-
буке»; а я, к стыду, должен признаться, что пе-
реправляю и отделяваю теперь тот роман*,
про который писал вам, и в самом легком,

нестрогом стиле. Я хотел пошалить этим романом и теперь не могу не окончить его и боюсь, что он выйдет нехорош, то есть вам не понравится. Буду ждать вашего суда, когда кончу; но хоть бы вы были тут или я в Петербурге, я не прочел бы вам. Вся наша огромная семья счастливо съездила и вернулась из Самары, набравшись физического и душевного здоровья. Про себя и говорить нечего: я здоров, как бык, и, как запертая мельница, набрал воды. Только бы бог дал в дело употребить набранные силы. Куда вы предпринимаете поездку? Уж не в нашу ли сторону? То-то бы была для меня радость. Не смею и мечтать об этом.

Что ваше библиотекарство?* Жалко, ужасно жалко, что вы опять пишете в газетах. Что делать! — видно, бог по-своему делает, и никак не догадаешься зачем.

Искренно любящий вас *Л. Толстой*.

24 августа.

260. Н. Н. Страхову

1873 г. *Сентября 4. Ясная Поляна.*
Сейчас получил ответное письмо ваше, дорогой Николай Николаевич, и не знаю, как благодарить вас за вашу работу и ту, которую хотите еще делать. Делайте, что хотите, именно в смысле уничтожения всего, что вам покажется лишним, противуречивым, неясным*. Даю вам это полномочие и благодарю за предпринимаемый труд, но, признаюсь, жалею. Мне кажется (я, наверно, заблуждаюсь), что там нет ничего лишнего. Мне много стоило это труда, поэтому я и жалею. Но вы, пожалуйста, марайте, и посмелее. Вам я верю вполне. Нынче я говорил жене, что одно из счастья, за которое я благодарен судьбе, это то, что есть Н. Н. Страхов. И не потому, что вы помогаете мне, а приятнее думать и писать, зная, что есть человек, который хочет понять не то, что ему нравится, а все то, что хочется выразить тому, кто выражает. Вы мне так хорошо описали ваше место в библиотеке, что я вижу вас там и мечтаю о том, как этот солдат введет когда-ни-

будь меня к вам. Я очень рад за вас, что вы сидите на этом кресле и не принуждены писать в газеты. Нынче прелестный осенний день, я проездил весь день один на охоте и несколько раз вспоминал о вас — то о том, что знания есть плод всего мироздания на боковой ветке, то о Пушкине и вашем понимании его*, и всякий раз мне досадно было думать, что вы журналист. И вот ваше письмо, которое меня очень, очень за вас порадовало.

Вы пишете, что в моих письмах *немало противоречий*;* боюсь, что вы находите и противоречие в том, что я пустился вдруг писать письма в «Московские ведомости». Это нужно было. Первое — об «Азбуке», чтобы сказать себе, что я все сделал для распространения ее, и потом уж забыть, чего я все-таки не могу; и то, что я верно знаю, что это — лучшая книга, по которой в 10 раз легче и лучше учиться, чем по другим, а все русские дети продолжают учиться по дурным, меня злит всякий раз, когда я бываю натошак не в духе*. Письмо же о голоде* было вызвано, с одной стороны, женою, которая порадовала меня живым и искренним сочувствием к народу, с другой, тем,

что там глупый губернатор только принял губернию и нашел, что голод в народе есть неприличное явление для губернатора, принявшего губернию, и не только не хлопотал о пособии, но с азартом требовал в нынешнем году сбора всех недоимок*. Письмо достигло цели, если наделало немного шума.

Жена благодарит за память и посылает поклон, а я от всей души вас обнимаю.

Ваш *Л. Толстой*.

261. Н. Н. Страхову

1873 г. Сентября 23. Ясная Поляна.

Очень благодарю вас, дорогой Николай Николаевич, за все, что вы сделали с «Войной и миром», только жалею, что вы не выкинули или не сократили того, что вы, совершенно справедливо, нашли растянутым и неточным, — *о власти**. Я помню, что это место было длинно и нескладно. XII параграф выкинуть — я нынче напишу*. И тоже благодарен за указание. Деньги — я нынче пишу Соловьеву, чтобы он вам выслал. И как я ни минуты не сомневаюсь в том, что вам хотелось бы сделать это даром, так и вы не сомне-

вайте, что я тысячу раз переворачивал вопрос, как мне вознаградить вас за потерянное время, которое, к несчастью, для вас и деньги*. Статью вашу о развитии организмов, по-моему, лучше всего напечатайте отдельно. А в какую-то «Природу» засунуть, это — похоронить*. Или вовсе не печатайте, а подождите.

Я в своей работе очень подвинулся, но едва ли кончу раньше зимы — декабря или около того. Как живописцу нужно света для окончательной отделки, так и мне нужно внутреннего света, которого всегда чувствую недостаток осенью. Притом же все сговорилось, чтобы меня отвлекать: знакомства, охота, заседание суда в октябре и я присяжным; и еще живописец Крамской, который пишет мой портрет по поручению Третьякова. Уж давно Третьяков подсылал ко мне, но мне не хотелось*, а нынче приехал этот Крамской и уговорил меня, особенно тем, что говорит: «Все равно ваш портрет будет, но скверный». Это бы еще меня не убедило, но убедила жена сделать не копию, а другой портрет для нее. И теперь он пишет, и отлично, по мнению жены и знакомых. Для меня же он интересен как чистей-

ший тип петербургского новейшего направления, как оно могло отразиться на очень хорошей и художнической натуре. Он теперь кончает оба портрета и ездит каждый день, и мешает мне заниматься. Я же во время сидений обращаю его из петербургской в христианскую веру и, кажется, успешно*. Нынче он мне рассказывал про убийство Сувориной*. Какое знаменательное событие!

Вертер застрелился, и Комаров, и гимназист, которому труден латинский урок. Одно значительно и величественно, другое мерзко и жалко. Напишите, если узнаете подробности этого убийства.

До свидания. Искренно любящий вас *Л. Толстой.*

262. Н. Н. Страхову

1873 г. Декабря 16...17. Ясная Поляна.

Вы угадали, дорогой Николай Николаич, что я не в состоянии понять всей прелести составления букета из имен, я — больше — даже не понимаю, как можно играть в то, чем живешь. Я, по крайней мере, поэтому должен отказать*. Я ждал целый год, мучительно ждал расположения духа для писанья — оно пришло — я им пользуюсь для того, чтобы кончить любимое мною дело*. Теперь что же я могу сделать, чтобы удовлетворить желанию князя Мещерского*, и для того, чтобы содействовать доброму делу? 1) Или оторваться от работы, чтобы написать *une binette**. Я одну минуту даже думал это сделать; но это было бы преступлением относительно своего настоящего долга. 2) Напечатать главу из этого романа; но я их постоянно переделываю, и я ими еще недоволен, и опять это отрывка. 3) Из своего портфеля дать кое-что — не могу выпустить мерзость с своим именем. Для каких бы целей это ни было, это само по себе подло. Объявить в концерте Пат-

ти, собрать деньги и заставить петть козу какую-нибудь.

Так что простите, что вам отказываю, и поучтивее за меня извинитесь.

Ваш *Л. Толстой*.

Имени объявлять моего нельзя; но свое расположение духа знаешь меньше всего, и, если бы случилась возможность написать или поправить что-нибудь до 25 января, я пришлю*.

1874

263. Н. Н. Страхову

1874 г. Февраля 13. Ясная Поляна.

Благодарю вас, дорогой Николай Николаевич, за присылку статьи о Дарвине;* я проглотил ее и почувствовал, что это хорошая и сытная пища. Для меня это было подтверждение моих неясных мечтаний о том же предмете и выражение того, что как будто хотелось выразить. Одно удивительно. Напечатана статья, прочтут ее. Отнестись к ней презрительно нельзя и не согласиться нельзя. Что ж, изменит ли она хоть на волос общее ходячее мнение о каком-то новом слове Дарвина? Нисколько. Это мне всегда удивительно и обидно и в особенности обидно за *статьи*. Большое и, главное, не критическое сочинение, а положительное найдет себе рано ли поздно оценку, ядро долетит и ударит, может быть, там, где мы не узнаем, но ударит. Но критика ваша любимая — это ужасное дело. Одно ее значение и оправдание, это — ру-

ководить общественным мнением, но тут и выходит каламбур — когда критика мелет околесную, она руководит общественным мнением, но как только критика, как ваша, исходит из искренней и (ernst) серьезной мысли, она не действует, и как будто ее не было.

Вы угадали, что я очень занят и много работаю. Очень рад, что давно, когда писал вам, не начал печатать*. Я не могу иначе нарисовать круга, как сведя его и потом поправляя неправильности при начале. И теперь я только что свожу круг и поправляю, поправляю... Никогда еще со мною не бывало, чтобы я написал так много, никому ничего не читая и даже не рассказывая, и ужасно хочется прочесть. Что бы я дал за вас! Но я знаю, что это подлость, и сам себя надуваешь. Устал работать — переделывать, отделять дочиста, и хочется, чтобы кто-нибудь похвалил и можно бы не работать больше. Не знаю, будет ли хорошо. Редко вижу в таком свете, чтобы все мне нравилось. Но написано уж так много и отделано, и круг почти сведен, и так уж устал переделывать, что в 20 числах хочу ехать в

Москву и сдать в катковскую типографию. Я раздумал утруждать вас. Очень благодарю вас, но надо самому держать корректуры*.

Ваш всей душой *Л. Толстой*.

264. Н. Н. Страхову

1874 г. Марта 6. Ясная Поляна.

Очень радуюсь, дорогой Николай Николаевич, тому, что наши дела устроились так, что вам развязаны руки для работы по сердцу, и очень благодарен вам, что вы мне написали об этом*. Я очень бестолковый и переменчивый человек, но не в привязанностях, и все, что вас касается, как человека, живо интересует меня, не говоря о том, что я теперь радуюсь вашей свободе, потому что вы не будете размениваться на мелкую монету.

Я вчера приехал из Москвы и отдал в типографию часть рукописи, листов на 7. Всего будет листов 40. Надеюсь все напечатать до мая. В Москве же я в первый раз прочел несколько глав дочери Тютчева* и Ю. Самарину. Я выбрал их обоих, как людей очень холодных, умных и тонких, и мне показалось, что впечатления произвело мало; но я от этого не

только не разлюбил, но еще с большим рвением принялся доделывать и переделывать. Я думаю, что будет хорошо, но не понравится и успеха не будет иметь, потому что очень просто. Ю. Самарин взялся держать корректуру. Этому я очень рад, но я и сам буду держать.

Получил я с месяц тому назад диплом из Академии наук на избрание меня членом*. Признаюсь, что это польстило мне, несмотря на то, что Пушкин не был членом*, а Пыпин — член. Надо, кажется, написать благодарность и послать сочинения, тем более, что я вижу по «Запискам Академии»* и Bulletins, которые мне присылают, что это делают. Будьте так добры, напишите мне черновое такое письмо, если это нужно; а то я не знаю.

Что ваши планы на лето? Можно ли надеяться увидеть вас в Ясной?

Ваш *Л. Толстой.*

265. А. А. Толстой

1874 г. Марта 6. Ясная Поляна.
Любезный друг! Если я и так давно не писал вам, и не приехал в Москву, чтобы повидаться с вами, то все-таки я так же, еще более искренно, чем всегда, по своему чувству называю вас дорогим и любезным другом. Дня не проходило, чтобы это последнее столь важное и тяжелое для вас время* я не думал и мы с женой не говорили про вас. Я не стану в письме говорить вам про ваши чувства, какими я их предполагаю, но я уверен, что верно угадываю их, иначе бы я не любил вас, но все-таки я бы дорого дал, чтобы услышать от вас подтверждение в том, что я не ошибаюсь, и понять новые оттенки, которые, может быть, ускользнули от меня. Давно уж, очень давно, я собирался писать вам только за тем, чтобы вы знали, что не горе (не знаю как назвать) — тяжелое пережитое и переживаемое вами время жизни отозвалось в моей душе, несмотря на то, что мы так редко видимся и пишем. Ваше положение мне представляется так: есть машина — очень хоро-

шая, полезная и т. д., но машина, с которой обращаются все и всегда посредством длинных стальных ручек так, чтобы не повредить себе пальцы; но к этой машине нужны еще такие работники, которые бы действовали около нее и руками: и вы взялись быть таким работником и, разумеется, вы, как вас бог создал, стали ворочаться в машине не руками, а сердцем, и вам размозжило сердце или кусочек его. И я знаю, что это так, и мне всей душой жалко вас; если бы я сомневался, что моя дружба к вам изменилась, я бы уверился в ней по тому, как мне больно за вас. Если вам приятно это, напишите мне, если нет, ничего не пишите. Я вчера вернулся из Москвы и говорил о вас с К. Тютчевой, которая мне всегда особенно мила за то, что она вас понимает и любит.

Я не приехал в Москву особенно потому, что перед вашим приездом только что был там, а вы не можете себе представить, как мне все тяжелее и тяжелее уезжать из дома, то есть выбрасывать из жизни те дни, которые я вне дома; и тем тяжелее, чем меньше их остается. У нас нынешний год было горе.

Мы потеряли меньшого сына, 6-го. Теперь 5, и ждем около святой*. Из всех близких потерь, которые мы могли понести, это была самая легкая, мизинец, но все-таки больно, для жены особенно. На меня смерть никогда не действует очень больно (я испытал это на потере любимого брата). Если потерей любимого существа сам не приближаешься к своей смерти, не разочаровываешься в жизни, не перестаешь ее любить и ждать от нее хорошего, то эти потери должны быть невыносимы; но если подаешься на это приближение к своему концу, то не больно, а только важно, значительно и прекрасно. Так на меня, да и на всех, я думаю, действует смерть. Маленький пример. Хороня Петю, я в первый раз озаботился о том, где меня положить. И на Соню, кроме той особенной, почти физической материнской боли, это подействовало так же, несмотря на ее молодость.

Мы живем по-старому, заняты так, что всегда недостает времени. Дети и их воспитание все больше и больше забирают нас, и идет хорошо. Я стараюсь и не могу не гордиться своими детьми. Кроме того, я пишу и начал печат-

тать роман*, который мне нравится, но едва ли понравится другим, потому что слишком прост.

Видите, какие подробности я пишу вам о себе; напишите, пожалуйста, о себе, о своей жизни и о своих хороших больших радостях и горестях и глупых маленьких радостях и горестях. Что делают ваши? Ваша матушка и сестра? Где? И здоровье Прасковьи Васильевны как?

Какую прелестную представительницу русских женщин вы выбрали — кн. Вяземскую, и какой жалкий экземпляр русских мужчин — Калошин*. Как я вспомню про него между английскими, олимпийски самодовольными именно своей тугой односторонней глупостью лордами, мне совестно, и я краснею. Он именно тот несуществующий русский человек, вертлявый (умом), без цели, от слабости подделывающийся под европейскую внешность, без правил, убеждений, без характера, тот самый несуществующий русский человек, каким в своем презрении иностранцы представляют себе русских.

Я боюсь, что наделал вам неприятностей

голодом самарским. Всегда, смолоду, и чем старше, тем больше, ценю одно качество отрицательное выше всего — простоту. Надо наше уродство, чтобы понять только ту путаницу, которая происходит, по какому же случаю? по тому, что голодным людям не голодные, а роскошествующие люди хотят дать кусок хлеба. Хочешь дать — дай, не хочешь, пройди мимо. Казалось бы, чего еще. Нет, оказывается, что если ты дашь, то ты этим покажешь, что ты враг кого-то, и желаешь кого-то огорчить или убедить, а не дашь, то ты этим...

Боже мой! Что это? Я только приехал из Москвы, и хотя я избегаю слушать все рассказы о делающих, невольно я приезжаю с таким запасом презрения и отвращения, что долго не могу успокоиться. Особенно с подрастающими детьми, так хочется с ними одинаково серьезно смотреть на жизнь и так это трудно, когда дело коснется людских дел.

Прощайте, целую вашу руку.

Ваш старый и верный друг *Л. Толстой*.

266. Т. А. Кузминской

1874 г. Марта 15...25. Ясная Поляна.
Таня, милый друг, сделай мне одолжение. Спроси у Саши, брата, можно ли мне в романе, который я пишу, поместить историю, которую он мне рассказывал об офицерах, разлетевшихся к мужней жене вместо мамзели, и как муж вытолкнул и потом они извинялись. Дело у меня происходит в кавалерийском гвардейском полку, имена, разумеется, непохожие, да я и не знаю, кто были настоящие, но все дело так, как было*.

История эта прелестна сама по себе, да и мне необходима. Пожалуйста, напиши. Еще, пожалуйста, напиши мне, любезный друг Саша, это я обращаюсь к Александру Михайловичу*. Какие твои планы и виды и надежды по службе? Пожалуйста, напиши мне. Это очень меня интересует, и, верно, у тебя есть что-нибудь определенное, если ты так решительно бросаешь прелестный Кавказ (как Таня ни ругай его).

Ждем с великой радостью вашего приезда.

267. К. С. Веселовскому

1874 *г. Апреля 11. Ясная Поляна.*
Милостивый государь, Константин Степанович! Я получил от вас извещение об избрании меня в члены-корреспонденты Академии наук и диплом на это звание*. Прошу покорно передать высокоуважаемому собранию, удостоившему меня этой чести, мою глубокую признательность.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Граф Лев Толстой.

11 апреля 1874 г.

268. Н. Н. Страхову

1874 г. *Апреля 18...19. Ясная Поляна.*
Я получил ваше письмо в Москве*, дорогой Николай Николаевич. Я приезжаю туда, как всегда, раз в месяц и два, и никакие корректуры в мире не заставят меня жить там. Кроме того, корректуры печатаются и присылаются мне чрезвычайно медленно, так что я не знаю, когда кончится печатание и кончится ли до лета. Да и последнее время меня занимало совсем другое — школы грамотности. Меня втянул в это дело Московский комитет грамотности и расшевелил во мне старые педагогические дрожжи. Вероятно, вы прочтете в газетах, как меня будут ругать, перевирая мои слова, и вас это не интересует; а я не прочту, хотя это и очень интересно меня. Я закинул на гольца, а попалась щука. Зашла речь о грамотности, и я натолкнулся на такую грандиозную стачку тупоумия, что не мог спокойно пройти мимо*. Если у вас есть связи в литературном мире, дайте мне un coup d'épaule*, чтобы хоть не успокоились тем, что гр. Л. Толстой — ретроград,

славянофил, а хоть пошумели бы немного об этом. Люди, ничего не знающие, бездарные, не знающие даже того народа, который они взялись *образовывать*, забрали в руки все дело народного образования и что делают — волос дыбом становится. Не забудьте же обещанье — приезжайте летом. В тоне вашего последнего письма есть что-то ироническое. Пожалуйста, не позволяйте этого в отношении меня, потому что я вас очень люблю.

269. А. С. Суворину

1874 г. *Апреля 15?...30? Ясная Поляна.*
Милостивый государь Алексей Сергеевич!

Вы мне как-то писали, и я вам отвечал. Помню, что письма ваши оставили мне очень хорошее впечатление и что я жалел, что не мог исполнить вашего желания*. Теперь я особенно жалею об этом, так как у меня до вас просьба. И несмотря, что я не исполнил вашей просьбы, судя по вашим письмам, в особенности по вашему «Никону» и по тому участию, которое вы принимали когда-то в «Ясной Поляне»*, я уверен, что вы исполните

мою просьбу, если это только возможно. Дело в том, что Московский комитет грамотности втянул меня в разъяснение моего приема обучения грамоте и, занявшись этим делом, я, к удивлению и ужасу своему, увидел, что то педантически тупоумное немецкое отношение к делу народного образования, с которым я боролся в «Ясной Поляне», за последние 15 лет пустило корни и спокойно процветает, и что дело это не только не пошло вперед, но значительно стало хуже, чем было. В последнем заседании комитета я, насколько умел, высказал, как я смотрю на это, и надеюсь, что расковырял немного этот муравейник тупоумия. Но я уверен, что слова мои *не полные*, спешные, перевернут и почерком пера решат, что я ретроград, хочу воротиться к Псалтырю и т. д., и преспокойно опять наладят свою машину. Мне не нужно вам объяснять, как я смотрю на дело. Мне кажется, вы сочувствовали направлению «Ясной Поляны», и вам легко будет, пробежав протоколы заседаний, освежить в своей памяти мои выраженные в педагогических статьях 1860-х годов положения, от которых я ни на шаг не отступил.

Просьба моя к вам состоит в том, чтобы в газете, в которой вы участвуете, противодействовать легкомысленному отношению к этому делу и, если есть человек, интересующийся и понимающий дело (я думаю, что вы такой человек), то отнестись к делу серьезно. Серьезный разбор дела не может не быть мне благоприятным*.

Сочту себя много обязанным, если вы окажете помощь этому столь близкому моему сердцу делу, и буду рад случаю отплатить вам всем от меня зависящим.

Примите уверение совершенного уважения и преданности вашего покорного слуги

гр. Л. Толстого.

270. А. А. Толстой

1874 г. Июня 23. Ясная Поляна.

Если я тотчас же не отвечал вам на ваше длинное, доброе, тронувшее меня письмо*, то не оттого, чтобы я не думал беспрестанно о вас. Теперь пишу и задираю вас только для того, чтобы продолжать чувствовать близость с вами. Вчера я похоронил тушку Татьяну Александровну*. Вы не знали ее, но ваша мама знала, и от меня вы про нее много слышали. Она умерла почти старостью, то есть угасала понемногу и уже года три тому назад перестала для нас существовать, так что (дурное или хорошее это было чувство, я не знаю), но я избегал ее и не мог без мучительного чувства видеть ее; но теперь, когда она умерла (она умирала медленно, тяжело — точно роды), все мое чувство к ней вернулось еще с большей силой. Она была чудесное существо. Вчера, когда мы несли ее через деревню, нас у каждого двора останавливали. Мужик или баба подходили к попу, давали деньги и просили отслужить литию, и прощались с ней. И я знал, что каждая

остановка это было воспоминание о многих добрых делах, ею сделанных... Она 50 лет жила тут и не только зла, но неприятного не сделала никому. А боялась смерти. Не говорила, что боится, но я видел, что боялась. Что это значит? Я думаю, что это смирение. Я с ней жил всю свою жизнь. И мне жутко без нее. У нас все хорошо в семье. Вы предсказывали мне девочку, но родился мальчик, точно такой же, как тот, которого мы потеряли, и, хотя его зовут Николаем, мы невольно зовем его Петей, как прежнего. Я нахожусь в своем летнем расположении духа, — то есть не занят поэзией и перестал печатать свой роман* и хочу бросить его, так он мне не нравится; а занят практическими делами, а именно педагогией: устраиваю школы, пишу проекты и борюсь с петербургской педагогией вашего protégé Дмитрия Андреевича*, который делает ужасные глупости в самой важной отрасли своего управления, в народном образовании. Целую вашу руку, любезный, дорогой друг; когда-нибудь напишите мне так же, как я вам, все, что вам близко к сердцу. Все отзовется верно, без одной фальшивой ноты.

Ваш Л. Толстой.

23 июня.

271. Н. Н. Страхову

1874 г. Июля 27. Ясная Поляна.

Мне страшно обидно и грустно будет, если не увижусь с вами при обратном вашем проезде в Петербург, дорогой Николай Николаевич. Сообразив все, я решил ехать немедленно в Самару и выеду, вероятно, около 30 и буду дома, если бог даст, не раньше 12-го*. Если вы еще будете в Полтаве, то заезжайте, пожалуйста, пожалуйста. Мне столько еще нужно и хочется вам сказать и так хочется вас еще видеть.

Еще прежде получения вашего письма* я исполнил ваш совет, т. е. взялся за работу над романом; но то, что напечатано и набрано, мне так не понравилось, что я окончательно решил уничтожить напечатанные листы и переделать все начало, относящееся до Левина и Вронского. И они будут те же, но будут лучше. Надеюсь с осени взяться за эту работу и кончить*. Очень радуюсь вашему счастливому времени, проведенному у ваших род-

ных, и только жалею, что не подробно вы пишете, и я не могу себе живо представить вашу жизнь. Может быть, до свидания, а нет — до следующего письма.

Ваш *Л. Толстой*.

27 июля

272. Н. А. Некрасову

1874 г. *Августа 15. Ясная Поляна.*
Милостивый государь Николай Алексеевич!

Педагогическая статья, о которой я писал вам*, у меня готова, и я желаю напечатать ее в «Отечественных записках». Если вы желаете поместить ее в своем журнале, то она к вашим услугам. Условия мои 150 р. за лист и помещение ее в осенних №-ах (в сентябре или октябре)*. Листов будет 5 или 6. Если вы согласны, то напишите мне, и я пришлю ее в Петербург, где корректуры ее мне обещал держать Н. Н. Страхов.

Очень благодарен вам за вашу готовность помочь мне в моей борьбе с педагогами. Я получил письма от Михайловского* с требованиями матерьялов для его статьи, но не мог

ему послать то, что нужно. Педагоги борются за существование, и нет гадости, которой бы они побрезгали для достижения своей цели. Они лгали, выдумывали, и теперь тот протокол заседания комитета грамотности, печатание которого было бы для них очень невыгодно, они умели так затянуть, что он до сих пор не вышел и едва ли выйдет*.

Мне очень жалко только то, что если теперь «Отечественные записки» возьмут мою сторону в этом споре, то это будет представляться поддержкою взглядов сотрудника, а не мнением, ничем не вызванным, редакции. Хотя я твердо уверен, что если бы редакция обратила серьезное внимание на этот вопрос, то она стала бы на совершенно сходную со мной точку зрения.

В ожидании вашего ответа остаюсь ваш покорный слуга

граф Лев Толстой.

15 августа.

273. Н. А. Некрасову

1874 г. Августа 30. Ясная Поляна.
Милостивый государь Николай
Алексеевич!

Посылаю вам мою статью* и очень прошу вас корректуры ее приказать пересылать Николаю Николаевичу Страхову (Публичная библиотека) и всякое изменение, сделанное им, принимать как бы мое. Я вставил в начале статьи, в выноску, краткое объяснение того обстоятельства, которое послужило ее поводом. Оно необходимо для понимания polemической части статьи. И я очень жалею, что мне не удалось сообщить г. Михайловскому протоколы заседаний. Я написал в Москву, чтобы эти протоколы выслали в редакцию «Отечественных записок», как скоро они выйдут*. Может быть, они понадобятся, и г-н Михайловский сделает из них употребление, чего бы я очень, очень желал. Я уверен, что редакция «Отечественных записок» не разойдется со мной во взгляде, который я излагаю в своей статье, и только желаю, чтобы публика хоть в самой малой доле признала ту важ-

ность, которую я приписываю этому делу. Боюсь тоже, чтобы вследствие того, как я слышал, царствующего теперь цензурного террора статья моя не подверглась бы гонению, и потому разрешаю редакции вымарывать, не списавшись со мной, то, что может показаться опасным*.

Несмотря на то, что я так давно разошелся с «Современником», мне очень приятно теперь посылать в него свою статью, потому что связано с ним и с вами очень много хороших молодых воспоминаний.

Ваш *Л. Толстой*.

30 августа.

274. Н. Н. Страхову

1874 г. *Сентября 10. Ясная Поляна.* 10 сентября.

Не успел я еще получить ответа от вас, дорогой Николай Николаевич, на последнее письмо и, главное, на то, что согласны ли вы исполнить мою просьбу о корректурах статьи, как я уж опять к вам с просьбой о корректуре листа романа. Я сдал один лист в Москве в типографию и велел послать к вам*. Жду с нетерпением и волнением вашего ответа. Как вы приняли эту мою бессовестность? Или же — утешаю себя — как ни велика моя бессовестность, ваше расположение ко мне превышает ее.

Не смею просить вас назначить вознаграждение, но если бы вы назначили его, я бы еще больше считал себя обязанным вам. Вы и поощряли меня печатать и кончать этот роман, вы и избавьте его от безобразий. Погода так хороша, и всяких хлопот у меня так много, что я и не смею думать о работе. Попробовал приняться, но так напутал, что должен был бросить. Что вы подельваете? И как дей-

ствует на вас эта чудная погода? Меня она и радует и волнует.

Ваш *Л. Толстой.*

275. Н. А. Некрасову

1874 г. *Ноября 4. Ясная Поляна.*
Милостивый государь Николай Алексеевич!

Очень рад, что статья моя понравилась вам и вообще редакции «Отечественных записок». Соглашаясь с нею, я надеюсь, что редакция захочет и сумеет защитить этот взгляд на народное образование от тех нападений, которые будут на него направлены со стороны тупоумия и чиновничества. И радуюсь тому, что Н. К. Михайловский не оставил своего намерения высказаться по этому случаю*. Если я могу быть ему полезен для справок и разъяснений, то я к его услугам.

С совершенным уважением и преданностью вам

гр. Л. Толстой.

4 ноября.

276. Н. А. Некрасову
<неотправленное>

1874 г. *Ноября 8. Ясная Поляна.*
Милостивый государь Николай
Алексеевич!

Нужда в 10 тысячах заставила меня отступить от моего намерения печатать мой роман отдельной книгой. Я считал себя связанным случайно данным обещанием «Русскому вестнику» печатать у них, если бы я вздумал печатать в журнале, и потому сделал им предложение отдать 20 листов моего романа в их журнал, с платою по 500 р. за лист и выдачею мне 10 тысяч вперед, с обязательством в случае, если бы я не выдал в продолжение определенного срока рукописи, уплатить эти деньги, и с правом печатать роман отдельно по выходе последних частей в журнале. Они стали торговаться, и я очень рад был, что этим освободили меня от моего обещания. Делаю теперь то же предложение вам, предуведомляя, что я не отступлю от предлагаемых условий, и вместе с тем зная, что предлагае-

мые мною условия тяжелы для журнала, я несколько не удивлюсь, если вы их не примете, и что ваш отказ несколько, надеюсь, не изменит тех хороших отношений, в которые мы вновь вступили с вами. Роман, вероятно, будет состоять из 40 листов. Печатание скончания в вашем журнале или отдельно будет зависеть от нашего дальнейшего соглашения*.

В ожидании вашего ответа остаюсь с совершенным уважением ваш покорный слуга
гр. Лев Толстой.

8 Ноября.

277. Н. Н. Страхову

1874 г. Декабря 23. Ясная Поляна.

Что вы подельваете, дорогой Николай Николаевич? По последнему письму судя, вы в дурном состоянии*. Впрочем, вероятно, у вас, как и у меня, скука и апатия предшествуют наплыву умственной энергии. Надеюсь и желаю, чтобы это так было и чтобы письмо это застало вас в азарте работы.

Я отдал (на словах) роман Каткову, и ваш совет отдать заставил меня решиться. А то я колебался. Все занимаюсь «Азбукой», грамма-

тикой и школами в уезде и не имею духа приняться за роман. Однако теперь уже необходимо, так как я обещал. Я прочел философскую статью Соловьева, и она мне очень понравилась*. Это еще один человек прибыл к тому малому полку русских людей, которые позволяют себе думать своим умом. Я уже насчитываю теперь 5-рых таких. В нем есть, то есть в статье, один недостаток — гегелевская злобная фразеология. Вдруг с бух да барахты является в конце статьи какой-то дух, мне очень противный и давно знакомый. Порадуйте меня как-нибудь вашим бисером* — он не перед свиньями, когда обращен ко мне. У меня теперь все очень хорошо. Я весел и здоров, и хорошо работается. Хорошо бы, если бы вы были так же.

Ваш *Л. Толстой.*

23 декабря.

278. А. А. Толстой

1874 г. *Декабря 15...30? Ясная Поляна.*
Получив ваше последнее милое письмо*, которое я ждал, я тотчас же ответил вам, но написал в письме глупость, что так часто со мной бывает, и должен был разорвать письмо. Радуюсь всей душой, что вы беретесь за оставленное дело, и как оно ни чуждо мне, все-таки сочувствую, как и всегда сочувствовал вашему отношению к нему*. Вы говорите, что мы, как белка в колесе. Разумеется. Но этого не надо говорить и думать. Я, по крайней мере, что бы я ни делал, всегда убеждаюсь, что *du haut d'écès pyramides 40 siècles me contemplent** и что весь мир погибнет, если я остановлюсь. Правда, там сидит бесенок, который подмигивает и говорит, что все это толчение воды, но я ему не даю, и вы не давайте ходу. Впрочем, как только дело коснется живой души человеческой, и можно полюбить тех, для кого трудишься, то уже бесенку не убедить нас, что любовь пустяки. Я теперь весь из отвлеченной педагогики перескочил в практическое, с одной стороны, и в самое

отвлеченное, с другой стороны, дело школ в нашем уезде. И полюбил опять, как 14 лет тому назад, эти тысячи ребятишек, с которыми я имею дело. Я у всех спрашиваю, зачем мы хотим дать образование народу; и есть 5 ответов. Скажите при случае ваш ответ. А мой вот какой. Я не рассуждаю, но когда я вхожу в школу и вижу эту толпу оборванных, грязных, худых детей, с их светлыми глазами и так часто ангельскими выражениями, на меня находит тревога, ужас, вроде того, который испытывал бы при виде тонущих людей. Ах, батюшки, как бы вытащить, и кого прежде, кого после вытащить. И тонет тут самое дорогое, именно то духовное, которое так очевидно бросается в глаза в детях. Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе. И дело у меня идет хорошо, очень хорошо. Я вижу, что делаю дело, и двигаюсь вперед гораздо быстрее, чем я ожидал. Желаю от всей души, чтобы и ваше дело так же спорилось, как мое это последнее время. В Петербург мне очень хочется, и вы знаете, что ви-

деть вас для меня большая заманка, но теперь я больше занят еще, чем прежде, особенно потому, что в хорошем духе работать. Роман свой я обещал напечатать в «Русском вестнике», но никак не могу оторваться до сих пор от живых людей, чтобы заняться воображаемыми.

Ваш *Л. Толстой*.

Перро очень мил, и я надеюсь, что он мне устроит*. Я чрезвычайно благодарен вам и ему. Что он за человек? И чем можно отблагодарить его?

1875

279. М. Н. Каткову

1875 г. *Февраля середина. Ясная Поляна.*
Посылаю корректуру, многоуважаемый Михаил Никифорович. Очень жалею, что вышло мало, тем более что следующее листов на 5 несомненно готово, и я вам пришлю на днях.

2-я часть есть одна из 6-ти частей. Мне нужно это деление по прошедшему промежутку времени и внутреннему делению.

В последней главе* не могу ничего тронуть. *Яркий реализм*, как вы говорите, есть единственное орудие, так как ни пафос, ни рассуждения я не могу употреблять. И это одно из мест, на котором стоит весь роман. Если оно ложно, то все ложно. Я старался поправлять так, чтобы не было переверстки; не знаю, достиг ли цели, но все поправки необходимы.

Весь ваш *Л. Толстой.*

280. Н. Н. Страхову

1875 г. Февраля 16. Ясная Поляна.

Очень вам благодарен, дорогой Николай Николаевич, за ваше коротенькое, но очень радостное для меня письмо*. Я не только не ожидал успеха, но, признаюсь, боялся совершенного падения своей известности вследствие этого романа. Искренно говорю, что это падение — я готовился к нему — не очень бы тронуло меня месяц тому назад. Я был весь — и теперь продолжаю быть — поглощен школьными делами, «Новой азбукой», которая печатается, грамматикой и задачником, но теперь, очень недавно, я задумал новую поэтическую работу*, которая сильно радует, волнует меня и которая наверно будет написана, если бог даст жизни и здоровья, и для которой мне нужна моя известность. И я очень, очень рад, что роман мой не уронил меня. В успех большой я не верю. Знаю, как вам хочется, чтоб был большой успех, и он вам кажется. Да и я совершенно согласен с теми, которые не понимают, о чем тут говорить*. Все так не *просто* — (просто —

это огромное и трудно достигаемое достоинство, если оно есть), но неизменно. Замысел такой частный. И успеха большого не может и не должно быть. Особенно первые главы, которые решительно слабы. Кроме того, и плохо отделано. Это я с болью вижу. Я послал уже всё на 2-ю книжку и 3-ю не задержу. Но, сколько я знаю, редакция «Русского вестника» не будет печатать в нынешнем году больше 3-х и потому перерыв будет. И я рад этому. У меня столько дела, что я бы не успел исправить и приготовить к печати всё подряд.

Я — странно — страшно возбужденно живу нынешнюю зиму. Во-первых, я все время хвораю простудой — зубная боль, лихорадочное состояние — и сижу дома. Потом у меня практическая деятельность; руководство 70 школами, которые открылись в нашем уезде и идут удивительно. Потом — педагогические работы, о которых я говорил. Потом — старшие дети, которых надо учить самому, так как гувернера все еще не нашел. Печатание романа, корректуры его и «Азбуки», срочные, и теперь еще вместе — семейное горе и новый план. Семейное горе это — страшная моз-

говая болезнь грудного 9-месячного ребенка*. Вот 4-я неделя, что он переходит все фазы этой безнадежной болезни. Жена сама кормит и то отчаивается, что он умрет, то отчаивается, что он останется жив идиотом. И странно: чувствую такую потребность и радость в работе, как никогда. Прощайте, что вы не пишете ничего про себя?

Вспоминаю я, три года тому назад вы все это время были у нас. Как мне с вами хорошо было.

Ваш *Л. Толстой*.

16 февраля.

281. Е. И. Менгден

1875 г. *Февраля 10...19. Ясная Поляна.*
Отвечаю за жену*, многоуважаемая Лизавета Ивановна, потому что у нас очень опасно болен меньшей ребенок, и она ни о чем другом думать не в состоянии.

Отвечаю на два пункта, мне очень интересные: народный журнал* и перевод моих сочинений по-английски*. Я потому только мало сочувствую народному журналу, что я слишком ему сочувствую и убежден, что те, которые за него возьмутся, будут à cent mille lieues* от того, что нужно для народа*. Мои требования, льщу себя надеждой, одинакие с требованиями народа, те, чтобы журнал был понятен, а этого-то и не будет. Понятность, доступность есть не только необходимое условие для того, чтобы народ читал охотно, но это есть, по моему убеждению, узда для того, чтобы не было в журнале глупого, неуместного и бездарного. Если бы я был издатель народного журнала, я бы сказал своим сотрудникам: пишите, что хотите, проповедуйте коммунизм, хлыстовскую веру, протестан-

стантизм, что хотите, но только так, чтобы каждое слово было понятно тому ломовому извозчику, который будет везти экземпляры из типографии; и я уверен, что, кроме честного, здорового и хорошего, ничего не было бы в журнале. Я не шучу и не желаю говорить парадоксы, а твердо знаю это из опыта. Совершенно простым и понятным языком ничего дурного нельзя будет написать. Все безнравственное представится столь безобразным, что сейчас будет отброшено; все сектаторское, протестантское ли, хлыстовское ли, явится столь ложным, если будет высказано без непонятных фраз, все мнимопоучительное, популярно-научное, но не серьезное, и большей частью ложное, чем всегда переполняются народные журналы, тоже без фраз, а выраженное понятным языком, покажется столь глупо и бедно, что тоже откинется. Если народный журнал серьезно хочет быть народным журналом, то ему надо только стараться быть понятным, и достигнуть этого нетрудно: с одной стороны, стоит только пропускать все статьи через цензуру дворников, извозчиков, черных кухарок. Если ни на одном слове чте-

цы не останоятся, не поняв, то статья прекрасна. Если же, прочтя статью, никто из них не может рассказать, про что прочли, статья никуда не годится.

Я истинно сочувствую народному журналу и надеюсь, что вы отчасти согласитесь со мною, и потому говорю все это. Но знаю тоже, что 999/1000 сочтут мои слова или просто глупостью, или желанием оригинальничать; тогда как я, напротив, в издании дамами журнала для народа, дамами и думающими и говорящими не по-русски и без желания справиться с тем, понимает ли их народ, вижу самую странную и забавную шутку. Я сказал, понятности достигнуть очень легко, с одной стороны — стоит только в рукописях читать или давать читать народу; но, с другой стороны, издавать журнал *понятный* очень трудно. Трудно потому, что окажется очень мало материалу. Будет беспрестанно оказываться то, что статья, признанная *charmant* в кругу редакции, как скоро она прочтется в кухне, будет признана никуда не годной, или что из 30 листов *слов* окажется *дела* 10 строчек.

Я настолько уважаю вас, что позволил себе

быть искренним. Надеюсь, что вы не осудите меня за это.

О праве перевода прилагаю при этом записку, оставив пробел [для] имени*.

Истинно преданный и уважающий гр. Л. Толстой.

282. А. А. Фету

1875 г. Февраля 22. Ясная Поляна.

У нас горе за горем. Вы с Марьей Петровной, верно, пожалеете нас, — главное Соню. Меньшой сын 10 месяцев заболел недели три тому назад той страшной болезнью, которую называют головной водянкой, и после страшных 3-недельных мучений третьего дня умер, а нынче мы его схоронили. Мне это тяжело через жену, но ей, кормившей самой, было очень трудно. Вы хвалите «Каренину»*, мне это очень приятно, да и как я слышу, ее хвалят; но, наверное, никогда не было писателя, столь равнодушного к своему успеху, *si succès il y a**, как я.

С одной стороны, школьные дела, с другой — странное дело — сюжет нового писанья*, овладевший мною именно в самое тяжелое

время болезни ребенка, и самая эта болезнь и смерть.

Ваше стихотворение мне кажется эмбрионом прекрасного стихотворения; оно, как поэтическая мысль, мне совершенно ясно, но совершенно неясно как произведение слова*.

От Тургенева получил перевод, напечатанный в «Temps», «Двух гусаров»* и письмо в 3-м лице, просящее известить, что я получил и что г-ном Виардо и Тургеневым переводятся другие повести*, что ни то, ни другое совсем не нужно было.

Очень рады будем с женой, если, как мы поняли, вы с Марьей Петровной хотите захватить к нам и подарить нас деньком.

Деньги будут высланы к 1-му апреля. Очень благодарю Петра Афанасьевича* за генеалогию лошадей. Я боюсь только, не слишком ли тяжел и рысист молодой жеребец. Старый жеребец мне больше бы нравился.

Ваш *Л. Толстой.*

283. Н. Н. Страхову

1875 г. *Февраля 23...24. Ясная Поляна.*
Сейчас послал корректуры на 2-й выпуск* и многим недоволен. Вы разбередили мое авторское самолюбие относительно этого романа, дорогой Николай Николаевич, и потому, если вам будет время и охота, пожалуйста, сообщите мне, что вы услышите или прочтете умного во осуждение этих глав. Много есть слабых мест. Я вам их назову: *приезд Анны домой и дома**, *Разговор в семье Щербацких после доктора до объяснения сестер**. *Салон в Петербурге** и др. Если попадут на эти места осуждения, то сообщите, пожалуйста. В присланной мне корректуре есть конец драмы Аверкьева*, и, прочтя этот конец, я понял, почему мое писанье, исполненное недостатков, имеет успех. Там какой-то русский князь убил любовницу и в ужасе от своего поступка в первую минуту восклицает: «О, я несчастный! В летописях будет написано, что я убийца!» Ведь это ужасно! Читая эту мерзость, я понял, для чего белые стихи. Островский раз на мой вопрос, для чего он Минина написал

стихами, отвечал: надо стать в отдаление*. Когда человеку нет никакого дела до того, о чем он пишет, он пишет белыми стихами, и тогда ложь не так грубо заметна.

У меня до вас великая просьба. Шурин Петья Берс женился и весь поглощен своим медовым месяцем, и ему некогда заниматься моей «Азбукой». Не будете ли вы так добры взять ее под свое покровительство. Я прошу вот чего: передать какому-нибудь *платящему* книгопродавцу на комиссию оставшиеся у Берса экземпляры «Азбуки» и Полных сочинений и взять от Берса счета его с Надеиным и счестся с ним.

Если вам это неприятно, затруднительно, то прямо напишите. Я понимаю всю свою бесовестность, прося вас об этом одолжении, но если вы захотите сделать это, то очень, очень буду благодарен. Это письмо может вам служить и документом, чтобы взять дела от П. Берса, которому я и прежде писал, что я избавляю его от своих дел.

Ваш *Л. Толстой*.

284. Архимандриту Леониду (Л. А. Кавелину)

1875 г. Марта 16...20. Ясная Поляна.

Ваше высокопреподобие!

Получив ваше письмо, я испытал большое духовное наслаждение. Я читал выражение сочувствия дорогим для меня взглядам на дорогое мне дело, и выражение гораздо более высокое и глубокое тех самых мыслей, которые смутно представлялись мне. Издание для народа избранных мест из нашей древней литературы и именно в тех больших размерах, как вы предполагаете, представляется мне таким важным и хорошим делом, что я непременно намереваюсь посвятить на это дело те силы, знания и средства, которые могу. Я сам дам свой пай денежный на это дело, и начал, и буду собирать по вашему указанию людей для общества с целью такого издания. Самая большая трудность есть выбор и издание, то есть сокращения и объяснения, если они нужны. Вопрос в том, угодно ли вам будет взять этот труд? Если да, и бог даст нам жизни и силы, то дело это будет сделано.

Само собою разумеется, что все это дело подлежит многостороннему обсуждению, для которого я постараюсь быть у вас; теперь же я высказываю только те чувства и намерения, которые вызвало во мне ваше письмо*.

Очень много благодарен вам за столь любопытное и прекрасное исследование о Сильвестре*. Судя по нем, я догадываюсь, какие сокровища — подобных которым не имеет ни один народ — таятся в нашей древней литературе. И как верно чутье народа, тянущее его к древнерусскому и отталкивающее его от нового.

Прося принять мою глубокую благодарность за ваше доброе ко мне расположение и уверение в моем глубоком и искреннем уважении, имею честь быть ваш покорный слуга
гр. Лев Толстой.

285. Н. А. Некрасову

1875 г. *Апреля 2. Ясная Поляна.*
Милостивый государь Николай
Алексеевич!

Я составляю отчет о ходе школьного дела за нынешнюю зиму в нашем Крапивенском уезде* на тех основаниях, которые были изложены мною в напечатанной в вашем журнале статье «О народном образовании». Некоторые соображения, наблюдения и выводы о ходе этого дела составят статью, по содержанию и величине подобную той, которая была у вас напечатана.

Угодно ли вам будет напечатать и эту статью на тех же условиях, как и первую?

Статья может быть готова к майской книжке «Отечественных записок». Относительно этой статьи, как относительно первой, — в случае вашего согласия напечатать ее — я просил бы редакцию высказаться — не говорю благоприятно (это зависит от убеждений и взглядов), но сколь возможно серьезнее по вопросу, поднимаемому статьей. На днях выйдет тоже новая, составленная мною для

народных школ «Азбука». Не говорю о том труде, который положен мною на эту 12-тикопеечную книжку; до отношения автора к своему делу никому нет дела. Но книжечка эта, по моему убеждению, составляет необходимость для дела народного образования и должна много помочь ему; и потому я бы был вам очень обязан, если [бы] вы содействовали тому, чтобы «Азбука» эта была рассмотрена компетентными и беспристрастными людьми, и о ней бы было сказано серьезное слово, которого она заслуживает уж по тому значению, которое она может иметь, если она хороша*.

В ожидании вашего ответа с совершенным уважением и преданностью остаюсь ваш покорный слуга

гр. Лев Толстой.

2 апреля 1875 г.

286. Н. Н. Страхову

1875 г. *Мая 5. Ясная Поляна.*
Не сердитесь, дорогой Николай Николаевич, что это письмо будет коротко. Написал 8 писем и письмо к вам — задушевное — откладывал под конец. А теперь уже и время нет. Все лучше коротенькое, чем ничего. Я знаю, как весело за границей получать письма из России.

В особенности мне хочется ответить вам на то, что вы пишете о себе*. Немножко мне открылось ваше душевное состояние, но тем более мне хочется в него проникнуть дальше. И желание мое законно: оно не зиждется на умственном интересе, а на сердечном влечении к вам. Бывают души, у которых одни двери — прямо в жилые комнаты. Бывают большие двери, маленькие, настезь и запертые, но бывают с сенями и с подвальными и парадными лестницами и коридорами*. У вас сложные коридоры, но апартаменты хорошие — и, главное, я их люблю. И всегда я желал проникнуть в них. Вы всегда говорите, думаете, пишете об общем — объективны. И все

мы это делаем, но ведь это только обман, законный обман, обман приличия, но обман, вроде одежды. Объективность есть приличие, необходимое для масс, как и одежда. Венера Милосская может ходить голая, и Пушкин прямо может говорить о своем личном впечатлении. Но если Венера пойдет голая и старуха кухарка тоже, будет гадко. Поэтому решили, что лучше и Венере одеться. Она не потеряет, а кухарка будет менее безобразна. Этот компромисс мне кажется и в умственных произведениях. И крайности, уродства, surcharge* одежды часто вредит, а мы привыкли. И вы слишком одеваетесь объективностью и этим портите себя, для меня по крайней мере. Какие критики, суждения, классификации могут сравниться с горячим, страстным исканием смысла своей жизни? Как странно, что вы ищете монахов, хотите ехать в Оптину пустынь. То самое, что я хотел и хочу.

Как бы нам увидаться? Я еду в Самару с семейством в конце мая, вернусь в августе. Ах, если бы вы приехали ко мне!

Во всяком случае пишите мне, пожалуйста-

ста. В Самаре адрес: в Самару (до востребования). Я послал в 4-й № и до осени не дотро-
нуть*.

Ваш *Л. Толстой*.

287. Н. Н. Страхову

1875 г. *Августа 24. Ясная Поляна.*
Дорогой Николай Николаевич!

Сейчас (2-й день нашего возвращения из Самары) прочел «Последнего идеалиста»* и очень вам благодарен за него. Вместе с вашими последними письмами* и этим я имею от вас все то, что вы хотите и можете сказать о себе: и я признаюсь, я много, много узнал нового.

Я узнал, главное, то из вашей повести, о чем я и догадывался всегда, что ваше сочувствие ко мне и мое к вам основано на необыкновенной родственности нашей духовной жизни. Я надеюсь, что эта отрезанность пуповины, это равнодушие к одной стороне жизни есть только признак другой пуповины, пропускающей более сильные соки, и надеюсь, что ни вы, ни я не хотели бы променяться с теми, которым мы лет 25, 20 тому назад

так завидовали.

И как вы правы, что «Гамлет Щигровского уезда» и лишние люди не произошли от того, что Николай Павлович любил маршировку, как нам это внушают Анненковы*, и что это не есть плачевная слабость одного периода русской жизни или даже вообще русского человека, а это есть громадная, новая, не понятная Европе, понятная индейцу сила. Признаюсь вам, я всегда чувствовал то, что чувствовал ваш герой и Гамлет, но никогда не жаловался на это, а гордился и радовался, и теперь, чем ближе к смерти, тем больше радуюсь.

Мы приехали 3-го дня благополучно. Я не брал в руки пера два месяца и очень доволен своим летом. Берусь теперь за скучную, пошлую «Анну Каренину» и молю бога только о том, чтобы он мне дал силы спихнуть ее как можно скорее с рук, чтобы опростать место — досуг очень мне нужный — не для педагогических, а для других, более забирающих меня занятий*. Педагогические занятия я люблю так же, но хочу сделать усилие над собой, чтобы не заниматься ими.

Что вы делаете? Успокоились ли вы от

грустных впечатлений кончины вашего брата? Главное, работаете ли вы? И что? Мое знакомство с философом Соловьевым* очень много дало мне нового, очень расшевелило во мне философские дрожжи и много утвердило и уяснило мне мои самые нужные для остатка жизни и смерти мысли, которые для меня так утешительны, что если бы я имел время и умел, я бы постарался передать и другим.

Есть ли надежда увидаться с вами нынешний год? Не поедете ли куда-нибудь через Москву? В Москву я бы приехал к вам, или вы приехали ко мне. К себе же звать вас из Петербурга я, разумеется, не смею.

Ваш *Л. Толстой.*

288. А. А. Фету

1875 г. Октября 26? Ясная Поляна.

Не писал вам так долго, дорогой Афанасий Афанасьич, потому что все время был и сам нездоров и мучался, глядя на нездоровье домашних. Теперь немножко поотлегло и им и мне. И я надеюсь — только надеюсь — приняться за работу.

Страшная вещь наша работа. Кроме нас, никто этого не знает. Для того, чтобы работать, нужно, чтобы выросли под ногами подмости. И эти подмости зависят не от тебя. Если станешь работать без подмостков, только потратишь матерьял и навалишь без толку такие стены, которых и продолжать нельзя. Особенно это чувствуется, когда работа начата. Все кажется: отчего ж не продолжать? Хвать-похвать, не достают руки, и сидишь дожидаясь. Так и сидел я. Теперь, кажется, подросли подмости и засучиваю рукава.

Читал я это время книги, о которых никто понятия не имеет, но которыми я упивался. Это сборник сведений о кавказских горцах, изданный в Тифлисе*. Там предания и поэзия

горцев и сокровища поэтические необычайные. Хотелось бы вам послать. Мне, читая, беспрестанно вспоминались вы. Но не посылаю, потому что жалко расстаться. Нет, нет, и перечитываю. Вот вам образчик.

«Высохнет земля на могиле моей, и забудешь ты меня, моя родная мать.

Прорастет кладбище могильной травой — заглушит трава твою горе, мой старший отец.

Слезы высохнут на глазах сестры моей — улетит и горе из ее сердца.

Горяча ты, пуля, и несешь ты смерть — но не ты ли была моей верной рабой? Земля черная, ты покроешь меня, но не я ли тебя конем топтал? Холодна ты, смерть, но я был твоим господином.

Мое тело достояние земли.

Мою душу примет небо!..»

Каково!

Теперь вступление в поэму.

«Догоняет на крыльях и ловит свою добычу кривыми когтями белый ястреб. Он ловит ее и тут же клюет — сырою.

На резвых ногах догоняет и крепкими когтями рвет пестрый барс красного зверя.

Оставляет за собой Терек, переправляется на левый берег с храбрыми Гихинскими наездниками смелый Хамзат...»*

«Выйди, мать, наружу посмотреть на диво: из-под нагорного снега пробивается зеленая трава.

Взойди, мать, на крышу, на самый край крыши: из-под льда ущелья весенний цветок виднеется.

* * *

Из-под нагорного снега зеленая травка не пробивается. Из-под льда ущелья не видать весеннего цвета. Оттого, что влюблена ты, тебе цветок привиделся»*.

Понравится ли вам это?* Передайте мой поклон Марье Петровне и Петру Афанасьевичу.

Ваш *Л. Толстой*.

289. А. А. Фету

1875 г. *Ноября 8...9. Ясная Поляна.*
Получил ваше письмо и прекрасные стихи*, в особенности «Ястреб». Последнее не так хорошо. Мало отрублено противупоставление, то, что «не цветок растет, а ты влюблена»*. Получил письмо в страшно тяжелые минуты, жена была при смерти больна воспалением брюшины, родила преждевременно тотчас же умершего ребенка. Страх, ужас, смерть, веселье детей, еда, суета, доктора, фальшь, смерть, ужас. Ужасно тяжело было. Теперь ей лучше, она не встает, но опасности нет. Она читала ваше письмо и радуется мысли увидеть вас и Оленьку 18 декабря.

Мне очень вас жалко за брата и его бедного жалко*. Что будет из этого.

Наш поклон Марье Петровне.

Ваш *Л. Толстой.*

1876

290. Е. В. Львову

1876 г. Февраля 29... марта 1. Ясная Поляна.

Ваше письмо* очень порадовало меня, любезный князь, и огорчило. Порадовало, что вы оценили форму моих рассказов для народа, а огорчило то, что вы в продолжение, кажется, 5 лет, как вышли эти рассказы*, нигде не встретили их и вместе с публикой считали меня или аферистом, для денег пишущим для народа, или дураком 50-летним, говорящим о том, чего он не знает. Я воевал с немецкой педагогией именно потому, что я большую часть жизни посвятил на это дело, что я знаю, как думает народ и народный ребенок, и знаю, как говорить с ним; и это знание не слетело мне с неба оттого, что у меня талант (самое глупое, бессмысленное слово), а оттого, что я и любовью и трудом приобрел это знание. Рассказы, басни, написанные в книжках, есть просеянное из в 20 раз большего количе-

ства приготовленных рассказов, и каждый из них был переделывай по 10 раз и стоил мне большего труда, чем какое бы ни было место из всех моих писаний. Еще больше труда мне стоила «Азбука». Меня хвалили за все, что я писал; но об одном, точно хорошем и полезном, что я сделал, об «Азбуке» и этих книжках, не сказано в печати ни единого неругательного слова. Вы прочли и оценили потому, что вы сами пишете и хотите писать, и потому, что у вас есть вкус и чутье. Но всякий с чутьем и вкусом, прочетший эти книжечки, скажет: «Да, ничего, просто, ясно, кое-где все-таки нехорошо и фальшиво». И всякий, при чтении сказавший это, будет совершенно прав. Но пусть попробует кто-нибудь написать такие же рассказы, тот увидит, как трудно даются эти отрицательные достоинства, состоящие только в том, чтобы было просто, ясно, не было бы ничего лишнего и фальшивого.

Я пишу это все вам потому, что мне кажется, что вы поняли это, и еще потому, что я думаю, что вы в состоянии написать так же и, может быть, и лучше. Только вы увидите, как

это долго и как мало можно написать хороше-го. Joseph de Maistre пишет своему королю в 12-м году длинное письмо о войне и Петербурге и кончает письмо так: «Je prie Votre Majesté d'excuser la longueur de cette lettre. Je n'ai pas eu le temps de la faire plus courte»*.

И когда вы станете употреблять время на то, чтобы делать вещи как можно короче (это первое правило), вы увидите, как это трудно. Книжечки вашей я все-таки не получил*. Очень, очень прошу вас прислать мне ее. Мне очень это нужно.

Кавказский сборник* я отдал знакомому, когда получу, то пришлю вам. Передайте наш с женою поклон княгине.

Пожалуйста же, не забудьте обещание летом заехать к нам. Если буду в Москве, то буду у вас непременно.

Ваш *Л. Толстой.*

291. А. А. Толстой

1876 г. Марта 8...12. Ясная Поляна.
Очень радостно мне было письмо ваше*, любезный друг; этого-то мне и было нужно. Я знаю про вас, знаю, что наши отношения те же, и знаю про ваших. Вы не поверите, как с годами во мне сильно стало родственное кровное чувство и как мне, кроме нашей дружбы, дороги все ваши Андреичи и как мне радостно было узнать про Прасковью Васильевну. Как бы я дорожил участием в ее партии ералаша, который я ужасно люблю.

Дети мои умерли вот как. После 5 и теперь живых (помилуй бог), 6-й был крупный мальчик, которого жена очень любила, Петя. Году он заболел с вечера, а к утру, только что жена ушла от него, меня позвали, он умер — круп. Другой за ним, прелестный ребенок (несколько месяцев уже видна была чудесная милая натура), тоже году, заболел водянкой в голове. И до сих пор больно, очень больно вспоминать эту ужасную неделю его умирания. Нынешней зимой жена была при смерти больна. Начало было коклюш. А она беременна. Она

была при смерти и преждевременно родила дочь, которая прожила несколько часов и о которой уже гораздо [позже] пожалели, когда мать была вне опасности. Не успела жена встать (не было 6-ти недель), свежая, бодрая старушка, тетушка Пелагея Ильинишна Юшкова, только что в этом году переехавшая из монастыря жить к нам, слегла и в страшных мучениях скончалась. Странно сказать, но эта смерть старухи 80-ти лет подействовала на меня так, как никакая смерть не действовала. Мне ее жалко потерять, жалко это последнее воспоминание о прошедшем поколении моего отца, матери, жалко было ее страданий, но в этой смерти было другое, чего не могу вам описать и расскажу когда-нибудь. Но часу не проходит, чтобы я не думал о ней. Хорошо вам, верующим, а нам труднее.

По письму вашему я вижу, что вам хорошо, и очень радуюсь за вас. Радуюсь и за то, что воспитанница ваша в Петербурге и что вы в своем обычном сердечно энергическом духе, но более всего тому, что ваша матушка с вами и что старость ее хорошая. Цените это больше всего. Поцелуйте у нее за меня руку

и сделайте так, чтобы она с удовольствием вспомнила обо мне. Моя Анна надоела мне, как горькая редька. Я с нею возжусь, как с воспитанницей, которая оказалась дурного характера; но не говорите мне про нее дурного или, если хотите, то с *ménagement**, она все-таки усыновлена.

Ваш *Л. Толстой*.

292. П. Д. Голохвастову

1876 г. Марта 17...20? Ясная Поляна.
Благодарю вас, дорогой Павел Дмитрич, что вспомнили обо мне, — нехорошо только то, что известия вы даете о себе недобрые;* во-первых, то, что, как вижу, вы не работаете, не ушли с ушами в работу. Это одна настоящая манера. Я не хочу даже знать, что вам работать. Это все равно. Я знаю только то, что есть вещи, которые вы знаете, а другие не знают, — поэтические или филологические, научные или художественные, только вам надо эти самые вещи высказать и, чтобы это сделать, — надо уйти с ушами в работу. А этого вы не делаете, и это нехорошо. Во-вторых, то, что вы живете за границей и в

Италии. Вы не поверите, что я скорее бы стал жить в Мамадышах*, чем в Венеции, Риме, Неаполе; на этих городах и на жизни в них для всех лежит такое условное, неизменно одинаковое величие и изящество, а для меня такая пошлость, что мне тошно думать о них, а читать о них (недавно Страхов прислал свою статью об Италии и искусстве*) невыносимо.

Хуже же всего то, что Ольга Андреевна болеет. Ужаснее болезни жены для здорового мужа не может быть положения. Я нынешний год испытал и продолжаю испытывать это состояние. Жена была опасно больна. Всю зиму хворала, слабела и теперь опять в постели, и всякую минуту трепещешь, что положение ухудшится. Для меня это положение мучительно, в особенности потому, что я не верю ни в докторов, ни в медицину, ни в то, чтобы людские средства могли на волос изменить состояние здоровья, то есть жизни человека. Вследствие этого убеждения, которого я не могу изменить в себе, я беру всех докторов, следую всем их предписаниям и не могу иметь никакого плана. Весьма похоже, что

мы скоро поедem за границу* и, вероятно, в Италию, которая мне так противна, но менее, чем Германия. В Европе мне кажется, что я мог бы жить только в Англии, но оттуда для здоровья уезжают и туда незачем ехать. Вообще болезнь жены, смерть тетушки, которая скончалась у нас нынешнюю зиму, и смерть вновь родившейся девочки, все это сделало нынешнюю зиму очень для меня тяжелою. Утешают только дети, которые, слава богу, хорошо растут, и работа, в которую я ухожу по уши.

Первого утешения у вас нет, а второе вы должны себе устроить.

Главное же желаю для нее самой, так же как и для вас, чтобы Ольга Андреевна была здорова.

До свиданья. Пожалуйста, пишите, изредка хотя.

Искренно вас любящий *Л. Толстой*.

293. А. А. Толстой

1876 г. Марта 20...23. Ясная Поляна.
Увы! это правда, что я перепутал письма. К вам приехало письмо к Урусову, а ваше, вероятно, к нему*. Я нынче пишу ему, прося его, если это так, вложить в конверт и надписать вам; и вас с тысячами извинений прошу сделать то же: Троице-Сергиевский Посад, князю Сергию Семеновичу Урусову. Село Спасское. Это мой севастопольский друг, с которым мы очень хорошо любим друг друга.

Странно, что то письмо, в котором я пишу ему о желании веры, попало вам. Предшествующий наш разговор был такой. Он был у меня, и я ему читал свое философское сочинение*. Там я говорю о вере и, между прочим, о том, что ничто так не отвращало и не отталкивало меня от религии, как когда меня старались обращать, объясняя мне религию. Чем больше объясняли, тем мне становилось темнее. Это, видимо, поразило его, и он мне написал прекрасное письмо*, в котором говорит, что бог его этим наказывает за его гордость и что он никогда больше ничего возражать и

объяснять мне не станет, но все-таки просит меня, чтобы я писал ему о своем душевном состоянии. И я писал ему, в особенности после свидания с Бобринским*, Алексей Павловичем, который очень поразил меня искренностью и жаром своей веры. И никто, никогда лучше мне не говорил о вере, чем Бобринский. Он неопровержим, потому что ничего не доказывает, а говорит, что он только верит, и чувствуешь, что он счастливее тех, которые не имеют его веры, и чувствуешь, главное, что этого счастья его веры нельзя приобрести усилием мысли, а надо получить его чудом. И этого-то я желаю и об этом писал Урусову, и очень рад, что вы прочли.

Вы знаете Редстока?* Какое он произвел на вас впечатление?

Я очень благодарен вам за то, что вы за меня молитесь. Хотя я не могу верить в действительность молитвы, я рад, потому что это доказывает вашу привязанность ко мне и потому что, хотя я не верю, я не могу сказать, чтобы это наверное было бесполезно. А может быть, и правда. Во всяком случае, я знаю, что чем больше я буду думать, тем меньше могу

верить, и что если приду к этому, то чудом. Поэтому, пожалуйста, не убеждайте меня. Что я думаю беспрестанно о вопросах, значении жизни и смерти, и думаю, как только можно думать серьезно, это несомненно. Что я желаю всеми силами души получить разрешение мучающим меня вопросам и не нахожу их в философии, это тоже несомненно; но чтобы я мог поверить, мне кажется невозможно.

Читали ли вы жизнь Паскаля — Blaise Pascal, его «Pensées»? Какая чудесная книга и его жизнь. Я не знаю лучше жития.

Целую вашу руку.

Ваш *Л. Толстой*.

Я в том письме не написал, что целую руку, и потому Урусов так же, как и вы, мог быть в сомнении, к нему ли письмо.

294. Н. Н. Страхову

1876 г. *Апреля 8...9. Ясная Поляна.*

Благодарю вас, дорогой Николай Николаевич, за присылку Григорьева*. Я прочел предисловие, но — не рассердитесь на меня — чувствую, что, посаженный в темницу, никогда не прочту всего. Не потому, что не ценю Григорьева, — напротив, но критика для меня скучнее всего, что только есть скучного на свете. В умной критике искусства все правда, но не вся правда, а искусство потому только искусство, что оно *все*.

Я с страхом чувствую, что перехожу на летнее состояние: мне противно то, что я написал, и теперь у меня лежат корректуры на апрельскую книжку, и боюсь, что не буду в силах поправить их*. Все в них скверно, и все надо переделать и переделать: все, что напечатано, и все перемарать, и все бросить, и отречься, и сказать: виноват, вперед не буду, и постараться написать что-нибудь новое, уж не такое нескладное и ни то, ни темное. Вот в какое я прихожу состояние, и это очень приятно. Я боюсь, что вы не в духе отвечать мне

на то письмо и что оно вас не интересует*. Пожалуйста, не лишите в таком случае, а просто пишите мне изредка, как всегда. И не хвалите мой роман. Паскаль завел себе пояс с гвоздями, который он пожимал локтями всякий раз, как чувствовал, что похвала его радует. Мне надо завести такой пояс. Покажите мне искреннюю дружбу: или ничего не пишите мне про мой роман, или напишите мне только все, что в нем дурно. И если правда то, что я подозреваю, что я слабею, то, пожалуйста, напишите мне.

Мерзкая наша писательская должность — развращающая. У каждого писателя есть своя атмосфера хвалителей, которую он осторожно носит вокруг себя и не может иметь понятия о своем значении и о времени упадка. Мне бы хотелось не заблуждаться и не возвращаться дальше. Пожалуйста, помогите мне в этом.

Ваш *Л. Толстой*.

И не стесняйтесь мыслью, что вы строгим суждением можете помешать деятельности человека, имевшего талант. Гораздо лучше остановиться на «Войне и мир», чем писать

«Часы»* или т. п.

*** 295. М. Н. Каткову**

1876 г. *Апреля середина. Ясная Поляна.*
Многоуважаемый Михаил Ники-
форович!

Посылаю просмотренные и исправленные корректуры*. Оттого ли, что меня искушала свобода марать в гранках, или, что я был так расположен, или, что вернее всего, оттого, что многое было не отделано и нехорошо, я многое перемарал. Боюсь, что в типографии переврут многое.

Будьте так добры, прикажите повнимательнее просмотреть корректуры. Как вам это не должно было уже наскучить, я не могу удержаться от того, чтобы не благодарить вас за то, что вы сами держите эти корректуры.

Весь ваш *Л. Толстой.*

296. Н. Н. Страхову

1876 г. *Апреля 23 и 26. Ясная Поляна.*
У нас с вами раздвоилась переписка, дорогой Николай Николаевич. Я только что ответил на ваше философское письмо, как получил радостный ответ* на мое. Вы пишете: так ли вы понимаете мой роман, и что я думаю о ваших суждениях*. Разумеется, так. Разумеется, мне невыразимо радостно ваше понимание; но не все обязаны понимать, как вы. Может быть, вы только охотник до этих делов, как и я. Как наши тульские голубятники. Он турмана ценит очень дорого; но есть ли настоящие достоинства в этом турмане — вопрос. Кроме того — вы знаете — наш брат беспрестанно без переходов прыгает от уныния и самоунижения к непомерной гордости. Это я к тому говорю, что ваше суждение о моем романе верно, но не все — то есть все верно, но то, что вы высказали, выражает не все, что я хотел сказать. Например, вы говорите о двух сортах людей. Это я всегда чувствую — знаю, но этого я не имел в виду. Но когда вы говорите, я знаю, что это одна из правд, кото-

рую можно сказать. Если же бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом, то я должен бы был написать роман тот самый, который я написал, сначала. И если близорукие критики думают, что я хотел описывать только то, что мне нравится, как обедает Облонский и какие плечи у Карениной, то они ошибаются. Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно — словами описывая образы, действия, положения.

Вы все это знаете лучше меня, но меня занимало это последнее время. Одно из очевиднейших доказательств этого для меня было самоубийство Вронского, которое вам понравилось. Этого никогда со мной так ясно не бы-

вало. Глава о том, как Вронский принял свою роль после свиданья с мужем, была у меня давно написана. Я стал поправлять ее, и совершенно для меня неожиданно, но несомненно, Вронский стал стреляться. Теперь же для дальнейшего оказывается, что это было органически необходимо.

Так вот почему такая милая умница, как Григорьев, мало интересен для меня. Правда, что если бы не было совсем критики, то тогда бы Григорьев и вы, понимающие искусство, были бы излишни. Теперь же, правда, что когда 9/10 всего печатного есть критика, то для критики искусства нужны люди, которые бы показывали бессмыслицу отыскивания мыслей в художественном произведении и постоянно руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства, и к тем законам, которые служат основанием этих сцеплений.

И если критики теперь уже понимают и в фельетоне могут выразить то, что я хочу сказать, то я их поздравляю и смело могу уверить *qu'ils en savent plus long que moi*.*

Очень, очень благодарю вас. Когда я пере-

чел свое последнее унылое и смиренное письмо*, я понял, что я, в сущности, прошу похвалы, и вы мне прислали ее. И она, ваша похвала — я знаю, искренняя, хотя, боюсь, охотничья — мне очень, очень дорога.

То, что я сделал ошибки в венчанье*, мне очень обидно, тем более, что я люблю эту главу.

Боюсь, не будет ли тоже ошибок по специальности, которой я касаюсь в том, что выйдет теперь в апреле*. Пожалуйста, напишите, если найдете или другие найдут.

Вы правы, что «Война и мир» растет в моих глазах. Мне странно и радостно, когда мне что-нибудь напомним из нее, как это сделал недавно Истомин (он будет у вас), но странно, я помню из нее очень немного мест, остальное забываю.

Прощайте, еще тысячу раз благодарю вас. Я все надеюсь кончить. Но едва ли буду в силах. Летом часто чувствую физическую невозможность писать.

Ваш *Л. Толстой*.

26 апреля. Написал вам это письмо уже несколько дней тому назад и хотел не посы-

лать — так в нем выпирает польщенное авторское тщеславие. Но написал 7 писем сейчас, и надо писать вам новое, и решился послать это.

Шила в мешке не утаишь, и вы меня знаете насквозь.

Л. Т.

297. А. А. Фету

1876 г. *Апреля 28...29. Ясная Поляна.*
Получил ваше письмо*, дорогой Афанасий Афанасьич, и из этого коротенького письма и из разговоров Марьи Петровны, переданных мне женой, и из одного из последних писем ваших, в котором я пропустил фразу: *хотел звать вас посмотреть, как я уйду**, написанную между соображениями о корме лошадям, и которую я понял только теперь, я перенесся в ваше состояние, мне очень понятное и близкое, и мне жалко стало вас (и по Шопенгауэру, и по нашему сознанию сострадание и любовь есть одно и то же) и захотелось вам писать. Я благодарен вам за мысль позвать меня посмотреть, как вы будете уходить, когда вы думали, что близко. Я то

же сделаю, когда соберусь *туда*, если буду в силах думать. Нам с вами не помогут попы, которых призовут в эту минуту наши жены; но мне никого в эту минуту так не нужно бы было, как вас и моего брата. Перед смертью дорого и радостно общение с людьми, которые в этой жизни смотрят за пределы ее, а вы и те редкие *настоящие* люди, с которыми я сходилась в жизни, несмотря на здравое отношение к жизни, всегда стоят на самом краюшке и ясно видят жизнь только оттого, что глядят то в нирвану, в беспредельность, неизвестность, то в сансару*, и этот взгляд в нирвану укрепляет зрение. А люди житейские — попы и т. п., сколько они ни говори о боге, неприятны нашему брату и должны быть мучительны во время смерти, потому что они не видят того, что мы видим, — именно того бога, более неопределенного, более далекого, но более высокого и несомненного, как говорится в этой статье.

Бог Саваов с сыном, бог попов есть такой же маленький и уродливый, невозможный бог (и еще гораздо более невозможный, чем для попов был бы бог мух, которого бы мухи

себе воображали огромной мухой, озабоченной только благополучием и исправлением мух).

Вы больны и думаете о смерти, а я здоров и не перестаю думать о том же и готовиться к ней. Посмотрим, кто прежде. Но мне вдруг из разных незаметных данных ясно стала ваша глубоко родственная мне натура-душа (особенно по отношению к смерти), что я вдруг оценил наши отношения и стал гораздо больше, чем прежде, дорожить ими.

А впрочем —

*Mourir vient de soi-même.
N'en ayons point souci.
Bien vivre est le problème
Qu'il faut résoudre ici*.*

И даже иначе нельзя. Я многое, что я думал, старался выразить в последней главе апрельской книжки «Русского вестника»*.

Пожалуйста, напишите Пете Борисову, чтобы он непременно приехал ко мне и дня на три по крайней мере.

Я знаю, что вам это близко сердцу, и я, не торопясь, без всякой предвзятой мысли и без желания противуречить, высмотрю его и со-

общу вам мое впечатление. Предвзятая мысль у меня будет одна — это сильнейшее желание полюбить его — для вас.

Ваш *Л. Толстой*.

Очень благодарен за присылку Гамлета*. Буду ждать.

298. Н. Н. Страхову

1876 г. *Ноября 12...13. Ясная Поляна.*
Вы истинный друг, дорогой Николай Николаевич. Несмотря на мое молчание и молчание на важное письмо ваше*, вы все-таки радуете меня своими письмами. Не могу выразить, как я благодарен вам за последнее, не заслуженное мною, письмо ваше*. Чтобы объяснить и оправдать мое молчание, должен говорить о себе. Приехав из Самары и Оренбурга, вот скоро два месяца (я сделал чудесную поездку), я думал, что возьмусь за работу, окончу давящую меня работу — окончание романа — и возьмусь за новое; и вдруг вместо этого всего до сих пор ничего не сделал. Сплю духовно и не могу проснуться. Нездоровится, уныние. Отчаяние в своих силах. Что мне суждено судьбой, не знаю, но до-

живать жизнь без уважения к ней, а уважение к ней дается мне только известного рода трудом, — мучительно. Думаю даже, и к тому нет энергии. Или совсем худо, или сон перед хорошим периодом работы. Думать не могу сам, но понимать могу, особенно вас, и понял и оценил ваше первое письмо и всей душой желаю, чтобы вы окончили этот труд. Я перечел его несколько раз и читал Фету*, и мы с ним поняли и одобрили ваши мысли, насколько мы их поняли. Одно, вопрос о том, что́ есть настоящее познание, невольно требует ответа.

Настоящее познание, по-моему, и я уверен, по-вашему будет так же, но вы лучше это выразите, дается сердцем, то есть любовью. Мы знаем то, что любим, только.

Последний вопрос ваш в нашей философской переписке был: что есть зло?* Я могу ответить на него для себя. Разъяснения на этот ответ я дам вам в другой раз и, надеюсь, на рождестве. Мы с женой мечтаем, что вы придете, пожалуйста, приезжайте. Так ответ следующий: *зло есть все то, что разумно. Убийство, грабеж, наказание, все разумно — осно-*

вано на логических выводах. Самопожертвование, любовь — бессмысленны.

Был я на днях в Москве только за тем, чтобы узнать новости о войне*. Все это очень волнует меня. Теперь вся ерунда сербского движения, ставшая историей, прошедшим, получила значение. Та сила, которая производит войну, выразилась преждевременно и указала направление.

В Оптину пустынь непременно поедемте. Любящий вас всей душой

Толстой.

Пожалуйста, если вам возможно, приезжайте на святки.

299. Я. П. Полонскому

1876 г. *Ноября 17...18. Ясная Поляна.*
Вы не поверите, любезнейший Яков Петрович, как много я благодарен таинственной даме — не за то, что она перевела мою плохую повесть, но за то, что вызвала ваше письмо*. Вы мне не только старый знакомый*, но — надеюсь, что это взаимно, — но один из родственников по сердцу людей и как человек и как поэт.

Я уверен, что если мы проживем Мафусаиловы года, то, встретившись через сотню лет, мы оба просияем от удовольствия и встретимся всегда как близкие люди. Насчет права перевода я только могу выразить свою благодарность и желания успеха переводчице и, разумеется, изъявляю полное согласие. Ко мне часто обращаются переводчики с письмами, и так как я не понимаю, зачем это им нужно, то я никогда не отвечаю.

Я в Петербурге уже не был лет 16 и надеюсь никогда не быть; но мне все кажется и ужасно этого желаю, что мы где-нибудь встретимся*.

Искренно любящий вас
Л. Толстой.

300. Н. Н. Страхову

1876 г. *Ноября 17...18. Ясная Поляна.*
Я немножко ожил, дорогой Николай Николаич, и перестаю презирать себя, и потому хочется писать вам. «Вот истинный друг», — невольно я сказал, когда увидел наш почерк на последнем письме со вложением Полонского. Я ему отвечаю*.

Очень мне неприятно было прочесть статью Авсеенко о Григорьеве*, в особенности потому, что знаю, как вам это умышленное, отчасти и настоящее непонимание, но скрытое под видом высоты презрительно-насмешливой, — как оно вам больно. Какая мерзость литература! Литература газет, журналов. Разве не то же самое теперь я, заинтересованный политическими событиями, читаю во всех газетах. То же полуумышленное, полунатуральное, скрывающее свою тупость под важностью отношений к важнейшим явлениям жизни. Ужасная мерзость литература. Кроме ее высших проявлений — настоящего ученого

труда без всякого направления, философского беспристрастия мышления, и художественного творчества, которое, льщу себя гордой надеждой, что нашло на меня эти последние дни*.

Жалко, что вы свои статьи печатаете в «Гражданине»*. Правда, что все эти газетные фирмы, с своими различными характерами, одинаково противны, но в «Гражданине» есть что-то ребяческое по глупости, но не по невинности, и вместе с тем фальшиво-восторженное, христианско-аристократическое.

Что вы скажете о рождестве? Буду ждать с волнением вашего ответа. Только вы обязаны будете становиться на стул и убирать елку и привязывать ленточки к конфетам.

Кажется, мы не минуем Голохвастовых, и жена звала их, если уже не может чаша сия идти мимо — приехать на рождество. Я не в смысле привлечения вас пишу это, но чтобы вы знали, что вас ждет. Он мил, но она несносна, и она литература* и немножко «Гражданин», только без христианства. «Все люди — воры, кто не украл, то вор отрицательный»*. Вы не поверите, как этот пример

мне многое объяснил. Бросьте литературу совсем и пишите философские книги. Кому же писать? Кто же скажет, что мы думаем?

И Авсеенки должны молчать, а если перетолкуют по-своему, то только сами осрамятся.

Надеюсь, до свиданья.

Ваш всей душой *Л. Толстой*.

301. А. А. Фету

1876 г. *Декабря 6...7? Ясная Поляна.*

Письмо ваше с стихотворением* пришло ко мне с тою же почтой, с которой привезли мне и ваше собрание сочинений*, которое я выписывал из Москвы.

Стихотворение это не только достойно вас, но оно особенно и особенно хорошо, с тем самым философски поэтическим характером, которого я ждал от вас. Прекрасно, что это говорят звезды. И особенно хороша последняя строфа.

Хорошо тоже, что заметила жена, что на том же листке, на котором написано это стихотворение, излиты чувства скорби о том, что керосин стал стоить 12 к.

Это побочный, но верный признак поэта.

С вашими стихотворениями выписал я Тютчева, Баратынского и Толстого. Сообществом с Тютчевым, я знаю, что вы довольны. Баратынский тоже не осрамит вас своей компанией; но Толстой — ужасен. Я открыл его в разных местах, и одно хуже другого. Например, картина ночи «не скрипят в сенях ступени»*. Отчего же не сказано, что не хрюкают в хлеве свиньи? И все в том же роде. А какое издание и как много. Я поскорее упаковал его и отослал назад*.

Баратынский настоящий, хотя мало красоты, изящества, но есть прекрасные вещи. Один стих:

*Любить и лелеять недуг бытия**

стоит дороже всех драм Толстого.

Я понемножку начал писать и доволен своей судьбой.

У меня, к сожалению, в Москве никого нет вам подходящего*. Дьяков теперь у нас, но будет в Москве и у вас.

Ваш *Л. Толстой*.

302. П. И. Чайковскому

1876 г. *Декабря 19...21. Ясная Поляна.*
Посылаю вам, дорогой Петр Ильич, песни*. И я их еще пересмотрел. Это удивительное сокровище — в ваших руках. Но, ради бога, обработайте их и пользуйтесь ими в моцарто-гайденовском роде, а не бетховено-шумано-берлиозо-искусственном, ищущем неожиданного, роде. Сколько я не договорил с вами!* Даже ничего не сказал из того, что хотел. И некогда было. Я наслаждался. И это мое последнее пребыванье в Москве останется для меня одним из лучших воспоминаний.

Я никогда не получал такой дорогой для меня награды за мои литературные труды, как этот чудный вечер. И какой милый Рубинштейн!* Поблагодарите его еще раз за меня. Он мне очень понравился. Да и все эти жрецы высшего в мире искусства, заседавшие за пирогом, оставили мне такое чистое и серьезное впечатление. А уж о том, что происходило для меня в круглой зале, я не могу вспомнить без содрогания. Кому из них мож-

но послать мои сочинения, то есть у кого нет и кто их будет читать?

Вещи ваши еще не смотрел*, но, когда при-мусь, буду — нужно ли вам, или не нужно — писать свои суждения и смело, потому что я полюбил ваш талант. Прощайте, дружески жму вашу руку.

Ваш *Л. Толстой*.

Про какой портрет мне говорил Рубинштейн?* Ему я рад прислать, попросив его о том же, но для консерватории это что-то не то.

1877

303. А. А. Фету

1877 г. Января 10...11. Ясная Поляна.
Дорогой Афанасий Афанасьевич!

Повинную голову ни секут, ни рубят! А я уж так чувствую свою голову повинною перед вами, как только можно. Но, право, я в Москве нахожусь в условиях невменяемости. Нервы расстроены, часы превращаются в минуты, и, как нарочно, являются те самые люди, которые мне не нужны, чтобы помешать видеть того, кого нужно*. Но, пожалуйста, не наказывайте меня за мою вину, во-первых, тем, чтобы не извинить меня перед любезным Дмитрием Петровичем*, во-вторых, тем, чтобы не писать мне; в-третьих, и главное — чтобы не исполнить ваше намерение, если оно не изменилось — побывать у нас из Москвы.

На праздниках у нас был Страхов, и вам, верно, икалось — мы часто поминали вас, и ваши слова, и мысли, и ваши стихи. Послед-

нее «В звездах» я прочел ему из вашего письма, и он пришел в такое же восхищение, как и я. В «Русском вестнике» перечли мы его с женою еще. Это одно из лучших стихотворений, которые я знаю*.

С Страховым же я всегда говорю часто про вас, потому что мы родня все трое по душе.

Что ваша служба?* Есть ли надежда на награду? Что Петр Афанасьевич?* Нет ли известий? Передайте наш поклон Марье Петровне и Оленьке и не забывайте меня и не сердитесь и любите так же, как мы вас любим.

Ваш *Л. Толстой.*

304. Н. Н. Страхову

1877 г. Января 25...26. Ясная Поляна.
Дорогой Николай Николаич, очень вам благодарен за известие о жене и за ваши заботы о ней*. Я очень доволен. Боткин не нашел в ее состоянии ничего опасного, а я, должен признаться, уже пережил в воображении такие ужасы. Она приехала веселая, оживленная и с такими хорошими вестями.

Успех последнего отрывка «Анны Карениной» тоже, признаюсь, порадовал меня*. Я никак этого не ждал и, право, удивляюсь и тому, что такое обыкновенное и ничтожное нравится, и еще больше тому, что, убедившись, что такое ничтожное нравится, я не начинаю писать сплеча, что попало, а делаю какой-то самому мне почти непонятный выбор. Это я пишу искренно, потому что вам, и тем более, что, послав на январскую книжку корректуры*, я запнулся на февральской книжке* и мысленно еще только выбираюсь из этого запнутия. Тургенева я не читал*, но истинно жалею, судя по всему, что слышу, что этот ключ чистой и прекрасной воды засорился такой

дряню. Если бы он просто вспомнил какой-нибудь свой день подробно и описал бы его, все бы пришли в восхищение.

Как ни пошло это говорить, но во всем в жизни, и в особенности в искусстве, нужно только одно отрицательное качество-не лгать.

В жизни ложь гадка, но не уничтожает жизнь, она замазывает ее гадостью, но под ней все-таки правда жизни, потому что чего-нибудь всегда кому-нибудь хочется, от чего-нибудь больно или радостно, но в искусстве ложь уничтожает всю связь между явлениями, порошком все рассыпается.

Что вы делаете? то есть пишете? Пришлите же мне свои статьи «Гражданина». Дай вам бог досуга и желанья.

Я давно не был так равнодушен к философским вопросам, как нынешний год, и льщу себя надеждой, что это хорошо для меня. Очень хочется поскорее кончить и начать новое.

Прощайте, жена вам кланяется.

Ваш *Л. Толстой.*

305. А. А. Толстой

1877 г. Февраля 5...9. Ясная Поляна.

Необходимо отвечать вам на три пункта, дорогой друг Alexandrine. Первое, благодарить вас — и верьте, что я словами не могу выразить, как я благодарен вам — за ваши заботы о Соне и переданные вами слова Боткина. Я и Боткина любил за это. Он славный должен быть человек.

Второе, сказать вам, что страх наш о Сереже прошел: он бегает и учится; только, боюсь, потерял крови больше, чем следовало, от пиявок.

Третье то, что вы меня обижаете, предполагая во мне *fausse honte** в вопросах религии. Я как-то писал Урусову* от всей души и повторю это вам: для меня вопрос религии такой же вопрос, как для утопающего вопрос о том, за что ему ухватиться, чтобы спастись от неминуемой гибели, которую он чувствует всем существом своим. И религия уже года два для меня представляется этой возможностью спасения. Поэтому *fausse honte* места быть не может. А дело в том, что как только я

ухвачусь за эту доску, я тону с нею вместе. И еще кое-как je surnage*, пока я не берусь за эту доску. Если вы спросите меня, что́ мешает мне, я не скажу вам, потому что боялся бы поколебать вашу веру. А я знаю, что это высшее благо. Я знаю, что вы улыбнетесь тому, чтобы могли мои сомнения поколебать вас; но тут дело не в том, кто лучше рассуждает, а в том, чтобы не потонуть, и потому я не стану вам говорить, а буду радоваться на вас и на всех, кто плывут в той лодочке, которая не несет меня. У меня есть приятель, ученый, Страхов, и один из лучших людей, которых я знаю. Мы с ним очень похожи друг на друга нашими религиозными взглядами; мы оба убеждены, что философия ничего не дает, что без религии жить нельзя, а верить не можем. И нынешний год летом мы собираемся с ним в Оптину пустынь. Там я монахам расскажу все причины, по которым не могу верить.

Целую вашу руку. Соня кланяется.

Ваш *Л. Толстой.*

306. А. А. Фету

1877 г. Марта 11...12. Ясная Поляна.
Дорогой Афанасий Афанасьевич!

Диктую Сереже письмо вам*, потому что голова болит. Очень радуюсь, что суждение ваше о стихах Кулябки было благоприятное и почти такое же, как и мое*. Я покажу ему ваши слова и буду поощрять его к работе. Я знаю, что для того, чтобы вышло из него что-нибудь, нужно многое такое, о чем не узнаешь не только из стихов, но и даже из самых близких сношений. Но есть хоть одна черта, указывающая на поэта, и не невозможно. И то хорошо.

Длинного письма от вас не получал*, и вы не поверите, как меня огорчает мысль, что оно пропало. Писать я начал через Сережу больше из шалости. Они, дети, пришли после ученья, и я заставил Таню под диктовку написать французское письмо Готье*, а Сережа подвернулся, я ему стал диктовать вам. Правда, что голова болит и мешает работать, что особенно досадно, потому что работа не только приходит, но пришла к концу. Остается

только эпилог. И он очень занимает меня*.

«Новь» я прочел первую часть и вторую перелистывал. Не мог прочесть от скуки. В конце он заставляет говорить Паклина, что несчастье России в особенности в том, что все здоровые люди дурны, а хорошие люди нездоровы*. В этом и мое и его собственное суждение о романе. Автор нездоров, а его сочувствия с нездоровыми людьми, и здоровым он не сочувствует, и потому, называя то, что он есть сам, и потому то, что он любит, хорошим, он говорит: «Какое несчастье, что все здоровые дурны, а хорошие нездоровы».

Одно, в чем он мастер такой, что руки отнимаются после него касаться этого предмета, — это природа. Две-три черты, и пахнет. Этих описаний наберется 1½ страницы, и только это и есть. Описания же людей, это все описания с описаний. Прочтя ваше письмо с обещанием быть у нас в мае, мы оба с женой ахнули, как еще далеко до мая. А прошло 3 дня, показались птицы и ручьи, и уже май кажется на дворе. Наш душевный поклон Марье Петровне.

Ваш *Л. Толстой.*

307. А. А. Фету

1877 г. Марта 22...23. Ясная Поляна.

Вы не поверите, как мне радостно ваше одобрение моего писанья, дорогой Афанасий Афанасьевич, и вообще ваши письма*.

Вы пишете, что в «Русском вестнике» напечатали Толстого, а ваше «Искушение» лежит у них*. Такой тупой и мертвой редакции нет другой. Они мне ужасно опротивели не за меня, а за других. Как в казаки? Каким же чином? И зачем в Белой Церкви? Меня Петр Афанасьевич ужасно интересуется*.

Голова моя лучше теперь, но насколько она лучше, настолько я больше работаю. Март, начало апреля самые мои рабочие месяцы, и я все продолжаю быть в заблуждении, что то, что я пишу, очень важно, хотя и знаю, что через месяц мне будет совестно это вспоминать.

Заметили ли вы, что теперь вдруг вышла линия, что все пишут стихи, очень плохие, но пишут все. Мне штук 5 новых поэтов представилось. Извините за бестолковость и крат-

кость письма. Хотелось только вам написать, чтоб вы помнили, что вас и любят и ждут в Ясной Поляне. Наш поклон вашим.

Л. Толстой.

308. С. А. Рачинскому

1877 г. *Апреля 5. Ясная Поляна.* 5 апреля
1877 г.

Вы не поверите, какую истинную и редкую радость мне доставило чудесное письмо ваше*, дорогой Сергей Александрович. Читая его, я переживал свои старые школьные времена, которые всегда останутся одним из самых дорогих, в особенности, чистых воспоминаний. Воображаю, каких вы наделали и наделаете чудес. Я у всех спрашиваю, для чего нужны школы. Обращаясь к вам, я могу иначе спросить: на чем основывается то наслаждение, та несомненная уверенность, что делаешь такое дело, которое не важнее всех других, но не менее важно, чем какое бы то ни было?

Я получал самые разнообразные ответы и никогда тот, который я себе давал и даю и который, мне кажется, вы дадите. Попробуйте ответить, не читая моего, не сойдемся ли мы.

Учить этих детей надо затем, чтобы дать им дощечку спасения из того океана невежества, в котором они плывут, и не спасения, — они, может быть, лучше нас приплывут, — а такое орудие, посредством которого они пристанут к нашему берегу, если хотят. Я не мог и не могу войти в школу и в сношения с мальчиками, чтобы не испытать прямо физического беспокойства, как бы не просмотреть Ломоносова, Пушкина, Глинку, Остроградского и как бы узнать, кому что нужно.

Читая ваше письмо, мне ужасно захотелось побывать у вас и в вашей школе. Я очень тяжел на подъем и очень занят бываю, но мне этого очень хочется, и я вас очень люблю. Пожалуйста, напишите мне еще и про себя*.

Любящий вас

Л. Толстой.

309. Н. Н. Страхову

1877 г. Апреля 5. Ясная Поляна.

Очень благодарен вам, дорогой Николай Николаич, за деньги и за «Индийские сказки»*. Там есть чудесные вещи. Прочли ли вы «Неверующий»*. Первый вопрос и ответ — чудо. Стихи Полонского *прелестны**. Я это совершенно искренно говорю. Вы мне писали, прислать ли мне статьи Маркова*. А я по рассеянности не отвечал, что не надо, и потому виноват, я их сжег не читая. Я боялся того расстройство, к<акое> это может произвести во мне. А я очень был занят и теперь тоже. Я все, все кончил, только нужно поправить*.

Очень мне вас хочется видеть. Обо многом хочется говорить, о чем писать не буду. Напишите же мне, что вы приступили к работе, или не приступили, но так же дорожите своими мыслями, как и прежде. Ради бога, не сочтите это за желание вам льстить. Ваша мысль о разоблачении мнимого познания, которую я знаю из вашей статьи* и ваших слов, так важна для того, кто поймет ее, — я думаю,

что я понял, — что потом нельзя ни о чем думать философски, не приняв ее в расчет. Я к весне начинаю думать, и мысль эта мне беспрестанно на пути и всегда радостна при настоящем складе моих мыслей. Я знаю, что от моих слов вы не полюбите больше свою работу, знаю, что вы ее не оставите никогда, не кончив, и уверен, что вы ее сделаете, но не могу не сказать своего мнения, что, если вам удастся сделать это с той ясностью, которая составляет вашу особенность, то вы можете умереть спокойно.

На этой вашей мысли есть главный признак всего важного — она как будто не имеет никаких замыслов, ни с кем не спорит и такая сама по себе маленькая и скромная, но для того, кто ее примет совсем, как я, она разрастется, как горчишное зерно.

Искренно любящий вас *Л. Толстой*.

310. Н. Н. Страхову

1877 г. *Апреля 21...22. Ясная Поляна.*

В первый раз нынче, после многих дней, я остался без работы: одни корректуры отосланы, другие еще не присланы, и рукописи у меня нет больше, и грустно и одиноко, но свободно, и потому пользуюсь временем написать вам, дорогой Николай Николаич.

У меня на сердце еще ваше последнее письмо* с одобрением последней части «Карениной». Боюсь и не люблю критик и еще больше похвал, но не ваших. Они приводят меня в восторг и поддерживают силы к работе. Не могу, однако, не думать, что вы говорите мне больше, чем говорите себе, зная, как это мне радостно. Приближается лето и моя надежда видеть вас. Когда будет ваш отпуск? Сколько из него вы уделите нам? Пожалуйста, как можно больше, поедем в Оптину пустынь. Вы пишете мне в последнем письме, что вы охладеваете к вашей работе*. Я не хочу верить. Вы не поверите, как мне нужны эти мысли. Я их жду, как цифры, данные, которые

необходимы, чтоб несомненно подтвердить мое уже готовое заключение. У меня был «Вестник Европы». Потехина повесть хороша; * но что за мерзость Флобера, перевод Тургенева*. Это возмутительная гадость. А все ругают V. Hugo. А он там говорит в разговоре земли с человеком.

Человек: Je suis ton roi.

Земля: Tu es ma vermine*. Ну-ка, отчего они не сказали так?

Тороплюсь в Тулу об экзамене Сережи.

311. Н. Н. Страхову

1877 г. Мая 21...22. Ясная Поляна.

Нынче получил ваше второе неотвеченное письмо* и устыдился. Я мешкал писать вам и потому, что был очень занят писаньем, и главное потому, что не хотелось ничего говорить вам, пока вы не прочтете последнюю часть. Она набрана давно и два раза уже была мною поправлена, и на днях мне ее пришлют опять для окончательного просмотра. Но я боюсь, что она все-таки не выйдет скоро. И об этом хочу с вами посоветоваться и просить вашей помощи.

Оказывается, что Катков не *разделяет моих взглядов**, что и не может быть иначе, так как я осуждаю именно таких людей, как он, и, мямля учтиво, прося смягчить то, выпустить это, ужасно мне надоел, и я уже заявил им, что если они не напечатают в таком виде, как я хочу, то вовсе не напечатаю у них, и так и сделаю; но хотя и удобнее всего было бы напечатать брошюрой и продавать отдельно, неудобство в том, что надо пропустить сквозь цензуру. Как вы посоветуете — отдельно с цензурой, или в какой-нибудь бесцензурный журнал — «Вестник Европы», «Нива», «Странник», мне все равно — только бы хотелось, чтоб напечатать как можно скорее и не разговаривать про смягчение и выпущение.

Пожалуйста, посоветуйте и помогите. Может быть, я еще улажусь с Катковым, но очень хотелось бы знать, что делать в случае несогласия*.

Тысяча ничтожных предметов разговора с вами и один столь важный, что все другие — ничтожны, но ни одного не хочется затевать — жду и надеюсь вас скоро и надолго увидеть. Вы говорите — когда? Чем скорее

приедете, тем лучше, чем дольше пробудете, тем лучше. В начале лета лучше, потому что нет охоты, и я никуда не уеду.

Несколько строк вашего последнего письма о том, что вы чувствуете себя духовно крепче, очень порадовали меня, и мне кажется, что я знаю, к чему это относится, и что мы духовно сойдемся с вами. Я про себя тоже могу сказать, что чувствую себя крепче.

Последнее письмо вы писали в очень хорошем духе, совсем не в таком, как предпоследнее. Дай бог вам успех в вашей работе; я поспорю с вами в мере участия к работе друг друга.

Кланяйтесь очень Вл. Соловьеву и передайте ему мою любовь. Статью «Нового времени» привез жене Дьяков, и она подложила мне ее в читаемую книгу. Я прочел и очень был горд и огорчен, что много лишнего, пока не узнал имя автора*. От всей души обнимаю вас, ваш

Л. Толстой.

312. В редакцию «Нового времени» <неотправленное>

1877 г. *Июня 10. Ясная Поляна.*
Милостивый государь.

В майской книжке «Русского вестника» на странице 472-й совершенно незаметно, в виде выноски, находится заметка относительно непоявления в этой книжке последних глав романа «Анна Каренина». Заметка эта так поразительна своей добросовестностью в отношении к подписчикам «Русского вестника», своей деликатностью в отношении к автору романа и мастерством изложения, что я считаю не лишним обратить на нее общее внимание.

«В предыдущей книжке под романом «Анна Каренина» выставлено: «Окончание следует». Но со смертью героини, собственно, роман кончился. По плану автора, следовал бы еще небольшой эпилог, листа в два, из коего читатели могли бы узнать, что Вронский в смущении и горе после смерти Анны отправляется добровольцем в Сербию, и что все про-

чие живы и здоровы, а Левин остается в своей деревне и сердится на славянские комитеты и на добровольцев. Автор, быть может, разовьет эти главы к особому изданию своего романа»*.

Добросовестность к подписчикам выразилась тем, что, отказавшись печатать окончание романа, редакция в заботливости своей об удовлетворении любопытства своих читателей рассказала им содержание ненапечатанной части и постаралась их уверить, что роман, собственно, кончен, что дальше нет ничего важного.

Деликатность относительно автора выразилась тем, что ему не только не дали высказать вредных мыслей, но указали, где ему следует кончить роман, и, не напечатавши конца, им написанного, искусной рукою извлекли и показали и ему и другим сущность этого конца.

Это мастерское изложение последней, ненапечатанной части «Анны Карениной» составляет пожалуй, зачем редакция «Русского вестника» в продолжение трех лет занимала так много места в своем журнале этим рома-

ном. Она могла бы с такою же грациозностью и лаконичностью рассказать и весь роман не более как в десяти строчках.

Но есть один недостаток в этой заметке. В ней пропущено, что последняя часть романа была уже набрана и готовилась к печати в майской книжке, но не напечатана только потому, что автор не согласился исключить из нее по желанию редакции некоторые места; редакция же с своей стороны не согласилась печатать без выпуска, хотя автор предлагал редакции сделать всякие оговорки, какие бы она нашла нужным.

Эти последние главы «Анны Карениной» печатаются теперь отдельным изданием.

Имею честь быть ваш покорный слуга
граф Лев Толстой.

Ясная Поляна

Июня 10-го дня.

313. Н. Н. Страхову

1877 г. *Августа 10...11. Ясная Поляна.*
Дорогой Николай Николаевич, хотел написать вам почти тотчас после вашего отъезда*, но до сих пор не успел. Ездил на охоту и к брату и завтра опять еду на охоту вдаль за волками. Желал бы, чтобы вы о нас так же часто и хорошо вспоминали, как мы и главное я.

Мне ужасно было грустно, что я в ту ночь, как вы уезжали, опять кашлял, и потому проспал. Пришел 10 минут после того, как вы уехали. У нас теперь только своя семья — один Степа;* и я хотел бы начать свое дело, но не могу от войны*. И в дурном и в хорошем расположении духа мысль о войне застигает для меня все. Не война самая, но вопрос о нашей несостоятельности, который вот-вот должен решиться, и о причинах этой несостоятельности, которые мне все становятся яснее и яснее.

Нынче Степа разговаривал с Сергеем* о войне, и Сергей сказал, 1) что на войне хорошо молодым солдатам попользоваться насчет

турчанок. И когда Степа сказал, что это нехорошо, он сказал: «Да что ж, ведь ей ничего не убудет. Черт с ней». Это говорит тот Сергей, который сочувствовал сербам и которого нам приводят в доказательство народного сочувствия. А задушевная мысль его в войне только турчанка, то есть разнузданность животных инстинктов. 2) Когда Степа рассказал, что дела идут плохо*, он сказал, что ж не возьмут Михаила Григорьевича Черняева (он знает имя-отчество) — он бы их размайорил. Турчанка и слепое доверие к имени, новому, народному. Мне кажется, что мы находимся на краю большого переворота.

Пишите мне, пожалуйста, о том, что делается и говорится в Петербурге.

Нет ли книги, в которой бы можно найти описание нынешнего царствования? Или нельзя ли где достать газеты за эти 20 лет? Дорого ли это стоит? Или нет ли журнала, в котором бы были обзоры внутренней политики? Если есть что-нибудь такое, по чем можно бы проследить внутреннюю историю действий правительства и настроений общества за эти 20 лет, то научите меня и даже при-

шлите*.

Как вы вступили в свою жизнь? Скучаете ли? Взялись ли за работу? Прощайте, пишите почаще. Все наши шлют вам свои поклоны, а я обнимаю вас от всей души.

Л. Толстой.

Сейчас получил ваше письмо* и письмо на ваше имя, которое посылаю.

Очень сочувствую тому неприятному чувству, которое вы испытали на петербургской станции*. Сколько раз испытывал подобное. Если бы научиться у отца Пимена* любви и спокойствию! А мне тоже очень нужно этого кроткого спокойствия — чтобы не судить и не злиться. А то все волнует, даже неизвестная еще мне статья «Русского вестника»*. Нынешняя почта хотя и ничего не принесла нового, однако успокоила меня. В особенности взгляд французов в «Revue des deux Mondes»*. Видно, что неудачи кончились и скрывать больше нечего. Хороша там статья о деятельности Черкасского, специалиста по части отнятия собственности мнимо законными путями*. Разве это не палачество! В старину был один Макиавель. Теперь, с легкой руки Бисмарка,

несправедливость — зло считается самым обычным политическим приемом. Как же не желать заснуть так же спокойно и сладко, как отец Пимен, при этом безумном и жестоком разговоре? Фет прислал письмо с прелестным любовным стихотворением*. Спишу и пришлю вам в следующем письме.

Ваш *Л. Толстой.*

314. Н. Н. Страхову

1877 г. *Августа 15...16. Ясная Поляна.*
Дорогой Николай Николаевич! Посылаю вам статьи Соловьева*. Я начал читать их и не мог докончить. Не знаю, кто виноват, он или я, но мне стало невыносимо скучно оттого, что стало очевидно, что занятие мое, чтение, самое из праздных праздное. Читал я тоже в июле 1-го «Revue des deux Mondes» статью о Cournot* — философе. Вам будет очень интересно, сначала, и по-моему очень хорошо, о законах разума, выводимых из наук, я от вас слышал эту мысль в первый раз и был ею поражен. О случайности идет потом запутанно. Степа обещался списать мне стихотворение Фета, и я вложу его*. Мне

очень, очень нравится.

Хотя мне и совестно говорить об этом, я все-таки не могу не написать о том, как я вам благодарен за вашу заботу об «Анне Карениной»*. Прочел я статью «Русского вестника»* и очень подосадовал на эту уверенность наглости в безнаказанности, на сознание своей ни перед чем не имеющей отступить наглости; но теперь успокоился. Нынче идет дождь, мы все дома, и хочется писать, и так радостно приближение работы!

В войне мы остановились на 3-м дне битвы на Шибке*, и я чувствую, что теперь решается или решена уже участь кампании, или первого ее периода. Господи помилуй. Обнимаю от всей души, пишите мне почаще. Я всякую минуту вспоминаю о вас.

Ваш *Л. Толстой.*

315. А. А. Фету

1877 г. *Сентября 1...2. Ясная Поляна.*
Как мало на свете настоящих умных людей, дорогой Афанасий Афанасьевич! Появился было г-н Бологов, — и как я обрадовался ему, — но и тот тотчас же обратился в вас*. Можно не узнать произведение ума, к которому равнодушен; но произведение ума любимого, выдающее себя за чужое, так же смешно и странно видеть, как если бы я приехал к вам судиться и, глядя на вас во все глаза, уверял бы, что я адвокат Петров. Не могу хвалить вашей статьи, потому что она хвалит меня; но я вполне, вполне согласен с нею; и мне очень радостно было читать анализ своих мыслей, при котором все мои мысли, взгляды, сочувствия, затаенные стремления поняты верно и поставлены все на настоящее место. Мне бы очень хотелось, чтобы она была напечатана, хотя я, обращая к вам то, что вы говаривали мне, знаю, что почти никто не поймет ее. Я с нынешней почтой пошлю ее к Страхову, которому мне очень радостно сообщить ее.

Я все это время охочусь и хлопочу об устройстве нашего педагогического персонала на зиму. Ездил в Москву в поисках за учителем и гувернанткой. Нынче же чувствую себя совсем больным и засел дома. Вы не пишете о себе, стало быть, хорошо. Когда вы в Орел?

Наш поклон Марье Петровне.

Ваш *Л. Толстой*.

316. Н. Н. Страхову

1877 г. *Сентября 22...23. Ясная Поляна.*

Не отвечал вам на два последние письма*, дорогой Николай Николаевич. Вы придумываете предлоги извиняться передо мной, а я во всяком письме не знаю, за что начать вас благодарить, и не благодарю ни за что, потому что иначе все письмо наполнилось бы одними благодарностями: и за ваш скучный, наверно, для вас труд издания, и за то необыкновенное внимание, которое вы прилагаете к нему, и за резюме суждений журналов о «Карениной»*, которых читать я бы не желал, но знать которые мне очень приятно. Вероятно, из «Русского мира» выре-

зок газеты с суждением о 8-й части мне был прислан без письма кем-то. За ваше предложение прибавить слова к поправке* я очень благодарен, но если можно, велите мне прислать, я посмотрю. Если бы вашими устами мед пить. Вы поняли из моего письма, что я за работой. Нет. Я охочусь и собираюсь, но и не сажусь за стол иначе, как только чтобы писать письма. Книгу Янсона*, пожалуйста, пришлите. Да если попадетя, книги пословиц Снегирева и Даля, и инока Парфения* не забудьте. Еще забыл вас благодарить за самое важное для меня — сообщение впечатления, произведенного на вашего приятеля Шестакова 8-ю частью*. Вы не можете себе представить (как ни хорошо вы все можете себе представить) того хорошего, радостного чувства, которое это известие произвело на меня. Был еще один такой же молодой человек, с которым я виделся. Пишите мне по-прежнему в Тулу, а то осенью я хожу на охоту и не бываю на Козловке.

Я чувствую себя нынче в скверном духе и пишу дурно и боюсь, что холодно, а мне всегда бы хотелось выразаться так, как я чув-

ствую к вам, — всегда с осторожною уважительною нежностью.

317. Н. Н. Страхову

1877 г. Октября 19. Ясная Поляна.

Очень вам благодарен, дорогой Николай Николаевич, за книги, в особенности за пословицы*. Я наслаждаюсь ими. Статьи, пожалуйста, пришлите и вашу и Данилевского*. Я в своей глуши и тишине чтец хороший. Кончайте и присылайте вашу.

На переписанную вами последнюю страницу «Анны Карениной» мне смотреть со-вестно. Разумеется, я согласен с вами и с вставкой*. Еще, если не напечатана свадьба, нельзя ли мне ее прислать, мне хочется по-править неверность, что жених приехал в церковь раньше невесты*. Сведения, сообщаемые вами о войне, очень интересны и приятны. Обручев, по всему, что я слышал про него, очень симпатичен*.

Я все ничего не делаю, кроме травли и стрельбы зайцев, и нездоровится физически и нравственно. Уныло. Но все так же, как и всегда, часто думаю о вас и люблю вас.

Ваш Л. Толстой.

318. Н. Н. Страхову

1877 г. Ноября 6. Ясная Поляна.

Только что хотел вам писать, дорогой Николай Николаевич, именно с тем, чтобы спросить у вас, что с вами делается — нет ли у вас горя, или не очень ли вы увлеклись работой, как получил ваше письмо*.

Очень грустно мне за вас; я по тону, которым вы говорили о покойном, чувствовал, что он вам очень близок и дорог. Мне кажется, что из того, что я от вас знаю о нем, я ясно понимаю его характер, и он мне очень мил. Тем более сочувствую вам и тем менее могу ободрить вас, что я сам это последнее время в самом унылом, грустном, убитом состоянии духа. Разумеется, я не знаю, отчего это происходит; если бы я знал, я бы боролся. Но два главные предлога моей грусти, это моя праздность, постыдная и совершенная, и состояние жены, болезненная беременность и предстоящие в декабре роды. Менее важный предлог, это — мучительная эта война.

Знаю, что грех мне жаловаться, но в душе

я сам себе и только вам одному жалуясь. Мучительно и унижительно жить в совершенной праздности и противно утешать себя тем, что я берегу себя и жду какого-то вдохновения. Все это пошло и ничтожно. Если бы я был один, я бы не был монахом, я бы был юродивым — то есть не дорожил бы ничем в жизни и не делал бы никому вреда.

Пожалуйста, не утешайте меня, и в особенности тем, что я писатель. Этим я уже слишком давно и лучше вас себя утешаю; но это не берет, а только внемлите моим жалобам, и это уже меня утешит.

На днях слушал я урок священника детям из «Катехизиса». Все это было так безобразно. Умные дети так очевидно не только не верят этим словам, но и не могут не презирать этих слов, что мне захотелось попробовать изложить в катехизической форме то, во что я верю, и я попытался*. И попытка эта показала мне, как это для меня трудно и, боюсь, невозможно.

И от этого мне грустно и тяжело.

Может быть, письмо мое подействует на вас по правилу *similibus curantur** и возбудит

вас к энергии. Дай бог. Но не сердитесь на меня за это.

Всей душой любящий вас *Л. Толстой*.

6 ноября.

319. Н. Н. Страхову

1877 г. *Ноября 11...12. Ясная Поляна.*

Дорогой Николай Николаич. Пожалуйста, будьте так добры, подумайте и посоветуйте, что есть о первом времени Николая Павловича и специально о войне 28, 29 года. И что есть, купите и пришлите*. Я совсем разнемогся и сижу дома и упражняюсь в игре на фортепьяно и все так же презренен и противен сам себе.

Ваш *Л. Толстой*.

320. Н. Н. Страхову

1877 г. Ноября 26...27. Ясная Поляна.

Получил ваше письмо* и все три посылки, дорогой Николай Николаевич, и больше всего был рад вашим портретами. Я так вспомнил вас хорошо и такое испытал чувство радости, что вы существуете и меня любите. Жена тоже обрадовалась вашему портрету, и мы начали хвалить вас. Показывали портрет всем детям и домочадцам, и все радостно улыбались. Портрет en face прелестен. И все это нашли.

Лучше утешить меня, как присылкой портрета и тем, что вы пишете, нельзя было.

Я чувствую, что скоро начну работать, и с большим увлечением, и забуду себя. Многие очень важные вещи стали для меня совершенно ясны, но сказать их не могу еще и ищу слов — формы. Очень благодарен за книги. Но Lascoix* необходимы следующие томы. Простите, что утруждаю вас. Нет ли каталога книг, относящихся к царствованию Николая? Delascoix говорит в предисловии, что Корф ему говорил о таком каталоге.

Как жаль Попова*. Я его немного знал. Он очень был хороший, кажется. Вы правы, надо ждать — это вроде бессонницы. Ждать, пока придет сон, и невольное бдение занимать как-нибудь. Дай бог вам плодотворного года. Мне кажется, что вы в хорошем, сильном духе.

Вы мне предлагаете философских книг. Мне нужно, но не философских, а о религии.

Желал бы я иметь Мах'а Muller'а и Burnouf'а, они у меня были, но не мои; потом желал бы знать Страуса — не «Жизнь Христа», а последнюю, где он, как помнится, предлагает новую религию*. И потом Ренана*. Дорого ли это все будет стоить? Да еще не знаете ли чего-нибудь? Есть ли в философии какое-нибудь определение религии, веры, кроме того, что это предрассудок?

И какая есть форма самого очищенного христианства? Вот в неопределенной форме те два вопроса, на которые я желал бы найти ответы в книгах.

От всей души обнимаю вас, дорогой и единственный духовный друг, Николай Николаич.

Л. Толстой.

1878

321. П. И. Бартеневу

1878 г. Января 3. Ясная Поляна.
Петр Иванович!

Очень обяжете меня, если пришлете номера «Архива»*, где записки Даля о Хивинском походе;* я у себя не найду. Если что вспомните из того, о чем мы говорили*, или вообще из времен Николая характерное, вспомните вашего искреннего приятеля *Л. Толстого*.

3 января.

322. Н. Н. Страхову

1878 г. Января 3. Ясная Поляна.
Письмо ваше, дорогой Николай Николаевич, пришло в то время, как я был в Москве, и по возвращении моем жена мне сообщила, как одну из радостных новостей, что есть длинное письмо от вас «и такое милое»*. И я благодарю вас за это. За ужасный и огромный труд (что бы вы ни говорили) корректур моего романа я не благодарю, потому что слишком не соответствуют тому, что вы для меня этим сделали, всякие слова благодарности*. Постараюсь только не забывать этого. У нас все, слава богу, хорошо. Маленького окрестили Степа с моей Таней, и на праздниках, кроме своих, никого не было. Здоровье мое, которое все было дурно, теперь как будто поправляется, и начатая работа* перебита праздниками, но не остановлена.

Вчера был у нас Фет и несколько раз принимался делать планы о том, как он увезет вас от нас и как я за вами приеду. Вы и не думаете о нас, а мы уже делим ваше время.

«Критику чистого практического разума»*

я приобрел. Нынче посылаю для получения по нем объявления от вас. Впрочем, теперь у меня книг и матерьялов по двум разнородным предметам* так много, что я в них теряюсь.

Соловьева статью в «Гражданине»* пришлите, пожалуйста. Заглавие очень для меня заманчиво. «Вера, знание и опыт». Встретился в Москве с Б. Чичериным. Он пишет сочинение о знании и вере*. У меня живет учителем математики кандидат Петербургского университета, проживший два года в Канзасе в Америке в русской колонии коммунистов*. Благодаря ему я познакомился с тремя лучшими представителями крайних социалистов* — тех самых, которые судятся теперь*. Ну и эти люди пришли к необходимости остановиться в преобразовательной деятельности и прежде поискать религиозной основы. Со всех сторон (не вспомню теперь кто) все умы обращаются на то самое, что мне не дает покоя.

С нетерпением жду вашей статьи*. Одна фраза вашего письма мне сделала больно. Вы пишете — отослал последние корректуры и

взялся за свою статью. Вы нечаянно признались, что эта пустая работа мешала вашей.

Смерть Некрасова поразила меня. Мне жалко было его не как поэта, тем менее как руководителя общественного мнения, но как характер, который и не попытаюсь выразить словами, но понимаю совершенно и даже люблю не любовью, а любованьем.

Нынче пережил тяжелую минуту — должен был отказать нашему швейцарцу — он сделался невыносим своею грубостью и дурным характером*.

Есть ли в монгольской древней религии что-нибудь настолько неразработанное, как Веды, Трипитака и Зенд-Авеста*, и дошли ли в этой религии до настоящего, то есть высокого?

Откуда вы мне приводили слова Лаотцы?*

Обнимаю вас от всей души, дорогой друг, и желаю вам в этом году того, о чем молюсь каждый день, спокойствия в труде.

Ваш *Л. Толстой*.

О 2-х экземплярах* пишу с этой почтой.

3 генварь 1878

323. А. А. Толстой

1878 г. Января 3. Ясная Поляна.
Получил от вас письмо*, дорогой друг, в то самое время, как мне уже становилось тяжело наше разъединение и я сам собирался писать вам. В этот промежуток молчания и вы и я — мы одинаково пережили тяжелое время, и для обоих оно кончилось хорошо. От души радуюсь, что тетушка Прасковья Васильевна хорошо перенесла свою болезнь. Понимаю и чувствую ваше положение во время этой болезни. Даже и в том, что вы были больны, есть сходство со мной. Я всю эту осень и вот до вчерашнего дня чувствовал себя больным и падающим телом и духом и тоже не мог бы сказать (у докторов я и не спрашиваю), что со мной было, — но я был болен. Надеюсь, что теперь это прошло. Тревоги же и страхи мои были за жену. Она была беременна, и, не говоря о ее и моем страхе, очень естественном после потери 3-х детей, она, действительно, особенно тяжело носила и последнее время не могла ходить. Кончилось же, благодарю бога, тем, что 6-го декабря

у нас родился славный мальчик, которого называли Андреем, и до сих пор и он и она так хороши, как только можно желать. И старшие дети так много мне доставляют радости, что те заботы о воспитании и страхи о дурных наклонностях и болезнях незаметны. Даже теперь сменяю гувернера, влюбившегося в англичанку и, кроме того, измучавшего нас своим несносным характером. Детей моих я желал бы вам показать, — не то чтобы они были очень хороши, а мне не стыдно было бы, и хотелось бы знать ваше мнение. Я воспользуюсь всяким случаем, который приведет меня в Петербург, и вы, надеюсь, при случае заедете к нам. Не умею сказать вам это ясно, но надеюсь, что вы, испытывая что-нибудь подобное, поймете меня с намека. Я чем дольше живу, тем меньше позволяю себе предпринимать что-нибудь и тем больше покоряюсь тем толчкам, которые руководят нами в жизни.

Соня просит передать вам, что она чувствует себя виноватой, что не написала вам, и все время хотела это сделать, но то болезнь, то ребенок.

Поздравляю вас за себя и за нее и целую

вашу руку. Буду очень счастлив, если судьба приведет меня в Петербург. Целую руку у вашей матушки и душевный привет графу Илье и Sophie, которую, к моей большой радости, моя Соня ужасно полюбила. Вот сейчас вспомнил, что ваше письмо ко мне, кроме того внутреннего, сердечного смысла, который оно имеет для меня, есть, может быть, и один из тех толчков, про которые я сейчас говорил. У меня давно бродит в голове план сочинения, местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время — Перовского*. Теперь я привез из Москвы целую кучу материалов для этого. Я сам не знаю, возможно ли описывать В. А. Перовского и, если бы и было возможно, стал ли бы я описывать его; но все, что касается его, мне ужасно интересно, и должен вам сказать, что это лицо как историческое лицо и характер мне очень симпатично. Что бы сказали вы и его родные? Не дадите ли вы и его родные мне бумаг, писем? с уверенностью, что никто, кроме меня, их читать не будет, что я их возвращу, не переписывая, и ничего из них не помещу. Но хотелось бы поглубже заглянуть ему в душу.

324. С. А. Рачинскому

1878 г. Января 27. Ясная Поляна. 27 января.

Очень благодарен вам, Сергей Александрович, что вы продолжаете периодически радовать меня вашими письмами* и сообщать мне всегда волнующие меня сведения о продолжающемся вашем увлечении вашей школой. Всегда я радуюсь за вас и немножко завидую и чувствую к вам нежность. Рад бы последовать вашему совету*, пока, правда, еще не начал нового; но есть работа, отвлекающая в другую сторону*. Впрочем, ваше напоминание подействовало на меня, а вчера пришел в голову план, очень меня обрадовавший и такой, хорошим исполнением которого вы и, главное, Терентьев и Ануфриев* остались бы довольны. Но лучше и не говорить, пока еще и не принимался.

Суждение ваше об «Анне Карениной» мне кажется неверно*. Я горжусь, напротив, архитектурой — своды сведены так, что нельзя и заметить, где замок. И об этом я более всего старался. Связь постройки сделана не на фа-

буле и не на отношениях (знакомстве) лиц, а на внутренней связи. Поверьте, что это не нежелание принять осуждение — особенно от вас, мнение которого всегда слишком снисходительно; но боюсь, что, пробежав роман, вы не заметили его внутреннего содержания. Я бы не спорил с тем, который бы сказал, que me veut cette sonate*, но если вы уже хотите говорить о недостатке связи, то я не могу не сказать — верно вы ее не там ищете, или мы иначе понимаем связь; но то, что я разумею под связью, — то самое, что для меня делало это дело значительным, — эта связь там есть — посмотрите — вы найдете. Пожалуйста, не думайте, чтобы я был щекотлив — право, не от этого пишу, а оттого, что, получив ваше письмо, все это подумалось мне и хотелось сказать вам. А первое движение est le bon*.

Может быть, это вызовет ваше письмо* еще и мы побеседуем, что для меня истинная радость.

Ваш всей душой *Л. Толстой*.

Получив ваше письмо, мне хотелось к вам ехать. Тоже было хорошее движение, но не

исполнил и скоро не исполню его, потому что всю эту зиму простужаюсь и хвораю.

325. Н. Н. Страхову

1878 г. Января 27? Ясная Поляна.

Не получая долго от вас писем*, дорогой Николай Николаевич, я все время радовался мыслью, что вы, верно, работаете (и так оно и вышло), и скучал. Так скучал даже, что писал Степе*, чтобы он зашел к вам и узнал о вас и мне написал. Буду отвечать по пунктам. Голохвастов, вероятно, в деревне, писать ему, Новый Иерусалим — город не знаю, как зовут.

Фет в новом своем именье — Московско-Курская дорога, станция Будановка. В последнем письме он прислал мне стихотворение прекрасное*.

Вот вам две пары стихов.

.....
*...Та трава, что вдали на могиле
твоей,
Здесь на сердце, чем старе она*,
тем свежей,*

.....

*У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд.*

.....

Похороны Некрасова. Ужаснее подобных зрелищ для меня ничего нет.*

Наглая жизнь у вас в вертепах, как Петербург, так разгуливается, что и на не подлежащие ей явления смерти хочет наложить свою руку. И что смешнее всего, хочет отнестись к тайне смерти со всем свойственным ей умением приличия, — торжественно по чину; и тут-то вся ничтожность, мерзость ее тычет в глаза тем, у кого есть глаза. Как будто не только Некрасов [ская] слава, но слава всех великих людей, собранная на одну голову, могла бы быть прилично упомянута над трупом.

О Некрасове я недавно думал. По-моему, его место в литературе будет место Крылова. [...]

Об искании веры. Вы пишете, что «всякие сделки с мыслью вам противны». Мне тоже.

Еще пишете, что для «верующих всякая бессмыслица хороша, лишь бы *пахло благочестием* (я бы заменил: лишь бы проникнуто было верою, надеждою и любовью)[1]. Они в бессмыслицах, как рыба в воде, и им противно ясное и определенное». И я тоже. Я об этом начал писать и написал довольно много*, но теперь оставил, увлекшись другими занятиями*. Но, рассчитывая на вашу способность (*необычайную*) понимать других, попытаюсь в этом же письме сказать, почему я думаю, что то, что вам кажется странным, вовсе не странно.

Разум мне ничего не говорит и не может сказать на три вопроса, которые легко выразить одним: что я такое? Ответы на эти вопросы дает мне в глубине сознания какое-то чувство. Те ответы, которые мне дает это чувство, смутны, неясны, невыразимы словами (орудием мысли).

Но я не один искал и ищу ответов на эти вопросы. Все жившее человечество в каждой душе мучимо было теми же вопросами и получало те же смутные ответы в своей душе. Миллиарды смутных ответов однозначных

дали определенность ответам. Ответы эти — религия. На взгляд разума ответы бессмысленны. Бессмысленны даже по тому одному, что они выражены словом. Но они все-таки одни отвечают на вопросы сердца. Как выражение, как форма они бессмысленны, но как содержание они одни истинны. Смотрю всеми глазами на форму — содержание ускользает; смотрю всеми глазами на содержание — мне дела нет до формы. Я ищу ответа на вопросы, по существу своему высшие разума, и требую, чтобы они выражены были словами, орудием разума, и потом удивляюсь, что форма ответов не удовлетворяет разуму. Но вы скажете: поэтому и ответов не может быть. Нет, вы не скажете этого, потому что вы знаете, что ответы есть, что этими ответами только живут, жили все люди и вы сами живете. Сказать, что этих ответов не может быть, все равно, что сказать, ехавши по льду, что реки не могут замерзнуть, потому что от холода тела сжимаются, а не расширяются. Сказать, что эти ответы бессмысленны, то же, что сказать, что я чего-то в них не умею понимать. И не умеете вы понимать, как мне кажется, вот

что: ответы спрашиваются не на вопросы разума, а на вопросы другие. Я называю их вопросами сердца. На эти вопросы с тех пор, как существует род человеческий, отвечают люди не словом, орудием разума, частью проявления жизни, а всею жизнью, действиями, из которых слово есть одна только часть. Все те верования, которые и имею, и вы, и весь народ, основаны не на словах и рассуждениях, а на ряде действий, жизней людей, непосредственно (как зевота) влиявших одна на другую, начиная с жизнью Авраамов, Моисеев, Христов, святых отцов, но внешними даже действиями: коленопреклонениями, постом, соблюдениями дней и т. п. Во всей массе бесчисленной действий этих людей почему-то известные действия выделялись и составляли одно целое предание, служащее единственным ответом на вопросы сердца. И потому для меня в этом предании не только нет ничего бессмысленного, но я даже и не понимаю, как к этим явлениям прилагать проверку смысленного и бессмысленного. Одна проверка, которой я подвергаю и всегда буду подвергать эти предания, это то, согласны ли да-

ваемые ответы с смутным одиночным ответом, начертанным у меня в глубине сознания (о котором я говорил прежде). И потому, когда мне это преданье говорит, что я должен хоть раз в год пить вино, которое называется кровью бога, я, понимая по-своему или вовсе не понимая этого акта, исполняю его. В нем нет ничего такого, что бы противоречило смутному сознанию. Также я в известные дни ем капусту, а в другие мясо, но когда мне предание (изуродованное борьбой разумной с различными толкователями) говорит: будемте все молиться, чтобы побить побольше турок, или даже говорит, что тот, кто не верит, что это настоящая кровь и т. п., тогда, справляясь не с разумом, но с хотя и смутным, но несомненным голосом сердца, — я говорю: это предание ложное. Так что я вполне плаваю, как рыба в воде, в бессмыслицах и только не покоряюсь тогда, когда предание мне передает осмысленные им действия, не совпадающие с той основной бессмыслицей смутного сознания, лежащего в моем сердце. Если вы поймете, несмотря на неточность моих выражений, мою мысль, напишите мне, пожалуйста, со-

гласны ли вы с ней или нет, и тогда почему. Совестно мне это говорить, но говорю, что чувствую: я так убежден в том, что я говорю, и убеждение это так для меня отрадно, что я не для себя желаю вашего суждения, но для вас. Мне бы хотелось, чтобы вы испытывали то же спокойствие и ту же свободу душевную, которую испытываю я. Знаю, что пути постигновения даже формальных, математических истин для каждого ума — свои, тем более они должны быть свои особенные для постигновения метафизических истин, но мне так ясно (как фокус, который вам показан), что не могу понять, в чем для других может еще быть непонятен этот фокус. Знаю тоже, что если мне в Москву надо ехать на север и сесть на машину в Туле, то это никак не может служить общим правилом для всех людей, находящихся на разных концах света и желающих приехать в Москву, — тем более для вас, потому что знаю, что у вас с собой много поклажи (ваше знание и прошедшие труды), а я налегке; но я могу вас уверить, что я в Москве, больше никуда не могу желать ехать, и что в Москве очень хорошо. Я вам написал,

как я приехал, и, не зная хорошенько, где вы находитесь, прошу вас проверить мой маршрут — не годится ли он вам? Пожалуйста, когда вам будет время, напишите мне, в чем окажется разница предлагаемого маршрута и где он на ваш взгляд неверен. Да, пожалуйста, поглубже пишите мне и критикуйте меня, чтобы короче и можно бы больше сказать.

У меня явилась дерзкая мысль. Что, если бы вам было свободно, и расход поездки для вас незначителен, и вы любите нас по-старому, что, если бы вы приехали к нам на блины на несколько деньков?*

Простите, если это приглашение слишком смело. Я пускаю его, надеясь, что вы не рассердитесь, а если из 100 есть 1 шанс, что возможно, то отчего не рискнуть тем, что было бы такою радостью. О религии мы бы не говорили. Может быть, я буду в Петербурге. Но в Петербурге я вас не увижу.

Ваш *Л. Толстой*.

Я всю эту зиму хвораю и не выхожу из дома. А раза два лежал в постели по нескольку дней.

326. А. А. Толстой

1878 г. Января 27? Ясная Поляна.
Ваше сомнение, дорогой друг, насчет моего наканунешного выздоровления было, к сожалению, слишком справедливо: я продолжаю хворать и недавно — дня четыре — встал с постели; и от этого только так долго не отвечал вам* и вашему брату*. Очень, очень вам благодарен за ваше обещанье дать мне сведения о Перовском. Ваше обещанье было бы для меня большой заманкой для петербургской поездки, если бы, кроме этого, у меня не было сильнейшего желанья побывать в Петербурге. Желанье это уже дошло до *maximum*; теперь нужен толчок... А толчка этого нет, даже скорее толчки обратные, в виде моего нездоровья... Буду ждать. Перовского личность вы совершенно верно определяете — *à grands traits**, таким и я представляю себе; и такая фигура — одна наполняющая картину — биография его — была бы груба, но с другими, противоположными ему, тонкими, мелкой работы, нежными характерами, как Жуковский* даже, которого вы, кажется, хоро-

шо знали, с другими и, главное, с декабристами, эта крупная фигура, составляющая тень (оттенок) к Николаю Павловичу* — самой крупной и à grands traits фигуре, выражает вполне то время. Я теперь весь погружен в чтение из времен 20-х годов и не могу вам выразить то наслаждение, которое я испытываю, воображая себе это время. Странно и приятно думать, что то время, которое я помню, 30-е года — уж история. Так и видишь, что колебание фигур на этой картине прекращается и все устанавливается в торжественном покое истины и красоты... Я испытываю чувство повара (плохого), который пришел на богатый рынок и, оглядывая все эти к его услугам предлагаемые овощи, мясо, рыбы, мечтает о том, какой бы он сделал обед!.. Так и я мечтаю, хотя и знаю, как часто приходилось мечтать прекрасно, а потом портить обеды или ничего не делать. Уж как пережаришь рябчиков, потом ничем не поправишь. И готовить трудно, и страшно... А обмывать провизию, раскладывать — ужасно весело!

Молюсь богу, чтобы он мне позволил сделать хоть приблизительно то, что я хочу. Де-

ло это для меня так важно, что как вы ни способны понимать все, вы не можете представить, до какой степени это важно. Так важно, как важна для вас ваша вера. И еще важнее, мне бы хотелось сказать. Но важнее ничего не может быть. И оно то самое и есть.

Целую руки у вашей матушки и дружески жму вашу руку.

Ваш *Л. Толстой.*

327. А. А. Фету

1878 г. Января 27. Ясная Поляна.

К моему великому несчастью, предположения ваши неверны, дорогой Афанасий Афанасьевич, я не только не за работой, но вам не отвечал потому, что все это время был нездоров. Последнее время я даже лежал несколько дней. Простуда в разных видах — зубы, бок, но результат тот, что время проходит, мое лучшее время, и я не работаю. Спасибо вам, что не наказываете меня за молчание; а еще награждаете, дав нам первым прочесть ваше стихотворение*. Оно прекрасно! На нем есть тот особенный характер, который есть в ваших последних — столь ред-

ких стихотворениях. Очень они компактны, и сиянье от них очень далекое. Видно, на них тратится ужасно много поэтического запаса. Долго накапливается, пока кристаллизуется. «Звезды», это и еще одно из последних* — одного сорта. В подробностях же вот что. Прочтя его, я сказал жене: «Стихотворение Фета прелестное, но одно слово нехорошо». Она кормила и суетилась, но за чаем, успокоившись, взяла читать и тотчас же указала на то слово, которое я считал нехорошим: «как боги»*. Страхов мне пишет, спрашивая о вас. Я дал ему ваш адрес.

Наш душевный поклон Марье Петровне. Дай вам бог устроить получше и подольше не устроить, а то скучно будет*.

До следующего письма, нынче некогда.

Ваш *Л. Толстой*.

Главное, быть здоровым и меня любить по-старому.

328. С. А. Толстой

1878 г. Февраля 9. Москва.

Меня всю дорогу мучала мысль, что я плохо с тобой простился и не просил тебя написать мне.

Только бы ты была здорова. Смотри будь здорова и не волнуйся. Я доехал хорошо, с стариком Левашевым говорил всю дорогу. Вечер провел в гнезде* с Костенькой* и Истоминым, с которым говорил о деле, то есть о книгах. Он мне пропасть дал*. Нынче был у двух декабристов*, обедал в клубе, а вечер был у Бибикова, где Софья Никитична мне пропасть рассказывала и показывала*.

Теперь провел конец вечера у Дьяковых с Машенькой, Лизанькой* и Колокольцевой и от них пишу. Завтра поеду к Свистунову, декабристу, и обедаю у Истомина, и с Владимиром* проведу вечер.

Целую тебя и детей. Ужасно время скоро идет, — ничего не успеваешь и устаешь ужасно.

Утром был на панихиде у старика Перфильева*.

Толстой.

329. С. А. Толстой

1878 г. *Марта 4. Тула.*
Поезд опоздал на три часа (потом оказалось, что на пять), так что я потерял целый день. Возвращаться не стоило того. Был у Пуцвиной. Много интересного от дочери Рылеева*. Напишу из Москвы. Поезд пришел в 4, 15 м.

Л. Т.

330. С. А. Толстой

1878 г. *Марта 5. Москва.*
Пишу с петербургской железной дороги*. Устал очень, но, слава богу, все благополучно и здоров. Устал я оттого, что встал рано, пошел к обедне, не мог отделаться от Васеньки*, все с ним спорил. Потом поехал к Свистунову, у которого умерла дочь, и просидел у него 4 часа, слушая прелестные рассказы его и другого декабриста Беляева*. Зашел к Беляеву, потом к Бартеневу, у которого обедал, и должен был торопиться на поезд. Це-

люю тебя, душенька, и детей; будь спокойна и не волнуйся. Андрюшу особенно целую.

331. Ан. Н. Островскому

1878 г. *Марта 14. Ясная Поляна.*
Милостивый государь Андрей Николаевич!

П. И. Бартенев говорил мне, что вы были так добры предложить ему для меня дневник девушки 20-х годов, который находится у вас*. Очень вам благодарен за то хорошее мнение, которое вы имеете обо мне, делая такое для меня более чем приятное предложение; и очень прошу вас прислать мне эти бумаги.

По дружеским отношениям моим с высокоуважаемым вашим братом* я считаю себя не совсем чужим вам и потому прошу принять искреннее [уверение] в моем уважении и благодарность за ваше одолжение.

Гр. Л. Толстой.

14 марта.

332. П. Н. Свистунову

1878 г. Марта 14. Ясная Поляна.
Многоуважаемый Петр Николаевич!

Когда вы говорите со мной, вам кажется, вероятно, что все, что вы говорите, очень просто и обыкновенно, а для меня каждое ваше слово, взгляд, мысль кажутся чрезвычайно важны и необыкновенны; и не потому, чтобы я особенно дорожил теми фактическими сведениями, которые вы сообщаете; а потому, что ваша беседа переносит меня на такую высоту чувства, которая очень редко встречается в жизни и всегда глубоко трогает меня. Я пишу эти несколько слов только, чтобы сказать вам это и попросить о двух вещах: 1) передать А. П. Беляеву вложенное письмо* (я не знаю его адреса) и 2) пользуясь вашим позволением делать вопросы, спросить, нет ли у вас того религиозного сочинения или записки Бобрищева-Пушкина, которое он написал в Чите, и ответа Барятинского*. Если нет, то не можете ли вы вспомнить и рассказать, в чем состояло и то и другое.

Я был в Петропавловской крепости*, и там мне рассказывали, что *один* из преступников бросился в Неву и потом ел стекло. Не могу выразить того странного и сильного чувства, которое я испытал, зная, что это были вы. Подобное же чувство я испытал там же, когда мне принесли кандалы ручные и ножные 25-го года.

Истинно и глубоко уважающий вас *гр. Л. Толстой*.

14 марта.

Адрес: Л. Н. Толстому, Тула.

Еще вопрос: что за лицо был комендант Сукин*.

333. А. А. Толстой

1878 г. Марта 14? Ясная Поляна.

Прочел письма к вам и посылаю их*, понимая, как вы ими должны дорожить. Я нашел в них больше того, что я искал. Многие, особенно из Крыма, прелестны и чрезвычайно трогательны.

Дома нашел все благополучно и привез самое приятное воспоминание о проведенных с вами днях — теплое, твердое и спокойное. Желая, чтобы и я вам оставил такое же впечатление.

То, о чем я просил вас узнать, разведать, еще больше, чем прежде, представляется мне необходимым теперь, когда я весь погрузился в тот мир, в котором я живу. Надобно, чтоб не было виноватых*.

Искренно любящий вас друг Л. Толстой.

334. Н. Н. Страхову

1878 г. Марта 16. Ясная Поляна.

Очень благодарен вам, дорогой Николай Николаевич, за присылку тетради Семевского*. Я ее прочел и отослал и прошу другую — именно записки Бестужева*.

Еще просьба: путешествие ипока Парфения* и попа-раскольника Авакума* и раскольничьего что есть, но не обработанного, а сырого матерьяла. Если что есть, или вы узнаете, пришлите мне, пожалуйста. Стасова, как члена Комитета* и т. д. Николая I, я очень прошу, не может ли он найти, указать — как решено было дело повешения 5-х, кто настаивал, были ли колебания и переговоры Николая с его приближенными?*

Кюхельбекер трогателен, как и все люди его типа — не поэты, но убежденные, что они поэты, и страстно преданные этому мнимому призванию. Кроме того, 15 лет заточения*.

Я отсюда слежу мысленно за вашей работой и боюсь, чтобы Степа* не мешал вам, и боюсь уговаривать вас побывать у графини Толстой только поэтому. Хочется же мне, чтобы

вы познакомились с ней, чтобы узнать взаимное впечатление мне близких людей.

Как мне ни досаден Соловьев, я не желаю, чтобы вы писали о нем. Решительно не стоит того*. Ваше суждение, что он выводит à priori то, что узнал à posteriori, совершенно верно. Я тоже наводил справки о Софии*. Она изображалась в древней русской иконописи женщиной, воздевающей руки к небу, *молящейся*.

Ваш всей душой *Л. Толстой*.

16 марта.

335. А. А. Фету

1878 г. Марта 24...25. Ясная Поляна.

Не сердитесь на меня, дорогой Афанасий Афанасьевич, за то, что давно не писал. Виноват. А вы, добрый человек, не покидаете меня, зная, что мне нужно знать, что вы существуете в Будановке. Я на прошлой неделе был, после 17 лет, в Петербурге для покупки у генерала Бистрома самарской земли.

Им там весело и все очень просто, так за что же нам сердиться? Что они выпивают кровь из России и это так надобно, а то бы мы с жиру бесились, а у них все это джержерует-

ся* очень легко. Так что и за это нам обижаться не следует, но за то, что они глупы — это бы еще ничего — но, несмотря на чистоту одежды, низменны до скотообразности, это мне было ужасно тяжело в мое пребывание там.

Это оттуда Фета *просят* написать стихи на смерть *двигателя**. Ваш генерал хорош*, но я там видел пару генералов — орловских, так жутко делается, точно между двух путей стоишь, и товарные поезда проходят. И чтобы перенестись в душу этих генералов, я должен вспоминать редкие в моей жизни пьянства, или [время] самого первого детства. Летом — весною, надеюсь, увидимся и в Ясной, надеюсь, и в Будановке, а пока обнимаю вас.

Ваш *Л. Толстой*.

336. В. В. Стасову

1878 г. *Апреля 6. Ясная Поляна.*
Очень вам благодарен, Владимир Васильевич, и за письмо Фотия*, и за фельетон*, и за ваше письмо. Фельетон ваш хоть немного поправил то дело, что я не успел быть на выставке, — дал мне понятие о ней, но тем более жалко, что не видал картин Мясоедова и Савицкого*. Содержание этих картин для меня интересно; но обоих художников этих я помню по их произведениям, и у обоих, мне кажется, один недостаток холодности, ничего им особенно не хочется сказать. Ваше суждение о Репине* я вполне разделяю; но он, кажется, не выбрался еще на дорогу, а жару в нем больше всех.

Обо мне, что вы пишете, по правде сказать, мне было неприятно*. Оставьте меня в покое. Я не люблю, когда говорят обо мне, не потому, что я не тщеславен, а потому, что я знаю за собой эту слабость и стараюсь от нее исправиться.

Копия с записки Николая, о которой вы пишете*, была бы для меня драгоценностью, и

не могу вам выразить мою благодарность за это.

Моя поездка в Петербург оставила мне больше сожалений, чем хороших впечатлений, — и то, что я не видал Крамского, Григоровича, и то, что с вами не успел поговорить о многих и многих вещах, между прочим о музыке, о которой я уже давно мечтаю расспросить именно вас.

Еще просьба к вам: как адрес Тургенева? Пожалуйста, напишите мне.

Ваш *Л. Толстой*.

6 апреля 78.

337. Н. Н. Страхову

1878 г. *Апреля 6? Ясная Поляна.*
Я очень бы горд был тем, что вы передо мной конфузитесь за то, что мало работаете*, если бы я сам работал, но празднее меня невозможно проводить время. Я читаю, и то немного — глаза начинают болеть, и ничего не пишу.

Отчего *напрягаться?** Отчего вы сказали такое слово? Я очень хорошо знаю это чувство — даже теперь последнее время его испытываю: все как будто готово для того, чтобы писать — исполнять свою земную обязанность, а недостает толчка веры в себя, в важность дела, недостает энергии заблуждения, земной стихийной энергии, которую выдумать нельзя. И нельзя начинать. Если станешь *напрягаться*, то будешь не естествен, не правдив, а этого нам с вами нельзя.

Однако по правде вам сказать — вы правы, говоря, что вам следует молчать, потому что вы не видите настоящей дороги*. Но я удивляюсь, как вы ее не видите. Когда я думаю о вас, взвешиваю вас по вашим писаньям и разго-

ворам, я по известному мне вашему направлению и скорости и силе всегда предполагаю, что вы уже очень далеко ушли туда, куда вы идете; но почти всегда при свиданиях с вами и по письмам (некоторым), к удивлению, нахожу вас на том же месте. Тут есть какая-нибудь ошибка. И я жду и надеюсь, что вы исправите ее, и я потеряю вас из вида — так далеко вы уйдете. С другой стороны то же самое: в молодости мы видим людей, притворяющихся, что они *знают*. И мы начинаем притворяться, что мы знаем, и как будто находимся в согласии с людьми и не замечаем того большего и большего несогласия с самими собою, которое при этом испытываем. Приходит время (и оно для вас уже пришло с тех пор, как я вас зазнал), что дороже всего согласие с самим собою. Ежели вы установите, откинув смело все людское притворство знания, из которого злейшее — наука, это согласие с самим собой, вы будете знать дорогу. И я удивляюсь, что вы можете не знать ее.

Засуличевское дело не шутка*. Это бессмыслица, дурь, нашедшая на людей неда-

ром. Это первые члены из ряда, еще нам непонятного; но это дело важное. Славянская дурь была предвестница войны, это похоже на предвозвестие революции.

Когда начинаются ваши вакации? Мы поедем в Самару поздно, в июне 15-го, и вернемся к 1-му августа. Не приедете ли к нам до и после Самары?*

Ваш *Л. Толстой*.

338. А. А. Толстой

1878 г. *Апреля 6. Ясная Поляна.* 6 апреля. Какое славное письмо вы мне написали, дорогой друг Alexandrine, такое веселое, шипучее*. Мне не нужно спрашивать про вас: вы, верно, здоровы и горя у вас нет. Пожалуйста, под предлогом того, что я очень занят, не лишайте меня большого удовольствия получать ваши письма; во-первых, я ничем не занят, а во-вторых, такое осторожное обращение со мной меня ужасает обязанностями, которые это на меня накладывает и главное — глазит*. Я и вообще думаю, что из моих начинаний ничего не выйдет. Мне

недостает той энергии заблуждения, которая нужна для всякого земного дела, или толчка свыше. У брата Сергея был старик лакей, которому он предложил летом пойти купаться в его купальню. «Нет, сударь, благодарю покорно, я уж откупался». Так и я, мне кажется, уж отписался.

Я в унылом духе, и на это несколько причин: первое и главное — Соня и ребенок нездоровы и вот уже 2-ю неделю все хуже и хуже. Ребенок тает, она мучается, ребенку еще хуже. Нынче берем женщину с ребенком, чтобы испытать другое молоко; и если не поправятся, она поедет в Москву.

Другое вот что: у нас в Туле губернатор Ушаков, легкомысленный, но очень добрый человек, и у него жена, мать 4-х детей, прекрасная женщина, державшая мужа и всю семью. Я их знал немного и очень ценил ее. Третьего дня я был с детьми в Туле делать портреты и платья. Уезжая, я узнал, что лошадь разбила Ушакову и она очень ушиблась. Дома во время обеда мы узнали, что Ушакова убита насмерть. Нынче ее хоронят. Как ни давно известно это, то есть то, что мы под бо-

гом ходим, это всегда ново и удивительно.

Третье, это ваши петербургские дела. Вы пишете, что *la politique est noire, comme l'encre de l'excellent Akssakoff**, а по-моему, *elle est rouge, comme le sang du vilain Trepoff**. Мне издалека и стоящему вне борьбы ясно, что озлобление друг на друга двух крайних партий дошло до зверства. Для Майделя* и др. все эти Боголюбовы* и Засуличы такая дрянь, что он не видит в них людей и не может жалеть их; для Засулич же Трепов и др. — злые животные, которых можно и должно убивать, как собак. И это уже не возмущение, а это борьба. Все те, которые оправдали убийцу и сочувствовали оправданию*, очень хорошо знают, что для их собственной безопасности нельзя и не надо оправдывать убийство, но для них вопрос был не в том, кто прав, а кто победит. Все это, мне кажется, предвещает много несчастий и много греха. А в том и другом лагере люди, и люди хорошие. Неужели не может быть таких условий, в которых бы они перестали бы быть зверями и стали бы опять людьми. Дай бог, чтобы я ошибался, но мне кажется, что все вопросы восточные и

все славяне и Константинополи* пустяки в сравнении с этим. И с тех пор как я прочел про этот суд и про всю эту кутерьму, она не выходит у меня из головы. Кончаю просьбой. Вы говорили, что у вас дело гувернанток; нам нужно хорошо образованную, разумеется, знающую по-французски, англичанку. Жалованья до 1000 рублей. Кроме главных нравственных качеств, желательно как можно меньше прихотливости насчет вещественного комфорта, так как мы им не богаты. Целую вашу руку. Поцелуйте за меня руку тетушки и поклон вашим.

339. И. С. Тургеневу

1878 г. *Апреля 6. Ясная Поляна.*
Иван Сергеевич!

В последнее время, вспоминая о моих с вами отношениях, я, к удивлению своему и радости, почувствовал, что я к вам никакой вражды не имею. Дай бог, чтобы в вас было то же самое. По правде сказать, зная, как вы добры, я почти уверен, что ваше враждебное чувство ко мне прошло еще прежде моего.

Если так, то, пожалуйста, подадимте друг другу руку, и, пожалуйста, совсем до конца простите мне все, чем я был виноват перед вами.

Мне так естественно помнить о вас только одно хорошее, потому что этого хорошего было так много в отношении меня. Я помню, что вам я обязан своей литературной известностью, и помню, как вы любили и мое писанье и меня. Может быть, и вы найдете такие же воспоминания обо мне, потому что было время, когда я искренно любил вас.

Искренно, если вы можете простить меня, предлагаю вам всю ту дружбу, на которую я

способен. В наши года есть одно только благо — любовные отношения с людьми. И я буду очень рад, если между нами они установятся*.

Гр. Л. Толстой.

Адрес: Тула. 6 апреля 78.

340. А. А. Фету

1878 г. *Апреля 6. Ясная Поляна.*

Получил ваше славное длинное письмо*, дорогой Афанасий Афанасьевич. Не хвалите меня. Право, вы видите во мне слишком много хорошего, а в других слишком много дурного. Хорошо во мне одно, что я вас понимаю и потому люблю. Но хотя и люблю вас таким, какой вы есть, всегда сержусь на вас за то, что Марфа печется о мнозем, тогда как единое есть на потребу. И у вас это единое очень сильно, но как-то вы им брезгаете — а все больше биллиард устанавливаете. Не думайте, чтобы я разумел стихи. Хотя я их и жду, но не о них речь, они придут и под биллиардом, а о таком мирозерцании, при котором бы не надо было сердиться на глупость людскую. Кабы нас с вами истолочь в одной ступе и слепить потом пару людей, была бы

славная пара. А то у вас так много привязанности к житейскому, что если как-нибудь обрвется это житейское, вам будет плохо, а у меня такое к нему равнодушие, что нет интереса к жизни; и я тяжел для других одним вечным переливанием из пустого в порожнее. Не думайте, что я рехнулся. А так, не в духе и надеюсь, что вы меня и черненьким полюбите. Непременно приеду к вам.

Планы ваши насчет Петра Афанасьевича, как ни хороши, ему не понравятся*.

Наш поклон Марье Петровне.

Ваш *Л. Толстой*.

6 апреля 78.

341. П. И. Бартеневу

1878 г. *Апреля 30...мая 2?* Москва.
Любезнейший Петр Иванович.

Как зовут и как адрес детей и наследников И. С. кн. Одоевского? Я буду дома до 2-х часов, но ответ напишите мне, пожалуйста.

Ваш *Л. Толстой.*

342. П. Н. Свистунову

1878 г. *Мая 5...6?* Ясная Поляна.
Многоуважаемый Петр Николаевич!

Посылаю обратно письма Фон-Визина и замечания его жены*. И то, и другое очень мне было интересно. Письма надо бы было переписать. Они сотрутся скоро.

Pascal'a я не посылаю, потому что у меня не Fauger'a издание, а еще более новое Louandre, сделанное по Fauger'у*. Кроме того, я взялся сличать оба издания, и оно мне нужно. Если вам угодно, я пришлю.

Насчет исповеди, о которой вы мне говорили, я повторяю мою просьбу — дать мне ее*.

Простите меня за самонадеянность, но я убежден, что эту рукопись надо беречь только для того, чтобы я мог прочесть ее, в противном же случае ее надо непременно сжечь. Тысячу раз благодарю вас за вашу ласку ко мне и снисходительность; вы не поверите, какое всегда сильное и хорошее впечатление оставляет во мне каждое свидание с вами.

От всей души желаю вам здоровья и душевного спокойствия и прошу верить глубокому уважению и преданности
вашего *гр. Л. Толстого*.

Р. С. Тетрадь замечаний Фон-Визиной я вчера прочитал невнимательно и хотел уже было ее отослать, полагая, что я все понял, но, начав нынче опять читать ее, я был поражен высотой и глубиной этой души. Теперь она уже не интересуется меня, как только характеристика известной очень высоко нравственной личности, но как прелестное выражение духовной жизни замечательной русской женщины, и я хочу еще внимательнее и несколько раз прочитать ее. Пожалуйста, сообщите мне, как долго могу я продержатъ эту рукопись, или могу ли переписать ее?*

Л. Толстой.

343. П. Н. Свистунову

1878 г. *Мая 19. Ясная Поляна.*
Многоуважаемый Петр Николаевич.

Посылаю вам тетрадь Фонвизиной и рукопись перевода Паскаля. Просмотрев внимательно перевод, я убедился, что его не следует печатать. Во-первых, издание старое много отстывает от нового, и дополнение неудобно; во-вторых, перевод не вполне хорош, и, в-третьих, очень многого недостает: едва ли не самые замечательные статьи пропущены. Восстановить все это по переводу Бобрищева-Пушкина составит гораздо больший труд, чем новый перевод.

Пожалуйста, извините меня, если я утрудил вас чем-нибудь, затеяв это дело, и поверьте, что если отказываюсь от него, то с большим сожалением. Я же был очень рад случаю перечесть еще раз Паскаля. Я не знаю ничего, равного ему в этом роде. Издание Louandre я пришлю вам на днях и, так же как и эту посылку, с доставкой на дом. Я теперь не посы-

лаю его потому, что мой сын, 15-летний мальчик*, впился в эту книгу, и я не хочу отнять у него, так как это увлечение его для меня в высшей степени радостно.

Желая вам здоровья и спокойствия душевного, и, как всегда, когда я о вас думаю, благодаря вас за ваше доброе расположение ко мне, остаюсь глубоко уважающий вас

гр. Л. Толстой.

19 мая.

344. Б. Н. Чичерину

1878 *г. Мая 29? Ясная Поляна.*

Очень рад был получить от тебя весточку, любезный друг Борис Николаич, и такого для меня важного содержания. С большим нетерпением жду выхода твоей книги*. Вопросы, тебя занимающие, для меня самые важные в жизни, и для меня драгоценно узнать отношение к ним искреннего и серьезного человека, как ты.

Очень жалею, что ты не удосужился побывать у меня нынешнюю зиму; буду ждать на будущую. О книге же твоей, если ты желаешь знать мое мнение, то я напишу, потому что

знаю вперед, что она произведет на меня сильное впечатление.

Искренно любящий тебя *Л. Толстой*.

345. В. В. Стасову

1878 г. *Июня 8...9. Ясная Поляна.*

Не знаю, как благодарить вас, Владимир Васильевич, за сообщенный мне документ*. Для меня это ключ, отперший не столько историческую, сколько психологическую дверь. Это ответ на главный вопрос, мучивший меня. Считаю себя вечным должником вашим за эту услугу. За *discretion** свою могу ручаться. Я не показал даже жене и сейчас переписал документ, а писанный вашей рукой разорвал.

Но до сих пор я благодарил вас только эгоистически за ту пользу, которую мне принес сообщенный документ, но верьте, что я независимо от своей выгоды очень благодарен вам за ваше участие и доброе расположение ко мне и к моему мечтательному труду*.

По переданному мне Степой (Берс) я понял, что вы недовольны мною за мое равнодушие к переписке Ивашева*. Недостаточное чув-

ство интереса к ивашевской переписке происходит во мне оттого, что из всей истории декабристов Ивашев сделался модною историей: и Дюма писал*, и все дамы рассказывают, и один господин прислал мне повесть, составленную из подлинной переписки Ивашева и Le Dantu*, и в бумагах, которые я имею из Казани, опять речь об этом. Я мало интересуюсь, не потому, что это сделалось пошло, и пошлое бывает значительно, но потому, что тут много фальшивого и искусственного; и к несчастью, только поэтому это сделалось так пошло. Дороже же мне всего то, что есть такой человек, как вы, который хочет и может помочь мне, и что я, уверенный в сочувствии, могу всегда обратиться к вам. Могу я? От всей души благодарю вас и дружески жму вам руку.

Ваш *Л. Толстой.*

Все то, о чем вы писали мне и передавали мне, разумеется, мне нужно*, и я очень благодарен вам, но теперь до августа я ни за что новое взяться не могу.

Вот еще просьба. Меня интересовало и интересует особенно, кто особенно настаивал на

смертной казни? Свистунов, декабрист, сказал мне, что особенно настаивал Карамзин и доказывал необходимость. Правда ли это? Есть ли какие указания? Где?*

346. А. А. Фету

1878 г. *Сентября 5. Тула?*
Дорогой Афанасий Афанасьевич!

Получил на днях ваше последнее краткое, но многосодержательное письмо* и вижу по его тону, что вы в очень хорошем душевном настроении, хотя и были больны.

Вы поминаете о вашей статье*. Пожалуй-ста, не приписывайте значения моему суждению, — во-первых, потому что я плохой судья при слушании, а не чтении про себя, а во-вторых, потому, что я в этот день был в самом дурном физически расположении духа. Когда вы будете переделывать, не забудьте еще выправить приемы связей отдельных частей статьи. У вас часто встречаются излишние вступления, как например: «Теперь мы обратимся...» или «взглянем...» и т. п. Главное, разумеется, в расположении частей относительно фокуса, и когда правильно расположено,

все ненужное, лишнее само собой отпадает и все выигрывает в огромных степенях*.

У нас последнее время трое детей старших были больны и Сережа даже опасно. У него было воспаление плевры. И во время болезни их гости нас не покидали, что было очень тяжело, особенно жене. Теперь они все поправляются и уже на воздухе. Тургенев на обратном пути был у нас* и радовался получению от вас письма*. Он все такой же, и мы знаем ту степень сближения, которая между нами возможна. Мне ужасно хочется писать, но нахожусь в тяжелом недоумении — фальшивый ли это, или настоящий аппетит.

Жена и Кузминские, из которых муж 3-го дня уехал, кланяются и благодарят за память, и мы посылаем поклоны Марье Петровне.

Очень хочется побывать у вас, и, наверно, побываю, но теперь еще много поездок необходимейших. Нынче еду на земское собрание.

Ваш *Л. Толстой*.

347. Н. Н. Страхову

1878 г. Октября 27. Ясная Поляна.

Виноват и не виноват перед вами, дорогой Николай Николаевич. Виноват, потому что вам было неприятно от меня за то, что я не пишу;* но не виноват, потому что, право, *не мог* писать письма, не мог ничего делать все это время. Я не солгу, если скажу, что меня не было дома, т. е. что я не находился сам в себе, а где-то *ailleurs**, Ходил на охоту, учил детей, обедал, принимал гостей, когда приезжали; но если должен был от себя что-нибудь делать, то ничего не мог. Работа все нейдет, но живу хорошо и вас точно так же люблю и ценю, как прежде, т. е. с каждым днем больше, с каждым днем, с которым несомненное приходит грустное убеждение о том, как мало хороших людей отдельно и умных людей отдельно, и как редко, редко то и другое вместе, как у вас. Но зачем вы сердитесь на Тургенева? Он играет в жизнь, и с ним надо играть. И игра его невинная и не неприятная, если в малых дозах. Но сердиться и вам не надо. Впрочем, это давно вырвалось у вас и

вы это уже забыли; но то же, что вы пишете о своих работах, хоть и давно, надеюсь, что вы не забыли и что письмо мое застанет вас в их середине. Дай бог. У нас все хорошо. Мы с женой очень дружны, как всегда, когда у нас пойдет настоящая жизнь; дети здоровы, учатся порядочно, позволяют иногда о себе помечтать, время все занято хорошо. Очень вам благодарен за хлопоты обо мне; но простите великодушно, когда дошло дело до биографии, до портрета, я живо представил себе все, да и дело есть, то я испугался*.

Ради бога, нельзя ли на попятный?

Так не сердитесь на меня, дорогой Николай Николаевич, и верьте, что никогда не перестану вас любить. Писать мне не смею просить. Я не стою того.

Жена вам посылает дружеский поклон.

Ваш *Л. Толстой*.

348. И. С. Тургеневу

1878 г. Октября 27. Ясная Поляна. 27 октября.

Кругом виноват перед вами, любезнейший Иван Сергеевич. Хотел писать вам вслед за вашим отъездом*, а кончилось тем, что и на ваше письмо* промешкал ответом. У нас, слава богу, все здорово, но я не писал оттого, что это последнее время был (выражаясь довольно точно) умственно нездоров: ходил на охоту, читал, но был буквально не способен ни к какой умственной самобытной деятельности — даже написать письмо, в котором бы был смысл. Со мной это бывает иногда, и вы, верно, знаете это, и если не знаете, то наверно понимаете. По этой же причине не отвечал и Ралстону, но нынче надеюсь ответить ему*.

Переведенных по-английски «Кзаков» мне прислал Скайлер*, кажется, очень хорошо переведено. По-французски же переводила бар. Менгден, которую вы у нас видели, и, наверно, дурно*. Пожалуйста, не думайте, что я гримасничаю, но, ей-богу, перечитывание хоть мельком и упоминание о моих писаниях

производит во мне очень неприятное сложное чувство, в котором главная доля есть стыд и страх, что надо мной смеются. То же и случилось со мною при составлении биографии*. Я увидел, что не могу, и желал бы отделаться.

Как я ни люблю вас и верю, что вы хорошо расположены ко мне, мне кажется, что и вы надо мной смеетесь*. Поэтому не будем говорить о моих писаньях. И вы знаете, что каждый человек сморкается по-своему, и верьте, что я именно так, как говорю, люблю сморкаться. Радуюсь от всей души, что вы здоровы и у ваших все благополучно, и продолжаю любоваться на вашу зеленую старость. В те 16 лет, которые мы не видались*, вы только сделали лучше во всех отношениях, даже в физическом.

Не могу не желать вам все-таки того же, что и для меня составляет главное счастье жизни, — труда, с уверенностью в его важности и совершенстве. Я ведь ни крошечки не верю вам, чтобы вы перестали писать, и не хочу верить, потому что знаю, что в вас, как в бутылке, которую слишком круто поворачи-

вали, самое лучшее еще осталось. И нужно только найти то положение, при котором оно спокойно польется. Этого-то желаю для вас и для себя.

Осень у нас чудесная, и я зайцев травлю пропасть, но валдшнепов не было.

Что «Евгений Онегин» Чайковского? Я не слышал еще его, но меня очень интересует.

От души обнимаю вас. Жена кланяется и благодарит за память.

Ваш *Л. Толстой*.

349. Уильяму ролстону <перевод с английского>

1878 г. Октября 27. Ясная Поляна.
Милостивый государь.

Я очень сожалею, что не могу дать на ваше письмо* положительного ответа. Дело в том, что я очень сомневаюсь, чтобы я был таким значительным писателем, события жизни которого могли бы представлять интерес не только для русской, но и для европейской публики. Я вполне убежден многочисленными примерами писателей, которых современ-

ники ставили сначала очень высоко, но которые затем были совершенно забыты еще при жизни, что современники не могут правильно судить о достоинствах литературных произведений. Поэтому, несмотря на мое желание, я не могу разделять временную иллюзию нескольких друзей, утверждающих с уверенностью, что мои произведения должны будут занять некоторое место в русской литературе. Я совершенно искренно не знаю, будет ли кто-нибудь читать мои произведения через сто лет, или же они будут забыты через сто дней, и поэтому не хочу оказаться в смешном положении, в случае весьма вероятной ошибки моих друзей.

В надежде, что вы примете во внимание эти мотивы и любезно извините мой отказ, остаюсь искренно преданный вам *гр. Л. Толстой*.

350. А. А. Фету

1878 г. *Ноября 22. Ясная Поляна.*
Дорогой Афанасий Афанасьевич.

Поеду в Москву и велю напечатать на своей почтовой бумаге «виноват».

Но мне кажется, что я не виноват в том, что не отвечал на то письмо, в котором вы обещаете заехать. Помню свою радость при этом известии и то, что я сейчас же отвечал вам*. Если же не отвечал, то, пожалуйста, не наказите за это и приезжайте. Бог даст, будет снег. Если же не будет, то вышлем коляску в Ясенки. Жена очень благодарит Марью Петровну, к чему и я присоединяюсь, и просит очень его исполнить. Мы так давно не видались.

Теперь другое: стихотворение ваше прекрасно-роженое, как все ваши прекрасные вещи. Я бы желал переменить «властительному маю», но знаю, что это нельзя*.

С женой мы о вас, как человеке и друге и как о поэте, всегда вполне совпадаем.

У нас слава богу все здорово и идет по-божьи.

Вы поняли мою тоску с полуслова, но боюсь еще, что не разрожусь. Вчера получил от Тургенева письмо*. И знаете, решил лучше подалее от него и от греха. Какой-то задира неприятный. Поздравляю вас с днем рождения. И теперь не забуду поздравлять вас к 23. И желаю не забывать этого раз 12. Больше не надо ни для себя, ни для вас.

До свиданья.

Ваш *Л. Толстой*.

351. П. Н. Свистуну

1878 г. *Декабря 25. Ясная Поляна.*
Многоуважаемый Петр Николаевич.

Я перед вами кругом виноват, во-первых, за то, что, бывши в Москве*, не выгадал время заехать к вам еще раз, а во-вторых, за то, что так долго не прислал вам книгу Vinet*, о которой вы мне напомнили.

Извинить меня можно только потому, что я, вернувшись из Москвы, куда я и поехал не совсем здоровый, заболел и только нынче, в день рожества, опомнился и почувствовал себя лучше. Пожалуйста же, не сердитесь на ме-

ня, в особенности во внимание того уважения, которое я имею вообще к людям вашего времени и в особенности к вам, расположением которого я так желал бы пользоваться.

Начинаю с того, что поздравляю вас с праздником и Новым годом, желаю вам здоровья и продолжения того душевного спокойствия, в котором я всегда видел вас.

Работа моя томит и мучает меня, и радует и приводит то в состояние восторга, то уныния и сомнения; но ни днем, ни ночью, ни больного, ни здорового, мысль о ней ни на минуту не покидает меня. Вы мне позволяли делать вам и письменные вопросы. Выбираю самые для меня важные теперь.

Что за человек был Федор Александрович Уваров*, женатый на Луниной? Я знаю, что он был храбрый офицер, израненный в голову в Бородинском сражении. Но что он был за человек? Когда женился? Какое было его отношение к обществу? Как он пропал? Что за женщина была Катерина Сергеевна? Когда умерла, остались ли дети?*

На какой дуэли, — с кем и за что, — Лунин, Михаил Сергеевич*, был ранен в пах?

Написав все эти вопросы, мне стало совестно. Пожалуйста, если вам скучно и некогда, ничего не отвечайте, а если ответите хоть что-нибудь, я буду очень благодарен. Если же все, что вы знаете про это, слишком длинно, то напишите — я приеду, чтобы послушать вас изустно.

Во всяком случае, поручаю себя вашему расположению и только прошу верить, что дело, которое занимает меня, для меня теперь почти так важно, как моя жизнь, и еще в то, что я дорожу моими отношениями к вам столько же по той помощи, которую вы оказывали и можете оказать мне, сколько по искреннему и глубокому уважению к вашей личности.

Гр. Л. Толстой.

Не вспомнится ли вам из декабристов какое-нибудь лицо, бежавшее и исчезнувшее?*

352. А. А. Фету

1878 г. *Декабря 31. Ясная Поляна.*
Приписываю несколько строк, дорогой Афанасий Афанасьевич, чтобы сказать, что обеими руками подписываю то, что вам пишет Николай Николаевич*. Не прочтя вновь всю статью, я не имею вполне права иметь мнение; но по тому, что я слышал тогда и теперь, и в особенности по серьезности, с которой Николай Николаевич отнесся к этому делу, и по тем разговорам, которые мы с ним имели, я позволяю себе прибавить и свой голос к его голосу. Трудно найти двух людей, которые бы так любили не только вас, но именно ваш ум, как мы с ним, и потому вы должны нам верить. Скажу только, что, прочтя письмо Страхова, я сказал ему, что он в письме к вам выразил свое осуждение сильнее, чем в разговоре со мной.

Поздравляю вас с Новым годом; дай вам бог здоровья и спокойствия душевного.

Наш поклон Марье Петровне. Я скоро буду в Москве* и желал бы не попасть в то время, когда вы будете в Петербурге.

Если вам не в труд, пожалуйста, пришлите
мне ваше последнее стихотворение*.

Ваш *Л. Толстой*.

1879

353. Н. Н. Страхову

1879 г. Января 18...19. Ясная Поляна.

После вашего отъезда*, дорогой Николай Николаевич, я совсем заболел, и так, что несколько дней лежал. Теперь почти здоров и принялся за работу;* но все еще не выхожу и кашляю. Очень рад был узнать, что вы провели день с милым Фетом и доехали благополучно домой и не раскаиваетесь, что были у нас. Я же был очень рад вам.

Две у меня просьбы к вам: 1) Это повесть, переведенная П. Берс. Нельзя ли ее поместить в «Семейные вечера»?* Она не хуже других, а я бы был за то очень благодарен вам и г-же Кашпиревой. 2-я наглая назойливая просьба, обращать которую к вам я не имею никакого права; но мне, ей-ей, до зареза нужно, необходимо. Вот в чем дело: у князя Николая Ивановича Горчакова, моего прадеда, умершего в 1811, было 3 сына: Михаил, Василий (генерал-майор, женат на Стромилловой. От него

дочь Катерина, замужем за Уваровым и Перовским) и Александр. Один из этих Горчаковых за какие-то дурные дела судился и был сослан в Сибирь. Судился он, вероятно, в конце столетия — не ранее 80 годов, так как родился около 60-го. И судился, вероятно, в Сенате. Нельзя ли найти о нем дело?*

Судился еще бывший военный министр Алексей Иваныч* в начале нынешнего столетия, то это да не введет в заблуждение.

Не поможет ли вам Семенов? Не нужно ли обратиться к Дмитрию Оболенскому?

Не может ли быть полезен гр. Илья Андреевич Толстой, он сенатор.

А еще узнайте, нельзя ли обратиться к кн. Александру Михайловичу, канцлеру? Он старейший из Горчаковых, и тот, которого я ищу, ему двоюродный дядя. Если обратиться к Горчакову, то через кого-нибудь или письменно?

Вы, вероятно, заметили за мной способность увлекаться чтением чего-нибудь и воображать себе, что какое-нибудь недостающее мне сведение для меня особенно важно, а потом про это забывать. Ради бога, не думайте, что и теперь так. Это сведение для меня

необычайно важно. Это лицо узел всего. Наследников у этих Горчаковых никого, кроме нас. И мне нужно узнать, что может быть известно. Если ничего, то я свободен. Пути для разыскания этого дела я не знаю, но вы, верно, найдете. Если к кому надо обратиться, если надо ехать в Петербург, напишите. Пожалуйста, пожалуйста, сделайте это. Обнимаю вас от всей души.

Ваш *Л. Толстой*.

354. А. А. Толстой

1879 г. Января 25...28? Ясная Поляна.
Живы ли, здоровы ли вы и все ваши, дорогой друг?

Мы с своей стороны живы, но здоровы не совсем и только последнее время, а то всё болели: то дети, то я.

У меня к вам просьба: нет ли биографии, хотя самой краткой, Льва Алексеевича Перовского? Мне нужно знать, где он служил и находился с 16-го по 33-й год. А главное, мне бы очень нужно было знать, *когда и как и где он женился на Катерине Васильевне Уваровой (вдове Дмитрия Петровича Уварова), рожден-*

ной княжне Горчаковой. Я знаю, что она очень дурно жила с ним и умерла в 33-м году, но всякие подробности о его женитьбе и сношениях с нею были бы для меня драгоценны. Я хотел писать прямо Борису Алексеевичу*, но не знаю его адреса, не знаю, граф ли он, или нет, и как мне ни совестно писать вам с просьбой, все-таки рад, что это заставляет меня писать вам. Будьте, как всегда, милая, добрая, всепрощающая и сделайте это, пожалуйста. Да заодно уже и еще просьбу. Существует в Петербурге подлинное дело декабристов, при нем существуют биографии с портретами, как мне говорили, всех декабристов*. К этому делу был допущен один только Богданович — историк*. Есть ли надежда, чтобы меня допустили к этому делу? И если есть, то кого и как просить об этом?* Ну, что будет, то будет! Если вы не скажете: однако такого бессовестного эгоиста, как Лев Толстой, я редко встречала, это будет очень счастливо.

Благодарю вас очень за ваши хлопоты об англичанке; она не пошла к нам, и, кажется, мы сами виноваты, навалив на нее слишком много обязанностей.

Поцелуйте, пожалуйста, особенно нежно и почтительно за меня руку у тетушки Прасковьи Васильевны. О себе, пожалуйста, напишите, лучше ли ваше здоровье, чем прошлого года, и душою спокойнее ли вы. Несмотря на свой эгоизм, я люблю вас искренно.

Целую руку Софи и обнимаю графа Илью Андреича.

Ваш *Л. Толстой*.

Бумаги В. Перовского я перешлю вам со следующей почтою*.

355. И. А. Толстому

1879 г. Января 25...28? Ясная Поляна.

Любезнейший и многоуважаемый дядюшка, граф Илья Андреевич*.

Вы так избаловали меня своей добротой, что я без зазрения совести обращаюсь к вам с просьбой, исполнение которой, боюсь, доставит вам, хотя небольшие, но все-таки хлопоты. Мне при моей работе понадобились сведения о двоюродном деде моем князе Горчакове, сыне Николая Ивановича Горчакова, судившемся, как мне известно, за какие-то дела и разжалованном и сосланном в Сибирь. Как

звали этого деда, я не знаю; знаю только, что он был один из трех братьев моей бабушки, которых звали Михаил, Василий и Александр*. Они обозначены в родословной книге Долгокурова в 1-й части на стр. 63.

Мне нужно знать года рождения и смерти всех братьев и того, который судился, и за что и, если возможно, найти дело о нем. Оно должно быть в архиве Сената. Если возможно, сделайте мне это, добрейший дядюшка. Мне это ужасно нужно.

Наследников и потомства у всех их не осталось. У одного Василья была дочь Перовская, от которой отец получил наследство. Но *une fois que j'y suis**, я хочу довести свою бессовестность до последней степени и просить вас еще об одном одолжении.

Князь Александр Михайлович Горчаков, которого дед Алексей* был родной брат моего прадеда, должен многое знать и помнить из семейных преданий. Через кого и как обратиться к нему, чтобы узнать следующее:

1) На ком был женат мой прадед кн. Николай Иванович, и когда она родилась и умерла и подробности о ней*.

2) Что известно о его сыновьях: когда родились, умерли, где служили, и *который был под судом и за что.*

3) Что известно ему про своего деда, женатого на Пещуровой, и других двух братьев его деда, Петра и Павла. На ком женаты, где служили*.

Ну, что будет, то будет!

Рассердитесь вы на меня или нет, но если вы мне поможете в этом деле, очень буду благодарен*. Пожалуйста, поцелуйте за меня руку многоуважаемой тетушки Прасковьи Васильевны и позвольте мне от всей души обнять вас.

Ваш *гр. Л. Толстой.*

Еще нельзя ли узнать у князя Александра Михайловича, как звали в миру его прабабку, а мою прапрабабку, урожденную княжну Мордкину, и в каком монастыре она была инокинею и под каким именем*.

У меня есть ее портрет, и, к сожалению, я отдавал его реставрировать и мне закрасили надпись, бывшую на нем.

356. А. А. Фету

1879 г. Января 31... февраля 1. Ясная Поляна.

Дорогой Афанасий Афанасьевич.

Получил уже с неделю ваше особенно хорошее последнее письмо, с очень хорошим, но не превосходным стихотворением* и не отвечал тотчас же, потому что, поверите ли, с тех пор не поправился от своего нездоровья, и нынче только получше, и голова свежее, но все еще не выхожу. *Правда то, что правда, а не то, что доказано и пр.** Это из истин истина. Но правду, так же как и эту истину, можно не доказывать, но выследить — прийти к ней и увидеть, что дальше идти некуда и что от нее-то я и пошел. Стихотворенье последнее мне не так понравилось, как предшествующее*, и по форме (не так круто, как то), и по содержанию, с которым я не согласен, как можно быть несогласным с таким невозможным представлением. У Верна есть рассказ вокруг луны. Они там находятся в точке, где нет притяжения. Можно ли в этой точке подпрыгнуть? Знающие физики различно отве-

чали. Так и в вашем предположении должно различно отвечать, потому что положение невозможно, не человеческое. Но вопрос духовный поставлен прекрасно. И я отвечаю на него иначе, чем вы. Я бы не захотел опять в могилу. Для меня и с уничтожением всякой жизни, кроме меня, все еще не кончено. Для меня остаются еще мои отношения к богу, т. е. отношения к той силе, которая меня произвела, меня тянула к себе и меня уничтожит или видоизменит.

Стихотворение хорошо уж потому, что я читал детям, из которых некоторые заняты чумой*, и оно, отвечая на их страх, тронуло их. Жена не видала Марью Петровну в Москве и очень сожалела. Она просит передать свой поклон, и я тоже.

Дай бог вам здоровья, спокойствия душевного и того, чтобы вы признали необходимость отношений к богу, отсутствие которых вы так ярко отрицаете в этом стихотворении.

Ваш *Л. Толстой.*

357. А. А. Фету

1879 г. *Февраля 15...16. Ясная Поляна.*
Я все хвораю, дорогой Афанасий Афанасьич, и от этого не отвечал вам тотчас же на ваше письмо с превосходным стихотворением*. Это вполне прекрасно. Коли оно когда-нибудь разобьется и засыпется развалинами, и найдут только отломанный кусочек: в нем слишком много слез, то и этот кусочек поставят в музей и по нем будут учиться.

Я ни болен, ни здоров, но умственной и душевной бодрости, которая нужна мне, — нет. Не так, как вы — сухо дерево. Присылайте же еще стихи. Странно, как умствования мало убедительны. В последнем письме я вам писал, что я не согласен с мыслью последнего стихотворения*. Что я не захотел бы вернуться в могилу, потому что у меня оставались бы еще мои отношения к богу. Вы ничего на это не отвечали. Ответьте, пожалуйста. Если вам это кажется просто глупостью, так и скажите.

Дай бог вам всего лучшего, передайте наши поклоны Марье Петровне.

Ваш Л. Толстой.

358. Н. Н. Страхову

1879 г. Марта 25. Ясная Поляна.

Не написать нынче — дурно, написать два слова — нехорошо, но менее дурно. Я был в Москве за дровами для своей печи*. Дров набрал чудных, но измучился и простудился. Работаю много и радостно, но без всякого заметного следа работы вне себя. У нас все хорошо. Весной не пахнет еще. Василий Николаевич Горчаков был сослан, говорят, за фортепьяно, полное фальшивых ассигнаций, вывезенное им из-за границы*. Где может находиться дело об обер-фискале Нестерове, казненном в 1724-м году? В Москве его нет. Если оно в Петербурге, можно ли иметь к нему доступ? Дай вам бог здоровья и спокойствия для работы.

Вы пишете, что трудно жить и работать в городе. Я даже не понимаю этого. Жить в Петербурге или Москве — это для меня все равно, что жить в вагоне.

Простите, не сердитесь и верьте, что я вас люблю не меньше вашего.

Ваш Л. Толстой.

359. А. А. Толстой

1879 г. Марта 25. Ясная Поляна.

Я не отвечал вам долго, дорогой друг, оттого, что был эти дни в Москве и измучился, как всегда, от городской ужасной для меня суеты.

Я не так понимаю, как вы, слово крест, который мы несем*. Если богу угодно будет то, что я задумываю*, вы прочтете; на словах тоже к слову сказать можно, но писать нельзя. Скажу только, что «Возьми крест свой и иди за мной» — это одно нераздельное слово. «Возьми крест свой» — отдельно не имеет, по моему, смысла, потому что крест брать и не брать не в нашей воле; он лежит на нас, только не надо нести ничего лишнего — все то, что не крест. И нести крест надо не куда-нибудь, а за Христом, то есть исполняя его закон любви к богу и ближнему. Ваш крест — двор, мой — работа мысли — скверная, горделивая, полная соблазнов... Но будет...

У меня две просьбы к вам, то есть через вас, к государю и императрице. Не бойтесь. Надеюсь, что просьбы так легки, что вам не

придется мне отказать. Просьба к императрице даже такова, что я уверен, что она будет благодарна вам. Просьба через нее к государю — за трех стариков, раскольничьих архиереев (одному 90 лет, двум около 60,— четвертый умер в заточении), которые 22 года сидят в заточении в суздальском монастыре. Имена их: Конон, Геннадий, Аркадий*.

Когда я узнал про них, я не хотел верить, как и вы, верно, не поверите, что четыре старика сидят за свои религиозные убеждения в тяжелом заключении 23 года... Вы знаете лучше меня — можно или нет просить за них и освободить их. А как бы хорошо было освободить их в эти дни... Мне кажется, что нашей доброй императрице так идет ходатайство за таких людей.

Другая моя просьба к вам, чтобы мне были открыты архивы секретных дел времен Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы. Я был в Москве преимущественно для работ по архивам (теперь уж не декабристы, а 18-й век, начало его — интересуется меня), и мне сказали, что без высочайшего разрешения мне не откроют архивов секретных, а в них все меня

интересующее: самозванцы, разбойники, раскольники... Как получить разрешение?" Если вам не скучно, не трудно, не неудобно, то помогите мне, научите меня, если же хоть немножко почему-нибудь неприятно, — пожалуйста, ничего не делайте и простите меня за мою indiscretion*.

Как вы живете и чувствуете? Ваши письма всегда мне радостны. Чем старше, тем сильнее чувствуешь старую дружбу. Дай бог вам всего лучшего! Целую вашу руку, Соня благодарит вас за любовь и платит тем же.

Ваш *Л. Толстой*.

360. С. М. Соловьеву

1879 г. Марта 25? Ясная Поляна.
Милостивый государь Сергей Михайлович.

Я на днях ездил в Москву с тем, чтобы быть у вас и воспользоваться вашими советами и содействием, в которых лет 6 тому назад вы мне не отказали, когда я занимался исторической работой времен Петра I*, но, к несчастью, не застал вас*. Надеюсь в другой раз быть счастливее и на то, что вы будете и теперь так же добры и снисходительны ко мне, как и тот раз, и во многом мне поможете своими указаниями. Но в одном деле вы письменно можете помочь мне, и я позволяю себе обратиться к вам с великою просьбою — указать мне, где находится дело обер-фискала Нестерова, казненного в 724-м году*.

Если вы мне напишете словечко* с указанием, где находится это дело и дело Попцова*, из которого у вас есть выписки, вы очень обяжете меня и настолько еще увеличите то чувство благодарности, которое не может не испытывать всякий русский, занимающийся ис-

торией, и которое я беспрестанно испытываю, занимаясь историческим трудом.

С истинным уважением
ваш покорный слуга *граф Лев Толстой.*

361. Н. К. Гирсу

1879 г. *Апреля 14. Тула.*
Тула 1879, 14 апреля.

Милостивый государь барон Николай Карлович!

Желая воспользоваться для начатого мною исторического труда, времен Петра I и Анны Иоанновны, сведениями из отдела так называемых секретных бумаг, я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство об исходатайствовании мне разрешения для рассмотрения этих дел как в Петербургском государственном архиве, так и московских Главном и Архиве министерства юстиции*.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга.

Граф Лев Толстой.

362. А. А. Фету

1879 г. *Апреля 16...17. Ясная Поляна.*

Есть молитва, которая говорит: не по заслугам, но по милосердию твоему, так и вы. Еще получил от вас длинное хорошее письмо*. Непременно и скоро поеду в Киев и Воробьевку и все тогда вам расскажу, а теперь только отвечу на ваши опасения: «Декабристы» мой бог знает где теперь, я о них и не думаю*, а если бы и думал, и писал, то льщу себя надеждой, что мой дух один, которым пахло бы, был бы невыносим для стреляющих в людей для блага человечества.

Как правы мужики и вы, что стреляют господа, и хоть не за то, что отняли, а потому, что отняли мужиков. Но должен сказать, я добросовестно не читаю газет, даже теперь, и считаю обязанностью всех отвращать от этой пагубной привычки. Сидит человек старый, хороший в Воробьевке, переплавил в своем мозгу две, 3 страницы Шопенгауэра и выпустил их по-русски*, с кия кончил партию, убил вальдшнепа, полюбовался жеребенком от Закраса, сидит с женою, пьет славный чай,

курит, всеми любим и всех любит. И вдруг привозят вонючий лист сырой, рукам больно, глазам больно, и в сердце злоба осуждений, чувство отчужденности, чувство, что никого я не люблю, никто меня не любит, и начинает говорить, говорить, и сердится, и страдает.

Это надо бросить. Будет много лучше.

Надеюсь, до свиданья. Наши поклоны Марье Петровне.

Ваш *Л. Толстой*.

363. А. А. Фету

1879 г. Июля 12...13. Ясная Поляна.

Не сердитесь на меня, дорогой Афанасий Афанасьевич, что не писал вам, не благодарил вас за приятный день у вас* и не отвечал на последнее ваше письмо*. Правда, должно быть, что я у вас был не в духе (простите за это), я и теперь все не в духе. Все ломаюсь, мучаюсь, тружусь, исправляюсь, учусь; и думаю, что не так ли, как Василий Петрович*, покойник, доведется и мне заполнить пробел да и умереть; а все не могу не разворачивать сам себя. Что милый наш Страхов, не дал ли вам своего адреса?* Он не

пишет, а я не знаю, куда ему писать. У нас все корь: половину детей перебрала, а остальных ждем. Что ж вы в Москву? Только не дай бог, чтобы для здоровья. А хорошо бы для винтов каких-нибудь в машину, и к нам бы заехали. Наш поклон Марье Петровне.

Ваш *Л. Толстой.*

364. А. А. Фету

1879 г. *Июля 27...28. Ясная Поляна.*

Благодарю вас за ваше хорошее последнее письмо*, дорогой Афанасий Афанасьевич, и за аполог о соколе, который мне нравится, но который я желал бы более пояснить. Если я этот сокол и если, как выходит из последующего, залетание мое слишком далеко состоит в том, что я отрицаю реальную жизнь, то я должен оправдаться. Я не отрицаю ни реальной жизни, ни труда, необходимого для поддержания этой жизни, но мне кажется, что большая доля моей и вашей жизни наполнена удовлетворениями не естественных, а искусственно привитых нам воспитанием и самими нами придуманных и перешедших в привычку потребностей, и что 9/10

труда, полагаемого на удовлетворение этих потребностей, — праздный труд. Мне бы очень хотелось быть твердо уверенным в том, что я даю людям больше того, что получаю от них. Но так как я чувствую себя очень склонным к тому, чтобы высоко ценить свой труд и низко ценить чужой, то я не надеюсь увериться в безобидности для других расчета со мной одним усилением своего труда и избранием тяжелейшего (я непременно уверю себя, что любимый мной труд есть и самый нужный и трудный); я желал бы как можно меньше брать от других и как можно меньше трудиться для удовлетворения своих потребностей; и думаю, так легче не ошибиться.

Жалко очень, что здоровье ваше все нетвердо, но радуюсь тому, что вы духом здоровы, что видно из ваших писем. Признаюсь, что жду с большим нетерпением Страхова*. От души обнимаю вас и прошу передать наши поклоны Марье Петровне.

Ваш *Л. Толстой.*

365. С. А. Толстой

1879 г. *Сентября 30. Москва.*

Я переделал очень, очень много и хорошо, но многое еще остается, и потому ты, душенька, не сердись за то, что мы отлагаем приезд до вторника, по курьерскому*. Захарьин меня утешил, прописал лекарства, я их взял и даже употребляю. Устал я нервами очень. Очень хочется к тебе и к детям, и в блузу, но не без пользы моя поездка. Ужасно, что ты страдаешь; боюсь думать, что это повторилось*. Обнимаю тебя, голубушка, и детей.

366. Н. Н. Страхову

1879 г. Октября 3. Ясная Поляна.

Простите, милый Николай Николаич, что не писал вам, а с такой радостью прочел ваше письмо — бодрое и доброе*. Ваши доводы, что надо писать, недостаточны. Надо прежде решить, что сообщение моих чувств и мыслей есть благо. А кто это решит?

Вчера приехал из Москвы. По вашему совету и по разговору с Хомяковым (сыном) о церкви был в Москве и у Троицы и беседовал с викарием Алексеем, митрополитом Макарием и Леонидом Кавелиным*. Все трое прекрасные люди и умные, но я больше еще укрепился в своем убеждении. Волнуюсь, метусь и борюсь духом и страдаю; но благодарю бога за это состояние. Советовался о теле своем с Захарьиным, он велел есть скоромное, дал лекарства. Я буду исполнять. Не пеняйте на меня, не переставайте любить и питите.

Ваш Л. Толстой.

367. Н. Н. Страхову
<неотправленное>

1879 г. *Ноября 19...22. Ясная Поляна.*
Дорогой Николай Николаевич.

Вы пишете мне, как бы вызывая меня. Да я и знаю, что вы дорожите моим мнением, как я вашим, и потому скажу все, что думаю. Только прошу, не слушайте моих слов, как живого человека, с которым могут быть счёты, отношения, соревнования — возможность быть оскорбленным моими словами или польщенным, — смотрите как на сочувственный любовный отголосок души человеческой, страдавшей и страдающей, не скажу, не меньше, но свое. Чужое виднее. И мне вы ясны. Письмо ваше очень огорчило меня*. Я много перечувствовал и передумал о нем. Поэтому, вы больны духовно. И ваша болезнь вот такая: в нас две природы — духовная и плотская. Есть люди, живущие одной плотью и не понимающие того, как можно центр тяжести свой переносить в духовную жизнь. Я называю переносить центр тяжести в духов-

ную жизнь то, чтобы вся деятельность руководилась духовными целями. Есть люди, живущие плотью и понимающие — только понимающие духовную жизнь. Есть люди счастливые — наш народ, буддисты, помните, о которых вы говорили, которые до 50 лет живут полной плотской жизнью и потом вдруг переступают на другую ногу, духовную, и стоят на ней. Есть еще более счастливые, для которых творить волю отца есть истинный хлеб и истинное питье и которые смолоду стали на эту ногу духовную. Но есть такие несчастные, как мы с вами, у которых центр тяжести в середине и они разучились ходить и стоять. Все в том мире, в котором мы жили, так перепутано — все плотское так одето в духовный наряд, все духовное так облеплено плотским, что трудно разобрать. Я хуже вас и потому счастливее в этом горе. Во мне плотские страсти были сильны, и мне легче раскачнуться и разобрать, где то, где другое, но вы совсем спутаны. Вы хотите добра, а жалеете, что в вас мало зла; что в вас нет страстей. Вы хотите истины, а жалеете и как будто завидуете, что у вас нет ничего хищного. Да что же хоро-

шо, что дурно? Вы очевидно не знаете так, чтобы не бояться ошибиться, делая добро.

И вам писать свою жизнь нельзя*. Вы не знаете, что хорошо, что дурно было в ней. А надо знать. Если вы умели ходить прежде когда-нибудь в детстве, если другие ходят, то вы должны ходить, а если не ходите, то вы пьяны, больны, надо отрезвиться, лечиться. Потому пути, по которому вы идете, вы ни к чему не можете прийти, кроме как к отчаянию, стало быть, дорога не та и надо вернуться назад.

В учении Христа я нашел одну особенную черту, отличающую его от всех учений. Он учит, толкует, почему смысл нашей жизни тот, который он дает ей. Но притом всегда говорит, что надо исполнять то, что он говорит, и тогда увидишь, правда ли то, что он говорит. Или: свет дан миру, но они полюбили тьму, потому что дела их злы. Или: кто верит в сына человеческого, тот и будет делать дела божьи. Тут метафизический узел. И он не развязывается разумом, но всей жизнью.

Верьте, перенесите центр тяжести в мир духовный, все цели вашей жизни, все жела-

ния ваши выходили бы из него, и тогда вы найдете покой в жизни. Делайте дела божий, исполняйте волю отца, и тогда вы увидите свет и поймете.

Признак истины не в разуме, а в истинности истины всей жизни. Переносите усиленно, сознательно свою жизнь на духовную, одну духовную сторону, и вы найдете покой душам вашим, и бремя пресыщения и перегрузка свалится с вас, и вам станет легко.

Должно быть, не помню это. Я очень занят работой для себя, которой никогда не напечатая*.

Простите.

368. Н. Н. Страхову

1879 г. Ноября 22...23. Ясная Поляна.
Написал вам длинное письмо*, дорогой Николай Николаич, и не посылаю его. Я очень занят, очень взволнован своей работой. Работа не художественная и не для печати*. И ваше письмо очень опечалило и взволновало меня.

Письмо ваше нехорошо, и душевное состояние ваше нехорошо. И писать вам свою жизнь нельзя. Вы не знаете, что хорошо, что дурно.

Вы, живущий добро и для добра, тужите, что в вас нет страстей — зла. Дай вам бог пересилить всю наросшую ложь ваших представлений — я снял часть этой коры и знаю отчасти толщину ее — и полюбить себя, вашу жизнь добра саму в себе, которую я люблю в вас, в себе, в боге, и которую одну можно любить и в которой одной можно жить. Простите меня. От души люблю вас и надеюсь, что вы найдете иго, которое легко, и бремя, которое добро, и найдете покой душе вашей.

Ваш *Л. Толстой.*

369. Н. Н. Страхову

1879 г. Декабря 11...12. Ясная Поляна.
Дорогой Николай Николаич.

Письмо к вам затерял*, да оно не стоило того. Я лучше вам все скажу, когда бог даст свидеться. Милый Николай Николаич, я очень благодарен вам за ваше письмо — первое длинное*. Я дорожу вашим доверием ко мне. Я рад был заглянуть вам в душу так, как вы открыли; но меня огорчило то, что вы так несчастливы, беспокойны. Я не ожидал этого. И признаюсь, никак не могу помириться с мыслью, что вы не знаете, зачем вы живете и что́ хорошо и что́ дурно. Мне не только кажется, но я уверен, что вы все это на себя выдумываете. Вы не умели сказать то, что в вас, и вышло что-то непонятное. Нам виднее — нам, тем, которые знают и любят вас. Но писать свою жизнь вам нельзя. Вы не сумеете.

Радуюсь, что вы пишете свою статью*. Вот это вы умеете.

Я очень занят и очень напрягаюсь*. Все голова болит. Жена еще ходит. С дня на день жду родов.

Поблагодарите Стасова за Петровича и его милое письмо* и попросите извинения, если и теперь не отвечу, хотя хочу ответить.

Как он перенес смерть брата* и как судит об этом? Очень бы желал знать. Нагорный просил меня передать вам, что будет в Комитете требовать одобрение на новое издание «Азбуки» и книг. Пожалуйста, попросите, чтобы они поскорее пропустили, а то раз они задержали и наделали много хлопот.

Еще печатаю собрание сочинений и просил Нагорнова послать вам образец бумаги и шрифта*. Я в этом ничего не понимаю, так скажите, хорошо ли так.

Ваш *Л. Толстой.*

1880

370. А. А. Толстой

1880 г. Января 23? Петербург.
От вас я пошел в театр. Ужасный воздух, ужасная музыка, ужасная публика так подействовали на меня, что я вернулся больной. И не спал половину ночи. Волнение разговоров с вами — главная причина. Я не приду к вам и уеду нынче. Пожалуйста, простите меня, если я вас оскорбил, но если я сделал вам больно, то за это не прошу прощенья. Нельзя не чувствовать боль, когда начинаешь чувствовать, что надо оторваться от лжи привычной и покойной. Я знаю, что требую от вас почти невозможного — признания того прямого смысла учения, который отрицает всю ту среду, в которой вы прожили жизнь и положили все свое сердце, но не могу говорить с вами не *вовсю*, как с другими, мне кажется, что у вас есть истинная любовь к богу, к добру и что не можете не понять, где он*.

За мою раздражительность, грубость, низ-

менность простите и прощайте, старый милый друг, до следующего письма и свиданья, если даст бог.

Ваш *Л. Толстой*.

371. Н. Н. Страхову

1880 г. *Февраля 2? Ясная Поляна.*

Дорогой Николай Николаич.

Чувствую, что я был очень дурен перед вами в Петербурге*. Но ваше пристрастие ко мне, надеюсь, преодолет дурное впечатление. Пожалуйста, сделайте, чтоб это так было. Я и всегда-то неловок в обращении с людьми, а заеду в Петербург, то уж совсем ошалею. Ну будет жалобить вас. Я, слава богу, здоров, дома хорошо и хорошо работал, но жизнь ужасно коротка и осталось ее, я знаю, немного. Издание продал Салаеву*. Поездка моя в Петербург и за этими гадкими денежными делами и вся эта суэта испортила меня значительно нравственно, но поверите ли, этот упадок нравственный облегчил меня. Кроме того, во время моей поездки я, чтобы поддерживать свои силы, много ел, пил вино и, вернувшись, продолжал тот же образ жизни, и мне стало

лучше во всех отношениях.

Работа* моя очень утомляет меня. Я все переделываю — не изменяю, — а поправляю сначала и боюсь, что много пишу лишнего, и каждый день думаю о вашем суде. Что вы делаете? Напишите мне также про себя. А главное, любите меня по-прежнему и изредка пишете.

Любящий вас *Толстой*.

372. В. В. Стасову

1880 г. Февраля 4? Ясная Поляна.
Владимир Васильевич.

Сейчас получил от Верецагина* письмо. В письме его выражено враждебное ко мне чувство. Мне это было очень больно и теперь больно. Я бы написал ему, но не помню его имени-отчества, да и боюсь, как бы чем-нибудь в письме не усилить еще в нем этого ужасно болезненного мне чувства враждебности. Скажите ему, пожалуйста, что на меня сердиться нельзя, потому что у меня теперь одно желание в жизни — это никого не огорчить, не оскорбить, никому — палачу, ростовщику не сделать неприятного, а постараться полю-

бить их и заставить себя полюбить, а что его я люблю без усилия и потому не мог сделать ему неприятного. Но, видно, я отрицательно нечаянно сделал ему больно тем, что не пришел и не написал, и прошу его простить меня не на словах только, а так, чтобы и не иметь ко мне никакого неприязненного чувства*.

Очень благодарен вам за статью об Иванове и книгу*. Я прочел ее. Очень трогательно.

Не сердитесь ли и вы на меня за то, что я грубо затронул тогда* ваши задушевные чувства? Пожалуйста, не сердитесь. Что ж делать, если мне перестали быть интересны мысли людские, а занимательно только сердце; а у вас я видел, что оно есть и что-то там много всякого добра, и я не мог удержаться от желания толконуться к нему. Может, грубо. Простите.

Ваш *Л. Толстой*.

Вам, петербуржцу, может быть, непонятно мое состояние в вашем городе. Я именно как угорелый в угарной комнате. Как бы сделать, что нужно, и бежать*.

373. Н. Н. Страхову

1880 г. *Мая 4. Ясная Поляна.*
Получил вчера ваши книги*, дорогой Николай Николаич. Кажется, это то самое, что мне и нужно. Очень вам благодарен. От нас только что уехал нынче Тургенев*. Я три дня не садился за работу и чувствую себя совсем другим человеком — очень легко. Погода, весна чудесная. Приезжайте поскорее.

С Тургеневым много было разговоров интересных. До сих пор, простите за самонадеянность, все, слава богу, случается со мной так: «Что это Толстой какими-то глупостями занимается. Надо ему сказать и показать, чтобы он этих глупостей не делал». И всякий раз случается так, что советчикам станет стыдно и страшно за себя. Так, мне кажется, было и с Тургеневым. Мне было с ним и тяжело, и утешительно. И мы расстались дружелюбно. Так приезжайте поскорее. Как я буду рад.

Если вы пишете, я не буду мешать вам. Будем только ходить гулять и есть простоквашу.

Л. Толстой.

374. А. А. Фету

1880 г. *Июля 8? Ясная Поляна.*
Дорогой Афанасий Афанасьевич!
Страхов мне пишет, что он хотел исполнить мою просьбу — уничтожить в вас всякое, какое могло быть, недоброжелательство ко мне или недовольство мною, — но что это оказалось совершенно излишне. Он ничего не мог мне написать приятнее*. И это же я чую в вашем письме*. А это для меня главное. И еще будет лучше, когда вы по старой привычке заедете ко мне. Мы оба с женой ждем этого с радостью.

Теперь лето, и прелестное лето, и я, как обыкновенно, ошалеваю от радости плотской жизни и забываю свою работу. Нынешний год долго я боролся, но красота мира победила меня. И я радуюсь жизнью и больше почти ничего не делаю.

У нас полон дом гостей. Дети затеяли спектакль, и у них шумно и весело. Я с трудом нашел уголок и выбрал минутку, чтобы написать вам словечко.

Пожалуйста же, по-старому любите нас,

как и мы. Передайте наш привет Марье Петровне.

Ваш *Л. Толстой*.

375. Н. Н. Страхову

1880 г. *Сентября 26? Ясная Поляна.*
Дорогой Николай Николаич.

Я давно уж прошу вас ругать меня, и вот вы и поругали в последнем письме*, хотя и с большими оговорками и с похвалами, но и зато очень благодарен. Скажу в свое оправдание только то, что я не понимаю жизни в Москве тех людей, которые сами не понимают ее. Но жизнь большинства — мужиков, странников и еще кое-кого, понимающих свою жизнь, я понимаю и ужасно люблю.

Я продолжаю работать все над тем же и, кажется, не бесполезно*. На днях нездоровилось и я читал «Мертвый дом»*. Я много забыл, перечитал и не знаю лучше книги из всей новой литературы, включая Пушкина.

Не тон, а точка зрения удивительна — искренняя, естественная и христианская. Хорошая, назидательная книга. Я наслаждался вчера целый день, как давно не наслаждался.

Если увидите Достоевского, скажите ему, что я его люблю*.

Прощайте, пишите и главное поядовитее, вы такой на это мастер.

У меня новый кандидат-филолог* — умный, хороший малый. Я нынче очень нескладно рассказывал ему кое-что о вашей новой статье*, и очень мне было радостно видеть его удивление и восторг.

Ваш *Л. Толстой*.

376. Н. Н. Страхову

1880 г. Декабря 28? Ясная Поляна.

Не стою я, дорогой Николай Николаич, таких писем, как ваши два последние*, тем, что не написал вам давно, стою только той душевной радостью, которую они доставляют мне.

Пожалуйста, напишите мне подробнее о вашем нездоровье. Я так и не знаю, что у вас. По последнему письму я думал, что вам лучше. Хоть вы и сами не любите лечиться, все-таки не залечивайтесь. Искушение у вас сильно — докторов много: знакомые. Если бы я был в городе, я наверно бы лечился, а вот не

лечусь, и все то же. Радуюсь тому, что статья ваша разрастается, и понимаю это, и желаю этого, и прошу вас работать побольше над делом, а не над пустяками, как переводы и особенно эта дребедень из дребеденей «Фауст» Гете. Фет напомнил мне его*.

Да еще получил от вас весточку — предисловие к Шопенгауэру — последняя страница превосходна*. А 4 корня ведь я так и не понимаю и боюсь, что Шопенгауэр не понимал их, когда писал — мальчиком, а потом, когда вырос большой, не хотел отречься*.

Судя по вашим письмам, у вас на душе очень хорошо. И это удивительно для меня — в Петербурге. Как получу ваше письмо, так захочется ужасно вас увидеть. Давайте мечтать, что на масленице, если будем живы-здоровы, вы приедете к нам. Я бы приехал к вам, если бы вы жили где-нибудь одни; но Петербург для меня что-то страшное и гадкое, не по мыслям, но чувству прямо противно. Я бы так и ждал вас, и пригонял свои занятия, чтобы быть более свободным.

У нас все — очень хорошо. Каждый день удивляюсь своему счастью. Работа идет ров-

но. Могу сказать, что я на половине*. И рядом с работой все светлее и светлее становится. Обнимаю вас.

Ваш *Л. Толстой*.

Хвалю ваше предисловие [к] Шопенгауэру, но не согласен, что пессимизм есть основная черта религиозного настроения.

Если случится, что вам без труда можно приобрести книгу о Филоне или его сочинения — такую книгу, чтобы дала ясное понятие о нем, то достаньте, пожалуйста, и пришлите.

1881

377. Н. Н. Страхову

1881 г. Февраля 5-10? Ясная Поляна.
Получил сейчас ваше письмо*, дорогой Николай Николаич, и спешу вам ответить.

Разумеется, ссылайтесь на мое письмо*. Как бы я желал уметь сказать все, что я чувствую о Достоевском. Вы, описывая свое чувство, выразили часть моего. Я никогда не видал этого человека и ни когда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый, самый близкий, дорогой, нужный мне человек. Я был литератор, и литераторы все тщеславны, завистливы, я, по крайней мере, такой литератор. И никогда мне в голову не приходило меряться с ним — никогда. Все, что он делал (хорошее, настоящее, что он делал), было такое, что чем больше он сделает, тем мне лучше. Искусство вызывает во мне зависть, ум тоже, но дело сердца только радость. Я его так и считал сво-

им другом, и иначе не думал, как то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это мое. И вдруг за обедом — я один обедал, опоздал — читаю: умер. Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал и теперь плачу.

На днях, до его смерти, я прочел «Униженные и оскорбленные» и умилялся.

В похоронах я чутьем знал, что, как ни обо[...] все это газеты, было настоящее чувство.

Что скажете на письмо жены?* Книги* в эту минуту не нужно. Очень благодарю вас. От всей души обнимаю и люблю вас.

Ваш *Л. Толстой*.

Василий Иванович* всякий раз просит передать вам свою любовь и уважение.

378. Александру III

<черновое>*

1881 г. Марта 8-15. Ясная Поляна.

Ваше императорское величество.

Я, ничтожный, непризванный и слабый, плохой человек, пишу письмо русскому императору и советую ему, что ему делать в самых сложных, трудных обстоятельствах, которые когда-либо бывали*. Я чувствую, как это странно, неприлично, дерзко, и все-таки пишу. Я думаю себе: если ты напишешь, письмо твое будет не нужно, его не прочтут, или прочтут и найдут, что оно вредно, и накажут тебя за это. Вот все, что может быть. И в этом для тебя не будет ничего такого, в чем бы ты раскаивался. Но если ты не напишешь и потом узнаешь, что никто не сказал царю то, что ты хотел сказать, и что царь потом, когда уже ничего нельзя будет переменить, подумает и скажет: если бы тогда кто-нибудь сказал мне это! Если это случится так, ты вечно будешь раскаиваться, что не написал того, что

думал. И потому я пишу вашему величеству то, что я думаю.

Я пишу из деревенской глуши, ничего верно не знаю. То, что знаю, знаю по газетам и слухам, и потому, может быть, пишу ненужные пустяки о том, чего вовсе нет, тогда, ради бога, простите мою самонадеянность и верьте, что я пишу не потому, что я высоко о себе думаю, а потому только, что, уже столь много виноватый перед всеми, боюсь быть еще виноватым, не сделав того, что мог и должен был сделать.

(Я буду писать не в том тоне, в котором обыкновенно пишутся письма государям — с цветами подобострастного и фальшивого красноречия, которые только затемняют и чувства, и мысли. Я буду писать просто, как человек к человеку. Настоящие чувства моего уважения к вам, как к человеку и к царю, виднее будут без этих украшений.)

Отца вашего, царя русского, сделавшего много добра и всегда желавшего добра людям, старого, доброго человека, бесчеловечно изувечили и убили не личные враги его, но враги существующего порядка вещей; убили

во имя какого-то высшего блага всего человечества. Вы стали на его место, и перед вами те враги, которые отравляли жизнь вашего отца и погубили его. Они враги ваши потому, что вы занимаете место вашего отца, и для того мнимого общего блага, которого они ищут, они должны желать убить и вас.

К этим людям в душе вашей должно быть чувство мести, как к убийцам отца, и чувство ужаса перед той обязанностью, которую вы должны были взять на себя. Более ужасного положения нельзя себе представить, более ужасного потому, что нельзя себе представить более сильного искушения зла. Враги отечества, народа, презренные мальчишки, безбожные твари, нарушающие спокойствие и жизнь вверенных миллионов, и убийцы отца. Что другое можно сделать с ними, как не очистить от этой заразы русскую землю, как не раздавить их, как мерзких гадов. Этого требует не мое личное чувство, даже не возмездие за смерть отца, этого требует от меня мой долг, этого ожидает [от] меня вся Россия.

В этом-то искушении и состоит весь ужас вашего положения. Кто бы мы ни были, цари

или пастухи, мы люди, просвещенные учением Христа.

Я не говорю о ваших обязанностях царя. Прежде обязанностей царя есть обязанности человека, и они должны быть основой обязанности царя и должны сойтись с ними.

Бог не спросит вас об исполнении обязанности царя, не спросит об исполнении царской обязанности, а спросит об исполнении человеческих обязанностей. Положение ваше ужасно, но только затем и нужно учение Христа, чтобы руководить нас в тех страшных минутах искушения, которые выпадают на долю людей. На вашу долю выпало ужаснейшее из искушений. Но как ни ужасно оно, учение Христа разрушает его, и все сети искушения, обставленные вокруг вас, как прах разлетятся перед человеком, исполняющим волю бога. Мф. 5, 43. Вы слышали, что сказано: люби ближнего и возненавидь врага твоего; а я говорю вам: любите врагов ваших... благотворите ненавидящим вас — да будете сынами отца вашего небесного. 38. Вам сказано: око за око, зуб за зуб, а я говорю: не противься злу. Мф. 18, 20. Не говорю тебе до 7, но

до 70×7. Не ненавидь врага, а благотвори ему, не противься злу, не уставай прощать. Это сказано человеку, и всякий человек может исполнить это. И никакие царские, государственные соображения не могут нарушить заповедей этих. 5, 19. И кто нарушит одну из сих малейших заповедей, малейшим наречется в царствии небесном, а кто сотворит и научит, тот великим наречется в царствии небесном. 7, 24. И так, всякого, кто слушает сии мои слова и исполняет их, уподоблю мужу разумному, который построил свой дом на камне: пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились в дом тот, и он не упал, ибо основан был на камне. А всякий, слушающий... * великое.

Знаю я, как далек тот мир, в котором мы живем, от тех божеских истин, которые выражены в учении Христа и которые живут в нашем сердце, но истина — истина, и она живет в нашем сердце и отзывается восторгом и желанием приблизиться к ней. Знаю я, что я ничтожный, дрянной человек, в искушениях, в 1000 раз слабейших, чем те, которые обрушились на вас, отдавался не истине и добру, а

искушению и что дерзко и безумно мне, исполненному зла человеку, требовать от вас той силы духа, которая не имеет примеров, требовать, чтобы вы, русский царь, под давлением всех окружающих, и любящий сын после убийства, простили бы убийц и отдали бы им добро за зло; но не желать этого я не могу, [не могу] не видеть того, что всякий шаг ваш к прощению есть шаг к добру; всякий шаг к наказанию есть шаг к злу, не видеть этого я не могу. И как для себя в спокойную минуту, когда нет искушения, надеюсь, желаю всеми силами души избрать путь любви и добра, так и за вас желаю и не могу не надеяться, что вы будете стремиться к тому, чтобы быть совершенными, как отец ваш на небе, и вы сделаете величайшее дело в мире, поборете искушение, и вы, царь, дадите миру величайший пример исполнения учения Христа — отдадите добро за зло.

Отдайте добро за зло, не противьтесь злу, всем простите.

Это и только это надо делать, это воля бога. Достанет ли у кого или неостанет сил сделать это, это другой вопрос. Но только этого

одного надо желать, к этому одному стремиться, это одно считать хорошим и знать, что все соображения против этого — искушения и соблазны, и что все *соображения против этого, все* ни на чем не основаны, шатки и темны.

Но кроме того, что всякий человек должен и не может ничем другим руководиться в своей жизни, как этими выражениями воли божией, исполнение этих заповедей божьих есть вместе с тем и самое для жизни вашей и вашего народа разумное действие. Истина и благо всегда истина и благо и на земле, и на небе. Простить ужаснейших преступников против человеческих и божеских законов и воздать им добро за зло — многим это покажется в лучшем смысле идеализмом, безумием, а многим злонамеренностью. Они скажут: «Не прощать, а вычистить надо гниль, задуть огонь». Но стоит вызвать тех, которые скажут это, на доказательство их мнения, и безумие и злонамеренность окажутся на их стороне.

Около 20 лет тому назад завелось какое-то гнездо людей, большей частью молодых, ненавидящих существующий порядок вещей

и правительство. Люди эти представляют себе какой-то другой порядок вещей, или даже никакого себе не представляют и всеми безбожными, бесчеловечными средствами, пожарами, грабежами, убийствами, разрушают существующий строй общества. 20 лет борются с этим гнездом. Как укусуное [?] гнездо, постоянно зарождающее новых деятелей, и до сих пор гнездо это не только не уничтожено, но оно растет, и люди эти дошли до ужаснейших, по жестокости и дерзости, поступков, нарушающих ход государственной жизни. Те, которые хотели бороться с этой язвой внешними, наружными средствами, употребляли два рода средств: одно — прямое отсечение больного, гнилого, строгость наказания; другое — предоставление болезни своего хода, регулирование ее. Это были либеральные меры, которые должны были удовлетворить беспокорные силы и утишить напор враждебных сил. Для людей, смотрящих на дело с материальной стороны, нет других путей — или решительные меры пресечения, или либерального послабления. Какие бы и где ни собрались люди толковать о том, что нужно де-

лать в теперешних обстоятельствах, кто бы они ни были, знакомые в гостиной, члены совета, собрания представителей, если они будут говорить о том, что делать для пресечения зла, они не выйдут из этих двух воззрений на предмет: или пресекать — строгость, казни, ссылки, полиция, стеснения цензуры и т. п., или либеральная потачка — свобода, уверенная мягкость мер взысканий, даже представительство, конституция, собор. Люди могут сказать много еще нового относительно подробностей того и другого образа действий; во многом многие из одного и того же лагеря будут несогласны, будут спорить, но ни те, ни другие не выйдут — одни из того, что они будут отыскивать средства насильственного пресечения зла, другие — из того, что они будут отыскивать средства не стеснения, давания выходу затеявшемуся брожению. Одни будут лечить болезнь решительными средствами против самой болезни, другие будут — лечить не болезнь, но будут стараться поставить организм в самые выгодные, гигиенические условия, надеясь, что болезнь пройдет сама собою. Очень может

быть, что те и другие скажут много новых подробностей, но ничего не скажут нового, потому что и та, и другая система уже были употреблены, и ни та, ни другая не только не излечила больного, но не имела никакого влияния. Болезнь шла донныне, постепенно ухудшаясь. И потому я полагаю, что нельзя так сразу называть исполнение воли бога по отношению к делам политическим мечтанием и безумием. Если даже смотреть на исполнение закона бога, святыню святынь, как на средство против житейского, мирского зла, и то нельзя смотреть на него презрительно после того, как очевидно вся житейская мудрость не помогла и не может помочь. Больного лечили и сильными средствами, и переставая давать сильные средства, а давая ход его отправлениям, и ни та, ни другая система не помогли, больной все больше. Представляется еще средство — средство, о котором ничего не знают врачи, средство странное. Отчего же не испытать его? Одно первое преимущество средство это имеет неотъемлемо перед другими средствами, это то, что те употреблялись бесполезно, а это никогда еще не употребля-

лось.

Пробовали во имя государственной необходимости блага масс стеснять, ссылать, казнить, пробовали во имя той же необходимости блага масс давать свободу — все было то же. Отчего не попробовать во имя бога исполнять только закон его, не думая ни о государстве, ни о благе масс. Во имя бога и исполнения закона его не может быть зла.

Другое преимущество нового средства — и тоже несомненное — то, что те два средства сами в себе были нехороши: первое состояло в насилии, казнях (как бы справедливы они ни казались, каждый человек знает, что они зло), второе состояло в не вполне правдивом попущении свободы. Правительство одной рукой давало эту свободу, другой — придерживало ее. Приложение обоих средств, как ни казались они полезны для государства, было нехорошее дело для тех, которые прилагали их. Новое же средство таково, что оно не только свойственно душе человека, но доставляет высшую радость и счастье для души человека. Прощение и воздаяние добром за зло есть добро само в себе. И потому приложение двух

старых средств должно быть противно душе христианской, должно оставлять по себе раскаяние, прощение же дает высшую радость тому, кто творит его.

Третье преимущество христианского прощения перед подавлением или искусным направлением вредных элементов относится к настоящей минуте и имеет особую важность. Положение ваше и России теперь — как положение больного во время кризиса. Один ложный шаг, прием средства ненужного или вредного, может навсегда погубить больного. Точно так же теперь одно действие в том или другом смысле: возмездие за зло жестоких казней или вызова представителей — может связать все будущее. Теперь, в эти 2 недели суда над преступниками и приговора, будет сделан шаг, который выберет одну из 3-х дорог, предстоящего распутья: путь подавления зла злом, путь либерального послабления — оба испытанные и ни к чему не приводящие пути. И еще новый путь — путь христианского исполнения царем воли божьей, как человеком.

Государь! По каким-то роковым, страш-

ным недоразумениям в душе революционеров запала страшная ненависть против отца вашего, — ненависть, приведшая их к страшному убийству. Ненависть эта может быть похоронена с ним. Революционеры могли — хотя несправедливо — осуждать его за гибель десятков своих. Но вы чисты перед всей Россией и перед ними. На руках ваших нет крови. Вы — невинная жертва своего положения. Вы чисты и невинны перед собой и перед богом. Но вы стоите на распутье. Несколько дней, и если восторжествуют те, которые говорят и думают, что христианские истины только для разговоров, а в государственной жизни должна проливаться кровь и царствовать смерть, вы навеки выйдете из того блаженного состояния чистоты и жизни с богом и вступите на путь тьмы государственных необходимостей, оправдывающих все и даже нарушение закона бога для человека.

Не простите, казните преступников, вы сделаете то, что из числа сотен вы вырвете 3-х, 4-х, и зло родит зло, и на место 3-х, 4-х вырастут 30, 40, и сами навеки потеряете ту минуту, которая одна дороже всего века, — ми-

нугу, в которую вы могли исполнить волю бога и не исполнили ее, и сойдете навеки с того распутья, на котором вы могли выбрать добро вместо зла, и навеки завязнете в делах зла, называемых государственной пользой. Мф. 5, 25.

Простите, воздайте добром за зло, и из сотен злодеев десятки перейдут не к вам, не к ним (это неважно), а перейдут от дьявола к богу и у тысяч, у миллионов дрогнет сердце от радости и умиления при виде примера добра с престола в такую страшную для сына убитого отца минуту.

Государь, если бы вы сделали это, позвали этих людей, дали им денег и услали их куда-нибудь в Америку и написали бы манифест с словами вверху: а я вам говорю, любите врагов своих, — не знаю, как другие, но я, плохой верноподданный, был бы собакой, рабом вашим. Я бы плакал от умиления, как я теперь плачу всякий раз, когда бы я слышал ваше имя. Да что я говорю: не знаю, что другие. Знаю, каким потоком разлились бы по России добро и любовь от этих слов. Истины Христовы живы в сердцах людей, и одни они живы,

и любим мы людей только во имя этих истин.

И вы, царь, провозгласили бы не словом, а делом эту истину. Но может быть, это все мечтания, ничего этого нельзя сделать. Может быть, что хотя и правда, что 1) более вероятности в успехе от таких действий, никогда еще не испытанных, чем от тех, которые пробовали и которые оказались негодными, и что 2) такое действие наверно хорошо для человека, который совершит его, и 3) что теперь вы стоите на распутье и это единственный момент, когда вы можете поступить по-божьи, и что, упустив этот момент, вы уже не вернете его, — может быть, что все это правда, но скажут: это невозможно. Если сделать это, то погубишь государство.

Но положим, что люди привыкли думать, что божественные истины — истины только духовного мира, а не приложимы к житейскому; положим, что врачи скажут: мы не принимаем вашего средства, потому что, хотя оно и не испытанно и само в себе не вредно, и правда, что теперь кризис, мы знаем, что оно сюда не идет и ничего, кроме вреда, сделать не может. Они скажут: христианское проще-

ние и воздаяние добром за зло хорошо для каждого человека, но не для государства. Приложение этих истин к управлению государством погубит государство.

Государь, ведь это ложь, злейшая, коварнейшая ложь: исполнение закона бога погубит людей. Если это закон бога для людей, то он всегда и везде закон бога, и нет другого закона воли его. И нет кощунственнее речи, как сказать: закон бога не годится. Тогда он не закон бога. Но положим, мы забудем то, что закон бога выше всех других законов и всегда приложим, мы забудем это. Хорошо: закон бога неприложим и если исполнить его, то выйдет зло еще худшее. Если простить преступников, выпустить всех из заключения и ссылок, то произойдет худшее зло. Да почему же это так? Кто сказал это? Чем вы докажете это? Своей трусостью. Другого у вас нет доказательства. И кроме того, вы не имеете права отрицать ничьего средства, так [как] всем известно, что ваши не годятся.

Они скажут: выпустить всех, и будет резня, потому что немного выпустят, то бывают малые беспорядки, много выпустят, бывают

большие беспорядки. Они рассуждают так, говоря о революционерах, как о каких-то бандитах, шайке, которая собралась и когда ее переловить, то она кончится. Но дело совсем не так: не число важно, не то, чтобы уничтожить или выслать их побольше, а то, чтобы уничтожить их закваску, дать другую закваску. Что такое революционеры? Это люди, которые ненавидят существующий порядок вещей, находят его дурным и имеют в виду основы для будущего порядка вещей, который будет лучше. Убивая, уничтожая их, нельзя бороться с ними. Не важно их число, а важны их мысли. Для того, чтобы бороться с ними, надо бороться духовно. Их идеал есть общий достаток, равенство, свобода. Чтобы бороться с ними, надо поставить против них идеал такой, который бы был выше их идеала, включал бы в себя их идеал. Французы, англичане, немцы теперь борются с ними и также безуспешно.

Есть только один идеал, который можно противопоставить им. И тот, из которого они выходят, не понимая его и кощунствуя над ним, — тот, который включает их идеал, иде-

ал любви, прощения и воздания добра за зло. Только одно слово прощения и любви христианской, сказанное и исполненное с высоты престола, и путь христианского царствования, на который предстоит вступить вам, может уничтожить то зло, которое точит Россию.

Как воск от лица огня, растает всякая революционная борьба перед царем — человеком, исполняющим закон Христа*.

379. К. П. Победоносцеву

1881 г. Марта 15? Ясная Поляна.
Милостивый государь Константин Петрович!

Я знаю Вас за христианина и, не поминая всего того, что я знаю о Вас, мне этого достаточно, чтобы смело обратиться к Вам с важной и трудной просьбой передать государю письмо, написанное мною по поводу страшных событий последнего времени*.

Не самонадеянность побудила меня к такому смелому поступку, но единственно мысль или, вернее, чувство, не дающее мне покоя, что я буду виноват перед собою и пе-

ред богом, если никто не скажет царю того, что я думаю, и что мысли эти оставят хоть какой-нибудь след в душе царя; а я мог это сделать и не сделал. Вы близко стоите и к государю, и к высшим сферам; Вы знаете все, что сказано было и говорится о настоящем положении. Ради бога, возьмите на себя труд прочесть мое письмо, и если Вы найдете, что в нем нет ничего такого, что бы не было высказано, пожалуйста, уничтожьте письмо и простите меня за труд, который я доставил Вам. Но если Вы найдете, что в письме моем есть что-нибудь новое, такое, что может обратить на себя внимание государя, то, пожалуйста, передайте или перешлите его*.

Простите за смелость моего обращения к Вам и верьте в чувства истинного уважения и преданности, с которыми имею честь быть Ваш покорный слуга

граф Лев Толстой.

380. Н. Н. Страхову

1881 г. Марта 15? Ясная Поляна.
Дорогой Николай Николаевич.

Заказное письмо, которое вы получите, это письмо от меня к государю*. Хорошо ли, дурно, но меня так неотвязно мучила мысль, что я обязан перед своей совестью написать государю то, что думаю, что я мучался неделю — писал, переделывал и вот посылаю письмо. Мой план такой: письмо к государю и письмо, которое при этом приложено*, вы — если вы здоровы и можете, и хотите это сделать, вы передадите, или лично, или хоть перешлете к Победоносцеву. Если вы увидите Победоносцева, то скажите ему то, что мне неловко писать, что если бы было возможно передать это письмо или мысли, которые оно содержит, не называя меня, то это бы было то, чего я больше всего желаю; разумеется, это только в том случае, если нет никакой опасности в представлении этого письма. Если же есть опасность, то я, разумеется, прошу передать от моего имени.

Письмо вышло нехорошо. Я написал сна-

чала проще, и было хотя и длиннее, но было сердечнее, как говорят мои, и я сам это знаю, но потом люди, знающие приличия, вычеркнули многое — весь тон душевности исчез, и надо было брать логичностью, и оттого оно вышло сухо и даже неприятно. Ну что будет, то будет. Я знаю, что вы поможете мне*, и вперед благодарю вас и обнимаю*.

Ваш *Л. Толстой.*

381. Н. Н. Страхову

1881 г. *Мая 3? Ясная Поляна.*
Собрался совсем писать вам, дорогой Николай Николаевич, но получил второй номер «Руси», в котором ваша статья, и решил прежде прочесть*.

Мне не понравилась ни первая, ни вторая статья. Как и почему, — поговорим, когда увидимся. Пожалуйста, преодолите же неприязненное чувство, которое вызовет в вас ко мне за то, что я сказал, что мне не нравится.

Очень вам благодарен за Филона. Позвольте им попользоваться, но, пожалуйста, не отдавайте его мне. Я с трудом могу понять, что это драгоценность. Так что не в коня корм.

Простите и будьте добры ко мне по-прежнему.

Любящий вас *Л. Толстой*.

382. Н. Н. Страхову

1881 г. Мая 26? Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич!

Вчера только получил и прочел ваши 3-ю и 4-ю статьи*, Эти две мне очень понравились; но, простите меня, именно тем, что они отрицают первые. В первой статье вы поставили вопрос так: среди благоустроенного, хорошего общества явились какие-то злодеи, 20 лет гонялись за добрым царем и убили его. Что это за злодеи? И вы выставляете все недостатки этих злодеев во 2-й статье. Но, по мне, вопрос поставлен неправильно. Нет злодеев, а была и есть борьба двух начал, и, разбирая борьбу с нравственной точки зрения, можно только обсуживать, какая из двух сторон более отклонялась от добра и истины; а забывать про борьбу нельзя. Забывать может только тот, кто сам в борьбе. Но вы обсуживаете. Другой упрек в том, что для того, чтобы обсуживать, необходима твердая и ясная ос-

нова, с высоты которой обсуживается предмет. Вы же выставляете основой «народ». Должен сказать, что в последнее время слово это стало мне так же отвратительно, как слова: церковь, культура, прогресс и т. п. Что такое народ, народность, народное мировоззрение? Это не что иное, как мое мнение с прибавлением моего предположения о том, что это мое мнение разделяется большинством русских людей. Аксаков, например, наивно уверен, что самодержавие и православие это идеалы народа*. Он и не замечает того, что самодержавие известного характера есть не что иное, как известная форма, совершенно внешняя, в которой действительно в недолгий промежуток времени жил русский народ. Но каким образом форма, да еще скверная, да еще явно обличившая свою несостоятельность, может быть идеалом, — это надо у него спросить. Каким образом внешняя религиозная форма греко-российско-иосифлянских догматов *вероисповедания* и уже очень несостоятельная, и очень скверная может быть идеалом — народа? Это надо у него спросить. Ведь это так глупо, что совестно возражать. Я буду утвер-

ждать, что я знаю Страхова и его идеалы, потому что знаю, что он ходит в библиотеку каждый [день] и носит черную шляпу и серое пальто. И что потому идеалы Страхова суть: хождение в библиотеку, и серое пальто, и страховщина. Случайные две, самые внешние формы — самодержавие и православие, с прибавлением народности, которая уже ничего не значит, выставляются идеалами. Идеалы Страхова — хождение в библиотеку, серое пальто и страховщина. Сказать, я знаю народные идеалы, очень смело, но никому не запрещено. Это можно сказать, но надо сказать ясно и определенно, в чем я полагаю, что они состоят, и высказать действительно нравственные идеалы, а не блины на масленице или православие, и не мурмолку или самодержавие.

Ошибка вашей статьи почти та же. Вы осуждаете во имя идеалов народа и не высказываете их вовсе в первых двух статьях, и высказываете неопределенно для других (для меня ясно) в последних статьях. В последних статьях вы судите с высоты христианской и тут народ ни при чем. И эта одна точка зре-

ния, с которой можно судить. Народ ни при чем. Сошелся этот какой-то народ с той точкой зрения, которую я считаю истинной, — тем лучше; не сошелся, — тем хуже для народа. И как только вы стали на эту точку зрения, то выходит совсем обратное тому, что было в прежних статьях. То были злодеи; а то явились те же злодеи единственными людьми, верующими — ошибочно, — но все-таки единственными верующими и жертвующими жизнью плотской для небесного, то есть бесконечного.

Дорогой Николай Николаич. Богатому красть, старому лгать, — недолго мне осталось жить, чтобы не говорить прямо всю правду людям, которых я люблю и уважаю, как вас. Разберите, что я говорю, и если неправда, — укажите, а если правда, то и мне при случае скажите такую же правду. Ваше молчание тяготило меня. Я дорожу и не перестану дорожить дружеским общением с вами.

Что вы делаете летом? Ясная Поляна, как и всегда, раскрывает вам свои любящие объятия. Надеюсь, что вы, если выедете, то не ми-

нуете нас и проживете чем дольше, тем радостнее для нас всех.

Я живу по-старому, расту и близусь к смерти все с меньшим и меньшим сомнением. Все еще работаю и работы не вижу конца.

Обнимаю вас от всей души.

Ваш *Л. Толстой*.

383. Н. Н. Страхову <неотправленное>

1881 г. Июня 1-5? Ясная Поляна.
Дорогой Николай Николаевич.

Мне всегда делается ужасно грустно, когда я вдруг с человеком, как вы, с которым мы всегда понимаем друг друга, вдруг упираюсь в тупик. И так мне сделалось грустно от вашего письма*.

Я сказал вам, что письма ваши мне не понравились, потому что точка зрения ваша неправильна; что вы, не видя того, что последнее, поразившее вас зло, произошло от борьбы, обсуживаете это зло. Вы отвечаете мне: «Я не хочу слышать ни о какой борьбе, ни о каких убеждениях, если они приводят к

этому и т. д.». Но если вы обсуждаете дело, то вы обязаны слышать. Я вижу, что чумака 100-летнего убили жесточайшим образом колонисты* и юношу прекрасного Осинского* повесили в Киеве. Я не имею никакого права осуждать этих колонистов и тех, кто повесил Осинского, если я не хочу слышать ни о какой борьбе. Только если я хочу слышать, только тогда я узнаю, что чумака убил 60 человек, а Осинский был революционер и писал прокламации. Вас особенно сильно поразило убийство царя, вам особенно противны те, которых вы называете нигилистами. И то и другое чувства очень естественные, но для того, чтобы обсуживать предмет, надо стать выше этих чувств; а вы этого не сделали. И потому мне не понравились ваши письма. Если же я и потому, что вы упоминаете о народе, и потому, что вы особенно строго осуждаете это убийство, указывая, почему это убийство значительнее, чем все те убийства, среди которых мы живем, предположил, что вы считаете существующий русский государственный строй очень хорошим, то я это сделал для того, чтобы найти какое-нибудь объяснение той

ошибки, которую вы делаете, не желая слышать ни про какую борьбу и вместе с тем обсуживая один из результатов борьбы. Ваша точка зрения мне очень, очень знакома (она очень распространенная теперь и очень мне не сочувственна). Нигилисты — это название каких-то ужасных существ, имеющих только подобие человеческое. И вы делаете исследование над этими существами. И по вашим исследованиям оказывается, что даже когда они жертвуют своею жизнью для духовной цели, они делают не добро, но действуют по каким-то психологическим законам бессознательно и дурно.

Я не могу разделять этого взгляда и считаю его дурным. Человек всегда хорош, и если он делает дурно, то надо искать источник зла в соблазнах, вовлекавших его в зло, а не в дурных свойствах гордости, невежества. И для того, чтобы указать соблазны, вовлекшие революционеров в убийство, нечего далеко ходить. Переполненная Сибирь, тюрьмы, войны, виселицы, нищета народа, кощунство, жадность и жестокость властей — не отговорки, а настоящий источник соблазна.

Вот что я думаю. Очень жалею, что я так не согласен с вами, но не забывайте, пожалуйста, что не я обсуживаю то зло, которое творится; вы обсуживаете, и я сказал только свое мнение, и не мнение, а объяснение, почему мне не нравятся ваши письма. Я только одного желаю, чтобы никогда не судить и не слышать про это.

Как жаль, что вы не приедете летом. И для меня жаль и за вас очень жаль. Сидеть в Петербурге летом, должно быть, ужасно. Да особенно еще хвоя. Может быть, вы еще устройтесь. Как бы хорошо было. Пожалуйста, не сердитесь на меня и не думайте, что я читаю вас невнимательно. Обнимаю вас*.

Ваш

384. С. А. Толстой

1881 г. *Июня 11. Крапивна.*
2-й час после полудня. Крапивна
*. Дошел хуже, чем я ожидал. Натер мозоли,
но спал, и здоровьем чувствую лучше, чем
ожидал. Здесь купил чуни пенечные, и в них
пойдетя легче. Приятно, полезно и поучи-
тельно очень. Только бы дал бог нам свидеть-
ся здоровым всей семьей, и чтоб не было дур-
ного ни с тобой, ни со мной, а то я никак не
буду раскаиваться, что пошел. Нельзя себе
представить, до какой степени ново, важно и
полезно для души (для взгляда на жизнь) уви-
дать, как живет мир божий, большой, настоя-
щий, а не тот, который мы устроили себе и из
которого не выходим, хотя бы объехали во-
круг света.

Дмитрий Федорович идет со мной до Опти-
ной. Он тихий и услужливый человек. Ноче-
вали мы в Селиванове у богатого мужика,
бывшего старшины, арендатора. Из Одоева
напишу и из Белева напишу. Я очень берегу
себя и купил нынче винных ягод для желуд-
ка.

Прощай, душенька, целую тебя и всех.

Если бы ты видела вчера на ночлеге девочку Мишиных лет, ты бы влюбилась в нее — ничего не говорит и все понимает, и на все улыбается, и никто за ней не смотрит.

Главное новое чувство это — сознавать себя и перед собой, и перед другими только тем, что я есмь, а не тем, чем я вместе со своей обстановкой. Нынче мужик в телеге догоняет. «Дедушка! куда бог несет?» — В Оптину. — «Что ж там и жить останешься?» И начинается разговор.

Только бы тебя не расстроивали большие и малые дети, только бы гости не были неприятные, только бы ты сама была здорова, только бы ничего не случилось, только бы... я делал все самое хорошее, и ты тоже, и тогда все будет прекрасно.

385. И. С. Тургеневу

1881 г. *Июня 26-27? Ясная Поляна.*
Очень хочется побывать у вас, дорогой Иван Сергеевич. Мне так было в последнее свиданье* хорошо с вами, как никогда прежде не было. И как ни странно это сказать, но я чувствую, что я теперь только после всех перипетий нашего знакомства* вполне сошелся с вами и что теперь я все ближе и ближе буду сходиться с вами.

Паломничество мое удалось прекрасно*. Я наберу из своей жизни годов 5, которые отдам за эти 10 дней. Я бы сейчас поехал к вам, но после моего возвращения случилось со мной то, чего не бывало, — флюс, который не давал мне ни есть, ни спать 6 суток. Я нынче первый день встал и слаб, как после тифа. Во вторник жена едет в Москву, а я остаюсь караулить дом. Когда она вернется, тогда, то есть между 5 и 10 июля, очень хочу съездить к вам*. Очень рад буду возобновить знакомство с Яковом Петровичем*, которому передайте мой поклон. Наши все благодарят вас за память, а я дружески жму вашу руку.

Толстой.

386. В. И. Алексееву

1881 г. *Ноября 15–30? Москва.*
Спасибо вам, дорогой Василий Иванович, за письмо ваше*.

Думаю я об вас беспрестанно и люблю вас очень. Вы недовольны собой, что же мне-то сказать про себя? Мне очень тяжело в Москве. Больше двух месяцев я живу и все так же тяжело. Я вижу теперь, что я знал про все зло, про всю громаду соблазнов, в которых живут люди, но не верил им, не мог представить их себе, как вы знали, что есть Канзас по географии, но узнали его только, когда приехали в него*. И громада этого зла подавляет меня, приводит в отчаяние, вселяет недоверие. Удивляешься, как же никто не видит этого?

Может быть, мне нужно было это, чтобы яснее найти свой частный путь в жизни. Представляется прежде одно из двух: или опустить руки и страдать бездеятельно, предаваясь отчаянию, или мириться со злом, затуманивать себя винтом, пустомельем, суетой. Но, к счастью, я последнего не могу, а первое

слишком мучительно, и я ищу выхода. Представляется один выход — проповедь изустная, печатная, но тут тщеславье, гордость и, может быть, самообман и боишься его; другой выход — делать доброе людям; но тут огромность числа несчастных подавляет. Не так, как в деревне, где складывался кружок естественный. Единственный выход, который я вижу, — это жить хорошо — всегда ко всем поворачиваться доброй стороной. Но этого все еще не умею, как вы. Вспоминаю о вас, когда обрываюсь на этом. Редко могу быть таким — я горяч, сержусь, негодую и недоволен собой. Есть и здесь люди. И мне дал бог сойтись с двумя. Орлов один, другой и главный Николай Федорович Федоров. Это библиотекарь Румянцевской библиотеки. Помните, я вам рассказывал. Он составил план общего дела всего человечества, имеющего целью воскрешение всех людей во плоти. Во-первых, это не так безумно, как кажется. (Не бойтесь, я не разделяю и не разделял никогда его взглядов, но я так понял их, что чувствую себя в силах защитить эти взгляды перед всяким другим верованием, имеющим внешнюю

цель.) Во-вторых, и главное, благодаря этому верованию он по жизни самый чистый христианин. Когда я ему говорю об исполнении Христова учения, он говорит: «Да это разумеется», — и я знаю, что он исполняет его. Ему 60 лет, он нищий и все отдает, всегда весел и кроток*. Орлов, пострадавший — 2 года сидел по делу Нечаева* и болезненный, тоже аскет по жизни, и кормит 9 душ и живет хорошо. Он учитель в железнодорожной школе.

Соловьев* здесь. Но он головной. Еще был я у Сютаева*. Тоже христианин и на деле. Книжку мою «Краткое изложение»* читали и Орлов, и Федоров, и мы единомышленны. С Сютаевым во всем до малейших подробностей. Ну, казалось бы, хорошо. Кроме того, пишу рассказы, в которых хочу выразить мои мысли*. Казалось бы, хорошо, но нет, нет спокойствия. Торжество, равнодушие, приличие, привычность зла и обмана давят. Сижусь я все дома, утром пытаюсь работать — плохо идет, часа в 2, 3 иду за Москву-реку пилить дрова. И когда есть сила и охота подняться, это освежает меня, придает силы, — видишь жизнь настоящую и хоть урывками в нее окунаешься и

освежаешься. Но когда не хожу. Тому назад недели 3 я ослабел и перестал ходить, и совсем было опустился — раздражение, тоска. Вечером сижу дома, и одолевают гости. Хоть и интересные, но пустые разговоры, и теперь хочу затвориться от них.

Пишите, пожалуйста, почаще. Поцелуйте за меня Лизавету Александровну, Лизу, Колю. Лиза прекрасное письмо написала, и ей и Лизавете Александровне верно кажется скучно, а я как позавидовал вашей жизни.

Прочел письмо и вижу, что оно ужасно бестолково, но боюсь не сумею написать лучше и посылаю.

Напишу непременно получше другой раз.

387. Н. Н. Страхову

1881 г. Ноября 23? Москва.

Простите, дорогой Николай Николаич, что не отвечал на ваше письмо*. Вы меня любите, я знаю, и потому понимаете. Правда, что мне тяжело. Бывает очень больно. Но боль эту не отдам за 10 лет веселой, приятной жизни. Даже странно сказать: не отдам за веселую приятную жизнь. Она-то мне и противна, а дорога, хотя не боль, но та деятельность, которая может выйти из этой боли. Не отвечал я вам, потому что был все это время в очень напряженном состоянии. Нынче я не то, что бодрее, но менее удручен.

Работы я никакой еще не начал настоящей. Написал рассказ, в детский журнал («Детский отдых»)* — и то нехорошо и с ужасным насилием над собой. Интересных мне людей я вижу много, но зачем? Учиться мне уж нечему от людей. А жить так, как я выучился, я не умею. И все ищу, и стараюсь, и все недоволен собой.

У нас все благополучно, родился сын*. Все слава богу здоровы и в семье хорошо.

Что вы делаете? Пишите мне и верьте в мою дружбу. Мне сердиться на вас не только не за что, но я знаю, что нет человека, который бы так по-моему понимал меня, как вы. У меня только происходит иногда по отношению вас обман чувств: «если этот человек так понимает меня, то как же он не разделяет моих чувств и в той же мере?» иногда говорю я себе об вас. И разумеется, я говорю вздор, доказывающий только то, что я не умею так понимать вас, как вы меня, и потому не вижу ваших чувств так же ясно, как вы мои.

Познакомился я с Николаем Михайловским. Я ожидал большего. Очень молодо, щеголевато и мелко. Обнимаю вас

Л. Толстой.

388. В. К. Истомину

1881 г. *Декабря начало. Москва.*
Любезнейший Владимир Константинович.

Я переменял не больше 20 строк во всем, но они *очень* нужны, особенно в конце. Надеюсь на ваше умное и тонкое отношение к этому моему писанью и вверяюсь вам. Переменять же больше не буду, в чем и подписуюсь*.

Л. Толстой.

Примечания

1

Вера — что я могу знать, любовь — что я должен делать, надежда — чего я могу надеяться.

[^^^]

Комментарии

Толстые в первый раз приехали в Казань в ноябре 1841 г. — там постоянно проживала их опекунша П. И. Юшкова.

[^^^]

До конца 1844 г. Толстые проживали на Поперечно-Казанской улице в доме И. К. Горталова.

[^^^]

Имение П. И. Юшковой в 29 верстах от Казани.

[^^^]

4

Сергей и Дмитрий Толстые осенью 1843 г. поступили на физико-математический факультет Казанского университета, который закончили весной 1847 г.

[^^^]

Е. А. Толстая — сестра Т. А. Ергольской.

[^^^]

Приемная дочь первой опекунши Толстых —
А. И. Остен-Сакен.

[^^^]

Терезия Антоновна — жена Евгр. Ал. Ергольского; *Петечка* — их сын.

[^^^]

Лето 1845 г. Толстой провел в Ясной Поляне.

[^^^]

В сентябре 1844 г. Толстой был зачислен студентом Казанского университета по разряду арабско-турецкой словесности. 25 августа 1845 г. он подал прошение о переводе его с восточного факультета на юридический. 13 сентября от управляющего Казанским учебным округом было получено разрешение о переходе.

[^^^]

С братом Толстой виделся в Тарусе (под Москвой), где дислоцировалась 14-я артиллерийская бригада, в которой Н. Н. Толстой служил по окончании в 1844 г. Казанского университета.

[^^^]

Возможно, что Толстой имеет в виду наброски философских сочинений, сделанные им летом.

[^^^]

П. И. Юшкову — тетку Толстого.

[^^^]

Из этих трех конторских книг сохранились две — одна полностью, другая в виде отдельных вырезанных листов. Следов работы Толстого над этими сочинениями в них нет. Возможно, что написанное летом 1846 года было Толстым уничтожено.

[^^^]

Туанеттой в семье Толстых звали Т. А. Ергольскую.

[^^^]

Письма неизвестны.

[^^^]

Щербачевка — имение в Курской губернии, доставшееся по разделу Д. Н. Толстому.

[^^^]

М. Н. Толстая.

[^^^]

Зиму 1848/49 г. Толстой провел в Москве. В начале февраля он внезапно уехал в Петербург, где пробыл до конца мая или начала июня.

[^^^]

С. Н. Толстой уехал из Москвы в конце января.

[^^^]

М. М. Шишкиной — цыганке, будущей жене С.
Н. Толстого.

[^^^]

Толстой предполагал держать экзамен на звание кандидата в Петербургском университете. Однако, начав в апреле 1849 г. сдавать экзамены, он внезапно отказался от своего плана. У него возникло желание поступить юнкером в Конно-кавалергардский полк и принять участие в заграничном походе. Это намерение, так же как и намерение поступить на гражданскую службу, осталось неосуществленным.

[^^^]

Очевидно, в этом не дошедшем до нас письме Д. Н. Толстого к Д. А. Оболенскому содержались подробности его разгульной жизни и просьба о присылке денег.

[^^^]

Разрешение от Опекунского совета на продажу леса.

[^^^]

А. П. Соболев — управляющий яснополянским
имением.

[^^^]

Речь идет о деньгах, проигранных Толстым
некому Орлову.

[^^^]

Лето 1849 г. Толстой провел в Ясной Поляне.

[^^^]

В не дошедшем до нас письме А. И. Соболеву содержалось распоряжение продать лес и выслать деньги в Москву для уплаты долгов (см. письмо к С. Н. Толстому от 15 марта 1849 г. — Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. в 90-та томах, т. 59, с. 36. В дальнейшем ссылки на это издание даются лишь с указанием тома и страницы).

[^^^]

Гаша — Агафья Михайловна, бывшая горничная П. Н. Толстой.

[^^^]

П. Е. Воробьев — бурмистр в Ясной Поляне.

[^^^]

С. Д. Горчаков.

[^^^]

Толстой излагает распространенную в московском светском обществе версию убийства возлюбленной драматурга А. В. Сухово-Кобылина — Луизы Симон-Диманш. Как установлено, убийство было совершено крепостными слугами, возмущенными ее крайне жестоким обращением с ними.

[^^^]

С. П. Колошин, дальний родственник Толстого, с семьей которого он был близок, с 1846 г. выступал с фельетонами и юмористическими очерками, из которых составил его сборник «Дневник фельетониста. Развлечения. Наша деревня изо дня в день» (М., 1860). О каких переводах идет речь, выяснить не удалось.

[^^^]

В. И. Готье — владелец французского книжного магазина и библиотеки для чтения в Москве на Кузнецком мосту, которыми Толстой пользовался на протяжении ряда лет.

[^^^]

«Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» — роман А. Дюма. Толстой читал первое французское издание романа (Париж, 1848–1850).

[^^^]

Толстой читал 9-томное издание этого труда, выпущенное в 1845–1846 гг. в Париже.

[^^^]

Роман впервые издан во Франции в 1849 г.

[^^^]

В ответном письме от 5 декабря С. Н. Толстой сообщал брату, что «аттестаты серому и воронному» он выслал (т. 59, с. 73).

[^^^]

Н. С. Воейков.

[^^^]

То есть у вдовы Ф. И. Толстого (Американца),
Авдотьи Максимовны; князь — А. И. Горчаков.

[^^^]

Письмо Т. А. Ергольской неизвестно.

[^^^]

Письмо С. Н. Толстого от 5 декабря (т. 59, с. 73).

[^^^]

Начало письма не сохранилось. В тексте после слов «сто раз» имеется приписка Н. Н. Толстого (т. 59, с. 97).

[^^^]

У В. И. Юшкова в его имении Паново Толстой
провел 9 мая.

[^^^]

3. М. Молоствову, к которой Толстой «испытал... поэтическое чувство влюбления» (т. 34, с. 399).

[^^^]

А. С. Орехов, слуга Толстого.

[^^^]

См. письмо 9.

[^^^]

Письмо написано на Кавказе, куда Толстой приехал в конце мая вместе с братом Николаем, служившим в 20-й артиллерийской бригаде. Старый Юрт — чеченское поселение, вблизи г. Грозный.

[^^^]

В. П. Толстого, племянника Т. А. Ергольской и мужа М. Н. Толстой. Письмо В. П. Толстого с припиской Т. А. Ергольской от середины мая сохранилось (ГМТ).

[^^^]

Возможно, что речь идет о сыне А. С. Воейкова — Петре.

[^^^]

См. письмо 9. Возможно, что недатированное предыдущее стихотворное письмо А. С. Оголину (т. 59, № 44) было написано также в Сызрани.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

См. письмо 11.

[^^^]

Дядюшка — В. И. Юшков, муж родной тетки Толстого П. И. Юшковой. Письмо Оголина неизвестно.

[^^^]

Имеется в виду З. М. Молостцова.

[^^^]

Оголин.

[^^^]

Что с нашим милым прокурором? Он загадочен и мрачен, как Нератов. Откуда вы так поздно? (*фр.*)

[^^^]

Дочь Е. Д. Загоскиной.

[^^^]

Возьмите вашу шляпу и скажите барышням
Молостовым, что пора ехать (*фр.*).

[^^^]

Н. И. Кнорринг.

[^^^]

Мамаша, сегодня для меня счастливый день,
я два раза видела мадам Бюре (*фр.*).

[^^^]

Королева Марго — главная тема разговора
(фр.). «Королева Марго» — пьеса А. Дюма и А.
Маке.

[^^^]

Неизвестно, о ком идет речь.

[^^^]

События этого похода против горцев, продолжавшегося с 25 июня по 1 июля, описаны Толстым в рассказе «Набег».

[^^^]

Сослуживец Толстого, штабс-капитан А. П.
Оголин.

[^^^]

Что я прошу вспомнить обо мне (*фр.*).

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

Письмо от 24 июня 1851 г.; в нем содержалась просьба передать М. Н. и В. П. Толстым, что Толстой дарит им свое фортепьяно (см. т. 59, № 47).

[^^^]

Имеется в виду М. М. Шишкина.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

Для поступления на военную службу Толстому необходим был Указ об увольнении с гражданской службы в Тульском губернском правлении, где он формально числился. На военную службу официально он был зачислен 13 февраля 1852 г. (см. письмо 16).

[^^^]

На Кавказе Толстой работал над повестью «Детство».

[^^^]

Шармер — известный петербургский портной.

[^^^]

Машенька в своем последнем письме говорит мне о тебе и Маше-цыганке. Она говорит: «Тенька мне сказала, что во время своего пребывания в Пирогове она ни разу не встретила султаншу, и что это доказательство деликатности Сережи. Я, говорит Машенька, не вижу в этом ничего, кроме доказательства холодности со стороны Сережи, и я очень жалею бедную девушку, если она действительно брошена, потому что я убеждена, что она отдалась не из-за денег и что она любит Сережу» (фр.).

[^^^]

У С. Н. Толстого родился сын, которого назвали Николаем.

[^^^]

Ризка — ткань, в которую при крещении принимают ребенка из купели.

[^^^]

Братья Толстые приехали в Тифлис 1 ноября.

[^^^]

Толстой участвовал добровольцем в походе отряда под командованием А. И. Барятинского в июне 1851 г. (см. запись в *Дн.* от 3 июля 1851 г.).

[^^^]

Кормилицей Толстого была А. Н. Зябрева.

[^^^]

Гаша — подруга М. М. Шишкиной.

[^^^]

Люблю тебя (*тат.*).

[^^^]

См. примеч. 2 к письму 14.

[^^^]

Н. П. Слепцов, командир 1-го Сунжунского линейного казачьего полка, был убит в бою 10 декабря.

[^^^]

Письмо неизвестно. Толстой ответил на него
15 декабря (т. 59, № 51).

[^^^]

Письмо от 6 декабря (т. 59, с. 142).

[^^^]

Эти бумаги были нужны Толстому для поступления на военную службу.

[^^^]

И. В. Суворов, слуга Толстого.

[^^^]

Толстой был зачислен в батарею № 4 батарею 20-й артиллерийской бригады.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

Речь идет о проигрыше подпоручику Ф. Г. Кноррингу.

[^^^]

Садо Мисербиев — чеченец, служивший в русской армии. С его слов Толстой записал две чеченские народные песни (см. т. 46, с. 89–90).

[^^^]

В 1850 г. Толстой проиграл в карты 4000 рублей В. И. Огареву.

[^^^]

Письмо Н. Н. Толстого без даты (*ГМТ*).

[^^^]

Просьба Толстого была выполнена. Этот дар Садо долгие годы хранился в его семье.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

Я обращаюсь к (*фр.*).

[^^^]

Н. С. Воейков.

[^^^]

немного (*φp.*).

[^^^]

К. А. Иславин (Исленьев). В своих «Воспоминаниях» Толстой назвал его «глубоко безнравственным человеком» (см. т. 14 наст. изд., с. 425).

[^^^]

Любовь Сергеевна описана Толстым в его «Воспоминаниях». Там же содержится подробный рассказ об однокурснике Д. Н. Толстого, «бедном, оборванном» студенте А. И. Полубояринове, и о жившем у Воейкова полужуродивом Луке (*там же*, с. 420–422, 424).

[^^^]

В. А. Иславин, служивший тогда в Министерстве государственных имуществ, впоследствии член Совета Министерства государственных имуществ.

[^^^]

М. Н. Толстая.

[^^^]

Экономка Толстых, прототип Натальи Савиш-
ны в повести «Детство».

[^^^]

Толстой вспоминает отъезд семьи Толстых в Казань в ноябре 1841 г. после смерти А. И. Остен-Сакен. Т. А. Ергольская из-за сложности своих отношений с семьей Юшковых была вынуждена тогда расстаться со своими воспитанниками.

[^^^]

В январе — феврале 1852 г. Толстой участвовал в боевых действиях против горцев.

[^^^]

С 13 по 25 апреля Толстой совершил поездку в Кизляр с заездом в Шандраково, расположенное на берегу Каспийского моря.

[^^^]

Толстой прочел в это время книгу А. Тьера «История французской революции» и «Историю Англии» Д. Юма.

[^^^]

«Детство». Закончив третью редакцию, Толстой 31 мая приступил к работе над четвертой редакцией.

[^^^]

П. И. Юшкова была светской и в то же время глубоко религиозной женщиной, чтившей все церковные предписания и обряды. Ее брак не был счастливым, и супруги подолгу жили врозь. Возможно, что это обстоятельство и имеет в виду Толстой.

[^^^]

Список неизвестен. По ответному письму Т. А. Ергольской можно установить, что среди требуемых книг была «Новая Элоиза» Жан-Жака Руссо (т. 59, с. 181).

[^^^]

С. Н. Толстому (т. 59, № 59).

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

Имеется в виду соперничество в уходе за дочерьми Н. А. Карпова.

[^^^]

Н. И. Буемский.

[^^^]

Письмо от 29 марта (т. 59, с. 170).

[^^^]

Продолжительная лихорадка (*фр.*).

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

См. ПИСЬМО 16.

[^^^]

См. т. 59, № 58.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

См. письмо 29 и примеч. 2 к письму 14.

[^^^]

Письмо В. П. Толстому неизвестно.

[^^^]

См. письмо 21.

[^^^]

Рукопись повести «Детство».

[^^^]

«Детство», «Отрочество», «Юность». Четвертая часть — «Молодость» не была написана, частично ее замысел реализован в повести «Утро помещика».

[^^^]

Некрасов ответил Толстому письмом от середины августа, в котором сообщал, что «рукопись... имеет в себе настолько интереса», что она будет напечатана в «Современнике» (см.: *Переписка*, т. 1, с. 50).

[^^^]

В письме от 5 сентября Некрасов снова положительно отозвался о «Детстве» и высказал убежденность в том, что «у автора есть талант» (*там же*, с. 51).

[^^^]

Судя по дневниковой записи, Толстой приступил к работе над продолжением «Детства» — «Отрочеством» только 29 ноября.

[^^^]

Требую гонорар за «Детство», Толстой не знал, что в то время в наиболее популярных журналах существовала традиция «не платить за *первую* повесть начинающему автору, которого журнал впервые рекомендует публике» (*Переписка*, т. 1, с. 53).

[^^^]

Толстой преувеличивал и количество, и значительность изменений, произведенных в повести. Большинство из них были сделаны по требованию цензуры.

[^^^]

Текст этого «Предисловия» неизвестен, так как рукопись, отправленная Толстым Некрасову, не сохранилась. Среди рукописей «Детства» имеется отрывок, озаглавленный «К читателям», и глава «К тем господам критикам, которые захотят принять ее на свой счет» (см. т. 1, с. 207 и 209).

[^^^]

Настоящее письмо и письмо к Некрасову от 8 ноября (см. *Дн.* 8 ноября 1852 г.) не были посланы Толстым, так как их содержание показалось ему «слишком жестко». Это письмо Толстой отправил С. Н. Толстому. См. письмо 27.

[^^^]

Некрасов предложил Толстому 50 рублей серебром за печатный лист, то есть плату, которую, по его словам, «получают наши известные (весьма немногие) беллетристы» (*Переписка*, т. 1, с. 53).

[^^^]

Толстой в то время работал над «Романом русского помещика», «Очерками Кавказа» и рассказом «Набег».

[^^^]

Особенно многократным переделкам подвергся рассказ «Набег».

[^^^]

Некрасов попросил Толстого, подписавшего «Детство» инициалами, раскрыть полностью свое имя и фамилию.

[^^^]

Толстой отвечает на письмо С. Н. Толстого от середины ноября 1852 г., в котором тот писал, что сразу угадал, кто является автором «Детства», а также сообщал некоторые журнальные отзывы о нем (т. 59, с. 219).

[^^^]

«Роман русского помещика».

[^^^]

«Набер».

[^^^]

См. писъмо 25.

[^^^]

Толстой ждал производства в офицеры.

[^^^]

С. Н. Толстой предлагал: «устроимся так, чтобы нам жить вместе где-нибудь, в Москве ли, в Петербурге ли, в Одессе, даже, если пустят, то за границей» (т. 59, с. 219).

[^^^]

Толстой имеет в виду время с 1847 г. по апрель 1851 г., когда он, живя в Ясной Поляне, оказывал помощь своим крепостным крестьянам, много читал, изучал философию и историю.

[^^^]

Про «долгополый сюртук» Толстой 4 апреля 1908 г. рассказывал своему биографу П. И. Бирюкову: «Я сшил себе халат такой, чтобы в нем можно было и спать и ходить. Он заменял постель и одеяло» (Н. Н. Гусев. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973, с. 134).

[^^^]

Имеются в виду отношения С. Н. Толстого с М. М. Шишкиной.

[^^^]

Рассказ «Набег».

[^^^]

«Набег» был напечатан (С, 1853, № 3) с большими цензурными изъятиями. Некрасов вопреки просьбе Толстого опубликовал его, так как был убежден, что «хотя он и много испорчен, но в нем осталось еще много хорошего» (*Переписка*, т. 1, с. 58).

[^^^]

Рукопись, посланная для публикации, не сохранилась, поэтому нельзя установить, какие купюры были предложены Толстым.

[^^^]

Примечаниями Толстой называет свои подстрочные пояснения местных слов и оборотов речи.

[^^^]

Толстой был принят на службу с правом спустя 6 месяцев получить офицерский чин; получил его в январе 1854 г., а 6 сентября — чин подпоручика.

[^^^]

Инспекторский департамент Военного министерства.

[^^^]

9 июля 1853 г. Толстой с братом Николаем приехал в Пятигорск к М. Н. Толстой.

[^^^]

28 августа Толстой начал писать «Казачью повесть» («Казачьи»), одновременно продолжал работу над «Отрочеством».

[^^^]

Рассказ «Записки маркера», начат 13 сентября
и закончен 16 сентября 1853 г.

[^^^]

Толстой имеет в виду письмо Некрасова от 6 апреля 1853 г., в котором тот обещал «впредь... поступать уже сообразно» с желаниями Толстого (*Переписка*, т. 1, с. 59). Рассказ «Записки маркера» опубликован — С, 1855, № 1.

[^^^]

См. письмо 29 и примеч. 1 к нему.

[^^^]

Толстой по его просьбе был переведен в Дунайскую армию и 12 марта 1854 г. после почти месяца, проведенного в Ясной Поляне, а затем в Москве, прибыл в Бухарест.

[^^^]

Письма неизвестны.

[^^^]

Вероятно, письмо от 23 июня (см. запись в *Дн.* от 23 июня), оставшееся неизвестным.

[^^^]

Толстой с 28 мая находился в армии, осаждавшей турецкую крепость Силистрию.

[^^^]

М. Д. Горчаков, командующий Дунайской армией.

[^^^]

Толстой получил назначение находиться при управлении штаба начальника артиллерии 3, 4-го и 5-го корпуса генерала А. О. Сержпутовского для выполнения особых поручений.

[^^^]

Письмо к И. Е. Дроздову, с которым Толстой во время пребывания в Пятигорске часто виделся, неизвестно.

[^^^]

Толстой приехал в Кишинев 9 сентября 1854 г.

[^^^]

Речь идет о сражении 13 октября под Балаклавой, в котором отряд, возглавляемый генерал-лейтенантом П. П. Липранди, захватил 4 редута и 11 орудий противника.

[^^^]

См. письмо 35 и примеч. 7 к нему.

[^^^]

По просьбе Толстого его зять В. П. Толстой продал большой яснополянский дом, построенный Н. С. Волконским, на своз помещику Горохову за 5000 р. (см. недатированное письмо В. П. Толстого — *ГМТ*). Дом был поставлен в имении Долгое Крапивенского уезда, в 17 верстах от Ясной Поляны и сохранялся до 1913 г.

[^^^]

Отъезд в Дунайскую армию в марте 1854 г.

[^^^]

Имеется в виду Крымская война. После высадки союзных войск в Крыму Толстой, находившийся тогда в Кишиневе, стал добиваться перевода в район военных действий. 7 ноября 1854 г. Толстой прибыл в Севастополь и был прикомандирован к 3-й легкой батарее 14-й артиллерийской бригады.

[^^^]

См. письмо 33.

[^^^]

Толстой покинул Севастополь 15 ноября и переехал в поселок Эски-Орду, где стояла его батарея.

[^^^]

24 октября — день сражения под Инкерманом.

[^^^]

5 октября противник подверг Севастополь сильному артиллерийскому обстрелу. Русские войска проявили поразительную стойкость и мужество.

[^^^]

Журнал «Солдатский вестник», затем переименованный в «Военный листок», предназначался, главным образом, для солдат. Проект и пробный номер были представлены командующему Крымской армией князю М. Д. Горчакову, отправившему эти материалы военному министру для получения разрешения Николая I. Николай I не разрешил это издание. В официальном ответе было сказано: «Его величество... изволил признать неудобным разрешить издание оно́го, так как все статьи, касающиеся военных действий... первоначально печатаются в газете «Русский инвалид». Но «офицерам было разрешено» присылать статьи свои для помещения в «Русском инвалиде» (т. 59, с. 289).

[^^^]

Пробный номер журнала до нас не дошел, сохранились лишь некоторые предназначенные для него материалы: очерки Н. Я. Ростовцева, К. Н. Боборыкина и А. Д. Столыпина, статья Л. Ф. Балюзeka «Несколько слов о ракетах», отредактированная Толстым, рецензия К. Менькова на «Сборник известий, относящихся до настоящей войны» (СПб., 1854) (ГМТ). Толстой для журнала написал рассказ «Как умирают русские солдаты» («Тревога»).

[^^^]

В. П. Толстого. Письма от августа — октября неизвестны. Т. А. Ергольская писала Толстому 3 декабря: «Валерьян передал мне содержание твоих последних писем и между прочим о твоём распоряжении выслать тебе 1500 р. сер. из суммы, полученной от продажи дома» (т. 59, с. 350).

[^^^]

П. Д. Горчакову.

[^^^]

Судя по дневниковым записям, последнее письмо от Некрасова от 10 июля было получено Толстым 24 августа (т. 47, с. 23).

[^^^]

Некрасову было неизвестно местонахождение Толстого.

[^^^]

См. примеч. 7 к письму 35.

[^^^]

В своем письме Т. А. Ергольская писала:
«...твое молчание меня гнетет и огорчает
невыразимо» (т. 59, с. 294).

[^^^]

Речь идет о сражениях при Альме 8 сентября
и под Инкерманом 24 октября 1854 г.

[^^^]

С. Н. Толстому. См. письмо 35.

[^^^]

В. П. Толстому. Письмо неизвестно.

[^^^]

Н. Н. Толстой в октябре писал: «Маша в восхищении от Тургенева... говорит, что это простой человек, он играет с ней в бирюльки, раскладывает с ней гранпасьянс, большой друг с Варенькой...» (см. *ЛН*, т. 37–38, с. 729).

[^^^]

Дочь М. Н. Толстой.

[^^^]

«Русский инвалид» — официальная газета, имевшая исключительное право публикации материалов на военные темы и сообщений о положении на театре военных действий.

[^^^]

Об этих произведениях, их содержании и авторах сведений нет.

[^^^]

См. письмо 35.

[^^^]

М. Д. Горчакова, дальнего родственника Толстого.

[^^^]

Речь идет о письме к В. П. Толстому от 24 февраля 1855 г. (т. 59, № 96).

[^^^]

Рассказ «Севастополь в декабре месяце», судя по авторской дате в журнальной публикации, законченный 25 апреля, по-видимому, тут же с курьером был отправлен Толстым в Петербург, и поэтому он полагал, что Некрасов мог уже его получить.

[^^^]

Толстой прислал очерк А. Д. Столыпина «Ночная вылазка в Севастополе. Рассказ участвовавшего в ней», в котором описывались события, происшедшие в ночь с 10 на 11 марта, и отмечалось мужество, героизм участников севастопольской обороны. Очерк напечатан (С, 1855, № 7) с примечанием редакции: «Сообщением этой статьи мы обязаны г. Л. Н. Т.»

[^^^]

Эта статья не была послана.

[^^^]

В очерке Столыпина имеется несколько подстрочных примечаний, сделанных генералом С. А. Хрулевым, руководившим боем 10 марта.

[^^^]

На 4-м бастионе, сильно пострадавшем от артиллерийского обстрела, Толстой находился до 15 мая.

[^^^]

Т. А. Ергольская в письме от 16 апреля писала:
«Я только занята одним — бомбардировкой
Севастополя... я боюсь, я трепещу на тебя...»
(т. 59, с. 308).

[^^^]

Письмо П. И. Юшковой (не сохранилось) для передачи М. Д. Горчакову. Она пыталась свои родственные и дружеские связи с ним использовать в интересах Толстого. Так, Н. Н. Толстой в ноябре 1853 г. извещал брата: «Я был у тетушки Полины в Оптиной, она написала письмо к князю Михаилу относительно твоего перевода» («Литературное обозрение», 1978, № 9, с. 95).

[^^^]

Письма от 3, 19 и 31 мая (*Переписка*, т. 1, № 63–65).

[^^^]

Так первоначально назывался рассказ «Рубка леса».

[^^^]

Панаев передал Тургеневу просьбу Толстого и получил от него письмо от 10 июля 1855 г., в котором тот писал: «Мне очень лестно желанье его посвятить мне свой новый рассказ» (*Тургенев. Письма*, т. II, с. 297). Рассказ был напечатан с посвящением Тургеневу.

[^^^]

На позиции, находившиеся на реке Бельбек, Толстой был направлен 15 мая 1855 г. Здесь он командовал подразделением горной артиллерии.

[^^^]

Рассказ «Рубка леса» был выслан 18 июня.

[^^^]

В автографе вырезано несколько строк.

[^^^]

В Дневнике Толстого имеется запись от 20 июля: «Сегодня получил письмо от Панаева, «Записками юнкера» довольны, напечатают в VIII книжке». Это письмо Панаева неизвестно.

[^^^]

Толстой в то время работал над рассказом «Севастополь в мае».

[^^^]

Имеется в виду примечание редакции «Современника» к рассказу «Севастополь в декабре месяце»: «Автор обещает ежемесячно присылать нам картины севастопольской жизни, вроде предлагаемой. Редакция «Современника» считает себя счастливою, что может доставлять своим читателям статьи, исполненные такого высокого современного интереса и притом написанные тем писателем, который возбудил к себе такое живейшее сочувствие и любопытство во всей читающей русской публике своими рассказами «Детство», «Отрочество», «Набег» и «Записки маркера».

[^^^]

Рассказ напечатан под названием «Рубка леса» (С, 1855, № 9).

[^^^]

Последнее письмо Толстого к брату Сергею —
от 15...30? апреля 1855 г. (т. 59, № 99).

[^^^]

Там я познакомился с Кузькиной матерью
(фр.).

[^^^]

Командиром батареи был некий В. С. Филимонов.

[^^^]

Как смягчающие вину обстоятельства (*фр.*).

[^^^]

С. Н. Толстой в марте 1855 г. поступил поручиком в стрелковый полк (в 1856 г. вышел в отставку). Толстой узнал об этом из письма В. П. Толстого от 9 апреля 1855 г. (т. 59, с. 306).

[^^^]

«Севастополь в мае». Рукопись доставлена в Петербург прапорщиком В. П. Колошиным.

[^^^]

Помимо намеченных Толстым сокращений, Панаев дополнительно сделал ряд купюр, и тем не менее уже в корректуре рассказ подвергся цензурному вмешательству (об этом см. т. 2 наст. изд., с. 412). Рассказ напечатан без подписи автора (С, 1855, № 9).

[^^^]

Толстой предложил вариант названия «Ночь весной в Севастополе», чтобы название не напоминало о кровопролитном сражении 10 мая, закончившемся поражением русских войск и давшем Толстому материал для его рассказа.

[^^^]

В «Современнике» вместо фамилии Напши-сецкий напечатана лишь одна начальная буква Н, а весь этот абзац (глава 6) был снят.

[^^^]

Польская фраза (глава 6) была вычеркнута цензурой.

[^^^]

См. писъма 42 и 43.

[^^^]

4 августа 1855 г. русская армия под командованием М. Д. Горчакова в районе Черной речки предприняла наступление. Сражение было проиграно, войска понесли большие потери.

[^^^]

Письма от начала июля (неизвестное) и от 18 июля (см.: *Переписка*, т. 1, № 69).

[^^^]

В письме от 18 июля Панаев убеждал Толстого, что необходимо для смягчения цензуры «кое-что прибавить в конце, что, дескать, все-таки Севастополь и русский народ и проч.». Не ожидая согласия Толстого, он приписал к рассказу следующий абзац: «Но не мы начали эту войну, не мы вызвали это страшное кровопролитие. Мы защищаем только родной край, родную землю и будем защищать се до последней капли крови». Это вызвало возмущение Толстого (см. письмо № 111). Начиная с 1886 г., этот абзац во всех изданиях рассказа был исключен.

[^^^]

Под этой подписью были напечатаны в «Современнике» «Отрочество», «Записки маркера» и «Севастополь в декабре месяце».

[^^^]

Письмо Некрасова от 15 июня 1855 г. с извещением о высылке гонорара за «Севастополь в декабре месяце» (*Переписка*, т. 1, № 19).

[^^^]

«Бывшим делом» Толстой называет сражение 4 августа на Черной речке. Сведений о рассказе А. Д. Столыпина нет.

[^^^]

Толстой ошибся: А. И. Остен-Сакен скончалась
30 августа 1841 г.

[^^^]

В. П. Калошин, — прапорщик 11-й артиллерийской бригады, был убит 27 августа, в день штурма Севастополя.

[^^^]

Известно письмо Н. Н. Толстого от 21 августа 1855 г. с объяснением причин своего молчания («Литературное обозрение», 1978, № 9, с. 96–97).

[^^^]

Толстой приехал в Петербург 19 ноября как военный курьер, посланный с донесением о действиях артиллерии во время штурма Севастополя.

[^^^]

Тургеневым.

[^^^]

Толстой прожил у Тургенева немногим более месяца.

[^^^]

Брата и мужа М. Н. Толстой.

[^^^]

Некрасов писал Тургеневу 24 мая 1856 г.:
«Портрет мой в хорошей рамке посылается на
днях графине Толстой» (*Некрасов*, т. X, с. 275).

[^^^]

Толстой познакомился с А. А. Краевским, редактором «Отечественных записок», 24 ноября 1855 г. «Роман русского помещика», над которым Толстой работал в 1852–1853 гг., остался незавершенным. После переработки и сокращения под заглавием «Утро помещика» — опубл. ОЗ, 1856, № 12.

[^^^]

Речь идет о рассказе «Метель». Был закончен 11 февраля 1856 г., на следующий день Толстой читал его в редакции «Современника». Оpubл. — С, 1856, № 3.

[^^^]

По приезде в Петербург Толстой был прикомандирован для дальнейшего прохождения военной службы к С.-Петербургскому ракетному заведению. 16 мая им был получен отпуск сроком на 11 месяцев, однако, не дождавшись конца отпуска, Толстой подал на «высочайшее имя» прошение об увольнении с военной службы. Разрешение было получено только 26 ноября.

[^^^]

Отзыв М. Н. Толстой неизвестен.

[^^^]

«Отец и сын» — первоначальное название повести «Два гусара». В написанном в 1875 г. предисловии к французскому переводу повести Тургенев отозвался о ней одобрительно (см.: *Тургенев. Сочинения*, т. XV, с. 107–108).

[^^^]

Толстой познакомился с Д. Григоровичем в январе 1856 г.

[^^^]

Григорович посвятил М. Н. Толстой «Очерки современных нравов» (С, 1857, № 3).

[^^^]

«Пахарь» (С, 1856, № 3). Отзыв Толстого см. в письме № 53.

[^^^]

Снимок был сделан 15 февраля 1856 г. Некрасов отсутствовал по болезни.

[^^^]

Охотницкой.

[^^^]

Письмо Толстого представляет собой начало коллективного письма Дружинина, Панаева, Некрасова, Гончарова и еще одного неизвестного лица (*ГМТ*). После писем каждого из вышеназванных корреспондентов следует текст Толстого.

[^^^]

«Переселенцы» — роман Григоровича (03, 1855, № 11,12; 1856, № 4, 5.) В апрельском номере была напечатана его третья часть.

[^^^]

Толстой выехал в Москву 17 мая и пробыл там до 27 мая. Он навещал Боткина на его даче в Кунцеве 18 и 23 мая, но не жил там.

[^^^]

Григорович находился в то время в своем имении Дулебино и приехать в Москву отказался.

[^^^]

А. Л. Краевскому.

[^^^]

Приписка следует за письмом Дружинина, который писал Григоровичу: «Андреас на вас ожесточен», имея в виду, очевидно, неаккуратное выполнение Григоровичем своих обязательств перед «Отечественными записками».

[^^^]

Приписка следует после письма неизвестного, описывавшего свое веселое времяпрепровождение.

[^^^]

Приписка Толстого сделана после текста Дру-
жинина.

[^^^]

Приписка следует после письма Гончарова, который писал: «Все написавшие передо мной приятели, которые теперь сидят сзади меня в комнате, так отделяют вас, так перебирают все ваши косточки, что я едва успеваю замолвить слово в вашу пользу: вот они друзья-то каковы».

[^^^]

См. письмо 52 и примеч. 1 к нему.

[^^^]

В Москве Толстой находился с 18 по 27 мая. В Троице-Сергиевой лавре, где жила П. И. Юшкова, он провел 19 и 20 мая.

[^^^]

Тургенев 5 мая уехал из Петербурга в свое имение Спасское.

[^^^]

Ноты оперы В. Моцарта «Дон-Жуан».

[^^^]

Толстой в феврале 1854 г, проездом с Кавказа в Крым, в действующую армию, заезжал в Ясную Поляну и дважды навещал свою сестру. Возможно, что он оставил у нее наброски «Кавказского рассказа» (см. *Дн.*, запись 19 января 1854 г.).

[^^^]

3 июля 1856 г. Толстой приехал к М. Н. Толстой в Покровское. Вместе с Тургеневым, приехавшим туда 5 июля, они отправились в Спасское, где Толстой провел один день — 7 июля.

[^^^]

Речь идет о детях М. Н. Толстой — Варваре, Елизавете и Николае.

[^^^]

См. след. письмо и примеч. 7 к нему.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

Толстой выехал за границу 29 января 1857 г.

[^^^]

Некрасов выехал за границу 11 августа 1856 г.

[^^^]

Некрасов работал над поэмой «Несчастные».

[^^^]

30 мая Толстой навеситил М. Н. Толстую в ее имении Покровском, оттуда проехал в Спасское, где провел у Тургенева 31 мая.

[^^^]

См. примеч. 4 к письму 59.

[^^^]

См. «Дневник помещика» (т. 21 наст. изд.). Толстой предложил своим крестьянам всем обществом отказаться от барщины и перейти на оброк. Крестьяне, надеявшиеся на освобождение «сверху» с землей, отнеслись к этому проекту недоверчиво.

[^^^]

Василий Матвеевич, слуга Некрасова.

[^^^]

Повесть В. В. Берви «В глуши». Для Толстого был неприемлем грубый натурализм самой повести, ее демонстративный антиэстетизм.

[^^^]

Газета «С.-Петербургские ведомости» систематически выступала против произведений, публикуемых в «Современнике».

[^^^]

«Жезл правоты, сочинения и труды Афанасия Анаевского. В пользу любящих словесность». СПб., 1852 — сборник примитивных наставлений по поэтике, сопровождавшихся иллюстрациями из бесталанных сочинений самого автора.

[^^^]

Статья, напечатанная в разделе «Заметки о журналах». Автором той части, которую критикует Толстой, является Н. Г. Чернышевский. Критика Чернышевским сочинения Т. Филиппова «Не так живи, как хочется» не была столь резкой, как это казалось Толстому.

[^^^]

А. В. Дружинин, занимавший после смерти Белинского в «Современнике» видное место, перешел в 1856 г. в журнал «Библиотека для чтения».

[^^^]

Толстой говорит о Н. Г. Чернышевском. Это высказывание Толстого не отражает общего отношения его к нему. Так, в *Дн.* 18 декабря 1856 г. он записал: «Там Чернышевский, мил»; 11 января 1857 г.: «Пришел Чернышевский, умен и горяч». См. также письмо Толстого Чернышевскому (№ 152). Подробнее об их взаимоотношениях см. в послесловии (т. 20 наст. изд.).

[^^^]

Какие стихи Некрасова Толстой имеет в виду, точно назвать нельзя. Можно предположить, что речь идет о стихах, опубликованных в последних номерах «Современника»: «Замолкни, муза мести и печали...» (№ 3), «Княгиня» (№ 4), «В черный день» (№ 5).

[^^^]

Речь идет о бумаге для отдельного издания повестей Толстого.

[^^^]

В марте 1856 г. произошла ссора Толстого с М. Н. Лонгиновым, едва не закончившаяся дуэлью; причиной ее было то, что Толстой случайно прочел в письме Лонгинова к Некрасову оскорбительные для него строки.

[^^^]

«Ньюкомы» — роман В. Теккерея. Роман Диккенса «Крошка Доррит» Толстой читал в журнале «Household words» (декабрь 1855 — апрель 1857 г.).

[^^^]

Толстой отвечает на письмо Дружинина от 15 сентября 1856 г., в котором Дружинин просил «хотя самую крошечную статейку, отрывок, эпизодец из севастопольских воспоминаний» для издаваемого им журнала «Библиотека для чтения» (*Переписка*, т. 1, с. 264).

[^^^]

Для издаваемого А. А. Краевским журнала «Отечественные записки» Толстой предназначал «Утро помещика» (см. письмо 50).

[^^^]

Толстой имел в виду написанный еще в 1854 г. рассказ «Как умирают русские солдаты» («Тревога»). При жизни Толстого не был опубликован.

[^^^]

Речь идет о заключенном с редакцией журнала «Современник» «обязательном соглашении», по которому Толстой, Тургенев, Островский и Григорович обязаны были, начиная с 1857 г., в течение четырех лет сотрудничать исключительно в этом журнале.

[^^^]

См. примеч. 1 к письму 61.

[^^^]

В. В. Арсеньеву.

[^^^]

Так в кругу «Современника» именовали Ег. П. Ковалевского.

[^^^]

Текст этого рапорта, поданного на имя командира ракетного заведения К. И. Константинова, неизвестен. Судя по дневниковой записи Толстого от 18 октября, был получен отказ. Сохранился текст второго рапорта от 19 октября (т. 60, № 275).

[^^^]

Толстой надеялся на содействие Ковалевского, поскольку тот занимал высокий пост в военном министерстве (руководитель Азиатского департамента).

[^^^]

«Дневник помещика». См. т. 21 наст. изд.

[^^^]

Толстой имеет в виду речь Александра II 30 марта 1856 г. перед депутацией московского дворянства, когда им была произнесена ставшая широко известной фраза: «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться, когда оно... начнет отменяться снизу».

[^^^]

Дружинина. См. письма 58 и 61.

[^^^]

Блудовой, дочери Д. Н. Блудова, в салоне которого Толстой тогда часто бывал.

[^^^]

Толстой имеет в виду свой ответ на письмо Панаева от 16 августа, в котором тот спрашивал, когда будет прислана «Современнику» «Юность». Это неизвестное нам письмо Толстого до Панаева не дошло.

[^^^]

Дружинину. См. письмо 58.

[^^^]

Деньги нужны были Колбасину для осуществления отдельного издания «Военных рассказов» Толстого.

[^^^]

То есть на долю с дохода, получаемого от издания «Современника». Участники, подписавшие «обязательное соглашение», имели право на определенную часть с дохода от издания «Современника». См. письмо 58 и примеч. 4 к нему.

[^^^]

Роман американского писателя Н. Готорна «Красная буква» (в новейших изданиях — «Алая буква») печатался в «Приложении» к «Современнику», 1856, № 9-10.

[^^^]

Очерк Панаева «Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта» (С, 1856, № 7, 8).

[^^^]

Толстой отвечает на письмо А. В. Дружинина от 6 октября, в котором содержался положительный отзыв о «Юности», но вместе с тем отмечались недостатки слога, «адские обороты» речи (*Переписка*, т. 1, № 159).

[^^^]

Толстой 7 ноября приехал в Петербург и, получив от Дружинина рукопись «Юности» с его замечаниями, в течение всего декабря занимался ее доработкой.

[^^^]

Толстой приезжал в Тулу для подачи рапорта об отпуске по состоянию здоровья.

[^^^]

То есть по условиям «обязательного соглашения». См. письмо 58 и примеч. 4 к нему.

[^^^]

М. Н. Толстая познакомилась с Дружининым весной 1856 г. в имении Тургенева — Спасском.

[^^^]

Толстой имеет в виду «Очерки гоголевского периода русской литературы» (С, 1855, № 12; 1856, № 1, 2, 4, 7, 9, 10). Об отношении Толстого к Чернышевскому см. примеч. 6 к письму 57.

[^^^]

Толстой из Ясной Поляны приехал в Москву.

[^^^]

Луи-Анри-Станислав Мортъе де Фонтен — пианист и композитор, которым во время своего пребывания в Москве осенью 1856 г. увлеклась Арсеньева.

[^^^]

Нет ничего прекраснее на свете, чем платье, тканное золотом (*фр.*). Намек на легкомыслие Арсеньевой и ее любовь к нарядам.

[^^^]

Храповицкими называет Толстой в письмах себя и Арсеньеву, как бы символически обозначая их будущий семейный союз.

[^^^]

Вергани Женни была воспитательницей М. Н. Толстой, а с 1850 г. служила у Арсеньевых.

[^^^]

Возможно, С. Н. Толстой.

[^^^]

Вполне расположен (*фр.*).

[^^^]

См. ПИСЬМО 62.

[^^^]

Толстой приехал из Москвы в Петербург 7 ноября.

[^^^]

М. Н. Толстой.

[^^^]

К. А. Иславиным. Отточие в автографе.

[^^^]

Трембле — кондитерская в Москве.

[^^^]

В. В. Арсеньева 12 августа 1856 г. уехала в Москву, где 26 августа происходил акт коронации Александра II.

[^^^]

316

Расшифровать имя не удалось.

[^^^]

Роман Гете «Страдания юного Вертера».

[^^^]

Имеется в виду В. П. Толстой.

[^^^]

Толстой находился под надзором тайной полиции за сатирическую песню «Как четвертого числа...».

[^^^]

Отдельное издание — «Детство и отрочество»
и «Военные рассказы» — плохо раскупалось.

[^^^]

Будучи опекуном младших Арсеньевых, Толстой по просьбе В. В. Арсеньевой занимался устройством ее брата Николая в Училище правоведения, покупкой необходимых ему учебников.

[^^^]

Письмо от 8 ноября, посланное взамен неотправленного (от того же числа) (см. письмо 63) с упреками Арсеньевой в увлечении Мортье (т. 60, № 33).

[^^^]

См. письмо 63 и примеч. 12 к нему.

[^^^]

Во время пребывания в Москве Толстой встречался с Островским, Боткиным, Ан. Григорьевым, а в Петербурге, куда он прибыл 7 ноября, успел повидаться с Дружининым, Панаевым, Полонским и Гончаровым.

[^^^]

Толстой диктовал переписчику И. И. Сахарову свой рассказ «Разжалованный».

[^^^]

«Повести и рассказы» Тургенева (СПб., 1856).

[^^^]

«Отважься заблуждаться и мечтать» — строка из стихотворения Ф. Шиллера «Тэкла».

[^^^]

К. А. Иславин.

[^^^]

Вергани.

[^^^]

Младших сестер и брата Арсеньевой.

[^^^]

Сестре Арсеньевой.

[^^^]

Охотницкой.

[^^^]

Имеется в виду рецензия С. С. Дудышкина (ОЗ, 1856, № 11) на книги «Военные рассказы» и «Детство и отрочество», в которой он критиковал «Военные рассказы» за то, что им не хватает «широкого взгляда на целое», и вообще полагал, что после «Детства» писатель «не сделал ни шага вперед на поприще искусства».

[^^^]

Толстой посетил помощника начальника штаба генерала А. А. Якимаха, которому дал объяснения в связи с выдвинутыми против него ложными обвинениями.

[^^^]

Настоящее письмо ошибочно было напечатано (т. 60, с. 120) как окончание письма от 19 ноября (см. письмо 68). В действительности это то письмо, о котором Толстой упоминает в *Дн.* 11 ноября 1856 г.: «Написал крошечное письмо Валерии». На основании этой записи оно и датируется 11 ноября (см.: Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 20-ти томах, т. 17. М., «Художественная литература», 1965. с. 117).

[^^^]

Сахаров, переписчик Толстого.

[^^^]

«Жизнь и приключения Николаса Никклъби»
— роман Ч. Диккенса.

[^^^]

«Ярмарка тщеславия»— роман В. Теккерея.

[^^^]

Прозвища брата Арсеньевой Николая и сестры Евгении.

[^^^]

Так Толстой называет Арсеньеву.

[^^^]

Алансонскими кружевами (*фр.*).

[^^^]

Не будет соответствовать (*фр.*).

[^^^]

То есть в записную книжку. Записей за 12–13 ноября в ней нет.

[^^^]

Программы для брата Арсеньевой Николая.

[^^^]

Письма Арсеньевой (кроме письма от 12 сентября 1856 г. и двух записок — *ГМТ*) до нас не дошли.

[^^^]

Вергани.

[^^^]

347

Возбуждается, раздражается (от *фр.* monter).

[^^^]

Толстой до 12 января 1857 г. пробыл в Петербурге, откуда выехал в Москву и, не заезжая в Ясную Поляну, 29 января отправился в свою первую заграничную поездку.

[^^^]

Досуга (*φρ.*).

[^^^]

И. Штрауса.

[^^^]

Ложный шаг (*фр.*).

[^^^]

См. примеч. 4 к письму 58.

[^^^]

Рассказ «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный», который по требованию цензуры был напечатан под названием «Встреча в отряде с московским знакомым. Из кавказских записок князя Нехлюдова» (Бдч, 1856, № 12).

[^^^]

Толстой работал над повестью «Утро помещика».

[^^^]

По-видимому, к Т. А. Ергольской.

[^^^]

Смешна (от *φρ.* ridicule).

[^^^]

Изящество (*фр.*).

[^^^]

На вечере у О. А. Тургеневой 26 ноября Толстой слушал одно из любимых им сочинений Л. Бетховена — трио для фортепиано, скрипки и виолончели, ор. 70.

[^^^]

Ироническое прозвище Мортъе.

[^^^]

Толстой завершал работу над повестью «Утро помещика».

[^^^]

М. Н. Катков в объявлении об издании «Русского вестника» на 1857 год (*М. вед.*, 1856, № 138, 17 ноября) обвинил Тургенева в нарушении своего обещания дать в его журнал повесть «Призраки», которую он, якобы под названием «Фауст», опубликовал в «Современнике», а также намекнул, что и Толстой не сдержал своего слова.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

Толстой впервые встретился с Е. Ф. Коршем на вечере у Тургенева 23 ноября 1855 г.

[^^^]

Письмо не было опубликовано; неизвестно, было ли оно послано адресату.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

«Из кавказских воспоминаний. Разжалованный» и «Утро помещика».

[^^^]

Т. А. Ергольская симпатизировала В. В. Арсеньевой и желала женитьбы Толстого на ней.

[^^^]

До свидания, дорогая тетенька, целую ваши
руки (*фр.*).

[^^^]

См. ПИСЬМО 73.

[^^^]

Арсеньевыми. См. письмо 72.

[^^^]

Книгопродавец А. И. Давыдов, по поручению Толстого, осуществил отдельное издание «Военных рассказов», куда вошли «Набег», «Рубка леса» и «Севастопольские рассказы».

[^^^]

Отдельное издание «Детства» и «Отрочества» Толстой поручил Д. Я. Колбасину. Оно вышло в начале октября 1856 г.

[^^^]

См. письмо 69 и примеч. 2 и 3 к нему.

[^^^]

См. письмо 65 и примеч. 2 к нему.

[^^^]

Ложный шаг (*фр.*).

[^^^]

Со знанием дела (*фр.*).

[^^^]

«Заметки об опере» (фр.).

[^^^]

Толстой послал «Обыкновенную историю» И. А. Гончарова (см. *Дн.*, запись от 5 декабря 1856 г.).

[^^^]

Письмо 70.

[^^^]

Вергани.

[^^^]

Влияние Женечки. Но эти средства дурны для меня, я смотрю на дело слишком серьезно для того, чтобы таким мелким, наивным способом можно бы было на меня повлиять. Я уже давно распознал сущность вашего сердца (фр.).

[^^^]

О. В. Арсеньева была невестой П. Г. Енгалычева.

[^^^]

Духовная цензура не пропускала ряд мест в главах V–VIII «Юности», печатающейся в «Современнике». См. т. 1 наст. изд.

[^^^]

Толстой встречал Новый год у А. Д. Столыпина, где слушал трио Бетховена, ор. 70.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

Арсеньевой.

[^^^]

Мнение Толстого подтверждает Боткин в письме к Тургеневу от 3 января 1857 г., где он писал, что рассказ «Разжалованный» «прошел почти незаметным» (*В. П. Боткин и И. С. Тургенев*, с. 112). Об «Утре помещика» также появилось всего несколько печатных отзывов. Среди них статья Н. Г. Чернышевского «Заметки о журналах» (С, 1857, № 1).

[^^^]

Толстой имеет в виду цензурные осложнения, вызванные тем, что Н. Г. Чернышевский перепечатал (С, 1856, № 11) острые политические стихи Некрасова («Поэт и гражданин», «Забывтая деревня» и «Отрывки из путевых заметок гр. Гаранского») из сборника стихов поэта. За это был отстранен от должности цензор В. Н. Бекетов, а И. И. Панаев предупрежден о том, что журнал при первом подобном случае будет запрещен.

[^^^]

Фотография Толстого в военном мундире, сделанная в ноябре 1856 г. в фотографии Везенберга.

[^^^]

Письмо Толстого — приписка к письму И. Панаева, в котором тот просил Островского передать «Современнику» пьесу «Доходное место».

[^^^]

Речь идет о пьесе «Доходное место». Островский ответил Панаеву 11 января 1857 г.: «Доходное место» я уже отдал в «Русскую беседу», и она набирается» (*Островский*, т. 14, с. 61).

[^^^]

«Современнику» Островский отдал пьесу
«Праздничный сон — до обеда» (С, 1857, № 2).

[^^^]

Аполлону Григорьеву. Толстой познакомился с ним в мае 1856 г.

[^^^]

Дорогая тетенька! Я получил заграничный паспорт и приехал в Москву, чтобы провести несколько дней с Машенькой, а затем уехать в Ясное, чтобы привести в порядок свои дела и проститься с вами (*фр.*).

[^^^]

Помните, дорогая тетенька, как вы смеялись надо мной, когда я вам сказал, что еду в Петербург, чтобы испытать себя. А между тем, благодаря этому решению, я не стал причиной несчастья молодой девушки и своего собственного. Но не думайте, что это произошло из-за моего непостоянства или неверности; вовсе нет, в эти два месяца я никем не увлекался; просто я убедился, что я сам себя обманывал, что не только у меня никогда не было, но и никогда не будет ни малейшего чувства истинной любви к В. Единственное, что меня сильно огорчает, что я не так вел себя в отношении к девушке и не прощусь с вами перед отъездом. Я рассчитываю вернуться в Россию в июле, однако? если вы хотите, я приеду в Ясное, чтобы вас обнять; есть еще время получить ваш ответ в Москве. На всякий случай прощайте, целую ваши ручки и прошу вас никогда не думать, что я переменялся или могу измениться в отношении вас и не любить вас так, как всегда (*фр.*).

[^^^]

С. Н. Толстой вскоре приехал в Москву (около 18 января).

[^^^]

Толстой уехал за границу, не заезжая ни в Ясную Поляну, ни в Пирогово.

[^^^]

См. писъмо 75.

[^^^]

Главная из причин — разрыв с Арсеньевой.

[^^^]

Анненкову.

[^^^]

Это письмо Боткина до нас не дошло. Тургеневу он признавался, что в повести «есть места удивительные» (*В. П. Боткин и И. С. Тургенев*, с. 111). Автору он сказал: «Каждая строчка... написана на меди» (*Тургенев и круг «Современника»*, с. 316).

[^^^]

Статью «Стихотворения А. А. Фета» (С, 1857, № 1). Впервые Толстой познакомился с ней еще в рукописи, и тогда она ему не понравилась.

[^^^]

Размаха (от нем. Schwung).

[^^^]

«Праздничный сон — до обеда».

[^^^]

Статья А. В. Дружинина «Очерки из крестьянского быта А. Ф. Писемского» (Бдч, 1857, № 1).

[^^^]

Фуфлыгин — главное действующее лицо повести Д. В. Григоровича «Столичные родственники», о которой идет речь (Бдч, 1857, № 1, 2).

[^^^]

Речь идет о конфликте между Тургеневым и Катковым (см. письмо 71 и примеч. 1 к нему). Боткин 6 декабря 1856 г. писал Тургеневу: «...все единогласно решили, что выходка Каткова — неделикатная и желчная, совершенно освобождает тебя от данного ему обещания» (*В. П. Боткин и И. С. Тургенев*, с. 109).

[^^^]

Статья В. В. Григорьева «Т. Н. Грановский и его профессорство в Москве» («Русская беседа», 1856, кн. 3, 4), в которой была сделана попытка дискредитировать популярного в прогрессивных кругах русской интеллигенции Т. Н. Грановского.

[^^^]

14 января на квартире археолога и историка, президента Московского общества истории и древностей российских А. Д. Черткова произошло столкновение между графом В. А. Бобринским и крайним славянофилом С. П. Шевыревым, который усмотрел в высказывании Бобринского об «излишней выносливости спины» русского помещичьего крестьянина, «унижающей русское имя», антипатриотический выпад.

[^^^]

Визиты соблезнования (*фр.*).

[^^^]

Панаеву.

[^^^]

Чтение комедии «Праздничный сон — до обеда». Точное время и место чтения не установлено.

[^^^]

Очерк Н. Н. Толстого «Охота на Кавказе» (С, 1857, № 2) подписан «Н. Н. Т.», и лишь в оглавлении имя автора было раскрыто полностью. Очевидно, письмо Толстого запоздало, и его разрешение на печатание очерка под полным именем брата было выполнено лишь частично.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

Толстой слушал чтение повести «Детские годы Багрова-внука» 20, 21, 23–25 января и пьесы «Доходное место» 25 января у С. Т. Аксакова.

[^^^]

«*Банкрот*»— первоначальное название комедии «Свои люди — сочтемся!».

[^^^]

Толстой впервые встретился с Б. Н. Чичериным в декабре 1856 г. в Петербурге.

[^^^]

Григорович привез «Очерки современных нравов» (С, 1857, № 3) с посвящением М. Н. Толстой.

[^^^]

Н. Н. Толстому.

[^^^]

«Доходное место».

[^^^]

Не торопись (*фр.*).

[^^^]

Телеграмма неизвестна.

[^^^]

Тяжелое состояние Некрасова было вызвано и его болезнью, и сложностью отношений с А. Я. Панаевой.

[^^^]

Толстой, Тургенев и Некрасов присутствовали на традиционном карнавале в Grand-opéra, устроенном по случаю масленицы.

[^^^]

Масленица (*фр.*).

[^^^]

Совместная поездка М. Н. Толстой с Оболенским не состоялась.

[^^^]

Жизнерадостный (нем.).

[^^^]

Рассказ «Альберт».

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

См. письмо 80.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

С. Н. Толстой 10/22 марта 1857 г. приехал в Париж.

[^^^]

Здесь: музыкальный ансамбль (*фр.*).

[^^^]

Письмо является припиской к письму Тургенева Анненкову.

[^^^]

«Альберт».

[^^^]

Мнение Анненкова о сочинении Н. Н. Толстого «Охота на Кавказе» неизвестно.

[^^^]

Толстой отказался взять от сотрудника «Русского вестника» Касаткина, пришедшего к нему по поручению Д. Я. Колбасина, какие-то бумаги для А. И. Герцена, издававшего в то время сборники «Голоса из России».

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

Е. Я. Колбасин.

[^^^]

Толстой имеет в виду анонимную статью об «Юности» («Сын отечества», 1857, № 8, 24 февраля), в которой отмечалось, что рассказ «вышел немного длинен, немножко скучен и местами незанимателен».

[^^^]

Речь идет о продаже отдельного издания книги «Детство и Отрочество». Е. Я. Колбасин писал Тургеневу 18 октября 1856 г.: «Отрочество и Детство»... пока в продаже идет плохо» (*Тургенев и круг «Современника»*, с. 291).

[^^^]

Боткин в апреле 1857 г. выехал за границу.
Толстой встретился с ним 3 июня в Турине.

[^^^]

В Сорбонне и Collège de France Толстой слушал лекции по истории драматической поэзии, по политической экономии, естественно-му праву, философии, истории римской и французской литературы.

[^^^]

Это намерение не было осуществлено.

[^^^]

Толстой работал над «Альбертом».

[^^^]

25 марта / 6 апреля Толстой присутствовал при публичной казни преступника, виновного в убийстве и кражах, — Франсуа Рише.

[^^^]

Толстой имеет в виду казнь Людовика XVI в 1793 г. и Андре Мари Шенье, заподозренного в измене революции и в связях с роялистами (гильотинирован 26 июля 1794 г.).

[^^^]

Об этом событии сообщалось в *М. вед.* (1857, № 40, 2 апреля): «Говорят, что на прошедшей неделе вновь открыт политический заговор и что поэтому произведено от 70 до 80 арестов».

[^^^]

Толстой посещал кружки любителей пения, представлявшие собой род народных клубов. Многие из исполнявшихся там песен носили политический или социально-обличительный характер.

[^^^]

Нет (*фр.*). Нечто подобное Тургенев писал Анненкову 3/15 апреля 1857 г.: «Французы потеряли способность правды в искусстве; да и искусство у них вымирает» (*Тургенев, Письма*, т. III, с. 119). См. *Дн.* от 24 марта 1857 г.

[^^^]

Настоящее письмо, сохранившееся в архиве Толстого, является черновиком письма, посланного Тургеневу. О получении письма (оно не сохранилось), сходного по содержанию, Тургенев сообщал Анненкову 3 (15) апреля 1857 г. (*Тургенев. Письма*, т. III, с. 117).

[^^^]

Своих родственниц Александру Андреевну и
Елизавету Андреевну.

[^^^]

Библейское общество (*фр.*).

[^^^]

Брак Н. А. Орлова и А. В. Львовой не состоялся.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

456

Из них сохранилось одно (см. письмо 86).

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

О. В. Арсеньева вышла замуж за П. Г. Енгальчева.

[^^^]

См. письмо 92.

[^^^]

Н. С. Воейков, монах, изгнанный из монастыря за пьянство. Жил у Н. Н. Толстого; часто бывал в Ясной Поляне.

[^^^]

«Записку», т. е. мемуарный очерк под названием «Встреча с А. С. Пушкиным за Кавказом», опубликовал Л. Н. Майков, нашедший ее в бумагах Анненкова, в книге «Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки». СПб., 1899, с. 387–396.

[^^^]

Речь идет о «Кзаках».

[^^^]

Речь идет о статье П. В. Анненкова «Николай Владимирович Станкевич» (*РВ*, 1857, № 2, 3, 4).
Отзыв Толстого см. письмо 112.

[^^^]

Тургенев приехал в Лондон 12 (24) мая; Некрасов остался в Париже, где он проходил курс лечения.

[^^^]

Пишу вам из Интерлакена, куда я приехал сегодня вечером. Город этот считается самым красивым в Швейцарии, и я думаю, это верно, поскольку я мог любоваться им в этот вечер. Я уже сообщал вам, дорогая тетенька, о том замечательном русском обществе, с которым я провел эти два месяца на берегу Женевского озера; но как я был счастлив встретиться и поселиться с подобными людьми, я это чувствую только теперь, когда я в разлуке с ними (фр.).

[^^^]

Екатерина Мещерская.

[^^^]

А. Петров.

[^^^]

Толстой тогда одновременно работал над «Кавказами», «Альбертом», «Отъезжим полем» и «Люцерном».

[^^^]

Эта фраза вписана в текст письма между строк, очевидно уже после того, как письмо было написано. Обещанное письмо, о котором идет речь, представляло собой набросок рассказа «Люцерн» и не было послано Боткину (см. т. 60, № 81). Толстой называет свой набросок «от 7» по дате события, описываемого в нем; написан же он был 8 июля н. ст.

[^^^]

Жаргоне (*фр.*).

[^^^]

Толстой собирался поехать в Остенде (Бельгия), где в то время находилась А. А. Толстая. План этот остался неосуществленным. С Боткиным же он встретился в марте 1859 г. в Петербурге.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

А. А. и Е. А. Толстые.

[^^^]

Письмо не сохранилось. Толстой в Зинциг не заезжал.

[^^^]

«Еще майская ночь» (РВ, 1857, № 11). Стихотворение, переписанное от руки, было послано Боткиным Толстому в не дошедшем до нас письме.

[^^^]

Тургеневу «Люцерн» не понравился. Он писал о нем Боткину 23 июля / 4 августа: «...смешение Руссо, Теккерея и краткого православного катехизиса» (*Тургенев. Письма*, т. III, с. 138).

[^^^]

Толстой не посылал рукописи Панаеву, но, вернувшись в Петербург, 1 августа читал ее на даче у Некрасова в присутствии А. Я. и И. И. Панаевых. Известен отрицательный отзыв Панаева в письме к Боткину от 16 / 29 октября 1857 г. (см. т. 3 наст. изд., с. 464). Боткин писал 29 января н. ст. 1858 г. Панаеву: «Это во всех отношениях не только детская вещь, но еще неприятная... и самую непривлекательную роль разыгрывает в ней сам автор» (*Тургенев и круг «Современника»*, с. 437).

[^^^]

Псевдоним Шарлотты Бронте. Толстой читал ее биографию, написанную писательницей Е. Гаскелл.

[^^^]

Так шутливо называл Толстой своего друга и дальнюю родственницу А. А. Толстую.

[^^^]

А. А. Воейковой.

[^^^]

«Труба» — принятое между Толстым и его корреспонденткой обозначение придворного мира, в частности круга великой княгини Марии Николаевны, чьей фрейлиной была А. А. Толстая.

[^^^]

М. И. и М. Я. Пущины.

[^^^]

Самоуверенности (*фр.*).

[^^^]

У Е. Н. Шостак, в те годы начальницы Елизаветинского училища, большого друга А. А. Толстой.

[^^^]

Имеются в виду слова Аристотеля о Платоне.

[^^^]

Пародийно-сатирическое именование вюртембергского принца Александра Гессенского, с которым А. А. Толстая встречалась, будучи во Франкфурте. Wurst — по-немецки колбаса.

[^^^]

Во время своего пребывания за границей Толстой занял у А. А. Толстой деньги (см. т. 60, № 86).

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

«Люцерн».

[^^^]

Повесть А. Я. Панаевой «Домашний ад» (С, 1857, № 9), подписанная «Н. Станицкий». Мнение Толстого об этой повести неизвестно.

[^^^]

Речь идет о стихотворении Некрасова «Тишина». Толстой одобрил только первую его часть.

[^^^]

«Современное обозрение» состояло из заметки Н. А. Добролюбова о книге барона М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» и экономических заметок Н. Г. Чернышевского о положительном значении правительственного указа о снижении процента частным лицам за вклады.

[^^^]

В «Петербургских ведомостях» (1857, № 210, от 28 сентября) за подписью П. Б. была напечатана статья, в которой резко критиковалась повесть «Люцерн».

[^^^]

Мнение Дружинина неизвестно. Анненков в письме к Тургеневу от 16 ноября 1857 г. отрицательно отозвался о «Люцерне» (см. т. 3 наст. изд., с. 464).

[^^^]

Письмо Д. Я. Колбасину неизвестно.

[^^^]

Приказ об отставке Толстого от военной службы в ракетном заведении вышел еще 26 ноября 1856 г.

[^^^]

Панаеву.

[^^^]

Речь идет о намерении Д. Я. Колбасина организовать перевод повести «Люцерн» на французский язык.

[^^^]

А. А. Толстая в письме от 29–31 августа 1857 г. сообщала, что в тот момент, когда она набрасывала свое письмо, пришло послание от Толстого — «вот проявление симпатии», — заметила она» (ПТ, с. 85).

[^^^]

С птичьего полета (*фр.*).

[^^^]

Толстой приехал в Петербург 22 октября и в тот же день увиделся с А. А. Толстой.

[^^^]

Шостаков.

[^^^]

Фекан — курортный городок на берегу Ла-Манша, откуда Боткин в августе уехал в Экс (Франция).

[^^^]

Толстой намекает на свои тяжелые переживания во время пребывания в Бадене в июле 1857 г., когда им была проиграна в рулетку большая сумма денег.

[^^^]

М. Н. Толстая в 1857 г. разошлась с мужем, а Н. Н. Толстой фактически оставил военную службу.

[^^^]

Толстой вместе с сестрой приехал в Москву 17 октября, а Т. А. Ергольская с детьми М. Н. Толстой — 2 ноября.

[^^^]

Толстой пробыл в Петербурге с 22 по 30 октября. Письмо было начато еще до отъезда в Петербург.

[^^^]

Угнетенное состояние Некрасова объяснялось его болезнью, предположениями, что у него начинается горловая чахотка, а Е. П. Ковалевский страдал приступами тяжелой депрессии.

[^^^]

Участники «обязательного соглашения» недостаточно активно выполняли свои обязательства, ставя тем самым в трудное положение редакцию «Современника».

[^^^]

По условиям «обязательного соглашения» Панаев и Некрасов, как и подписавшие его литераторы, обязаны были сотрудничать исключительно в «Современнике». Находившийся за границей больной Некрасов в течение 1857 г. мало печатался в журнале, Панаев регулярно вел раздел «Заметки Нового поэта».

[^^^]

Редакция «Современника» вела переговоры с М. Е. Салтыковым-Щедриным и П. И. Мельниковым (Печерским) об их сотрудничестве в журнале.

[^^^]

Гончаров, по возвращении в октябре 1857 г. из-за границы, читал роман «Обломов», подготовленный им для публикации. Место чтения не установлено.

[^^^]

Старший конторщик «Современника». Намек на то, что в отличие от писателей К. И. Вульф более выгодно вел свои финансовые дела.

[^^^]

Это выражение Вальтера Скотта Толстой, вероятно, почерпнул из статьи А. В. Дружинина «Военные рассказы графа Л. Н. Толстого. Губернские очерки Н. Щедрина»: «...мы считаем нужным привести здесь один совет сэра Вальтера Скотта начинающим литераторам его времени. «Помните, господа... помните, что литература должна быть для нас посохом странника, а не костылем калеки. Любите искусство, служите ему, — но не опирайтесь на одно искусство, не забывайте иметь в жизни какую-нибудь практическую деятельность, кроме литературы» (А. В. Дружинин. Собр. соч., т. VII. СПб., 1866, с. 250).

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

Это письмо Толстого пропало и не было получено Тургеневым.

[^^^]

Толстой вырвал из письма листок следующего содержания:

«Уж не раз мне случалось в жизни наткнуться на тяжелую действительность и выбирать, карабкаться вверх по этой грязи или идти в обход, и всегда я выбирал обход: философия (не изучаемая, а своя нелепая, вытекающая из настоящей душевной потребности), религия, такая же, и искусство, последнее время, вот были мои обходы. Я попробовал и теперь тоже сказать себе, что я поэт и что мне есть другая деятельность, и махнуть на все рукой; но в этот раз, потому ли, что я старше, или что дела предстоящие были серьезнее, или сила воображения ослабела, только я не мог, как прежде бывало, вспорхнуть над жизнью, и с ужасом увидел, что вся эта тяжелая, нелепая и нечестная действительность не случайность, не досадное приключение именно со мной одним, а необходимый закон жизни. Грустно мне было расстаться с мечтой о спокойном и честном счастье, без путаницы, труда, ошибок, начинаний, раскаяний, недо-

вольства собой и другими; но я, слава богу, искренно убедился в том, что спокойствие и чистота, которую мы ищем в жизни, не про нас; что одно законное счастье есть честный труд и преодоленное препятствие. Очень мне было тяжело долгое время в деревне — прошла молодость! Но положение дел у сестры было такое, что я почувствовал себя подпоркой такой, что, ежели я буду плохо стоять, то упадет и кое-что, что лежит на мне. Это заставило меня действовать и жить; сначала я увлекся движеньем; а потом втянулся, увидел результаты, предвидел другие, и стало хорошо; хотя изредка и жалко прошлой молодости. В деревне я хлопотал месяца 3, и теперь там хорошо, одним словом, так, что будь завтра освобождение, я не поеду в деревню, и там ничего не переменится. Крестьяне платят мне за землю, а свою я обрабатываю вольными. Кроме того, я затеял большое предприятие с казной касательно лесов, которое очень занимает меня. Кроме того — главное — с сестрой сначала нам было неловко, взгляды наши...» <...>

[^^^]

«Альберт» (опубл. — С, 1858, № 8).

[^^^]

Рукопись повести, отправленная Некрасову, не сохранилась, но по имеющимся черновым автографам очевидно, что первоначально она была разделена на 12 глав, которые Толстой именует отделами.

[^^^]

521

Возможно, письмо от 11 ноября (т. 60, № 95).

[^^^]

Речь идет о троюродном брате Толстого Н. С. Толстом, авторе очерков «Заволжская часть Макарьевского уезда Нижегородской губернии». В «Современнике» не печатались. В 1857 г. вышли отдельным изданием.

[^^^]

Стихотворение Беранже «О Франция! мой час настал, я умираю...» (опубл. — С, 1858, № 1).

[^^^]

Край писъма оборван.

[^^^]

Ошибка Толстого. «Альберт» был отправлен Некрасову 26 ноября, а письмо, по-видимому, было написано накануне.

[^^^]

Толстой отвечает на письмо Некрасова от 16 декабря 1857 г., в котором тот отрицательно отозвался об «Альберте» (*Переписка*, т. 1, с. 100–101).

[^^^]

Чтение происходило 23 ноября 1857 г.

[^^^]

См. письма от 28 ноября и 2 декабря (там же, № 37 и 39).

[^^^]

Толстой просил об этом в телеграмме, которая не сохранилась (см. *Дн.*, запись 30 ноября 1857 г.).

[^^^]

Некрасов по получении телеграммы выслал корректуру уже набранной повести.

[^^^]

Тургенев в письме от 25 ноября / 7 декабря сообщил Толстому, что «написал повесть, которая на днях отправляется в Петербург» (*Переписка*, т. 1, с. 159). Речь шла об «Асе» (опубл. — С, 1858, № 1). Отзыв Толстого см. в письме 105.

[^^^]

Речь идет о стихах С. Т. Аксакова «31 октября 1856 г.» и «17 октября»; второе стихотворение посвящено поэту А. Н. Майкову («Журнал охоты», 1858, № 1, 2).

[^^^]

Письмо Боткина от 22 ноября / 4 декабря (*Переписка*, т. 1, № 139).

[^^^]

Толстой имеет в виду два письма Боткина, адресованные ему, но отправленные в Зинциг на имя Тургенева и вернувшиеся обратно к нему же. Эти письма неизвестны.

[^^^]

Речь идет о начавшемся общественном возбуждении в связи с правительственными рескриптами от 20 ноября и 7 декабря 1857 г., в которых впервые открыто было объявлено о необходимости начать подготовку к освобождению крестьян.

[^^^]

Толстой послал Боткину одну из редакций своего незавершенного сочинения «Сон».

[^^^]

В письме к Фету от 26 февраля Тургенев писал: «Я ему (т. е. Толстому. — С. Р.) напишу из Флоренции длинное письмо — между прочим, я отвечу ему на его запрос в письме к Боткину об одном *отрывке* — он знает, о чем идет речь» (Тургенев. Письма, т. III, с. 198). Отзыва об этом отрывке («Сон») Тургенев не дал.

[^^^]

Боткин и Тургенев не поддержали предложения Толстого. Тургенев в письме к Толстому от 17 / 29 января 1858 г. ограничился советом отложить решение вопроса до его возвращения в Россию (*Переписка*, т. 1, № 88).

[^^^]

«Казакки».

[^^^]

«Кошка и мышка» (С, 1857, № 12).

[^^^]

Поездка Григоровича в Рим не состоялась.

[^^^]

М. П. Боткина, жена А. А. Фета.

[^^^]

Толстой описывает обед, устроенный 29 декабря 1857 г. либеральными профессорами и литераторами по случаю обнародования правительственных рескриптов, положивших начало подготовке крестьянской реформы.

[^^^]

Толстой выделяет речь писателя Н. Ф. Павлова, так как она содержала резкую критику крепостнических порядков и в то же время возлагала всю ответственность за осуществление реформы на дворянство. Пафос речи профессора политической экономии И. К. Бабста состоял в защите свободного труда.

[^^^]

Славянофилы все были приглашены принять участие в обеде, кроме К. С. Аксакова, не приглашенного «не из духа партий, а *единственно* из опасения, что он произнесет спич, который испортит дело» (письмо К. Д. Кавелина к М. П. Погодину. — Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 15. СПб., 1901, с. 473). Однако они отказались участвовать в обеде.

[^^^]

Суета сует (*лат.*).

[^^^]

Думаешь управлять событиями, а события управляют тобою (*нем.*) — строка из «Фауста» Гете, ставшая любимым изречением Толстого.

[^^^]

На обеде В. Кокорев произнес только краткое приветствие. Полностью текст речи опублик. в *РВ*, 1857, № 12. Своей антидворянской направленностью она вызвала возмущение дворянства и правительственных кругов.

[^^^]

Возражение Толстого вызвал тот факт, что «Современник» изменил своей традиции и, подобно «Русскому вестнику», вместо раздела «Словесность» открывался политической статьёй. Автор статьи «Кавеньяк» — Н. Г. Чернышевский.

[^^^]

Речь идет о переведенном Фетом стихотворении Беранже «О Франция! мой час настал, я умираю...».

[^^^]

Пьеса Островского «Не сошлись характерами!
Картины московской жизни».

[^^^]

Роман Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» печатался в приложении к «Современнику» (1858, № 1, 2).

[^^^]

«Три смерти» (опубл. — Бдч, 1859, № 1).

[^^^]

«Альберт».

[^^^]

«Казачи».

[^^^]

Поездка Толстого в Италию не состоялась.

[^^^]

Решение о ликвидации «обязательного соглашения» к этому времени было принято также и редакцией «Современника», составившей 10 февраля циркуляр о прекращении его действия.

[^^^]

Это свое обещание Толстой не сдержал и после 1858 г. не печатался в «Современнике».

[^^^]

«Альберт» был передан Некрасову лично 12 марта.

[^^^]

560

Толстой приехал в Москву 22 или 23 февраля.

[^^^]

В. М. Аничков вместе с Н. Г. Чернышевским был назначен редактором журнала «Военный сборник». Он пригласил Толстого принять участие в подготавливаемом им первом номере, Толстой в этом журнале не печатался.

[^^^]

Толстой вернулся из Петербурга в Москву 18 марта.

[^^^]

«Сон» — прозаический отрывок; первая редакция написана Толстым в конце 1857 г. (т. 7, с. 118–119). См. письмо 104.

[^^^]

Возможно, «Казачи», над которыми Толстой в марте увлеченно работал.

[^^^]

Вероятно, издание «Сказок» Г.-Х. Андерсена, которые сам Толстой читал в январе 1858 г.

[^^^]

В моем духе (*фр.*).

[^^^]

Толстой виделся с Чичериным 7 и 8 апреля, накануне отъезда в Ясную Поляну (9 апреля).

[^^^]

Гравюра с картины Рафаэля «Сикстинская мадонна», подаренная А. А. Толстой.

[^^^]

Толстой имеет в виду последние строки стихотворения А. С. Пушкина «Мадона»:

*Исполнились мои желания. Тво-
реу
Тебя мне ниспослал, тебя, моя
Мадона,
Чистейшей прелести чистейший
образец.*

[^^^]

570

Письма от 14 и 18 апреля (GMT).

[^^^]

Бренчал (от *фр.* taroter).

[^^^]

В письме от 18 апреля 1858 г. А. А. Толстая упрекала Толстого в том, что в рассказе «Три смерти» им не раскрыт «источник стоического спокойствия бедного ямщика». «Иначе, — писала А. А. Толстая, — его конец подобен концу существования животного (la brute), вышедшего из небытия и в небытие же погружающегося...» (ГМТ).

[^^^]

Животное (*фр.*).

[^^^]

В ответном письме от 4 июня 1858 г. Толстая писала, что его «религиозные убеждения» ее «ничуть не ужаснули» (ПТ, с. 112).

[^^^]

«Военные рассказы» в переводе С. А. Рачинского не издавались.

[^^^]

576

См. письмо 47 и примеч. 2 к нему.

[^^^]

Толстой читал монографию П. В. Анненкова «Н. В. Станкевич» (М., 1858), куда вошло также и эпистолярное наследие Н. В. Станкевича.

[^^^]

Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Демон».

[^^^]

Строки из монолога Бориса Годунова в одноименной драме Пушкина.

[^^^]

За границу Толстой уехал только в июле 1860 г.

[^^^]

Горелки — имение семьи А. А. Толстой.

[^^^]

Мать А. А. Толстой была урожденной Барыковой.

[^^^]

См. письмо 112 и примеч. 1 к нему.

[^^^]

Вавило — вымышленный персонаж, который неоднократно обыгрывается в переписке Толстого с А. А. Толстой (см. *ПТ*, с. 96).

[^^^]

Ф. Ф. Кутлер, сослуживец Толстого по Севастопольской кампании, скончался 13 июля 1858 г.

[^^^]

Толстой после «10 дней счастливейших», проведенных в обществе А. А. Толстой (см. *Дн.*, запись 9 апреля), внезапно уехал в Москву.

[^^^]

Бокаж — вилла вблизи Женевы, где летом 1857 г. жили А. и Е. Толстые. Толстой вспоминает отъезд А. Толстой 12 / 24 апреля 1857 г. из Кларана в Женеву.

[^^^]

М. Н. и Н. Н. Толстые уехали в Ясную Поляну.

[^^^]

«Семейное счастье», которое Толстой читал у
А. А. Толстой 18 марта.

[^^^]

Так Толстой называет маленькую племянницу А. А. Толстой — Пашеньку, нежно любимую всей семьей.

[^^^]

В письме от 5 апреля (т. 60, № 128).

[^^^]

Б. А. Перовский. Об этом А. А. Толстая писала в письме от апреля 1859 г. (*ПТ*, с. 119).

[^^^]

Капуа — город в Италии, жители которого славились своей праздной и роскошной жизнью.

[^^^]

В г. Кларан летом 1857 г. происходили частые встречи Толстого с А. А. Толстой.

[^^^]

Письмо от апреля 1859 г. (ИТ, № 19).

[^^^]

См. письмо 116 и примеч. 3 и 5 к нему. А. А. Толстая 21 апреля сообщала Толстому, что Б. А. Перовский, узнав, что «писарь Петров нашел себе покровителя несравненно более влиятельного» (ИТ, с. 130), не стал его разыскивать.

[^^^]

Дружинин не смог приехать в Ясную Поляну.

[^^^]

Малолетняя племянница Дружинина, вскоре скончавшаяся.

[^^^]

Повесть малоизвестного писателя М. Петрова
(Бдч, 1859, № 2). См. письмо 115 и примеч. 6 к
нему.

[^^^]

Выполнил ли Дружинин просьбу Толстого, неизвестно.

[^^^]

Скорее всего Толстой с Петровым не переписывался, тем более, что он вскоре спился и исчез с литературного горизонта.

[^^^]

Кстати о (*фр.*).

[^^^]

Дружинин передал Гончарову мнение Толстого об «Обломове» (опубл. — ОЗ, 1859, № 1–4).

[^^^]

В состоянии знать (*фр.*).

[^^^]

«Тамбовскими барышнями» Толстой называл сестру Б. Н. Чичерина Александру Николаевну и дочь тамбовского помещика Е. И. Сытину, с которыми он часто встречался в 50-е годы в Москве.

[^^^]

«Деревенские письма» (ОЗ, 1858, № 4 и 1859, № 3) подписаны П. С. (псевдоним П. П. Сумарокова). Они представляли собой записки помещика, приехавшего в деревню в канун реформы и встретившего целый ряд трудностей в своей хозяйственной практике.

[^^^]

Тургенев в то время пытался осуществить план перевода своих крестьян на оброк.

[^^^]

Повесть Н. С. Соханской (псевдоним Кохановская) «Из провинциальной галереи портретов» (*РВ*, 1859, № 3).

[^^^]

«Семейное счастье».

[^^^]

Толстой отвечает на письмо А. А. Толстой от 21 апреля (*ПТ*, № 22), в котором она писала о страдании, причиненном ей отходом Толстого от религии и церкви, доказывала необходимость возвращения его в лоно «церкви» и к «богу».

[^^^]

Исповедание веры (*фр.*).

[^^^]

612

Все в порядке (*англ.*).

[^^^]

Лекарства (от *фр.* remède).

[^^^]

«Семейное счастье» (опубл. — *PB*, 1859, № 4).

[^^^]

615

Постигаю (от *фр.* persévérer).

[^^^]

Окончив «Семейное счастье», Толстой сразу же прочитал повесть Боткину, и тот нашел, что «все это исполнено какого-то холодного блеска, и ничто не трогает ни мысли, ни сердца». Но он советовал ее печатать, так как в ней чувствуется «присутствие большого таланта» (*Переписка*, т. 1, с. 244). Прочитав корректуру второй части, Боткин изменил свое мнение (там же, с. 246–247).

[^^^]

617

Письмо Толстого от конца апреля — 3 мая
(№ 117) осталось без ответа.

[^^^]

Письмо Л. Н. Подчасского к Толстому от 11 мая 1859 г. (*ГМТ*) позволяет установить, что Толстой общался с Е. П. Подчасской (в первом браке Потемкиной), сестрой декабриста С. П. Трубецкого, в марте 1859 г.

[^^^]

Это намерение не было выполнено.

[^^^]

620

Письмо неизвестно.

[^^^]

А. А. Толстая уехала за границу.

[^^^]

Буквально (*фр.*).

[^^^]

Сборник повестей Джордж Элиот «Сцены из клерикальной жизни» (Лондон, 1858) и ее же повесть «Исповедь Джэнэ».

[^^^]

Повесть М. А. Петрова «Выборы» (Бдч, 1859, № 9).

[^^^]

У Полонского, исполнявшего обязанности второго редактора журнала «Русское слово», возникли разногласия с помощником редактора Ап. Григорьевым и с издателем журнала Г. А. Кушелевым-Безбородко.

[^^^]

Сестра Фета Н. А. Борисова была душевно-больной.

[^^^]

Выигрывает при более близком знакомстве
(*фр.*).

[^^^]

Смерть племянницы — Пашеньки Толстой.

[^^^]

Письмо Е. Н. Шостак неизвестно.

[^^^]

А. Н. Шеншин, умер в 1852 г.

[^^^]

631

Петя Борисов.

[^^^]

Н. Я. Ростовцев, с которым Толстой вместе служил в Южной армии и задумал издание «Солдатского вестника». См. письмо 35 и примеч. 7 к нему.

[^^^]

Так Толстой называл шутки и парадоксы Фета.

[^^^]

Чтобы мне полакомиться (*фр.*). Фет переводил с немецкого стихи персидского поэта Гафиза; в ответном письме от 1 ноября он прислал Толстому несколько своих переводов (см. *Переписка*, т. 1, с. 334–335).

[^^^]

Жене Фета.

[^^^]

Толстой отвечает на письмо Чичерина от 27 сентября / 9 октября из Турина (*Письма Толстого*, с. 277).

[^^^]

Сухой десерт или (букв. — четыре нищих — *фр.*).

[^^^]

Следующую зиму Толстой провел за границей.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

В драме А. Ф. Писемского «Горькая судьбина» (Бдч, 1859, № 11) Толстой обратил внимание на четвертое явление первого действия.

[^^^]

Тургенев прислал Фету сборник стихов Гафиза.

[^^^]

Толстой был поглощен обучением крестьянских детей в открытой им в Ясной Поляне школе.

[^^^]

Имя Толстого было внесено в список членов учредителей Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литфонд), созданного по инициативе Дружинина.

[^^^]

Письмо следует датировать 30 января на основании упоминания в нем о поездке Н. Н. Толстого на охоту, о чем Толстой сообщал в январе своей сестре (т. 60, № 161), и по тому, что оно является ответом на декабрьское письмо Чичерина (см. примеч. 2).

[^^^]

В письме к Толстому от 5 / 17 декабря 1859 г. Чичерин иронизировал над симпатиями Толстого к деревенской жизни, советовал поехать в Италию, изучать там искусство, предостерегал от «построения» «дома из халата» (*Письма Толстого*, с. 280).

[^^^]

Вас прочих (*фр.*).

[^^^]

Толстой отвечает на письмо Борисова от 21–22 января (*ГМТ*) и Фета от 2 февраля (*Переписка*, т. 1, № 206).

[^^^]

Н. А. Борисовой.

[^^^]

Толстой имеет в виду свою педагогическую деятельность: организацию школ для крестьянских детей и их обучение.

[^^^]

В письме от 21–22 января Борисов подробно описал времяпрепровождение Н. и С. Толстых, с которыми общался в Москве.

[^^^]

Шутливое прозвище Фета, данное ему Толстым.

[^^^]

Толстой пародирует начало стихотворения Е. А. Баратынского «Не искушай меня без нужды».

[^^^]

Судя по дневниковым записям, Толстой 16 и 17 февраля писал «Кзаков».

[^^^]

654

См. примеч. 1 к письму 123.

[^^^]

Дружинин в письме от 31 декабря 1859 г. приводит слова Фета: «Если бы портной Кундель издавал журнал... и давал мне деньги за мои стихи», то он «стал бы работать для Кунделя» (*Переписка*, т. 1, с. 294).

[^^^]

Толстой иронизирует над увлечением Фета переводом Гафиза. Стихи Фирдоуси Фет не переводил (см. письмо 123 и примеч. 2 к нему).

[^^^]

Письмо Фета от 12 февраля, в котором тот сообщал о своем намерении стать помещиком и о предполагаемой покупке земли около Черни (ГМТ).

[^^^]

Речь идет о возможности покупки имения Телятинки, расположенного в трех километрах от Ясной Поляны и принадлежащего Н. Х. Морсочникову.

[^^^]

Роман Тургенева «Накануне» (*PB*, 1860, № 1).

[^^^]

Здесь: диссонирует, противоречит (от *фр.* *jurер*).

[^^^]

661

Смысл этой фразы неясен.

[^^^]

Книгопродавец (*фр.*). Речь идет о книжном магазине Дейбнера.

[^^^]

Борисов.

[^^^]

Толстой имеет в виду основанный в 1860 г. Литературный фонд, первым председателем которого был Ег. П. Ковалевский.

[^^^]

Английский клуб, существовавший в Москве еще с 1802 г., был местом собраний, встреч русской аристократии.

[^^^]

И всей шумихой (*фр.*).

[^^^]

Виллафранкский мир был заключен между Австрией и Францией 11 июля 1859 г.

[^^^]

Евгр. П. Ковалевский в то время был министром народного просвещения.

[^^^]

Данных о том, что подобного рода документ был лично Толстым или от чьего-либо имени правительству подан, не имеется.

[^^^]

Эти идеи Толстого в развернутом виде были изложены им в цикле педагогических статей 1862 г.

[^^^]

Дмитрий Януарьевич Толстой, троюродный брат Толстого.

[^^^]

М. Н. Толстая сделала приписку к этому письму.

[^^^]

П. В. Морозов, учитель Яснополянской школы.

[^^^]

Д. Н. Толстой умер 22 января 1856 г. Толстой находился в это время на военной службе в Ракетном заведении.

[^^^]

Ложного стыда (*фр.*).

[^^^]

Очерк «Охота на Кавказе».

[^^^]

См. т. 60, № 180.

[^^^]

Маша — М. М. Шишкина, *Гриша* — сын С. Н. Толстого и Шишкиной.

[^^^]

А. А. Толстая ответила письмом от 31 октября
(ПТ, № 30).

[^^^]

Н. Н. Толстой находился с Фетом в дружеских отношениях. Об этом свидетельствуют его письма к Фету, которые он писал во время своей тяжелой болезни (см.: *Мои воспоминания*, ч. 1, с. 331–333).

[^^^]

681

Письмо от 31 октября (ПТ, № 30).

[^^^]

Толстой, находясь во Франции, занимался осмотром местных школ в Марселе, куда ездил из Гиера, закупал новейшие педагогические издания, обдумывал статью «О народном образовании» (см. т. 16 наст. изд.).

[^^^]

Толстой в декабре уехал в Ниццу, оттуда во Флоренцию, где увиделся с А. А. Толстой.

[^^^]

Толстой познакомился с Герценом в Лондоне
в марте 1861 г.

[^^^]

Что именно имеет в виду Толстой, не установлено; возможно, намек на обнаружившееся между ними разномыслие.

[^^^]

Герцен неоднократно выступал в «Колоколе» со статьями, обличающими деятельность управляющего III Отделением и начальника корпуса жандармов А. Е. Тимашева. Вероятнее всего, речь идет о статье «Тимашев, сидите дома, как Бейст, не ездите, как Гейнау!» («Колокол», 1861, № 1).

[^^^]

В оценке крестьянской реформы между Толстым и Герценом обнаружилось расхождение. Толстой оценивал ее трезвее, чем Герцен, питавший иллюзорную веру в то, что отмена крепостного права станет вехой на пути к демократическому обновлению России.

[^^^]

Приготовленное Герценом для Толстого рекомендательное письмо к Прудону не попало в руки Толстого.

[^^^]

Имеется в виду торжественный обед, устроенный Герценом по случаю крестьянской реформы. Обед состоялся 10 апреля.

[^^^]

М. А. Дондуков-Корсаков, вице-президент Академии наук, которого Толстой именует «Дундуком», то есть так, как он назван в эпиграмме Пушкина («В Академии наук...»).

[^^^]

Гувернанткой в доме Герценов была Miss Reeve.

[^^^]

Огареву.

[^^^]

До востребования (*фр.*).

[^^^]

Т. е. акт освобождения крестьян от крепостной зависимости. См. письмо 138 и примеч. 8 к нему.

[^^^]

21 апреля 1861 г. Толстой подал министру народного просвещения просьбу о разрешении с 1 июля издавать педагогический журнал «Ясная Поляна». В мае было дано разрешение, журнал начал выходить с 1 октября 1861 г.

[^^^]

М. А. и М. Н. Дондуковы-Корсаковы.

[^^^]

Целую ваши ручки, дорогая тетенька, и прошу вас простить мне, что я не пишу вам сегодня. Но вы узнаете все из письма к Сереже. Если бы вы написали мне словечко в Дрезден, вы сделали бы мне большое удовольствие. Как вы поживаете и как идут дела в (фр.).

[^^^]

П. И. Юшковой.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

Речь идет о шестой книге «Полярной звезды», в которой были напечатаны новые материалы о декабристах.

[^^^]

Толстой имеет в виду IX главу шестой части «Былого и дум» «Роберт Оуэн».

[^^^]

Тем не менее (*фр.*).

[^^^]

Толстой полемизирует с Герценом, который в своей статье подверг критике утопическую систему Оуэна.

[^^^]

Возражения Толстого относятся к следующему суждению Герцена: «Не проще ли понять, что человек живет не для *совершения судеб*, не для воплощения идеи, не для прогресса, а единственно потому, что родился, и родился для <...> настоящего... Гордиться должны мы тем, что мы не нитки и не иголки в руках фатума, шьющего пеструю ткань истории» (А. И. Герцен. Собр. соч., т. XI. М., 1957, с. 249).

[^^^]

Манифест об освобождении крестьян.

[^^^]

Эти два слова написаны поверх зачеркнутых
«умному простолюдину».

[^^^]

Здесь были опубликованы «Воспоминания о Кондратии Федоровиче Рылееве» Н. А. Бестужева, отрывки из воспоминаний «Кронверкская куртина», «Казнь 14 июля 1825 года», письма М. С. Лунина и др.

[^^^]

Речь идет о романе «Декабристы».

[^^^]

Вероятно, об этом сообщал Тургенев П. В. Анненкову 15 (27) февраля 1861 г.: «Он мне читал кое-какие отрывки из своих новых литературных трудов, по которым можно заключить, что талант его далеко не выдохся и что у него есть еще большая будущность» (*Тургенев. Письма*, т. IV, с. 199).

[^^^]

Герцен жил в Лондоне в доме «Orsett House».

[^^^]

Какие карточки посылал Толстой, неизвестно. Но от Герцена и Огарева он получил их совместную фотографию с надписью: «В память встреч в «Orsett House» 28 марта 1861» (*ЛН*, т. 41–42, с. 507).

[^^^]

Неделикатным (*фр.*).

[^^^]

713

Письмо неизвестно.

[^^^]

Письмо от 23 марта / 4 апреля из Парижа (*Тургенев. Письма*, т. IV, № 1053).

[^^^]

Потрясающая иллюминация, сэр (*англ.*) — очевидно, фраза из письма Герцена. Речь идет о празднике 10 апреля.

[^^^]

Будучи в Брюсселе, Толстой по рекомендации Герцена посетил престарелого польского революционера Иоахима Лелевеля. По-видимому, Лелевель произвел на Толстого сильное впечатление. Портрет этого «бойца за свободу» Толстой приобрел в Брюсселе и повесил в своем яснополянском кабинете.

[^^^]

О каком номере «Колокола» идет речь, неизвестно.

[^^^]

718

См. письмо 137 и примеч. 10 к нему.

[^^^]

«Кавказские воды (Отрывок из моей исповеди)» Н. Огарева («Полярная звезда», № 6). Внимание Толстого привлекло место, в котором Огарев писал: «Большая часть декабристов воротилась с убеждениями христианскими до набожности. Шли ли они с теми же убеждениями в сибирские рудокопии или ссылка заставила их искать религиозного утешения?..» (с. 347).

[^^^]

Одно из них — от С. Н. Толстого от 12 марта 1861 г., в котором он писал: «Манифест о воле прочитан, народ еще ничего хорошенько не расчухал, и нельзя ни о чем судить, скорей все недовольны, чем довольны» (*ЛН*, т. 41–42, с. 503). Второе письмо неизвестно.

[^^^]

Письмо от 11 февраля (ГМТ), в котором Ергольская выражала беспокойство из-за отсутствия писем от Толстого.

[^^^]

Письма неизвестны.

[^^^]

В Россию Толстой вернулся 12 апреля, в Ясную Поляну приехал в конце апреля.

[^^^]

Речь идет о журнале «Ясная Поляна». Разрешение на его издание было дано 6 мая.

[^^^]

Густав Келлер. Толстой познакомился с ним в Веймаре и пригласил его стать учителем в Яснополянской школе. Келлер был обязан помогать Толстому «при проведении физических и химических опытов».

[^^^]

Письма Чичерина от 8 и 11 апреля (*Письма Толстого*, с. 290–291).

[^^^]

Чичерин в письме от 11 апреля писал: «Допи-
сываю статейку об освобождении крестьян,
которую должен вручить завтра» (там же, с.
290). Эта статья под названием «L'abolition du
servage en Russie» («Отмена крепостной зави-
симости в России») была опубликована в жур-
нале «La critique française». Толстой не знал
содержания статьи, его возмущение было вы-
звано вообще всей либерально-публицисти-
ческой деятельностью Чичерина.

[^^^]

Несмотря на глубокое различие взглядов, Толстой продолжал встречаться и переписываться с Чичериным.

[^^^]

Это письмо было вложено в конверт письма к Тургеневу (оно неизвестно). Тургенев отправил его Фету 19 мая.

[^^^]

730

Письмо от 2 мая (*Переписка*, т. 1, № 213).

[^^^]

731

Толстой и Тургенев посетили Фета 25 мая.

[^^^]

Письмо от апреля 1861 г. (ГМТ).

[^^^]

Толстой имеет в виду недавнюю смерть брата
Николая.

[^^^]

Толстой дал согласие занять должность мирового посредника по 4-му участку Крапивинского уезда Тульской губернии.

[^^^]

735

Екатерина Федоровна Тютчева.

[^^^]

Сестры А. А. Толстой — Е. А. Толстой.

[^^^]

П. В. Толстая не смогла заехать в Ясную Поляну.

[^^^]

Толстой еще не знал, что Главное управление цензуры министерства народного просвещения уже разрешило издание журнала «Ясная Поляна».

[^^^]

Перовскому, служившему также при дворе.

[^^^]

Одно из благотворительных учреждений,
опекаемых А. А. Толстой.

[^^^]

Лубянки — имение А. А. Толстой. Поездка не состоялась.

[^^^]

Письма неизвестны.

[^^^]

В письме от 8 мая А. А. Толстая писала о том, что посылает две свои фотографии (*ПТ*, № 34).

[^^^]

Письмо написано в день ссоры между Толстым и Тургеневым, происшедшей в имении Фета — Степановне. Поводом к ссоре послужило резкое замечание Толстого в связи с рассказом Тургенева о том, как гувернантка заставляяет его дочь с воспитательной целью заниматься благотворительностью, починкой рваной одежды нищих. Толстой возразил, что «разряженная девушка, держащая на коленях грязные и зловонные лохмотья, играет неискреннюю театральную сцену». Тургенев ответил резкостью, граничащей с грубостью (см. письмо 147).

[^^^]

После ссоры Тургенев тут же уехал в свое имение Спасское, а Толстой в имение П. И. Борисова — Новоселки, откуда и было написано настоящее письмо. Ответ он предполагал получить в Богослове, находящемся на пути между Спасским и его имением Никольско-Вяземское.

[^^^]

Речь идет о письмах Тургенева от 27 мая (*Тургенев, Письма*, т. IV, № 1088), которое по недоразумению было отвезено слугой Тургенева в Новоселки вместо Богослова, и от 28 мая. Письмо к Фету написано Толстым на обороте письма Тургенева.

[^^^]

Не получив ответа на свое письмо, Толстой отправил к Тургеневу нарочного с требованием ответа. Не дождавшись ответа Тургенева, он написал новое, не дошедшее до нас письмо. По словам С. А. Толстой, Толстой в нем писал, что «не желает стреляться пошлым образом, т. е. что два литератора приехали с третьим литератором, с пистолетами, и дуэль бы кончилась шампанским, а желает стреляться по-настоящему, и просит Тургенева приехать в Богослов к опушке леса с ружьями» (ДСТ, т. 1, с. 509–510).

[^^^]

Толстой получил письмо Тургенева от 28 мая 1861 г. (*Тургенев, Письма*, т. IV, № 1089), в котором он повторил свои извинения и высказал согласие с решением Толстого об отказе от дуэли. Толстой его не распечатал и отправил Фету.

[^^^]

Имеется в виду объявление об издании журнала «Ясная Поляна» — «Современная летопись» (№ 31), «Московские ведомости» и «С.-Петербургские ведомости».

[^^^]

Автограф письма не сохранился. Печатается по писарской копии, в которой имеются пропуски.

[^^^]

«Казакки».

[^^^]

Толстой вернулся из Москвы в конце апреля.

[^^^]

Должность мирового посредника.

[^^^]

Толстого возмущало то, что практически крестьянская реформа осуществлялась преимущественно в интересах помещиков.

[^^^]

Толстой отвечает на упреки А. А. Толстой в письме от июня 1861 г. (*ПТ*, № 36) за его молчание. «Переписываться с вами все равно, что играть в мячик, бросая его в копну сена», — писала она.

[^^^]

756

Густав Келлер. См. примеч. 5 к письму 139.

[^^^]

Учителями Яснополянской школы в то время были П. В. Морозов, бывший воспитанник Тульской духовной семинарии, работавший в школе до самого ее закрытия, Г. Келлер и отставной солдат Владимир Александрович (фамилия не установлена).

[^^^]

Палки в колеса (*фр.*).

[^^^]

Этому письму предшествовало примирительное письмо Толстого к Тургеневу от 23 сентября, текст которого до нас не дошел. Оно было получено Тургеневым с большим запозданием, и, не зная о нем, он, в свою очередь, отправил Толстому резкое письмо от 26 сентября (*Тургенев. Письма*, т. IV. № 1136) с обвинениями и требованиями удовлетворения. На это письмо и отвечает Толстой. Кроме настоящего письма, им было послано еще одно, не дошедшее до нас, в котором содержалось утверждение, что обвинения Тургенева «вздор», а также отказ от дуэли.

[^^^]

Текст устава см. т. 60, № 297.

[^^^]

К тому времени были открыты Головеньковская, Житовская и Ломинцевская школы.

[^^^]

Учителя, работавшие в открытых Толстым школах, в большинстве своем являлись активными сотрудниками журнала «Ясная Поляна».

[^^^]

Толстой называет эти имена, потому что К. А. Рачинский был в то время адъюнктом Московского университета по кафедре физики и физической географии, а Ф. Д. Дмитриев — профессором истории того же университета.

[^^^]

Чичерин выполнил просьбу Толстого. См. примеч. 1 к письму 149.

[^^^]

Из-за дефектности автографа смысл неясен, но, по-видимому, речь шла о ссоре Толстого с Тургеневым.

[^^^]

Имеются в виду студенческие волнения, вызванные действиями нового министра народного просвещения Е. В. Путягина, издавшего реакционные «временные правила», цель которых была ограничить доступ в университет студентов-разночинцев, а кроме того, всячески ограничить студенческое самоуправление.

[^^^]

Поэт и переводчик М. Л. Михайлов был арестован 14 сентября 1861 г. за составление и распространение прокламации «К молодому поколению».

[^^^]

768

Пропуск из-за дефектности автографа.

[^^^]

Толстой отвечает на письмо Чичерина от 14 ноября, в котором тот сообщал, что направляет для его школ трех студентов: А. П. Соколова, М. Ф. Бутовича и А. А. Эрленвейна. С точки зрения Толстого, «нехорошим» оказался А. П. Соколов, находившийся под надзором полиции за издание и распространение запрещенных сочинений.

[^^^]

Речь идет о «Вступительной лекции по государственному праву», которой 28 октября 1861 г. Чичерин начал свой курс в Московском университете. Чичерин высказал здесь свое сочувствие крестьянской реформе и рассмотрел значение правовых наук в связи с новым этапом общественной жизни России.

[^^^]

В газете «С.-Петербургские ведомости» (№ 237 и № 258) были напечатаны две статьи Н. Костомарова, в которых предлагалось превратить университеты в доступные для всех желающих общеобразовательные учебные заведения. Чичерин выступил против Костомарова со статьями «Что нужно для русских университетов?», в которых защищал систему университетского образования.

[^^^]

Статья «О народном образовании». Чичерин от полемики с Толстым отказался. См. *Письма Толстого*, с. 294.

[^^^]

Письмо в Полн. собр. соч. (т. 60, № 228) неверно датировано 10–11(?) января 1862 г. Оно написано по получении письма Фета с выпиской из письма Тургенева от 8 ноября (*Переписка*, т. 1, № 217) и до середины января 1862 г., когда произошло примирение Толстого с Фетом. Следовательно, письмо было написано в декабре 1861 г.

[^^^]

Письмо от 30 апреля 1861 г. (*Переписка*, т. 1, письмо 148) из Парижа, написанное рукой неизвестного и только подписанное Боткиным. В нем сообщалось, что деньги, переведенные по распоряжению Толстого из Марселя Боткину, вернулись обратно в банкирскую контору в Марсель.

[^^^]

Толстой предполагал в то время, что у него начинается чахотка.

[^^^]

Письмо к М. Н. Толстой неизвестно. Сохранился автограф неотправленного письма на имя банкира Дюпра с извещением, что деньги не получены, и с просьбой «перевести их на имя кого-либо из банкиров Москвы или Петербурга» (т. 60, № 304).

[^^^]

Журнал «Ясная Поляна». Цензурное разрешение было получено 18 января.

[^^^]

Речь идет о выборах дворянских уездных губернских предводителей.

[^^^]

Деятельность Толстого в качестве мирового посредника вызвала озлобление помещиков, так как во всех спорных случаях он защищал интересы крестьян.

[^^^]

12 февраля 1862 г. Толстой подал рапорт об отставке. Официальная отставка была получена 26 мая 1862 г.

[^^^]

В первом номере «Ясной Поляны» были опубликованы программные статьи Толстого «К публике», «О народном образовании» и «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы». В приложении были даны две «Книжки для детей».

[^^^]

Чернышевский на просьбу Толстого откликнулся рецензией (С, 1862, № 3), в которой, положительно отзываясь о практических методах обучения крестьянских детей, полемизировал с теоретическими взглядами издателя.

[^^^]

Чернышевский ограничился журнальным выступлением.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

Толстой, вероятно, читал первое отдельное издание «Записок из Мертвого дома» (ч. 1, приложение к журналу «Время», 1862, № 1) и начало второй части (там же, № 2).

[^^^]

Речь идет о «Казаках». Толстой называет его «запроданным», так как крупный проигрыш в карты заставил его занять у Каткова тысячу рублей с обязательством предоставить «Русскому вестнику» свой «Кавказский роман».

[^^^]

На это Катков писал Толстому: «Что же касается до вашего романа, то как бы ни хотелось мне видеть его в своих руках, я буду ждать его терпеливо» (*ЛН*, т. 37–38, с. 197).

[^^^]

Толстой не совсем прав. Помимо рецензии Чернышевского (см. письмо 152 и примеч. 2 к нему), была напечатана также заметка в газете «День» (№ 21, 3 марта), а в течение 1862 г. в периодической печати появился целый ряд критических отзывов.

[^^^]

Толстой называет темы, которые в то время обсуждались на страницах периодической печати, преимущественно в «Современнике». Так, в обзоре Г. Елисеева «Внутреннее обозрение» (С, 1862, № 1) доказывались «выгоды начала самоуправления в управлении сельским населением и вред централизации». В статье Н. Чернышевского «Непочтительность к авторитетам» (С, 1861, № 6) также речь шла о вопросах централизации и децентрализации общественного управления.

[^^^]

Безрылов — псевдоним А. Ф. Писемского, которым он подписывал свои фельетоны, направленные против демократического движения.

[^^^]

Толстой отвечает на письмо Плетнева от 20 марта 1862 г. («Толстой. 1850–1860». Л., 1927, с. 25–26).

[^^^]

В своем письме Плетнев восхищался рассказом «Робинзон» («Книжка для детей», № 2), представлявшим собой пересказ романа Дефо «Жизнь и приключения Робинзона Крузо», сделанный учителем Яснополянской школы А. П. Сердобольским.

[^^^]

Плетнев писал Толстому: «Нам очень хотелось бы знать, читали ли вы новую повесть И. С. Тургенева «Отцы и дети» и как вы нашли ее сравнительно с прежними его повестями. Здесь все, особенно Ф. И. Тютчев, в восхищении от этой изумительной художественности автора. Талант его, так сказать, отстоялся. Нет ничего ни преувеличенного, ни изысканного. Жизнь взята во всей ее истине» (там же, с. 25–26).

[^^^]

Сыну Плетнева Алексею, который нашел, что «понятнее и интереснее» «Робинзона» «он ничего еще не читал» (*там же*, с. 25).

[^^^]

Рассказ этот написан учениками Толстого при его участии.

[^^^]

Письмо от 14 июня, в котором А. А. Толстая выражала сильное беспокойство о состоянии здоровья Толстого (*ПТ*, № 40).

[^^^]

П. Ф. Кутлер, офицер Семеновского полка, лечившийся в самарских степях кумысом.

[^^^]

А. А. Толстая высказывала в своем письме беспокойство за судьбу Толстого также «и по другим причинам» (ПТ, с. 161), имея в виду, что, как стало известно в придворных кругах, за Толстым был установлен полицейский надзор.

[^^^]

Толстой называет управляющего III Отделением А. Л. Потапова, начальника III Отделения и шефа жандармов В. А. Долгорукова, временщика при Александре I А. А. Аракчеева.

[^^^]

Равелин Петропавловской крепости — место заключения наиболее опасных политических преступников.

[^^^]

Обыск у Толстого, сделанный на основании ложных показаний секретного агента, происходил 6 и 7 июля. Известие об этом, вероятно, было сообщено Толстому Т. А. Ергольской или М. Н. Толстой, присутствовавшими при этом. См. письма 157 и 159.

[^^^]

Во время обыска горничной удалось спрятать портфель, в котором хранились запрещенные книги и фотографии Герцена и Огарева, а М. Н. Толстая спрятала какие-то письма Герцена, которые читал Толстой. Выпад в письме против Герцена в большей степени вызван раздраженным состоянием Толстого, оскорбленного происшедшим обыском, чем действительным его отношением к Герцену.

[^^^]

Толстой вернулся из Самары в Ясную Поляну
31 июля.

[^^^]

Толстой подозревал крапивенского помещика-крепостника В. И. Михаловского, недовольного его деятельностью мирового посредника и жаловавшегося на него мировому съезду. В действительности же тайное наблюдение со стороны III Отделения было установлено за Толстым с января 1862 г., и вызвано оно было его педагогической деятельностью и преподаванием в его школе студентов, находившихся под наблюдением полиции.

[^^^]

805

Управляющего именем С. Н. Толстого.

[^^^]

Старосты в имении С. Н. Толстого.

[^^^]

М. М. Шишкина, в то время гражданская жена С. Н. Толстого, Гриша — его сын.

[^^^]

Охотницкая.

[^^^]

ЮШКОВ.

[^^^]

В своем письме от 22 мая 1862 г. Рачинский высказывал согласие с педагогическими взглядами, утверждаемыми в журнале «Ясная Поляна» (*Письма Толстого*, с. 212).

[^^^]

А. К. Толстой, писатель.

[^^^]

А. П. Толстой, обер-прокурор Синода.

[^^^]

Рачинский передавал просьбу профессора Иенского университета Карла Стоя выслать ему вышедшие номера «Ясной Поляны».

[^^^]

В. А. Рачинская. Рачинский описывал школу для крестьянских детей, открытую его сестрой.

[^^^]

815

Эта просьба не была выполнена Рачинским.

[^^^]

Рачинский спрашивал Толстого: «Откуда, в каких слоях общества почерпаете Вы своих учителей?»

[^^^]

Написав сначала «Сергей Алексеевич», Толстой затем собственноручно исправил отчество на «Александрович».

[^^^]

См. письмо 156.

[^^^]

А. К. Толстой был товарищем детства Александра II, а в 1855–1861 гг. — его флигель-адъютантом.

[^^^]

А. А. Толстая в письме от 22 августа 1861 г. высказывала сожаление по поводу того, что помещики не любят Толстого, и советовала ему проявлять «любовь к ближнему без различия сословий» (ПТ, с. 158).

[^^^]

Сведений об этих судебных разбирательствах не имеется.

[^^^]

Письма В. В. Арсеньевой.

[^^^]

Письма М. А. Дондукова-Корсакова сохранились (*ГМТ*).

[^^^]

Письмо было передано 23 августа 1862 г. флигель-адъютанту С. А. Шереметеву. Царю оно было вручено вместе со справкой шефа жандармов В. А. Долгорукова, в которой обыск в имении Толстого объяснялся тем, что там проживали студенты без «письменных видов на жительство».

[^^^]

Результатом этого обращения Толстого было письмо Долгорукова тульскому губернатору П. М. Дарагану с просьбой передать Толстому, что «его величеству благоугодно, чтобы помянутая мера не имела собственно для графа Толстого никаких последствий» (см. т. 60, с. 442).

[^^^]

Письмо от 18 августа, в котором А. А. Толстая описывала свои переживания в связи с обыском у Толстого и советовала подать письмо царю (ПТ, № 43).

[^^^]

Статья «Воспитание и образование» не была разрешена к печати Московским цензурным комитетом (см. т. 16 наст. изд., с. 416).

[^^^]

Перовскому. Ему принадлежала мысль о передаче письма царю и обещание содействовать передаче.

[^^^]

А. А. Толстая и С. А. Толстая впервые встретились в Петербурге в январе 1877 года.

[^^^]

С. Н. Толстым.

[^^^]

Письмо от 23 сентября 1862 г. (ПТ, № 46).

[^^^]

См. письмо 159.

[^^^]

Е. А. Толстая.

[^^^]

Толстой отвечает на письмо Е. Н. Ахматовой (*ГМТ*), состоящее из трех частей, из которых: первая часть написана — 19 июля, вторая — 31 июля и последняя — 6 августа. Она высказывала свое согласие с педагогическими взглядами Толстого и удивлялась их сходству с ее собственными. Большая часть письма посвящена проблемам воспитания ее приемного сына — Сережи.

[^^^]

В письме от 7 октября Ахматова дала согласие на опубликование своего письма, но оно напечатано не было.

[^^^]

Толстой пробыл в Москве с 23 декабря 1862 г.
по 8 февраля 1863 г., но в Петербург не ездил.

[^^^]

О какой статье идет речь, неизвестно.

[^^^]

Женитѣба на С. А. Берс.

[^^^]

Погодин обещал написать для «Книжек» «Ясной Поляны» очерк о священнике Благовещенского собора Сильвестре. Очерк не был написан.

[^^^]

Толстой провел «вечер» у Погодина 25 августа.

[^^^]

Начало письма написано С. А. Толстой (*ПТ*, с. 179–180). Толстой, очевидно, был смущен несколько официально-светским характером письма жены.

[^^^]

Поздравительное письмо от 23 сентября
1862 г. (ПТ, № 46).

[^^^]

Из стихотворения Пушкина «Воспоминание».

[^^^]

Приписка сделана после слов С. А. Толстой:
«Он ошибается, я все понимаю, все решительно,
что до него касается...» (см. т. 60, с. 453).

[^^^]

Повесть «Казачи» (опубл. — *РВ*, 1863, № 1). В ней нет деления на части. Толстой, предполагая написать продолжение романа, посланную в редакцию рукопись называет «первой частью».

[^^^]

Эта часть текста была выслана позднее — 8 декабря. См. письмо 168.

[^^^]

«Поликушка». Толстой передал ее Каткову лично в Москве, куда приехал в декабре 1862 г. (опубл. — *РВ*, 1863, № 3).

[^^^]

Толстой в ряде случаев сопровождал текст повести своими подстрочными примечаниями.

[^^^]

Толстой читал корректуры в январе — феврале. Из-за его правки номер «Русского вестника» вышел с запозданием.

[^^^]

Начало письма написано С. А. Толстой 21 марта (т. 61, с. 10).

[^^^]

Слово «мороз» вписано рукой С. А. Толстой.

[^^^]

Орехов.

[^^^]

По мнению исследователей творчества Толстого Н. Н. Гусева и Б. М. Эйхенбаума, здесь в шуточной форме нашла свое выражение сложность отношений Толстого с женой в первые месяцы семейной жизни. Тема «кукла» проходит и в записях С. А. Толстой (*ДСТ*, т. 1, с.43, 47).

[^^^]

Толстой отвечает на письма Фета от 4 и 11 апреля, где высоко оцениваются «Казачи» и резко отрицательно «Поликушка» (*Переписка*, т. 1, № 225 и 226).

[^^^]

Поэт Я. П. Полонский в статье «По поводу последней повести графа Л. Н. Толстого «Казачки» («Время», 1863, № 3) выступил против апологии Толстым казацко-патриархального образа жизни.

[^^^]

История пегого мерина — так Толстой называет повесть, которая в 1885 г. вышла в свет под заглавием «Холстомер».

[^^^]

Строки из стихотворения Фета «Опять незримые усилья...».

[^^^]

Смысл этого выражения объяснен Н. Н. Толстым: «Понравилось Левочке, как работник Юфан растопыривает руки при пахоте. И вот Юфан для него эмблема сельской силы, вроде Микулы Селяниновича. Он сам, широко расставляя локти, берется за соху и юфанствует» (*Мои воспоминания*, ч. 1, с. 237).

[^^^]

Речь идет о национально-освободительном восстании поляков в 1863 г.

[^^^]

План этот не осуществился.

[^^^]

Письмо М. Н. Толстой неизвестно.

[^^^]

В своем письме М. Н. Толстая сообщала о рождении дочери Елены от ее гражданского брака с Гектором де Кленом.

[^^^]

Брак этот не состоялся. Елена до 17 лет воспитывалась за границей, с 1880 г. жила в России с М. Н. Толстой, подолгу гостила в Ясной Поляне и стала большим другом Толстого и его семьи.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

Толстой имеет в виду подготовительную работу над «Войной и миром».

[^^^]

Просьбу Ахматовой Толстой не выполнил и в ее журнале «Дело и отдых. Чтение для мальчиков и девочек всех сословий» не участвовал.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

Мечтанья (*нем.*).

[^^^]

Замысел, который привел впоследствии к созданию романа «Война и мир».

[^^^]

Святая святых (фр.).

[^^^]

Осадок (*φρ.*).

[^^^]

872

Об этом нет никаких сведений.

[^^^]

После этого следуют две с половиной тщательно вымаранные строки.

[^^^]

Сегодня Лев с женой уехал в Москву в сопровождении *дорогой* (фр.).

[^^^]

Речь идет о С. Н. Толстом, с которым у Т. Берс был роман.

[^^^]

М. М. Шишкина.

[^^^]

Дверь открытой (*фр.*).

[^^^]

Толстой имеет в виду нравоучительный сборник «Зеркало добродетели и благонравия» (М., 1815, ч. I; М., 1816, ч. II).

[^^^]

С. А. Толстая в письме от 9 января 1864 г. писала Т. А. Берс; «Штучка та, что он боится в обоих случаях, что будешь несчастлива» (ГМТ).

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

А. и Т. Берсы.

[^^^]

Недатированная записка к Т. А. Ергольской с денежными распоряжениями (*ГМТ*).

[^^^]

Стеснение (*фр.*).

[^^^]

В письме речь идет о ситуации, возникшей в семье Толстых из-за отношений между Т. А. Берс и С. Н. Толстым, имевшим неофициальную семью.

[^^^]

Очевидно, материалы для «Войны и мира», которые Толстой просил у Погодина во время пребывания в Москве в декабре 1863 г.

[^^^]

Письмо Погодина неизвестно.

[^^^]

М. А. Корф. Жизнь графа Сперанского. СПб.,
1861.

[^^^]

М. Погодин. Алексей Петрович Ермолов. М.,
1864.

[^^^]

С. А. Толстая писала брату А. Берсу: «Стало мне очень совестно, что мы тебе не писали до сих пор» (ГМТ).

[^^^]

Берсу, отцу С. А. Толстой, перенесшему в ок-
тябре тяжелую операцию.

[^^^]

Этой фамилией Толстой назвал одного из персонажей «Войны и мира» (т. 1, ч. II, гл. XVII).

[^^^]

Перевод главы «Vieoenstaat» из книги К. Фохта «Altes undneues aus Tier-und Menschenleben» (Berlin, 1859). В этой главе, как и во всей книге, автор положительно оценивал буржуазно-демократический общественный строй.

[^^^]

Сестра жены Толстого Е. А. Берс. Ее перевод статьи Фохта не был напечатан.

[^^^]

Роман «1805 год». После переработки составил первый том «Войны и мира».

[^^^]

Ответ М. Н. Каткова неизвестен; о его перего-
ворах с Толстым см. письмо 179.

[^^^]

Толстой для лечения сломанной руки с 21 ноября по 12 декабря жил в Москве в семье Берсов.

[^^^]

«*Рославлев*» — роман М. Загоскина из времен Отечественной войны 1812 г.

[^^^]

Т. А. Берс тяжело переживала разрыв с С. Н. Толстым.

[^^^]

С. Н. Толстой лишь 7 июня 1867 г. официально оформил свои отношения с М. М. Шишкиной.

[^^^]

900

Письмо от 22 ноября сугубо личного содержания (ПСТ, № 5).

[^^^]

«Не читай никому своего романа, никому, кто может быть судьей тебе. Помни, что тебя уже не раз сбивали, а теперь дело серьезное, кто-нибудь скажет глупость, а ты к сердцу при-
мешь», — писала С. А. Толстая (*там же*, с. 25).

[^^^]

Толстой посетил председателя Московского археологического общества А. С. Уварова, чтобы получить разрешение ознакомиться с находившимися у П. И. Бартенева письмами генерала Ф. П. Уварова, участника Отечественной войны 1812 г.

[^^^]

«Русский архив» — журнал, основанный П. И. Бартевым, где публиковались материалы по истории России, различные документы, мемуары и исследования.

[^^^]

Толстой, работая над романом «Война и мир», изучал ряд работ французского дипломата Жозефа де Местра. Возможно, что была прислана книга: «Correspondance diplomatique de Joseph deMaistre». P., 1861, 2 тома.

[^^^]

Толстой имеет в виду издание: А. И. Михайловский-Данилевский. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца, в 6-ти томах. СПб., 1845–1849.

[^^^]

906

Письмо от 3 декабря (ПСТ, № 9).

[^^^]

Толстой читал один из двух романов Мэри Элизабет Брэддон — «Тайна леди Одли» или «Наследство Джона Марчмонта» в английских изданиях 1862 и 1864 гг.

[^^^]

Исленъев, отец Л. А. Берс.

[^^^]

Безе, учительница немецкого языка в доме Берсов.

[^^^]

Опера М. И. Глинки, в советское время идущая под названием «Иван Сусанин».

[^^^]

С. А. Толстой сделано примечание на письме:
«престарелая горничная сестер».

[^^^]

Архив дворцового ведомства, материалы которого приносили домой Толстому.

[^^^]

913

Библиотека археолога А. Д. Черткова.

[^^^]

Эти слова С. А. Толстой относятся к роману «1805 год», перепиской которого она занималась.

[^^^]

В Москве Толстой передал Каткову 38 глав романа «1805 год». Вместе с настоящим письмом он послал окончание первой части романа (опубл. — *РВ*, 1865, № 1, 2), Вторую часть он закончил осенью 1865 г.

[^^^]

916

Это желание было исполнено Катковым.

[^^^]

917

Ответ Каткова неизвестен.

[^^^]

Речь идет о письмах Жюли Карагиной и Мари Болконской. В «Русском вестнике» был дан только французский текст. В дальнейших изданиях печатались с подстрочным переводом.

[^^^]

По-видимому, Катков настаивал на авторском предисловии к роману. Сохранилось несколько набросков предисловия (см. т. 13, с. 53–57).

[^^^]

Письмо печатается по копии с пропусками, слова «Шенграбенского» и «уничтожается» восстановлены по смыслу.

[^^^]

Эта просьба Толстого не была исполнена Катковым: в объявлениях журнала «1805 год» назван романом.

[^^^]

В Швейцарии Толстой и А. А. Толстая провели лето 1857 г.

[^^^]

См. письмо 100.

[^^^]

Толстой имеет в виду выход февральского номера «Русского вестника».

[^^^]

А. А. Толстая в письме от 18 июля 1865 г. писала, что от романа «общее впечатление хорошее, за исключением некоторых повторений и слишком мелких подробностей» (ПТ, с. 205).

[^^^]

С ямочками на щеках (*англ.*). Танечка, родившаяся в октябре 1864 г., дочь Толстого.

[^^^]

Дневник В. В. Толстой (в замужестве Нагорной) сохранился (*ГМТ*), в нем с многими подробностями запечатлена домашняя жизнь Толстых.

[^^^]

Толстая была попечительницей приюта для перевоспитания «магдалин».

[^^^]

Фет не был в Ясной Поляне с августа 1864 г.,
когда приезжал туда вместе с В. П. Боткиным.

[^^^]

Подновинское — Новинский бульвар в
Москве, место народных гуляний.

[^^^]

В. П. Толстой умер 6 января 1865 г.

[^^^]

В не дошедшем до нас письме Фет, вероятно, сообщал, что начал писать воспоминания из своей военной жизни, и привел тот эпизод, когда ротмистр-охотник произносит «и оплеуха тут была» (*РО*, 1890, № 3, с. 34).

[^^^]

Свое мнение о романе Фет высказал в письмах от 16 июля и 7 ноября 1866 г. (*Переписка*, т. 1, № 237, 238).

[^^^]

Тургенев прочел начало «1805 года», нашел, что роман «плох, скучен и неудачен», что «Толстой зашел не в свой монастырь» (*Тургенев. Письма*, т. V, с. 364). Познакомившись с полным текстом романа, изданного в 1868 г., Тургенев его высоко оценил.

[^^^]

В т. 61, с. 72 эти два недописанных слова предположительно были расшифрованы как «опусом черновым». Н. Н. Гусев предложил другое чтение, которое нами принимается.

[^^^]

Фет с женой заехали в Ясную Поляну по пути из Москвы 17 февраля.

[^^^]

Толстой отвечает на не дошедшее до нас письмо своей дальней родственницы Л. И. Волконской, в котором она спрашивала, кто был прототипом Андрея Болконского.

[^^^]

Критик Н. Д. Ахшарумов в своей статье о романе «1805 год» («Всемирный труд», 1867, № 6) относительно образа князя Андрея писал: «Характер этот не выдуман... это истинно русский, русский коренной самородный тип».

[^^^]

Как специалист (*фр.*).

[^^^]

В одном из вариантов начала (в 7-м) описывались события Аустерлицкого сражения. «1805 год» кончается Аустерлицким сражением и ранением князя Андрея. Работу над этими главами Толстой закончил в ноябре 1865 г.

[^^^]

Так называл Толстой маленьких детей Л. И. Волконской.

[^^^]

Муж Л. И. Волконской Александр Алексеевич,
троюродный брат Толстого, умер 2 апреля
1865 г.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

T. A. Берс.

[^^^]

Возможно, Фет намеревался в одном из очерков «Из деревни» коснуться журнала «Ясная Поляна» и Яснополянской школы.

[^^^]

Это свое намерение Толстой осуществил в 1872–1875 гг., когда он составил «Азбуку» и «Русские книги для чтения».

[^^^]

Фет в то время продолжал писать цикл очерков «Из деревни» (*РВ*, 1862, № 1, 2; 1863, № 1, 3; 1864, № 4), публикация которых продолжилась в 1868 г.

[^^^]

В 1865 г. в Тульской губернии был сильный неурожай.

[^^^]

Фет с женой приезжали в Никольское 16 июля.

[^^^]

Письмо от 12 апреля, в котором Толстой объяснял свое молчание «ложным стыдом», опасением своим письмом вынудить А. А. Толстую отозваться о романе «1805 год» (т. 61, № 108).

[^^^]

То есть о романе «1805 год». Свое мнение о нем А. А. Толстая изложила в письме от 18 июля (ПТ, № 57).

[^^^]

См. примеч. 7 к письму 183.

[^^^]

Письмо от 29 января 1865 г., в котором А. А. Толстая приглашала Толстого вместе с семьей приехать в Петербург и остановиться у ее брата (*ПТ*, № 55).

[^^^]

Лучшее — враг хорошего (*фр.*).

[^^^]

Мать Толстой.

[^^^]

Е. В. Вадбольская, тетка Толстой, чье имение находилось в Орловской губернии.

[^^^]

Тяжелая болезнь Т. А. Берс после ее разрыва с
С. Н. Толстым.

[^^^]

Письмо сохранилось в архиве Толстого и, по-видимому, не было им послано адресату, возможно из-за резкости суждений.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

Боборыкин выслал Толстому комплект издаваемого им журнала, видимо, с повторной просьбой принять в нем участие.

[^^^]

Роман Боборыкина «Земские силы» (Бдч, 1865, № 1–8).

[^^^]

«Земские силы» и «В путь-дорогу» (Бдч, 1862, 1863 и 1864).

[^^^]

Было ли написано и послано вместо этого другое письмо, неизвестно.

[^^^]

Начало писъма утрачено.

[^^^]

Фактически Толстой заканчивал вторую часть романа «1805 год», но называл ее третьей, так как первая часть опубликована в двух номерах *PB*.

[^^^]

По молчаливому соглашению (*лат.*).

[^^^]

К. Цумпт — автор латинской грамматики.

[^^^]

Письмо неизвестно.

[^^^]

Черновик (от *фр.* brouillon). Речь идет о хлопотах, вызванных тем, что на имения В. П. Толстого был наложен арест. В. П. Толстой перед смертью выдал мировому посреднику Н. В. Лихареву вексель на значительную сумму и два заемных письма своей сожительнице Гольцевой. Кроме того, завещание было составлено им в пользу Гольцевой и своих незаконных детей. В. А. Долгоруков, забыв о ходатайстве А. А. Толстой, отказал в просьбе М. Н. Толстой о снятии ареста с имений. М. Н. Толстая в правах наследства была утверждена лишь в 1872 г. (см. т. 61, № 138).

[^^^]

Е. А. Толстой. Желание Толстого побывать в Петербурге не осуществилось.

[^^^]

971

Вычеркнута фраза: втиснет в одну глубоко пробитую колею.

[^^^]

Толстой упоминает виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева, известного своей жестокой политикой подавления польского национально-освободительного движения в 1863 г., и деятеля реформы 1861 г. В. А. Черкасского, служившего в Польше после подавления восстания поляков. Позиция Толстого объясняется его неприятием платформы Каткова и всего охранительного лагеря с его демагогической политической игрой и отдаленностью от подлинных нужд народа.

[^^^]

Отдельное издание романа «Война и мир» вышло уже в 1867–1869 гг.

[^^^]

«Зараженное семейство».

[^^^]

Наслаждение (*фр.*).

[^^^]

Толстой с семьей приехал в Москву 24 января 1866 г.

[^^^]

977

Это намерение не было осуществлено.

[^^^]

Писатель А. К. Толстой.

[^^^]

Письмо от 23 ноября 1865 г. (ПТ, № 60).

[^^^]

Толстая также сообщала о том, что А. Ф. Тютчева вышла замуж за И. С. Аксакова, и о своем назначении на место Тютчевой — воспитательницей великой княжны Марии Александровны.

[^^^]

Тропарь, кондак — виды церковных песнопений. Очевидно, намек на истовое православие славянофила Аксакова.

[^^^]

Мурмолка — старинная русская шапка. Толстой иронизирует над пристрастиями Аксакова к боярской допетровской Руси.

[^^^]

А. С. Хомяков — один из теоретиков славянофильства.

[^^^]

Свояченицами Т. и Е. Берс. Толстой виделся с Аксаковым в декабре 1864 г.

[^^^]

Аксаков издавал с 1861 по 1865 г. газету славянофильского направления «День», которая не была популярной и доставляла ее издателю большие неприятности. Аксаков приглашал Толстого участвовать в ней.

[^^^]

Уродство (*фр.*).

[^^^]

Кринолине (*фр.*).

[^^^]

Карлом Ивановичем Толстой называет своего гувернера немца Федора Ивановича Россея, изображенного в «Детстве» и «Отрочестве».

[^^^]

Ф. И. Толстой, прозванный Американцем за свое путешествие на Алеутские острова. Дальний родственник Л. Н. и А. А. Толстых.

[^^^]

Предположительная датировка 15... 31 декабря (т. 61, № 155) не точна: Фет в не дошедшем до нас письме сообщал о своей поездке в Москву на рождество, следовательно, ответ Толстого с приглашением провести праздники в Ясной Поляне не мог быть написан позднее середины декабря.

[^^^]

Фет при публикации этого письма сделал следующее пояснение: «Когда-то Толстые смеялись моему шуточному изображению приезда небогатых помещиков в театр с лакеем, у которого собачий воротник на ливрее, очевидно, сильно пострадал от моли» (*Мои воспоминания*, ч. 2, с. 52).

[^^^]

Толстые пробыли в Москве с 21 января до 6 марта 1866 г.

[^^^]

Феты не заехали в Ясную Поляну.

[^^^]

К декабрю была закончена вторая часть «1805 года».

[^^^]

995

Искусство вечно, жизнь коротка (*лат.*).

[^^^]

Корректурь глав X–XIV второй части «1805 года» для третьего номера журнала.

[^^^]

Глава XIV (XIII — в «Войне и мире») второй части романа.

[^^^]

В январе 1866 г. Толстой сдал в «Русский вестник» рукопись второй части «1805 года» (главы XV–XXIV) (опубл. — *РВ*, 1866, № 4). На этом публикация романа в журнале прекратилась. Толстой приступил к переработке журнального текста и к работе над продолжением романа.

[^^^]

Письмо неизвестно. Толстой предполагал осуществить отдельное издание романа «Война и мир» с иллюстрациями художника М. С. Башилова, родственника Берсов, с которым он познакомился в феврале — марте 1866 г. в Москве.

[^^^]

1000

То же самое (*лат.*).

[^^^]

1001

Рука (*φρ.*).

[^^^]

1002

Среди рисунков Башилова есть один, изображающий Пьера лежащим на диване и читающим книгу.

[^^^]

Д. К. Рихау — гравер.

[^^^]

1004

Берсу. Письмо неизвестно.

[^^^]

1005

Письмо неизвестно.

[^^^]

Стихи Фета «Графине С. А. Толстой» («Когда так нежно расточала...»), которые были приложены к его письму.

[^^^]

И. П. Борисов был небольшого роста, хилый и болезненный человек.

[^^^]

«Война и мир».

[^^^]

1009

Сочинение — это письмо, обращенное ко всем неизвестным друзьям (*фр.*).

[^^^]

Толстому могли быть известны отзывы Тургенева о романе в письме к Фету от 25 марта 1866 г. (*Тургенев. Письма*, т. VI, № 1657).

[^^^]

4 апреля 1866 г. произошло покушение Д. В. Каракозова на Александра II.

[^^^]

Последний удар (*фр.*).

[^^^]

Толстой, не сочувствовавший действиям народников-террористов, иронически отзывается здесь о квазипатриотической шумихе, поднятой вокруг картузника Комиссарова, якобы спасшего царя.

[^^^]

Катков в своей газете «Московские ведомости» опубликовал серию статей, в которых обвинял правительство в либерализме, в недостаточно жесткой политике по отношению к «нигилистам» и высказал сомнение в правильности действий следственной комиссии по делу Каракозова. 7 мая газета получила за это предостережение, и ее выход был приостановлен на две недели.

[^^^]

1015

Нет такого доброго дела, которое не было бы проиграно, как только рассердишься (*фр.*).

[^^^]

Толстой, возможно, имеет в виду очень раздраженную статью Фета о романе Чернышевского «Что делать?», над которой он тогда работал (неопубл., текст неизвестен).

[^^^]

1017

Фет написал стихотворение «Весна» (датировано 20 мая).

[^^^]

Толстой приводит строки из стихотворений Фета «Опять незримые усилья...» и «Уж верба вся пушистая...».

[^^^]

Вдоль и поперек (*фр.*).

[^^^]

В ряде статей Гюго («О Вальтере Скотте (по поводу «Квентин Дорварда»)), «О Вольтере», «О лорде Байроне» и др.) в центре внимания были вопросы о месте художника в общественной жизни, его долге, о жанровых особенностях исторического романа и некоторые другие, интересовавшие Толстого.

[^^^]

Единственное упоминание этого первоначального заглавия «Войны и мира», от которого Толстой затем отказался.

[^^^]

1022

Башилов готовил к академической выставке 1866 г. картину «Крестьянин в беде».

[^^^]

1023

ИЛЮ.

[^^^]

Письмо от 16 июля (*Переписка*, т. 1, № 237), в котором Фет излагал свою трактовку романа «1805 год».

[^^^]

Гневливый род поэтов (Гораций, *лат.*). Фет поставил эту строку из поэмы Горация эпиграфом к своему письму.

[^^^]

1026

Добропорядочный, светский человек (*фр.*).

[^^^]

Толстой намекает на поездки Фета в Москву для свидания с многочисленной родней жены — Боткиными.

[^^^]

1028

Толстой вместе с Т. А. Берс выехал в Москву 10 ноября и пробыл там до 18 ноября.

[^^^]

Толстой привез с собой девятнадцать глав, составивших в первом издании (1868 г.) вторую часть первого тома романа.

[^^^]

1030

Предыдущее письмо было написано в субботу вечером 12 ноября (т. 83, № 56).

[^^^]

Толстой вел переговоры с типографией М. Н. Каткова об отдельном издании девятнадцати глав романа «1805 год».

[^^^]

Толстой посетил выставку Общества любителей художеств.

[^^^]

В. С. Перфильева.

[^^^]

Фани — жена сына Перфильева, Сергея.

[^^^]

Н. М. Пановский выступал в газете «Московские ведомости» с фельетонами. Отзыв Толстого о них неизвестен.

[^^^]

Ольга и Эмилия — дочери Д. Е. Зайковского.

[^^^]

Дагмара — датское имя жены Александра III, Марии Федоровны.

[^^^]

1038

Толстой слушал оперу Ш. Гуно.

[^^^]

1039

Письмо от 11 ноября (ПСТ, № 17).

[^^^]

Речь идет о М. Н. Толстой. См. примеч. 2 к письму 171.

[^^^]

Беседа с Е. Ф. Тютчевой происходила в доме Н. В. Сушкова, жена которого была сестрой Ф. И. Тютчева.

[^^^]

1042

Письмо неизвестно.

[^^^]

Речь идет о рисунке Башилова, изображающем прощание старика Болконского с сыном (т. 1, ч. 1, гл. XXV).

[^^^]

Бал у Ростовых, когда граф Ростов с Ахросимовой танцуют старинный танец Данило Купор (там же, гл. XVII).

[^^^]

Наташа и Борис Друбецкой в цветочной (там же, гл. X).

[^^^]

1046

Упрямым (*англ.*).

[^^^]

1047

Роман закончен был только в 1869 г.

[^^^]

1048

Самое позднее (*фр.*).

[^^^]

1049

Непрерывное условие (*лат.*).

[^^^]

1050

Письмо не было отправлено (сохранилось в бумагах Толстого).

[^^^]

Толстой познакомился с Ю. Ф. Самаринным, видным деятелем русского славянофильства, 23 мая 1856 г. В ноябре 1866 г. в Москве встретался с ним.

[^^^]

Ю. Ф. Самарин был гласным Московского губернского земства.

[^^^]

Поводом к написанию настоящего письма послужил отчет о заседании Московского губернского земства и о полемике между Ю. Ф. Самариным и Н. М. Смирновым (*М. вед.*, 1866, № 274, 29 декабря). Смирнов находил, что «быстрый переход от строгой зависимости к свободе» пагубно отразился на русском крестьянстве. Против крепостнической речи Смирнова выступил Самарин, иронически заметивший, что, следуя его логике, можно прийти к выводу «о постепенном упадке нравственности в дворянском сословии, о необходимости в нем духовного образования и религиозного смысла».

[^^^]

Себя сопоставлять (*фр.*).

[^^^]

Речь идет об австро-прусской войне 1866 г., начатой правительством Бисмарка в борьбе за господствующую роль Пруссии в процессе объединения Германии.

[^^^]

Самарин был приверженцем ортодоксально-го христианства.

[^^^]

Разговор Кутузова с разжалованным Долоховым (т. 1, ч. 2, гл. II).

[^^^]

Разговор Ростова и офицера Телянина, которого он уличает в краже кошелька (там же, гл. IV).

[^^^]

Посещение Андреем Болконским австрийского императора Франца (там же, гл. XII).

[^^^]

Переход русских войск, среди которых эскадрон под командованием Денисова, через мост на реке Энс (там же, гл. VII).

[^^^]

Сцена на батарее Тушина (там же, гл. XVII).

[^^^]

Солдаты у костра после Шенграбенского сражения (там же, гл. XXI).

[^^^]

Занятия старого князя Болконского с дочерью
(там же, ч. 1, гл. XXII).

[^^^]

В архиве Толстого сохранились три письма императора Павла к Н. С. Волконскому от 18 и 19 мая, 9 июля 1799 г. Вероятно, письмо Бартеневу не было послано (см. письмо Бартенева к Толстому от 13 августа 1867 г. — т. 61, с. 175–176).

[^^^]

Судя по письму Бартенева от 13 августа 1867 г. (т. 61, с. 175–176), Толстой намеревался прислать отрывок статьи на тему «о тщете исторических разысканий». Послал же он статью «Несколько слов по поводу книги «Война и мир»; *опубл.* — *РА*, 1868, кн. 3, под измененным Бартеневым названием: «Несколько объяснительных слов графа Л. Н. Толстого (по поводу сочинения его: «Война и мир»)».

[^^^]

В «Русском архиве» за время с 1864 г. по момент написания настоящего письма был опубликован целый ряд материалов о царствовании Павла: официальные документы, его переписка, анекдоты, воспоминания.

[^^^]

Произведения из жизни Павла I Толстой не написал.

[^^^]

1068

Толстой вернулся из Москвы 25 июня.

[^^^]

Толстой отвечает на письмо Фета от 15 июня 1867 г., в котором тот критиковал роман Тургенева «Дым» «за брань всего русского, в минуту, когда в России все стараются быть русскими» (*Переписка*, т. 1, № 239).

[^^^]

В Мценске 25 июня происходили выборы мировых судей. Тогда же Фет был избран мировым судьей.

[^^^]

После заключения договора с типографией Риса на печатание романа «Война и мир» Толстой привлек Бартенева для ведения этого первого отдельного издания.

[^^^]

Бартенев был недоволен огромной правкой Толстого в корректуре, 12 августа он писал ему: «Вы бог знает что делаете. Эдак мы никогда не кончим поправок и печатания... большая половина Вашего перемарывания вовсе не нужна... Я велел написать в типографии Вам счет за корректуры» (см. т. 61, с. 175).

[^^^]

Речь идет о замечании Бартенева о том, что поэт Николев был слепой и не мог поэтому прочесть в клубе свои стихи; кроме того, Толстой ошибочно назвал в числе лиц, сопровождавших Багратиона в его поездке в Москву, Александра Уварова (в письме у Толстого неверно назван Балашов) вместо генерала Ф. П. Уварова.

[^^^]

Книга С. П. Жихарева «Записки современника с 1805 по 1814 год. Дневник студента» (СПб., 1859) была одним из главных источников для описания «мира» в романе. В данном случае Толстой не прав. По воспоминаниям Жихарева, Николев не читал своих стихов; они были поднесены Багратиону на серебряном подносе.

[^^^]

Бартенев указал, что неверно изображать дуэль в березовой роще в Сокольниках, так как там была сосновая роща. В окончательном тексте романа дуэль происходит в сосновом лесу (т. 2, ч. 1, гл. IV–V).

[^^^]

Бартенев послал рукопись «Из записок севастопольца» Н. В. Берга, которая осталась Толстым не прочитанной (опубл. — *РА*, 1867, № 12).

[^^^]

1077

Толстой почти не правил во второй корректу-
ре эту часть.

[^^^]

1078

В сентябре была послана лишь первая часть третьего тома «Войны и мира».

[^^^]

25-27 сентября Толстой провел на Бородинском поле, составил его план с обозначением положения русских и французских войск.

[^^^]

1080

Письма неизвестны.

[^^^]

История увлечения Наташи Ростовой Анато-
лем Курагиным (см. т. 2, ч. 5).

[^^^]

Рукопись была доставлена Бартеневу в ноябре и тогда же поступила в набор.

[^^^]

Бартенев объявил: «Война и мир». Сочинение графа Льва Николаевича Толстого. Четыре тома (до 80 листов). Цена 7 руб.; пересылка за 5 фунтов. Первые три тома выдаются с билетом на четвертый у П. И. Бартенева» (*М. вед.*, 1867, № 267, 17 декабря).

[^^^]

В окончательном тексте сцена избиения Ростовым ямщика отсутствует, а слова «на три рубля на чай дает» заменены обещанием дать «три целковых на водку» (т. 2, ч. 1, гл. I).

[^^^]

См. т. 2, ч. 5, гл. I.

[^^^]

1086

См. примеч. 3 к письму 206.

[^^^]

Письмо Александра к Наполеону см. т. 3, ч. 1,
гл. III.

[^^^]

Ф. Ф. Рис, владелец типографии, где печаталось первое отдельное издание «Войны и мира», неоднократно задерживал отправку корректур Толстому.

[^^^]

Гранки глав с рассказом об увлечении Наташи Ростовой Анатодем Курагиным (т. 2, ч. 5).

[^^^]

Толстой послал продолжение рукописи 4-го тома.

[^^^]

«Война и мир» не подверглась цензурному вмешательству.

[^^^]

Письмо от 21 марта (GMT) с суждениями о статье Толстого «Несколько слов по поводу романа «Война и мир».

[^^^]

Толстой навел на Погодина 14 апреля 1868 г., и они «много толковали» (Дневник Погодина, см. т. 61, с. 196).

[^^^]

Погодин прислал Толстому свою книгу «Исторические афоризмы» (М., 1836).

[^^^]

Статья военного историка Н. А. Лачинова «По поводу последнего романа гр. Толстого» («Русский инвалид», № 96, 10 апреля), в которой давалась высокая оценка романа и вместе с тем оспаривались военно-исторические взгляды Толстого, указывались неточности в описании некоторых исторических событий и сражений.

[^^^]

Никаких данных о переписке Толстого с Лачиновым не имеется.

[^^^]

В окончательном тексте этот абзац видоизменен — см. т. 3, ч. 3, гл. VIII.

[^^^]

Этот мотив отсутствует в описании сна Пьера (см. там же, гл. IX).

[^^^]

В окончательной редакции текст изменен
(см. там же, гл. VII).

[^^^]

1100

Как произнесенное (*фр.*).

[^{^^}]

1101

Мать, мать, моя бедная мать (*фр.*).

[^^^]

В окончательной редакции текст изменен
(см. там же, гл. XIX).

[^^^]

Толстой в ту пору бывал в салоне В. Ф. Одоевского и у него познакомился с С. А. Соболевским.

[^^^]

Сцена беседы француза Пончини с Пьером, когда они вспоминают «стих Данта» (т. 14, с. 403), в окончательный текст не вошла.

[^^^]

Ответ на не дошедшее до нас письмо, в котором Погодин приглашал Толстого сотрудничать в издаваемой им газете «Русский».

[^^^]

«Война и мир».

[^^^]

1107

См. примеч. 3 к письму 211.

[^^^]

Имеется в виду книга товарища Толстого по Севастопольской кампании С. С. Урусова «Обзор кампаний 1812 и 1813 годов, Военно-математические задачи и О железных дорогах» (М., 1868); по словам автора, он стремился здесь выяснить «законы войны».

[^^^]

1109

17 января Толстой смотрел в Малом театре пьесу Островского «Горячее сердце».

[^^^]

Речь идет о М. Н. Толстой.

[^^^]

1111

П. И. Бартенев.

[^^^]

Толстой читал корректуру для второго издания «Войны и мира». Эти «последние листы» соответствуют во всех последующих изданиях 2-й части тома 4.

[^^^]

1113

Толстой приехал в Москву 20 февраля.

[^^^]

1114

5-й том «Войны и мира» поступил в продажу
28 февраля.

[^^^]

И. И. Орлов по поручению Толстого привез Бартеневу его письмо (т. 61, № 277) и выяснял в типографии положение дел с печатанием романа.

[^^^]

Толстой здесь ссылается на свою статью «Несколько слов по поводу книги «Война и мир».

[^^^]

Упреки П. А. Вяземского, сделанные им в статье «Воспоминания о 1812 годе» (РА, 1869, № 1), относились к сцене приезда Александра I в Москву (т. 3, ч. 1, гл. XXI).

[^^^]

1118

См. письмо 217 и примеч. 2 к нему.

[^^^]

1119

См. письмо 216.

[^^^]

Бартенев «Заметку» Толстого не напечатал, так как в книге «Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника московского ополчения» (СПб., 1836) нет указанного эпизода. Толстой написал его на основе книги А. Рязанцева «Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году» (М., 1862).

[^^^]

1121

Письмо неизвестно.

[^^^]

Фет передал просьбу П. М. Третьякова разрешить И. Н. Крамскому написать портрет Толстого (см. письмо 261).

[^^^]

«Эпилог» к роману «Война и мир».

[^^^]

П. Д. Юркевич познакомил Толстого со своей вступительной лекцией к курсу «Истории философии права» (литограф. изд.), в которой затрагивались те же проблемы, что и в «Эпilogе» «Войны и мира».

[^^^]

1125

Край писъма оборван.

[^^^]

1126

Имеется в виду книга А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление».

[^^^]

1127

20 мая у Толстых родился сын Лев.

[^^^]

Дата Толстого ошибочна. Именины С. А. Толстой — 17 сентября, кроме того, дата в приписке — 31-е — указывает на август.

[^^^]

1129

Письмо неизвестно.

[^^^]

Работа над шестым томом романа «Война и мир» была завершена в октябре 1869 г.

[^^^]

Впоследствии Толстой несколько изменил свое отношение к Шопенгауэру и его философии, но интерес к нему сохранил.

[^^^]

Толстой оставил намерение переводить сочинения Шопенгауэра. Главный труд Шопенгауэра «Мир как воля и представление» был переведен Фетом.

[^^^]

Эти переживания Толстого нашли свое отражение в незаконченной повести «Записки сумасшедшего» (см. т. 12 наст. изд.).

[^^^]

Толстой отвечает на не дошедшее до нас письмо Фета с приглашением приехать к нему 14 февраля.

[^^^]

1135

Толстой посетил Фета 18–20 февраля.

[^^^]

1136

Эта поездка состоялась в начале марта.

[^^^]

«Семейство Гольц».

[^^^]

Рассказ «Семейство Гольц».

[^^^]

Читал ли Толстой в рукописи рассказ вторично и в какой мере Фет учел советы Толстого, нельзя установить, так как автограф не сохранился (опубл. — *РВ*, 1870, № 9). Толстой обратил внимание на главу 5 рассказа.

[^^^]

Статью Н. Н. Страхова «Женский вопрос» («Заря», 1870, кн. 2), написанную в связи с появлением книги английского философа и социолога Д. Милля «Подчиненность женщины» (СПб., 1869). Страхов полемизировал с положением Милля о необходимости предоставлять женщине те же права, что и мужчине, считая, что для женщины главное — ее жизнь в семье, выполнение своего «родового» назначения.

[^^^]

Страхов находил справедливым предоставлять бессемейным и пожилым женщинам политические права, возможность выполнения различных общественных и государственных обязанностей.

[^^^]

Толстой имеет в виду французского историка и социолога Ж. Мишле, автора книг «L'amour» («Любовь»), 1858, и «La femme» («Женщина»), 1859, в которых он излагал свои взгляды на семью и брак.

[^^^]

Самец (*φр.*).

[^^^]

1144

Письмо неизвестно.

[^^^]

1145

Стихотворение «Майская ночь».

[^^^]

Толстой имеет в виду выход Фета из длительного творческого кризиса.

[^^^]

Опубл. — «Заря», 1870, № 11.

[^^^]

1148

Орлову. Письмо неизвестно.

[^^^]

Шеншина, брата Фета.

[^^^]

1150

С 1 по 8 мая Толстой участвовал в качестве присяжного заседателя в выездной сессии Тульского окружного суда в селе Сергиевском.

[^^^]

1151

Поездка не состоялась.

[^^^]

Имеется в виду рассказ Фета «Первый заяц», посвященный «маленькому приятелю графу С. Л. Толстому» (опубл. — «Семейные вечера», 1871, № 8).

[^^^]

В своей книге «Мои воспоминания» Фет писал, что он «придумывал неудавшийся велосипед» (ч. 2, с. 48).

[^^^]

1154

Письмо не сохранилось.

[^^^]

1155

Толстой был занят романом из эпохи Петра, начатым им 24 февраля 1870 г.

[^^^]

Толстой читал изд.: P. J. Béranger. Oeuvre complète. 1–4, 1856–1860. Фет это стихотворение не переводил.

[^^^]

Толстой ошибся в отчестве тогда еще незна-
комого ему Страхова.

[^^^]

Толстой отвечает на неизвестное письмо Страхова, в котором тот приглашал его сотрудничать в журнале «Заря».

[^^^]

Для журнала «Заря» Толстой написал позднее «Кавказский пленник» (опубл. — 1872, № 2).

[^^^]

Впервые Страхов приехал в Ясную Поляну в августе 1871 г. и с тех пор неоднократно там бывал, став одним из близких друзей Толстого.

[^^^]

1161

Письмо неизвестно.

[^^^]

Имеется в виду книга С. С. Урусова «Руководство к изучению геометрии (начальной и высшей), алгебры и тригонометрии» (М., 1870).

[^^^]

См. письмо 229.

[^^^]

По-видимому, «Азбукой».

[^^^]

1165

Роман «Подспудные силы» (СПб., 1870).

[^^^]

На письме Толстого имеется помета Чаева, что Толстой взял экземпляр романа, принадлежащий его жене.

[^^^]

Толстой, вероятно, читал книгу художницы Луизы-Елизаветы Лебрэн-Виже «Souvenirs» («Воспоминания») (Париж, 1835).

[^^^]

1168

Письмо неизвестно.

[^^^]

О каком стихотворении Фета идет речь, не установлено. Возможно, что Толстому было послано «Томительно-призывно и напрасно // Твой чистый луч передо мной горел...» (опубл. — «Заря», 1871, № 3). Фет часто перед отправлением в печать посылал свои стихи на суд Толстого.

[^^^]

Без помощи словаря (*фр.*). Толстой прочел «Анабазис» Ксенофонта.

[^^^]

«Войны и мира».

[^^^]

Иоганн Фридрих Фосс — переводчик «Одиссеи» (1781) и «Илиады» (1793) на немецкий язык. В. А. Жуковский перевел с немецкого подстрочника «Одиссею».

[^^^]

1173

Ирония в адрес Фета, рьяного сторонника классического образования.

[^^^]

Письмо неизвестно. В. П. Мещерский готовился к изданию «Гражданина» — «газеты-журнала политики и литературы», ориентированного на «высшее общество» и духовенство.

[^^^]

См. письмо 226. В «Беседе» Толстой опубликовал рассказ «Бог правду видит, да не скоро скажет» (1872, № 3).

[^^^]

Статья В. П. Мещерского «Россия под пером замечательного человека. Современные письма» (*РВ*, 1871, № 4), в которой ироническому осмеянию подвергался крайний ретроград, не принимающий всех пореформенных нововведений.

[^^^]

1177

Мещерский был внуком Н. М. Карамзина.

[^^^]

Письмо неизвестно. Оно, вероятно, содержало сообщение Страхова об его переговорах с различными издателями относительно издания Собрания сочинений Толстого. Об этом же он писал в письме от 12 сентября (*ПС, № 2*).

[^^^]

1179

Так в автографе. О ком идет речь, неизвестно.

[^^^]

Последние строки стихотворения Пушкина
«Признание»:

*Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!*

[^^^]

Страхов в то время приступил к работе над своей книгой «Мир как целое. Черты из науки о природе», которую он в одном из писем к Толстому (ПС, № 3) называл также «Книгой о происхождении вещей». Какое из этих двух заглавий одобрил Толстой, трудно сказать.

[^^^]

1182

А. Берс гостил в Ясной Поляне.

[^^^]

1183

Толстой работал над «Азбукой».

[^^^]

В. В. Толстую.

[^^^]

Л. А. Берс.

[^^^]

А. Кузминский был представлен наместнику Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу.

[^^^]

Это «Общество» было создано в декабре 1871 г., о чем было объявлено в журнале «Музыкальный вестник», 1871, № 12. О его деятельности сведений нет.

[^^^]

Открытие политехнической выставки, приуроченной к 200-летию со дня рождения Петра I, должно было состояться 30 мая 1872 г.

[^^^]

Счастливые народы не имеют истории (*фр.*).

[^^^]

1190

Письмо неизвестно.

[^^^]

Толстой перевел ряд басен Эзона: «Лисица и виноград», «Стрекоза и муравей», «Муравей и голубка» и др. — и включил их в «Азбуку».

[^^^]

1192

Замысел романа из эпохи Петра.

[^^^]

Толстой вернулся из Москвы 19 февраля. Политехническую выставку он осмотрел 8 июля перед отъездом в Самару.

[^^^]

1194

Письмо неизвестно.

[^^^]

«В водовороте» (СПб., 1872). Впервые — «Беседа», 1871, № 1-е.

[^^^]

Сведений о свиданиях Толстого с Писемским не имеется.

[^^^]

1197

Письмо неизвестно.

[^^^]

«Переворот в науке» («Заря», 1872, № 3), статья, написанная Страховым в связи с выходом книги Ч. Дарвина «Происхождение человека» (СПб., 1871).

[^^^]

1199

Намек на работу над романом из эпохи Петра I.

[^^^]

Толстой обещал дать в «Зарю» один из рассказов «Азбуки». В ответном письме от 10 марта Страхов писал, что редакция журнала не может отказаться от сотрудничества Толстого, так как уже объявлено подписчикам, что в журнале будет напечатан его рассказ (ПС, № 3).

[^^^]

В январе 1872 г. в Ясной Поляне были организованы занятия с крестьянскими детьми, которые проводились Толстым, его женой и старшими детьми.

[^^^]

1202

Страхов не ответил на этот вопрос (ПС, № 3).

[^^^]

1203

Текст в схеме Толстого: Карамзин, Глинка, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, мы грешные, изучение народа, будущее.

[^^^]

С поэтом А. Майковым Толстой познакомился в Петербурге в 1855 г.

[^^^]

1205

Письмо неизвестно.

[^^^]

1206

Повесть Н. М. Карамзина.

[^^^]

1207

Досужих вымыслах (от *фр.* élucubration).

[^^^]

«Кавказский пленник» был выслан Толстым лишь 28 марта и напечатан во втором номере журнала.

[^^^]

Ясность — это вежливость тех, кто обращается со словами наставления к публике (*фр.*).

[^^^]

1210

«Кавказский пленник» и «Бог правду видит,
да не скоро скажет».

[^^^]

1211

Страхов принял предложение Толстого.

[^^^]

Страхов читал корректуру «Кавказского пленника».

[^^^]

1213

«Бог правду видит, да не скоро скажет».

[^^^]

1214

Я разделяю с тобой твои горести, а ты подели со мной свои радости (*англ.*).

[^^^]

Безопасность (*фр.*).

[^^^]

Судебное дело против Толстого было прекращено. См. письмо 241.

[^^^]

Толстой должен был участвовать в выездной сессии Тульского окружного суда в селе Сергиевском.

[^^^]

Ложного стыда (*фр.*).

[^^^]

«Азбука».

[^^^]

1220

Письмо неизвестно.

[^^^]

1221

Если я сказал что-либо такое, что вас раздра-
жило (*фр.*).

[^^^]

1222

Письмо неизвестно.

[^^^]

1223

Письмо 242.

[^^^]

1224

Письмо от 3 октября (ГМТ).

[^^^]

Толстой находился в Москве с 27 по 31 октября.

[^^^]

Роман из эпохи Петра I.

[^^^]

Неуклюж (*фр.*).

[^^^]

Порывист (*фр.*).

[^^^]

Голохвастов прислал книги о Петре I и его эпохе.

[^^^]

1230

Голохвастов занимался изучением русского стиха.

[^^^]

1231

Роман из эпохи Петра I.

[^^^]

1232

А. Берс ранее служил вместе с Истоминым в Преображенском полку.

[^^^]

1233

Письмо неизвестно.

[^^^]

Голохвастов рекомендовал Толстому «Дневник Иоганна Георга Корба, секретаря посольства от императора Леопольда I к царю Петру I в 1698–1699 гг.» (М., 1868). Книга была прислана Толстому. Выписки из нее имеются в «Материалах к роману времен Петра» (см. т. 17).

[^^^]

Книга историка Г. В. Есипова «Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии», т. 1–2, изд. Д. Е. Кожанчикова (СПб., 1861–1863).

[^^^]

И. Кириллов. «Цветущее состояние всего Российского государства» (т. 1–2, изд. М. П. Погодина, 1831) — первое документированное статистическое описание России. Историк Н. Г. Устрялов упоминает о нем в книге «История царствования Петра Великого» (СПб., 1858–1863).

[^^^]

1237

Письмо от 20 января (*Переписка*, т. 1, № 272).

[^^^]

У Ф. И. Тютчева 1 января 1873 г. случился удар. О его болезни Фет сообщил Толстому в Москве. Умер Тютчев 15 июля 1873 г.

[^^^]

Слухи о смерти Тургенева оказались ложными.

[^^^]

Толстой присутствовал на похоронах сына С.
Н. Толстого — Александра.

[^^^]

1241

Работа над романом из эпохи Петра I.

[^^^]

1242

Письмо неизвестно.

[^^^]

В декабре 1872 г. Толстой просил А. А. Толстую помочь А. Н. Бибикову и его братьям в хлопотах по узаконению их положения, поскольку отец официально женился на их матери уже после рождения старших сыновей.

[^^^]

Толстой просматривал «Войну и мир» в связи с подготовкой Собрания своих сочинений (1873 — 8 томов). См. письмо 250.

[^^^]

Визитную карточку, которую Толстой, вероятно, получил от Барсова в феврале 1873 г. в Москве.

[^^^]

«Петр Великий в народных преданиях Северного края, собранных Е. В. Барсовым». М., 1872.

[^^^]

Каждому преданию в книге предшествуют комментарии Барсова, в которых он подчеркивает близость Петра народу.

[^^^]

Письмо от 15 марта с сообщением Страхова о том, что по возвращении из Ясной Поляны он заболел рожистым воспалением ноги (ПС, № 6).

[^^^]

Обещание провести свой летний отпуск в Ясной Поляне.

[^^^]

«Мир как целое. Черты из науки о природе».
СПб., 1872.

[^^^]

1251

Роман М. Загоскина.

[^^^]

Роман «Анна Каренина». Толстой начал писать его 18 марта и к 25 марта закончил первый черновой вариант.

[^^^]

Роман «Анна Каренина» был полностью закончен в 1877 г. В 1878 г. Страхов провел корректуру отдельного издания романа.

[^^^]

В Собрании сочинений Толстого, вышедшем в 1873 г., текст «Войны и мира» напечатан с большими изменениями по сравнению с изданием 1868–1869 гг. (см. примеч. к т. 7 наст. изд., с. 369).

[^^^]

Страхов принимал участие в подготовке томов «Войны и мира», изд. 1873 г.

[^^^]

Письма Некрасова и Каткова и ответы Толстого неизвестны.

[^^^]

1257

П. А. Берс.

[^^^]

И. Н. Шатилов предпринял издание книг для народного чтения. Голохвастов подготавливал для него сборник былин об Илье Муромце. Работа эта в печати не появилась.

[^^^]

Толстой писал «Анну Каренину». См. письмо 250 и примеч. 5 к нему.

[^^^]

«Малыш» Альфонса Доде.

[^^^]

1261

Жена Голохвастова.

[^^^]

Речь идет о романе Густава Дроза «Баболен» (Париж, 1872). Толстой писал Дрозу: «Я только что кончил читать вашего «Баболена» и не могу удержаться и не высказать вам, что, по моему мнению, это — шедевр...» (*ЛН*, т. 69, кн. 1, с. 523).

[^^^]

Роман Виктора Шербюлье «Проспер Рандос»
(Париж, 1868).

[^^^]

1264

Письма неизвестны.

[^^^]

1265

Голохвастов гостил в Ясной Поляне в первой половине марта.

[^^^]

См. писъмо 250.

[^^^]

Голохвастов — автор пьесы «Алеша Попович. Представление в 5 действиях, сочиненное по старинным русским былинам». М.,1869.

[^^^]

1268

«Крымское» письмо от 8 января (ПС, № 5) и «петербургское» от 15 апреля (там же, № 7).

[^^^]

См. писъмо 250.

[^^^]

О роли Страхова в издании «Войны и мира»
1873 г. см. письма 255 и 257.

[^^^]

1271

Семья Толстых выехала в самарское имение 2 июня.

[^^^]

Письмо Фета от 30 апреля начиналось стихотворением «В дымке-невидимке выплыл месяц вешний...» (*Переписка*, т. 1, № 275).

[^^^]

Фет согласился с замечанием Толстого. Он изменил строку «соловей у розы» на «соловей без розы».

[^^^]

Дора — англичанка-гувернантка; она не смогла принять приглашение Фета стать воспитательницей его племянницы.

[^^^]

1275

Речь идет об Оле Шеншиной. После смерти родителей Фет стал ее опекуном.

[^^^]

См. письмо 257.

[^^^]

Собрание сочинений Л. Н. Толстого, в состав которого входила «Война и мир», вышло в ноябре 1873 г.

[^^^]

П. А. Берс ведал продажей «Азбуки». Письмо неизвестно.

[^^^]

Эта переброшюровка «Азбуки» была осуществлена лишь осенью 1873 г.

[^^^]

1280

«Анна Каренина».

[^^^]

1281

Даша, шести лет, очень любимая в семье Тол-
стых.

[^^^]

1282

Ответное письмо Страхова неизвестно.

[^^^]

Толстой имеет в виду свою поездку за границу в 1860–1861 гг.

[^^^]

В статье «О методах обучения грамоте» Толстой подверг критике звуковой метод.

[^^^]

Подобный опыт был осуществлен в 1874 г. Однако Московский комитет грамотности не смог прийти к единому мнению — в его составе оказались сторонники как слухового, так и звукового методов.

[^^^]

1286

Это письмо опубл. — *М. вед.*, № 140, 7 июня.

[^^^]

В издании 1868–1869 гг. роман «Война и мир» состоял из шести томов. В издании 1873 г. Толстой разделил его на четыре тома. Это деление сохранилось во всех позднейших изданиях романа.

[^^^]

1288

Письмо неизвестно.

[^^^]

Копия письма «Издателям «Московских ведомостей» от 28 июля 1873 г. (опубл. — *М. вед.*, № 207, 17 августа); приписка С. А. Толстой не сохранилась.

[^^^]

1290

Письмо от 11 мая из Сорренто (*ГМТ*).

[^^^]

1291

Письмо неизвестно.

[^^^]

Страхов с конца июня по середину августа был занят подготовкой трех томов «Войны и мира» к печати.

[^^^]

«Анна Каренина».

[^^^]

Страхов 1 августа был зачислен библиотекарем Публичной библиотеки. Получив постоянную службу, он рассчитывал избавиться от журнальной поденной работы.

[^^^]

См. ПС, письмо 9, с предложением внести ряд сокращений в текст «Войны и мира».

[^^^]

Страховым был опубликован ряд статей о Пушкине: «Пушкин. Несколько запоздалых слов» (ОЗ, 1866, № 1), «Главное сокровище нашей литературы» (там же, 1867, № 12) и др.

[^^^]

Страхов писал Толстому: «Противоречие, которое я нашел в ваших письмах, состоит в том, что вы сперва писали, что отдались роману всею душою, а потом, что он в *легком роде*» (ПС, с. 35).

[^^^]

См. писъмо 256.

[^^^]

См. т. 62, ПИСЬМО 29.

[^^^]

Течь идет о самарском губернаторе Ф. Д. Климове, который под воздействием письма Толстого и вызванного им общественного возбуждения вынужден был отменить все принудительные меры по взысканию недоимок с крестьян.

[^^^]

Страхов (*ПС*, с. 34) предлагал во второй части эпилога, получившей в новом издании название «Вопросы истории», снять рассуждения о власти (см. т. 7 наст. изд., с. 335–336).

[^^^]

Эти указанные Страховым места остались без изменений в издании «Войны и мира» 1873 г. и так печатались во всех последующих изданиях романа.

[^^^]

Страхов писал, что вынужден просить у Толстого платы за свою работу над романом.

[^^^]

Речь идет о статье «О развитии организмов. Попытка точно поставить вопрос» (опубл. — журн. «Природа», 1874, кн. 1).

[^^^]

1305

См. письмо 218 и примеч. 2 к нему.

[^^^]

Толстой имел в виду радикальные убеждения И. Н. Крамского. Крамской, несмотря на впечатление, произведенное на него Толстым, не стал сторонником его взглядов.

[^^^]

21 сентября в час ночи в гостинице «Бельвю» была застрелена жена А. С. Суворина, писательница А. И. Суворина. Стрелял в нее некий Т. Комаров, хороший знакомый семьи. Выстрелив в Суворину, как полагают, из чувства ревности, он покончил с собой.

[^^^]

Речь идет о предложении участвовать в сборнике «Складчина» («Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии». СПб., 1874), в котором приняли участие писатели самых различных направлений.

[^^^]

«Анну Каренину».

[^^^]

В. П. Мещерский просил Страхова получить от Толстого согласие на объявление его имени в числе сотрудников «Складчины».

[^^^]

Пустяк, безделка (*фр.*).

[^^^]

Толстой в сборнике «Складчина» не участвовал.

[^^^]

Статья «О развитии организмов. Попытка точно поставить вопрос». Дарвину Страхов противопоставил свою идеалистическую теорию происхождения организмов, согласно которой развитие в природе есть «процесс внутренний, таинственный».

[^^^]

Толстой вспоминает свои письма от 25 марта (№ 250) и от 17 ноября 1873 г. (т. 62, № 39), в которых писал о планах печатания «Анны Карениной».

[^^^]

Корректуры отдельного издания первой части романа читал сам Толстой, помогал ему Ю. Ф. Самарин. Страхов не мог принимать в этом участия, так как роман печатался в Москве. После того как было набрано 30 глав первой части, Толстой приостановил его публикацию и продолжал работу над ним.

[^^^]

Толстой отвечает на письмо Страхова от 22 февраля 1874 г. (ПС, № 12).

[^^^]

Е. Ф. Тютчевой. Ее мнение о романе неизвестно.

[^^^]

7 декабря 1873 г. Толстой был избран членом-корреспондентом Академии наук по отделению русского языка и словесности (см. письмо 267).

[^^^]

Пушкин был членом Российской Академии, вошедшей затем (в 1841 г.) в состав Академии наук как Отделение русского языка и словесности.

[^^^]

Периодическое издание «Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности».

[^^^]

Толстой имеет в виду переживания А. А. Толстой в связи с отъездом ее воспитанницы Марии Александровны в Англию.

[^^^]

1322

9 ноября 1873 г. умер полуторагодовалый сын Толстых Петя. 22 апреля 1874 г. родился сын Николай.

[^^^]

«Анну Каренину», см. письмо 263 и примеч. 3 к нему.

[^^^]

А. П. Вяземская и Д. П. Колошин сопровождали в поездке Марию Александровну.

[^^^]

Этот эпизод вошел в роман «Анна Каренина»
(ч. вторая, гл. V).

[^^^]

А. М. Кузминскому. Он переехал в Петербург, где получил должность председателя окружного суда.

[^^^]

1327

См. письмо 264 и примеч. 3 к нему.

[^^^]

1328

Письмо неизвестно.

[^^^]

Толстой имеет в виду несколько специальных заседаний Московского комитета грамотности (см. письмо 256), где он выступал с обвинениями в адрес Комитета за допущенные им ошибки в проведении опыта.

[^^^]

Поддержку (*фр.*).

[^^^]

В феврале — марте 1872 г. А. С. Суворин обратился к Толстому с просьбой написать свою биографию для издаваемого им «Русского календаря». Письмо Суворина неизвестно. Ответное письмо Толстого см. т. 61, № 360.

[^^^]

Очерк Суворина «Патриарх Никон» («Ясная Поляна», № 8).

[^^^]

1333

Суворин просьбу Толстого не выполнил.

[^^^]

1334

Письмо неизвестно.

[^^^]

Ергольскую.

[^^^]

1336

См. письмо 263 и примеч. 3 к нему.

[^^^]

Д. А. Толстого, министра народного просвещения,
обер-прорурора св. синода.

[^^^]

1338

Толстой вернулся из Самары около 12 августа.

[^^^]

1339

Письмо от 23 июля (ПС, № 15).

[^^^]

Толстой приступил к работе над продолжением «Анны Карениной» в декабре 1874 г.

[^^^]

Письмо неизвестно. По словам Н. К. Михайловского, «в 1874 г. гр. Толстой обратился к Некрасову с письмом... в котором просил, чтобы «Отечественные записки» обратили внимание на его, гр. Толстого, пререкания с профессиональными педагогами в Московском комитете грамотности. Граф выражал лестную для нашего журнала уверенность, что мы внесем надлежащий свет в эту педагогическую распрю» (Н. К. Михайловский. Литературные воспоминания и современная смута. СПб., 1900, т. 1, с. 199).

[^^^]

Статья Толстого «О народном образовании»
(опубл. — ОЗ, 1874, № 9).

[^^^]

Переписка Толстого с Михайловским неизвестна. Михайловский вспоминал: «Я взял на себя труд познакомиться с делом, и мы обменялись по этому случаю с гр. Толстым несколькими письмами» (там же, с. 200).

[^^^]

Толстому была прислана стенограмма его выступления на заседании Комитета грамотности 13 апреля, которая была им выправлена (см. т. 62, № 104, 107).

[^^^]

Статья «О народном образовании».

[^^^]

Письмо неизвестно. Протокол опубл. — «Московские епархиальные ведомости», 1874, № 46, 10 ноября.

[^^^]

Статья была пропущена цензурой без изменений.

[^^^]

Последний лист корректуры приостановленного издания «Анны Карениной». Корректуру читал Страхов.

[^^^]

Н. К. Михайловский выступил в защиту педагогических взглядов Толстого в статье «Записки профана» (ОЗ, 1875, № 1).

[^^^]

Письмо не было послано Некрасову, так как Толстой принял решение опубликовать «Анну Каренину» в «Русском вестнике».

[^^^]

Толстой отвечает на письмо Страхова от 8 ноября 1874 г., в котором он жаловался на нездоровье и «скуку оттого, что нет... настоящего дела» (ПС, с. 52).

[^^^]

Магистерская диссертация В. С. Соловьева
«Кризис западной философии. Против позитивистов» (М., 1874).

[^^^]

1353

У Страхова был мелкий почерк.

[^^^]

1354

Письмо от 4 декабря 1874 г. (ИТ, № 87).

[^^^]

Толстая писала, что «без малейшего увлечения и даже с некоторым отвращением» решила вновь заняться попечением заведений для падших женщин («магдалин») (ПТ, с. 256).

[^^^]

«Сорок веков смотрят на меня с вершин этих пирамид» (*фр.*) — фраза из обращения Наполеона к солдатам во время похода в Египет.

[^^^]

Максимилиан Перро — швейцарец-педагог, к которому Толстой часто обращался с просьбой найти гувернера или гувернантку для своих детей.

[^^^]

Письмо Каткова неизвестно. Очевидно, он высказывал замечания о сцене сближения Анны с Вронским (часть вторая, гл. XI).

[^^^]

Письмо от 13 февраля, в котором Страхов сообщал о реакции читателей на опубликованные главы «Анны Карениной» (ПС, № 19).

[^^^]

1360

О какой работе идет речь, не установлено.

[^^^]

Страхов писал, что «находятся скептики, которые... угрюмо допрашивают: «Да что же тут важного, особенного? Все самое обыкновенное. Тут описывается любовь, бал — то, что тысячу раз описано. И никакой идеи!» (ПС, с. 58).

[^^^]

1362

Сына Николая. См. письмо 282.

[^^^]

Толстой отвечает на письмо Е. И. Менгден от 5 февраля 1875 г. к С. А. Толстой (ГМТ).

[^^^]

Е. И. Менгден писала, что М. Г. Пейкер намеревается издавать журнал, который «будет называться «Русский рабочий», хотя о русском рабочем там ни слова не будет говорить-ся» (ГМТ).

[^^^]

Менгден также сообщала, что «княжны Урусовы прекрасно владеют английским языком и, желая перевести романы графа, просят прислать им позволение переводить все его сочинения» (ГМТ).

[^^^]

За сто тысяч миль (*фр.*).

[^^^]

Журнал «Русский рабочий. Духовно-нравственный журнал» (1875–1886) действительно был далек от народа. В нем печатались преимущественно евангелические статьи, переведенные с английского.

[^^^]

1368

Разрешение было написано на полях письма.

[^^^]

В своем письме от 15...20 февраля 1875 г. Фет восторженно отозвался о прочитанных им первых четырнадцати главах романа «Анна Каренина» (*Переписка*, т. 1, № 285).

[^^^]

1370

Если действительно есть успех (*фр.*).

[^^^]

1371

О каком замысле идет речь, неизвестно.

[^^^]

Фет прислал Толстому стихотворение «Что ты, голубчик, задумчив сидишь?».

[^^^]

1373

«Два гусара» в переводе Ш. Роллина (газета «Le Temps», 1875, 10 февраля).

[^^^]

Письмо, написанное по поручению Тургенева П. В. Анненковым (*Переписка*, т. 1, № 102), в котором сообщалось, что Виардо и Тургенев собираются перевести «Кзаков». Это их намерение не было осуществлено.

[^^^]

1375

Шеншина, брата Фета.

[^^^]

Корректуру глав «Анны Карениной» для февральской книжки «Русского вестника».

[^^^]

Часть первая, гл. XXXII–XXXIII.

[^^^]

Часть вторая, гл. II.

[^^^]

Часть вторая, гл. VI.

[^^^]

Драма «Княгиня Ульяна Вяземская» (РВ, 1875,
№ 2).

[^^^]

Имеется в виду драма А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» (1862).

[^^^]

Получив через П. Д. Голохвастова согласие архимандрита Леонида оказать помощь «в деле составления для народа книги чтения, составленной из избранных житий», Толстой в письме от 22 ноября 1874 г. благодарил его за обещанное участие и высказывал свои взгляды на содержание предполагаемой книги (т. 62, № 118). Архимандрит Леонид в ответном письме от 14 марта 1875 г. (ГМТ) согласился с планом «перепечатывать все доброе из нашей древней и средней литературы», но при этом ставил условие, чтобы труд подбора текстов из памятников древнерусской литературы и их комментирование были поручены ему лично.

Издание памятников древнерусской литературы для народного чтения не было осуществлено.

[^^^]

Архимандрит Леонид прислал Толстому свое исследование «Благовещенский иерей Сильвестр и его писания» и предлагал издать некоторые поучения этого автора «Домостроя».

[^^^]

В апреле 1875 г. Толстой составлял отчет о деятельности Училищного совета Крапивенского земства за истекший учебный год. По материалам этого отчета Толстой предполагал написать статью. Она не была написана, сохранились два ее наброска (т. 17, с. 336 и 337).

[^^^]

Статьи о «Новой азбуке» в «Отечественных записках» не публиковались.

[^^^]

Толстой отвечает на письмо Страхова от 4 и 5 мая из Рима (*ПС*, № 21).

[^^^]

Ср.: «Анна Каренина», часть третья, гл. XXVI.

[^^^]

Излишек (*фр.*).

[^^^]

Для этого номера «Русского вестника» Толстой послал XXVIII–XXXI главы второй части и I–X главы третьей части «Анны Карениной».

[^^^]

Н. Страхов. Последний из идеалистов (Отрывок из ненаписанной повести). — ОЗ, 1866, № 7.

[^^^]

1391

Письма неизвестны.

[^^^]

Скорее всего Анненков здесь — синоним критики, ищущей объяснения литературных явлений в общественных условиях. В повести вся история «идеалиста» доктора Павла Николаевича Т-ва доказывает, что личность развивается изнутри, «собственными средствами добивается понимания жизни».

[^^^]

Замысел религиозно-философского сочинения.

[^^^]

Знакомство с философом В. С. Соловьевым произошло около 10 мая 1875 г. в Ясной Поляне.

[^^^]

«Сборник сведений о кавказских горцах»,
вып. 1. Тифлис, 1868. Текст стихов взят из ста-
тьи А. П. Ипполитова «Этнографические очер-
ки Аргунского округа».

[^^^]

Начало «Песни о Хамзате». Взято также из статьи А. П. Ипполитова.

[^^^]

Текст взят из статьи П. У. (П. К. Услара) «Народные сказания кавказских горцев» и отредактирован Толстым.

[^^^]

Присланные Толстым тексты Фет переложил в стихи и опубликовал со стихотворным посвящением Толстому (*РВ*, 1876, № 1).

[^^^]

Письмо от 4 ноября 1875 г. с «Песнями кавказских горцев» (см. письмо 288 и примеч. 4) и стихотворение «Графу Льву Николаевичу Толстому» («Как ястребу, который просидел...»), служившее введением к кавказскому циклу.

[^^^]

Толстой имеет в виду строки:

*У всего на свете свой обычный
срок,
И тебе, влюбленной, чудится цве-
ток.*

После замечания Толстого Фет изменил на:

*Никакого дива: влюблена-то ты,
Так тебе на снеге чудятся цветы.*

[^^^]

П. А. Шеншин (он был душевнобольным) внезапно уехал в Герцеговину для участия в освободительной войне сербов.

[^^^]

1402

Письмо неизвестно.

[^^^]

Рассказы, составившие «Русские книги для чтения».

[^^^]

«Прошу ваше величество простить мне столь длинное письмо, но у меня не было времени написать короче» (*фр.*). Имеется в виду письмо Жозефа де Местра королю Сардинии от 5 / 17 августа 1812 г.

[^^^]

1405

О какой книге идет речь, неизвестно.

[^^^]

«Сборник сведений о кавказских горцах». См. письмо 288.

[^^^]

1407

Письмо от 6 марта (ИТ, № 90).

[^^^]

Бережно (*фр.*). Речь идет об «Анне Карениной».

[^^^]

1409

Письмо неизвестно.

[^^^]

1410

Один из глухих уездных городков Казанской губернии.

[^^^]

Очерк «Из поездки в Италию» («Братская помощь», 1875) с восторженным описанием Италии, ее музеев, живописи.

[^^^]

1412

Поездка за границу не состоялась.

[^^^]

Речь идет о письме к А. А. Толстой (см. № 291).
Об этом недоразумении Толстой узнал из
письма А. А. Толстой от 16 марта (*ПТ*, № 92).

[^^^]

Вероятно, Толстой читал Урусову свое философское сочинение, не полностью до нас дошедшее. Часть его под названием «О значении христианской религии» опубликована в т. 17, с. 353–356; фрагменты его в переработанном виде вошли в первую редакцию «Исповеди».

[^^^]

1415

Письмо неизвестно.

[^^^]

С А. П. Бобринским Толстой виделся в феврале 1876 г. в Ясной Поляне.

[^^^]

А. А. Толстая была хорошо знакома с религиозным проповедником Г. Редстоком и к нему и его учению относилась в целом положительно (*ПТ*, № 94).

[^^^]

Толстой читал книгу: Pascal. Pensées. Précédées de sa vie par m-me Perier, sa sœur. P., 1850 (Паскаль. Мысли. Очерк жизни, составленный г-жой Перье, его сестрой).

[^^^]

Сочинения А. А. Григорьева (СПб., 1876) под редакцией и с предисловием Страхова.

[^^^]

Корректурь глав VII–XIX пятой части «Анны Карениной».

[^^^]

Толстой имеет в виду письмо от 30 ноября, содержащее его «предисловие» к задуманному философскому сочинению (т. 62, с. 219).

[^^^]

«*Часы*» — повесть И. С. Тургенева (*PB*, 1876, № 1).

[^^^]

Речь идет о корректуре глав VII–XIX пятой части «Анны Карениной» для апрельской книжки «Русского вестника».

[^^^]

Письмо Страхова от 15–16 апреля (ПС, № 31) с суждениями об «Анне Карениной».

[^^^]

Толстой имеет в виду строки письма: «Я писал к вам, как я понимаю идею вашего романа, и спрашивал, верно ли; но вы мне ни разу ничего не сказали об этой идее (или я не понял?)» (ПС, с. 81). Страхов в ряде писем находил, что главной «идеей» романа является «бесконечно оригинальная самая постановка страсти» (ПС, с. 57).

[^^^]

1426

Что они знают об этом больше меня (*фр.*).

[^^^]

1427

См. письмо 294.

[^^^]

Страхов заметил, что в сцене венчания «невеста должна приезжать после жениха... [а] после венчания должны прикладываться к образам...» (ПС, с. 81).

[^^^]

В апрельской книжке печатались главы, в которых фигурирует живописец Михайлов и описывается его художническая деятельность.

[^^^]

1430

Письмо от 26 марта (*Переписка*, т. 1, № 295).

[^^^]

8 марта Фет писал: «Было одно время так плохо, что хотел просить Вас приехать посмотреть, как я уйду» (там же, с. 443).

[^^^]

Сансара — в буддийской религии перевоплощение личности в цепи новых рождений (в образе человека, бога, животного).

[^^^]

В своей записной книжке 21 октября 1858 г. Толстой записал эти стихи Беранже, и там же неизвестной рукой вписан перевод:

*Смерть придет сама.
Это не наша забота.
Хорошо прожить — вот задача,
Которую надо здесь решить*

(т. 48, с. 77).

[^^^]

Имеется в виду гл. XX «Смерть» (пятая часть «Анны Карениной»).

[^^^]

1435

Жеребец, купленный у Фета.

[^^^]

Письмо от 12 октября 1876 г. (ПС, № 35) с кратким изложением будущего философского труда «о свойствах пространства» (с. 91).

[^^^]

1437

Письмо от 4 ноября (ПС, № 36).

[^^^]

1438

Фет заезжал в Ясную Поляну 20 октября.

[^^^]

Этого вопроса Толстой касался в своем письме от 14 апреля (т. 62, № 236. Оpubл. с неверной датой), а Страхов — в письме от конца апреля 1876 г. (сохранившаяся его часть опубл. также с неверной датой — ПС, № 34).

[^^^]

1440

Речь идет об освободительной войне Сербии и Черногории против турецкого владычества.

[^^^]

Я. П. Полонский в письме от 8 ноября передал просьбу «одной дамы». «Эта дама, — писал он, — перевела на французский язык вашу повесть «Семейное счастье» и спрашивает, будете ли вы в претензии, что она напечатает во Франции перевод» («Летописи Литературного музея», кн. 12. М., 1948, с. 216). Из письма Страхова (*ПС*, № 37), переславшего письмо Полонского, Толстой уже знал, что «таинственная дама» — это княгиня Паскевич. Ее перевод: «Mascha. Souvenir et Impression d'une jeune femme» — вышел в Петербурге.

[^^^]

Толстой был знаком с Полонским с 1855 г. В июле 1857 г. они встречались в Баден-Бадене.

[^^^]

1443

Свидание Толстого с Полонским произошло в 1881 г. в имении Тургенева.

[^^^]

1444

См. письмо 299 и примеч. 1 к нему.

[^^^]

Речь идет о статье В. Г. Авсеенко «Блуждания русской мысли» (*РВ*, 1876, № 10), в которой он полемизировал с положениями предисловия Страхова к Сочинениям Ап. Григорьева и по существу зачеркивал все положительное в наследии Григорьева.

[^^^]

Толстой в то время напряженно работал над последними главами пятой части «Анны Карениной».

[^^^]

Страхов сообщил Толстому, что свои «Статьи о спиритизме» он будет печатать в «Гражданине», издаваемом В. П. Мецкерским.

[^^^]

О. А. Голохвастова была писательницей, автором романов, повестей и драм.

[^^^]

Толстой несколько перефразировал мысль Страхова (*ПС*, с. 90).

[^^^]

1450

Письмо от 22 ноября 1876 г. с стихотворением
«Среди звезд» (*Переписка*, т. 1, № 304).

[^^^]

«Стихотворения А. А. Фета» в 2-х томах, изд. К.
Солдатенкова. М., 1863.

[^^^]

Строка из стихотворения А. К. Толстого «Милый друг, тебе не спится».

[^^^]

Речь идет о двухтомном «*Полном собрании стихотворений*» А. К. Толстого (СПб., 1876).

[^^^]

Строка из послания Е. Баратынского А. Дельвигу «Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...».

[^^^]

Толстой отвечает на вопрос Фета: «Нет ли у вас в Москве хорошего человека или дома подходящего для Оли» (*Переписка*, т. 1, с. 456).

[^^^]

По-видимому, Толстой послал сборник Кирши Данилова «Древние российские стихотворения» (текст с нотами).

[^^^]

Толстой виделся с Чайковским в декабре 1876 г. в Москве.

[^^^]

Речь идет о музыкальном вечере, устроенном по просьбе Чайковского Н. Г. Рубинштейном специально для Толстого.

[^^^]

Чайковский подарил Толстому свои музыкальные сочинения: «Буря», «Зимние грезы» и ряд пьес для фортепиано.

[^^^]

Н. Г. Рубинштейн просил портрет Толстого для зала консерватории в память его посещения.

[^^^]

Видимо, в не дошедшем до нас письме Фет выразил обиду на то, что Толстой, будучи в Москве, не увиделся с ним.

[^^^]

1462

БОТКИНЫМ.

[^^^]

См. письмо 301. «Среди звезд» опубл. — *PВ*,
1876, № 12.

[^^^]

1464

Фет служил мценским мировым судьей.

[^^^]

П. А. Шеншин был ранен и находился в госпитале.

[^^^]

Страхов в письмо от 16 января 1877 г. (ПС, № 40) вложил записку доктора С. П. Боткина о его согласии на консультацию С. А. Толстой.

[^^^]

Страхов в письме от 16 января описал «общий восторг» от «Анны Карениной» (главы XX–XXIX пятой части — *РВ*, 1876, № 12).

[^^^]

Корректуры глав I–XII шестой части.

[^^^]

Речь идет о главах XIII–XXIX шестой части —
РВ, 1877, № 2.

[^^^]

Страхов резко отрицательно отозвался о романе Тургенева «Новь». Отзыв Толстого см. письмо 306.

[^^^]

«Три письма о спиритизме» («Гражданин»,
1876, № 41–44).

[^^^]

Ложный стыд (*фр.*). А. А. Толстая в письме от 27 января заметила, что Толстому «схватить правду» мешает «*fausse honte*» (ПТ, с. 277).

[^^^]

См. т. 62, ПИСЬМО 241.

[^^^]

Всплываю (*фр.*).

[^^^]

До слов: «Писать я начал через Сережу» —
письмо написано рукой С. Л. Толстого.

[^^^]

В письме от 9 марта 1877 г. Фет положительно оценивал стихи некоего Кулябко, который, по его словам, «талант бесспорный» (*Переписка*, т. 1, с. 464).

[^^^]

Фет спрашивал: «Получили ли вы мое длинное письмо в двух листах?» (там же, с. 462).
Письмо неизвестно.

[^^^]

1478

Письмо неизвестно.

[^^^]

Речь идет о заключительной части «Анны Карениной».

[^^^]

Толстой имеет в виду слова Паклина: «Ведь у нас до сих пор на Руси как было: коли ты живой человек, с чувством, с сознанием — так непременно ты больной!» Позднее отношение Толстого к роману изменилось: «Лучше всего «Новь»: тут выведено что-то реальное, соответствующее жизни», — записал 3 июля 1885 г. И. М. Ивакин (*ЛН*, т. 69, кн. 2, с. 50).

[^^^]

Фет в письмах от 11 и 16 марта передавал свое впечатление от глав XVI–XXIV шестой части «Анны Карениной» (*Переписка*, т. 1, № 313, 315).

[^^^]

Фет был возмущен тем, что журнал не поместил его стихи «Искушение на горе», но напечатал «Гаральда Свенгольма» А. К. Толстого (там же, с. 464–465).

[^^^]

Фет сообщал, что П. А. Шеншин, который по возрасту не смог «поступить в войска волонтером», был принят «в казаки» (там же, с. 468).

[^^^]

Письмо от 20 марта 1877 г., в котором Рачинский описывал свои педагогические занятия в деревенской школе и выражал благодарность Толстому за его «Азбуки», «Книги для чтения»: «Поверьте, что в Ваших школьных книгах есть та же доля сверхъестественного, т. е. творчества... как и в лучших Ваших романах» (*Письма Толстого*, с. 216).

[^^^]

Рачинский в письме от 17–18 апреля 1877 г. ответил на вопрос, «для чего нужны школы» (там же, с. 220–222).

[^^^]

Страхов прислал книгу И. П. Минаева «Индийские сказки и легенды, собранные в Камане». СПб., 1877.

[^^^]

«Неверующий» — одна из сказок этого сборника.

[^^^]

Страхов в письме от 16 марта переписал посвященное ему Полонским стихотворение «Вечная ткань» (ПС, с. 109–110).

[^^^]

Речь идет о статьях: Е. Маркова об «Анне Карениной» — «Критические беседы» («Голос», 1877, № 26, 28, 33) и «Литературная летопись» (там же, № 13).

[^^^]

Толстой заканчивал эпилог «Анны Карениной».

[^^^]

Толстой имеет в виду вторую статью из «Трех писем о спиритизме».

[^^^]

Письмо от 4 и 5 апреля, в котором Страхов писал, что «Анна Каренина» «великое произведение», оно «останется одним из памятников нашей литературы». Особенно восторгался Страхов сценой родов Кити (*ПС*, с. 111).

[^^^]

Страхов работал тогда над статьей «Об основных понятиях психологии».

[^^^]

Первая часть повести А. А. Потехина «На миру» (ВЕ, 1877, № 4).

[^^^]

Флобер. «Католическая легенда о Юлиане Милостивом» в переводе И. Тургенева (там же).

[^^^]

Строки из стихотворения В. Гюго «Бездна» («L'abîme»).
Надо: L'Homme: «Terre, je suis ton roi». La terre: «Tu n'es que ma vermine» (Человек: Земля, я твой царь. Земля: Ты только мой червь — *фр.*).

[^^^]

1497

Без ответа остались письма от 7 и 18 мая (ПС, № 49, 50).

[^^^]

См. письмо 312.

[^^^]

Страхов посоветовал: «Печатать конец без цензуры» (*ПС*, с. 118).

[^^^]

Статья В. В. Стасова «По поводу графа Льва Толстого (письмо к редактору)» («Новое время», 1877, № 133, 12 мая) с восторженным отзывом об «Анне Карениной».

[^^^]

Заметка «От редакции» (*РВ*, 1877, № 5), содержащая краткое изложение эпилога «Анны Карениной», была опубликована Катковым после его отказа печатать последнюю часть романа, из-за несогласия с отрицательной оценкой Толстым добровольческого движения в пользу восставших сербов. Толстым письмо не было отправлено. С письмом аналогичного содержания выступила С. А. Толстая («Новое время», 1877, № 463, 14 июня) за подписью «Графиня София».

[^^^]

Толстой вместе со Страховым совершил поездку в Оптину пустынь, откуда Страхов 26 июля выехал в Петербург.

[^^^]

1503

С. А. Берс.

[^^^]

Речь идет о русско-турецкой войне
1877–1878 гг.

[^^^]

1505

С. П. Арбузовым, слугой Толстого.

[^^^]

1506

В то время шли безуспешные кровопролитные бои за крепость Плевну.

[^^^]

Толстому нужны были книги для задуманной статьи «Правительство последнего царствования» (т. 17, с. 360–362). По совету Страхова, он приобрел книгу А. А. Головачева «Десять лет реформ». СПб., 1872.

[^^^]

1508

ПИСЬМО ОТ 6 АВГУСТА (ПС, № 53).

[^^^]

1509

Путаница с пересылкой вещей с Курского вокзала на Николаевский.

[^^^]

Пимен — монах, присутствовавший при разговоре Толстого с настоятелем монастыря в Оптиной пустыни и заснувший во время разговора.

[^^^]

Полемиическая статья Каткова «Что случилось по смерти Анны Карениной» (*РВ*, 1877, № 7), в которой излагалось содержание эпилога романа и в то же время доказывалась его необязательность.

[^^^]

Толстой читал обзоры военных действий во французском журнале «Revue des deux Mondes».

[^^^]

Речь идет о статье G. Valbert. Le nouveau droit des gens et la mission du prince Tcherkassky («Новое международное право и миссия князя Черкасского»). — Там же, кн. 8, в которой критически рассматривалась деятельность В. А. Черкасского, заведовавшего гражданской частью на территории, освобожденной русской армией от турок.

[^^^]

ПИСЬМО от 3 августа со стихотворением
«ОПЯТЬ» (*Переписка*, т. 1, с. 479).

[^^^]

Статья В. Соловьева «Философские начала
цельного знания». — «Журнал Министерства
народного просвещения», 1877, № 3, 4, 6.

[^^^]

Речь идет о статье Луи Лиарда «Un géomètre-philosophe» («Геометр-философ»). — «Revue des deux Mondes», 1877, 1 июля.

[^^^]

1517

См. письмо 313 и примеч. 13 к нему.

[^^^]

Страхов взялся вести корректуру отдельного издания «Анны Карениной».

[^^^]

1519

См. примеч. 10 к письму 313.

[^^^]

1520

Третий день — 11 августа, когда русские войска выдержали наступление турок, стремившихся занять Шипку.

[^^^]

23 августа вместе с сопроводительной запиской (*Переписка*, т. 1, № 324) Фет отправил Толстому свою статью об «Анне Карениной», подписанную «Бологов». Статья в печати не появилась, и полный текст ее неизвестен. Судя по сохранившейся ее части (см. *ЛН*, т. 37–38, с. 231–238), Фет стремился подчеркнуть значение линии Левина, которого он именует «народным типом», и доказывал необходимость эпилога, так как «со смертью Анны Карениной кончилась ее жизнь, но не роман». Толстой признавался в письме к Страхову, что «с первых страниц... узнал Фета» (т. 62, с. 339).

[^^^]

1522

Известно только одно письмо от 8 сентября
(ПС, № 57).

[^^^]

В своем письме Страхов кратко излагал содержание ряда журнальных статей об «Анне Карениной».

[^^^]

Страхов предлагал восстановить слова Анны: «Где я? Что я делаю? Зачем?» «Последняя редакция самой сцены смерти, — писал он, — так суха, что страх. Я, впрочем, думаю, что едва ли удобно предлагать читателям новую редакцию, когда все черты до единой уже врезались в их памяти... Прошу вас, посмотрите еще, не оставить ли *вторую* (то есть журнальную редакцию. — С. Р.)» (ПС, с. 130–131). Толстой согласился с предложением Страхова.

[^^^]

Ю. Э. Янсон. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877. Ее рекомендовал Толстому Страхов.

[^^^]

И. М. Снегирев. Русские в своих пословицах. М., 1831; В. И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1862; «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения». М., 1855.

[^^^]

Страхов передал Толстому мнение И. А. Шестакова, который пришел в восторг не столько от «романической стороны», сколько от «философии» автора «Анны Карениной» (ПС, с. 130).

[^^^]

Страхов прислал роман-памфлет Томаса Карлейля «Sartor Resartus» на английском языке и сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа».

[^^^]

Страхов обещал прислать свое предисловие к «Славянскому сборнику» (СПб., 1877) и статьи из «Сборника политических и экономических статей» Н. Я. Данилевского (вышел в 1890 г.).

[^^^]

1530

См. письмо 316 и примеч. 3 к нему.

[^^^]

1531

См. письмо 296 и примеч. 5 к нему.

[^^^]

Страхов сообщал об изменениях в военном командовании и о назначении «очень скромного и милого человека» Н. Н. Обручева в Закавказскую армию (*ПС*, с. 133).

[^^^]

Письмо неизвестно. В нем сообщалось о смерти И. А. Шестакова.

[^^^]

Толстой начал «Христианский катехизис» (т. 17, с. 363–368).

[^^^]

1535

Подобное излечивается подобным (*лат.*).

[^^^]

Речь идет о русско-турецкой войне. Страхов
выслал книгу: Н. Лукьянович. Описание ту-
рецкой войны 1828 и 1829 гг. (СПб., 1844) (ПС,
с. 135).

[^^^]

1537

Письмо от 11 ноября (ПС, № 59).

[^^^]

Поль Лакруа, автор восьмитомного труда «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I» («История жизни и царствования императора Николая I»). Париж, 1864–1875.

[^^^]

1539

Историк А. Н. Попов в ноябре 1877 г. умер.

[^^^]

1540

Имеется в виду книга Д. Штрауса «Der alte und der neue Glaube» («Старая и новая вера»), 1872.

[^^^]

Ренан — автор восьмитомной «Истории происхождения христианства»; ее первый том — «Жизнь Иисуса» (1863–1883).

[^^^]

Имеется в виду журнал «Русский архив», издаваемый П. И. Бартевым.

[^^^]

Записки В. И. Даля «Письма к друзьям из похода в Хиву 1839 г.» (РА, 1867, № 3 и 4).

[^^^]

Толстой в Москве в конце декабря виделся с Бартеневым и поделился с ним своим замыслом произведения из времени царствования Николая и восстания декабристов.

[^^^]

1545

Письмо от 24–27 декабря (ПС, № 61).

[^^^]

Страхов держал корректуру отдельного издания «Анны Карениной» и в своем письме сообщал, что «чтение корректур сопровождалось волнением восторга и чуть не слезами» (ПС, с. 138), а также просил прощения за допущенные им буквенные опечатки.

[^^^]

Очевидно, начатая в декабре статья «Собеседники» о проблемах религии. Осталась неоконченной (т. 17, с. 369–385).

[^^^]

Сочинение Канта, которое в 1877 г. вышло в новом переводе.

[^^^]

Толстой одновременно был занят работой над сочинениями религиозно-философского характера и историческим произведением из эпохи Николая I.

[^^^]

Страхов резко критически отозвался о статье В. Соловьева «Вера, разум и опыт» («Гражданин», 1877, № 41–44).

[^^^]

Работа Б. Н. Чичерина «Наука и религия» была опубликована в 1879 г.

[^^^]

В. И. Алексеев. После освобождения из-под ареста за участие в народническом кружке Н. В. Чайковского эмигрировал в Америку, где стал членом земледельческой коммуны, созданной русскими эмигрантами. После ее распада вернулся в Россию.

[^^^]

Толстой познакомился с А. К. Маликовым, участником народнического движения, отрекшимся от своих революционных убеждений и ставшим проповедником теории «бого-человечества», А. А. Бибиковым, также отказавшимся от революционных взглядов и принявшим учение Маликова.

[^^^]

В то время происходил судебный процесс по «Делу 193-х».

[^^^]

Статья «Об основных понятиях психологии».
Отзыв Толстого о ней см. т. 62, письмо 435.

[^^^]

Речь идет о Жюле Рее.

[^^^]

Веды — древние религиозные книги индусов.
Трипитака — собрание канонических книг буддийской религии. *Зенд-Авеста* — религиозная книга древних персов.

[^^^]

Страхов в своем письме писал: «Несказанное, немислимое есть одно истинно сущее, как признают буддисты и китайский Лаоцзы» (ПС, с. 138). На вопрос Толстого Страхов ответил: «Лаоцзы я привел из книги St. Julien: Le livre de la voie et de la vertu par Lao Tseu» (*там же*, с. 143).

[^^^]

Речь идет о передаче Страхову двух экземпляров романа «Анна Каренина».

[^^^]

1560

Письмо от 31 декабря 1877 г. (ИТ, № 106).

[^^^]

Генерал-адъютант В. А. Перовский был близким знакомым Толстой. С 1833 г. оренбургский военный губернатор и командир отдельного Оренбургского корпуса во время похода против хивинского ханства в 1842 г. Задуманное произведение о Перовском и его времени не было написано.

[^^^]

Ответ на писъмо от 6 январа (*Писъма Толсто-го, с. 223–224*).

[^^^]

Совет воспользоваться завершением работы над «Анной Карениной» и «подарить... пятую и шестую... книгу для чтения».

[^^^]

К этому времени у Толстого уже возник замысел романа из эпохи Николая I и восстания декабристов.

[^^^]

1565

Фамилии учеников Рачинского, подписавших его письмо в знак того, что они тоже просят Толстого написать «еще книжку для чтения».

[^^^]

Рачинский в своем письме писал, что «Анна Каренина» бесспорно лучшее произведение Толстого, но в романе он находил «коренной недостаток в построении». «В нем нет архитектуры. В нем развиваются рядом, и развиваются великолепно, две темы, ничем не связанные» (там же, с. 223).

[^^^]

Какое мне дело до этой сонаты (*фр.*). Это выражение писателя Фонтенеля, ставшее поговоркой. Оно означало досаду отчего-то монотонного, неинтересного.

[^^^]

1568

Самое лучшее (*фр.*).

[^^^]

Рачинский в письме от 5 февраля признал, что «мы спорим о словах» (*Письма Толстого*, с. 224–226).

[^^^]

1570

После письма от 24–27 декабря 1877 г. Страхов написал Толстому лишь 20 января 1878 г.

[^^^]

1571

Письмо к С. А. Берсу неизвестно.

[^^^]

«Alter ego» прислано в письме от 19 января
(Переписка, т. 2, с. 8).

[^^^]

1573

У Фета: «чем старе оно», то есть сердце.

[^^^]

Этот отзыв Толстого можно объяснить тенденциозным описанием похорон Некрасова в письме Страхова, который изобразил их как жалкое и фальшивое зрелище (ПС, № 63).

[^^^]

Толстой имеет в виду свою неоконченную статью «Собеседники». См. письмо 322 и примеч. 3 к нему.

[^^^]

1576

Замыслом романа «Декабристы».

[^^^]

1577

Страхов провел в Ясной Поляне 22–26 февраля.

[^^^]

1578

Толстой отвечает на письмо от 12 января
1878 г. (*ПТ*, № 108).

[^^^]

В письме Толстая передавала приглашение своего брата Ильи Андреевича в случае приезда Толстого в Петербург остановиться у него.

[^^^]

1580

Крупным планом (*фр.*).

[^^^]

Толстой имеет в виду поэта В. А. Жуковского.

[^^^]

1582

Речь идет о Николае I.

[^^^]

1583

Фет прислал стихотворение «Alter ego».

[^^^]

Толстой, кроме «Alter ego», ранее получил от Фета еще стихотворения «Среди звезд» и «Опять».

[^^^]

1585

Имеется в виду строфа:

*И я знаю, взглянувши на звезды
порой,
Что взирали на них мы как боги с
тобой.*

[^^^]

Фет писал о том, что «в доме чистый Вавилон» (*Переписка*, т. 2, с. 7).

[^^^]

В гостинице «Виктория», где в то время жила
М. Н. Толстая.

[^^^]

К. А. Иславиным.

[^^^]

В. К. Истомин снабдил Толстого журналами «Русская старина» и «Русский архив».

[^^^]

Толстой посетил М. И. Муравьева-Апостола и
П. Н. Свистунова.

[^^^]

Толстой познакомился с дочерью декабриста Никиты Муравьева, родившейся в Сибири, — С. И. Бибиковой.

[^^^]

С сестрой М. Н. Толстой и ее дочерью Е. В. Оболенской.

[^^^]

В. А. Иславин, который передал Толстому дела о переселении русских крестьян в 1820-х годах в Оренбургский край и в Сибирь.

[^^^]

Панихида по скончавшемуся 1 февраля 1878 г.
С. В. Перфильеву.

[^^^]

4 марта в Туле в доме Е. И. Пущиной Толстой
увиделся с дочерью декабриста Рылеева —
Анастасией Пущиной.

[^^^]

1596

С Николаевского вокзала в Москве перед отъездом в Петербург.

[^^^]

1597

В. С. Перфильева.

[^^^]

Толстой зашел к А. П. Беляеву за рукописью его воспоминаний. Опувл. в «Русской старине» (1880, № 9) с примечанием от редакции: «Печатаемые ныне «Воспоминания» Александра Петровича Беляева... указаны нам знаменитым нашим писателем графом Львом Николаевичем Толстым. Он читал эти «Воспоминания» и, как свидетельствует их автор, «сделал на полях рукописи много отметок; согласно с указаниями гр. Л. Н. Толстого, — пишет г. Беляев, — я сделал необходимые прибавления того, что мною было упущено. Он же и поощрил меня к изданию этих воспоминаний...». Публикация «Воспоминаний», начавшаяся в конце 1880 г., продолжалась по 1886 г.

[^^^]

1599

Рукопись неизвестна.

[^^^]

1600

Драматургом А. Н. Островским.

[^^^]

Судя по ответному письму А. П. Беляева от 10 апреля 1878 г., оно представляло собой замечания о прочитанных «Воспоминаниях». Беляев писал Толстому: «Я постараюсь пополнить то, что вы наметили» и «Судя по тем заметкам вашим, граф, которые я успел пробежать, вас, кажется, не кольнули некоторые прогулки моей фантазии...» («Тайные общества в России в начале XIX столетия». М., 1926, с. 206).

[^^^]

Свистунов был дружен с П. С. Бобрищевым-Пушкиным и после перевода в 1841 г. в Тобольск жил с ним в одном доме. Речь идет о религиозном сочинении П. С. Бобрищева-Пушкипа и сделанных к нему возражениях декабриста А. П. Барятинского, атеиста и сторонника материалистической философии французских просветителей. Обе работы неизвестны.

[^^^]

1603

Толстой посетил Петропавловскую крепость 8
марта 1878 г.

[^^^]

Генерал-от-инфантерии А. Я. Сукин — комендант Петропавловской крепости в 1825 г. Сви-
стунов писал о нем: «Он слыл строгим испол-
нителем своих непривлекательных обязанно-
стей тюремщика. О душевных же его каче-
ствах или недостатках ничего не могу ска-
зать» (там же, с. 201).

[^^^]

Письма В. А. Перовского.

[^^^]

Толстой просил А. А. Толстую узнать, кто из приближенных Николая I особенно настаивал на казни декабристов. По ее воспоминаниям, Толстой сказал ей в Петербурге: «Я хочу доказать, что в деле декабристов никто не был виноват — ни заговорщики, ни власти» (ПТ, с. 19. См. также т. 10 наст. изд., с. 519–520).

[^^^]

М. И. Семевский передал Толстому через Страхова два переплетенных тома с ста семью письмами декабриста Н. А. Бестужева.

[^^^]

В конце марта Толстой получил от Семевского рукописи «Записок» М. А. Бестужева, «Записок несчастного» В. И. Штейнгеля и рукописный сборник со статьями, воспоминаниями и письмами декабристов.

[^^^]

1609

См. письмо 316 и примеч. 5 к нему.

[^^^]

«Житие протопopa Аввакума». Впервые было
издано в 1862 г.

[^^^]

В. В. Стасов был членом Особого комитета, созданного для сбора материалов о Николае I и его эпохе.

[^^^]

1612

См. письмо 345.

[^^^]

Толстой отвечает на письмо Страхова от 15 марта 1878 г., в котором тот писал: «У него (Семевского. — С. Р.) оказалось большое собрание непечатанных стихов и прозы Кюхельбекера и его дневник. Куча тетрадей произвела на меня самое привлекательное и грустное впечатление; но я побоялся труда и времени, которых будет стоить чтение и обдумывание этих рукописей. А вы ведь хвалили Кюхельбекера?» (ПС, с. 154).

[^^^]

С. А. Берс.

[^^^]

Страхов сообщал Толстому о том отрицательном впечатлении, которое произвели на него публичные лекции В. Соловьева.

[^^^]

Толстой опровергает одно из положений Соловьева в его лекциях по философии религии, напечатанных под заглавием «Чтения о богочеловечестве», согласно которому София есть премудрость божия, коллективная душа мира.

[^^^]

1617

Переваривается (от *фр.* digérer).

[^^^]

Толстой отвечает на письмо Фета от 20 марта (*Переписка*, т. 2, № 338), в котором тот сообщал, что получил предложение написать для «Московских ведомостей» «стихи на смерть Черкасского».

[^^^]

Фет писал в своем письме о генерал-майоре Энгальчеве, приехавшем к нему за покупкой хлеба и удивившем его своей тупостью и неосведомленностью в сельском хозяйстве.

[^^^]

Ответ на письмо Стасова от 31 марта (*ПСт*, № 1), в котором он писал: «Посылаю вам копию с письма Фотия, оно авось принесет вам несколько золотников той атмосферы, которая носилась около этого русского изувера... Письмо это примечательно тем, как вы, конечно, и сами увидите, что этот дрянной попишка обдувает своих доверчивых корреспондентов и наивных поклонников...» (*ПСт*, с. 27).

[^^^]

Статья «Передвижная выставка 1878 года» («Новое время», 1878, № 748 и 749, 29 и 30 марта).

[^^^]

Стасов особенно высоко оценил картину К. А. Савицкого «Встреча иконы», как «одно из самых значительных и важных созданий новой русской школы», и картину Г. Г. Мясоедова «Молебствие во время засухи», которая «один стон и вопль наболевшей души» (В. В. Стасов. Избр. соч., т. 1. М., 1952, с. 297, 300).

[^^^]

О выставленной на 6-й передвижной выставке картине И. Е. Репина «Протодиакон» Стасов писал: «Что за огонь горел, должно быть, в душе у того художника, который писал этого страшного, этого грозного «Варлаама» (там же, с. 304).

[^^^]

Стасов, высказывая сожаление, что портрет Толстого, написанный Крамским, не попал на выставку, а отправлен за границу, писал в своей статье: «Кто будет там, как мы, всматриваться на портрете в эти мужественные, хотя и мало красивые, даже на первый взгляд ординарные черты лица, кто будет, как мы, отыскивать ум и талантливость... в глазах у такого человека?.. Кто рассеянно и безучастно взглянет на эту картину, подумает: «Это какой-то слесарь, мастеровой в блузе, с мозолистыми руками — вот и все. Но посмотрите пристальнее — и перед вами откроется глубокая, сложная, талантливая, полная энергии и сил натура» (там же, с. 307).

[^^^]

Стасов обещал Толстому достать копию записки Николая I о порядке казни декабристов (см. письмо 345 и примеч. 1 к нему).

[^^^]

Толстой отвечает на письмо Страхова от 2 апреля, в котором тот писал: «...я веду себя дурно, таскаюсь по знакомым, по театрам» (ПС, с. 157).

[^^^]

Страхов, сообщая, что он предполагает свои весенние каникулы посвятить какому-нибудь «труду», спрашивал, «не пора ли перестать напрягаться» (*там же*, с. 158).

[^^^]

Высказав свое осуждение действий народо-вольцев, Страхов добавил, что вообще ему «следует молчать», так как он сам «не видит настоящей дороги» (*там же*).

[^^^]

В своем письме Страхов описал происходивший 31 марта 1878 г. судебный процесс над В. И. Засулич, совершившей террористический акт против петербургского градоначальника Трепова.

[^^^]

С 23 июля по 3 августа Страхов провел у Толстого в его самарском имении, откуда они уехали вместе.

[^^^]

Толстой отвечает на письмо А. А. Толстой от
31 марта 1878 г. (*ПТ*, № 114).

[^^^]

Толстая писала, что она готова «окружить» Толстого «всеми заботами, необходимыми женщине на сносях», чтобы не помешать его «новому литературному детищу» (ПТ, с. 301).

[^^^]

Политика черна, как чернила превосходнейшего Аксакова (*фр.*).

[^^^]

Она красна, как кровь отвратительного Трепова (*фр.*).

[^^^]

Е. И. фон Майдель — комендант Петропавловской крепости. В марте 1878 г. показывал Толстому Петропавловскую крепость.

[^^^]

Боголюбов — участник революционного движения 70-х годов (наст. фам. А. С. Емельянов). Выстрел Засулич в Трепова явился ответом на экзекуцию, которая была совершена 13 июля 1877 г. над Боголюбовым, находившимся в доме предварительного заключения.

[^^^]

Засулич был вынесен оправдательный приговор, с восторгом встреченный присутствовавшей на суде публикой.

[^^^]

Толстой имеет в виду большое внимание прессы и различных кругов общества к так наз. восточному вопросу, в связи с окончанием русско-турецкой войны, завершившейся подписанием Сан-Стефанского договора.

[^^^]

Настоящее письмо — первое после ссоры между Толстым и Тургеневым. См. письма 143, 144 и 147. По свидетельству П. В. Анненкова, Тургенев плакал, читая это письмо.

[^^^]

Письмо от 31 марта 1878 г. (*Переписка*, т. 2, № 340), в котором Фет писал о том, как много значит для него Толстой и его письма.

[^^^]

Речь идет о брате Фета — П. А. Шеншине.

[^^^]

Сведения эти нужны были Толстому для романа «Декабристы», той его редакции, в которой главным действующим лицом должен был быть декабрист А. И. Одоевский, сын И. С. Одоевского (т. 17, с. 272–275).

[^^^]

30 апреля в Москве Толстой получил от Сви-
стунова письма к нему декабриста М. А. Фон-
визина и «Исповедь» Н. Д. Фонвизиной.

[^^^]

1644

Имеются в виду издания «Мыслей» Паскаля — Проспера Фожера (1844) и Шарля Луандра (1861).

[^^^]

В ответном письме от 10 мая Свистунов писал: «Насчет «Исповеди» я ничего не могу вам сказать, потому что не понял, чего вы желаете» («Тайные общества в России...», с. 202). Произошло недоразумение: то, что Толстой называл «Заметками», и было «Исповедью» Фонвизиной (текст ее сохранился, см.: С. Кайдаш. «Прелестное выражение духовной жизни». — «Наука и жизнь», 1978, № 10).

[^^^]

Свистунов ответил: «...можете их переписать, они могут принести пользу кому-либо из тех, кому дадите их прочесть» («Тайные общества в России...», с. 201).

[^^^]

С. Л. Толстой.

[^^^]

Ответ на письмо от 22 мая, в котором Чичерин писал о завершении «давно задуманной книги» («Наука и религия». М., 1878) (*Письма Толстого*, с. 298).

[^^^]

Речь идет о записке Николая I относительно ритуала казни декабристов. Стасов получил ее от своего приятеля поэта А. А. Голенищева-Кутузова, которому она досталась от деда — графа П. В. Голенищева-Кутузова, бывшего в 1826 г. петербургским генерал-губернатором. Сняв с нее копию, Стасов через С. А. Берса переслал ее Толстому с просьбой соблюдать конспирацию и после ознакомления с ней уничтожить. В 1948 г. была обнаружена копия записки, снятая Толстым (см.: «Новый мир», 1958, № 9).

[^^^]

1650

Здесь: сохранность тайны (*фр.*).

[^^^]

Роману «Декабристы».

[^^^]

Речь идет о предложении Стасова ознакомиться с материалами переписки декабриста В. П. Ивашева. Он женился на француженке Камилле Ле Дантю, последовавшей за ним на каторгу.

[^^^]

Толстой ошибся. Роман А. Дюма-отца «Учитель фехтования» посвящен истории декабриста И. А. Анненкова и французенки Полины Гебль.

[^^^]

Очевидно, составленный историком М. А. Вевитиновым очерк «Роман декабриста», написанный на материале переписки Ивашева с матерью его жены и официальных документов.

[^^^]

Стасов составил список книг об эпохе Петра, который Страхов переслал Толстому (*ПС*, с. 173–175).

[^^^]

Стасов ответил письмом от 15 июня 1878 г. (*ПСт*, № 5), в котором обещал выяснить интересующие Толстого вопросы. Предположения Свистунова не верны: Н. М. Карамзин умер до окончания суда над декабристами.

[^^^]

1657

ПИСЬМО ОТ 29 АВГУСТА (*Переписка*, т. 2, № 346).

[^^^]

20 августа в Ясной Поляне Фет читал Толстому и Страхову свою статью «О современном умственном состоянии и его отношении к нашему умственному благосостоянию», впоследствии названную им «Наша интеллигенция». Она отличалась крайней политической реакционностью и антидемократической направленностью. Толстой отнесся к этой статье отрицательно (неопубл. Хранится в рукописном отделе Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина).

[^^^]

Фет пытался учесть замечания Толстого. 31 октября он писал Страхову: «Все лениво работаю над своей статьей, которую расширил и органически связал» (*РО*, 1901, вып. 1, с. 84).

[^^^]

1660

Тургенев приехал в Ясную Поляну 2 сентября и пробыл до 4-го. Это было второе посещение Тургеньевым Толстого после их примирения.

[^^^]

Вслед за Толстым Фет также написал Тургеневу примирительное письмо, которое неизвестно.

[^^^]

1662

Толстой отвечает на письмо от 11 октября; без ответа оставались предыдущие письма Страхова от 14 и 28 сентября (*ПС*, № 88, 89, 90).

[^^^]

В другом месте (*фр.*).

[^^^]

М. М. Стасюлевич предложил Толстому подготовить том его избранных сочинений для издаваемой им серии «Русская библиотека». Толстой поручил Страхову сделать состав этого тома (см. т. 62, № 456). В письме от 11 октября Страхов передавал просьбу издателя сопроводить том краткой биографией Толстого (*ПС*, с. 189). Том вышел в свет в 1879 г.

[^^^]

1665

Тургенев уехал из Ясной Поляны 4 сентября.

[^^^]

Письмо Тургенева от 1 / 13 октября (*Переписка*, т. 1, № 108).

[^^^]

1667

См. письмо 349.

[^^^]

«Казачи» вышли в переводе Эжена Скайлера (Лондон, 1873). По его словам, «Казачи» были им переведены по совету Тургенева («Русская старина», 1890, № 9, с. 655).

[^^^]

Перевод Е. И. Менгден опубл. — «Journal de St.-Pétersbourg», 1878, август — сентябрь.

[^^^]

Тургенев передал в своем письме просьбу В. Ролстона «дать о себе несколько биографических заметок» (*Переписка*, т. 1, с. 183. См. письмо 349).

[^^^]

Эти слова относятся к сообщению Тургенева о «большом успехе» «Казачков».

[^^^]

1672

Не 16, а 17 лет.

[^^^]

Толстой отвечает на письмо от 22 сентября / 4 октября (*ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 306–307), в котором Ролстон сообщал о своем намерении написать большую статью о «Войне и мире» и просил также прислать ему биографические сведения. Эти сведения о Толстом Ролстон получил от Тургенева и использовал в статье «Романы графа Толстого» («*Nineteenth Century*», 1879, № 4).

[^^^]

Фет в письме от 21 ноября недоумевал, почему нет ответа на его письмо от 4 ноября с «запросом» о возможности приезда в Ясную Поляну (*Переписка*, т. 2, с. 36). Толстой ответил телеграммой от 7... 8 ноября (с согласием на приезд Фета), которая, видимо, до него не дошла (т. 62, с. 452).

[^^^]

1675

Стихотворение «Ты отстрадала, я еще страдаю...», присланное Толстому в письме от 4 ноября (*Переписка*, т. 2, № 352). Фет изменил эпитет «властительный» на «всевидящий».

[^^^]

1676

Письмо от 15 / 27 ноября (*Переписка*, т. 1,
№ 110).

[^^^]

1677

Толстой был в Москве 6 декабря.

[^^^]

1678

Книга Родольфа Александра Вине «Этюды о Блезе Паскале» (Париж, 1848).

[^^^]

Толстого заинтересовала личность камергера Ф. А. Уварова вследствие одного факта его биографии: 7 января 1827 г. Уваров вышел из дома и бесследно исчез. Существуют различные предположения о его судьбе: будто бы он уехал в Америку или проживал в Сибири, как старец Даниил. Жена его Е. С. Уварова считала, что он утонул, хотя тело его не было найдено. Высказывалась также гипотеза, что известный Федор Кузмич, в котором подозревали удалившегося от власти Александра I, и есть Ф. А. Уваров. Свистунов в письме от 30 декабря характеризовал Уварова как типичного царедворца, грубого и неуравновешенного человека («Тайные общества в России...», с. 262–203).

[^^^]

Свистунов в том же письме охарактеризовал жену Уварова как «восторженную».

[^^^]

Сведениями о дуэли Лунина Свистунов не располагал («Тайные общества в России...», с. 203).

[^^^]

Свистунов сообщил, что «из декабристов никто не бежал», но обещал при свидании рассказать «о попытках, какие были».

[^^^]

Страхов в своем письме подверг резкой критике статью Фета «Наша интеллигенция» (см. письмо 346 и примеч. 2 к нему), нашел ее «чрезвычайно неудачной» (*ЛН*, т. 37–38, с. 228).

[^^^]

1684

Толстой до марта 1879 г. в Москву не ездил.

[^^^]

В письме от 2 января Фет прислал стихотворение «Смерть» и вторично — «Отошедшей» (*Переписка*, т. 2, с. 40).

[^^^]

1686

Страхов уехал из Ясной Поляны 3 января.

[^^^]

1687

Толстой в то время работал над историческим романом об эпохе декабристов.

[^^^]

При содействии Страхова повесть П. А. Берса «Это я!» была напечатана в журнале «Семейные вечера», 1879, № 5–7.

[^^^]

Замысел романа о судьбе В. Н. Горчакова остался неосуществленным. Сохранилось четыре наброска, один из них «Труждающиеся и обремененные» (см. т. 10 наст. изд.). Дело Страхову не удалось разыскать. Но от него и от своей четвероюродной сестры Е. С. Горчаковой Толстой узнал, что В. Н. Горчаков в 1801–1802 гг. был осужден за подделку векселей, пытался бежать за границу, но был пойман и приговорен к лишению чинов и ссылке в Сибирь.

[^^^]

Речь идет о дальнем родственнике Толстого А. И. Горчакове, который был снят с поста военного министра в 1815 г. за хищения в армии. Однако судим не был, так как в 1817 г., к моменту завершения расследования, он умер.

[^^^]

1691

Перовскому, брату Л. А. Перовского.

[^^^]

1692

Подлинное дело декабристов хранилось в архиве III Отделения.

[^^^]

М. И. Богданович действительно получил доступ к этому архиву и частично использовал материалы о декабристах в своей работе «История царствования императора Александра I в России в его время» (СПб., 1869–1871), написанной с официальных позиций.

[^^^]

А. А. Толстая 3 февраля писала, что получила следующий ответ: «Допущение графа Л. Н. Толстого в архив III Отделения представляется совершенно невозможным» (ПТ, с. 311).

[^^^]

См. письмо 323 и примеч. 2 к нему. Толстая прислала письма Перовского и различные материалы о нем.

[^^^]

Толстой И. А., брат А. А. Толстой, приходился Толстому двоюродным дядей.

[^^^]

1697

См. письмо 353 и примеч. 4 к нему.

[^^^]

Раз уж я за это дело взялся (*фр.*).

[^^^]

1699

Брат прадеда Толстого Алексей Иванович Горчаков, коллежский асессор.

[^^^]

Н. И. Горчаков был женат на Е. А. Лукиной.
Год смерти и подробности ее жизни неизвестны.

[^^^]

Горчаков Петр Иванович — секунд-майор, женат на П. И. Басаргиной. *Горчаков Павел Иванович* — майор. Сведений о его жене нет.

[^^^]

И. А. Толстой не ответил на это письмо, так как был тогда тяжело болен.

[^^^]

Речь идет о Горчаковой Татьяне Григорьевне, урожденной Морткиной. В 1754 г. постриглась под именем Афанасии в Киево-Флоровско-Вознесенском монастыре, где в октябре 1781 г. умерла. Толстой изобразил ее под именем Марфы Ивановны в незаконченной повести «Труждающиеся и обремененные» (см. т. 10 наст. изд.).

[^^^]

Письмо от 21 января со стихотворением «Никогда» (*Переписка*, т. 2, с. 42).

[^^^]

Цитата из писъма Фета (там же, с. 40–41).

[^^^]

«Смерть», см. письмо 352.

[^^^]

Осенью 1878 г. в Астраханской губ. разразилась эпидемия чумы, распространения которой со страхом ждали в Ясной Поляне.

[^^^]

В письме от 3 февраля Фет прислал свое стихотворение «А. Л. Бржеской» (*Переписка*, т. 2, № 360).

[^^^]

1709

См. письмо 356.

[^^^]

1710

В Москве Толстой пробыл с 19 по 24 марта: он изучал в Московском архиве Министерства юстиции материалы уголовных дел 1720–1740 гг.

[^^^]

1711

См. писъма 353 и 354.

[^^^]

1712

Толстой интересовался делом Александра Яковлевича Нестерова, назначенного Петром в 1712 г. обер-фискалом. В 1722 г. был арестован по обвинению во взяточничестве и в 1724 г. приговорен к смертной казни через колесование. Нестеров изображен Толстым в двух набросках незавершенного романа «Сто лет» (см. т. 10 наст. изд.).

[^^^]

С подобной просьбой Толстой обращался к начальнику отделения Архива министерства юстиции в Москве И. Н. Николеву (письмо неизвестно, но сохранился ответ Николева), а так же к историку С. М. Соловьеву (см. письмо 360).

[^^^]

Толстой в письме от 2... 3 марта спрашивал: «Что значит: *возьми крест свой* и иди за мною» (т. 62, с. 475). А. А. Толстая в ответном письме дала свое истолкование смысла этих слов (ИТ, № 127).

[^^^]

1715

Очевидно, Толстой имеет в виду задуманное произведение из эпохи XVIII в.

[^^^]

От тульского старообрядческого епископа Савватия Толстой узнал о престарелых старообрядческих архиереях, более 20 лет заточенных в суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре.хлопоты А. А. Толстой об их освобождении не имели успеха. Лишь в 1881 г. тульскому губернатору Л. Д. Урусову, к которому обращался Толстой, через министра внутренних дел Игнатьева удалось добиться их освобождения (А. С. Пругавин. О Льве Толстом и о толстовцах. М., 1911, с. 123).

[^^^]

А. А. Толстая посоветовала обратиться с официальной просьбой к товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу. См. письмо 361.

[^^^]

Нескромность (*φρ.*).

[^^^]

Эти сведения нужны были Толстому для работы над историческим романом из эпохи XVIII в.

[^^^]

1720

Толстой был у С. М. Соловьева 20 марта.

[^^^]

1721

См. письмо 358 и примеч. 3 к нему.

[^^^]

1722

Письмо Соловьева неизвестно.

[^^^]

Савва Попцов, провинциальный фискал, сообщник Нестерова, обвинен в злоупотреблениях по службе и казнен.

[^^^]

Из-за отсутствия Н. К. Гирса в Петербурге Толстой получил официальное разрешение от исполнявшего обязанности товарища министра иностранных дел А. Г. Жомини. В его письме от 11 мая было сказано, что Толстому разрешено «воспользоваться для исторического труда некоторыми сведениями из секретных бумаг, относящихся ко временам Петра Великого и Анны Иоанновны и хранящихся в Государственном и в Московском главном архиве Министерства иностранных дел» («Красный архив», 1927, т. 3, с. 247). Толстой сам не работал в архиве. По его поручению И. Н. Николев в течение октября 1879 г. изучал необходимые для Толстого материалы и делал выписки.

[^^^]

Письмо от 9 апреля (*Переписка*, т. 2, № 367), в котором Фет высказывал опасение, что в романе «Декабристы» Толстой смотрит на декабристов как на «мечтателей самоотверженных», подобно Герцену (там же, с. 62).

[^^^]

Толстой действительно оставил замысел романа о декабристах и начал работать над романом из времени Петра I, оставшимся также незаконченным.

[^^^]

Фет в то время занимался переводом философского труда Шопенгауэра «Мир как воля и представление».

[^^^]

1728

Толстой провел у Фета 12 июня.

[^^^]

1729

Письмо от 29 июня (*Переписка*, т. 2, № 372).

[^^^]

1730

В. П. Боткин.

[^^^]

1731

Страхов гостил в Кременчуге.

[^^^]

1732

Письмо от 17–18 июля (*Переписка*, т. 2, № 374).

[^^^]

1733

Страхов приехал в Ясную Поляну 6 или 7 августа и пробыл там до 26 августа.

[^^^]

Толстой приехал 27 сентября в Москву, где изучал в Московском архиве Министерства юстиции секретные дела, необходимые ему для задуманного исторического романа. Вернулся в Ясную Поляну 2 октября.

[^^^]

С. А. Толстая 28 сентября писала Т. А. Кузминской: «Я продолжаю так страдать своими зубными и личными болями, что вся моя голова ошалела» (см. т. 83, с. 273).

[^^^]

1736

Ответ на письмо от 14 сентября (ПС, № 122).

[^^^]

В связи с замыслами сочинений на религиозно-нравственные темы Толстой беседовал с религиозным мыслителем Д. А. Хомяковым, с епископом Можайским Алексеем, в прошлом профессором духовной академии А. Ф. Лавровым-Платоновым, с историком русской церкви М. П. Булгаковым (митрополитом Макарием). 1 октября во время посещения Троице-Сергиевой лавры встречался с архимандритом Леонидом. См. письмо 284.

[^^^]

1738

Письмо-исповедь от 17 ноября (ПС, № 127) с откровенными беспощадным анализом собственной личности.

[^^^]

Страхов сообщал, что, «задумавши писать о своей жизни», он испытывает «большие трудности» (там же, с. 238).

[^^^]

1740

См. письмо 368 и примеч. 2 к нему и письмо 369 и примеч. 4 к нему.

[^^^]

1741

См. письмо 367.

[^^^]

Толстой начал писать религиозно-философское сочинение, близкое по жанру и пафосу к «Исповеди». Не закончено и не опубликовано (ГМТ).

[^^^]

1743

Письмо от 19...22 ноября (№ 367). Страхов просил прислать его.

[^^^]

1744

Письмо от 1 декабря (ПС, № 129).

[^^^]

1745

Статья «Об основных понятиях физиологии».

[^^^]

Толстой одновременно писал статьи «Церковь и государство», «Чьи мы, боги или дьяволы?» и др., оставшиеся незаконченными.

[^^^]

Стасов в письме от 5 декабря (*ПСт*, № 11) сообщал, как он, выполняя просьбу Толстого, устроил ряд вечеров с выступлениями олонцкого сказителя былин Василия Петровича Щеголенкова.

[^^^]

18 февраля скончался брат Стасова — Н. В. Стасов.

[^^^]

1749

См. письмо 371 и примеч. 2.

[^^^]

1750

Толстой в Петербурге 22 января виделся с А. А. Толстой, и между ними разгорелся резкий спор по вопросам религии. Толстая была глубоко верующей, сторонницей церковных догматов.

[^^^]

1751

Толстой в Петербурге виделся со Страховым
лишь накоротке в Публичной библиотеке.

[^^^]

Издательская фирма бр. Салаевых в 1880 г. осуществила 4-е Собрание сочинений Толстого в 11-ти томах.

[^^^]

Толстой был занят работой над «Исследованием догматического богословия».

[^^^]

Художник В. В. Верещагин, обиженный тем, что по вине Толстого их встреча в Публичной библиотеке не состоялась, написал ему резкое письмо (не сохранилось).

[^^^]

1755

Стасов не передал содержание письма Верещагину, так как после неприятного разговора с художником, недовольным «инцидентом» с Толстым, поссорился с ним (*ПСт*, письмо 13).

[^^^]

1756

Книга «Александр Андреевич Иванов, его жизнь и переписка. 1806–1858», куда были включены также и воспоминания Стасова.

[^^^]

В Петербурге Толстой виделся со Стасовым в Публичной библиотеке. Содержание разговора неизвестно.

[^^^]

1758

Толстой действительно «бежал» из Петербурга, внезапно уехав 23 января.

[^^^]

Страхов прислал «Новый завет», изданный в 1803 г. немецким богословом Иоганном Гримбахом, сборники «Пословицы русского народа» В. И. Даля и «Загадки русского народа» Д. Н. Садовникова (СПб., 1875).

[^^^]

Тургенев пробыл в Ясной Поляне 2–4 мая. Целью его приезда было передать Толстому приглашение принять участие в торжествах по случаю открытия в Москве памятника Пушкину. Толстой ответил отказом.

[^^^]

Страхов в письме от 30 июня писал Толстому: «Самым важным предметом разговоров, конечно, были вы, и я успел многое сказать ему в эти десять дней. Примирительные речи были вполне удачны, и скоро в них не оказалось никакой надобности; но *учение* передавалось очень плохо» (ПС, с. 257).

[^^^]

1762

Письмо неизвестно.

[^^^]

1763

Письмо неизвестно.

[^^^]

Толстой работал над «Соединением и переводом четырех Евангелий».

[^^^]

«Записки из Мертвого дома» Достоевского.

[^^^]

В письме от 2 ноября Страхов писал: «Видел я Достоевского и передал ему вашу похвалу и любовь. Он очень был обрадован, и я должен был оставить ему листок из вашего письма, заключающий такие дорогие слова. Немножко его задело ваше непочтение к Пушкину, которое тут же выражено («лучше всей нашей литературы, включая Пушкина»), «Как включая?» — спросил он» (ПС, с. 259).

[^^^]

Иван Михайлович Ивакин, который оказывал помощь Толстому в его работе над переводом с греческого Евангелия.

[^^^]

1768

«Об основных понятиях психологии и физиологии»; книга, над которой Страхов начал работать еще в 1878 г.

[^^^]

1769

Письма от второй половины ноября и от 25 декабря (ПС, № 147 и 149).

[^^^]

Фет в то время занимался переводом трагедии Гете «Фауст» (издан в 1882 г., с посвящением С. А. Толстой). Это высказывание Толстого противоречит другим его отзывам о творчестве Гете вообще и «Фаусте» в частности. Так, 9 марта 1865 г. он записал в Дневнике: «Фауст» Гете читал. Поэзия мысли и поэзия, имеющая предметом то, что не может выразить никакое другое искусство».

[^^^]

Предисловие Страхова к книге Шопенгауэра «Мир как воля и представление», перевод А. А. Фета. СПб., 1881. Здесь Страхов утверждал, что труд Шопенгауэра полезен в борьбе с «розовыми мечтаниями», что он на жизнь смотрит «с одним лишь гневом и презрением», в то время как следует смотреть «с любовью и участием».

[^^^]

Сочинение Шопенгауэра «О четвероюлке кор-
не закона достаточного основания» Страхов в
своем предисловии расценивал как одну из
его значительных философских работ, важ-
ных для понимания его системы.

[^^^]

1773

«Соединение и перевод четырех Евангелий».

[^^^]

Письмо от 3 февраля с описанием переживаний и мыслей, вызванных смертью Достоевского (ПС, № 151).

[^^^]

Страхов готовил речь, посвященную памяти Достоевского, которую он должен был произнести в Славянском благотворительном обществе, и просил у Толстого разрешения процитировать его письмо с отзывом о «Записках из Мертвого дома» (см. № 375).

[^^^]

1776

Письмо С. А. Толстой неизвестно. В нем содержалось приглашение Страхову приехать в Ясную Поляну 18 февраля, в день именин Толстого. Это приглашение было им принято.

[^^^]

1777

Страхов предлагал выписать из Публичной библиотеки сочинения Филона, которые просил Толстой (см. письмо 376).

[^^^]

1778

Алексеев.

[^^^]

1779

Настоящее письмо представляет черновик письма, отправленного Александру III, текст которого неизвестен.

[^^^]

Письмо было написано в те дни, когда шел судебный процесс над участниками террористического акта против Александра II А. И. Желябовым, Софьей Перовской, Н. И. Рысаковым, Г. М. Гельфман и другими и ожидался смертный приговор над ними.

[^^^]

Пропуск в рукописи.

[^^^]

1782

Письмо было переслано Страхову для передачи его по назначению (см. письмо 380).

[^^^]

1783

См. письмо 378 и примеч. 2 к нему.

[^^^]

Письмо было вручено Страховым Победоносцеву, который отказался передать его царю. Узнав о том, что это письмо дошло до царя (см. примеч. 3 к письму 380), Победоносцев опасался его влияния на Александра III. В письме от 30 марта к царю он от имени «всего русского народа» требовал возмездия: «Люди так развратились в мыслях, что иные считают возможным избавление осужденных преступников от смертной казни. Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить вашему величеству извращенные мысли и убедить вас к помилованию преступников» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки», т. 1. Госиздат, 1923, с. 47–48).

Толстому Победоносцев 15 июня писал: «...прочитав письмо Ваше, я увидел, что Ваша вера одна, а моя и церковная другая, и что наш Христос — не Ваш Христос. Своего я знаю мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в Вашем показали мне черты расслабленного, который сам требует исцеления.

Вот почему я по своей вере не мог исполнить Ваше поручение» (П. И. Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, т. II. ГИЗ, 1923, с. 176–177).

[^^^]

1785

См. ПИСЬМО 378.

[^^^]

1786

Письмо к Победоносцеву (см. письмо 379).

[^^^]

После того как Победоносцев отказался вручить письмо царю, Страхов через профессора истории К. Н. Бестужева-Рюмина передал его великому князю Сергею Александровичу, который и вручил письмо царю. Александр III Толстому не ответил. По словам С. А. Толстой, царь «велел сказать графу Льву Николаевичу Толстому, что, если б покушение было на него самого, он мог бы помиловать, но убийц отца он не имеет права простить» (С. А. Толстая. Моя жизнь. — «Новый мир», 1978, № 8, с. 56).

[^^^]

К этому письму С. А. Толстой была сделана приписка с просьбой к Страхову спросить «мнение Победоносцева, не может ли это письмо (то есть письмо Александру III. — С. Р.) вызвать в государе какие-нибудь неприятные чувства или недоброжелательство к Льву Николаевичу. В таком случае, — просила она, — ради бога, не допускайте письмо до государя» (т. 63, с. 60).

[^^^]

Речь идет о цикле «Письма о нигилизме» («Русь», 1881, № 23 — первое письмо, № 24 — второе). В первых двух письмах Страхов подверг резкой критике революционеров-народников. См. письмо 382 и примеч. 1 к нему.

[^^^]

В двух последних «Письмах о нигилизме» («Русь». № 25 и 27) Страхов критиковал политику правящих классов и нравственное состояние современного общества и признал, что «нигилисты — страдальцы», что они «берут на себя роль заботы о мужике и земле». См. письма 381 и 383.

[^^^]

Пolemическое замечание Толстого относится к двум последним выступлениям Аксакова. Его статья «Две реальные исторические силы: царь и народ» («Русь», 1881, 14 марта) и речь на панихиде по Александру II (там же, 28 марта) отличались крайним монархизмом, апологией русского самодержавия.

[^^^]

Ответ Страхова на письмо Толстого от 26 (?) мая (см. № 382) неизвестен.

[^^^]

1793

События из современной Толстому уголовной хроники.

[^^^]

В. А. Осинский, революционер-народник, казненный 14 мая 1879 г. за участие в народническом движении.

[^^^]

1795

Письмо не было отправлено, очевидно, из-за полемического его содержания.

[^^^]

10 июня Толстой вместе со своим слугой С. П. Арбузовым и учителем Яснополянской школы Д. Ф. Виноградовым отправился пешком в Оптину пустынь. В г. Крапивна они останавливались на ночлег.

[^^^]

1797

Тургенев 6 июня приезжал в Ясную Поляну.

[^^^]

1798

Имеется в виду ссора 1861 года и последовавший за ней 17-летний перерыв в отношениях.

[^^^]

1799

Путешествие в Оптину пустынь (см. письмо 384).

[^^^]

1800

Толстой осуществил свое намерение: 9 и 10 июля провел у Тургенева в Спасском.

[^^^]

Полонским.

[^^^]

1802

Письмо неизвестно.

[^^^]

1803

В Канзасе (США) находилась коммуна, организованная русскими эмигрантами, членом которой был В. И. Алексеев.

[^^^]

Н. Ф. Федоров, своеобразный мыслитель, создатель утопической философской системы, согласно которой путь к превращению «небратской» жизни в «братскую» — в объединении человечества «общим делом» «воскрешения» предков, «отцов», уничтожения смерти. Толстой познакомился с ним в 1878 г. Федоров бывал у Толстого, виделись они и в библиотеке, где служил Федоров. В 1892 г. между ними из-за идейных разногласий произошел разрыв. Толстому импонировала личность Федорова, его аскетизм, отказ от всех мирских благ, но он не принимал патриархально-консервативной утопии Федорова, его монархизма, равнодушия к жгучим общественным проблемам, а также религиозно-мистический характер его учения. Федоров находился в оппозиции к социально-обличительным идеям Толстого и в своих трудах подвергал их резкой и по существу несостоятельной критике.

С. Г. Нечаев — организатор террористического общества «Народная расправа».

[^^^]

1806

Философ В. С. Соловьев.

[^^^]

В. К. Сютаев — крестьянин, проповедовавший самобытное религиозное оппозиционное учение, к которому Толстой относился сочувственно. Толстой посетил Сютаева, жившего в деревне Шевелино Тверской губ., в конце сентября 1881 г.

[^^^]

1808

«Краткое изложение Евангелия» (вышло в Женеве в 1890 г.).

[^^^]

Толстой писал рассказ «Чем люди живы». См. письмо 388.

[^^^]

1810

Письмо от 19 октября (ПС, № 166).

[^^^]

1811

«Чем люди живы» (опубл. — «Детский отдых»,
1881, № 12).

[^^^]

1812

Алексей.

[^^^]

Речь идет о начале главы XI рассказа «Чем люди живы», которое Толстым в корректуре пять раз исправлялось, Толстой больше не правил текст.

[^^^]